АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2009

Мемориальный центр
истории политических репрессий
«Пермь-36»

АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(ноябрь 2008)

ВРЕМЯ «ВЕСЕЛОГО СОЛДАТА»: ЦЕННОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО ОБЩЕСТВА И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Пермь 2009

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8
А 91

В книгу вошли материалы Астафьевских чтений, которые состоялись в Перми и Чусовом в 2008 году. Доклады и сообщения, прозвучавшие в рамках чтений на четырех секциях, представлены в соответствии с их проблемной тематикой. Издание осуществлено при поддержке министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края.

ISBN 978-5-88187-365-3

© Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», составление, оформление, 2009

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

РУКОВОДИТЕЛИ

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Ю. Г. БОБКОВА

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

В. А. ЗУБКОВ

А. Г. Байбородин

писатель, г. Иркутск

О ПАМЯТНИКЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тезисы выступления на торжественном открытии (пленарном заседании) Гражданских чтений памяти Виктора Астафьева

Литература как художественное слово была изначальна, первоисточна перед другими искусствами («В начале было Слово...»), литература была до нынешних лихих времен основой всех искусств. В основе абсолютного большинства выдающихся музыкальных, живописных произведений – художественная литература, не говоря уже о театре и кино, которые без литературы ничто.

До нынешних горьких для русской словесности времен художественная литература и занимала главенствующее положение среди искусств. Это было заложено и в государственную политику страны в области культуры и искусства. Ныне же литературу государственная политика отправила на задворки искусств, отдав предпочтение зрелищным шоу, да еще и, сплошь и рядом, самого низкого пошиба.

Серьезная, талантливая литература (не порнуха и чернуха) по духовному, эмоциональному, интеллектуальному воздей-

ствию на человека значительно превосходит зрелищные искусства, ибо наедине с книгой читатель становится соавтором писателя, размышляя над главами, ассоциативно сопоставляя текст со своей судьбой, со своими мыслями и переживаниями. При чтении можно остановиться, задуматься, оглянуться на собственную жизнь. Чтение высокохудожественной литературы не только воспитывает духовно и нравственно, но и учит мудрой, образной речи, а это при любой профессии нелишне. К тому же именно при чтении включаются одновременно разные виды памяти: механическая, зрительная, изобразительная и звуковая. Вспомним произведение китайского писателя «Упорный Юн Су», которое раньше изучали в младших классах. Герой рассказа, бедный мальчик, страстно хочет выучить азбуку, чтобы читать книги. Хозяин запрещает ему учиться, и Юн Су в лунные ночи приходит к океану, где и учится писать. Несмотря на жестокие наказания, малый научился читать и писать и вырос в большого писателя.

Еще недавно книги и журналы зачитывались до дыр. За новыми произведениями писателей охотились, писателям внимала вся страна, когда шли двухчасовые беседы в Останкинской телестудии. А ныне...

В. П. Астафьев на одной из читательских конференций, в которой и мне посчастливилось участвовать, сказал с горечью свойственным ему народным словом: «Если русская литература в нынешнем XXI веке выживет, выстоит вопреки власти, то ей надо поставить памятник – величавую скульптурную композицию: изможденный писатель, которого подпирают две заморенные бабоньки – библиотекарь и учитель литературы».

Так вот, я предлагаю от имени всех участников Гражданских чтений памяти Виктора Астафьева выступить с инициативой создания памятника РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ – скульптурной композиции, какой ее видел Астафьев, – памятника, который поднялся бы на Урале, а потом и в других губерниях России.

СЛОВО О РУССКОМ СЛОВЕ

Слово у христиан – Бог. «...В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». *Язык* у русских встарь – народ («...с нами Бог, разумейте, языцы, и покоряйтеся!..»), а пото-

му без слова, обереженного в исконной и самобытной красе и любомудрии, нет в языце (народе) Бога, нет и самого народа. Вот отчего мы, русские, и всполошились: в былой ли Божией силе родная речь, а значит и сам народ?! А бывало, похвалялись: «Мощь и величие русского языка являются неоспоримым свидетельством великих жизненных сил русского народа, его оригинальной и высокой национальной культуры и его великой и славной исторической судьбы. Русский язык единодушно всеми признается великим языком великого народа». Так в назидание потомкам написал академик Виноградов, верно и любовно служивший русской речи.

Величайший художник всех времен и народов напишет гениальный пейзаж – летнюю природу, но лишь робко коснется душой и живописным даром таинства природы, сама же природа – Творение Божие, – будучи во сто крат гениальнее самого гениального рукотворного пейзажа, останется не вмещающейся в земную душу, неизъяснимой тайной. Вот и двухтысячелетняя русская народная (суть крестьянская) языковая стихия, воплощенная в устном поэтическом слове – в былине и песне, житийном мифе и заговорной молитовке, причитании и сказке, бывальщине и быличке, в кружевном речении, в пословице и поговорке, – всегда будет неизмеримо гениальнее самой гениальной стилистики самого великого книжного поэта. Как беспомощны краски перед природой – бледные и бедные, так бессильно и книжное слово перед исконным крестьянским – серое и квелое. Недаром чародей поэтической речи, хороводно сплётший устное и письменное слово, выдающийся русский писатель Борис Шергин с грустью записал в памятке: «Русское слово в книге молчит... Напоминают ли нам о цветущих лугах засушенные меж бумажных листов цветы?..»

Некогда писал я в очерке о Сергее Есенине: «...Тускнеет книжная поэзия, даже пушкинская, пред мудрым крестьянским словом, кружевным, резным, молвленным ли былинщиком у русской печи при лучинушке, вопленным ли плачеей на свадьбе, похоронах или проводах рекрутов, спетом ли в застолье, в хороводе. Не все они – сказители, певни, плакальщицы-вопленицы – были ровни по духовной силе и красе слова, но и великих рожала земля русская. Вспомним и Киршу Данилова, и сказителей Рябининых, и плачею Арину Федосову, и сказочницу-былинщицу Марью Кривополенову, за малый рост прозванную Махоней, и даже нашего присаянского земляка Соро-

ковикова-Магая. Их поэзию не вместить в книги, сколько бы ни издавалось их на Руси, как сроду не вместить в альбомы все красоты русские. Но вот, скажем, "Причитания Северного края" Ирины Федосовой, напечатанные в трех томах (1872–1875), получили всесветную славу. Об этой книге писали статьи знаменитые ученые академики Л. Н. Майков и А. Н. Веселовский. Ее поэмы-плачи звучали на больших заседаниях в Российской академии наук, в Русском географическом обществе, в Археологическом институте, на вечерах у графа Шереметьева и Победоносцева. Ирину Андреевну слушали, читали, с восторженным удивлением писали о ее поэмах-плачах и Некрасов, и Римский-Корсаков, и Балакирев, и Шаляпин, и Пришвин, и Твардовский, и даже Горький, не привечавший русского крестьянства; мало того, они и в своем творчестве вдохновлялись поэзией деревенской бабы, которая не знала книжной грамоты и долго бродила по родимой земле с нищенской котомой и певучей причетью. Некрасов один из плачей Ирины Федосовой ввел в поэму "Кому на Руси жить хорошо"».

«Выскажу убеждение свое прямо: словесная речь человека – это дар Божий, откровение; доколе человек живет в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашел, она проста, прямa и сильна; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничается, речь эта принимает более искусственную постройку, в общежитии пошлеет, а в научном круге получает особое, условное значение» – так полагал великий труженик русской речи Владимир Даль. Продолжая выстраданную мысль, можно сказать, что дворянство *(перчаточное сословие,* по едкому определению Даля), потом интеллигенция разучились или не научились беседовать с простым народом, красно и мудро вести речь на исконном русском наречии, похожем на летний луг в чудных цветах пословиц, поговорок, присловий, прибауток. Мы – *гнилая интеллигенция*, как испокон веку морщатся деревенские, – отвадились *красно баить,* балагурить, судачить, и простонародье перестало нас понимать и привечать. А если *деревенские* сочинители начинают живописать, щедро сея в сказовую ниву народные говоры, наша *просвещенная* критика, язвительно скривив рот, усмехается, ухмыляется в нафабренные и надушенные усы: мол, *щедровитый, красовитый* – так болтает лишь выжившее из ума, замшелое деревенское старичье на завалинке, а сельский молодняк давно уже говорит как в городе.

Хотя веками властвовавшая в России русская речь сокрушала простонародный язык, давая лишь малые послабления для именитой «деревенской прозы» – Астафьева, Белова, Распутина, Личутина, но лихо еще и то, что, не сознавая, подсобляли сокрушителям языка и «асфальтовые» русские националисты из влиятельных писателей, издателей и редакторов, исподволь отвергая в русском языке простонародный дух, простонародную плоть, навязывая усредненный, выхолощенный либо искусственно метафорический книжный язык.

Но слава богу, как писал Валентин Распутин, «пока громыхают дискуссии о языке, о том, пущать или не пущать народный говор в литературу и жизнь, народ говорит. И спасибо ему, что, не зная о дискуссиях и не читая книг о народной якобы жизни, написанных словами, близкими к эсперанто, он говорит, сохраняя свой великий и могучий, точный и меткий, гибкий и крепкий, не требующий пояснений к слову язык».

Крестьяне выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни. Вспомним глаголы вечной жизни: *Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огнь вметаемо»* или *Его же лопата в руце Его, и отеребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неугасающим.* Вспомним и притчу о сеятеле зерна – Слова Божия: *Се изыде сеятель, да сеет... И сеющу, однова падоша при пути, и прийдоша птицы и позобаша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли многи, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнце же взсиявша, привянувши: и не имаху корения, изсохша. Другая же падоша в тернии, и взыде терние, и подави их. Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод...*

Робевший перед величием народной речи Александр Куприн возмущался: «Было время, когда я слышал, как в городах и селах русские, наученные заморскими бродягами, с презрением говорили, что русский язык есть язык холопский, что образованному человеку совестно читать и писать по-русски, что наши песни, сказки и предания глупы, пошлы и суть достояние подлого простого народа, деревенских мужиков и баб, что наша народная одежа (повязка, кокошник, сарафан и кафтан) заклей-

мены презрением, осуждены Европой на изгнание и носят на себе отпечаток холопства, вынесенного из Азии».

Воистину, не понимали народную речь (а с ней и народную душу) и дворяне с разночинцами, и нынешняя *образованщина,* даже в классических университетах изучавшая русский язык и стилистику. (В словарях и учебниках, по которым они *проходили* или *пробегали* русский язык, мудрая, звучная и живописная простонародная речь именовалась грубо-просторечной, лексически сниженной.)

Разумеется, в сравнении со стародворянской, хотя и не русской по духу и узору, но по-французски утонченной, в сравнении с книжно-разночинной нынешняя ходовая устная и письменная русская речь похожа на серый железобетонный дом с крикливыми щитами рекламы на *ломаном* английском языке. «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, – значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус, – возмущался даже Виссарион Белинский, которого уж никак не обвинишь в славянофильстве и русопятстве. – Так, например, ничего не может быть нелепее и диче, как употребление слова *утрировать* вместо *преувеличивать*».

Мы вроде стесняемся перед Европой и Америкой своего родного языка, как и народной культуры, пялим на широкую русскую кость аглицкие панталоны, а штаны заморские трещат по швам. Пристрастие русской поросли к английскому языку и англоязычной культуре – признак яремного, колониального, холопского сознания.

Неистовый поборник древлеотеческой веры, опальный протопоп Аввакум в огненных письменах царю Алексею Михайловичу скорбел по исконному народному языку: «Уж вы читающие, слушающие не позазрите просторечию моему, понеже люблю свой русский природный язык, виршами философскими не обык речи красить».

А уж как страдал и печалился о русской речи, засоренной чужебесной тарабарщиной, Владимир Даль, великий знаток народной языковой вселенной: «Смесь нижегородского с французским (ныне английским. – *А. Б.*) была мне ненавистна по природе...»

И чего уж нам пресмыкаться, выстилаться перед тем же английским языком, если, как поведал Гавриил Державин, «славяно-российский язык, по свидетельству самих иностранных эстетиков, не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавно-

сти греческому, превосходя все европейские...». Пристрастие к чужеземной речи (французской, английской) – это беда и холопского сознания, и оторванной от народной мудрости *образованщины*: в XIX веке западнической книжной просвещенности, а в прошлом и нынешнем – *голубоэкранной* порчи. Кстати, по поводу космополитической *просвещенности* с горькой иронией писал Александр Пушкин еще в стародавние времена:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Мудрость и красота речи – в умении мастерски расцветить ее метким, образным словом, народным речением, пословицами и поговорками, которые шлифовались веками. Не все пословицы и поговорки, разумеется, являют собой образцы высокой христианской духовности, но они запечатлели живую и верную, яркую картину народной психологии, отобразили и противоречивость русского характера, вмещающего в себя непостижимую миру, самоотрешенную любовь к Богу и ближнему и одновременно отчаянные, безрассудные языческие страсти. Есть там и Христова Церковь, и бесовский кабак... Пословицы и поговорки разом выказали эти, порой взаимоисключающие, стороны русского характера, противостоящие народные типы. *Без Бога ни до порога*; *Бог не захочет, и прыщ не вскочит*. И в то же время: *На Бога надейся, да сам не плошай; Гром не грянет, мужик не перекрестится,* а то и похлеще: *Украл да продал – Бог подал; Господи, прости, в чужую клеть пусти, подсоби нагрести и вынести; Не убьешь, не украдешь – не будешь богат, а будешь горбат.*

Русские пословицы и поговорки собирали, записывали М. Ломоносов, А. Пушкин, А. Добролюбов, А. Кольцов, Н. Гоголь, А. Островский, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, М. Горький. Но ничто не сравнится с великим трудом, народным подвигом, что совершил ученый-диалектолог, этнограф и писатель Владимир Даль (Казак Луганский), за несколько десятилетий собравший более 30 тысяч пословиц и поговорок, метких слов и присловий, расписавший их в строгую тематическую систему. Нельзя забывать, что народовед одновременно трудился и над многотомным «Словарем живого великорусского языка».

Благословил и вдохновил Владимира Даля на создание сборника «Пословицы русского народа» (да и «Толкового сло-

варя живого великорусского языка») Александр Пушкин, любивший русскую пословицу не менее сказки. Владимир Даль вспоминал: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладой он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений, – я не раз бывал свидетелем».

П. И. Бартенев в «Рассказах о Пушкине» писал: «За словарь свой Даль принялся по настоянию Пушкина». А в статье, посвященной памяти Даля, Бартенев подтвердил: «Сближение с Жуковским, а через него с Пушкиным утвердило Даля в мысли собрать словарь живого народного русского языка. В особенности Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним его собрание и пополнял своими сообщениями». Во время одной из встреч с Владимиром Далем Александр Пушкин воскликнул с восторгом и горечью: «Сказка сказкой, а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?.. Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет». Пушкин не скромничал, горько исповедался, поклонно опустив голову перед величием народной поэзии, хотя и гений-то пушкинский, чудо его неизъяснимое, перво-наперво в том, что он, дворянин, казалось бы взросший на английских и французских романах, сумел (поклон Арине Родионовне) пробиться к народно-православному духу и крестьянскому слову и тем самым воспарил, воцарил над поэтами «золотого века», коих Господь тоже не обделил талантами.

Нелегкой была судьба «Пословиц русского народа», собранных, обработанных и тематически обустроенных Владимиром Далем. С добрым вниманием, глубоким интересом следили за его титаническим трудом писатели, критики, скажем, славянофильского крыла русской общественной мысли. «Греч и Пушкин горячо поддерживали это направление мое, – вспоминал ученый, – также Гоголь, Хомяков, Киреевские, Погодин; Жуковский был как бы равнодушнее к этому и боялся мужичества». Сложнее было отношение к сборнику Даля со стороны *многоученого сословия* – чопорных академиков и самого императорского двора, – испугавшегося *деревенской теми и мужичества,*

не воспринявшего правду о народе русском, пусть даже в его мучительном противоречии христианского и языческого.

Если академик Востоков, в целом одобрив сборник, сомневался в необходимости включать в него пословицы и поговорки на религиозные темы, то протоиерей академик Кочетов резко осудил труд Даля и выступил против его публикации. Кочетов считал, что «памятник мудрости народной» должен явиться драгоценным подарком русскому народу, преподнесенным человеком, «обращающимся в лучшем обществе», «знающим светские приличия», а сборник Даля «чуждый отбора и порядка; в нем есть места, способные оскорбить религиозные чувства читателей; есть изречения, опасные для нравственности народной». Это «бочка меду да ложка дегтю», «куль муки да щепотка мышьяку», вздыхал академик Кочетов и пояснял свою скорбь: «Нет сомнения, что все эти выражения употреблялись в народе, но народ глуп и болтает всякий вздор».

Российские деятели из просвещенного общества пытались загнать русское простонародье в ложе своих идеологий: правящей православно-монархической верхушке хотелось видеть его лишь в смиренных крестьянских трудах от темна до темна, в домостроительстве и молитвах, либералам же потребен был народ безбожный и бунтующий. Но русскому простонародью и то и другое идеологическое ложе оказалось узким – народ был сложнее, загадочнее и, к сожалению, духовно противоречивее. Отчего и рождались в нашем отечестве великие и кровавые смуты и духовные трагедии. И это правда, от которой не откреститься крестом, не отбиться пестом.

Вот Даль в «Пословицах русского народа» и показал полную, неискаженную картину народного мировоззрения в противоречии христианского и суеверно-языческого, духовного и хозяйственно-материалистического. Он в «Напутном слове» и укоряет, обращаясь к себе: «Кто дал тебе право выбирать и браковать? Где предел этой разборчивости? Ведь ты набираешь не *цветник,* а *сборник...»* Хотя, тем не менее, подчеркивал, что набожность – православность – основная черта русского человека (суть, крестьянина, который составлял в далевскую пору более 90 процентов населения России), да еще и такая порой даже фанатичная, доходящая до юродивости, но ласковая, теплая набожность, какая и не снилась европейским народам, а суеверно-языческое есть лишь побочное и грешное в русском характере. Но ведь один Бог без греха...

Ю. Г. Бобкова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка ПГПУ, г. Пермь

ВРЕМЯ И ВРЕМЕНА В «ЗАТЕСЯХ» В. П. АСТАФЬЕВА

Время есть древнейшая, определяющая константа человеческого бытия и сознания, фундаментальная категория философии. В личностном же сознании время приобретает специфическое осмысление, и особенно ярко индивидуальный характер темпоральных представлений проявляется в творчестве писателя – как знаки субъективно воспринятого (психологического) времени. В нашей работе рассматривается репертуар средств лексического выражения времени в «Затесях» В. П. Астафьева, проводится анализ использования темпоральной лексики и ее эстетической трансформации, выявляются приемы авторской деформации обозначений потока времени.

Язык для выражения категории времени, за которой стоит всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире, имеет разнообразные средства. К ним относятся номинации отрезков временного континуума, слова-идентификаторы длительности события, идентификаторы возраста субъекта, слова – временные разграничители (типа *поздно, рано*), средства локализации события (по отношению к моменту речи или к другому событию), маркеры однократности-неоднократности события, указатели временного интервала между событиями, показатели фазы действия, определители темпорального качества вещей (слова типа *старый – новый*)[1]. Будучи представлением нереферентным, неденотативным, время в языке может быть отражено прежде всего метафорически, как материальное. В астафьевской картине мира «материальность» времени широка: время динамично и статично, время не только движется подобно человеку, животному, транспортному средству, но и останавливается:

[1] *Гак В. Г.* Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 122–123; *Игумнов В. П.* Структура парадигмы лексико-семантических средств означивания времени // Homo Loquens. Вопросы лингвистики и транслятологии. Волгоград, 2003. Вып. 1. С. 16–20.

«В заглохшей избе, кинутой как будто при пожаре или при отступлении в войну... время... остановилось»[2] («Хреновина»). Время, по В. П. Астафьеву, это активный деятель, оказывающий влияние на человека или плоды его трудов: время *«работает, притушает природную широту души, в умственность человека подвигает»*[3] («Поэты поют»). Более того, время может вынести вердикт человеку: *«Время-то, время что делает! Какой оно неумолимый и беспощадный судья!»*[4] («Стоящая надпись»). В своей способности воздействовать на природу и человека время подобно человеку, природным явлениям и высшей силе, а потому не только карает, но и благодетельствует: *«Время, тлен, плуг пахаря и рука сеятеля все сделали для того, чтобы упрятать смерть в землю»*[5] *(«Поросли окопы травой»); «Напротив села, на скале, обкатанной дождями и временем, похожей на запекшийся кулич, чуть ниже гор и отрогов скал, отдалясь, скорее, отскочив от прибрежного леса, растет береза»*[6] («Свеча над Енисеем»); *«И до "принцесс" ли мне, седому и старому, – просто Бог и время подарили мне красивую мечту»*[7] («Блажь»). Время и времена, как человек и люди, бывают не только *злыми, хвастливыми и пустобрешными*, но и *старыми, добрыми*. Время есть само бытие человека, овеществленное в культурной памяти слова: *«...блестело слово "Мультатули", как бессмертное дыхание неугасающего, хоть и умолкшего времени»*[8] («Мультатули»). И это бытие человека несоизмеримо с бытием мира: *«Зима, погрузившаяся в снега, небо над нею, острыми ресницами звезд проколотое, знают и не знают времени»*[9] («Ночное пространство»). В астафьевском оксюмороне *знать и не знать времени* заложена идея антонимической соотносительности: с одной стороны – *вневременного, вечного*, с другой – *временного, конкретно-человеческого линейного времени* и вместе с ним *циклического времени земли*.

---

[2] *Астафьев В. П.* Затеси. Красноярск: Вся Сибирь; Красноярское кн. изд-во, 2003. С. 228.

[3] Там же. С. 340.

[4] Там же. С. 240.

[5] Там же. С. 422.

[6] Там же. С. 486.

[7] Там же. С. 338.

[8] Там же. С. 398.

[9] Там же. С. 495.

В астафьевских «Затесях» время предстает неоднородным. Его можно рассматривать как воплощение нескольких концепций времени[10].

Как известно, исходной, мифологической концепцией времени была идея циклического времени. Соответственно ей в языке отложено представление о неизменности повторяющихся периодов, которые происходят на определенных участках временного пространства: *время* (*зима, лето, год*) *приходит* и *уходит*. В дальнейшем происходит смена представления о циклическом характере времени на линейный: время истолковывается как необратимый и сплошной (без разрывов) процесс, в котором выделяется «начало» и «конец» жизненного цикла (человека, мира). Соответственно нами выделяются основные смысловые зоны поля темпоральности – «Циклическое время», «Линейное время».

Кроме того, специально исследуется астафьевское воплощение собственно мифологических аспектов времени – время-вечность и время как начало начал. И то и другое время, поскольку они не могут переживаться человеком, умозрительно представляются как сближенные с Богом сущности. При этом начальное время (правремя, первовремя) есть момент первотворения мира – вечность, обращенная в прошлое, а вечность выступает как остановленное время, соотнесенное с концом и направленное в будущее.

Вне специального рассмотрения в нашей работе остается «Социальное время» у В. П. Астафьева. В «Затесях» отмечен большой пласт языковых средств, которые содержат авторские оценки войн, репрессий, советской истории XX века (*8 Марта, 1 Мая, 7 ноября, День Парижской коммуны, День Конституции, именины Сталина, Молотова, вождь мирового пролетариата*, *Брежнев, Сталин*). В основе характеристики современной писателю истории, как нам представляется, лежит не принцип одухотворенного переживания идей времени, характерный для Астафьева-художника, а идея обессмысливания мира, разрушительного воздействия на него идеологических социальных мифов, не вписанных в национальную память, культурную традицию народа.

---

[10] Лексика с временной семантикой в нашей работе рассматривается как поле темпоральности, состоящее из смысловых зон (ассоциативно-семантических подполей), которые формируются собственными номинативными и ассоциативно-образными средствами.

Итак, в «Затесях» В. П. Астафьева выделяются четыре смысловые зоны поля темпоральности: «Циклическое время» (идея неизменности повторяющихся периодов), «Линейное время» (идея необратимого, сплошного процесса изменений, имеющего начало и конец), «Первовремя» (идея начала начал), «Древнее, вечное» (идеи древнего как вечного и вечного как Божественного). О значимости представлений о первовремени и древнем, вечном в картине мира В. П. Астафьева свидетельствует их оформление в сильных текстовых позициях – в заглавиях конкретных текстов («Хлебозары», «Благоговение», «Древнее, вечное») и циклов текстов «Благоговение», «Древнее, вечное».

Смысловая зона «Циклическое время» отражает идею регулярности, предсказуемости изменений, согласно которым природный, вегетативный и трудовой циклы вписаны в замкнутый круг и переживаются человеком как чередование физической и духовной активности.

К основным средствам актуализации идеи замкнутого времени в «Затесях» В. П. Астафьева относятся слова семантических микрополей «Годичный цикл» (*лето, предосенье, ранняя осень*) и «Суточный цикл» (*сумерки, утро, день, полдень*), перифразы (*зимняя пора, до зимних заметей, до первого листа),* фразеологизмы, стершиеся и обновленные метафоры (*бабье лето; на исходе лета, лето ушло за середину)*[11] («Синий свет»).

В целом для передачи идеи циклического времени В. П. Астафьев использует языковые средства литературного языка. Обращение к диалектным словам имеет место в прямой либо в косвенной речи: *веснусь* ранней весной, до половодья: *«Река Вожга и невелика у нас, да шибко рыбна. Зимой налим в деряжнинские перекаты на икромет приходит, судак тут охотничат, веснусь мелочь соберется – аж вода кипит, после ледохода, ближе к теплу, жалует икряная царица наших вод – нельма»*[12] («Не запрягайте женщин в плуг»). Акцент на таких отрезках весеннего времени значим: в народном календаре они имеют свою прагматическую сущность и мифопоэтическую нагруженность. Кроме того, диалектные слова имеют сему «повторяемость», важнейшую для идеи бесконечного движения

[11] *Астафьев В. П.* Затеси. С. 38.

[12] Там же. С. 101.

времени: ср. *осенесь* (перм.) в значении «той, прошлой осенью»[13], аналогичны и значения слов *зимусь, летось.*

Циклическое время в астафьевских «Затесях» – это не всегда «чистое» время. Для писателя чрезвычайно важны моменты переходов от одного времени к другому. Так, *предосенье* – это лето, переходящее в осень; *зазимок* – это маркер весны, имеющий связь с зимой; *предзимье* – это осень, близкая к зиме. Большой корпус единиц с семантикой переходного времени свидетельствует о важности моментов переходов-включений для Астафьева-художника: *«Можно смотреть, смотреть и каждую минуту замечать вокруг в природе перемены и ощущать вместе с нею чуткое, в ночь переходящее завечерье»*[14] («Гемофилия»). Внимание В. П. Астафьева к переходному времени проясняется при обращении писателя к хрононимам *Вербное воскресенье*, *Ильин день, Сретенье, Прощеный день*, *Троица* как знакам «межевых дней»[15] (в терминологии Н. И. Толстого). Эти номинации не только предстают как единицы измерения времени, но и указывают на значимость того или иного праздника в традиционной культуре – развертывая описание ритуальности этих праздников, писатель воспроизводит идею сакральности перехода от одного времени к другому. При этом хрононимы *Прощеный день* (день, заканчивающий Масленицу, канун Великого поста) и *Вербное воскресенье* (неделя перед Пасхой) использованы В. П. Астафьевым ненормативно – как дни поминовения умерших – и становятся символом выделенного из обыденности времени, открытого для установления межпространственных и межвременных связей.

Традиционными нефиксированными хрононимами являются номинации *время цветения ржи, половодье, время возвращения коров* и др., в которых отражены обрядовая, бытовая, производственная, фольклорная традиции русского народа.

Наиболее продуктивное средство представления идеи циклического времени – применение метафорической лекси-

---

[13] СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь: Книжный мир, 2000–2002. Вып. 1–2; *Гак В. Г.* Пространство времени. С. 48.

[14] *Астафьев В. П.* Затеси. С. 438.

[15] *Толстой Н. И.* Времени магический круг (по представлениям славян) // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 20.

ки. Общей метафорой для номинативных единиц с семантикой циклического времени являются стершиеся и обновленные метафоры ходьбы, течения, полета: *«Всю зиму гуляло по чердаку... пряное лето»*[16] («Родные березы»); *«...скоротечен зимний вечер»*[17] («Ночное пространство»); *«...на самом взлете утра»*[18] («Весенний остров»). Частные метафоры разнообразны и вскрывают основные уподобления времени природы разнообразным действиям человека (*«сумерки окутали тайгу», «в заре... разомлелой от... полнокровия»*[19] – «Хлебозары»), рельефу местности (*«ночь перевалили»*[20] – «Ночное пространство»), растениям (*«тюльпаном стала набухать утренняя заря»*[21] – «Одинокий парус»), предметам (*«...разломится зима пополам, и солнце повернет на весну»*[22] – «Сережки») и др. Эти метафоры создаются писателем по известным в народной речи аналогиям, имеют древнейшую мифологическую основу, тяготеют к традиционной русской символике, что позволяет говорить о них как о концептуальных, архетипических.

Мифопоэтический аспект метафор циклического времени проясняется через традиционное осмысление разных временных циклов как изоморфных этапам человеческой жизни. Например, метафорическое уподобление вечера деду (*«Вечер казался Галке дедом, тихим, бородатым и молчаливым, он курил трубку за горой, и оттого небо было там красное. Он шевелил бородой, почесывался, и оттого колыхались тени скал в воде и шелестел осинник по горам»*[23] – «Песнопевица») и осени вдове (*«Сразу во всей красе увядания расстелилась понизу осенняя смиренная тундра, всегда мне напоминающая молодую солдатскую вдову, только-только вкусившую ласкового любовного тепла, радости цветения, порой даже и не отплодоносив, вынужденную увядать, прощаться с добрым теплом и ласковым летом»*[24] – «Кетский сон»). С помощью этих мета-

---

[16] *Астафьев В. П.* Затеси. С. 14.
[17] Там же. С. 495.
[18] Там же. С. 20.
[19] Там же. С. 10.
[20] Там же. С. 496.
[21] Там же. С. 89.
[22] Там же. С. 17.
[23] Там же. С. 74.
[24] Там же. С. 646.

фор передается идея включенности человека в природный временной цикл.

Переживание сакральных феноменов – постоянно возобновляющихся в природе стадий рождения, жизненной активности, увядания и смерти – свидетельствует об их чрезвычайной устойчивости в картине мира В. П. Астафьева, а также о высокой авторской оценке традиционной культуры, в которой эти представления сложились.

Смысловая зона «Линейное время» отражает представление о том, что жизнь мира имеет начало и конец, линеарно развивается в одном направлении. Наиболее наглядно концепция линейного времени представлена в наименованиях возрастных периодов жизни человека (детство, молодость, старость). Эта зона формируется и относительно автономными номинативными средствами – номинациями с экзистенциальной семантикой (начала, продолжения и конца линейного времени): *рождение, начало, исток, жизнь* – «время жизни» и «период жизни», *смерть, конец*.

Воплощая идеи линейного времени как способа экзистенции, Астафьев активно пользуется инверсированием – представлением природного мира (растений, воды, земли) как мира, организованного по законам человеческой жизни. Это позволяет писателю подчеркнуть беззащитность природы, ее женское, рождающее начало и мудрость: *«Озеро уже распеленалось совсем»; «...выкатывались из сдвоенного листа рябенькие кукушкины слезки, робко и просительно открывая ротик, обмотанный молочной пеной»*[25] (метафоры детства; «Видение»), *«...и березки, и осины не оголились до боязливой наготы, не пригнули стыдливо колен... еще и любовно оплеснутые их живительной водой багряно горят голубичником холмики, сплошь похожие на молодые женские груди...»*[26] (женские соматические метафоры; «Кетский сон»); *«И отчего разом так мудро поседели хлебные поля»; «...старый мерин, блюдя какой-то там неведомый закон или зов природы, взял на себя семейные и отцовские заботы»*[27] (метафоры старости и социального статуса; «Хлебозары»; «Древнее, вечное»).

Продуктивность номинаций линейного времени в позиции метафорических сдвигов обусловлена «антропокосмизмом»

---

[25] Там же. С. 60.

[26] Там же. С. 647.

[27] Там же. С. 11, 258.

В. П. Астафьева, но в целом вполне укладывается в традиционное для русской культуры доминирование циклического характера времени вообще – собственно циклического и линейного времени человеческой жизни, что приводит к совмещению конца и начала (начало не мыслится без конца, а конец предполагает начало): *«И когда от пня останется лишь одна труха и сотрутся следы его с земли, там, в глубине, еще долго будут преть корни родительницы-ели, отдавая молодому деревцу последние соки, сберегая для него капельки влаги, упавшие с травинок и листьев земляники, согревая его в стужу остатным теплым дыханием прошедшей жизни»*[28] («И прахом своим»). С помощью таких аналогий В. П. Астафьев осмысляет линейное течение жизни не как преходящее явление, а как константу, в которой заключена закономерная правильность мироустройства.

Смысловая зона «Первовремя» представляет собой воплощение идеи мифического времени – правремени (первовремени, алловремени), состояния до начала исторического отсчета времени, времени первотворения, начала мира. Для него характерны глобальные события: в момент первовремени создается окружающий мир, пересотворяется природа. Это время первопредков, перводействий, первопредметов. Восходящее к незапамятным временам, оно «восстанавливается» в особых календарных ритуалах, которые, имитируя момент первоначал, направлены на обновление мира и мироздания.

Если для современного русского языкового сознания первовремени не существует – в языке отложены лишь идеи правремени (древнее время «оно»), – то в текстах «Затесей» В. П. Астафьева содержится большое количество свидетельств осмысления писателем традиционной для народной культуры мифологической идеи первовремени, оформленной чаще как целостные фрагменты текстов. В них идея первовремени ассоциативно выражается лексикой таких семантических полей, как «Огонь» – *зарницы, пламя, молнии, озарять, отгореть, накипь,* диал. *хлебозары,* окк. *осияние;* «Небо» – *небо*; «Земля» – *земля-кормилица, мать-земля, хлебное поле;* а также изолированными окказиональными словами *перворождение* и *веснотворение.*

Наиболее очевидный образ первовремени – космический огонь, зарницы как знак божественного брака неба и земли, от

[28] Там же. С. 15.

которого рождается хлеб: *«Только зарницы, томительные зарницы сверкают, плещутся над лесами и полями, голубым и белым пламенем озаряя покорные колосья»*[29] («Благоговение»); *«Зарницы тревожились в небе, зарницы играли на хлебах. В русских селах так и зовут их – хлебозары»*[30] («Хлебозары»). Осмысление зарниц через концептуальную метафору игры обусловлено символическими потенциями лексики с семой «игра»: игра предстает символом творческой фантазии, игра символизирует власть над реальностью, игра – это предпосылка происхождения, творения мира в целом.

Ассоциативное поле номинаций «Первовремя» составляют и разнообразные слова со значением отсутствия физической активности, то есть содержащие семы «покой», «тишина» (*тишина*, *молчать, замереть*), в том числе отрицание *крика, громкого разговора, шума.* Тишина есть знак состояния до-мира, дорождения, до-бытия.

Смысловое пространство первовремени задается и словом *благоговение* – смысловой доминантой текста: слово вынесено в заглавие («Благоговение»), буквально повторяется в тексте и символически дублируется. Так, слова двух семантических полей («Огонь» и «Тишина»), символически обозначающие первовремя, способствуют совокупному проявлению этимологических значений слова *благоговение*: *благо* (исконно русск. *болого*) – гореть, пылать, лучезарный блеск, полубожества – воплощения молнии и *говеть* – тишина[31]. Рождение зерна становится знаком-символом рождения мира в тексте «Хлебозары».

Таким образом, идея первовремени актуализируется посредством целостных символических переосмыслений и через комбинацию традиционных символов. Опираясь на традиционные символические оппозиции (действие и бездействие, небо и земля), В. П. Астафьев говорит об Огне-Времени как первоначале мира.

Смысловая зона «Древнее, вечное» содержит идеи древнего как вечного и вечного как коррелята Божественного. Эта смысловая зона отличается от других смысловых зон в поле

---

[29] Там же. С. 494.

[30] Там же. С. 11.

[31] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 4-е изд., стер. М.: Астрель; АСТ, 2003. Т. 1. С. 170, 188, 423–424.

темпоральности. Причина этого кроется в первую очередь в неоднозначных отношениях времени и вечности в русской языковой картине мира, когда вечность осмысляется не только как связанная со временем или включенная в него, но и как относительно автономная[32]. Кроме того, данная зона у В. П. Астафьева номинативно ограничена: она формируется только словами *древнее, вечное* и их производными. Наблюдаемая однородность в сильных текстовых позициях позволяет предположить, что для В. П. Астафьева слова *древнее* и *вечное* имеют близкие, но не тождественные смыслы. Слово *древнее* указывает на отнесенность к прошлому, *вечное* – на сохранение *древнего* в настоящем.

Круг сочетаемости слова *древний* широк и имеет сакрально положительный смысл: *древняя грусть, древняя душа; древняя девственная тишина* (осени), *древний расчет* (о простоте и понятности вещей), *древнее пламя, древнее поле, древнее чутье, древний язык, древняя песнь* (*березового рожка*) и т. д. Сочетаемость слова *вечный* в астафьевских текстах менее однородна и вскрывает амбивалентный характер *вечного,* обусловленный тем, что в русском языке слово *век* и его производные *вечный, вечно, вечность* имеют как сакральный, так и профанный смысл[33]. Положительный смысл номинации *вечное, вечность* получают из контекстного окружения, которое включает слова *скорбь, грусть, печаль, плач, музыка, Бог, молитва, небо, память, успокоение, очищение, мудрость, смысл жизни, истина бытия, бренность человеческой жизни, одиночество, жизнь, смерть, инобытие, поэт, музыкант, артист* и др. Постоянное контекстное сближение дает основание утверждать, что слова *вечный, вечность* в качестве дополнительных приобретают авторские коннотации, среди которых важнейшими являются «изначальное», «истинное», «печальное».

Номинации *древнее, вечное* выступают как субстантивы в сильных текстовых позициях (в заглавиях) и в сочетании с неопределенными местоимениями: *«...что-то древнее, неотступное стронется в нас»*[34] («Падение листа»); *«...есть что-то веч-*

---

[32] *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.

[33] *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.

[34] *Астафьев В. П.* Затеси. С. 36.

ное, немеркнущее в его молчаливой, отстраненной от современной жизни осанке»[35] («Старый корабль»). Признак, осмысляемый как предмет, отражает стремление писателя «уловить» предельно отвлеченные, иррациональные сущности, которые не поддаются логическому определению, придать им «вещный» облик, выразить то, что в принципе невыразимо. Вместе с тем абстрактная семантика субстантивов *древнее, вечное* позволяет вывести идею из плана конкретных вещей и отношений, из мира «я – здесь – сейчас» в план символического обобщения.

Совпадения астафьевской вечности с русской этнокультурной и христианской традицией, на наш взгляд, имеют относительный характер. Так, в тексте «Тихая птица»[36] *древнее* и *вечное* вступают в сложные отношения символической антонимии и одновременно символической синонимии. *Древнее, вечное* противостоит *преходящему, временному.* Идея противопоставления находит отражение в ряде оппозиций, где первый член соотносится *с вечным*, а второй – *с бренным*: тишина, покой – шум, суета; тысячелетняя мудрость – разум; Божественная предопределенность жизни и смерти – физическое существование и духовное анти-бытие; умудренная, но физически слабая старость – неразумная, но физически активная молодость; Божественный верх – демонический низ; вечная душа – бренное тело; смысл жизни – бессмыслица существования и др.

Таким образом, смысловая зона «Древнее, вечное» существенно отличается от смысловых зон астафьевского поля темпоральности. Если смысловые зоны «Циклическое время», «Линейное время», «Первовремя» ориентируются на мифологические и мифопоэтические по своей природе представления, сформировавшиеся в русской культуре и выражающие идею гармоничности мира, мира, в котором все понятно, все объяснимо, пусть даже метафорически («Циклическое время», «Линейное время») или традиционно символически («Первовремя»), то смысловая зона «Древнее, вечное» отражает астафьевские представления о дисгармонии современного ему мира. В основе этой смысловой зоны лежат философские идеи В. П. Астафьева, а философия есть «способ внесения в мир непонятного»[37] и одновременно попытка упорядочить хаос – посредством рядов традиционных и авторских символов.

---

[35] Там же. С. 311.

[36] Там же. С. 269–273.

[37] *Мамардашвили М. К.* Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 14.

А. А. Бобров
писатель, г. Москва

РУССКАЯ ПРАВДИВАЯ ДУША
Писатель и песня

Астафьевские чтения проходят в ноябре, когда мы отметили памятную дату – 190-летие со дня рождения Ивана Тургенева. Кто не знает его пронзительного рассказа «Певцы»? Иван Сергеевич родился 9 ноября 1818 года в Орле. Великий русский Иван, европейски образованный дворянин, прозаик, поэт, драматург, публицист, переводчик, оставил не тускнеющее со временем духовное завещание, выраженное одной резкой фразой: «Космополитизм – чепуха, космополит – нуль, хуже нуля, вне народности ни художества, ни истины, ни жизни – ничего нет!» Ивана, не помнящего родства, из барина, самолюбивого мэтра, учителя братьев Гонкур, первого русского, ставшего профессором Оксфорда, не получилось.

Обаяние личности и творчества Тургенева вызвало у Флобера такое уважение ко всему русскому, что тот писал (февраль 1871-го) племяннице Каролине в черные для Франции дни, после позорного поражения во франко-прусской войне 1870 года: «...Я настолько перестал считать себя французом, что собираюсь спросить у Тургенева (лишь только можно будет ему написать) – как сделаться русским?»

На этот вопрос я бы начал отвечать так: прежде всего – полюбить русскую песню. Не ту, что царит сегодня в эфире, а ту, что выражает и задевает русские струны души. Помните, как в рассказе «Певцы» поет Яков-Турок: «Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Иваныча *так и выпрямилась* (выделено мной – вот оно, воздействие песни! – *А. Б.*). <...> «Не одна во поле дороженька пролегала», – пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная, глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа зву-

чала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны».

Кажется, что эти струны уже лопнули с жалобным звоном под напором попсы и псевдонародной кабацкой песни. Потому-то и бился я так долго, чтобы организовать фестиваль-конкурс «Среди долины ровныя...», посвященный 200-летию авторской поэтической песни, где поэт выступает автором стихов, мелодии и сам исполняет песню. Наконец я встретил понимание в Институте социально-культурных проблем, благодаря чему такой открытый конкурс, рассчитанный на три года, стал разворачиваться.

Случайно или по высшему промыслу мы начали прослушивание участников в Литературном музее, где к юбилею Тургенева была открыта выставка «Русский скиталец». Не лучшее название: более укорененного – по сути, по творчеству! – человека трудно отыскать. Либерально настроенные сотрудники музея, то ли зная мою позицию, то ли раздражаясь звуками русских песен и патриотических слов, начали вдруг во время чаепития воспитывать меня: времена, мол, стоят отличные; главное – свобода, печатай, читай и пой что хочешь; никакого духовного кризиса нет – читали всегда мало. «А как же социологические исследования, боль писателей, тревога библиотекарей?» – «Просто раньше советские люди боялись признаться, что они не читают. Вот Сергей Довлатов правильно сказал, а Иосиф Бродский точно заметил... Главное – внутренние позывы человека, а не пропаганда. И вообще, замашки людей 1937 года привели к миллионам жертв...»

Как говорится, спасибо за чай-сахар и позывы... Да, все-таки та часть интеллигенции, о которой Тургенев сказал: «Космополит – хуже нуля», безнадежно больна.

Но это к слову. Главное, что начали мы в юбилейные дни русского классика важное и духоподъемное дело, что познакомились с новыми талантами в номинациях, как теперь говорят, то есть в разрядах, народной песни – «Как на горушке стояла Москва...» и авторской песни – «Среди долины ровныя...». В Москве – заключительный концерт-конкурс первого этапа.

В Перми прочитали мою статью в «Литературной газете» к 200-летию авторской песни, и Пермское отделение Союза писателей России, выиграв грант комитета по культуре, объявило свой конкурс поющих поэтов памяти земляка – Алексея Мерзлякова. Теперь городок Далматово Пермской губернии,

где родился Мерзляков, вошел в состав Курганской области, потому на заключительный концерт пригласили курганских поющих поэтов, а также представителей Наро-Фоминского района Подмосковья – там некогда находилась усадьба Жодочи. В начале XIX века Жодочи приобрели славу «замечательного гнезда высокой образованности и живого, здравого просвещения». Для старшей дочери, Анисьи, владелец имения пригласил профессора Московского университета Алексея Фёдоровича Мерзлякова. Тот давал ей уроки словесности и безнадежно влюбился в свою ученицу. Поэт посвятил ей цикл стихотворений «К Элизе», множество романсов и песен. Историю создания песни «Среди долины ровныя...» описал Михаил Дмитриев. Однажды в 1810 году Мерзляков разговорился о своем одиночестве. Говорил с грустью, взял мел и на ломберном столе начал писать. Потом ему предложили перо и бумагу, он переписал текст и закончил всю песню.

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

В 2010 году исполнится 200 лет этому стихотворению! Мелодию поэт тоже подобрал сам, используя гармонию народных песен. Ну и другие романсы в народном духе периода 1809–1812 годов Мерзляков сочинял и исполнял сам. Так что авторской зафиксированной песне два века.

Хочу заметить, что все истинно народные писатели сочиняли, знали, сами исполняли прекрасные песни. Неустанным творцом песен в народном духе был в парадоксальной России аристократ – барон Антон Дельвиг. Самая ранняя его «Русская песня» датируется 7 сентября 1812 года, когда Дельвиг еще пребывал в Царскосельском лицее.

Интересно, что Герцен опубликовал авторскую солдатскую песню сочинения самого Льва Толстого, даже не представляя себе, что столь народные куплеты может создать граф. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги! В первой публикации издатель «Свободных русских песен» сделал примечание: «Эти песни списаны со слов солдат. Они не произведение какого-нибудь автора, а в их складе нетрудно узнать выражение чисто народного юмора». Чтобы показать, сколь ошибочно это лестное мнение, Лев Николаевич споет свою «Солдатскую песню»

в Лондоне, в семье Герцена, аккомпанируя себе на фортепьяно и развеивая всякие сомнения относительно ее авторства.

Первостатейным автором и исполнителем своих песен под гитару был Аполлон Григорьев. Об этом свидетельствуют авторитетные современники, от Полонского до автора «Истории семиструнной гитары» Стаховича. Афанасий Фет так описал исполнение Григорьевым своих стихов, в том числе знаменитой «Цыганской венгерки»: «Он, собственно, не пел, а как бы пунктиром обозначал музыкальный контур пьесы». Пьесами тогда назвали законченное стихотворное произведение. Это ведь характеристика исполнения стихов под гитару!

Позднее традиция была подхвачена многими поэтами. Лидия Сейфуллина вспоминала, как пел под гитару Сергей Есенин: «У него была русская манера пения: это когда поется с убеждением, что главное в песне – слова». Главное – слова! Это девиз поэтической песни. Вот какого фестиваля среди многих бардовских междусобойчиков не хватало – праздника поэтической песни.

Три великих поэта-песенника XX века Есенин, Фатьянов, Рубцов, чьи поэтические строки поют, не зная даже авторства, часто сами напевали свои стихи под гармонь или гитару, дарили мелодии композиторам. Пели и поют многие другие наши современники. Например, Николай Тряпкин, чтобы не заикаться, все свои яркие стихи напевал на один мотив. И как прекрасно звучало! Патриарх русской песенной поэзии Виктор Боков написал целый цикл песен – и стихи, и музыку.

Как видим, этот ряд имен несколько отличается от привычного перечня основателей бардовской песни.

Но то – поэты. А между тем и многие выдающиеся прозаики XX века непредставимы без песни. «Тихий Дон» Шолохова – гимн и памятник казачьей песне. Исторический романист Дмитрий Балашов начинал как фольклорист и использовал фольклор блистательно. Василий Белов в «Ладе» ярко запечатлел северную песню и частушку.

Конечно, та же деятельная, творческая любовь к песне жила и в Викторе Астафьеве. Помню, мы шли на съезд писателей СССР в Кремлевском дворце по пустой площади. Съезд уже был в разгаре. Я задержался в редакции «Литературной России», Виктор Петрович тоже припоздился. «Что с вами, Виктор Пет-

рович?» – «Да что с нами, русскими дураками, бывает? С Васей Быковым горячо встретились...»

Писатели-делегаты останавливались в гостинице «Россия», общались, обсуждали проблемы, несли по кочкам московское начальство и «забронзовелые фигуры». Виктор Петрович знал, что я занимаюсь фольклором, песней, читал мои публикации и потому стал горячо рассказывать: «Вот, на Алексея Суркова вдруг бочку покатили, а ведь он великую песню написал – "Землянку". Не поверишь, она к нам на передовую по радиосвязи дошла. Ее радисты напевали по цепочке, и я дальше передал без всякого аккомпанемента. Потому как стихи – пронзительные». Вот! Первое условие великой песни – слова, стихи!

Думаю, связист Астафьев, воевавший тогда в артиллерийской дивизии, по своей радиосвязи передал «Землянку» задушевно, точно – и мелодию, и слова.

«Виктор Астафьев (и говорю я об этом без поэтического преувеличения), – пишет всегда склонная к преувеличениям поэтесса Нина Краснова, – мог бы стать серьезным оперным певцом, наподобие Шаляпина или Хворостовского, если бы захотел и если бы попал в консерваторию и подучился там. У него был... очень красивый, сильный и свободно льющийся голос, баритон, переходящий в бас, и притом оперный голос, от природы хорошо поставленный, с четкими, энергичными вибрациями, и музыкальный слух был абсолютный. Я помню, что, когда Виктор Петрович первый раз в жизни запел в моем присутствии арию "Весь табор спит...", а потом и другие арии, я была изумлена и потрясена его голосом и его репертуаром. И подумала, что Виктор Петрович далеко не так прост, как думают о нем многие».

Не берусь судить о возможной оперной карьере, но песенное чутье было в Викторе Петровиче развито чрезвычайно. Неслучайно в одной из статей в «Литературной газете» он написал, что в русском человеке очень развито «думание звуком», как он выразился. Это касается и фольклора, где вздох может заменить слова, и авторской интонации (Астафьев считал, что самое главное в любом произведении – «верно взять самый первый тон»... как в песне), и горячо им любимой поэзии, песенного репертуара.

«Народные песни он пел, – вспоминает та же Нина Краснова, – оперным (или филармоническим) голосом, как в свое

время саратовский певец Леонид Сметанников: “Выйду на улицу, гляну на село...”, “Ой, цветет калина...”, “По диким степям Забайкалья...”, “Ой, полным-полна моя коробушка...”, “Степь да степь кругом...”, “По Дону гуляет казак молодой...”, “Ой, мороз, мороз, не морозь меня...”, “Догорай, моя лучина...”, так что человеку без голоса было трудно и даже невозможно подпевать, подтягивать ему. Советские песни он тоже любил петь, притом песни вокально сложные и требующие голоса: “В тумане скрылась милая Одесса...”, “Когда весна придет, не знаю...”, “За Рогожской заставой...”, “Где ж ты, мой сад...”, “Огней так много золотых...”, “Тот, кто рожден был у моря...” и т. д. За столом на званом ужине в Енисейске он устроил целый сольный концерт... Пел одну песню за другой под гармошку местного работника клуба. А мы, его соседи по столу, подпевали ему, каждый в меру своих способностей».

Виктору Астафьеву либеральная критика долго не могла простить опубликованную в «Комсомольской правде» от 11 апреля 1982 года статью «Рагу из синей птицы», содержавшую письмо с резкой критикой музыкальной группы «Машина времени».

Автором статьи был Николай Кривомазов, собственный корреспондент «Комсомольской правды» в городе Красноярске. Первой под тревожным письмом стояла подпись Виктора Астафьева, подписались еще главный режиссер Красноярского государственного театра оперы и балета Максимилиан Высоцкий, солист, дипломант конкурса имени Глинки Евгений Олейников, директор Красноярской филармонии Леонид Самойлов, дирижер Николай Сильвестров, поэт и драматург Роман Солнцев. По словам лидера группы Макаревича, после публикации статьи он ожидал репрессий в отношении группы: «В принципе, по нам уже постреливали и раньше: то Владимов затевал полемику на тему “Каждый ли имеет право?” (выходило, что мы не имеем), то кто-то еще, но все это размещалось на страницах газет типа «Литературной России», и никто к этому, конечно, серьезно не относился. А “Рагу” было уже рассчитано на добивание. И общепатетический тон в лучших традициях Жданова, и подписи маститых деятелей сибирского искусства (половина этих подписей потом оказалась подделкой) – все это шутками уже не пахло». Однако статья встретила резкое неприятие множества читателей, письма, в том числе коллективные,

в защиту «Машины времени» шли в редакцию «Комсомольской правды» в огромном количестве. Возможно, по этой причине никаких серьезных последствий публикация не имела. Так, свели все к дерзости молодости.

А ведь правы были авторы письма, когда писали про инъекции в души молодых: что надо – впрыснули, сделали черное дело, а потом стали самыми замшелыми конформистами. Вот тебе и дерзость! «Не надо прогибаться под изменчивый мир – пусть лучше он прогнется под нас», – пел Макаревич. И вот перемены свершились, дуболомное время стало действовать на разрыв. И Макаревич под него прогнулся, перестал бунтовать и даже робко дерзить, ловко вписался в общество потребления: теперь он ассоциируется с магазинами «Машина времени» и кулинарной телепрограммой «Смак».

Вспомним еще один ноябрьский юбилей. В ноябре 1783 года, 225 лет назад, была учреждена Российская Императорская Академия наук – центр по изучению языка и словесности. Членами Академии в ее первые десятилетия были Фонвизин, Державин, Вяземский, Жуковский, Крылов, Пушкин. Безошибочный выбор достойнейших, к чьему мнению прислушивалась вся Россия. Сегодня, когда мы не можем принять толковый закон о русском языке или хоть какой-нибудь закон о творческих союзах, академий развелось столько, что гениев и даже бесспорных талантов на все не хватает.

При этом у нас появились псевдоакадемики-самозванцы. Так, организаторами якобы независимой литературной премии «Дебют» (но ведь кто-то платит большие деньги за телерекламу, работу жюри!) запущен новый проект – «Пятнадцать русских книг года». Наверное, 2008-го? Не хочу даже оглашать весь «отборный» список. Замечу лишь по теме, что из биографических изданий там представлена книга Алексея Варламова «Алексей Толстой», аж 2006 года, из поэтов – вездесущий Игорь Иртеньев, а из критиков – Сергей Чупринин с многолетним трудом «Русская литература сегодня: Большой путеводитель». Где только и когда он этот субъективный путеводитель не рекламировал!

Почему именно эти книги? Как возник список? «Каждый эксперт руководствовался собственными принципами при отборе книг, – объясняет писательница Ольга Славникова, коорди-

натор премии "Дебют". – Но приглашены в экспертную группу люди, которые, несомненно, могут компетентно оценить текущий литературный процесс. Это специалист по истории и теории русской литературы, профессор, член ученого совета РГГУ Дмитрий Бак; критик, эссеист Самуил Лурье; писатель Василиса Орлова». Что за авторитеты, почему они определили именно 15 книг? Ничего не ясно.

Например, Центральный библиотечный коллектор совместно с «Литературной газетой» подготовил каталог «Золотая полка», куда вошло 500 наименований художественных и просветительских изданий 2008 года. Может, столько истинных шедевров в год и не выходит, но там есть принцип, публичный совет и достойный круг имен. Эти книги рекомендованы для заказа библиотекам, они дают представление читающему миру о современной русской литературе. Правда, анализ заказов несколько удручает. Так, книгу в серии «Школьная библиотека» упоминавшегося мной юбиляра Ивана Тургенева не заказала ни одна библиотека – ноль экземпляров. Больше всего заказов у книги Василия Шукшина «До третьих петухов», вышедшей в той же серии, – 22 библиотеки заказали 576 экземпляров; потом идет «Матрёнин двор» Александра Солженицына – 29 библиотек заказали 182 экземпляра; на третьем месте неведомая мне Ярина – библиотеки заказали 163 экземпляра ее сборника стихов и песен с хорошим, но чужим названием «С чего начинается Родина».

Конец списка просто убивает. После Тургенева с нулевым показателем заказов идет Валентин Распутин: ни одна библиотека не заказала его собрание сочинений. Может, других изданий много? Но и книга интервью с Распутиным Виктора Кожемяко собрала только восемь заказов. Нулевые показатели заказов на книги замечательных поэтов, которые издала «Литературная газета», – «Зимний Никола» Николая Дмитриева и «Это вечное стихотворенье» Владимира Соколова. А ведь «ЛГ» печатала статьи и анонсы, проводила вечера в ЦДЛ – как в пустоту... Наконец, ни одного заказа нет на книгу Виктора Астафьева «Царь-рыба» – лучшую, на мой взгляд, повесть писателя, которая сегодня, в годы экологической трагедии от наступательного и безжалостного чистогана, нужна в каждой библиотеке. Кстати, пермские библиотеки вообще «Золотую полку» проигнорировали. Возможно, они работают с другим коллектором. Ведь теперь у нас рынок поставщиков и тендеры якобы на удешев-

ление заказов. Но опытные люди понимают, во что это выливается...

Ну а как же список другой «золотой полки» – пятнадцатикнижия для своих? Лучший результат – у Алексея Варламова: его книгу «Алексей Толстой» в серии ЖЗЛ заказало 18 библиотек – 33 экземпляра. Неплохо, если учесть, что биография Иосифа Бродского в той же серии ЖЗЛ собрала заказ в 12 экземпляров. Кстати, и собрание сочинений Владимира Высоцкого собрало заказ лишь в 11 экземпляров. И поделом! Как бы нам ни внушали, что это великий поэт, Высоцкий – талантливый автор-исполнитель, яркий лицедей на сцене и в песнях. Записи их есть, конечно же, у многих. Все становится на место, все проверяется временем и сообществом тех, кто любит книгу. Но энергичные «академики», учредители премии «Дебют», взялись продвигать свое пятнадцатикнижие в университеты России, стран СНГ и зарубежья. Для кого он – лживый труд Марка Солонина «Фальшивая история Великой Победы»? Вот лишь одна цитата из этого «евангелия от Марка»: «Ни в одной стране, ставшей жертвой гитлеровской агрессии, не было такого морального разложения, такого массового дезертирства, такого массового сотрудничества с оккупантами, какое явил миру Советский Союз...» В 65-летнюю годовщину Сталинградской битвы нашим зарубежным друзьям будет до ужаса интересно познакомиться с литературой такой «страны негодяев». И конечно, студентам, нашим и зарубежным, любящим песни под гитару, нельзя обойтись без стихов Иртеньева:

Люблю, б-ь, авторскую песню,
Когда сидим, б-ь, у костра.
И все, б-ь, рядом, все, б-ь, вместе.
И так, б-ь, на х-й, до утра.

Да простят меня читатели за эту грязь, но ведь надо дать представление о том, что творится в мире рекламируемой выморочной литературы, которую хотят навязать нам всем, особенно молодым. «Свобода позывов», как сказали бы сотрудники Литмузея, выступающие против пропаганды подлинной поэзии.

Вот что еще надо сказать в заключение. У меня сохранилось несколько писем Астафьева. Они, конечно, все связаны с моей работой в качестве члена редколлегии «Литературной России»,

но преисполнены трогательной заботой о других. Вот для примера два письма:

«Академгородок. 05.11.1984 г.

Сашенька! Перешли, пожалуйста, мое письмо Павлову. Уж больно хорошее стихотворение он напечатал, а доброе слово инвалиду дороже лекарств. Напечатали бы вы полосу его стихов, вот бы дело было, а то как-то «на задворках» два стихотворения...

Еще посмотри Маракулина, из Кирова который. Мне его стихи поглянулись. Будь здоров! Всем поклоны. Виктор Астафьев».

Павел Маракулин – поэт, охотник, автор миниатюр в духе Пришвина. Жив ли он? Чем занимается? В Интернете не смог найти.

«Академгородок. 03.02.1983 г.

Дорогой Саша! Понимаю, ты завален и задавлен стихами, но в поселке Октябрьском среди... (не могу разобрать астафьевский почерк. – *А. Б.*) тоски живет и прокисает хорошая поэтесса – Лира Абдулина, в 1963 году закончившая твой родной Литинститут.

После Литинститута она долго работала на телестудии в Норильске. В Красноярске у нее выходила одна-единственная книжечка стихов, потом замужество, и муж бросает ее на...

Печаталась, но давненько, в "Новом мире", "Юности", "Смене", "Огоньке". Пора и в "Лит. России" ей напечататься, да не через полтора-два года, а поскорей бы.

Кто там вашего редактора погубить хотел? Можно ведь взрывом яйца оторвать, а без яиц какой редактор?! Впрочем, многие из них мне кажутся без яиц и даже без штанов.

Кланяюсь. Виктор Петрович».

Незадолго до смерти Виктор Астафьев скорбел: «Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего?»

Его книги и есть тот путеводный свет. Пробился бы он только через мглу бездуховности, голубое мерцание телевидения и гламурную пустоту.

А. Ю. Большакова
доктор филологических наук,
Институт мировой литературы РАН,
г. Москва

АРХЕТИП И СИМВОЛ В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА

Сам В. П. Астафьев относился к теоретическим проблемам, вынесенным в заглавие настоящего доклада, с должной концептуальностью. Достаточно вспомнить, к примеру, его высказывание, определившее поиск «свернутой», предельно концентрированной модели мировосприятия и собственно мира в русской прозе второй половины XX века: «Чтобы выразить философию нашего времени, философию подвига, человеческой жизни, любви, смерти, мало одних рассуждений на эти темы, необходимо дать *знак, символ, образ*, что в буквальном переводе с греческого означает идею»[1]. (Здесь и далее курсив в цитатах мой. – *А. Б.*). Не употребляя термин «архетип», мало распространенный до недавнего времени, писатель чутко улавливал его суть, исподволь ориентируя исследователя на изучение литературы через глубинные образные первоэлементы, коренящиеся в культурном бессознательном, памяти литературы. Вспомним астафьевский скепсис по отношению к овнешествленным формам мировосприятия – к «нашему несовершенному, от всего-то и всегда зависящему сознанию»[2].

Соотношение символа и архетипа в русской литературе – одна из важных и до сих пор не решенных проблем. Грань между этими величинами весьма тонка и подвижна. Основа для сближения – и связь с бессознательным, и соотношение со всеобщностью[3]. Однако символ, как и образ, можно рассматривать на правах производной от архетипа величины. Именно потому, к примеру, создатели словаря К. Г. Юнга говорят о возможности генетического исследования символов «вплоть до самых архетипов, которые с помощью символов находят более

---

[1] *Астафьев В.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 12. С. 225.

[2] *Астафьев В.* Последний поклон (новые главы) // Новый мир. 1999. № 8. С. 17.

[3] «Возможно, все символы до известной степени становятся символами всеобщности» // *Сэмьюэлс Э., Шортер Б., Плот Ф.* Критический словарь аналитической психологии К. Г. Юнга. М., 1994. С. 13.

полное выражение»[4]. Важное уточнение в диалектику архетипа и символа вносит положение психологии о том, что именно через символы и образы архетипы входят в человеческое сознание[5]. Закономерно, что знаменитые юнгианцы М. Бодкин и Н. Фрай, исследуя архетипы в литературе, обращаются к символическим образам, а Е. Райт в своем обзоре архетипической критики говорит об «универсальном символизме» в поэзии и даже вводит термин «архетипические символы», рассматривая символ как некий архетипический образец.

Симптоматично, что в своей знаменитой книге «Проблема символа и реалистическое искусство» А. Лосев, практически ни разу не упоминая об архетипе, нередко не только говорит именно о нем как о «творящей модели, *про*образе или *пра*образе», но и дает емкое определение архетипа как символа (символического образа), построенного по некоему «порождающему принципу»: это протообразец, отбрасывающий «бесконечное число разных отражений», создающий «бесконечный ряд... перевоплощений или... отдельных моментов, то более, то менее близких между собой»[6].

Так или иначе, «в глубине символического образа» его создатель или реципиент «мыслит в идеале именно четкое математическое разложение функции в бесконечный ряд приближений, для которых эта функция вещи или жизни является моделью, образцом, принципом, законом или методом конструирования. Художник может эту модель и не сознавать»[7].

Думается, однако, что *разграничение архетипа и символа* необходимо. Ведь если символ указывает на нечто скрытое, внеположное, неизмеримо большее по сравнению с видимым своим проявлением, то архетип несет это большее в самом себе. Будучи проявлением архетипа, символ и указывает на него как на некую первичную (по отношению к себе самому) модель.

Понимание этих терминологических содержаний и различий обретает особое значение в контексте размышлений о типе

---

[4] *Сэмьюэлс Э., Шортер Б., Плот Ф.* Критический словарь аналитической психологии К. Г. Юнга. С. 139.

[5] *Левчук Л.* Психоанализ: От бессознательного к «усталости сознания». Киев, 1989. С. 76.

[6] См.: *Лосев А.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 15; *Faulkner W.* Three Decades of Criticism. New York, 1958.

[7] *Лосев А.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 15.

реализма, к которому относится творчество Астафьева, а также Распутина, Белова, Абрамова, Носова и других представителей этой плеяды, произведения которых принято называть «деревенской прозой». Название сколь спорное, столь и закономерное. Ведь в глубине этого направления лежит исконное земледельческое мышление природными символами: земля-небо, свет-тьма, тепло-холод, огонь-вода и пр. И о чем бы ни писали «деревенщики» – будь то город или деревня, военная или мирная жизнь, – не тема влияет на их мироощущение, но система *архетипических первообразов*, исконно определявших коллективное бессознательное древних землепашцев, скотоводов, пастухов.

«В "Пастухе и пастушке" я стремился совместить *символику* и самый что ни на есть грубый *реализм*»[8], – признавался писатель, приводя в качестве примера яркий, как факел, образ горящего немца – символ Апокалипсиса, воинствующей дикости и раскола цивилизации на бытие и небытие[9]. В свете подобных признаний закономерным становится тот факт, что анализ текстов «деревенщиков» обращает исследователей к символу как главному элементу их художественного мышления. И это касается не только канонической «деревенской прозы» 1960–70-х годов, но и ее современных художественных экспериментов.

Недаром в одной из статей, вносящих свою лепту в спор о реализме в его современном понимании, П. Басинский определяет «возвышение до символа» как одну из характерных черт реалистической прозы В. Астафьева в конце 1990-х, в особенности «Весе́лого солдата»[10]. По определению критика, это повесть о «народной душе», символом которой у Астафьева и выступает «веселый солдат». Говоря, таким образом, о сим-

---

[8] *Астафьев В.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 3. С. 225.

[9] «Огромный человек, шевеля громадной тенью и развевающимся за спиной факелом, двигался, нет, летел на огненных крыльях к окопу, круша все на своем пути железным ломом... Он дико выл, оскаливая зубы, и чудились на нем густые волосы, лом уже был не ломом, а выдранным с корнем дубьем. Руки длинные, с когтями... Холодом, мраком, лешачьей древностью веяло от этого чудовища» // *Астафьев В.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск, 1997. Т. 3. С. 13. За этот образ особенно била Астафьева советская критика в 1970-х, не понявшая и не принявшая его символического письма, увидевшая в нем лишь отход от соцреализма и «сгущение красок».

[10] *Басинский П.* «Как сердцу высказать себя?» // Новый мир. 2000. № 4. С. 187.

волическом реализме как средстве изображения народного характера, критик также свидетельствует об утверждении особого качества реалистического символа: «Мне уже доводилось писать, что символические элементы в повести («Веселый солдат». – *А. Б.*) *возникают подчас неожиданно, как бы сами собой (что и есть признак подлинного символизма). Они вырастают из самой жизни*»[11].

Начиная с «Оды русскому огороду» и «Пастуха и пастушки» в прозе Астафьева осуществляется переход от состояния единичной символизации к формированию *символического реализма* как типа литературного мышления, которому свойственна высокая степень художественного обобщения и который выступает как своего рода итог в развитии той или иной архетипической линии. То же явление наблюдается в прозе других представителей данного направления.

Организующий принцип *литературного архетипа* как первообраза (ментальной «матрицы», праформы) можно кратко обозначить как *вариативность инвариантности:* обладая способностью к бесконечным внешним изменениям, он одновременно таит в себе неизменное ядро, обеспечивающее высокую устойчивость архетипической модели. Один из главных признаков, обусловливающих эту устойчивость, – *свойство типологической повторяемости.* Парадигма изменений архетипа представляет собой одну из самых мощных силовых или «длинных» линий в историко-литературном развитии. В литературном плане наиболее продуктивно изучение архетипа как *«сквозной модели»*, обладающей *неизменным,* «твердым» ядром-матрицей на сущностном уровне и, одновременно, *вариативностью* проявлений в творчестве разных писателей разных времен.

Это в первую очередь различные *бинарные архетипы*: *социоисторические* – Раскол (Война, Революция, Катастрофа и пр.) и Мир; Деревня и Город; *возрастные* – Детство и Мудрая старость (Отцы и Дети); *гендерные* – Мужское и Женское начала (Женщина-Мать, Дева, Вечная Женственность, Женщина-Дьявол и пр.). Другой пласт составляют *сюжетно-ситуативные* архетипические модели: Преступление и Наказание (Возмездие); Преображение (Поднятая целина; Воскресение); Воля и Неволя; Бегство и Вечное возвращение («рай утраченный – рай возвращенный»). В особую сферу следует выделить *натур-*

[11] Там же. С. 187–188.

философские (природные) архетипы, из которых главным для русской ментальности, очевидно, является Земля (Мать, Родина), в сопряжении с онтологической парадигмой Смерть – Возрождение, исконно обусловленной связью с земледельческими, аграрными (сезонными, родовыми) циклами. (Онтологические смыслы и образы в своей универсальности присущи всем указанным линиям, поэтому, в противовес обычной практике, я не выделяю их в специальный разряд. – *А. Б.*). И наконец, третий уровень – *архетип личности* – представлен *типологией героя (персонажа)* в русской литературе (хотя, как правило, эти частные линии пересекают уже очерченные, то есть более общие, входя в них фрагментарно). Развитие литературного архетипа может определяться и индивидуальной личностью писателя-творца, и творчеством группы писателей, и конкретным литературным направлением, входящим, в свою очередь, в национальную и мировую литературу и определяющим ее «лица необщее выраженье».

Воплощение символа и его структуры «макромир в микромире» отражается, к примеру, в таких емких образных формулировках, как «Деревушка в мире и мир в деревушке» («Последний поклон» В. Астафьева); «Все сущее вместилось в темный квадрат огорода» («Ода русскому огороду» В. Астафьева). В такого рода символических моделях образ деревни обретает смысловую, пространственно-временную масштабность. По сравнению с предшествующими интерпретациями архетипа *Деревня,* от Пушкина до Бунина и далее, развитие его в творчестве Астафьева и в «деревенской прозе» в целом идет по линии укрупнения при сохранении малых параметров внутреннего пространства, что обусловливает и вхождение произведений – через эту «фигуру узнавания» – в мировую литературную мысль XX века. К примеру, еще в 1956 году У. Фолкнер охарактеризовал сходную модель, связанную с архетипическим комплексом *Земля,* как основу своего творческого почерка. «Собственная крошечная почтовая марка родной земли» обретает для него особую самоценность и «высокий переносный смысл», способствуя созданию «собственного космоса»[12].

Один из емких онтологических символов, через который находит зримое воплощение бинарный архетип Раскол

---

[12] *Флоренский П.* Ближе к жизни мира // Сов. культура. 1998. 3 нояб.

и Мир, появляется у Астафьева в главе «Капля» в повествовании «Царь-рыба». Впрочем, «капля росы» вообще один из ключевых символов «деревенской прозы», проявившийся еще в литературе 1950-х годов (см. «Каплю росы» В. Солоухина, «У крутого яра» Г. Троепольского и др.). Этот образ, однако, имеет давнюю традицию, корни которой уходят в философскую прозу Л. Толстого.

В «Войне и мире» – романе-эпопее, ставшем кульминацией в развитии одноименного бинарного архетипа в XIX столетии, – «капля» впервые появляется (на уровне художественной детали), как и впоследствии у Г. Троепольского, в изображении раннего утра – в сцене немого «диалога» охотника и притихшей природы. У Толстого молодой Николай Ростов в утро перед охотой видит «тихое движение сверху вниз спускающихся микроскопических капель мги или тумана. На оголившихся ветвях сада висели прозрачные капли и падали на только что свалившиеся листья». Симптоматично заданное уже в этой картине, через образ капли, погружение его в вертикальное измерение (соединяющее землю и небо), а также появляющийся уже здесь мотив падающих капель. Затем образ капли (в философской рефлексии и видениях Пьера Безухова после общения с Платоном Каратаевым) перерастает в символическое воплощение «роевого начала», жизненной философии и, в своей множественности, в прообраз христианской модели мироздания. К примеру, в сновидческих прозрениях Пьера: «Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров. Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой... В середине Бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать его»[13].

Сходная идея отражения мира в капле, в земных реалиях проявляется и у Троепольского. Образ капли у него также тяготеет к модели «макромир в микромире», но скорее на уровне называния, нежели художественного претворения: «Сеня снова устремил взор на ту же каплю росы. Если посмотреть на нее слева, то виден в ней предутренний розово-красный горизонт; если посмотреть справа, то видно отражение зелени поля и облака. *Настоящие, но крохотные облачка! Мир отражался в капле!* И Сеня видит *это крохотное отражение мира*, тихого, спокойного в предутренней свежести... Роса на листьях играла

---

[13] *Толстой Л.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1958–1959. Т. 7. С. 170.

и переливалась. *На каждом листочке – капля, и в каждой капле – частица мира*»[14].

Однако между интерпретацией «капли» в лирической и в «деревенской прозе» есть эволюционно-генетическое различие, определяемое степенью доминантности данного образа, насыщения его философскими смыслами – то есть его *развитием до символа*.

Как это происходит? Во-первых, частный (хотя и значительный с семантической точки зрения) природный образ имеет все же у Троепольского ролевую функцию, осуществляемую на уровне художественной детали (как и в прозе Л. Толстого). У Солоухина «капля росы» вынесена в название книги, но по степени своего проявления в повествовании также не выходит за границы образного элемента. В повествовании В. Астафьева «Капля» – название главы, обретающее значение центрального (структурирующего и остальное повествование) символа: «“Капля” – своеобразный лирико-философский центр первой части “Царь-рыбы”»[15]. Во-вторых, этот символический образ отражает, как и у Троепольского, но на уровне повествователя (лирического «я» – к этому склонен и Солоухин) результат напряженной философской рефлексии: «В самую возвышенную и таинственную минуту раздумий лирического героя возникает образ капли»[16].

Если у Троепольского и Солоухина «капля» лишь визуально-пластический образ, то у Астафьева – темпоральная разновидность модели «макромир в микромире», стягивающая воедино «миг и вечность» (ср. одноименное название цикла из книги «Затеси» Астафьева и одной из ее лиро-философских миниатюр). Замерший в «капле» миг хрупкого равновесия – между ушедшей в прошлое войной и современным автору миром, жизнью разных поколений, меж бытовой повседневностью житейского муравейника и высотой непознанного мироздания, «души природы», движения «иных миров» – раздвигается в напряженных авторских монологах, пронизанных заботой о ближнем, о сохранении мира и покоя, гармонии и вселенской тишины, до масштабов вечности. Утренняя сцена с «каплей» начинается так: «На заостренном конце продолговатого ивового листа

---

[14] *Троепольский Г.* У крутого яра. М., 1956. С. 4.

[15] *Вахитова Т.* Повествование в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба». М., 1998. С. 38.

[16] Там же.

набухла, созрела продолговатая капля и, тяжелой силой налитая, замерла, боясь обрушить мир своим падением»[17]. А завершается следующей картиной: «Тайга дышала, просыпалась, росла. А капля? Я оглянулся и от серебристого крапа, невдали переходящего в сплошное сияние, зажмурил глаза. Сердце мое трепыхнулось и обмерло от радости: на каждом листке, на каждой хвоинке, травке, в венцах соцветий, на дудках дедюлек, на лапах пихтарников, на необгорелыми концами высунувшихся из костра дровах, на одежде, на сухостоинах и на живых стволах деревьев, даже на сапогах спящих ребят мерцали, светились, играли капли, и каждая роняла крошечную блестку света, но, слившись вместе, эти блестки заливали сиянием торжествующей жизни все вокруг, и вроде бы впервые за четверть века, минувшего с войны, я, не зная, кому в этот миг воздать благодарность, пролепетал, а быть может, подумал: "Как хорошо, что меня не убили на войне и я дожил до этого утра..."»[18].

Занимающее два абзаца в рассказе Троепольского описание «капли росы» раздвигается в повествовании Астафьева до пяти страниц, завершаясь утверждением торжества жизни, природных сил. «За краткий миг человеческого существования (пока не обрушилась капля на землю и не рассыпалась на тысячи мелких брызг), который прекрасен и полон высокого духовного содержания, совершаются в душе сложные сдвиги: зарождаются и вновь разрушаются противоречиями тревога, надежда, отчаяние и чувство ответственности перед самим собой. Поэтому каждое мгновение человеческой жизни нужно посвятить борьбе за красоту и постижению главных и вечных проблем бытия – такова концепция Астафьева. Эта авторская мысль находит свое художественное воплощение и в других новеллах, составляющих "Царь-рыбу", объединяя их в одно целое»[19].

Художественная «оболочка» природного образа в данном случае выполняет лишь матричную функцию, наполняясь концентрированными смыслами, мировоззренческим содержанием. Образ вырастает до символа, развертываясь перед читателем самыми разными смысловыми оттенками и в своей полифонической множественности структурируя астафьевское «повествование в рассказах» в целом. В «капле росы» у Соло-

---

[17] *Астафьев В.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 6. С. 56.

[18] Там же.

[19] *Вахитова Т.* Повествование в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба». С. 40.

ухина, Троепольского и других представителей лирической прозы уже задан (на уровне художественной возможности) стиль мышления природными (и культурными) символами, который станет определяющим в творчестве Астафьева и в «деревенской прозе» 1960–90-х годов в целом[20]. В этом – ее глубинная народная подоснова. Исконно русскому человеку, как отмечалось еще А. Афанасьевым в «Поэтических воззрениях славян на природу», свойственно мышление не понятиями, но природными символами[21]. Структура национального менталитета искони определялась колебанием и сменой дихотомических рядов: свет – тьма, день – ночь, тепло – холод, белое – черное, небо – земля, большое – малое, низ – верх. Так в индивидуальном и общенациональном миросозерцании отражался скрытый диалог быта и бытия. Тенденция, свойственная всем народам, в особенности с аграрным прошлым. Воссоздание народного мышления в «деревенской прозе» сопровождалось формированием структуры символа в духе религиозной русской философии. К примеру, положения П. Флоренского: «Бытие, которое больше самого себя, – таково основное определение символа»[22].

В случае с «Веселым солдатом» знаковый смысл несет в себе уже само название, вводящее астафьевскую повесть в типологический ряд «бравых солдат» Гашека, Войновича и др. Но с гораздо более явным трагизмом. В целом в этой повести идея Раскола получает напряженнейшее звучание, что очевидно уже в «расколотом», внутренне не состыкующемся названии: «веселый»? «солдат»? Впрочем, все композиционное построение повести – от эпиграфа и пролога до финала – несет в себе идею расколотого мира и преодоления этой дисгармонии.

---

[20] Показательно в этом плане (заданное еще лирической прозой) вынесение образов-символов как центральных смыслообразующих в названия произведений или отдельных глав: «Белая лошадь», «Деревянные кони», «Дом» Абрамова, «Царь-рыба» (природный образ, восходящий к христианской символике) у Астафьева, а также ее главы «Капля», «Туруханская лилия», повести «Звездопад», «Веселый солдат» и др.

[21] «Противоположность света и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимнего омертвения – вот что особенно должно было поразить наблюдающий ум человека»; «Поклоняясь стихийным божествам, человек одни и те же явления различал по мере участия их в создании и разрушении мировой жизни, по степени ближайшей или отдаленнейшей связи их с элементами света и тепла» // *Афанасьев А.* Древо жизни. М., 1983. С. 40, 52.

[22] *Флоренский П.* Ближе к жизни мира // Сов. культура. 1998. 3 нояб.

В этом – мастерство Астафьева-художника, обнаружившее себя еще в «Пастухе и пастушке» и «Оде русскому огороду».

Начальный эпиграф из Гоголя – «Боже правый! Пусто и страшно становится в Твоем мире» – отражается в первой фразе пролога повести о «веселом солдате», сразу переводящей (буквенной датировкой) повествование в высокое летописное измерение: «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека». Обобщенное именование жертвы – *человек* – выявляет архетипическую сущность. Убит не враг, не фашист, но человек вообще – в этом неизбывная трагедия «веселого солдата», еще не ощущаемая пока им самим, но накладывающая отпечаток на всю его жизнь. Реальность свершившегося передают последующие три короткие, взрывные фразы, напоминающие автоматную очередь: «...я убил человека. Немца. Фашиста. На войне»[23].

Далее вся повесть строится по линии авторского и читательского сопротивления: в преодолении раскола между жизнью и смертью (неизбежного, но здесь трагичного из-за насильственного прерывания жизни), между человеком и Богом, верой и безверием. В преодолении и бьющей антиномии в названии повести, на протяжении которой «солдат» практически ни разу не назван по имени (в отличие, скажем, от бравого солдата Швейка у Гашека или Чонкина у Войновича). Социальная роль героя выдвинута на первый план. Иное дело – не состыкующийся с этой функциональностью эпитет «веселый», семантика которого у Астафьева (а для него это слово одно из ключевых) нередко входит в состав «перевернутых смыслов» – наряду с «перевернутыми смыслами» природной символики в военных сценах и т. п. К примеру, в «Пастухе и пастушке», где привычно мирные ассоциации исполнены смертоносного смысла: «С вкрадчивым *курлыканьем*, от которого заходилось сердце, обрушился на танки залп тяжелых эресов... И свои, и чужеземные солдаты попадали влежку... срывая ногти, *по-собачьи* рыли землю...»; «Впереди все *тявкала* полковая пушчонка...»; «...*ореховой скорлупой посыпали* автоматы»[24].

Сходным образом и слова «веселый», «веселье» несут в себе скрытый трагизм, нередко появляясь как признак антимодели.

---

[23] *Астафьев В.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. С. 7.

[24] Там же. Т. 3. С. 14, 16, 12.

[25] Там же. Т. 13. С. 20.

Так, в описании равнодушной к судьбам раненых бойцов начальницы (окопавшейся в тылу «руководящей бляди») выделяются «*блудно и весело* светящиеся глаза»[25]. А, скажем, в рассказе «Разговор со старым ружьем» подобные определения перевертывают привычные смыслы «охоты», представляя это «веселое» занятие как убийство беззащитных существ – птиц: «городские пьяненькие охотники *весело* вышибали птиц из тучей налетающих табунов уток и... они черными комками сыпались на отмель, шлепались в грязь, в воду»[26]. Нередко в астафьевской прозе эпитет «веселый» символизирует раскрестьянивание деревни и появление «вольных людей», отлученных от земли, бесшабашных «перекати-поле» (ср. изображение «веселой, шебутной жизни» раскрестьяненных пролетариев в романе «Прокляты и убиты»[27]). В «Веселом солдате» он входит в описание бесшабашной тыловой жизни, наполненной выпивкой, флиртом и торговлей. Но тот же эпитет несет в себе и самоиронию автобиографического героя, рассказывающего о своих фронтовых перипетиях «веселый рассказ»[28], а ближе к финалу так характеризующего надсадное писательское ремесло профанному читателю, упоминающему об эстрадных «волосатиках-попрыгунчиках»[29]: «У меня работа веселее»[30]. С другой стороны, образ «веселого солдата» формирует в последних произведениях Астафьева о войне типологическую парадигму, выявляя некую грань национального характера, в котором молодеческая сила, чреватая и разрушительными формами, сочетается с молодецкой удалью, бесшабашностью, умением претерпевать обстоятельства. Таковы Коля Хахалин в повести «Обертон» – «затейник и весельчак», Лёшка Шестаков в романе «Прокляты и убиты» – в минуты опасности он укрощал в себе «шустрого, веселого солдата... оберегал от опрометчивых поступков»[31].

Все эти конкретные наблюдения и замечания, однако, взывают к размышлениям более общего порядка. Точнее, к опре-

---

[26] Там же. Т. 11. С. 287.

[27] Там же. Т. 10. С. 232.

[28] Там же. Т. 13. С. 182.

[29] Кум в застольном разговоре так отзывается о присланной ему книге: «Ничего, забавно и наврано в меру» // *Астафьев В.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. С. 239.

[30] *Астафьев В.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. С. 238.

[31] Там же. Т. 10. С. 357.

делению основных вопросов XX столетия. Если в XIX веке это вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» – то теперь?.. Очевидно, на роль ключевых могут претендовать два вопроса, уже получившие вариативное воплощение в заглавиях русских «деревенщиков». Это *«Что случилось*?» (вспомним шукшинское название «Что с нами происходит?») и *«Кто он?»* (название незавершенного произведения Ф. Абрамова). Первый вопрос относится к загадкам минувшего столетия, в котором многострадальная Россия претерпела цепь расколов в огне революций, войн, политических репрессий, раскрестьянивания исконно аграрной страны и головокружительных до головотяпства реформ. Понять все это хаотичное, исполненное глухих противоречий и неразрешимых проблем движение пока что невозможно, сколько бы ни бились над разгадками истории наши «лучшие умы». Среди особенно актуальных аспектов этого вопроса, который уже начала освещать современная литература: почему распалась советская цивилизация? как это случилось? каковы причины и движущие силы свершившегося межцивилизационного раскола? Второй вопрос «Кто он?» соотносится с проблемой кризисности человеческой идентичности и читается вариативно: «Кто я (ты, мы, он, они)?» Что представляет собой человек XX века, перешагнувший уже в новое тысячелетие, но еще не познавший по-настоящему своей человеческой сущности, к тому же претерпевшей крутые изменения? Какие?

В «Веселом солдате» Астафьев и делает дерзкую попытку на все эти сложнейшие вопросы ответить. По сути, вся его повесть выстроена как возвращение человека (автобиографического героя) к самому себе. Как это свойственно автору «Оды русскому огороду», «Последнего поклона», в повести 1990-х он выбирает возрастную точку отсчета. Его автобиографический герой, умудренный опытом человек, смотрит на себя, молодого, горячего в прошлом, напряженно размышляя: что же произошло на самом деле, начиная с военных и послевоенных времен, почему так все сложилось и что представляет собой он сам как человеческое существо?

Поиск ответов ведет к преодолению раскола – в душе и в мире. Как это свойственно Астафьеву, всей силой своего художнического дарования, всей плотью художественной материи он превозмогает пустоту, расчеловечивание, смертоносность. Катарсическое разрешение наступает в финале, по законам кольцевой композиции смыкающемся с прологом.

«Какими чуткими, какими блаженство дарящими минутами одаривает вечер человека! Как печально и торжественно все вокруг. Как разрывает грудь чувство любви ко всем и ко всему. Как хочется благодарить Бога и силы небесные за эти минуты слияния с вечным и прекрасным даром любить и плакать»[32].

Художественный итог повести – возвращение к Богу, заполнение изначальной (см. эпиграф) пустоты Любовью и Верой. В последнем абзаце повтор первой фразы пролога дополняется уже совсем другим текстом. Исчезает, уходит в прошлое военной страды атоматная очередь. Изначальное признание «веселого солдата» обретает уже совсем иные – покаянно-мирные очертания: «...я убил человека. В Польше. На картофельном поле»[33]. Раскол преодолевается мирной аграрной стезей. Хотя и ценой утраты, о чем свидетельствует заключительная фраза повести об искалеченном пальце солдата, обретающем знаковое для его жизни и судьбы значение[34]: «Когда я нажимал на спуск карабина, палец был еще целый, неизуродованный, молодое мое сердце жаждало наполнения горячим кровотоком и преисполнено надежд»[35].

О. И. Блинова
доктор филологических наук,
профессор ТГУ, г. Томск

ВИКТОР АСТАФЬЕВ О СЛОВЕ И СЛОВАРЯХ

Когда такие люди... стерегут русское слово, быть ему живу и России воскреснуть. Живо слово – жив народ.

Виктор Астафьев

22 ноября 2008 года – дата очередной годовщины, отдаляющей нас от дня кончины Виктора Петровича Астафьева. Российской и мировой культуре еще предстоит осмыслить фено-

---

[32] *Астафьев В.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. С. 242.

[33] Там же.

[34] «Да-а, все-таки они схожи: моя жизнь и этот изуродованный на производстве палец», – признается автор-повествователь, в прошлом – «веселый солдат».

[35] Там же. Т. 13. С. 242.

мен выдающегося художника слова и человека, раскрыть те или иные стороны его таланта. «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства». Эти слова А. С. Пушкина применимы ко всему, что оставил потомкам Астафьев: к строкам его художественных произведений, публицистики, интервью, писем и телеграмм, автографов, к его устным высказываниям.

Предваряющий статью эпиграф явился толчком к постановке проблемы астафьевского слова – главного средства его творчества, исследование которого позволило бы дать хотя бы частичный ответ на ряд вопросов: каковы истоки астафьевского слова, оценка и отношение к слову, роль слова в обществе и в литературных произведениях и многие-многие другие, системное изучение которых по тем или иным направлениям, проблемам, аспектам приблизило бы к постижению многогранной личности великого поэта России, писавшего прозой[1].

В комментарии к двенадцатому тому собрания сочинений Астафьев с сожалением отметил: «Вот составил книгу и обнаружил, как мало писал и беседовал я о нашем русском языке... совсем мало писал о театре и музыке, а ведь жил ими, укреплялся ими, да и существовал, обогащаясь духовно»[2].

Ответы на поставленные вопросы об астафьевском слове даст его богатое художественное наследие, а высказывания писателя о слове придется собирать по крупицам в ранее названных источниках. Редкое исключение в этом плане представляет очерк Астафьева «Очарованные словом»[3], составивший основной источник для настоящей статьи.

Поводом к появлению очерка стала просьба автора статьи, обращенная к писателю, принять участие в общественном обсуждении работы диалектологов Томского университета, выдвинутой на соискание Государственной премии РФ 1997 года. Работа «Комплексное исследование русских говоров Среднего Приобья (1964–1995 гг.)» включала ряд среднеобских словарей,

---

[1] *Солнцев Р.* Астафьев // «И открой в себе память...»: Материалы к биографии В. П. Астафьева. Красноярск, 2005. С. 224.

[2] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 12. С. 605.

[3] Там же. С. 83–93.

с которыми В. Астафьев был хорошо знаком. Очерк был впервые опубликован в 1997 году в газете «Российские вести», перепечатан в журнале «Студенческий меридиан», а затем включен в собрание сочинений писателя.

Материалы очерка, огромное литературное наследие писателя позволяют составить представление о том, что есть для Астафьева СЛОВО – слово обыденной речи и слово художественное – и как он оценивал роль СЛОВАРЕЙ.

Каждый человек начинается с детства. Детство Вити Астафьева прошло в селе Овсянка Красноярского края, в окружении сибирской природы, на берегу могучего Енисея с его скалистыми берегами. Обладая уникальной памятью, мальчик вынес из детства знание образной сибирской речи, впитал крестьянскую материальную и духовную культуру, усвоил трепетное отношение, любовь к природе. В детстве произошла знаковая для будущего мастера слова встреча с учителем-словесником Игнатием Дмитриевичем Рождественским, пробудившим и воспитавшим в мальчике дар «очарования словом».

«В тридцатых годах, – вспоминает писатель, – в далекой заполярной игарской школе появился высокий чернявый парень в очках. <...> Он начал нам рассказывать о русском языке, о его красоте, богатстве и величии. Нам и прежде рассказывали обо всем этом, но так тягуче и скучно... что в наши удалые головы ничего не проникало и сердца не трогало.

А этот учитель говорил, все больше распаляясь, читал стихи, приводил пословицы и поговорки, да одну другой складнее, и, дойдя до слова "яр", усидеть на месте не мог, метался по классу, горячо жестикулировал... и выходило, что слово "яр" есть самоглавнейшее и красивейшее слово на свете и в русском языке, ведь и название городов – Ярославль, Красноярск – не могло обойтись без "яра", и берег обрывистый зовется яр, да и само солнце звалось Ярило, яровое поле – ржаное поле, яровица, ярица, которую весной сеют, ярый, яростный человек... а ярка, с которой шерсть стригут? <...> Поняли мы: без слова "яр" не то что ни дыхнуть, ни охнуть, но и вообще дальше жить невозможно...

"Очарование словом" – не сразу, не вдруг определил я чувство, овладевшее нами, учениками школы...» [4]

---

[4] Там же. С. 83–84.

Это чувство ляжет в основу эстетического кредо писателя, воплотившись в опоэтизацию слова обыденного и художественного[5].

Характеризуя состояние русского языка второй половины XX века, Астафьев с болью говорит о таких уродливых явлениях, как безудержная жаргонизация и криминализация устной речи, бездумное заимствование иностранных слов («инаугурация» и др.), втаптывание в грязь исконных слов языка (например, слова «блин»), бедный запас слов. «Ох как больно, порой трагично народу нашему обходились всяческая забывчивость и предательство впитанного с молоком матери родного языка»[6].

«Тюремно-лагерно-ссыльному сленгу» Астафьев противопоставляет родной язык, родное слово, не раз обращаясь к речи сибиряков.

Астафьев подчеркивает роль сибирского диалекта как источника, питающего литературную речь: «Мы ведь говорим много, неинтересно, длинно и путано оттого, – сокрушается писатель, – что не знаем своего родного языка, не умеем, не научены им толком пользоваться, в то время как сибирские старообрядцы, не подверженные новомодным влияниям, сохранили "чистейший, образный русский язык"»[7].

Сибирский диалект для писателя был символом малой родины: «...землячество объединяло всех сибиряков и на фронте. В толчее армейской, в окопном скопище по говору узнавали чалдоны друг друга и так светло радовались этому – язык объединял нас, роднил... То же и в литературе. Сергей Павлович Залыгин, Николай Николаевич Яновский, Сергей Сартаков, Владимир Чивилихин, тот же Виль Липатов, Василий Фёдоров, Аскольд Якубовский, Ефим Пермитин и многие другие, оказав-

---

[5] См.: *Бобкова Ю. Г.* Живое слово народной речи в художественном стиле В. П. Астафьева // 1-е Астафьевские чтения (17–18 мая 2002 года). Пермь, 2003. С. 37–38; *Подюков И. А.* Эстетика народной речи в поэтике В. П. Астафьева // 1-е Астафьевские чтения (17–18 мая 2002 года). Пермь, 2003. С. 7–14; *Блинова О. И.* Очарованный словом: Заметки об идиостиле Виктора Астафьева // Феномен В. П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: Сб. материалов 1-й Междунар. науч. конф., посвященный творчеству В. П. Астафьева (7–9 сентября 2004 года). Красноярск, 2005. С. 178–183; *Демидова Т. А.* Роль образных единиц в формировании идиостиля В. П. Астафьева // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. С. 5–23.

[6] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. С. 85–89.

[7] Там же. С. 87.

шись жителями столицы, за счастье почитали встретиться, пообщаться, потолковать о Сибири "по-сибирски"»[8].

В творчестве Виктора Петровича сибирской деревне посвящено значительное число повестей и рассказов. С этим связано его широкое обращение к сибирской речи как средству художественной изобразительности. В этом он находил поддержку у читателей, литературных критиков, редакторов[9].

Писатель осознавал, что диалектная лексика трудна для перевода на другие языки. «Во Франции, Финляндии, Чехословакии, Польше и еще в каких-то странах переводили "Царь-рыбу" и везде мучились с переводом как самого витиеватого, непереводимого названия, так и с текстом, перенасыщенным "русскостью", но это меня мало волновало»[10]. В одном из интервью по поводу перевода повести «Последний поклон» на английский язык под названием «Кивок головы» он заметил: «Думаю, что мои труднопереводимые названия книг и язык, изобилующий местной речью... переводить буквально нельзя»[11].

Трепетно и с любовью относился Виктор Петрович к сибирским диалектным словарям. С большинством из них он был знаком, некоторые использовал как дополнительный источник в своей работе. Вот ряд его определений, относящихся к словарям: *уникальный, бесценный труд; хранители отечественной культуры; святое, патриотическое, нужное народу дело; благородное, творческое дело; словесные клады*[12].

Привожу выдержку из письма Виктора Петровича: «Дорогие друзья-томичи! Дорогая О. И. Блинова! Легкая у вас рука у всех и добрый характер. "Словарь" (имеется в виду "Полный словарь сибирского говора". Томск, 1992. Т. 1. – *О. Б.)* вы мне прислали к самому разу – я работаю над второй книгой романа ("Прокляты и убиты". – *О. Б.*) и ваш труд очень мне поможет, да уже помогает в работе. Спасибо, спасибо! Рад, что, несмотря на все неурядицы, научная работа продолжается и вы дела-

---

[8] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. С. 90.

[9] Там же. С. 90.

[10] Там же. Т. 15. С. 430.

[11] *Шлёнская Г.* Взаболь. Отрывки воспоминаний // «И открой в себе память...»: Материалы к биографии В. П. Астафьева. С. 268–269.

[12] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. С. 90–92.

ете Богом назначенное дело. <...> Ваш В. Астафьев. 21 июня 1993 г., с. Овсянка»[13].

Писатель, выражая признательность за присылаемые ему словари, высказал пожелание: «...комплименты, которыми меня осыпают критики и читатели за знание родного языка, надо бы адресовать на кафедры русского языка Томского университета и в Красноярский пединститут»[14]. Следует заметить, что сибирские словари служили лишь дополнительным подспорьем в работе писателя, прекрасно знавшего сибирский диалект.

Хочу привести еще два высказывания В. Астафьева. Первое: «Настало время ценить и поощрять тех, кто помогает сохранить и вернуть нам самое дорогое, что у нас еще есть, – наше родное слово, основу основ нашей жизни»[15]. И второе: «Когда такие люди... стерегут русское слово, быть ему живу и России воскреснуть. Живо слово – жив народ»[16]. Комментарии, как говорится, излишни.

Виктор Петрович не оставил нам работ о том, каким он видел художественное слово. Об этом красноречиво говорит его творчество, его размышления, разбросанные в комментариях к отдельным томам собрания сочинений, встречающиеся в его интервью, в тексте повестей и рассказов.

Одна из ярких особенностей идиостиля Астафьева, как уже отмечалось, привлечение в художественные произведения значительного диалектного пласта. Диалектный пласт в прозе Астафьева, словно пласт сибирской земли, – это одно из языковых средств живописания Сибири, ее природы: цветов и трав, деревьев и кустарников, рек и ручьев, возвышенностей и низин, ее людей, их быта, промыслов, обрядов и обычаев.

Следуя лучшим традициям русской литературы, Астафьев идет в эстетическом освоении диалектного пласта дальше, расширяя его роль и художественные функции. Диалектизмы в астафьевской прозе не экзотика, не случайные вкрапления в литературную речь, а полноправные слова, которые не берутся в кавычки, крайне редко поясняются, они *живут* в поэтическом

---

[13] Страницы жизни Виктора Астафьева со страниц его писем/ Публ., коммент. и примеч. О. И. Блиновой // Вестн. Томского ун-та. Сер. Философия. Культурология. Филология. 2003. № 277. С. 231.

[14] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. С. 90.

[15] Там же. С. 91.

[16] Страницы жизни Виктора Астафьева со страниц его писем: Публ., коммент. и примеч. О. И. Блиновой // Вестн. Томского ун-та. Сер. Философия. Культурология. Филология. 2003. № 277. С. 3.

тексте, *живут* как единственно возможные, единственно необходимые для воплощения художественного замысла: «Дом мальчика стоял лицом к реке, зависая окнами и завалинкой над подмытым крутоярьем, заросшим шептун-травой, чернобыльником, всюду пролезающей жалицей»[17].

В традициях русской литературы функциональные характеристики диалектных элементов укладываются в следующий набор: диалектизмы как средство реалистического изображения крестьянской жизни; средство создания местного колорита, социально-речевого портрета; средство стилизации под народную речь; реже – как средство создания образности. В прозе Астафьева диалектизмы характеризуют его идиостиль: создание поэтичности, насыщенной образности, звукописи, музыкальности, мелодики и ритмики; кроме того, диалектизмы связаны с эстетическим отражением народной культуры – духовной и речевой[18].

Концентрация, насыщенность художественного текста образными единицами языка – метафорами, сравнениями, антропоморфизмами – одна из ярких черт идиостиля Астафьева. В нижеприведенном тексте насыщенность диалектными словами – 6 на 6 строчек отрывка: «Тлен прошлогодней травы, закисающих болот и умершей хвои плотно прикрывало ароматами новоцветья. На смену сыплющимся на угреве жаркам, свернувшейся медунице слепило золотом куреслепа, по оподолью кустов и каменных гряд шел в дудку дедюльник – так в здешних местах по-детски ласково называли медвежью пучку»[19] («У золотой карги»).

Диалектное слово в прозе Астафьева может выражать не одну, а несколько фигур речи. Не однажды встречающееся на страницах его произведений слово «оподолье» с обыденным зна-

---

[17] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 9.

[18] См.: *Подюков И. А.* Эстетика народной речи в поэтике В. П. Астафьева // 1-е Астафьевские чтения (17–18 мая 2002 года). Пермь, 2003. С. 7–14, 162–167; *Блинова О. И.* Очарованный словом: Заметки об идиостиле Виктора Астафьева // Феномен В. П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: Сб. материалов 1-й Междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В. П. Астафьева (7–9 сентября 2004 года); *Бобкова Ю. Г.* Концепт и способы его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева (на материале цикла «Затеси») // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007; *Демидова Т. А.* Роль образных единиц в формировании идиостиля В. П. Астафьева // Автореф. дис. ... канд. филол. наук.

[19] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск, 1998. Т. 7.

чением «кромка подола [платья, юбки]», овеянное фольклорной традицией, обретает метафорическое значение береговой кромки, кромки «каменного платья» могучей сибирской реки. Одновременно это слово вплетено в рамки приема синтаксического параллелизма, создающего ритмику отрывка: «[Река] одетая / в каменное платье, / украшенная / по оподолью / то тяжелыми блестками алмазов / вечной мерзлоты, / то жарким пламенем цветов / по берегам-бечевкам /, то мысом, / вспененным пушицею / галечными заплесками»[20] («Туруханская лилия»).

Диалектизмы выполняют важную и «ответственную» функцию – функцию заголовка, наполненного образно-символическим смыслом. Один из замечательных Астафьевских циклов, объединяющих около двухсот авторских «собеседований с собой и с людьми», назван диалектным словом «Затеси». Семантику его писатель объясняет в первой из семи тетрадей цикла «Падение листа», в рассказе «Поход по метам»: «Затесь – сама по себе вещь древняя и всем ведомая – это стес, сделанный на дереве топором или другим каким острым предметом... белеющая на стволе дерева мета была видна издалека, и ходили по тайге от меты к мете...

В разных концах России название мет варьируется: «зарубы», «затесины», «затёски», «затёсы», по-сибирски – «затеси». <...> Название таежных мет врубилось в мою память... прочно и... надолго»[21].

Обретя всероссийскую известность, слово «затеси» наполнилось глубоким философским смыслом: это не только меты на дереве, но и, по выражению писателя, на «древе жизни», «зарубки на сердце о нашей с вами жизни, о прошлом, о войне»[22].

Диалектным словом названы и другие короткие рассказы писателя: «Хлебозары» (цикл «Падение листа»), «С кусоцкём», «Чужая обутка» (цикл «Игра»), «Бритовка» (цикл «Рукою согретый хлеб»), «У золотой карги», «Туруханская лилия» (повесть «Царь-рыба»), «Заберега» («Последний поклон»), повесть «Стародуб».

Особого внимания заслуживает название повести «Стародуб». В комментарии ко второму тому собрания сочинений,

---

[20] Там же. Т. 7.

[21] Там же. Т. 7. С. 8.

[22] Там же. Т. 7. С. 8.

куда включена повесть, В. Астафьев пишет о том «наваждении», той магии, которая исходит от цветка: «...цветок стародуб, как первая любовь, не расцветает на бумаге, сиял в моем сердце и требовал или, может, нашептывал мне о себе во сне и наяву, чтоб я никогда не забывал о нем и о родине его – Сибири, чтобы непременно рассказал людям о лесных чудесах и таинствах, поделился тем богатством, которое цвело в моей душе, согревая ее, наполняя светом любви ко всему сущему и красивому, подаренному Создателем нам, грешным людям»[23].

В начале повести устами охотника-старообрядца раскрывается история названия цветка *стародуб* (от дуба), который в ходе развития сюжета обретает разные символические значения – от символа стойкости до символов родины, несбывшейся любви к женщине, добра и любви к людям. Слово «стародуб» наделяется статусом ключевого и выполняет в повести функцию обрамления.

В. Астафьев чуток к внутренней форме слова, особенно диалектного, и нередко прибегает к использованию приема оживления его внутренней формы, что неизбежно ведет к созданию языковой образности.

Так, сибирское название купальниц *жарки́* с огненным цветом их лепестков (за что в среднеобских говорах они получили название *огоньков*) писатель сопоставляет с жаркими углями, используя мотивационную связь: «Дотлела зорька. Темнота обступила костер. Вокруг него виднеются бледные пятна цветов. Эти желтые цветы на Урале и в Подмосковье называют купавками, а в Сибири – жарками, потому что в Сибири они огненно-яркого цвета и светятся в траве, что жаркие угли»[24] («Ах ты, ноченька»). В другом случае название *жарки* он оживляет с помощью также диалектного слова *отгар* – «то, что отгорело»: «Купыри и морковники силились пойти в дудку, жарки тут, на солнцепеке, уже сорили по ветру отгаром лепестков...»[25] («Монах в новых штанах»).

В центре изучения творчества Виктора Астафьева (центр открыт в Библиотеке-музее села Овсянка) есть стеллаж, на одной из полок которого стоят все среднеобские словари, при-

[23] Там же. Т. 2. С. 488.
[24] Там же.
[25] Там же.

сланные или привезенные томскими словарниками в дар писателю. Один из них – «Словарь образных слов и выражений народного говора» с посвящением: «Виктору Петровичу Астафьеву, ценителю и знатоку народного слова» – вышел в свет 29 ноября 2001 года.

Причисленность к лику очарованных словом Виктор Петрович доказал всем своим творчеством, всей своей жизнью.

Л. П. Быков
заведующий кафедрой русской литературы XX века
УрГУ им. А. М. Горького, г. Екатеринбург

ВИКТОР АСТАФЬЕВ И ЖУРНАЛ «УРАЛ»

Встречи, подобные нынешней, нужны не герою этих чтений, а нам. И нужны не столько как материал для рефлексий (в этом отношении наследие В. Астафьева не слишком отличается от прозы Ю. Бондарева или, скажем, В. Катаева), сколько как камертон, по которому настраивают слово пишущий и внутренний слух читающий. Вот почему Астафьевские чтения, где бы – в Красноярске, Перми, Вологде – они ни проводились, должны множить свои порядковые номера.

Недавно к нам в Уральский университет пришло письмо из Шведской академии с предложением выдвинуть кандидата на Нобелевскую премию по литературе 2009 года. И мы, признаюсь, оказались в немалом затруднении. Понятно, что хотелось назвать – по естественному патриотическому порыву – представителя отечественной словесности. Но кого? И вот тогда-то подумалось: жаль, что среди живущих нет уже Виктора Петровича. Нобелевским лауреатом он, даже окажись к нему судьба более благосклонна в отношении продолжительности жизни, все равно, полагаю, не стал бы, но за такого кандидата ничуть не было бы стыдно.

А почему бы он остался без этой премии, самой в мире престижной литературной награды, хотя ее в последние годы не раз получали и писатели куда более скромного, чем у героя наших чтений, дарования? Да потому что он – слишком русский, слишком наш. И, среди прочего, эта акцентированная *нашесть* непосредственно соотносится с темой и материалом моего сообщения.

Один из первой десятки российских прозаиков XX века, Астафьев подчеркнуто и последовательно провинциален. Его место на литературной карте страны, как и место прописки персонажей его произведений, с опережающей точностью обозначил названием своей книжечки о писателе критик Александр Макаров – «Во глубине России».

Всю жизнь остававшийся жителем русской провинции в разных ее вариантах – сибирском, уральском, вологодском, – Астафьев с неизменной дотошностью интересовался литературной жизнью и жизнью литераторов российской глубинки. «Не забывайте Перми и Быковки»[1], – на всякий случай наставлял его в одном из писем 1971 года Борис Никандрович Назаровский. А он и не забывал. Всегда помнил о той среде, той почве, из которой вырос. И всегда потому действенно заботился о том, чтобы в этой почве все литературно состоявшееся не затерялось.

Писатель в России на протяжении XIX и XX столетий был накрепко связан с отечественной периодикой. Это ныне дебют (и подчас любопытный) сразу книгой – не редкость. А еще недавно путь к читателю у пишущего, и прозаика прежде всего, с непременностью предполагал лабиринты коридоров журнальных редакций. И первым журналом, с которым у Виктора Петровича установилось длительное и для обеих сторон полезное сотрудничество, оказался журнал «Урал». Можно даже сказать, что становление и писателя Астафьева, и этого журнала происходило почти в одно и то же время и во многом оказалось взаимообусловленным.

«Урал», подобно еще нескольким региональным литературным ежемесячникам, возник в «оттепельную» пору, на исходе 1950-х. До этого не в столицах выходило только два литературных журнала – «Сибирские огни» и «Дальний Восток», однако и они находились на крайне скромной «диете», поскольку были вполовину тоньше «Нового мира» и выходили раз в два месяца. А тут о себе заявили «Подъем» в Воронеже, «Дон» в Ростове, «Урал» в Свердловске. Не забудем, что в эту пору, в 1957 году, возник и Союз писателей РСФСР, одной из главных задач которого стала именно активизация литературной жизни российских регионов.

Астафьев стал автором «Урала» с первого года существования журнала, пусть и не с начального его номера (1958,

---

[1] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 14. С. 60.

№ 3). Это сотрудничество было вполне естественным: Виктор Петрович к тому времени уже обратил на себя внимание в крае, был автором не одной книги. Единичные публикации у него в эти же годы произойдут в столичных изданиях – «тонкой» «Смене» и «толстом» «Знамени», но это будут лишь разовые выступления. А в «Урале» он на рубеже 1950–60-х печатался многажды. (Нелишне будет заметить, особенно при нынешней скудости журнальных касс, что такое сотрудничество, помимо творческой потребности, поддерживалось и материальной заинтересованностью. Не случайно писатель, сообщая А. Макарову в мае 1961 года, что шлет новый свой рассказ в «Урал», упоминает о том, что «там обещают быстро деньжонки заплатить»[2].)

Любопытно, что заявил о себе как авторе «Урала» Астафьев не рассказом или повестью, а рецензией. Но уже в следующем году журнал напечатает и его «Глухую просеку» (1959, № 1) – рядовой по тем временам рассказ, и повесть «Перевал» (1959, № 5), о которой многократно и резонно говорилось, что и для самого автора это произведение стало *перевалом* – от поры ученичества к обозначению творческой индивидуальности. Драматическое соположение человека и природы трактуется здесь писателем ради осмысления природы человеческого: «Если в жизни будет трудно, если случится беда, надо бежать не от людей, а к людям».

И ровно через год в журнале будет опубликована астафьевская повесть «Стародуб» (1960, № 6), где натурфилософская позиция автора, очень зоркого на проявления и человеческого зла, и человеческой доброты, тоже будет заявлена со всей определенностью. При всей умышленности, даже экспериментальности рассказанной истории в ней можно разглядеть подготовительные наброски будущей «Царь-рыбы».

Текстологами уже выделена примечательная частность. В журнальном варианте повести старый Фаефан Кондратьевич завещает юному Култышу «голубую гору», то есть месторождение мрамора, а этот его воспитанник передает мрамор строителям очередной в крае гидроэлектростанции, что делает эстафету добра в повести слишком назидательной. В последующих изданиях «Стародуба» уже не будет упоминаний о ГЭС, нуждающейся в мраморе для облицовки.

---

[2] *Астафьев В. П., Макаров А. М.* Твердь и посох: Переписка 1962–1967 гг. Иркутск, 2005. С. 40.

В свою очередь сошлемся на то, что в № 6 за 1959 год была подборка материалов под названием «Мой герой. Писатели о своем творчестве», где монолог Астафьева итожится таким признанием: «Словом, мой герой – это тот парень, который не особенно в глаза бросается, который без шума и гама творит новую жизнь, воспитывает детей, выполняет семилетний план».

Подобные публикации свидетельствовали о том, что писатель нащупывает свой путь, но дается ему эта самостоятельность непросто. Еще одним подтверждением таких трудностей стала публикация в первом номере «Урала» 1960 года, между «Перевалом» и «Стародубом», типичного советского очерка «Человек родился», у которого в авторах значатся В. Астафьев и Ю. Сбитнев. И название, и содержание этой развернутой публикации, конечно же, побуждают вспомнить очерк М. Зощенко под таким же названием, написанный в 1930-х годах, после нелестной памяти поездки группы советских писателей на строительство Беломорканала. Вячеслав Дылдин, герой очерка в «Урале», тоже «перековывается» в трудовом коллективе: был драчун, не умел себя сдерживать, а в итоге стал знатным сталеваром, грозой чусовских хулиганов. И мораль у текста соответствующая: «Жизнь перемалывает сырье, из руды металл делает». В. Лукьянин в недавней книге об истории журнала «Урал» резонно в этой связи констатирует: «Авторы Славке-Вячеславу сочувствуют и верят, и так уж устроена литература, что и я, читатель, сочувствую и верю ему с первой строчки, а все-таки где-то в подсознании живет сомнение: в жизни вот так "кругло" редко случается»[3].

Сам Виктор Петрович позднее весьма самокритично отзывался о своих публикациях этих лет. Так, спустя десятилетие после выхода журнального «Перевала» он провел не самую отрадную для себя параллель между этой повестью и сочинением одного из многочисленных коллег и эпистолярных собеседников – Владимира Колыхалова: «Книга твоя хороша, слов нет. Но вся она пока еще от стихийного таланта, неорганизованного, невзнузданного. <...> Можно гвоздить дальше на этом же уровне, эксплуатируя биографию и дарование, – это очень простой и легкий путь. А если по-другому?.. Ох, трудное это дело! Повесть «Перевал», написанную по тому же принципу, что и твои

---

[3] *Лукьянин В.* «Урал»: Очерки истории журнала: рождение, становление. Екатеринбург, 2007. С. 107.

«Побеги», и о том же, я писал несколько месяцев, и ее напечатали мгновенно. А хвалили-то как! Взахлеб! Повесть "Пастух и пастушка" (того же размера – 6 листов) пишу уже третий год, и конца работы еще не видно, и я совершенно не уверен, что кто-либо решится ее печатать»[4].

Взнуздание своего таланта, осознание своих возможностей и своих задач Астафьев осуществлял в 1960-х годах весьма стремительно. И здесь чрезвычайно показательна еще одна публикация писателя в «Урале», которая обратила на себя, пожалуй, большее внимание, нежели предыдущие его опыты в прозе, – критическая статья «Нет, алмазы на дороге не валяются» (1962, № 11). Эта обстоятельная публикация, открывшая затеянную журналом дискуссию «Писатель и время», стала, как подчеркивали многие астафьеводы, принципиальной и программной для автора. Писатель настаивал на необходимости одолевать внутреннюю робость и говорить то, что думаешь и что хочешь сказать. Он решительно оспорил «календарное» понимание современности литературных созданий, когда на щит поднимаются книги, «которые выходят в третьем квартале года, а действие их развертывается в первом». Астафьев развенчивает те опусы, которые иллюстрируют идеологические схемы, уместно подкрепляя свои выкладки сентенцией Писарева: «Творчество с заранее задуманной практической целью составляет явление незаконное». В статье обращается внимание на разрыв между читательским и критическим восприятием, когда последнее подчиняется идеологическим императивам: критика ругает, а читатели хвалят. Обозначилось в этом выступлении и то, что намекает на возможность будущего астафьевского романа о войне: «Мы увезли с фронта не только груз потерь и утрат, тяжесть гнетущих окопных воспитаний, а также память о тех несправедливостях, которые не раз... обрушивались прежде всего на солдатские головы» (и впрямь ведь, согласитесь, брезжат контуры романа «Прокляты и убиты»).

Такое по тогдашней поре бескомпромиссное выступление Виктора Петровича тут же получило решительный окорот. В следующем за ноябрьским номере журнала прозаик Вадим Очеретин напомнит о том, что советский писатель должен жить современностью, а поскольку «главное в нашем труде – борьба

---

[4] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. С. 49–50.

за коммунистические идеалы», то нужно за них «бороться порой так же, как автоматом» (статья называлась «Быть с народом наравне»). Критика астафьевской публикации прозвучала и на заседании бюро Свердловского обкома КПСС в феврале 1963 года, и на встрече в апреле того же года руководителей Пермского обкома партии с творческой интеллигенцией, в выступлении тогдашнего редактора областной газеты «Звезда» Н. Верзилова.

Показательно, что когда тот же В. Очеретин в самом начале 1968 года стал во главе «Урала», он решительно заявил: «Астафьев у нас печататься не будет». Но к тому времени писатель, опубликовавший в 1966 году в журнале рассказ «Осенние грусти и радости», вошедший позднее в «Последний поклон», уже активно сотрудничал с другими периодическими изданиями, преимущественно центральными (хотя до 1969 года оставался уральцем и продолжал читать «Урал»).

Фамилия Астафьева на несколько лет исчезла из журнала, но когда в 1980 году В. Очеретина на посту редактора «Урала» сменил В. Лукьянин, в критической рубрике журнала неоднократно откликались на журнальные и книжные публикации писателя.

А с периодикой Среднего Урала Виктор Петрович все равно оставался связан, поскольку многие годы деятельно состоял в редколлегии журнала «Уральский следопыт». Но это уже иной сюжет.

П. А. Гончаров
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой литературы
Мичуринского государственного педагогического института
П. П. Гончаров
кандидат филологических наук,
г. Мичуринск Тамбовской области

УРАЛЬСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОЗЕ В. П. АСТАФЬЕВА 1970-х – НАЧАЛА 1990-х

Уральские реалии с момента знакомства В. Астафьева с Чусовым, от начала оригинального творчества и до конца творческого пути, станут значимой основой его литературных произведений. Уральские образы, проблемы, сюжеты из газетных

публикаций в «Чусовском рабочем» В. Лидина, В. Саянского, В. Петрова (журналистские псевдонимы В. Астафьева) перейдут затем в рассказы, в ученический роман «Тают снега», в заключительные главы «Последнего поклона», в повесть «Веселый солдат». Первый из опубликованных писателем рассказов написан в Чусовом. Один из последних рассказов В. Астафьева «Пролетный гусь» возвращает читателя во времена послевоенного лихолетья на Урале.

Уральские впечатления часто ложились в основу и тех его произведений, которые были написаны о весьма далеких от Урала краях и людях. Прежде всего индустриальный Урал, ставший, вероятно, точкой отсчета для «Царь-рыбы». Так, перед публикацией «Царь-рыбы» в одном из интервью 1974 года писатель рассказывает: «На Урале был такой случай: спалил один ротозей гриву леса на косогоре. Его поймали и судили. По закону полагалось его оштрафовать. Судья поступил иначе. Он вынес определение (или как это называется на юридическом языке), чтобы подсудимый засадил выжженный косогор. Три года таскал злоумышленник в мешках саженцы и следил за ними до тех пор, пока на косогоре не появилась молодая рощица. Он сам говорил потом, любуясь рукотворным лесом: "Вот если бы всех паразитов эдак – тогда и леса были бы у нас целы, вода и воздух чисты..."»[1] Проблематика «Царь-рыбы», даже мифологическая символика (три года) здесь предельно актуальны и выразительны.

Урал и в период работы писателя над «Царь-рыбой», и многие годы спустя оставался в его публицистике основой для размышлений о гибельности технического прогресса. В конце 1980-х В. Астафьев так комментирует рождение и динамику своих воззрений на современные экологические проблемы: «Повидавши разгром природы на Урале, гибель деревни в средней России и наблюдая варварское, колониальное отношение к природе, земле и богатствам великой, богатейшей страны под названием Сибирь, с горьким недоумением глядевший в погибшие воды рек Европы – Эльбы, Рейна, Сены, я никакого оптимизма насчет будущего земли высказать не могу, хотя и рад бы. По этой же причине

---

[1] Вологодские затеси Виктора Астафьева. Материалы к творческой биографии писателя / Гл. ред. С. А. Тихомиров. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 500.

не верю и в мировую гармонию, тем более в достижение ее посредством научно-технической революции»[2] («Хомо технократус»).

Если «родная Сибирь» воспринимается и изображается В. Астафьевым в прозе этого времени («Пастух и пастушка», «Царь-рыба», «Последний поклон» и др.) как «зооморфный и одновременно антропоморфный образ», персонифицированный в царь-рыбе, в батюшке Енисее, в шаманке, в матери Акимки, в матери автобиографического героя его повестей, как «метагеографический образ», как особая страна, особая историческая, этнокультурная данность «одновременно внутри, но и на периферии России»[3], то Урал представляется писателю иначе.

Урал, его реалии поэтически осмыслены Астафьевым (не считая неудачного романа) в целом ряде ярких рассказов и затесей, написанных в уральский период жизни и творчества: «Ночь космонавта», «На далекой северной вершине», «Восьмой побег», «Яшка-лось» и др. Эта работа продолжалась и после его переезда в Вологду, а затем в Сибирь. Наиболее яркие произведения о Сибири написаны писателем на Урале и в Вологде. Особенно интересны уральские реминисценции, отголоски уральских впечатлений в прозе В. Астафьева 1970-х – начала 1990-х годов, когда писатель покинул Урал, жил и работал в Вологде, а затем в Сибири. Вероятно, удаленность объекта творчества во времени и пространстве у Астафьева лишь способствовала поэтической выразительности его воссоздания.

Однако Урал, ставший для В. Астафьева больше чем на два десятилетия тоже близким, не воспринимался писателем так же органически, как Сибирь, в качестве части «самого себя», а потому осмысливался и представлялся во многом через призму литературной традиции. Нечто подобное произошло затем и с Вологодчиной.

Литературные реминисценции ощутимы в самой «литературной» – в плане воздействия традиций – повести «Пастух

---

[2] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997–1998. Т. 12. С. 290.

[3] *Гончаров П. П.* «Царь-рыба» В. П. Астафьева: жанровая и композиционная функция образа Сибири. Дисс. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2007. С. 4–192.

и пастушка» (1971–1989), задуманной и написанной по большей части на Урале. «Насколько хватало взгляда – степь, немая, предзимно взявшаяся рыжеватой шерсткой. Солончаки накрапом пятнали степную даль, добавляя немоты в ее безгласное пространство, да у самого неба тенью проступал хребет Урала, тоже немой, тоже неподвижно усталый. Людей не было. Птиц не слышно. Скот отогнали к предгорьям. Поезда проходили редко»[4]. В метафорических эпитетах «немой», «усталый», в созданной с их помощью картине запустения имеет место своеобразный перепев известных стихов А. Твардовского из поэмы «За далью – даль»:

Урал!
Завет веков и вместе –
Предвестье будущих времен.
И в наши души, точно песня,
Могучим басом входит он –
Урал!
Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец.
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец...[5]

Теоретически можно предположить, что определенное воздействие и на Твардовского (прямое), и на Астафьева (обратное акцентированию индустриальной громогласности) оказал Урал Б. Пастернака («Урала твердыня орала...»), но слишком удалены друг от друга поэтические системы Астафьева и Пастернака, Пастернака и Твардовского, чтобы иметь реальные основания строить такие параллели.

Персонификация Твардовского не просто принята Астафьевым, но переосмыслена в соответствии с его концепцией войны и всей русской истории. Астафьев воспринимал Великую Отечественную как апокалипсис, как время гибели (а не славы!) России. Наиболее ярко эти идеи сформулированы писателем в его романе «Прокляты и убиты», но имплицитно они присутствуют уже в «Звездопаде» (апокалиптический образ

---

[4] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 3. С. 7.
[5] *Твардовский А. Т.* Поэмы. Пермь, 1973. С. 384.

заложен в названии), в повести «Пастух и пастушка». Повесть содержит в себе сцену боя, где изображен (в первых изданиях) похожий на «пророка небесного» горящий немец[6].

По мысли В. Астафьева, война надорвала жизненные силы России, в том числе и ее главного «добытчика» – вероятно, поэтому «хребет Урала» в его повести и выглядит «усталым» и пустынным. Урал предстает в астафьевской вселенной человеческим «органом», частью антропоморфного образа России. Как хребет (позвоночник) оказывается вертикальной линией симметрии человеческого тела, так «хребет Урала» представляется своеобразной «линией симметрии» между европейской частью России и частью азиатской – Сибирью. Вместе с этой семантикой Урал приобретает значение наиболее важного, главного «органа» антропоморфного образа России, так как хребет – это не только горная цепь, но и позвоночник, в сложной метафоре-перепеве В. Астафьева – «хребет» главного «добытчика» России.

Не менее интересно и то, что метагеографический образ Урала почти одновременно приобретает темпоральное значение, настолько выразительной показалась писателю его поэтическая находка. В интервью 1974 года критику А. А. Михайлову для журнала «Вопросы литературы» В. Астафьев, характеризуя историческое значение Великой Отечественной войны, использует образ Урала в качестве пространственно-темпорального и одновременно антропоморфного символа: «Жизнь моего поколения разделяется так: до войны и после войны. И наш коллективный долг – показать оба эти массива жизни. Показать, что было до войны, необходимо для того, чтобы читатель понял и почувствовал, какое это великое бедствие – война. Это Уральский хребет нашей жизни»[7].

Темпоральность, присущая образу «усталого» «хребта Урала» в контексте повести «Пастух и пастушка», содержит одновременно и геополитическую аллюзию. Воссозданный Твардов-

---

[6] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Молодая гвардия, 1979–1981. Т. 1. С. 306.

[7] Вологодские затеси Виктора Астафьева. Материалы к творческой биографии писателя / Гл. ред. С. А. Тихомиров. С. 497.

ским образ Урала – «добытчика и кузнеца» – имеет, как и вся его поэма, непосредственное отношение к расцвету, к точке наивысшего могущества советской империи, к 1950-м годам. Переосмысленный Астафьевым образ «усталого» и «немого» «хребта Урала» в большей степени соотносится с временем «стагнации», «застоя», имеющих много общего с «усталостью» некогда неудержимо динамичной державы.

Запустению (материальному и нравственному) послевоенной деревни да и всей России Астафьев мог противопоставить существовавший по большей части только в памяти художника мир добра, красоты, ассоциирующийся прежде всего с прошлым, с его детством. «Бывшее», прошлое в воображении не только Астафьева, но и многих русских писателей (С. Аксаков, И. Гончаров, И. Бунин, М. Осоргин, В. Распутин и др.) предстает более привлекательным, чем настоящее и даже будущее.

Идеализированные образы далекого и недалекого прошлого составляют основу положительного полюса астафьевского мироздания. Как с высоты конца 1950-х – 1970-х годов Астафьев смог увидеть поэзию собственного детства в сибирской деревне Овсянке, так в вологодский период своего творчества он воссоздает ставшую для него дорогой уральскую деревню Быковку, персонифицировав ее в образе Паруни.

Паруня – олицетворение русской женщины вообще, в ней, по утверждению писателя, «воплотился весь облик и характер женщины-россиянки»[8]. Очерк «Паруня» (1977–1985), посвященный ей, Астафьев неслучайно завершает восклицанием: «Мир праху твоему, русская женщина!» Вероятно, поэтому Астафьев сближает ее с другими женскими образами русской литературы: с Матрёной Григорьевой из рассказа А. Солженицына «Матрёнин двор», с безответными труженицами из произведений Ф. Абрамова и В. Белова. Они имеют много общего в драматических судьбах, близки своим трудолюбием, кротостью, добротой, безотказностью, тактом, душевной робостью и другими свойствами души.

Что касается созвучий с солженицынской Матрёной, то воссоздаваемые в подцензурном произведении Астафьева черты сходства героинь призваны были не только еще раз утвердить близость обоих писателей во взгляде на русского человека,

---

[8] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 351.

в признании его бесспорных достоинств, но и напомнить читателю о присутствии (пусть лишь аллюзивном, ассоциативном) в русской литературе идей и образов великого изгнанника.

В астафьевском очерке «Паруня» читаем: «Но вот пришла огородная пора, и ожила деревушка Быковка. Из угарных, скособочившихся изб вышли на свет хозяйки, принялись чинить городьбу, жечь огородный хлам и прошлогоднюю картофельную ботву; кислым дымом из огородов потянуло; за соседней баней проорал руководящим голосом петух, взмыкнула корова, а вон и давно привычный крик слышен: "Парушка! Ты завтре приходи на помочь!.." В Быковке издавна все делается артельно. Поодиночке женщинам было бы с жизнью не совладать. Первой в работе, любой, особенно которая потяжелее, всюду была и есть Паруня, попросту Парушка...»[9] Призыв о помощи, обращенный к Паруне, Астафьев делает частью присущих уральской весне природных голосов. Призывный «крик» идет в продолжение петушиного крика и взмыкивания коровы. Как вся Паруня есть необходимая часть русской деревни, так и бескорыстная ее помощь воспринимается в качестве продолжения органики русской жизни.

Сцена оказывается предельно, до деталей созвучной эпизоду из жизни владимирской деревни в рассказе А. Солженицына, написанном в начале 1960-х годов: «Но не колхоз только, а любая родственница дальняя или просто соседка приходила тоже к Матрёне с вечера и говорила: "Завтра, Матрёна, придешь мне пособить. Картошку будем докапывать". И Матрёна не могла отказать. Она покидала свой черед дел, шла помогать соседке»[10].

В. Астафьев предельно скромно отозвался о своем очерке-рассказе в комментариях к «Паруне». Он отмечал: «Я очень редко и мало писал и пишу о тех местах, где мне хорошо жилось и работалось. Так, мимоходом чего-нибудь ляпну – и пошел, поехал дальше, и о деревне и речке Быковке чиркнул какие-то "затеси", мимоходные заметки, рассказ – и всё. Быковка та была и осталась в моей жизни самым добрым и плодотворным временем. Здесь я начал "Последний поклон", докончил "Кражу". С неистовым озарением, за три дня, нагвоздил черновик "Пастуха и пастушки". <...> Удалось ли до конца – наверное, нет – передать мне словом всю мою любовь, всю мою печаль, тре-

---

[9] Там же. Т. 8. С. 61.

[10] *Солженицын А. И.* Малое собр. соч.: В 7 т. М.: ИНКОМ НВ, 1991. Т. 3. С. 123.

пет мой, но, видит Бог, я стремился изо всех сил, стремился передать все свои лучшие чувства, которые я испытывал, живя в этом неприметном, самом дорогом сердцу, после родной деревни, уголке русской, уральской земли, к людям, что его населяли, и прежде всего к незабвенной российской труженице – Паруне»[11].

В. Астафьев, как писатель-традиционалист, как верный устоявшимся традициям русский человек, захотел вспомнить, а затем хотя бы в слове воссоздать на Урале, в Вологде и Красноярске наиболее близкое и дорогое для него – деревню детства Овсянку и похожие на нее уральскую Быковку, вологодскую Сиблу. Вымирающую, но дорогую для него деревню, с неспешными жителями, с природной гармонией, с трудовой жизнью, с поэзией природной красоты. Он нашел в них то, что не нашел ни в Игарке, ни в Чусовом, ни в Перми, ни в Вологде, ни в Красноярске, но что имел в детстве: речку, лес, «угор», Паруню – олицетворение трудовой ипостаси русской женщины, бабушку Дашу, столь похожую на Катерину Петровну Потылицыну. Он силой поэтического воображения окружил себя привычным уютом крестьянской избы, ладом деревенской жизни, противопоставленной в отдаленной перспективе бесчеловечью «стального коня» неумолимой урбанизации, на индустриальном Урале ощутимой наиболее явственно.

На исходе 1980-х – в начале 1990-х годов, в эпоху перестройки, в астафьевском образе Урала актуализируется иной смысл. Популярная в перестроечной публицистике оппозиция «цивилизация – варварство», «Европа – Азия», «Восток – Запад», «Россия – Запад» привнесет в символику Урала В. Астафьева значение «пограничья», порога между свободой и неволей, жизнью и смертью, лиминальности.

В затеси «Праздник солидарности» главная тема – актуальная в перестроечную эпоху тема тоталитаризма, являющего свое истинное лицо даже в организации и проведении легкоатлетической эстафеты в день Первомая. Для нашей темы оказывается не менее важным, что город Чусовой, как и весь Средний Урал, характеризуется в рассказе в качестве едва ли не края света, крайней точки, куда доходит теплое дуновение

---

[11] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 8. С. 351.

Гольфстрима: «Именно здесь, в уральском городе и его окрестностях, окончательно останавливается и замирает течение Гольфстрим. И кабы оно, течение-то морское и воздушное, взяло бы и просто так остановилось, так нет ведь – прежде чем остановиться, походит, покружится подле города и над горою космической грозою, повыщелкивает все стекла в домах, побьет чего надо и не надо...»[12]

Анализируя сибирский текст, В. И. Тюпа констатирует: «Уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни»[13]. Как нам представляется, в конце 1980-х – начале 1990-х годов Астафьеву уже не только Сибирь, но и вся Россия, особенно советского периода, видится краем «лиминальной полусмерти», а что касается Урала, Перми, Чусового, то в связи с ними писателю вспоминаются прежде всего гулаговские эпизоды их истории.

В затеси «Две подружки в хлебах заблудились», с неизбежной долей натуралистичности повествующей об издевательствах над невинно осужденными и погубленными в уральских лагерях Зое и Августе, едва ли не самой значительной оказывается деталь метагеографического плана. Местом гибели многих узниц уральских лагерей оказывается «участок возле столбика “Европа – Азия”», поскольку он «среди всеобщего произвола и изгальства, будь на то соцсоревнование, по бесчеловечности, по зверству всегда занимал бы первое место»[14].

Урал как место «соцсоревнования» по бесчеловечности и зверству оказывается у Астафьева предельно сближенным с образом гулаговской Сибири, а события сорокалетней давности осмысливаются писателем в контексте политической жизни начала 1990-х годов: «Не они ли, не воспитатели ль

---

[12] Там же. Т. 7. С. 148.

[13] *Тюпа В. И.* Анализ художественного текста: Учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. С. 256.

[14] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 7. С. 499.

с хребта Уральского, не с сибирских ли каторжных руд начальники и политработники бегают ныне по митингам, потертыми мундирами трясут, размахивая красным флагом...»[15] Здесь свойственный астафьевской затеси лиризм готов уступить не менее органичной для писателя публицистичности.

Итак, уральские реалии в прозе В. Астафьева 1970-х – начала 1990-х годов стали основой для сложного, противоречивого образа Урала. Урал воссоздан писателем в качестве символа разрушающей природную гармонию индустриализации и урбанизации, как знаковая деталь метагеографического и диахронически подвижного образа России, как олицетворение уходящей в прошлое гармонии человека и природы, как четкая линия, разделяющая добро и зло, жизнь и смерть. Литературные реминисценции помогли прозаику «вписать» Урал в собственную художественную вселенную, наметить грани, придающие образу поэтическую оригинальность.

В. В. Дегтярёва
аспирант КГПУ им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск

МИФОЛОГЕМА РЫБЫ/КИТА В ТВОРЧЕСТВЕ Г. МЕЛВИЛЛА – Э. ХЕМИНГУЭЯ – В. П. АСТАФЬЕВА

Рассматривая повествование в рассказах Виктора Петровича Астафьева «Царь-рыба» (1976) в сопоставлении с романом Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (1851, русский перевод 1961) и повестью Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» (1952, русский перевод 1955), легко обнаружить, что мифологемы царь-рыбы (осетра), Моби Дика (Белого Кита, кашалота) и большой рыбы (марлина) в данных произведениях фактически являются вариантами одного из древнейших мифологических образов – образа *Рыбы*. Архаичность царь-рыбы легко обнаруживает себя в астафьевском тексте. А. В. Бармин указывает, что она «становится яснее в связи

[15] Там же. Т. 7. С. 502.

с «причудой» героини, которая однажды использовала осетровый череп как маску», и связывает поступок Глаши «с пережитком тотемного культа рыбы как предка всего человеческого»[1] (ср. образ Великой Рыбы-женщины в повести Чингиза Айтматова «Пегий Пес, бегущий краем моря» (1977)). В первобытную эпоху культ рыбы был распространен во всем мире, в том числе и в Сибири (свидетельством тому служат каменные рыбы из неолитических погребений, а также наскальные изображения). Следы этого культа легко обнаружить не только в современных нам обычаях и верованиях многих народов, но и в мировых религиях (в первую очередь в христианстве), в литературе и искусстве.

Так, в ряде мифов рыба выполняет функцию демиурга-творца, принося со дна первозданного океана ил, из которого возникает земля. В индуизме хранитель миров бог Вишну именно в образе рыбы-аватары достает со дна морского священные книги – Веды. Демиургическая функция рыбы имеет и пассивный вариант – в тех мифах, где рыба (кит или три кита, дельфин и т. д.) является опорой земли. При шевелении (волнении) рыбы-опоры происходят землетрясения и наводнения. Подобные мифы известны у многих народов Евразии. По мнению В. Н. Топорова, «сниженный вариант демиургической функции рыбы обнаруживается в преданиях и мифах о потопе, в которых рыба выступает как спаситель жизни»[2] (индийская, китайская, ацтекская мифология). Так, в древнеиндийском варианте данного мифа именно рыба предупреждает человека Ману о предстоящем потопе, наущает построить судно и тем самым помогает ему спастись. В Новой Гвинее, напротив, существует предание о том, как убийство большой рыбы привело к немедленному потопу и гибели всех людей, кроме семьи одного благочестивого человека, тщетно предостерегавшего своих соплеменников, чтобы они не трогали ее[3] (ср. сюжет романа «Моби Дик»).

---

[1] *Бармин А. В.* Сказка в повествовании В. П. Астафьева: (Материалы к исследованию) // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1983. С. 146.

[2] *Топоров В. Н.* Рыба // Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 392.

[3] *Фрэзер Дж. Дж.* Фольклор в Ветхом завете / Пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Политиздат, 1985. С. 96, 107–108.

Отголоски культа рыбы легко обнаружить в районе бытования преданий о Всемирном потопе (Ближний Восток, Малая Азия, Закавказье и др.). Так, например, народы Закавказья верили в существование некой *Матери-рыбы*, говорящей человеческим языком. Там же существует ряд табу на называние рыб и их употребление в пищу, особые ритуалы, сопровождающие рыбную ловлю.

Еще более ярко культ рыбы выражен у так называемых первобытных народов. Видный английский религиовед и этнолог Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941) описывал священное озеро в Африке, в котором категорически запрещено ловить рыбу, так как местные жители верят, что «в ней находятся их души и вслед за каждой пойманной рыбой угасает человеческая жизнь»[4]. Киты же у многих народов окружены еще большим почтением, и охота на них регулируется более сложными предписаниями и ритуалами. По свидетельству Фрэзера, на Мадагаскаре «за восемь дней до выхода в море команда китобойного судна начинала поститься. Матросы воздерживались от сношений с женщинами и от употребления спиртных напитков и признавались друг другу в самых тайных своих прегрешениях. Человеку, совершившему большой грех, принимать участие в плавании запрещалось»[5]. Сходный мотив недоступности «богоданной» рыбы для грешника особенно ярко воплощен у Астафьева.

С рыбой связана также ***тема смерти и воскрешения*** (женщина-рыба собирает тело расчлененного юноши и с помощью воды воскрешает его и проч.). В Индии и Китае, где рыба также символизирует второе рождение, ее образ нашел свое применение в похоронных ритуалах. В рамках этой же темы рассматривается и библейское предание об Ионе, проглоченном гигантской рыбой (в славянском переводе Библии – ***китом***) и через три дня и три ночи извергнутом ею на сушу. (В одной из русских сказок Ивана проглатывает и затем изрыгает рыба-щука.) Данный мотив получает развитие в пророчестве Христа о скором Своем воскресении: «Ибо как Иона был в чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий

---

[4] *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1980. С. 761.

[5] Там же. С. 248.

будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12:39–41). Во всех перечисленных случаях рыба является эквивалентом нижнего мира, то есть царства мертвых, кратковременное пребывание в котором может помочь человеку возродиться к новой жизни. Подобную роль играет и царь-рыба у Астафьева, встреча с которой приводит Игнатьича к покаянию не только за себя, но и за всех остальных людей, истязающих женщину и природу.

Смерть и водяной хаос олицетворяет и библейский Левиафан, изображаемый не только как гигантский дракон или змей, но и в виде невероятной величины рыбы (или кита). Отечественные исследователи возводят мифы о Левиафане «к представлениям об олицетворенном первобытном хаосе, враждебном Богу-творцу и некогда им покоренном, ныне же пребывающем в состоянии сна, однако могущем быть разбуженным»[6]. Развернутое описание Левиафана содержит Книга Иова, в которой Господь, отвечая герою из бури, в частности, восклицает: «Нет на земле подобного ему: он сотворен бесстрашным; На все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» [Иов. 41:25–26]. На это следует обратить особое внимание, так как именно левиафанами называет в романе Мелвилла Моби Дика и других китов герой-повествователь. В целом образ Белого Кита предстает перед нами как единство трех равновеликих начал: смертельной угрозы, неразрешимой загадки и божественного величия.

В образе царь-рыбы А. Ю. Большакова видит «проекции на символику христианства» и синтез «натурфилософских... и условно-мифологических, библейских пластов»[7]. По библейской традиции в конце мира рыбу получит Мессия и разделит ее с праведными (в Талмуде мессия так и обозначается – Dag, «рыба»). «Рыбная» метафорика Иисуса Христа отчетливо прослеживается в библейских текстах и прочей раннехристианской литературе. Рыба в ней служила символом веры, чистоты (ср. рыбу как олицетворение Девы Марии), а также крещения и причастия (где она заменяется хлебом и вином), и в данном

---

[6] Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. С. 2–43.

[7] *Большакова А. Ю.* Судьбы крестьянства в русской литературе: Моногр. Изд-во Ин-та педагогики социальной работы, 2002. С. 76.

контексте отнюдь не случаен евангельский эпизод насыщения четырех тысяч человек семью хлебами и несколькими рыбами (Матф. 15:32–38). Греческое слово *Ячиэт* («рыба») обычно расшифровывалось как аббревиатура греческой формулы «Иисус Христос, Божий сын, Спаситель». Иногда Христос прямо назывался в раннехристианской литературе «Рыбой», а сами христиане – «рыбаками». Последняя традиция берет свое начало в образах апостолов-рыбаков Петра и Андрея, сделавшихся «ловцами человеков» (Матф. 4:19). Рыбаком изображается также и Будда. Подобные проекции существуют и в повести Хемингуэя, где образ марлина естественно вписывается в общий контекст христианской мифологии: «...глаз рыбы был таким же отрешенным, как зеркало перископа или как *лики святых во время крестного хода*»[8] (курсив мой. – *В. Д.).*

Мифологема рыбы имеет и другие значения. Так, в Европе эпохи Реформации изображения огромной рыбы, заглатывающей рыбную мелочь, служили иносказанием неумолимости и всемогущества Природы. Мифологический образ рыбы может символизировать как плодовитость, изобилие, мудрость, так и прямо противоположные черты: скупость, равнодушие, глупость. Поэтому рыба является частым персонажем сказочного фольклора. В. Н. Топоров указывает, что в русских сказках действуют не только безымянная рыба или чудище морское (Чудо-юдо), но и «щука, ерш, карась, язь, лещ, мень, налим, окунь, ***осетр,*** плотичка, семга, сиг, сом, сорога, калуга и др.»[9]. Т. А. Корчмит так поясняет значение самого слова «царь-рыба»: это «рыба, которую можно сравнить с царицей, – рыба, которую можно встретить в сказках, то есть это царская или сказочная рыба»[10]. Д. Стариков пишет об исторических корнях образа царь-рыбы, «доставлявшей по староказачьему уральскому

---

[8] *Хемингуэй Э.* Собр. соч.: В 4 т. / Пер. с англ.; Послесл. А. Старцева. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. С. 55.

[9] Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. С. 393.

[10] *Корчмит Т. А.* Трудности перевода произведений Астафьева (на примере рассказа «Царь-рыба»)// Творчество В. П. Астафьева: философский, исторический, филологический аспекты: Материалы науч.-метод. конф. по творчеству В. П. Астафьева. Красноярск, Ачинск, 1998. С. 80.

обычаю "царский кус" и ставшей было главным украшением народного пиршественного стола»[11]. Следует упомянуть, что подобное отношение к осетру имело место и в европейской культуре. Среди извлечений, которыми открывается «Моби Дик», есть и цитата из «Комментариев к законам Англии» Уильяма Блэкстона (1723–1780), которая разъясняет особое право британского монарха на «*королевскую* рыбу, коей почитаются кит и осетр»[12].

Другие народы также выделяют в своем фольклоре и мифологии отдельные виды рыб (лосось у американских индейцев и финно-угорских народов, карп в Китае и Японии и др.). У народов Северной Сибири бытуют поверья о рыбах различных видов в качестве предков людей. В одном ряду с рыбой в мифологии Древней Греции и в индуизме выступает дельфин, в образе которого подчеркиваются царственность, благородство, доброжелательность к людям. Нередко он служит носителем душ умерших людей на острова блаженных. В христианстве дельфин ассоциируется с Иисусом Христом, с мотивами воскресения и спасения.

В мифологических представлениях, особенно в Библии, кит тоже считается чудовищем рыбьей породы, что подкрепляет нашу уверенность в правомерности сопоставления образов рыб у Астафьева и Хемингуэя с образом Белого Кита Моби Дика. Одно из подтверждений мы находим в том, что, поскольку израильтяне очень поздно начали ловить рыбу, «в древнееврейском языке даже не было слов, обозначающих отдельные виды рыб; все они, от крошечных мальков до громадной рыбы, проглотившей Иону, назывались одним словом»[13]. Архимандрит Никифор в 1891 году указывал, что и «самое греческое слово *ἰχθύς*, которым LXX толковников перевели еврейское слово, в древности служило общим наименованием больших морских рыб и животных»[14].

Несмотря на всю мифологичность образа Белого Кита, он имеет под собой и очевидную реалистическую основу. Тем не менее, описывая впечатляющие сцены китобойного промысла

---

[11] *Стариков Д.* «А душу можно ль рассказать?» // Сов. культура. 1978. 1 сент. С. 4.

[12] *Мелвилл Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с англ. И. Бернштейн; Вступ. ст., послесл. Ю. Ковалёва; Примеч. Е. Апенко, И. Бернштейн. Л.: Худож. лит., 1987. Т 1. С. 41.

[13] Библейская энциклопедия / Пер. с англ. Б. м.: Рос. библейское обво, 1996. С. 232.

[14] Библейская энциклопедия. Репринт. изд. М.: ТЕРРА, 1990. С. 398.

и мучительной гибели китов от рук человека, Мелвилл неоднократно подчеркивает неуязвимость Моби Дика, утверждая, что «даже если целые рощи острог вырастут на его боках, он все равно уплывет живой и невредимый»[15], что еще более усиливает мифичность данного образа. Автор объявляет кита «как вид бессмертным, сколь уязвим бы он ни был как отдельная особь»[16]. По выражению писателя, «Левиафан плывет нам навстречу от самых истоков вечности»[17] ("this Leviathan comes floundering down upon us from the head-waters of the Eternities"[18]) и продолжит существовать и тогда, когда «завершится людской век»[19].

Извечность царь-рыбы подчеркивает и Астафьев: «Что-то редкостное, первобытное было не только в величине рыбы, но и в формах ее тела, от мягких, безжильных, как бы червячных усов под ровно сострогнутой внизу головой до перепончатого, крылатого хвоста, – на доисторического ящера походила рыбина, какой на картинке в учебнике у сына нарисован»[20].

Некоторые исследователи уже ставили кита в один символико-семантический ряд с царь-рыбой Астафьева, имея, правда, в виду образ кита из русского фольклора. Так, Т. М. Вахитова отмечает: «...в образе царь-рыбы ощущается древний фольклорный слой, связанный с русскими сказками и преданиями о могучей рыбе (кит, щука), обладающей чудесными возможностями, плодотворящей силой, умеющей исполнять все желания (золотая рыбка). На ней держится земля, все мироздание, с ее смертью наступает катастрофа, вселенский потоп (кит). "Когда царь-рыба потронется, тогда мать-земля всколебается, тогда белый свет наш покончится..."»[21]. А. В. Бармин также со-

---

[15] *Мелвилл Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с англ. И. Бернштейн; Вступ. ст., послесл. Ю. Ковалёва; Примеч. Е. Апенко, И. Бернштейн. Т. 1. С. 224.

[16] Там же. С. 496.

[17] Там же. С. 492.

[18] *Melville H.* Moby Dick. Reading: Penguin Books, 1994 (Penguin Popular Classics). P. 435.

[19] *Мелвилл Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с англ. И. Бернштейн; Вступ. ст., послесл. Ю. Ковалёва; Примеч. Е. Апенко, И. Бернштейн. Т. 1. С. 491.

[20] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 6. С. 183.

[21] *Вахитова Т. М.* Повествование в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба»: Учеб. пособие для студентов филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1988.

поставляет астафьевскую царь-рыбу с золотой рыбкой А. С. Пушкина: «Значимость образа в архаической сказке одна: везде "рыбка" – владычица природных сил и добро ее имеет пределы. Так понят был этот образ Пушкиным, таков он и у Астафьева»[22].

В отличие от героев Астафьева и Мелвилла старик Сантьяго у Хемингуэя не обожествляет рыбу явно, но испытывает к ней беспредельную любовь и уважение. Он даже восклицает: «Хотел бы я быть рыбой и чтобы у меня было все, что есть у нее, а не только воля и сообразительность»[23]. Марлина он называет «чудом» ("wonderful") и «необыкновенной рыбой» ("very strange"). По словам И. А. Кашкина, Сантьяго «возвеличивает своего противника, «большую рыбу», до какого-то *полумистического мелвилловского уровня:* брат мой и моя жертва»[24] (курсив мой. – *В. Д.*). Во всяком случае, в определенный момент рыба «перестает быть просто добычей Сантьяго и начинает служить метафорой, отражающей эмоциональное и физическое состояние старика»[25].

Если образ марлина еще не получил общепризнанной трактовки, то мифологема царь-рыбы однозначно воспринимается исследователями как олицетворение Природы. В свою очередь, у Мелвилла неоднократно возникает образ кита как воплощения Бога. Это признают многие современные зарубежные исследователи. Как указывает Дж. У. Таттлтон, «в романе есть много образов, которые связывают Моби Дика с самим Бытием, «Я есмь Сущий», тем Божественным, которое нельзя называть»[26]. Поскольку Моби Дика «в одно и то же время встречали под разными широтами»[27], некоторые китоловы объявили его «не только вездесущим, но и бессмертным (бессмертие – это

---

[22] *Бармин А. В.* Сказка в повествовании В. П. Астафьева: (Материалы к исследованию) // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. С. 224–225.

[23] *Хемингуэй Э.* Собр. соч.: В 4 т. / Пер. с англ.; Послесл. А. Старцева. Т. 4. С. 37.

[24] *Кашкин И.* Эрнест Хемингуэй: Критико-библиогр. очерк. С. 224–225.

[25] Novel Guide. Old Man and the Sea: http://www.novelguidi.com/oldmanandthesea

[26] *Tuttleton J. W.* The character of Captain Ahab in Melville's Moby-Dick. http://www.worldandy.com/public/1998/february/tuttleton.cfm#top

[27] *Мелвилл Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с англ. И. Бернштейн; Вступ. ст., послесл. Ю. Ковалёва; Примеч. Е. Апенко, И. Бернштейн. Т. 1. С. 223.

всего лишь вездесущность во времени)»[28] ("not only ubiquitous, but immortal (for immortality is but ubiquity in time"[29]), а герой-повествователь Измаил подчеркивает, что «сам Зевс в своем несравненном верховном владычестве не превосходил величавостью божественного Белого Кита»[30] ("not Jove, not that great majesty Supreme! did surpass the glorified White Whale as he so divinely swam"[31]). Отсюда капитан Ахав, выступая против Моби Дика, неминуемо становится врагом Бога. Впрочем, к сородичам Моби Дика Мелвилл относится с неменьшим почтением, а убийство кита для писателя равнозначно убийству целого мира: «кит беспомощно закачался на волнах..., потом *стал медленно вращаться, словно угасающий мир* ("*over and over slowly revolved like a waning world*")[32]; обратил к небесам белые тайны своего брюха; вытянулся бревном и умер»[33] (курсив мой. – *В. Д.*).

По меткому замечанию Ю. М. Ковалёва, «мелвилловские киты не просто биологические организмы, но одновременно и порождения человеческого духа – живут двойной жизнью. Одна протекает в океанских глубинах, другая – в просторах человеческого сознания. <...> Вся «китология» в «Моби Дике» ведет к Белому Киту – всеобъемлющему символу, олицетворению мощи и великой тайны Вселенной, которую надлежит разгадать»[34]. Но тайна его белизны так и остается нераскрытой, а лоб представляет собой стену, преграждающую для героев романа путь к истине. Устами Измаила Мелвилл поясняет: «...глядя на него прямо в лоб, вы с небывалой остротой ощущаете присутствие Божества и силу Зла ("...the Deity and the dread powers"[35]). Ведь... у него, собственно, и нет лица,

---

[28] Там же. С. 224.

[29] *Melville H.* Moby Dick. Reading: Penguin Books, 1994 (Penguin Popular Classics). P. 183.

[30] *Мелвилл Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с англ. И. Бернштейн; Вступ. ст., послесл. Ю. Ковалёва; Примеч. Е. Апенко, И. Бернштейн. Т. 1. С. 573.

[31] *Melville H.* Moby Dick. Reading: Penguin Books, 1994 (Penguin Popular Classics). P. 511.

[32] Там же. С. 345.

[33] *Мелвилл Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с англ. И. Бернштейн; Вступ. ст., послесл. Ю. Ковалёва; Примеч. Е. Апенко, И. Бернштейн. Т. 1. С. 394.

[34] *Ковалёв Ю.* Герман Мелвилл // Писатели США. Краткие творческие биографии / Сост. и общ. ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалёва. М.: Радуга, 1990. С. 272–273.

[35] *Melville H.* Moby Dick. Reading: Penguin Books, 1994 (Penguin Popular Classics). P. 334.

а только одна необъятная твердь лба, покрытого бороздами загадок и несущего немую погибель шлюпкам, судам и людям»[36]. С китами в романе связаны и такие атрибуты непостижимости бытия, как иероглифы, сфинкс, пирамида и лабиринт. Подобно им, владея разгадкой, киты молчат, и тщетно ждать от них ответов на наши вопросы. «Кит, подобно всему, что ни есть великого на свете, не показывает миру своего истинного лица»[37].

В творчестве Астафьева также есть образ рыбы, в котором, как в мелвилловском Моби Дике, воплощено не только величие природы, но и ее непознаваемость, неразгаданность: «...каким-то таинством пугающе дохнула на меня живая глубь»[38]. Это образ тайменя – «атамана сибирских вод» в рассказе «Тень рыбы». Таймень предстает в этом произведении как могучее создание с непокорным, «сатанинским» характером: «Красива, дивна была рыбина с покатой головой, с телом стремительным и нарядным. <...> ...Все в нем цвело, все роскошествовало, пятнистый плавник наборной гармошкой, открытый во все меха, украшал крейсерски стройную спину»[39]. Чудесное существо, «фантазия природы», позволило лишь разглядеть, но не поймать себя, однако и такая мимолетная встреча воспринимается автором как щедрый дар судьбы: «Он проплыл близко от моих ног и ящика, на котором я сидел, вроде бы меня и не заметив, величественный и надменный. Его как бы втягивала в себя подледная живая темень, он погружался в нее, оставляя под собою тень, и когда его не стало, тень еще какие-то мгновения оставалась на виду. Уползла, утянулась под лед белая леска, следом и тень уплыла, погасла. <...> Остановись, мгновенье, остановись! Ты прекрасно!»[40]

Напротив, мелвилловский Ахав полагает, что «раскрыл природу божества – думает, что это не более чем разрушительная злоба по отношению к человеку. Фактически, однако, он видит только отраженный образ самого себя», – указывает Эдвард

---

[36] *Мелвилл Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с англ. И. Бернштейн; Вступ. ст., послесл. Ю. Ковалёва; Примеч. Е. Апенко, И. Бернштейн. Т. 1. С. 383.

[37] Там же. С. 384–385.

[38] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь: Рассказы, затеси, воспоминания / Послесл. В. Курбатова. Иркутск: Сапронов Г. К., 2001. С. 245.

[39] Там же. С. 244.

[40] Там же. С. 245.

Ф. Эдинджер[41]. Н. Н. Трубников рассматривает данную проблему несколько шире, поясняя, что не только для Ахава, но и для каждого персонажа романа Белый Кит «оказывается гигантским зеркалом, в котором видят, но не узнают доведенную до предела проекцию собственной сущности, своего скрытого от своих и чужих глаз "я"». С другой стороны, Белый Кит является зеркалом самого мира – иначе говоря, символом «слепоглухонемой стихии жизни и имеющих уши, но не научившихся слышать, имеющих глаза, но не научившихся видеть... стократ немых в изолгавшемся своем суесловии сирот-детей»[42].

Дейв Келли подчеркивает, что Моби Дик «не благодетельное, любящее или даже нейтральное божество: он – *daimonic*[43] – и божественный, и дьявольский. Это природа, во всей ее прекрасной и отвратительной реальности. И она вечна, неутомима и нерушима. Это грубая сила, и устрашающая, и чтимая, но никогда не допускающая бунта против себя, не отвергаемая или аннулируемая. *Daimonic* объединяет и положительные, и отрицательные качества жизни, не делая их взаимоисключающими»[44]. Стивен А. Даймонд сказал о Белом Ките: «Он – сама жизнь, то неоднозначное, архетипичное Существо, которое никогда не может быть убитым, но только выраженным в некоторой креативной или деструктивной форме»[45]. Данный вывод можно отнести и к мифологеме рыбы в целом, и к каждой из ее персонификаций, ибо неистребимы не только Моби Дик и царь-рыба. Обглоданная до костей акулами большая рыба у Хемингуэя также воспринимается нами бессмертной, так как в повести погибло лишь одно из ее воплощений. Таким образом, в сознании читателя эти три варианта мифологемы фактически сливаются в единое целое – в величественный образ Рыбы, воплотивший в себе всю диалектику природы, всю ее красоту, ее опасность и необходимость для человечества.

---

[41] *Kelly D.* Melville's Moby Dick – the megalomanic character of Captain Ahab. http://www.9types.com/movieboard/messages/5954.html.

[42] *Трубников Н. Н.* Притча о Белом Ките // Вопр. философии. 1989. № 1. С. 70.

[43] От древнегреческого слова *daimon* – демон. В античной Греции это слово еще не имело негативной окраски.

[44] *Kelly D.* Melville's Moby Dick – the megalomanic character of Captain Ahab. http://www.9types.com/movieboard/messages/5954.html.

[45] Там же.

О. Ю. Золотухина
старший преподаватель кафедры общественных связей СибГАУ,
аспирант кафедры русской литературы КГПУ,
г. Красноярск

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ПОИСКА В. П. АСТАФЬЕВА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА

90-е годы XX века стали для В. П. Астафьева, как и для всей страны, во многом переломными и кризисными. Именно в это десятилетие становится особенно очевидным религиозный поиск автора, вероятно связанный с тем, что советская идеология, против которой Астафьев начинает наиболее активно бороться, терпит крах, в стране возрождается христианство, к которому в те годы обращаются очень многие бывшие советские граждане. Думается, что этот поиск стал и следствием преклонного возраста писателя, ощущения необходимости подвести определенные жизненные итоги, найти ответы на важные философские вопросы.

В этот период Астафьев завершает наиболее значимые, этапные произведения, которые он писал в течение почти всей своей творческой биографии. В 1994 году полностью издается его роман «Прокляты и убиты», но еще ранее, в 1991-м, он пишет заключительные главы «Последнего поклона» и этим ставит точку в произведении, начатом им еще в 1957 году.

П. А. Гончаров отметил, что в заключительных главах «Последнего поклона» религиозные мотивы заметно усиливаются. В этом русле Астафьев перерабатывает и ранее написанные главы, наполняя их «упованиями на Бога, молитвенным словом»[1]. Действительно, наличие религиозных мотивов в новых главах, написанных в конце 1980-х – начале 1990-х годов, очевидно, связаны же они в основном с образом бабушки Катерины Петровны. И если герою произведения религиозность бабушки порой казалась просто кликушеством, то писатель, взглянув на события своего детства сквозь призму прошедших лет,

[1] *Гончаров П. А.* Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–90-х годов: Моногр. М.: Высш. шк., 2003. С. 140.

видит в этом только положительное. Очень значимым мотивом в заключительных главах «Последнего поклона» является мотив прощения. В главе «Забубенная головушка» Астафьев, вспоминая своего отца, из-за которого он, его мачеха, братья и сестры, а затем и собственная семья писателя пережили столько неприятностей, по-христиански прощает его.

Однако помимо утверждения необходимости веры в Бога и других христианских идей имеются в этих главах и богоборческие мотивы, а также мотивы разочарования в жизни, противоречащие христианскому миропониманию. Это наиболее очевидно в главе «Вечерние раздумья», в которой автор, повествуя о прошедшей в селе коллективизации, негативно описывает тех, кто ее проводил, подчеркивает тему Божьего наказания семьи самого ярого коммуниста Ганьки Болтухина, замечает, что на месте разрушенной церкви живет «бывший руководитель районного масштаба, мелкий пакостник, ашаульник, ворюга... осквернитель слова и дела Божьего»[2] и никакого наказания свыше ему за это нет.

Концептуально значимо в «Вечерних раздумьях» противопоставление двух миров: маленького и большого. Маленький – это мир села писателя и сибирской природы, который ему очень дорог. Большой – весь остальной мир, от которого автор пытается укрыться в своем маленьком мире. В этом противопоставлении, на наш взгляд, ключ ко всему творчеству писателя, к развитию многих тем и идей его произведений, к особенностям его религиозного поиска. Очевидно, что в маленьком мире писатель ощущает гармонию. Связано это ощущение прежде всего с тем, что в родной деревне он провел самые счастливые годы детства. Данный мотив прослеживается в главе «Пеструха». Вот герой наблюдает картину зарождения нового дня: «И мне открылось внезапно: “тот свет”. Там живет сам Бог, и что ему захочется, то он и сделает со всеми нами. Но раз по бабушкиным молитвам выходило, что творит он дела лишь великие, добрые, то, мнилось мне, оттуда, с “того света”, из-за горных вершин распадка Караульной речки, мягко ступая по облаку, спустится он, погладит меня по голове и скажет: “Пойдем со мной, дитя мое”»[3]. Уверенность мальчи-

---

[2] *Астафьев В. П.* Последний поклон: В 2 т. Изд. доп. и испр. Красноярск: Благовест, 1994. Т. 2. С. 395.

[3] Там же. Т. 1. С. 311.

ка в доброте Бога и возможности гармонии на земле связана прежде всего с верой бабушки, с ее любовью, которая окружала его лишь в раннем детстве. Неслучайно далее автор замечает, что более он никогда не был так близок к Богу. После того как герой вынужден был уйти от бабушки, он лишился этой любви и узнал мир, полный бед и страданий и, как следствие, чужой и лишенный гармонии. Сиротское детство, война, послевоенные трудности вызвали у писателя ощущение утраты гармонии, но породили мучительное желание ее восстановления. Именно с этим, на наш взгляд, связан лейтмотивом проходящий через многие художественные и публицистические произведения, а также через переписку с В. Я. Курбатовым ропот Астафьева на Бога, который, по разумению писателя, должен был бы покарать всех обидчиков. С этим связано справедливое, по мысли автора, возмездие, которое получают в его произведениях многие отрицательные персонажи. Тоска и безысходность романа «Печальный детектив» также вызваны желанием писателя восстановить в мире гармонию и справедливость и одновременным ощущением, что зло пронизывает весь мир, но покарать всех злодеев невозможно. Стремясь вернуть утраченную в детстве гармонию, писатель прибегает к своей памяти: он всю жизнь пишет «Последний поклон», воскрешая счастливые события на бумаге. В «Оде русскому огороду», пытаясь преодолеть ужас войны, не умолкавшей в его душе, он просит свою память воскресить в нем мальчика, чтобы вместе с ним вернуть и гармонию, казалось бы навсегда уничтоженную войной, и для этого, признавая себя в тот момент (1971–1972) безбожником, даже готов обратиться к Богу. Наконец – вероятно, в поисках этой же гармонии – в конце XX века он переезжает в родное село, но вскоре понимает, что вернуть ничего нельзя и здесь мир тоже дисгармоничен.

В конце главы «Вечерние раздумья» возникает мотив надежды. Называя себя безбожником, автор подчеркивает, что он все же надеется на чудо и на Бога, и заканчивает книгу просьбой, обращенной к Богу, сохранить этот весьма несовершенный мир.

Таким образом, главы «Последнего поклона», которыми Астафьев дополнил повесть в 1990-х годах, имеют явную христианскую направленность и свидетельствуют о повороте писателя в сторону веры. Однако в новых главах вместе с христианскими мотивами присутствуют и мотивы тоски, осуждения, желания Божьего возмездия, скрытый ропот на Бога, что противоречит христианскому миропониманию.

В 1994 году В. П. Астафьев заканчивает вторую книгу романа «Прокляты и убиты», но к третьей так и не переходит. Вместо заключительной книги романа Астафьев пишет три повести о войне: «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат», в которых религиозные мотивы, развившиеся в романе, значительным образом трансформируются.

Тема религиозного поиска наиболее очевидна в повести «Так хочется жить». На склоне лет главный герой повести Николай Иванович Хахалин съездил на остров Валаам и обратился к религии. Данный эпизод в жизни астафьевского персонажа появляется неслучайно. В 1994 году писатель сам посещает святые места, и это производит на него благотворное впечатление. Однако понятно, что Николай Иванович, вероятно как и сам автор, не приходит к вере окончательно. П. А. Гончаров связывает это с тем, что возвращение к вере захватывает лишь малую часть общества: «Эволюция личности, очищение души купируются инерцией погрязшего в пороке общества»[4]. На наш взгляд, причина незавершенной эволюции героя к христианству в том, что он не может принять окружающую действительность и борьба с нею становится для него важнее религиозных поисков. В повести подчеркивается, что Хахалин критикует коммунистов, особенно Ленина, отмечает плохое отношение к ветеранам, порицает молодое поколение, за которое они воевали, а главное, ищет виноватых в том, что его жизнь сложилась не так, как бы он хотел: «...снова Николай Иванович задавал себе вопрос: отчего, почему не сложилась его жизнь, как бы он хотел ее сложить или так, как назначил Создатель?»[5] Очевидно, что такие вопросы со стороны Хахалина – следствие его обиды на власть, которая вела войну со своим народом, и обостренной жажды справедливости, но именно это и мешает герою прийти к Богу. Яркой иллюстрацией данного тезиса является сцена, когда, оставшись один на даче, Николай Иванович пытается молиться, но мысли его не могут избавиться от суетности: «...враги, кругом враги и воры, какой уж тут сон, вина своего да иностранного надулся, тоже жмет, на улку позывает – где тут Бога дозваться, достучаться до его небесных врат»[6]. Николай Иванович и сам понимает, что его поведение не соответ-

---

[4] *Гончаров П. А.* Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–90-х годов: Моногр. С. 335.

[5] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 11. С. 178.

[6] Там же. Т. 11. С. 193.

ствует поведению человека истинно верующего, но искренне раскаивается и готов к Божьему суду. Таким образом, окружающая героя действительность, наполненная злом и несправедливостью, воспоминания о трудной жизни и пережитой войне не дают ему окончательно принять Бога в душе. Вероятно, то же самое можно сказать и о В. П. Астафьеве.

В повести «Обертон» наиболее сильны богоборческие мотивы. Когда Сергей узнает о том, что колхоз «Победа» уничтожен, бывших немецких невольниц изнасиловали и убили, а семью директора сожгли, он не может понять, почему Бог допустил такое. Страдания Сергея можно соотнести с бунтом Ивана Карамазова. Как Иван не может уверовать в Бога и отказывается принять мир, в котором страдают все, в том числе и невинные дети, так и Сергей не может поверить, что Бог есть и допускает столько зла. Особенно Сергея потрясает гибель маленького, ни в чем не повинного Вовки.

В повести «Веселый солдат» религиозная тема развивается в том же направлении, что и в заключительных главах «Последнего поклона» и в повести «Так хочется жить». В некоторых эпизодах произведения, и прежде всего в повествовании о жене Анкудина Анкудинова Фёкле, утверждается необходимость веры в Бога. Однако помимо весьма слабо выраженной попытки утверждения необходимости христианских истин в повести присутствуют мотивы, противоречащие христианской системе ценностей. Особенно это очевидно в эпизоде, связанном с образом милиционера Глушкова. Описав то зло, которое Глушков принес семье героя, автор показывает, что гнев героя праведен и душа его жаждет справедливости. Важно отметить, что герой не восстанавливает эту справедливость не из религиозных или этических соображений, а потому, что не хочет осиротить свою семью. Однако ему удается увидеть гибель милиционера, которую он воспринимает как справедливое возмездие. Данный эпизод доказывает, что самому Астафьеву ближе был все же Бог карающий, восстанавливающий справедливость, то есть ветхозаветный.

Во второй части «Веселого солдата» «обретает голос» тема богооставленности, связанная с невозможностью для героя принять окружающую действительность. Оплакивая умершую дочку, жена героя замечает, что они не умеют молиться, но у него самого не возникает желания молиться – его охватывает отчаяние, посещают мысли о самоубийстве. О том, что Бог отвер-

нулся от людей, говорит герою плачущий немец. Мотив богооставленности звучит и в описании трудностей, с которыми молодая семья строит новый дом, растит детей: «Я говорил и говорю, что Бог был за нас, все еще бросал всевидящий взор и на нашу нескладную семью, но уже начинал уставать, потому как много нас, жаждущих его милостей, накопилось на русской земле»[7].

Но жизнь героев все-таки налаживается, и в конце повести писатель в нескольких словах описывает и свою жизнь конца 1990-х годов. В родном селе возле Енисея он пытается все обдумать, подвести своеобразные итоги. Важно отметить, что в окружении сибирской природы он вновь, как в детстве, обретает чувство гармонии и веру в Бога. По христианской концепции природа – одно из доказательств бытия Бога, присутствия Бога на земле. Однако заканчивается произведение все-таки не этим утверждением, а описанием изуродованного пальца «веселого солдата», на который так похожа вся его жизнь, и упоминанием, что в 1944 году он убил человека. Здесь писатель уже не добавляет, что этот человек был фашистом, немцем и дело было на войне, не желая оправдывать произошедшего. В конце повести отчетливо звучат мотивы разочарования в жизни, в которой было так много горя, и тоски по несбывшимся надеждам, во многом определяющие мировоззрение писателя 1990-х годов.

Очевидно, что в военных повестях 1990-х религиозная тема развивается не так глубоко, как в романе «Прокляты и убиты». Доминирующим в них становится трагическое мировосприятие писателя, мешающее ему принять веру в Бога с христианских позиций. П. А. Гончаров объясняет это тем, что две книги романа писались тогда, когда большая часть работы над третьей книгой была завершена: «Роман уже давал вполне определенные ответы на многие связанные с воспринятой писателем христианской этикой и эсхатологией вопросы, актуальные для повестей. Но эти вопросы не находят окончательного решения в духовных исканиях героев повестей 1990-х годов, то есть во многом возвращают писателя и его персонажей к состоянию “предроманному”, “дороманному”. Главные герои этих повестей и в 1940–90-е годы с трудом ищут путь к вере, к Богу,

---

[7] *Астафьев В. П.* Веселый солдат: Повести. Иркутск: Сапронов Г. К., 1999. С. 489.

к смыслу жизни и ее загадкам. Автор и герои романа этот путь уже прошли»[8]. Именно поэтому, с точки зрения исследователя, писатель не стал использовать материал из рукописи третьей книги.

Данная точка зрения представляется нам неправомерной. Действительно, материал Астафьев берет из рукописи третьей книги, но перерабатывает его. Именно поэтому в последних повестях столь очевидны черты мировоззрения писателя 1990-х годов. Говорить о полном расхождении этих повестей с романом нельзя и потому, что при описании военных событий продолжается развитие многих ключевых идей романа. Нельзя также и утверждать, что в романе автор дал ответы на все вопросы. На наш взгляд, религиозные поиски в романе во многом были связаны с мировоззрением писателя 1980-х годов, когда его ощущение мира еще не было столь трагичным. Именно поэтому утверждение христианских идей наиболее очевидно в первой части романа, которая вышла в самом начале 1990-х. На вторую часть, которая писалась ближе к середине последнего десятилетия XX века, уже повлияло изменившееся мироощущение писателя. Поэтому религиозная тема развивается в ней не настолько глубоко, появляются сюжетные элементы и мотивы, доказывающие, что христианская эволюция писателя, при глубоком развитии религиозной линии романа, все-таки не была завершена. Очевидно, что военные повести 1990-х в плане развития религиозной темы являются прямым продолжение романа «Прокляты и убиты». Неслучайно В. Я. Курбатов опасался третьей книги романа: «...боюсь этой третьей части, из которой Вы можете выйти только глубочайшим христианином или невером»[9]. Третью книгу Астафьев писать не стал, заявив, что цикл из военных повестей избавляет его от этого. Повести же свидетельствуют о том, что Астафьев не стал окончательно христианином или неверующим. При этом очевидно, что в повестях его религиозная позиция заявлена слабо, а это позволяет говорить о том, что в 1990-х годах писатель более отошел от веры, нежели пришел к ней. Основная причина это-

---

[8] *Гончаров П. А.* Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Тамбовский ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2004. С. 39.

[9] *Зубков В. А.* Прощание: Народная Россия в позднем творчестве В. П. Астафьева // Астафьевские чтения (19–21 мая 2005 г.). Пермь: Курсив, 2005. Вып. 3. С. 400.

го заключается прежде всего в трагическом восприятии действительности, что является ведущим мотивом во всех трех повестях.

Отличительной чертой творчества В. П. Астафьева начала 1990-х становится борьба с несправедливостью, выраженная в острой полемической форме, что особенно ярко проявилось в публицистике тех лет. В связи с начавшимся распадом Советского Союза общественная ситуация конца 1980-х – начала 1990-х годов очень обостряется. В стране раскол, идут публичные скандальные дискуссии по тем или иным вопросам. В. П. Астафьев, обладая довольно неуравновешенным характером, в этот период нередко становится участником тех или иных громких событий.

Первый серьезный скандал с его участием разразился в 1986 году. Рассказ писателя «Ловля пескарей в Грузии» был воспринят как оскорбление грузинского народа.

Следующий скандал, тесно связанный с первым, случился в том же 1986 году. Он нашел отражение в переписке В. П. Астафьева с Н. Я. Эйдельманом. Литературовед и историк Н. Я. Эйдельман, будучи по национальности евреем, нашел оскорбительной фразу из романа «Печальный детектив» об «еврейчатах», изучающих в пединституте провинциального Вейска лермонтовские переводы с немецкого и пытающихся доказать, что Лермонтов портил немецкую культуру. Обвинив писателя в расизме, Эйдельман упомянул его рассказ «Ловля пескарей в Грузии», в котором, с точки зрения литературоведа, очень негативно показаны грузины. По мнению Эйдельмана, Астафьев, стремящийся к правде, корень зла всегда находит почему-то в других нациях. Астафьев ответил на письмо Эйдельмана очень гневным эмоциональным посланием. Следует отметить, что послание это содержит явные противоречия. Глубоко уязвленный писатель, утверждая, что на зло не следует отвечать злом, приводит в пример дочь последнего русского царя, просившую Бога все простить врагам ее, но при этом замечает, что убита семья царя была «евреями и латышами, которых возглавлял отпетый сионист Юрковский»[10]. Писатель подчеркивает, что в лагерях евреи, по всей вероятности, мучились не только из-за Ежова, но и по велению Высшего судьи за преступление Юрковского и другие прегрешения. В ответе на это письмо глубо-

---

[10] *Куняев С. Ю.* И пропал казак // Наш современник. 1999. № 8. С. 111.

ко обиженный Эйдельман, сделав Астафьеву несколько замечаний по поводу фактов, им приведенных, это противоречие подчеркивает: «Несколько раз елейно толкуя о христианском добре, Вы постоянно выступаете неистовым – "око за око" – ветхозаветным иудеем»[11].

Эта переписка вызвала в обществе сильный резонанс. Следует отметить, что она носила частный характер, общественность же узнала о ней благодаря Н. Я. Эйдельману. Литературовед К. М. Азадовский в статье «Переписка из двух углов империи»[12] дает подробную историю публикаций данной переписки и приводит различные точки зрения по ее поводу, излагая при этом и свою собственную. Исследователь утверждает, что первоначально переписка распространялась в машинописи, то есть в самиздате, а в начале 1987 года была опубликована в эмигрантском журнале «Страна и мир» в Мюнхене и сопровождалась несколькими комментариями. Кронид Любарский, соредактор журнала «Страна и мир», словами «Стыдно быть русским» выразил позицию журнала; возражая ему, журналист Ю. Штейн из Нью-Йорка назвал письмо Эйдельмана провокационным, спор с ним надуманным и усмотрел в нравственной позиции Эйдельмана чрезмерные личные амбиции; Н. Тетёнов из «Русского самосознания» также высказался против точки зрения Любарского, увидев в ней, да и во всей переписке проявление иудейской наглости. В этом же номере было опубликовано письмо московского писателя В. П. Ерашова для журнала «Наш современник» по поводу произведения В. Белова «Всё впереди». Усмотрев в данном произведении антисемитизм, Ерашов вспоминает и переписку Астафьева с Эйдельманом и выступает оппонентом В. Белова и В. Астафьева, стремящихся якобы возродить клич «Бей жидов!».

Все это свидетельствует о неоднозначном восприятии позиций Н. Я. Эйдельмана и В. П. Астафьева. В России в то время мюнхенский журнал был доступен немногим, и переписка продолжала распространяться в машинописи. Следует отметить, что многие поддерживали В. П. Астафьева. В. Я. Курбатов в письме писателю от 21 октября 1986 года упомянул, что прочитал письмо Н. Я. Эйдельмана, но не нашел в нем ничего

---

[11] Там же.

[12] *Азадовский К. М.* Переписка из двух углов империи // Вопр. лит. 2003. № 5.

особо достойного[13]. Поэт и литературный критик С. Ю. Куняев, работавший в журнале «Наш современник», утверждал, что с самого начала распространения переписки был за Астафьева и даже собирался выступить на эту тему на Восьмом съезде писателей СССР, но ему не дали слова. Говоря об этом в своей книге «Поэзия. Судьба. Россия», в главе «И пропал казак»[14], С. Ю. Куняев приводит анонимное письмо Н. Я. Эйдельману в защиту В. П. Астафьева, приписываемое В. Солоухину, которое подвело своеобразный итог переписке и тоже ходило по рукам. К. М. Азадовский, излагая доводы сторонников писателя, отмечает, что критик А. А. Михайлов в статье «Позиция и амбиция», напечатанной в газете «Правда» в 1987 году, расценил поступок Эйдельмана как хорошо продуманную провокацию; критик В. Бондаренко, выступив в том же году в журнале «Москва», утверждал, что распространение личных писем является возмутительным; литературовед М. Шнеерсон, опубликовав статью в 1990 году в журнале «Континент», отметила высокомерное отношение Эйдельмана к Астафьеву и сочла несправедливыми его выпады по поводу рассказа «Ловля пескарей в Грузии».

В 1990 году рижский журнал «Даугава», в рубрике «Нацизм в России», опубликовал переписку. К. М. Азадовский особо подчеркивает, что переписка сопровождалась статьей-эссе писателя Юрия Карабчиевского «Борьба с евреями», который обвинил Астафьева в антисемитизме. В этом же номере были приведены ответы Астафьева корреспонденту французской газеты «Libiration» Д. Савицкому, в которых писатель подчеркнул, что письмо пришло в сложный для него момент – после его «травли» писателями-грузинами – и Эйдельман специально выбрал такой момент, чтобы, по мнению Астафьева, добить его. Говоря об Эйдельмане, писатель назвал его человеком подлым и признался, что сознательно не захотел вступать с ним в полемику.

В начале 1990-х, после крушения Советского Союза, Астафьев открыто заявляет о своей общественно-политической позиции: он приветствует свержение коммунистической идео-

---

[13] Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России / Сост., предисл. Г. Сапронова; Послесл. Л. Аннинского. Иркутск: Сапронов Г. К., 2002. С. 244.

[14] *Куняев С. Ю.* Указ. соч.

логии и поддерживает новый курс Б. Н. Ельцина. Критикуя коммунистов, писатель в своих выступлениях и статьях часто порицает русских за нежелание думать, за их терпеливый характер, из-за которого коммунистическая власть так долго продержалась, а также отмечает, что коммунисты во многом изменили русских людей в худшую сторону. К. М. Азадовский, обвинявший писателя в ксенофобии, отметил, что в 1990-х годах она неожиданным образом увязывается с так называемой русофобией, и привел в пример интервью с писателем в «Комсомольской правде», в котором Астафьев отрицательно отзывается о русском народе, называя и причину искажения русской нации: «Русский человек... по природе своей совершенно не приспособлен к ненависти, у него и гена-то такого нет, чтоб ненавидеть. Но большевики его этому научили все-таки»[15].

Такие взгляды Астафьева вызывают у части общества отрицательную реакцию. К. М. Азадовский отмечает: «Новая позиция Астафьева в корне изменила его положение на российской общественной сцене. <...> Писателя-фронтовика, который, по мнению тысяч читателей, открыл им страшную правду о войне, пытаются зачислить в "предатели", изобразить врагом России и русского народа. Количество антиастафьевских выступлений в те годы несопоставимо с протестами по поводу его письма к Эйдельману»[16]. В итоге в обществе складывается парадоксальная ситуация: если в конце 1980-х Астафьева критиковали за то, что он говорил свою правду по поводу других наций, то в начале 1990-х его правда стала неугодна самой русской нации. Не вызывает сомнений то, что это во многом повлияло на мировоззрение писателя последних лет жизни.

В октябре 1993 года в стране происходит путч: предпринята попытка свергнуть президента страны М. С. Горбачёва и изменить политический курс государства. В Москву были введены танки. Раскол произошел в обществе и среди представителей властных структур. В. П. Астафьев присоединился к группе писателей демократического лагеря, выступивших 5 октября 1993 года с обращением к правительству в связи с событиями в Москве, и написал письмо, опубликованное в газете «Красноярский рабочий» 8 октября 1993 года. В этом письме он критиковал путчистов, поддержал Б. Н. Ельцина и призвал русских людей отойти от борьбы и начать работать.

---

[15] *Азадовский К. М.* Указ. соч. С. 29.

[16] Там же. С. 24.

Открыто заявленная политическая позиция Астафьева в расколотой стране вызвала очень неоднозначную реакцию. 26 октября 1993 года в красноярской газете вновь публикуется письмо В. П. Астафьева «Пора работать», а также ответ на него писателя А. Л. Буйлова «Пора отвечать». В 1994-м журнал «Молодая гвардия», не поддерживавший официального правительства и выражавший свое негативное отношение к В. П. Астафьеву, снова печатает эти письма, переименовав письмо А. Л. Буйлова из «Пора отвечать» в «Слугу Люцифера». В предисловии к письмам редакция журнала «Молодая гвардия» негативно оценила политическую позицию Астафьева и заранее мотивировала читателей увидеть в его письме «моральную деградацию», а в письме Буйлова – «твердость национального духа»[17].

В своем письме А. Л. Буйлов резко выступает против правления Ельцина, из-за которого, по его мнению, власть в стране захватили сионисты, и называет всех, кто служит этой власти, «слугами Люцифера», причисляя к ним и Астафьева. Отмечая дерзкие выпады Астафьева против некоторых писателей и журналистов, находя это следствием не только его политической позиции, но и желания унижать других ради собственного возвышения, Буйлов указывает Астафьеву, что он такой же грешник, как и все, советует ходить в храм и замаливать грехи, а не заниматься политикой, оскорблением людей и обманом, предрекает Астафьеву, что все зло вернется к нему бумерангом. Упомянув о критике В. Астафьевым политической позиции В. Распутина, а также об оскорблении им православной церкви, так как писатель похвалил культурность и приличие церкви протестантской, Буйлов выражает надежду, что Астафьев не уйдет от Божьего суда. Отметив в конце письма всеобщую греховность, А. Л. Буйлов говорит о своем желании покаяться и, возможно, даже извиниться перед В. П. Астафьевым, если и тот в свою очередь тоже покается и извинится. По мнению Буйлова, единственное спасение – во взаимопокаянии и вере в Бога.

Мы не будем оспаривать политическую позицию А. Л. Буйлова и журнала «Молодая гвардия». Однако очевидно, что письмо это, вопреки призывам его автора каяться, написано очень пафосно, буквально пропитано жаждой возмездия и, на наш взгляд, является очень показательным в плане противоречиво-

---

[17] *Астафьев В. П.* Пора работать // Мол. гвардия. 1994. № 2. С. 122.

го отношения общественности к В. П. Астафьеву и его политической позиции в начале 1990-х годов.

Однако Астафьев, вопреки публичной критике, не отказался от своей точки зрения и продолжал открыто ее отстаивать, что наиболее очевидно в его публицистических статьях «Где наш предел»[18], «Сквозь февраль»[19] и др.

В 1997 году В. П. Астафьев опубликовал рассказ «Ловля пескарей в Грузии» без сокращений и послесловие к рассказу[20], в котором попытался дать ответы на самые острые вопросы, касавшиеся его творчества и вызывавшие бурную полемику в обществе, и подвести им своеобразный итог.

Говоря о проблемах с грузинами, возникших у него после публикации рассказа, писатель подчеркивал, что у него не было цели оскорбить грузинскую нацию, он лишь пытался изобразить жизнь такой, какая она есть на самом деле. С особой горечью Астафьев повествует о том, как грузины пытались «травить» его семью. Очень подробно писатель комментирует события 1990-х, происходившие в Грузии, утверждая, что в войне с Южной Осетией, а затем с Абхазией, где грузины были побиты маленьким, сплоченным абхазским народом, они доказали свое явное вырождение и неспособность постоять за себя. Писатель напоминает, что когда-то грузины молились Богу, а Бог, по его мнению, есть и накажет всякого, кто живет не по его заветам. Завершая данную тему, писатель, во многом противореча своей раздраженной интонации и жажде возмездия, особенно очевидной в упоминании о каре, которая постигла грузина Сталина-Джугашвили, говорит о том, что все-таки необходимо уметь прощать и в его сердце более ничего нет, кроме сожаления и печальной памяти.

Оставив «грузинскую линию», Астафьев переходит к «линии еврейской». Писатель очень негативно характеризует Н. Я. Эйдельмана и утверждает, что его письмо было хорошо продуманной провокацией. Вспоминая события десятилетней давности, писатель не скупится на резкие выражения.

Но предельной раздражительности его интонация достигает в очень резкой характеристике бывшего редактора журнала

---

[18] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. С. 280–285.

[19] Там же. Т. 12. С. 101–109.

[20] Там же. Т. 13. С. 245–36.

«Наш современник» С. В. Викулова. Поводом для этого стали напечатанные в журнале мемуары Викулова, в которых он, по мнению В. П. Астафьева, попытался представить себя в очень выгодном свете. В начале 1990-х отношения Астафьева с «Нашим современником» осложнились, так как писатель прекратил сотрудничество с этим журналом и ушел в «Новый мир». Многие усмотрели в этом политический подтекст, в связи с тем что «Наш современник» занял так называемую патриотическую позицию и был против новоявленных демократов. Сравнивая журналы «Наш современник» и «Новый мир», Астафьев отмечает непрофессионализм первого и несомненную культуру второго. Упоминает Астафьев и о своем конфликте с новым редактором «Нашего современника» С. Ю. Куняевым, не разделившим точку зрения В. П. Астафьева по поводу событий 1993 года. В ответ на это писатель в резком тоне продолжает отстаивать свое мнение, обвиняя Руцкого и Хасбулатова в гибели людей, критикуя коммунистов, по вине которых, по его мнению, страна попала в столь критическое положение.

Очевидно, что в послесловии к рассказу «Ловля пескарей в Грузии» можно увидеть то же, лейтмотивом проходящее через творчество писателя последних лет противоречие: раздражение, ожесточенность, жажда возмездия совмещаются в нем с желанием, хотя и слабо, но заявленным, по-христиански простить врагов. Несомненно, однако, что раздражения и озлобленности на страницах послесловия больше, простить врагов автору не удается – слишком сильна боль за нанесенные обиды, за всю сложную ситуацию в стране.

Следует отметить, что «Наш современник» не остался в долгу. В главе своей книги «Поэзия. Судьба. Россия» «И пропал казак»[21], посвященной В. П. Астафьеву, С. Ю. Куняев, отметив, что в начале 1990-х годов Астафьев очень сильно изменился, утверждает, что власть Ельцина писатель поддержал, так как ему была обещана за это Нобелевская премия. Пафосный стиль, резкость выражений, оскорбительные замечания в адрес В. П. Астафьева, заметно участившиеся к концу главы, говорят о сильной личной неприязни С. Ю. Куняева к В. П. Астафьеву, следствием чего стала ярко выраженная субъективность текста, которая заставляет усомниться в справедливости приведенных

[21] *Куняев С. Ю.* Указ. соч.

в нем доводов и свидетельствует о том, насколько резкими и непримиримыми были оппоненты писателя.

Безусловно, последнее десятилетие XX века было очень сложным временем для В. П. Астафьева. Полемика с оппонентами, продолжавшаяся весь этот период, публичные оскорбления не могли оставить его равнодушным и во многом послужили причиной трагичности его мировоззрения последних лет жизни. Несомненно также, что Астафьев, несмотря на противоречивость некоторых его суждений, отстаивал свою правду. Сегодня, на исходе первого десятилетия XXI века, очевидна справедливость пусть не всех, но очень многих его воззрений, в частности касающихся грузинского вопроса. Однако резкий характер высказываний писателя, его обостренная жажда справедливости, возмездия пусть и не давали никому права называть его «слугой Люцифера», но явились основанием для обвинений писателя в несоответствии его поведения христианской морали, в отсутствии у него смирения. Последнюю черту характера писателя К. М. Азадовский объясняет тем, что Астафьев был воспитан в советской стране, большевистский строй которой, по словам самого же писателя, научил людей ненавидеть.

Вместе с тем в 1990-х годах Астафьев проявляет к религии особое внимание, что также отражается в его публицистике. Отличительной чертой его религиозных исканий этого периода становится убеждение в том, что настоящий талант только от Бога и что если бы не культура, благодаря которой посланники Творца внедряют его идеи на земле, то человечество уже давно уничтожило бы само себя. Данная тема развивается в таких статьях писателя, как «Сгорит Божественная скрипка» [22], «Лес не шумит, лес стонет»[23], «Сквозь февраль»[24], «Дорога домой»[25].

Помимо темы культуры, идущей от Бога, Астафьев утверждает в публицистике 1990-х необходимость веры в Бога. В статье «Дорога домой» писатель положительно отзывается о некоторых переменах в стране, в частности о том, что переложили на современный русский язык Евангелие и издают Библию.

---

[22] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. С. 94–100.
[23] Там же. Т. 12. С. 44–48.
[24] Там же. Т. 12. С. 101–109.
[25] Там же. Т. 12. С. 570–579.

В статье «Где наш предел?»[26] Астафьев просит Бога образумить человечество и уберечь его от самоуничтожения. В статье «Остановить безумие»[27] писатель, говоря о том, что ему много в жизни пришлось перенести и поэтому трудно верить в хорошее, все же утверждает, что жизнью, подаренной Богом, надо дорожить.

Очевидно, что публицистика Астафьева 1990-х годов, как и его произведения этого же периода, запечатлела раздвоенность позиции писателя между борьбой за справедливость, жаждой возмездия и стремлением к вере в Бога, к жизни по его заветам, к смирению перед Божьим промыслом.

Это же противоречие характерно и для творчества писателя конца 1990-х – начала 2000-х годов.

В 1997 году Астафьев публикует произведение «Из тихого света. Попытка исповеди»[28], которое отражает практически все особенности творчества писателя, ярко проявившиеся именно на последнем этапе. Здесь очевидно желание автора обрести смирение, отказаться от ветхозаветного «око за око», не вызывает сомнения его тяга к христианству. Писатель, во многом противореча своим публичным заявлениям 1990-х годов, которые изобиловали различного рода обвинениями, приходит к выводу, что зло порождает зло и, чтобы погасить зло в людях, надо прежде всего погасить его в себе. Но вместе с тем в произведении присутствуют и богоборческие мотивы, отторжение смирения как ненужного этому миру. Очевидно в «Попытке исповеди» и противопоставление разных миров. Отвергая мир, в котором он живет, как исполненный зла, и понимая, что на земле гармонии никогда не будет, писатель обращается за помощью не к христианской вере, а к своей памяти, которая рисует ему идиллии из прошлого, и в воспоминаниях пытается обрести гармонию. Несомненно, что писатель верит в Бога как в некое творящее начало, но загробную жизнь он пытается объяснить не с христианских позиций, а, скорее, со своей собственной, субъективной точки зрения и этим в чем-то повторяет путь столь любимого им писателя Л. Н. Толстого.

Противоречивость религиозных исканий писателя выявляют и его «Затеси», написанные в 1990-х годах.

---

[26] Там же. Т. 12. С. 280–285.
[27] Там же. Т. 12. С. 585–590.
[28] Там же. Т. 13. С. 707–728.

Первые затеси отражают активный религиозный поиск автора, его тяготение к христианской вере. В затеси «Божий промысел» очевидно начало сознательного обращения писателя к религии. Обретение веры является основной темой затеси «Открытие костела». Утверждение того, что Бог есть и на все распространяется его Промысел, находим в таких затесях, как «Достойный ответ», «Блажь», «Раздумья в небе». Особое место среди затесей начала 1990-х занимают те, что посвящены теме Божьей кары, в которых явственны богоборческие мотивы. К ним можно отнести затеси «За что?» и «Две подружки в хлебах заблудились». Теме испытаний посвящена затесь «Эх, судьба-судьбина», в которой Астафьев описывает тяжелые судьбы нескольких людей, сумевших достойно пройти выпавшее им испытание, и утверждает необходимость веры для людей в тяжелые периоды жизни.

В 1999 году в восьмом номере журнала «Новый мир» публикуются затеси, которые впоследствии вошли в состав новых тетрадей «Благоговение» и «Просверки». Писатель продол жает утверждать необходимость веры в Бога. Религиозная тема отчетливо звучит в «Свече», «Слове умирающей тетки», в «Спасли человека». В нескольких затесях, настаивая на том, что вся жизнь на земле появилась благодаря Богу, писатель выражает свои пантеистические взгляды. Мысль о том, что все в природе имеет свою душу и наделено разумом и первозданной красотой, утверждается в затесях «Худого слова и растение боится», «Свеча над Енисеем», «Старая порча», «Диво дивное», «Благоговение». Очевидно, что Бога писатель находит в природе и воспринимает как Творца, к церкви же относится негативно, о чем свидетельствует написанная в это же время затесь «Давняя боль». Часть затесей конца 1990-х включают в себя эсхатологические мотивы, связанные с разочарованностью писателя в человеке и человечестве. К таким, на наш взгляд, относятся затеси «Начало», «Слезы тигра», «Умирающие огни».

Данные мотивы можно обнаружить и в произведениях писателя 2000–2001 годов. В 2001-м публикуется последний выпущенный при жизни писателя сборник его произведений «Пролетный гусь»[29]. Рассказ, название которого послужило

---

[29] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь: Рассказы, затеси, воспоминания. Иркутск: Сапронов Г. К., 2001. С. 7–66.

названием сборнику, буквально пронизан мотивами разочарованности и безнадежности. В нем очевидно преломление тем и идей военного романа и военных повестей 1990-х, но если в более ранних произведениях («Так хочется жить», «Веселый солдат») все-таки чувствовалась надежда, то в рассказе «Пролетный гусь», повествуя о погибшей семье, автор никакой надежды читателю не оставляет. Однако в рассказе «Пионер всем пример», также опубликованном в сборнике «Пролетный гусь», трагизм сглаживается мотивом веры в Бога и надежды на него. Описывая пребывание в лагере главного героя Антона Дроздова, писатель подчеркивает, что именно вера в Бога помогла ему, попу Никодиму, а также другим заключенным, которых Никодим тайно крестил, достойно пережить годы тюрьмы.

Надежда на Бога звучит и в последних затесях, вошедших в тетради «Просверки» и «Кетский сон». В них писатель благодарит Бога за жизнь, им подаренную. Такие же идеи звучат в затесях «Будем ждать и надеяться», «Всезрящая», «На сон грядущий», «Над древним покоем». Но не вызывает сомнений и то, что в последних произведениях Астафьева не отражено христианское миропонимание в его ортодоксальном варианте. Писатель не может по-христиански принять мир и прийти к христианскому смирению. От злого, чужого мира он стремится уйти в мир родной ему сибирской природы, в воспоминания о светлых моментах детства, когда он был любим и верил в хорошее.

Именно об этой раздвоенности писателя между идеальным, гармоничным миром, наполненным любовью, в котором он пребывал в детстве, который быстро потерял, но всю жизнь пытался вернуть, и миром, исполненным зла и несправедливости, который он всю жизнь пытался исправить посредством художественных произведений, где возмездие получали отрицательные герои и справедливость торжествовала, свидетельствует столь поразившая многих эпитафия В. П. Астафьева: «Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощание»[30].

Многие исследователи пытались расшифровать смысл этой трагической эпитафии. Литературовед В. А. Зубков[31] и писа-

---

[30] *Астафьев В. П.* Эпитафия // 1-е Астафьевские чтения в г. Красноярске: Материалы Всерос. конф. 28–29 апреля 2004 г. / Отв. ред. Л. Г. Самотик. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. Вып. 1. С. 34.

[31] *Зубков В. А.* Указ. соч. С. 131–137.

тель М. Н. Кураев[32] под родным миром В. П. Астафьева понимают крестьянский деревенский уклад, близкий писателю с детства, и связывают трагичность его мироощущения с тем, что деревенский мир распался, начал вытесняться городским, а вместе с ним ушли и нравственные основы крестьянской жизни. На наш взгляд, данная проблема имеет более глубокие корни, мировоззренческие. Мир добрый, по концепции В. П. Астафьева, это мир, наполненный любовью и лишенный зла. Он существовал лишь в воображении писателя, его не было и не могло быть на земле. Для христианина подобного противоречия не существует. Он понимает, что земной мир лишен гармонии, и живет ради гармонии небесной. В. П. Астафьев так и не смог по-христиански смириться с обилием зла в мире – отсюда его неприятие этого мира.

В. Я. Курбатов не верил в то, что эпитафия была последним из написанного В. П. Астафьевым. Он утверждал, что после инсульта рука плохо слушалась Виктора Петровича, а в эпитафии почерк был привычен. В доказательство своей гипотезы В. Я. Курбатов упоминает последнюю затесь «Над вечным покоем», где утверждается любовь к жизни[33]. Действительно, тональность эпитафии очень созвучна тональности рассказа «Пролетный гусь» и во многом отвергает светлые идеи рассказа «Пионер всем пример» и последних астафьевских затесей. Возможно, эпитафия не была последним из того, что написал Астафьев, но она, несомненно, наиболее ярко выразила то противоречие, которое было свойственно мировоззренческому поиску В. П. Астафьева в последние годы жизни. Очевидно, писатель не смог до конца поверить в Бога и принять мир, им созданный, но несомненно, что он шел к вере, надеялся на Бога, о чем свидетельствует и «Молитва за русский народ»[34], которую он всегда носил с собой. Астафьев никогда не был и не стал христианином в ортодоксальном смысле этого слова. Ему было ближе ветхозаветное мировоззрение: он верил в Бога-творца

---

[32] *Кураев М. Н.* Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси // Астафьевские чтения (19–21 мая 2005 г.). Пермь: Курсив, 2005. Вып. 3. С. 72–78.

[33] Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России / Сост., предисл. Г. Сапронова; Послесл. Л. Аннинского. С. 484.

[34] Молитва за русский народ // 1-е Астафьевские чтения в г. Красноярске: Материалы Всерос. конф. 28–29 апреля 2004 г. / Отв. ред. Л. Г. Самотик. Вып. 1. С. 4.

и видел его карающим. Не отошел В. П. Астафьев и от пантеистических воззрений, в чем убеждают его последние затеси, посвященные природе, а также прощальное слово, в котором он, говоря о своей смерти, не вспоминает Бога, а утверждает, что уйдет назад к природе, его сотворившей, и сольется с ней. Но не вызывает сомнений и то, что В. П. Астафьев все же верил в Бога и сам был из тех творцов, которые, по его мнению, призваны нести идеи Бога на землю, чтобы сделать человечество лучше.

Очевидно, что 90-е годы XX века стали для В. П. Астафьева очень сложным этапом. В этот период он завершает свои наиболее значимые произведения – роман «Прокляты и убиты» и «Последний поклон»; активно участвует в политической жизни страны, открыто выступая против коммунистической идеологии и поддерживая демократический режим, что вызывает враждебное отношение к нему части общественности; оказывается участником публичных скандалов, связанных с обвинениями писателя в антисемитизме, нацизме, русофобии и ксенофобии. Все это становится причиной трагичности мироощущения писателя в 1990-х годах, что, однако, не мешает ему продолжать работать творчески. В последнее десятилетие XX века религиозный поиск В. П. Астафьева преломляется в его художественных и публицистических произведениях, которые, помимо утверждения необходимости веры в Бога как нравственной опоры, отражают и неприятие писателем мира, исполненного зла, и ропот на Бога, зло допускающего. Попытки восстановить справедливость, характерные для всего творчества писателя, особо очевидны в произведениях 1990-х годов – в военных повестях, публицистике и публичной полемике с оппонентами, где писатель нередко переходит на гневный, обличительный тон. Очевидно, однако, что Астафьев не просто борется за справедливость, но и жаждет возмездия, а понятие смирения ему чуждо. С точки зрения И. А. Есаулова, жажда возмездия – это черта советского менталитета. По мнению исследователя, советское общество, отказавшись от православия, отторгло и православную идею милосердия[35]. На наш взгляд, противоречивость натуры В. П. Астафьева была обусловлена не столько метаниями между миром идеальным, к которому он всю жизнь

---

[35] *Есаулов И. А.* Сатанинские звезды и священная война («Прокляты и убиты» Астафьева): Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та,1995. С. 214.

стремился, и миром реальным, сколько столкновением в одном человеке двух ментальностей – советской, воспитанной в нем системой и обществом, в котором он жил, и православной, заложенной в его корнях, в генетической памяти. Этим можно объяснить и противоречия, возникающие в его произведениях. Жажда возмездия, богоборческие мотивы, гордыня, связанная с утверждением своей воли, гневный, обличительный тон – все это следствие советской ментальности; жажда Бога, вера в его доброту и милосердие, тяга к религии, идея соборности и всеобщей вины в романе «Прокляты и убиты», утверждение, что настоящая культура несет идеи Бога и спасает человечество от самоуничтожения, тема покаяния и радость от подаренной Богом жизни в последних затесях – это следствие ментальности православной. Очевидно, что в последних произведениях писатель был ближе к православной ментальности, но не смог до конца изжить и ментальность советскую.

На примере религиозного поиска В. П. Астафьева можно увидеть, как сложно в начале 90-х годов XX века шел процесс обращения советской интеллигенции к Богу и насколько трудным оказался путь к вере одного из лучших ее представителей, воспитанного в русле той самой системы, которую он так настойчиво критиковал в последнее десятилетие своей жизни.

В. А. Зубков
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы ПГПУ,
г. Пермь

«ЕШЬ И ЖИВИ»
(Ситуация трапезы в военной прозе Виктора Астафьева)

С постепенным перемещением написанного Астафьевым из прозы текущего дня в историю русской литературы нарастает стремление дополнить общий взгляд на идеи и образы его книг детальным исследованием слагаемых того, что называется художественным миром Астафьева. Убедиться в этом нетрудно, достаточно заглянуть в обширные программы Астафьевских чтений и конференций, за несколько последних

лет собравших в Красноярске и Перми литературоведов со всей России.

Среди разных аспектов исследования творчества Астафьева несомненный интерес представляет, на наш взгляд, и тот, что взят для заголовка настоящей статьи из романа «Прокляты и убиты». Однако некоторая непривычность для литературоведческого слуха названной темы требует пояснений.

В составе литературного произведения трапеза имеет такой же статус, как и иные бытийные ситуации: рождение ребенка, любовное соитие, брачный обряд, проводы на войну, смерть, похороны и т. д. Под пером художника трапеза стремится к расширению прямого назначения – утоления голода – за счет притока сопутствующих жизненных обстоятельств, характеризующих повод, место, время, вещественный состав застолья, а также речевой, поведенческий, психологический облик его участников. Все это делает трапезу постоянным инструментом литературы в исследовании связей естественно-природного и собственно человеческого.

Дело лишь в степени внимания автора к ситуации трапезы. Тяготение или безразличие писателя к столь будничной форме изображения человека, как ситуация трапезы, уже само по себе характеризует его творческую индивидуальность.

Замысел этой статьи вызван тем бесспорным фактом, что интерес Астафьева-прозаика к ситуациям трапезы является феноменальным и поражает даже на стадии количественных наблюдений. Впервые проведенное нами обследование в этом плане всего массива художественной прозы Астафьева показало, что в 13 его романах и повестях, занимающих 12 из 15 томов прижизненного собрания сочинений (Красноярск, 1997–1998), а также в раннем романе «Тают снега», не включенном в собрание, насчитывается 106 (!) описаний застолья разной степени развернутости. Если прибавить к этому 52 подобных эпизода из астафьевских рассказов и «Затесей», картина вырисовывается впечатляющая.

Объяснение стойкой приверженности Астафьева-художника к застольным мотивам нужно искать, на наш взгляд, в бытийной плотности его художественного мира. Частота застольных ситуаций – одно из проявлений прочной земной основы астафьевской прозы. Независимо от тематики – «деревенской», «военной», любой иной – художественное зрение Астафьева захватывает и природный слой человеческого бытия, в частно-

сти то, чем и как питаются его персонажи. Астафьевское письмо сцепляет в одном образном кадре мгновенное и вечное, телесное и духовное, быт и бытие.

Чем определяется количество и идейно-смысловое «качество» застольных эпизодов в том или ином произведении Астафьева? Разумеется, существенную роль играет жанр и физический объем текста, но объяснить зависимостью только от них даже частоту ситуаций трапезы не представляется возможным. Это красноречиво подтверждает подсчет ситуаций трапезы в сопоставимых по жанру и размеру произведениях. Повесть «Стародуб» – 0 случаев, повесть «Перевал» – 7. Повесть «Кража» – 1, повесть «Пастух и пастушка» – 4. Повесть «Царь-рыба» – 7, роман «Печальный детектив» – 2. «Чертова яма» (первая книга романа «Прокляты и убиты») – 14, «Плацдарм» (вторая книга романа) – 4. «Солдат лечится» (первая часть повести «Веселый солдат») – 2, «Солдат женится» (вторая часть повести) – 12.

Вполне резонно предположить, что и частотность, и тем более содержательность застольных эпизодов в прозе Астафьева обусловлены, помимо объема и жанра, иными факторами. По отношению к астафьевским произведениям «крупных» жанров можно уверенно утверждать: как обилие, так и, напротив, почти полное отсутствие ситуаций застолья или их незначительная образная роль объясняются прежде всего проблемно-тематическими свойствами этих произведений. За подтверждением сказанного обратимся к военной прозе В. Астафьева.

Естественно то, например, что в первой военной повести «Звездопад» (1960) Астафьев только один раз обращается к ситуации застолья, но вместе с тем делает ее важнейшим звеном сюжета. Повесть написана от лица «ранбольного» Мишки Ерофеева, выздоравливающего зимой 1944 года в тыловом госпитале на Кубани. Там встретились молодой телом и душой девятнадцатилетний сибиряк, радующийся жизни, не придавленный еще страданиями войны, не отягченный думами о завтрашнем дне, и юная медсестра, нежная, с душой нараспашку. Лишь в конце повести Астафьеву понадобится единственный развернутый эпизод застолья, чтобы хоть в малой мере вписать историю любви солдата и медсестры в полную горечи и невзгод тыловую жизнь за стенами госпиталя. Редкий в дни войны праздничный вечер по случаю Восьмого марта. Усталые лица работниц соседней с госпиталем швейной фабрики. До-

ски вместо столов и стульев. Скромные домашние кушанья, самогон для мужчин и самодельное вино для женщин. Речь директора фабрики, инвалида на костылях. Слезы женщин после песни о разлуке с любимым. Стесненность «ранбольных», приглашенных на роль кавалеров, а затем разгоряченных непривычной близостью женщин.

Жизненные впечатления Астафьева, лежащие в основе этого эпизода застолья, в подцензурном «Звездопаде» оказались далеко не исчерпанными, и спустя почти 40 лет писатель вернется к ним в своей последней повести «Веселый солдат» (1998). Изменится субъект повествования. Автор уже не будет скрываться за придуманным юным жизнелюбом Мишкой Ерофеевым, а станет самим собой – поседевшим бывшим солдатом и «ранбольным», вспоминающим тот же хасюринский госпиталь сорок четвертого года.

Лишенный всякой сентиментальности и свободный от редакторских ограничений взгляд позднего Астафьева на войну откроет в сходном со «Звездопадом» эпизоде застолья такую противоречивую картину тыловой жизни, которая прежде была невозможна. Вместо госпитального порядка и заботы о раненых в «Звездопаде» здесь – «паскудное, страшное заведение, грязное гнездо под благородной вывеской "госпиталь"»[1]. Вместо скромных труженицы швейного производства – разбитные кубанские «дивчатки», которые и наших бойцов встречают радостно, и «немцам давали активно». Вместо патриотической речи стахановки – сальные возгласы старшины, который всех подряд «дивчаток» «целовал и щупал по-хозяйски, и они тому были безмерно рады»[2]. На «кавалерах» вместо взятой напрокат одежонки – нижнее белье и тапочки, кое-кто вовсе босой, многие и в гипсах.

Центром развернутого эпизода застолья станут танцы, которые «надо было снять на пленку и показывать всему миру, тогда, я думаю, понятней бы стало, что такое война... Страшновато мне было, когда пластинка кончилась, а бледные от напряжения и боли партнеры, задевая друг друга гипсами, принялись снова рассаживаться за стол»[3].

---

[1] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 80.
[2] Там же. Т. 13. С. 64.
[3] Там же. Т. 13. С. 71.

Драматизацию и расширение художественного пространства с помощью единственного эпизода трапезы, предпринятые в «Звездопаде», Астафьев повторит много лет спустя в военной повести «Обертон» (1996). Фронтовику Сергею Слесареву открываются испытания, выпавшие на долю местных жителей, прошедших гестаповские, а потом смершевские чистки. Ситуация трапезы, в которой обездоленный человек может отмякнуть и телом и душой, позволяет показать крупным планом всю глубину постигшей его беды.

Голодная, запущенная, хотя и не старая женщина в пустой, полуразвалившейся хате «воспрянула духом» при виде продуктов, выложенных Сергеем на стол: консервы, хлеб, соль. «Маленько прибралась, ела торопливо, обжигаясь картофелью». Согревшись едой, разговорилась: мужиков, которые не ушли с Красной армией, немцы заставили служить в полиции, баб – работать на свекле. Муж и сын были полицаями, советские их расстреляли. «Хату грабили все кому не лень... Нет, немцы не били ее и не пользовали. Червоноармейцы тоже не били, но пользовать пользовали: на отшибе живет, кричи – до кого докричишься? Помереть бы скорее, отмучиться, да где-то заблудилась ее смерть»[4].

Наибольший образный вес приобретают у В. Астафьева ситуации трапезы, имеющие лейтмотивный характер и усиливающие узловое жизненное положение героя.

Начало главы «Свидание» повести «Пастух и пастушка» (1971). Солдаты пехотного взвода лейтенанта Костяева, только что вышедшие из остервенелого рукопашного боя, располагаются на отдых, с трудом отходят от ожесточения кровавой мясорубки. Автор не жалеет деталей в обстоятельном описании вечернего застолья среди жалкого уюта прифронтовой хаты. Каждая подробность дышит миром и покоем, предстает в ореоле душевного возвращения солдат из военного одичания в естественное человеческое состояние. По-домашнему дымит печь. Пробуется пальцем готовность сварившейся в чугуне картошки. Хрустит на зубах капуста, добытая руками из глечика. Один необязательный разговор сменяется другим в нескончаемой беседе. Бренчат кружки с привычными «будем здоровы», «со свиданьицем!». С всхлипом втягивается затхлая

---

[4] Там же. Т. 11. С. 264.

буряковая самогонка, выдавливающая слезы из глаз. Уважительно подвигается ближе к хозяйке банка с американской тушенкой. Раскрошившаяся горячая картошка падает в ширинку зазевавшегося солдатика. Тянет на песню, а потом на сон смоpенных усталостью людей...

Вторая часть повести «Веселый солдат». Развернутый в ней веер застольных ситуаций необходим автору для раскрытия униженности, нищеты, полуголодного существования вчерашнего воина-победителя, брошенного великой страной на произвол судьбы.

Потрясает предельным отчаянием трапеза жены, вернувшейся домой после тяжелой операции. «Сидя за столом в ветхом пальтишке, взгорбаченном на спине, с заплатами на локтях, она не произносила ни слова. Перед нею на столе была кучка размятой соли, кусок черного хлеба и горячая вода в кружке. Она тыкала перья лука в соль, откусывала хлеба, подносила кружку дрожащей рукой ко рту, в серое пятнышко соли пулями ударялись слезы и насквозь, до скобленого дерева, пробивали его...»[5]

День за днем жизнь вталкивает солдата-победителя в яму униженности и озлобленности. Тем более неожиданно то, что происходит зимним вечером, когда под окном его халупы тормозит эшелон с немецкими военнопленными, отправленными домой с Северного Урала, и на пороге появляется рослый немец с пустым котелком и просьбой: воды.

Сам брошенный на дно голодного отчаяния, потерявший только что умершего от равнодушия окружающих ребенка, повествователь оказывается во власти необъяснимого русского сострадания, не убитого ни окопной мерзостью, ни послевоенными невзгодами. Ему бы понаслаждаться торжеством победителя над побежденным, выместить на нем всласть накопившееся озлобление на жизнь, а он, не понимая, почему это делает, кормит вчерашнего врага последним куском хлеба с луком, подкладывает горячую картошку, а затем дает в дорогу недоеденную пищу и остатки хлеба, сбереженные для жены и дочери.

Наблюдения над повестью «Веселый солдат» показывают, что ситуации трапезы умножаются количественно, а также приобретают идейную весомость и образную емкость там, где вписаны Астафьевым в широкий жизненный контекст и становятся

---

[5] Там же. Т. 13. С. 189.

своеобразным застольным вариантом общего состояния действительности. Особенно последовательно и ярко эта закономерность проявляется в военном романе «Прокляты и убиты» (1994).

В основе его первой части «Чертова яма» – жестокая картина учебно-тылового «предбанника» войны, основанная на горькой памяти автора о том, как молодых солдат унижали в запасных полках муштрой, пещерным бытом, ложью комиссарских речей, а главное – голодом, голодом. Если можно вслед за Н. Лейдерманом говорить о романе как об «огромном физиологическом лубке», то именно эпизоды трапезы являются его узловыми и наиболее заметными точками.

Во всем, что касается солдатской кормежки, глава за главой Астафьев открывает проявление всегдашнего равнодушия начальства, бесчеловечность того же рода, что и призыв в армию хронических больных, «воспитательные расстрелы» за ничтожную провинность, перевозка по-летнему одетых молодых казахов с юга в Сибирь в промороженных вагонах...

Переизбыток ситуаций трапезы в романе и их мрачная эстетическая окраска объясняются не только болью писателя за унизительное существование, в которое власть втолкнула своих защитников. Не менее существенна верность Астафьева, чуждого всякой романтизации жизни, правде естественного человеческого бытия, понимание того, что изнуренные голодом непрестанно думают о еде, добывая ее любым способом, что перед инстинктом самосохранения отступают приличия и мораль.

Жестокий реализм «Чертовой ямы» противостоит красивым легендам в духе знаменитого романа Николая Островского, согласно которым физические страдания лишь укрепляют дух. «Подлый казарменный быт, повседневно унижающий и даже убивающий того, кто послабей, размельчил людей, поднял наверх самое отвратительное, зверское, блудное, мелочное...»[6]

И напротив, почти полностью исчезает ситуация трапезы из второй книги «Проклятых и убитых» (на весь многостраничный «Плацдарм» приходится лишь четыре случая). На узкой полосе песчаного берега, заваленного трупами убитых и залитого кровью раненых, нет ни места, ни времени, ни желания, ни продуктов для сколько-нибудь нормальной человеческой еды.

---

[6] Там же. Т. 10. С. 279.

Следуя этой простой житейской правде, Астафьев сообразует с ней и правду художественную, исключая из «Плацдарма» развернутые застольные эпизоды. Кроме того, через них и невозможно было бы раскрыть главное в психологическом состоянии защитников днепровского берега – то, что отличает тяжкую, но осмысленную боевую жизнь от прежнего унизительного существования в полковых казармах: готовность терпеть страдания ради победы, сознание общей причастности к великому делу, свободу от тупой машины принуждения и комиссарской болтовни.

Таким образом, правомерно говорить об определенной закономерности, действующей в крупномасштабных произведениях военной прозы Астафьева, где одна из частей отдана изображению предфронтовой или послевоенной жизни героев. Именно в картинах этой жизни (запасной сибирский полк в «Проклятых и убитых», чусовские дни демобилизованного воина в «Веселом солдате») наблюдается резкое и идейно оправданное возрастание ситуаций трапезы в сравнении с собственно военными главами. При этом образно-смысловая функция ситуаций трапезы остается неизменной. Это раскрытие обездоленности, унизительной нищеты и голода будущего или бывшего солдата, за которыми – глубокое социальное неблагополучие советской жизни.

Т. Г. Зыкова
учитель русского языка и литературы,
с. Карагай Пермского края

ВОЕННАЯ ТЕМА В «ЗАТЕСЯХ» В. П. АСТАФЬЕВА

Мощный военный пласт астафьевской прозы вызывает устойчивый интерес литературоведов начиная с 1960-х годов (И. Дедков, А. Ланщиков, В. Курбатов, Н. Яновский, Т. Вахитова и др.). При этом исследование образов и мотивов, связанных в творчестве Астафьева с Великой Отечественной войной, ведется, как правило, на материале крупномасштабных произведений писателя («Звездопад», «Пастух и пастушка», «Последний поклон», «Так хочется жить», «Обертон», «Прокляты и убиты», «Веселый солдат»). Вне поля зрения исследователей оказалась

военная тема в «малой» прозе Астафьева, прежде всего в его «Затесях».

Как известно по собственному признанию Астафьева, он начал писать короткие рассказы, позже объединенные в общий корпус «Затесей», с конца 1950-х. В 1969 году, предваряя публикацию двух новых рассказов («Больше жизни» и «Дед и внучка») в газете «Литературная Россия», писатель впервые предложил объединяющее их название – «Затеси». В 1972 году издательство «Советский писатель» выпустило в свет первое книжное собрание таких рассказов. Затем до 2003 года вышло еще шесть книг с обновляемым и постоянно увеличивающимся составом произведений этого жанра. Последними произведениями астафьевской прозы, которые автор увидел опубликованными при жизни и которыми простился с читателями, стали именно новые затеси (журнал «Смена», 2001 год, № 5).

Наша работа вызвана тем небезынтересным фактом, что среди 292 затесей, собранных в наиболее полном издании (Красноярское книжное издательство, 2003), с темой войны в той или иной степени непосредственно соприкасаются 37. Это и побудило нас предпринять первую в литературе об Астафьеве попытку изучить военные затеси в жанровом и мотивном планах. Мы убеждены, что представление о военной прозе В. Астафьева не может быть полным без учета его затесей.

Именно этот тип прозы позволил В. Астафьеву раскрыть весь спектр памяти о войне, от отдельных ситуаций, подробностей до отстоявшихся с годами общих мыслей о ней. Именно в затесях происходит непосредственный переход от фронтовых подробностей, эпизодов, случаев к тому огромному, великому и страшному, что отразилось в слове «война».

Персонажи военных затесей – это прошедшие через жизнь солдата Астафьева и глубоко врезавшиеся в его память люди самого низового, окопного уровня войны. Они возникают на страницах затесей в многообразии жанровых вариантов.

В жанровом устройстве военных затесей прослеживается устремленность содержания к той или иной крупице неисчерпаемой правды о войне, добываемой переплетением двух повествовательных планов. Первый из них – это сохранившаяся в памяти повествователя реальность солдатской войны, того, *как это было*; достоверное изображение подлинных фронтовых ситуаций и подробностей, лично увиденных и пережитых некогда повествователем. Второй – это возведение единичного и конкретного фронто-

вого впечатления к обобщенной мысли о том или ином явлении войны, к пониманию того, *что это было*, уже сегодняшним сознанием повествователя. В рассказе «И прахом своим» Астафьев признавался, что большинство его послевоенных размышлений о войне неизменно вытекают из воспоминаний о ней.

Этот алгоритм правды о войне осуществляется автором военных затесей в широком спектре жанровых модификаций. Рассказы «Индия», «Тот самый Комаров», «И отдам катилёк», «Тоска по вальсу» близки к жанру портрета. К очерку можно отнести «Вербное воскресенье», «Звезды и елочки»; к философскому размышлению – «Без покаяния», «Старая запись», «Скорбь», «Орден смерти», «Многообразие войны», «Давняя боль».

Порой рассказы имеют особую форму построения сюжета – не линейную, а параболическую. Повествование начинается с конкретного случая, затем расширяется до осмысления некой житейской мудрости или нравственного закона, а в конце возвращается к исходной точке, что наделяет рассказы признаками притчи («Бритовка», «Заклятье»). «Конкретные случаи дают автору повод для философского размышления над вечными вопросами бытия, решенными в рамках притчи», – утверждает А. Большакова.

Около половины затесей о войне автобиографичны. «Макаронина», «Спасли человека», «Мелодия Чайковского», «Песня во тьме», «Как лечили богиню», «Бедный зверь», «Последний осколок», «Горсть спелых вишен» написаны как воспоминания о том, что происходило с самим Астафьевым-солдатом, его сослуживцами и друзьями. Более того, хронологически затеси настолько точны, что по ним можно проследить фронтовую биографию солдата Астафьева. Как известно, она началась весной 1943-го и прервалась после тяжелого ранения в сентябре 1944 года близ польского города Кросно.

Семнадцать фронтовых месяцев, оставивших в сознании писателя неизбывные зарубки, были прожиты Астафьевым в звании рядового связи («окопной землеройки», как он называл себя в рассказе «Как лечили богиню») 17-й артиллерийской дивизии в составе 38-й армии 1-го Украинского фронта, до октября 1943 года называвшегося Воронежским фронтом. Сопоставление сухих строк историографических документов, отражающих боевой путь 38-й армии[1], с зате-

---

[1] Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. М., 1990.

сями убеждает в военно-хронологической достоверности их содержания.

Многократно возникающая в затесях связь фактов войны с боевой биографией Астафьева впервые прослеживается в рассказе «Макаронина», события которого происходят в мае 1943 года где-то «на перекрестках военных дорог». В рассказе «Бедный зверь» упоминается, что за годы, прожитые на войне, Астафьеву пришлось «дотянуть телефонную линию от Оки до Карпат». А внутри этого пространства затесей – памятные точки войны, через которые лежал солдатский путь Астафьева: Букринский плацдарм в сентябре 1943 года, житомирское отступление в ноябре 1943-го, Корсунь-Шевченковская наступательная операция февраля 1944-го, осенние бои 1944 года в Польше.

«Последний осколок» – рассказ, хронологически завершающий описание фронтового пути Астафьева. След, оставленный осколком не только на теле, но и в памяти, виден и в других рассказах. Например, в затеси под названием «В Польше живет “сибиряк”» читаем: «Затем был город Жешув – это уже город солидный, центр воеводства, но идут бои, город во многих местах горит, идет работа, глазеть некогда. Вскоре – я помню и никогда не забуду эту дату: 17 сентября 1944 года – меня тяжело ранило в предгорьях Карпат...»[2]

Жанровый облик военных затесей создается и многообразием типов повествователя. В рассказах «Старая лошадь», «Короткий привал», «Индия», «Тоска по вальсу» автор предстает как объективный повествователь, точность рассказа которого напоминает работу кинооператора-документалиста. В «Коротком привале», например, воссоздана картина контрастного поведения новобранцев из пополнения и «усталых, сплошь старых видом и одеждой битых фронтовиков»[3].

В рассказах «Рукою согретый хлеб», «Искушение», «Наваждение» перед нами автор в роли участника событий. Переживая событие «изнутри», он делится нахлынувшими чувствами: «Я ел, и по лицу моему катились слезы, от боли в горле, от жалости к себе и еще от чего-то, тогда мне совсем непонятного»[4] («Рукою согретый хлеб»). Субъективное повествование,

---

[2] *Астафьев В. П.* Затеси. Красноярск: РГ «Вся Сибирь», 2003. С. 457.
[3] Там же. С. 413.
[4] Там же. С. 410.

проявляющееся как личностное отношение к событиям, в которых автор не является действующим лицом, – в рассказах «В Польше живет “сибиряк”», «Старое кино», «За что?», «Роковые часы “Победа”», «Многообразие войны». В этих затесях – своеобразное переложение рассказов других людей о своей жизни, услышанных Астафьевым. В «Старом кино» автор предстает сначала участником событий, а именно довоенным и фронтовым кинозрителем, вспоминает о том, как потрясла их, бойцов, актриса, игравшая роль матери убитого ребенка. В кульминационной фазе произведения автор становится субъективным повествователем, рассказывающим о встрече спустя много лет после войны с той самой актрисой Е. А. Тяпкиной.

Среди центральных мотивов военного корпуса затесей на первый план выходит резкое несогласие с ложью о том, какой ценой доставались народу победы не только в трагических 1941-м и 1942-м, но и в 1943 и 1944 годах, несогласие с «побасенками насчет бесстрашных командиров»[5], с громкими славословиями. Автор яростно сопротивляется тому, чтобы «война сочиненная затмила войну истинную, заторами нагромоздила ложь не только в книгах и трудах по истории прошедшей войны, но и в памяти...»[6]. В астафьевской правде о войне многократно звучит отказ от ее романтизации, стандартных формул о сплошном мужестве и непрерывных подвигах. На страницах «Затесей» – колоссальное напряжение и ужасающая простота ежедневной солдатской работы – «неинтересной, некрасивой, кровавой».

Вот солдат на марше в весеннюю распутицу: «Иду на врага почти босиком по вязкой украинской грязи, и не я один, много нас таких идет, топает, тащится... Скоро переобмундирование. Зимнее. Ни в коем случае не надо брать полушубок и валенки. Полушубок за месяц-два так забьет вшами, что брось его на снег – и он зашевелится, поползет; в валенках протащись версту-две по пахоте – и вылезешь из них. Я видел дырки в размякшей пахоте, заполненные водой и темной жижей, это вновь прибывший пехотный полк вышагнул из валенок и рванул к шоссе босиком. Трупы недавнего отступления разъездило, размяло и растащило по булыжнику»[7] («Мелодия Чайковского»).

---

[5] Там же. С. 526.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 665.

А вот солдат после убийственного налета вражеской авиации: «В нем не было ни страха, ни отчаяния, ни злости – ничего не было, потому что он был уничтожен сам в себе и находился в каком-то доселе неизвестном измерении, где только ужас правит всем и всеми... В конвульсии ужаса он так сжался, что мышцы его затвердели, ссохлись, а кости словно бы смялись в суставах и сделались короче – он был убит, выключен из себя... и не сознание, не память, не разум, а инстинкты правили и управляли им»[8] («Травинка»).

Во многих сюжетных ситуациях затесей повторяется мотив способности фронтовика к сохранению в себе человеческого среди грязи, крови и жестокости; живет сердечное высветление, душевная радость автора от случайной встречи на фронтовых дорогах с человеком порядочным, совестливым и мудрым, не поддавшимся равнодушию и черствости («Макаронина», «Бедный зверь», «Рукою согретый хлеб», «Как лечили богиню», «Последний осколок», «Горсть спелых вишен»). «Мучительно было бойцам видеть, как «на нейтральной полосе, среди бородавчатых, засохших кочек вот уже третий день стояла раненая лошадь... немым укором стояла она между двумя враждебными мирами, в самом центре войны»[9] («Старая лошадь»).

И напротив, по контрасту с благотворным сознанием солдатского братства живет в затесях, как сквозной мотив, исконное недоверие окопника к многочисленным «нахлебникам войны». «К той поре, как побывать мне на фронте, дивизий полного состава уже не было, солдаты работали один за десятерых, ни отпусков, ни разовых отгулов... А там за солдатами тащились, по фронту пылили политотделы, смерши, секретные отделы, заградотряды, придурки каких-то придуманных команд; в это время в тылах мерли, ложились в мерзлоту миллионы миллионов ни в чем не повинных людей и миллионы же их стерегли, учитывали, прикладами, палками и плетьми били.

Потом они, эти герои, хорошо, в безопасности, проведшие дни войны, все сделали, чтобы загнать в угол бывших фронтовиков и выпятить себя, свои заслуги»[10] («Старая запись»).

И наконец, лейтмотив военных затесей («Без покаяния», «Скорбь», «Многообразие войны», «Давняя боль», «Старая за-

---

[8] Там же. С. 435.

[9] Там же.

[10] Там же. С. 506.

пись», «Орден смерти» и др.) – незатихающая боль и безвинная вина автора перед теми, кто, будучи не хуже и не лучше его, остались лежать навсегда в опаленной войной земле. Словно развертывается на десятках страниц прозы знаменитое стихотворение А.Твардовского:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны...

«Истлели косточки молодых парней и сибирских мужиков в подмосковных полях и по подмосковным лесам. И вдовы солдатские вымерли по сирым, заброшенным, всеми забытым селам. Лишь небо скорбит, потому как оно вечно... Плачь, небо, плачь обо всех павших и еще живых солдатах»[11] («Скорбь»).

Мотив нравственной памяти, оставленной войной, звучит не только в рассказах о событиях военного времени. Отголоски военного лихолетья хотя бы одной фразой, произнесенной персонажем, одной черточкой написанной Астафьевым картины событий, внутренним монологом повествователя слышны в половине из почти трехсот затесей. Это непреодолимое возвращение памяти автора к прошлому помогает понять, какая незаживающая рана оставлена в народе войной.

А. М. Ковалёва
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры современного русского языка
и методики преподавания КГПУ им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск

СИБИРСКИЙ ХАРАКТЕР В ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА «ПАСТУХ И ПАСТУШКА»

Характер народа, по мнению психолога М. М. Рубинштейна, окраска действительности, а не фиксированные ее состояния. Характер не только не статичен, но силы его выковываются определенным образом на определенном материале среды, культуры, воспитания. Когда говорят о сибирском характере, то обычно трактуют это понятие исключительно в позитивном смысле, имея в виду особую жизненную стойкость сибиряков,

[11] Там же. С. 616.

силу духа, способность преодолевать препятствия, стремление к социальной справедливости, патриотизм, сохранение народных традиций. Изучение специфики сибирского характера, факторов его становления, форм проявления – одно из перспективных направлений научного исследования «региональной ментальности» жителей Сибири. Многие ученые разделяют это мнение. Следует отметить, что характер, понимаемый как в индивидуальном, так и в социально-психологическом смысле, органически вплетен во внутренний мир личности, менталитет этноса. Нравственно-волевые черты личности, составляющие ядро характера, неразрывно связаны с ценностными ориентациями людей.

В данной статье мы рассмотрим ценностные ориентации персонажей, солдат, описанных В. П. Астафьевым в повести «Пастух и пастушка», сравним их характер с теми критериями, о которых мы уже упоминали выше.

По мнению доктора педагогических наук, профессора М. И. Шиловой, один из этапов формирования сибирского характера начинается во время Великой Отечественной войны[1]. Сибирские дивизии сражались за Москву и Сталинград, участвовали в решающих битвах. В своих воспоминаниях фронтовики отмечают такие характерные черты сибиряка, как умение спокойно пережить тяготы фронтовой жизни, удивительную смелость, хорошее владение оружием. Высокая оценка значения характера для судьбы отечества содержится в выступлениях политических и общественных деятелей, в произведениях сибирских поэтов и писателей.

По мнению Н. М. Щедриной, в сознании читателя В. П. Астафьев всегда соотносится с его биографией, с личным опытом писателя. Война интересовала Астафьева как фактор, повлиявший на человека, на его внешний, физический, внутренний и духовный мир. В предисловии к книге «Военные страницы» Астафьев писал: «О войне писать трудно. Особенно тем, кто был непосредственно в окопах, на передовой линии, в пекле смертоносного огня. Воскрешая в себе войну, фронтовик вынужден пережить ее вновь, а это процесс не только трудный, но и болезненный, для раненных и контуженных на войне в особенности. И ничего удивительного нет в том, что бои, сра-

---

[1] Сибирский характер как ценность: Коллектив. моногр. / Под общ. ред. д-ра пед. наук, проф., чл.-кор. РАО М. И. Шиловой. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007. Вып. 2.

женья, героические схватки охотно описывают те сочинители, которые не были в пекле боев. Они не боятся сочинить войну, а я боюсь, точнее – боится мое сердце»[2].

В повести «Пастух и пастушка» Астафьев показывает характер простых солдат. Взводный Борис Костяев размышляет не о чувстве патриотизма и высоких духовных ценностях, а о вещах элементарных. Но это только кажется, а на самом деле всего сложнее понять, есть ли вообще у человека духовная сущность или он просто «мешок с костями», один он в поединке со смертью или кто-то ему помогает.

Автор вместе с героем повести настойчиво пытается найти причины возникновения фашизма, заставляя своих героев размышлять и рассуждать на эту тему: «Засел по оврагам да в полях и держится. А чего держится? Зачем?» – спрашивает Борис. Ответа Борис не находит, так как, по мнению автора, оправдания творящемуся безумию нет.

Любовь меняет Бориса. Ему и до этого с трудом удавалось переносить смерть, без которой невозможна война, но любовь, которая противоположна смерти, еще более обостряет это неприятие. Борис переживает одну за другой смерти товарищей и сам получает роковое ранение. К этому времени душа его переполнена впечатлениями от смерти. Жизнь становится для Бориса мукой, страданием. Его ранение легкое, но солдат умирает. Через много лет седая женщина, в которой с трудом можно узнать Люсю, находит потерянную могилу Бориса. С новой силой звучит тема единения душ, которые должны обрести друг друга на небесах. Таким образом, автор утверждает, что любовь – вечная духовная ценность. Она сильнее смерти, а значит, сильнее разрушительной стихии войны.

Устами Корнея Аркадьевича Ланцова В. П. Астафьев дает новую концепцию героизма как одной из составляющих сибирского характера, идущую вразрез с горячим призывом М. Горького «В жизни всегда есть место подвигу». «Не довольно ли безумства-то? Где граница между подвигом и преступлением?» – рассуждает Ланцов. Им, а вместе с ним и Астафьевым не принимается пролитие крови во имя великих идей. Ланцов утверждает, что не должно быть обстоятельств, которые создавали

---

[2] *Астафьев В. П.* Военные страницы: Повести и рассказы. М.: Мол. гвардия, 1986.

бы необходимость героизма, но эти обстоятельства создают те, кто считает себя «сильными мира сего», кто взял на себя право Бога повелевать жизнью людей.

В характерах героев повести автор настойчиво раскрывает и другую черту – сочувствие немецким солдатам. Танк, несущий гибель, давящий все на своем пути, объединяет на какое-то время всех пытающихся спастись. Не случайно расстреливает свой же танк немецкий солдат, возле танка он погибает. В повести В. П. Астафьев называет немца просто солдатом. Нет обозначений, показывающих, что этот немец чужой, фашист. Он тоже простой солдат, страдающий на войне. Кульминацией темы сочувствия немецким солдатам становится сцена с тяжело раненным немцем, просящим помощи и протягивающим никому не нужные часики. Мохнаков заставляет Бориса уйти, а затем добивает смертельно раненного немца. Борис Костяев, хотя и понимает, что Мохнаков избавляет немца от мук, не может смириться с таким средством избавления. Сцена сочувствия несколько раз изменялась писателем, что свидетельствует о его многолетних размышлениях об этой проблеме.

В военных произведениях В. П. Астафьев раскрыл нам самый жестокий закон войны: война калечит всех, даже тех, кто остается жить. Нет такой силы у самого сильного человека, чтобы остаться невредимым морально и психически после пережитого. Происходит саморазрушение характера, рушатся ценностные ориентации. Можно затем путем использования приемов психологической защиты уйти в мир, созданный воображением, и жить спокойно, не подозревая, что произошла подмена того, что называется совестью. Это получается далеко не у всех. Таким людям приходится помнить об ужасах войны всю свою оставшуюся жизнь. Об этом Виктор Петрович написал в предисловии к книге «Военные страницы»: «Зная, как будет болеть голова, стонать сердце, какие кошмары будут мучить его ночью и посылать к домашней аптечке, сочинитель все равно продолжает на бумаге не прекращающуюся в нем внутреннюю работу»[3]. Такие люди выполняют особую миссию – жить и помнить, чтобы больше не было войны. Можно сказать, что чувство вины за содеянное на войне свойственно людям с настоящим сибирским характером.

---

[3] Там же.

К. А. Кокшенева
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН,
г. Москва

О СУЩНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО НИГИЛИЗМА В «ПЕЧАЛЬНОМ ДЕТЕКТИВЕ» В. П. АСТАФЬЕВА

«Слишком стремительно разлагается человек вообще и наше общество в частности, лишь бы удавалось заниматься самоутешением и самообманом, как прежде, и звереет и подлеет человек еще больше, и это при наличии Толстых, Пушкиных и прочих Шекспиров и Петрарок» – так писал Виктор Астафьев в частном письме в 1980 году. Радикализм мысли для Астафьева в этот период тесно связан с его личным самоощущением, с его «криком изболевшейся души» (В. Быков).

80-е годы XX века – тут все почувствовали перелом в творчестве писателя. А он сам прежде и раньше других трезвым и точным, будто острие скальпеля, взглядом узрел заболевание – заболевание *духа* истории. Что же случилось с человеком – строителем фабрик и заводов? Почему грандиозные успехи, технологические и индустриальные, уничтожают своим социальным героизмом земное счастье?

Заболевание духа истории Астафьев назвал: это был все тот же, не раз являвший себя на авансцене жизни, социальный нигилизм. Но ведь и социальный нигилизм имеет свой корень, свое ядро, часто неразличимое сразу. Вот эта проблема и мучила писателя, на нее он искал ответ. Ответ о человеке.

В «Печальном детективе» Астафьев покажет жуткое в своей «простоте» действие нигилизма через насилие, жестокость, немотивированное зверство, через дикое хамство, подлое приспособленчество. «Гнилая утроба человека» нагло выставляет себя напоказ, требует своего жизненного пространства, утесняя и наступая на человеческую норму. Социоцентризм, пронизывавший советское общество, рухнул не в 1993 году, а, пожалуй, значительно раньше. Социоцентризм как универсальный принцип пронизывал культуру и науку, политику и экономику. Все объяснялось на его основе. Но оказалось, что человека нельзя всего измерить этим социальным циркулем. И уж кто-кто, а русские писатели знали это лучше всех других.

Оказалось, что установка на социальное благо не может стать основой добра. Медленно, но верно происходила деградация социального инстинкта – того самого, что так недавно поднимал сотни тысяч людей на трудовые подвиги и лишения. Союз социума и правды-справедливости становился все более формальным. И разрыв этого формального союза был неизбежен: «Беззаконие и закон для некоторых мудрецов размыли дамбу, воссоединились и хлынули единой волной на ошеломленных людей, растерянно и обреченно ждущих своей участи», – говорит Астафьев в «Печальном детективе».

Этот квазиправдивый декорум в «Печальном детективе» представлен сытыми и гладкими провинциальными снобами Пестеревыми, ловко умеющими жить и добывать, отбирать блага у милицейской четы Лободы. Именно они, «сытые хамы», быть может, более других причастны к тому нигилизму образованных и грамотных, что ничуть не менее страшен и разрушителен рядом с откровенным развратом и насилием пьющей и опустившейся тетки по кличке Урна или жалкого и злобного бывшего зэка Филина.

Мне представляется, что Астафьев в это время уловил очень существенное в человеке и социуме, что вскоре расцветет во всей своей злобной силе, – Астафьев уловил *раскрепощение чувственности* в человеке и отразил это отчаянно смело. Эта чувственная, ничем не сдерживаемая, звериная сила проявляется в четырех парнях, насилующих тетку Граню; в молодом пэтэушнике, что просто так, мимоходом, заколол трех человек; в другом «молодце», что, обиженный, взял и убил молодую женщину, разбивая, как орех, ее голову камнем; в том ошалевшем шофере с Севера, что покатался на самосвале и убил молодую женщину и ребенка. Эта жестокость, явленная автором в «Печальном детективе», жестокость как сила зверя в человеке, больше всего и цепляла писателя, и мучила его. Почему приоритет высших ценностей (ведь этих преступников в школах-то учили лучшему) был так незаметно и легко заменен в них приоритетом низшего? Отчего в городе Вейске так много парней и мужиков оказывалось в тюрьмах, а возвращались из них очень ненадолго, чтобы снова сесть, успев натворить на свободе мерзостей и преступлений? Почему социализм, улучшаясь, копал себе нравственную могилу?

Смерть социума развязывает человека. Человек утомился от собственной страшно героической истории. Он не смог стоять

на том высоком гражданском пьедестале, куда ставила его руководящая сила – партия. Эти разреженные, холодные выси партийности, где и дышать-то не мог простой человек, должны были обеспечиваться массовым рабством, где почти нет места культуре (под культурой в данном случае понимается привычка и обязанность размышлять, в том числе и о самом себе).

Вообще Виктор Петрович, увидевший это безмыслие, это начало раскрепощения чувственности в человеке, назвал главное, шагнул в XXI век, определив, почувствовав те механизмы, что вовсю пущены в ход сейчас.

Да, Астафьев зафиксировал в «Печальном детективе» картину социального декаданса, жизненного упадка. Словно из самого бытия куда-то ушли соки – и действительно ушли. Ушли в тяжкий труд родителей, которые детей своих отдавали по садам, школам и интернатам и не видели их, не воспитывали. И не шло между ними родственных, сердечных, питательных токов. Что это за дети – «матерью недоношенные, жизнью, детсадом и школой недоразвитые»? Эти дети – «барачного производства малые, плохо с детства кормленные, слабые до потери сознания, психопатичные», «сексуально переразвитые», немытые, замученные, ненужные, всем чужие. И рожали-то детей в каком-то тяжком бесстрастии, безлюбости, и получались они сызмальства хилыми и болезненными.

А женщины в астафьевском романе? Несчастная Сыроквасова, протабаченная не хуже мужика, носительница «культурного сознания», с ее хамоватой властностью «избранной», поставленной в особое положение ко всем пишущим в городе Вейске. «Пустобрешная» мать Лерки Евстолия Чащина, ничего не умеющая, кроме как всю жизнь болтать на собраниях и заседаниях, живущая за счет своего рукастого и смиренного мужа, но его же и пилящая всю жизнь. Каких же детей могут вырастить и выпустить в жизнь эти – без женственно-материнского инстинкта – женщины? Конечно же, похожих на них самих. Не случайно Лерка, дочь «пустобрешной» матери, вся была ходульная, остренькая, вся изломанная. Она ведь не знала тепла, материнской ласки. В ней *не копилась любовь*, которой она потом смогла бы отогреть и своего мужа, и дочку Светку.

Астафьев тогда уже видел порушенными основы именно национальной, а не просто социальной жизни. Уже тогда кричал громко, что обезмужичела деревня, спилась. И это очень важно – в русской культуре никакой феминизм не может при-

житься. Астафьев выстрелил в сердцевину проблемы, связав в единый узел *обезмужнивание в семье и обезмужичивание на земле, в деревне*. Без мужского стержня и в самой жизни исчезает воля жить. Ведь не все же такие, как деревенская красавица Паша Силакова, у которой, впрочем, есть муж и трое сыновей. Лучшие страницы романа отданы ей, такой *настоящей* для писателя.

Читая жесткую книгу Астафьева, просто физически ощущаешь, как происходит выгорание ценностей жизни, как действует на человека расслабляющий, убивающий нигилизм. Но социальный нигилизм (так ярко и сильно воплощенный писателем), конечно же, имел природу и духовную. Астафьев все отчетливее осознает, что социальный «бог» в виде «кодекса» для коммуниста совсем не способен стать на пути страшного процесса атомизации жизни, ее раздробленности-разложения. «Нам, – пишет Виктор Петрович, – противоречиво жившим и путано мыслящим, и вовсе не по плечу справиться со стихией цинизма и равнодушия и растления человеческой души. Только теперь я, например, по-настоящему понял, к чему приводит безверие и что даже насильственная вера лучше, чем вовсе ничего. Церковку-то сковырнули рановато, без Бога ни до порога и тем более ни до коммунизма...» (1980). Астафьев понял и назвал главную дилемму человека, стоявшего перед сломом всей старой жизни: Бог или физиология? Резко? Да. Но на самом-то деле только такая крайняя постановка вопроса и имела смысл. Идейная починка человека была уже невозможна.

В «Печальном детективе», в «Людочке», в «Русском алмазе» Астафьев показал*: человек теряет веру в свою ценность, если через него (человека) больше не действует бесконечное целое.* Но ведь никакая социальная идея не была и не будет этим «бесконечным целым». Им может быть только Бог. Конечно, в романе и рассказах писатель не говорит об этом так прямо, но все же в «Печальном детективе» по всему роману разлита не только «жалкость времени», времени, в котором «газета заменила ежедневные молитвы» (слова Ницше, о котором в романе вспоминает писатель), но и христианская по своему вечному происхождению человеческая честность, сострадательность, отзывчивость и тепло, производимое невидимой, но движущей жизнь бессмертной силой – душой.

Очень важно, что героем писателя стал оперуполномоченный Леонид Сошнин. И не только потому, что здесь, в этой

области жизни, больше всего знают о ее печальной изнанке. «Мент», милиционер, работник органов был в советское время объектом бесконечных анекдотов и насмешек. Вспомним поэта-постмодерниста Пригова, посвятившего милиционеру в это же самое время, когда Астафьев писал свой «Печальный детектив», целый цикл стихов. Приговский *Милицанер* (так у него пишется, как слышится. – *К. К.*) выше поэта, он принадлежит к власти, он представляет «высшую реальность»:

Милицанер же отвечал как власть
Имущий: ты убить меня не можешь,
Плоть поразишь, порвешь мундир и кожу,
Но образ мой мощней, чем твоя страсть.

Астафьев видел в «милицанере», оперативнике не поверхностную приговскую социальную маску. Астафьевский Сошнин, стоящий *на границе жизни*, между законом и беззаконием, стоящий в том месте, где многие соблазнялись и соблазняются, остается человеком, в котором не растрачены силы жизни и силы души. Он – страж при человеческом страдании, беде, горе. Но ни свои, ни чужие страдания не убивают в нем воли. Именно он хранит лучшие качества народа (и мы можем предполагать, что о них Сошнин и написал свою первую книжку), именно он помнит и заставляет нас видеть в своей тетке Лере, бабке Тутышихе, тетке Гране, Лавре-казаке, тесте Чащине те силы, которые поддерживали жизнь, не давали ей пасть, сплошь стать хламом.

Финал романа – это размышления Сошнина о «муже и жене», «мужчине и женщине». Тут не только «мысль семейная», с ее спасительностью от личностного падения и оскудения, о выходе в равной степени из одиночества и социальной темницы, но и мысль библейская, вечная, о крепкой опоре в соединении мужчины и женщины в одно, в родню, о хлебе, питающем эту жизнь, о чадолюбии. Ведь сказано: «Плодитесь и размножайтесь». Именно любовь противостоит нигилизму – любовь к детям, женщине, земле, отечеству. Не случайно Сошнин читает роман в письмах – монашка-католичка пишет в самых несовременных, самых возвышенно-страдательных выражениях о своей любви к ветреному французику. Он читал и перечитывал эту книгу, «как Библию», обнаруживая способность к бесконечному сопереживанию любви неведомой: для запертой в тихую келью монашки по сравнению с любовью «все остальное в мире – пыль, хлам, дешевка».

Нигилизм, то есть отрицание, появляется не вдруг, но, как всякая болезнь, имеет свои этапы. Нигилизм и начинается с неправильного представления о достоинстве человека, и заканчивается тем, что пищей души становится зло. Астафьев показал результат – страшную суть нигилизма. Но он же, выводя своего героя в мир писательский, в радость творчества, свободного мышления, четко сказал и о другом: *пришла пора понять Россию*. Не в ее сиюминутности, не в ее грехах, но в тех остатках любви, которые, несмотря ни на что, сохранялись в жизни.

P.S. Мы помним, как критики возмущались резкой речью Астафьева, его «чернухой». А теперь? Отвязанный инстинкт человека рыночной эпохи построил целую индустрию чувственности – бессовестную «этику» и некультурную «эстетику».

Г. В. Куличкина
кандидат филологических наук,
доцент кафедры социально-культурной деятельности ПГИИК,
г. Пермь

ПЕРМСКАЯ РОДНЯ «ВЕСЕЛОГО СОЛДАТА» (По материалам пермской прессы 2008 года)

Последняя повесть Виктора Астафьева «Веселый солдат», как не раз отмечали критики, несет в себе явственные черты исповедальности, документальности и публицистики – всего того, что позволяет назвать ее художественным документом эпохи[1]. Добавим от себя, что в ней проявилась традиция именно русской литературы, возникшая еще в XVIII веке, когда писатель, стремясь к максимальной правде повествования о действительности, был одновременно и творец, и журналист,

[1] См.: *Фокин П.* «И с отвращением читая жизнь мою» // «Знамя». 1998. № 10; *Ремизова М.* Волчья улыбка // Независимая газ. 2002. 10 февр.; *Ильченко С.* Последний поклон солдату // «Невское время». 2004. 18 авг.; *Ильюнина Л.* «Победобесие», или Правда о войне // Русская линия: Православ. информ. агентство. 2005. 29 июня; *Соколова Т.* Чусовой Виктора Астафьева // Русский мир: Сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. «Русская культура и русская история как фактор духовного единения народов России». 2007. 14 сент. Пермь, 2007. С. 157–169.

и гражданин. Сочинители не подразделяли свои тексты на художественные и публицистические, и потому на их страницах парадоксальным образом сталкивались самые невероятные по эмоциям и ощущениям события и факты, что в конце концов создавало у читателя ощущение переданной автором полноты бытия[2]. Вот и у Виктора Астафьева «покаяние переплетается с проклятием, плач – с иронией, благочестие – со сквернословием, молитва – с публицистикой. <...> Покаяние – без надежды на прощение. Проклятие – без гнева. Плач – без слез. Ирония – без отрицания»[3].

Для нас эта художественная особенность «Веселого солдата» важна тем, что позволяет обратиться к пермской прессе, которая в своих лучших публикациях, как и повесть, наследует традиции документально-художественного и публицистического повествования. Кроме того, в ней слышится явственная перекличка с художественным временем, с проблематикой и образами «Веселого солдата», несмотря на то что астафьевскую прозу и пермскую прессу разделяет более чем полувековой временной разрыв. Мы понимаем, что свою роль сыграло то обстоятельство, что книга создавалась спустя полвека после Великой Отечественной, в смутные годы новейшей истории. Горечь «Веселого солдата» (неслучайно рецензенты отмечали странность названия) да и всех последних произведений Астафьева появлялась как гражданский отклик на новую, необъявленную войну против народа на рубеже XX–XXI веков в пореформенной России. «"Да тут идет война!" – ахнул я и скоро убедился: да, война! И очень непонятная, но жестокая, и в ней больше всего достается мирному, ни в чем не повинному люду...» – так написано в повести по поводу пребывания раненых солдат уже за линией фронта. Писатель Виктор Астафьев, видимо, почувствовал острую необходимость подробно вспомнить те места и то время своей молодости, когда раненая пехота была в «госпиталях» далеко от передовой, а люди гибли сотнями и тысячами.

Особенно интересна для нашей темы вторая часть повести – «Солдат женится»: с дотошностью журналиста автор воссоздал

---

[2] *Куличкина Г. В.* Факт и образ в русской литературе XVIII века (на примере творчества Н. И. Новикова) // Парадигмы XXI века: информационное общество, информационное мировоззрение, информационная культура: Материалы Международ. науч. конф. 16–18 сентября 2002 г. Краснодарский ун-т культуры и искусства. Краснодар, 2002. С. 183–185.

[3] *Жуков В. И.* Модернизация социальных отношений в России: замыслы, итоги, возможности // Соц. исслед. 2005. № 6. С. 25–34.

здесь неимоверные тяготы послевоенного быта русского воина, освободителя Европы от фашизма, и дал характеры людей из народа. В мирной жизни «веселый солдат», как известно, вынужден был и продолжил другой бой – с жизненными обстоятельствами: за право на работу, на жилье, на охрану здоровья жены и детей, за право вернуть себе «изначальный состав крови, стать самим собой», то есть очеловечиться, освободиться от насевшего на душу окопного нравственного срама, поганства и пакости.

Страницы повести о пережитом в небольшом городке Чусовом пробуждают в памяти читателя невольные ассоциации с современным житьем-бытьем людей российской глубинки. Как и тогда, в 1990-х годах, большинство россиян «у бездны мрачной на краю».

Сегодня цена потерь в ходе коренных реформ 1990-х годов в России учеными частично подсчитана. Как и предчувствовал Виктор Астафьев (неслучайны его личные резко отрицательные выпады в сторону «народного кумира» Жукова и отца генералиссимуса, которых он назвал «человеческими браконьерами»), «все причины бедственного положения страны носят *субъективный* характер (выделено автором цитаты. – *Г. К.*). <...> Ежегодно, начиная с 1992 года по 2002-й, численность населения страны уменьшалась почти на 1 млн человек, что составляет количество жителей примерно такого крупного центра, как Воронеж. Значит, с 1992 года не стало 10 таких городов. <...> Наиболее острыми и нерешенными проблемами в регионах остаются: высокий уровень преступности (48%), терроризм (41%), плохое состояние жилищно-коммунального хозяйства (37%), высокий уровень безработицы (35%), неблагоприятная экологическая обстановка (31%), бедность населения (28%), рост алкоголизма и наркомании (28%), рост платы за жилье (26%), падение нравственности (25%), детское бродяжничество, безнадзорность и беспризорность (23%)»[4].

Мы приводим эту статистику, чтобы подтвердить правомерность и закономерность гражданского неравнодушия лучших пермских журналистов к болевым проблемам родного края, которые одновременно являются и общероссийскими. Предметом нашего анализа стали публикации в периодической печати, представленные на двух престижных конкурсах Прикамья –

[4] *Жуков В. И.* Указ. соч.

конкурсе имени Валерия Дементьева, пермского журналиста, погибшего в Нагорном Карабахе в годы перестройки, и конкурсе журналистского мастерства имени Аркадия Гайдара – по итогам 2008 года. Материалы конкурса свидетельствуют: у «веселого солдата» на пермской земле до сих пор сохранилась родня. По драматичности жизненной ситуации, по типам персонажей, их психологии, характерам.

Газета «Звезда» и военкор Аркадий Константинов, лауреат конкурса имени Валерия Дементьева, обнародовали судьбу майора Андрея Шитова из Перми. Как и «веселый солдат», он не раз сидел в окопах и видел смерть, но предстал перед пермским читателем как *«бомж с медалями на груди»* (таково было название публикации про него).

Виктор Астафьев: «Мирная жизнь не начиналась. Мирная жизнь брала за горло и заставляла действовать... В чусовском военкомате, как и в большинстве заведений в стране, рады были до беспамятства окончанию войны и победе, но к встрече и устройству победителей не подготовились как следует, несмотря на велеречивые приказы главного командования, потому что оно, главное командование, большое и малое, привыкло отдавать приказы, да никогда не спешило помогать, надеясь, как всегда, что на местах проявят инициативу... Не пройдет – не обессудьте!»[5]

Итак, военкор Аркадий Константинов опубликовал горькую историю командира-артиллериста майора Андрея Шитова, родом из Перми. Легенду 201-й мотострелковой дивизии, «генерала Шито-Крыто», как любя называли его сослуживцы. Более 35 лет верой и правдой служил он Отечеству, имеет немало наград. Но в 2006 году, к моменту достижения предельного возраста и увольнения из рядов армии, он с женой и тремя детьми оказался в Прикамье без собственной крыши над головой. Ютился по съемным квартирам, ждал получения жилищного сертификата, обещанного властями. Была еще надежда, что престарелые родители, может, пустят в квартиру, где он с юности был прописан. Но вместо этого... Однажды без его ведома и участия Свердловский районный суд города Перми лишил его права на проживание у родителей, а это означало лишить не только законных квадратных метров жилой площади, но и, в соответствии с этим, возможности получать пенсию,

---

[5] *Астафьев В. П.* Веселый солдат: Повесть // Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997–1998. Т. 13. С. 146

пользоваться льготами, лечиться (тем более что почти половины зубов лишился, зрение совсем плохое стало). И еще многого из гарантированного Конституцией и законами. Параллельно, как сообщил журналист, шла волокита с бумагами, подтверждающими, что ни Шитов, ни его жена с тремя дочерьми, живущая у своей матери, квартирой от Министерства обороны не обеспечивались. Это для того, чтобы полагающийся по закону государственный жилищный сертификат (ГЖС) получить.

В публикации А. Константинова образ воина, оказавшегося «на гражданке» без всякой социальной защиты, создается по преимуществу с помощью авторского повествования. Поначалу автор вспоминает, что подружился с героем публикации еще в 2001 году, во время гражданской войны в Таджикистане. Сразу дает ему по-военному краткую положительную характеристику: «Андрей воевал умело и зло. Но он же мог поделиться с пленным перевязочным пакетом, последней банкой тушенки, пуская по кругу флягу, пить последним... Чего греха таить, там многие топили свободное время в водке. А он заочно выучился в университете, запоем читал научно-исторические книги...» О драматической перемене судьбы своего героя журналист говорит с помощью выразительной портретной детали: «Не сразу признаешь в худом, седом, бедно одетом посетителе лихого и щеголеватого командира-артиллериста...» Здесь нет привычного приема интервью, чтобы герой сам на что-то пожаловался. Кого-то обвинил. Монологи-диалоги заменяются по-мужски скупой скороговоркой: «Как водится, посидели, вспомнили все, перебрали газетные вырезки, героем которых был и он». Только один раз автор предоставляет герою слово, и это слово можно назвать по-своему «веселым», ибо в нем ирония умного человека. «В решении суда заложена вопиющая нелепость. С одной стороны, декларируется, что в силу закона ответчик является членом семьи, с другой – что я таковым не являюсь. При этом поди пойми, на основании какого закона сделан этот вывод», – сетует Андрей.

Чем ярче факты социального беспредела, тем чаще в речи автора появляются вопросы, резкие критические оценки действий судьи («наспех составленное решение пестрит ошибками, за которые схлопотал бы “неуд” даже студент-первокурсник»; «совершеннейшие ляпы»), говорится даже о собственном личном участии в защите воина («Я позвонил в Москву, в Глав-

ную военную прокуратуру»). По ходу дела автор вспоминает историю с другим таким же «бедолагой»: «...полковник Василий Хаминов. Тридцать лет – верой-правдой; в том числе руководя одним из военно-строительных управлений. Вышел в отставку в 1994 году, а сертификата не получил до сих пор». Далее автор приводит еще один факт на ту же тему, но в другом масштабе: «В России создано Движение бездомных офицеров, главная задача которого, по словам одного из его лидеров А. Олейника, объединение военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов с целью "добиться получения гарантированного государством жилья"».

Выстроенные в одну цепочку правдивые житейские истории отдельных российских воинов обнажили острую социальную проблему на уровне всей страны, типичность ситуации, сходной с издевательством системы над теми, кто отдавал жизнь за родину в середине XX века. Поскольку проблема в самой жизни оказалась заведена в тупик, авторское чувство справедливости нашло не логичный, а эмоциональный – сатирический выход. Проза прерывается стихотворным текстом, в котором автор зарифмовал лозунги возмущенных военнослужащих, услышанные им на одном из митингов в Перми:

Клеймил ветеран
Пенсионный обман:
Как на подвиги звать –
Она Родина-мать,
А как расплатиться –
Словно волчица.

Не правда ли, «веселые солдаты» наши современники – военкор Аркадий Константинов (он лично участвовал в отмене несправедливого решения суда) и его товарищи по Движению бездомных офицеров! А также, кстати, и читатели «Звезды». Очерк вызвал широкую волну читательского сочувствия в виде писем и звонков, вплоть до предложения «временно пожить у нас».

Непременно стоит рассказать о других современных «боевых товарищах» астафьевского героя, которые и оружие в руках вообще не держали. Но когда они оказались перед вражеским бастионом, называемым «чиновничье-бюрократический произвол», в них пробудился боевой дух. И они пошли в атаку с угрозой для собственной жизни... Каким образом?

Вчитаемся в драматическую, почти невероятную историю под названием *«Всё, Галина, меня посадят. Я порезал ножом мастера ЖЭУ»*, рассказанную лауреатом премии имени Гайдара в номинации «Городские, районные и ведомственные СМИ» журналисткой Еленой Кожевниковой в лысьвенской городской газете «Искра» 20 сентября. Здесь столкнулись в неравном и неожиданном для обоих поединке пенсионер Геннадий Андреевич Быков и мастер ЖЭУ. Доведенный до отчаяния чередой бед и невзгод пенсионер пошел в жилищную контору, чтобы выяснить, когда наконец устранят неполадки, а вместо этого вонзил нож в мастера. Придя домой, Быков сказал жене, что он совершил нечто из ряда вон...

Аварийная ситуация в их квартире состояла в том, что в течение нескольких дней слесаря не устраняли протекание фекальных вод в квартиру. Больная жена-пенсионерка вынуждена была с угрозой для здоровья противостоять зловонному водопаду, спасать имущество.

Как и А. Константинов, Е. Кожевникова начинает рассказ о житейской истории с воспоминания. Три месяца назад у пенсионера украли из гаража «Ниву», деньги на которую семья копила много лет. Стражи порядка вора не нашли да еще и выговорили хозяину, что сам виноват, поскольку документы на машину хранил в ней же. Затаенные на представителей власти обида и гнев, подогретые аварией канализационного колодца и стоком вод из туалета в его квартире в течение 36 часов, вылились в неожиданную для него и всех, кто его знал, дикую агрессию.

Елена Кожевникова, используя прием журналистского расследования, абзац за абзацем восстанавливает ход событий, ищет виновного в трагедии и пытается найти ответ на вопрос: почему авария, которую можно было исправить за полчаса, обернулась увозом в психиатрическое отделение для одного и травмой лица и плеча для другого – заложника возникшей ситуации? Как всегда, дело было в «пустяке»: из-за реформ ЖКХ не был определен к тому времени хозяин канализационных колодцев в Лысьве.

Драму абсурда, не театрального, а жизненного, журналист воссоздает не только чисто журналистскими приемами, но и литературными средствами. Портрет «террориста», нарисованный с помощью отзывов соседей, передает образ добропорядочного, спокойного (никогда не матерился, не шумел) граждани-

на и семьянина, честного и трудолюбивого работника на производстве. Другими словами, поступок был безумным. Но откуда взялось это безумие? Автор вводит ключевые фразы самого «агрессора», переданные его женой, которые на первый взгляд тоже выглядят абсурдными, но именно они выявляют обобщающий характер его боли и безумных решительных действий: «Почему же над пенсионерами все в нашей стране так издеваются?» Показательно и другое заявление Геннадия Андреевича Быкова, образцового жильца и семьянина с сорока годами трудового стажа, сделанное им жене после «мокрого дела»: «Пусть для других моя история будет уроком». Вот такая «веселая» история впервые произошла в городе Лысьве. Типичное поведение духовного брата «веселого солдата», когда тот в бессильной ненависти к сытым тыловикам с погонами однажды замахнулся на одного из них кирпичом и послал далеко-далеко... Тогда повод внешне был тоже пустячный: надменному офицеру в машине не понравилась печальная песня на стихи Алексея Константиновича Толстого, которую пели бредущие строем на работу «недобитые солдаты».

Журналистка приводит официальную точку зрения правоохранительных органов на происшедшее, а себе позволяет сделать публицистическое заявление, в котором явственно слышна горько-возмущенная авторская интонация Виктора Астафьева, возводя факт в типичный образ общероссийского масштаба: «Иногда мне кажется, что в нашей стране все городские жители делятся на коммунальщиков и некоммунальщиков. Первые, зная все нюансы этой нечистоплотной отрасли, которая с переменным успехом реформируется уже более 15 лет, стойко переносят трудности неблагодарной работы. А вторые, столкнувшись с коммунальными проблемами, проклинают всех и вся, начиная от слесаря и заканчивая властями... и потихоньку сходят с ума».

Елена Кожевникова в 2008 году обнародовала еще одну, почти сенсационную историю из жизни лысьвенцев – о судьбе современной женщины Ирины Алексеевны Лавренёвой, под заголовком *«Королева автосвалки»*. Эта история – пример того, что не оскудела русская земля на женщин, которые повседневную самоотверженность ради близких считают нормой своей жизни. В этом случае, конечно, вспоминается образ Мили – Марии – Мани, жены «веселого солдата». В. П. Астафьев написал о ней немало теплых слов. Мы приведем одну, наиболее

подходящую для нашего случая фразу: «*...проявляя истинный, не плакатный героизм, жена моя таранила всякие на пути преграды. И я еще успел мельком подумать, что с такой бабой не пропаду и всего, чего надо в жизни, достигну*» [6].

В самом заголовке – ассоциации с «королевой бензоколонки» (был фильм с таким названием и главной героиней, образцом гламура по-советски). Лысьвенская «королева» – мать пятерых детей. Муж четыре года назад пропал без вести, и она, чтобы выжить, занимается сбором и продажей металлолома прямо под окнами дома: и доход существенный, и от детей надолго не отлучаешься. Свалкой недовольны и соседи, и власти. Но никто не предложил этой женщине достойной в финансовом отношении альтернативы. А дети у нее, как сообщает корреспондент, растут неплохие. И «королева автосвалки» хочет, чтобы у них, как у всех, был и компьютер, и велосипед.

Журналистка сохраняет профессионализм в подаче информации: излагая историю про многодетную бизнесвумен, она обращается к разным источникам. Публикация подана на газетной полосе как рассказ с подглавками, отдельно заверстаны сведения об утилизации автомобилей в России как полноценном бизнесе; даны фото героини и ее детей; приведены ссылки на сайт своей газеты, где самые смелые осведомители сообщали то о мафиозной подоплеке бизнеса И. А. Лавренёвой, то о «крышевании» ее деятельности властными структурами. Таким образом, автор подняла не одну проблему, а несколько: семья и государство, особая поддержка многодетных семей, поддержка малого бизнеса.

Вместе с тем Елена Кожевникова и здесь выходит на уровень русской публицистики, всегда защищавшей человеческое в человеке: «...я вспомнила рассказ одного своего приятеля о Германии. Он говорил: если женщина в этой стране родила трех детей, она будет обеспечена хлебом насущным до конца своих дней. Таковы законы. Когда так же можно будет сказать и о нашем государстве, многие проблемы, в том числе и наличие автосвалок, отпадут сами собой».

Добавим в заключение, что в 2008 году проблема социальной поддержки, заботы о достойном существовании ветеранов Великой Отечественной войны, бывших советских военнослужащих, ветеранов труда, народа в глубинке поднималась на

[6] Там же. Т. 13. С. 101.

страницах многих газет Прикамья. Лауреат конкурса имени Гайдара Геннадий Селиванов из газеты «Звезда» дал серию основательных очерков о нелегкой жизни людей в пермской глубинке, побывав в «президентских» селах Прикамья – Путино и Медведево. Ассоциации с Чусовым астафьевской поры просто сами собой на ум приходят. В «Оханской стороне» Светлана Еловикова рассказала об единственном оставшемся в живых ветеране войны в Таборском поселении М. Д. Мерзлякове, чья грудь увешана наградами, а дом – страшная развалюха; о жительнице села Беляевка Е. И. Гуревич, жертве холокоста и бывшей партизанке, проживающей в одиночестве в стареньком доме. Журналистка Анастасия Овчарук из газеты «Красная Вишера» праздничный репортаж о Дне Победы в родном городке заканчивает неожиданно – недоуменно-горестным наблюдением: «Видели ли это ветераны войны и труда? Не знаю. Ни одной скамейки для них на городской площади я не заметила».

Вот так из номера в номер идут лучшие из пермских журналистов по пути, проложенному русскими писателями, в том числе одним из талантливых среди них – Виктором Астафьевым. Духовные братья и сестры, дети и внуки его «веселого солдата» живут среди нас. Бог им в помощь!

С. Г. Липнягова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы КГПУ им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск

ПОРТРЕТ СОЛДАТА: АНКУДИН АНКУДИНОВ (В. П. Астафьев «Веселый солдат»)

Один из сюжетообразующих мотивов повести В. П. Астафьева – мотив дороги: дорога войны и дорога домой. Реализация этого мотива позволяет автору представить довольно широкий круг «попутчиков» главного героя. Более того, большинство из них приходят в историю рассказчика со своими жизненными ситуациями, тем самым обогащая развитие центральной сюжетной линии инфрасюжетами и создавая собирательный образ Солдата. Этот прием отчасти уже заложен в названии повести, поскольку она не названа именем главного ге-

роя, то есть заглавие не персонифицировано, а, скорее всего, носит обобщающий характер. «Веселый солдат» – таких «веселых» было много, что явно подчеркивается и композицией произведения: отдельные размышления-монологи автора-повествователя сменяются поистине драматическими (и в смысле накала напряжения, и в смысле построения, недаром повесть была инсценирована) сценами-диалогами и полилогами. В связи с этим можно говорить о полифонизме повести, особенно ее первой части – «Солдат лечится».

Наиболее значимыми представляются образы, возникающие неоднократно и проходящие через различные этапы жизненного пути главного героя. Среди них выделяется Анкудин Анкудинов. На примере этого персонажа можно рассмотреть приемы создания портрета Солдата и внутреннее движение структуры образа от реально-конкретного к обобщенно-символическому.

Анкудин появляется в сцене разговора с начальницей госпиталя, подполковником медицинской службы Чернявской, и замполитом по фамилии Владыко. Поводом для такой встречи послужило «самоуправство» раненых: видя, как мучается их товарищ (а его раны под гипсом разъедали вши и черви), солдаты вскрыли двери перевязочной, сломали гипс, промыли рану и дали успокоительное Васе-саратовскому. В ответ на кривую усмешку и слова «медицинского светила», обращенные к «опешившему народу», подает голос только один – «не единожды раненный и битый» Анкудин. Автор сразу же дает представление о внешности этого воина: «...выступил вперед в мужицкие зрелые лета вошедший, крупный, костлявый боец Анкудин Анкудинов»[1]. Этому человеку, уже не просто увидевшему, а прошедшему через все ужасы войны, стоявшему лицом к лицу с врагом, не страшен тыловой враг, а именно так он воспринимает начальницу госпиталя. Он не боится кинуть ей в лицо обвинение в смерти раненых. И как апофеоз этой напряженной, драматической сцены в финале ее звучит реплика Анкудина, обращенная к солдатам: «Не робей, братва! Хуже того, что есть, не будет. Оне молодцы супротив овцы»[2].

Однако присутствие этого персонажа на страницах повести не исчерпывается только сценой моральной победы над «вы-

---

[1] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997–1998. Т. 13. С. 39.

[2] Там же. С. 40.

сокопоставленной медицинской дамой». Следующая победа Анкудина – над Семёном Черевченко, «который кем-то и когда-то был выбран старшим, скорей всего и не был выбран, скорей всего сам пробился на должность»[3]. Анкудин просто-напросто предложил обидчику молодых солдат попробовать острие только что заточенной финки.

И только после этих кратких эпизодов введения героя в повествование В. П. Астафьев дает историю Анкудина Анкудинова, разделив ее на две части – «военную» и «мирную». И если для «военной» интродукцией стали две уже указанные сцены, то для «мирной» автор тоже находит свое введение – историю с лаборанткой Лизой.

Фрагменты из жизни рассматриваемого героя представляются самостоятельными ретроспективными инфрасюжетами в общем сюжете повести. «Военный» эпизод связан с историей подвига и ранения солдата, «мирный» – с его довоенной жизнью и историей женитьбы. Пространственные и временные границы повести расширяются, воссоздаются частности военного и мирного быта Анкудина, тем самым наполняя новыми нюансами общее представление об образе добровольца с горноалтайских серебряных разработок.

Однако двумя крупными планами присутствие героя на страницах произведения не исчерпывается. Герой-повествователь включает в свою военную исповедь еще два эпизода, где возникает имя Анкудина.

После отъезда солдата в московский госпиталь рассказчик мучается мыслью о том, а не были они знакомы ли до этого. На перекрестках военных дорог довелось доходно́му молоденькому солдату есть из одного котелка «суп с макаронами, точнее, с единственной, зато уваристой длинной американской макарониной» с пожилым бойцом «во всем сером». И это практически бессловесное знакомство стало для молодого человека уроком человечности на всю жизнь. Завершение воспоминания звучит как философское обобщение: «Анкудин Анкудинов так много видел людей на войне и подле войны, со многими едал из одного котелка, спал в одном окопе – где ему всех нас упомнить?»[4]

Эпизод повести, в котором в последний раз встречается имя Анкудина, связан уже с послевоенной жизнью героя-

---

[3] Там же. С. 41.

[4] Там же. С. 59.

повествователя и в контексте событий произведения может рассматриваться как некий взгляд в будущее. На Шукшинских чтениях встретился повествователю мужик с лицом «неземного, дотлевающего человека». Он внешностью, несмотря на худобу, походил на Анкудина, но главное сходство – в резкости, правильности и праведности его слов. Только уже не в защиту солдат, а в память о Шукшине. Да в боли за Отчизну.

Все это позволяет сказать, что в образе Анкудина Анкудинова воплотился один из вариантов портрета русского солдата.

А. А. Осипова
кандидат филологических наук МГУ,
г. Магнитогорск

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» КАК ЭЛЕМЕНТ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В. П. АСТАФЬЕВА
(На материале произведений 1980–90-х годов)

Одним из центральных понятий когнитивной лингвистики является понятие концептосферы, которое ввел в отечественную науку академик Д. С. Лихачёв. Он отмечает, что концептосфера – это совокупность концептов нации, образованная всеми потенциями концептов носителей языка. «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство...»[1]

Концепт «смерть» является одним из базовых концептов и входит в число ценностных понятий русской национальной концептосферы. Ключевым является этот концепт и в творчестве крупного отечественного писателя второй половины XX – начала XXI века В. П. Астафьева.

Изучение творчества В. П. Астафьева с лингвистической точки зрения, несомненно, актуально. Это автор, писавший на протяжении полувека и отразивший в своих произведениях

[1] *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Известия АН. Сер. Лит. и яз. М: Наука, 1993. Т. 52. № 1. С. 5.

размышления о жизни, о назначении человека на земле, его нравственных устоях, о русском народном характере. Язык произведений В. П. Астафьева представляет собой богатейший источник для лингвистических исследований. Однако работ, посвященных анализу языка этого талантливого прозаика, немного. Значительно чаще к творчеству Астафьева обращаются литературоведы, причем исследования большинства из них проходят в сопоставительном аспекте: обычно творчество Астафьева сравнивается с творчеством других писателей его поколения. Следует также отметить, что лингвистические и крупные литературоведческие работы по творчеству В. П. Астафьева посвящены преимущественно его произведениям 1960-х – середины 1980-х годов. Творчество писателя второй половины 1980-х–1990-х нашло отклик лишь в отдельных рецензиях критиков и читателей, язык же его последних произведений не изучался совсем. Между тем период 1980–90-х годов явился в творчестве писателя переломным. Это было связано и со сменой политической ситуации в России (время перестройки), и с изменениями в мировоззрении самого писателя, когда он выступил с резкой критикой всего негативного, что его окружало.

Проблема смерти всегда волновала русских писателей и по-разному решалась в их творчестве. Именно им, а не философам принадлежит персонологическая проработка темы смерти в XIX веке. Тема смерти, так или иначе присутствующая во всех произведениях В. П. Астафьева 1980-х годов, в основном является лишь сопутствующей к ведущим темам повествования. Заметнее всего эта тема звучит в рассказах «Людочка», «Мною рожденный», в романе «Печальный детектив».

Естественно, тема смерти выходит на передний план в произведениях о Великой Отечественной войне (часть повествования о войне в рассказе «Жизнь прожить», повесть «Веселый солдат», роман «Прокляты и убиты»). В романе «Прокляты и убиты», который создавался в период с 1992-го по 1994 год, В. П. Астафьев отошел от своей манеры письма, характерной для произведений 1980-х. В рассказах автор изображал явления, которые болезненно, губительно отражаются на жизни общества: это и варварское отношение человека к природе, и безразличие к чужой боли, и судьбы людей, надломленные жизнью в стране, настроенной на коммунистический рай. И все же В. П. Астафьев находил место и для шутки, и для торже-

ственного слога. В романе «Прокляты и убиты» писатель сосредоточил свое внимание только на негативных аспектах войны, за что неоднократно был ругаем читателями, критиками и высшими военными чинами. Этот роман нарушил традиции отечественной литературы, посвященной Великой Отечественной. Между тем многие фронтовики поддержали В. П. Астафьева и восхищались достоверностью и психологической убедительностью изображенного в романе бытия солдат на войне.

Мортальная направленность роману «Прокляты и убиты» задана уже в самом начале повествования – в эпиграфе первой книги: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (слова святого апостола Павла, 4:8). Эти слова апостола Павла на протяжении романа постоянно пульсируют у читателя в сознании, они находятся как бы над текстом.

Повесть «Веселый солдат» первоначально задумывалась В. П. Астафьевым как третья книга к роману «Прокляты и убиты». Но впоследствии автор «отказался от этого замысла... довольно еще объемную писанину решил пустить в тринадцатый том, в виде варианта. <...> И вошел в продолжительную, изнуряющую работу, делая повесть "Веселый солдат"»[2].

Указанные выше тексты и стали базой для воссоздания индивидуально-авторского концепта «смерть» в творчестве В. П. Астафьева 1980–90-х годов.

Поле вербализаторов (далее ПВ) концепта «смерть» в творчестве В. П. Астафьева указанного периода обширно. В качестве репрезентантов концепта рассматривались все извлеченные из художественных текстов единицы, включающие сему *«прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия»*. Методом сплошной выборки из произведений В. П. Астафьева 1980–90-х годов было выявлено 530 лексем (в 2129 употреблениях) и 96 сверхсловных языковых единиц (в 219 употреблениях), вербализующих концепт «смерть». Все эти репрезентанты распределяются в ПВ концепта по следующим зонам.

I. Ядерная зона ПВ, включающая единицы со стержневой семой «прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия». Сюда входят 5 лексем в 210 употреблениях (*смерть, конец, кончина, умирать/умереть*). Нейтральные глаголы *умирать/умереть* здесь в самом общем

---

[2] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 13. С. 730.

виде манифестируют определенный процесс, который предполагает явление смерти. Эти слова с узуальным значением «переставать/перестать жить» в художественных произведениях В. П. Астафьева могут обозначать процесс смерти как «естественный переход из состояния бытия в состояние небытия» (*«Тетя Лина успела маленько порадоваться Лёниному устройству, понянчилась с его дочкой Светой... и когда стала умирать, все сожалела, что не успела дотянуть внучку до школы...»*[3]) и «неестественный переход из состояния бытия в состояние небытия» (*«Васконян Ашот начинал понимать: люди на войне не только работали, бились с врагом и умирали в боях, они тут жили собственной фронтовой жизнью...»*[4]).

II. Околоядерная зона ПВ, включающая единицы с дополнительной семой, подчеркивающей естественный характер смерти. В данной зоне объединяется небольшое число вербализаторов (17 слов в 51 употреблении и 7 сверхсловных языковых единиц в 9 употреблениях). Это, видимо, связано с тем, что в сознании любого человека естественная смерть ассоциируется только с представлением об умирании вследствие зрелого возраста (старости). Все остальные причины смерти воспринимаются как неестественные (мы придерживаемся этого критерия при распределении единиц по зонам с учетом характера смерти). Смерть, по выражению одной из героинь В. П. Астафьева, это «всегда неожиданно, всегда не вовремя, всегда страшно»[5] («Мною рожденный»). В данной зоне 23 единицы из 24 имеют процессуальную семантику (это, например, лексемы *землеумирание, кончиться, околеть, павший, поумирать, примереть, уходящий;* фразеологическая единица (далее ФЕ) *стереться с земли;* сверхсловные образования *не стать, нет на свете, помереть своей смертью* и др.). Представления о естественной смерти в творчестве Астафьева 1980–90-х годов в основном связаны с пониманием явления смерти как закономерного финала кого- или чего-либо. Ср.: *«Вместе со мной ведь и вправду кончится мир. Мой. Никто не поймает моих рыб, никто не порадуется моей радостью»*[6] («Светопреставление»); *«А родители, Донат Аркадьевич и Татьяна Илларионовна, меж тем покинули сей неспокойный свет, один за другим*

---

[3] Там же. Т. 9. С. 22.
[4] Там же. Т. 10. С. 347.
[5] Там же. Т. 9. С. 372.
[6] Там же. Т. 9. С. 218.

отплыли к тихим берегам лучшего мира»[7] («Прокляты и убиты»); *«А милой Веры Афанасьевны, вашей классной руководительницы, не стало... сообщила она, завязывая разговор»*[8] («Веселый солдат»); *«Отчего так суетно милостивы, льстиво сочувствующи люди возле покидающего мир человека?»*[9] («Людочка») и др.

III. Околоядерная зона ПВ, включающая единицы с дополнительной семой, указывающей на неестественный характер смерти. Эта зона является самой многочисленной (314 слов и 50 сверхсловных образований в 1019 и 98 употреблениях соответственно). Общей для данной зоны вербализаторов, помимо семы «прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия», является сема «незакономерное прекращение существования кого- или чего-либо и переход из состояния бытия в состояние небытия». На основании субъектно-объектных отношений эти единицы распределяются по четырем группам.

1. Группа, объединенная общей семой «насильственное лишение жизни», где субъект и объект неестественной смерти различаются. Причем здесь выделяется три подгруппы. ***Первая подгруппа*** манифестирует общее представление о неестественной смерти (например, лексемы *гробить/угробить, губить/погубить, детоубийство, истребление, крушение, ликвидация, поразить, убивать/убить, уханьдёхать;* ФЕ *в крови утопить, приносить в жертву кого кому, сживать (свести) со света кого, стирать в порошок кого* и др.). Единицы данной подгруппы репрезентируют в творчестве В. П. Астафьева указанного периода насильственное умерщвление/уничтожение кого-, чего-либо, но не указывают на конкретный способ или на орудие, несущее смерть: *«Ни зла, ни ненависти, ни презрения, ни жалости во мне не было к поверженному врагу... И лишь: "Это я убил его!... Я убил фашиста. Убил врага... Я убил. Я!.." <...> Тянет, обнимает земля человека, в муках и для мук рожденного, мимоходом с земли смахнутого, человеком же убитого, истребленного»*[10] («Веселый солдат»); *«Во всех мемуарах почти все полководцы заявляют, что они прожили честную жизнь. Взять моего тезку, Александра Васильевича. Истаскал за*

---

[7] Там же. Т. 10. С. 90.
[8] Там же. Т. 13. С. 240.
[9] Там же. Т. 9. С. 416.
[10] Там же. Т. 13. С. 15.

собою по Европе, извел тучи русских мужиков... в оренбургских степях пугачевский мужицкий мятеж в крови утопил и – герой на все времена»[11] («Прокляты и убиты»); *«За пятнадцать лет произошло столько событий, столько родилось и столько умерло своей смертью людей, столько погибло от злодейских рук, спилось... сгорело, заблудилось...»*[12] («Людочка»); *«Я думал, что пан Стас когда-нибудь порешит радиста, маму мою и себя вместе с ними»*[13] («Тельняшка с Тихого океана») и др.

Вторая подгруппа единиц манифестирует частные представления о неестественной смерти. Эти представления в основном связаны с конкретными причинами, способами смерти, отраженными в семантике каждого слова или сверхсловного образования (*застрелить, расстреливать/расстрелять, зарубить, засечь, изрубить, колоть/заколоть, душить/задушить, удавить, затаптывать/затоптать, размичкать, жечь/сжечь, испепелить, каннибальство, травить/отравить* и др.): *«Немцы аккуратно подчищали небо и реку, расстреливая парашюты и парашютистов...»*[14] («Прокляты и убиты»); *«Добрый молодец... пошел гулять по улице и заколол мимоходом трех человек»*[15] («Печальный детектив»); *«Топил, топил Анисей нашего брата, теперь самого утопили, широкой лужей сделали...»*[16] («Жизнь прожить»); *«Так немилое, лишнее дитя прикидывала в старину по глухим российским местам подушкой и задушивала... родившая его мать»*[17] («Ловля пескарей в Грузии»); *«...Бог смилуется над ними: загнанные в пустынное, овражное пространство остатки немецких дивизий подавят гусеницами танков, дотопчут в снегу конницей... преследующие их советские войска»*[18] («Прокляты и убиты»); *«Сожгли безоружное ополчение под Москвой, сгубили боеспособные армии под Воронежем и в Сталинграде...»*[19] («Прокляты и убиты»); *«Редчайший случай в природе – травоядные животные занимались каннибальством...»*[20] («Из тихого света») и др.

---

[11] Там же. Т. 10. С. 327.
[12] Там же. Т. 9. С. 390.
[13] Там же. Т. 9. С. 167.
[14] Там же. Т. 10. С. 485.
[15] Там же. Т. 9. С. 30.
[16] Там же. Т. 9. С. 312.
[17] Там же. Т. 9. С. 253.
[18] Там же. Т. 10. С. 744.
[19] Там же. Т. 10. С. 286.
[20] Там же. Т. 13. С. 715.

Третья подгруппа единиц включает слова и сверхсловные образования, репрезентирующие смерть как высшую карающую меру (например, лексемы *вешать*, *висельник, казнь, казнить, расписать, расстреливать/расстрелять*; ФЕ *к стенке стать, пустить в расход* и др.): *«Чьи стихи-то? – подал голос Лахонин.– Мережковского? Так его вроде бы повесили или расстреляли?»*[21] («Прокляты и убиты»); *«Был тут один человек, который твердо знал, что братьев пустят в расход, – это помкомвзвода Владимир Яшкин...»*[22] («Прокляты и убиты»); *«Из Выборга пишет мне старая женщина: "Перевешать бы всех вас, писателей!"»*[23] («Из тихого света») и др.

2. Группа единиц с общей семой «неестественное прекращение жизни», где смерть становится добровольным актом субъекта. Интегральная сема «самопожертвование» объединяет в этой группе разговорную лексему *перемереть* ‘принести себя в жертву’ и нейтральные ФЕ *костьми лечь* ‘умирать, жертвуя собой’, *сложить голову* (и вариант *живот покласть*), *стоять/стать насмерть*: *«В смысле быта и жизнеустройства Феликс был за нее совершенно спокоен, семейство Блажных скорее само все перемрет, в землю костьми ляжет, но Фелиной жене погибнуть не даст»*[24] («Прокляты и убиты»); *«Наторевшая на "затыкании дырок" дивизия Лахонина снова вводится в действие, бросается в коридор, в пекло и несколько часов, с полудня до темноты, стоит насмерть среди горящих спелых хлебов, созревшей кукурузы и подсолнухов»*[25] («Прокляты и убиты»); *«Здесь, под городом этим, сложил свою голову мой дядюшка, Иван Павлович Астафьев...»*[26] («Веселый солдат») и др.

3. Группа единиц с общей семой «насильственное лишение жизни», где субъект и объект неестественной смерти совпадают, причем ими является человек. Слова и сверхсловная единица здесь имеют дифференциальную сему «самоубийство» (*задушиться*, *наложить на себя руки, повеситься, отравиться, самоистребление*, *самоубийство, самоубийца, стрелиться* ‘убить себя из огнестрельного оружия’, *топиться/утопиться*). Слова и ФЕ данной подгруппы могут давать как общее пред-

---

[21] Там же. Т. 10. С. 326.
[22] Там же. Т. 10. С. 196.
[23] Там же. Т. 13. С. 712.
[24] Там же. Т. 10. С. 144.
[25] Там же. Т. 10. С. 310.
[26] Там же. Т. 13. С. 82.

ставление о добровольном лишении себя жизни, так и частные представления – с указанием на способ умерщвления, например: *«Я мимоходом отметил, что если здесь, в этой каменной выемке, стрелиться, вовек никто не найдет»*[27] («Веселый солдат»); *«Население Хасюринской с немцами жило дружно... радяньских же червоноармейцев воно презирае... при случае досаждае, даже мстыть, чаще усего трыпэром, по выбору портя бойцов... Было несколько самоубийств, три хлопца утопылися в реке, одын на гори, на чердаке, значит, бинтом задушывсь»*[28] («Веселый солдат»); *«Людочка и Стрекач... прошли в регистрационном журнале УВД по линии самоубийц, беспричинно, попросту говоря – сдуру, наложивших на себя руки»*[29] («Людочка») и др.

4. Группа единиц с общей семой «неестественное прекращение жизни», где действующий субъект смерти отсутствует. В данной группе объединяются слова и сверхсловные образования, манифестирующие смерть кого- или чего-либо в силу внешних обстоятельств (война, несчастный случай), отдельных причин (болезнь, ранение). Внутри этой группы также выделяется несколько подгрупп с интегральными семами.

Первая подгруппа репрезентирует общее представление о неестественной смерти в силу внешних обстоятельств (лексемы *истребиться, мереть, окочуриться, откомандоваться, погибать/погибнуть, подохнуть*; ФЕ *конец пришел кому* и др.): *«– А Щусь? Щусь сейчас где?.. – На высоте с утра был, командовал... Может, и откомандовался уже...»*[30] («Прокляты и убиты»); *«"У меня раненые мрут..." – голос полковника упал в бессилии...»*[31] («Прокляты и убиты»); *«Говорят, хасюринские начальники скрывали смертность или переталкивали в другие госпиталя обреченных людей...»*[32] («Веселый солдат»).

Вторая подгруппа репрезентирует частные представления о неестественной смерти в силу внешних обстоятельств (лексемы *домучиваться, замерзать, захлебнуться, перетонуть, угасший*; ФЕ *умирать с голоду* и варианты *мереть, подыхать, сдохнуть, околевать с голоду* и др.): *«Скорее всего... его приволок-*

---

[27] Там же. Т. 13. С. 228.
[28] Там же. Т. 13. С. 42.
[29] Там же. Т. 9. С. 428.
[30] Там же. Т. 10. С. 520.
[31] Там же. Т. 10. С. 578.
[32] Там же. Т. 13. С. 81.

ло и прибило бы к правому берегу, где он и окоченел бы на плотике...»[33] («Прокляты и убиты»); *«Голодные, изнуренные, больные... будут чужеземцы замерзать тысячами, терять и бросать раненых...»*[34] («Прокляты и убиты»); *«Там, на озере Кубенском, и загинул Кеша Короб – провалился весной под лед и утонул. Утонул...»*[35] («Светопреставление»); *«Под Сталинградом мерзлую конину по кусочкам делили. Мы тех коней изрубили бы, растащили, сожрали, потом скопом околевали бы с голоду...»*[36] («Прокляты и убиты») и др.

IV. Околоядерная зона ПВ, включающая единицы с дополнительной семой, указывающей на следствия смерти. В данную зону входит 128 слов и 5 сверхсловных образований (в 688 и 9 употреблениях соответственно). Репрезентанты данной зоны образуют несколько групп на основании общих сем:

1. Единицы, манифестирующие представление о мертвом теле человека или животного, об остатках чего-либо уничтоженного (слова *гнить/сгнить, дохлятина, мертвечина, мясо, пушнина, разлагаться, трупик*; устойчивые сравнения *как дрова, как падаль* и др.): *«Где труп взять? Может, денег накопить да за границей сторговать? <...> У нас за труп засудят и засадят»*[37] («Мною рожденный»); *«Шинель принесло водою, он ее высушил на солнце, выхлопал о камни, но сукно так напиталось духом мертвечины, что не вытрясешь его, не вымоешь»*[38] («Прокляты и убиты»); *«Крысы, объевшиеся человечиной... плотной чередой сидели по урезу реки...»*[39] («Прокляты и убиты»); *«Конскими и ручными граблями, вилами, крючьями... свозили, стаскивали под яр... останки солдат... все-все добро, все пожитки вместе с хозяевами валили в большие, неглубокие ямы... спешащие поскорее укрыть прах и срам человеческий»*[40] («Прокляты и убиты»); *«Живые, боясь увязнуть в протухшем мясе и грязи, норовят ходить по откосам...»*[41] («Прокляты и убиты»); *«Как дрова лежат люди, только в поленницы не сложенные, друг на дружке»*[42] («Жизнь прожить») и др.

---

[33] Там же. Т. 10. С. 395.
[34] Там же. Т. 10. С. 743.
[35] Там же. Т. 9. С. 224.
[36] Там же. Т. 10. С. 551.
[37] Там же. Т. 9. С. 338.
[38] Там же. Т. 10. С. 704.
[39] Там же. Т.10. С. 659.
[40] Там же. Т. 10. С. 737.
[41] Там же. Т. 10. С. 611–612.
[42] Там же. Т. 9. С. 291.

2. Единицы, манифестирующие представление о различных атрибутах, возникающих только после смерти кого-либо (лексемы *гроб, завещание, кладбище, крест, могила, морг, ограда, плач, поминки, похороны, эпитафия* и др.): *«...уж после отбытия хозяйки похоронка на хозяина пришла»*[43] («Прокляты и убиты»); *«Царство тебе небесное, парень. Лежишь вот сейчас в полковом морге... и ничего-то тебе не больно...»*[44] («Прокляты и убиты»); *«Домовинку грубо вытесал папаша. <...> ...Взял я под мышку почти невесомую домовинку и понес на гору»*[45] («Веселый солдат»); *«Вдова не вдова, в общем-то близкий покойнику человек... гладила и гладила... рукой крышку гроба...»*[46] («Прокляты и убиты»); *«Как-то умудрились некоторые уходить из лагеря... в степях раскапывали могильники павшего скота, обрезали с него мясо»*[47] («Прокляты и убиты»); *«Весной на кладбище сжигали мусор, и поднимись же ветер на ту пору – и пошли палы по могилам и крестам»*[48] («Печальный детектив»); *«Я пришел на могилу один. ...Могила и оградка завалены ломаными сучьями и листьями»*[49] («Из тихого света»); *«Но с музыкой хоронили мало кого...»*[50] («Веселый солдат») и др.

3. Единицы, манифестирующие представления о статусе кого-либо, возникающем вследствие прекращения чьей-либо жизнедеятельности (слова *мертвец, овдоветь, покойник, сирота, убиенный, усопший, утопленник* и др.): *«Покойников у нас всегда жалели и любили больше, чем живых»*[51] («Мною рожденный»); *«Упокой, Господи, души усопших раб Своих... и прости им все согрешения, вольные и невольные...»*[52] («Прокляты и убиты»); *«Крестная росла без отца – мать ее рано овдовела»*[53] («Веселый солдат»); *«Попутно вспомнилось, что наиболее преданные сиротам и сиротскому делу бывают одинокие люди»*[54] («Из тихого света») и др.

---

[43] Там же. Т. 10. С. 238.
[44] Там же. Т. 10. С. 90.
[45] Там же. Т. 13. С. 190.
[46] Там же. Т. 10. С. 738.
[47] Там же. Т. 10. С. 285.
[48] Там же. Т. 9. С. 116.
[49] Там же. Т. 13. С. 711.
[50] Там же. Т. 13. С. 223.
[51] Там же. Т. 9. С. 338.
[52] Там же. Т. 10. С. 90.
[53] Там же. Т. 13. С. 181.
[54] Там же. Т. 13. С. 715.

Все единицы внутри групп распределяются по подгруппам в зависимости от интегральных сем.

V. Зона ближней периферии ПВ, охватывающая единицы, семантика которых связана с представлением о состоянии умирающего/умершего и о бытии души после смерти. Она содержит 22 слова и 17 сверхсловных языковых единиц (в 51 и 46 употреблениях соответственно) и включает 2 группы единиц:

1. Группа единиц, манифестирующих представление о состоянии умирающего или умершего (лексемы *отдыхать, покоиться, уплывать*; ФЕ *вечный покой, вечный сон* и др.): *«Услышав, как ожгло бок и огонь мгновенно начал растекаться, заполняя нутро не болью, нет, а расслабляющим жаром... Янгель почувствовал, как слабеют под ним ноги. <...> Он уплывал, он возносился куда-то, внезапно догадался – в небо!»*[55] («Прокляты и убиты»); *«Они, кума с кумом, умерли не в один день, но в один год, и перебрались с улицы Трудовой еще выше на гору, на Красный поселок. Натрудились. Отдыхают. Им на горе ветрено и спокойно»*[56] («Веселый солдат»); *«...Бабенка беспричинно захохотала и продекламировала ни к селу ни к городу: "Мертвый у гроби сладко спи..."»*[57] («Без последнего») и др.

2. Группа единиц, манифестирующих представление о загробном мире и его обитателях (слова *ад, Бог, Боженька, Господь, дьявол*; ФЕ *геенна огненная, убраться в мир иной*; сверхсловные образования *другая жизнь, верхний мир, другой мир, леса другие, лучший мир*): *«Боженька, милый, за что, почему Ты выбрал этих людей и бросил их сюда... Зачем Ты отворотил от них Лик Свой и оставил сатане на растерзание?»*[58] («Прокляты и убиты»); *«Зачем он нам, тот свет, ведущий в геенну огненную?»*[59] («Слепой рыбак»); *«Тем временем друг за дружкой убрались в другой мир, в леса другие баушка Сысолятиха и Петруша-баканщик»*[60] («Жизнь прожить») и др.

Обе группы, в свою очередь, распадаются на подгруппы с учетом грамматических значений слов.

VI. Зона дальней периферии, объединяющая вербализаторы, не содержащие в значении ядерную сему («прекращение

---

[55] Там же. Т. 10. С. 542.
[56] Там же. Т. 13. С. 240.
[57] Там же. Т. 9. С. 437.
[58] Там же. Т. 10. С. 381.
[59] Там же. Т. 9 С. 236.
[60] Там же. Т. 9. С. 302.

жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия»), но контекстуально призванные дополнить и расширить рамки фрейма *смерть*. Эта зона состоит из 45 слов и 17 сверхсловных образований (в 110 и 57 употреблениях соответственно).

Обозначенную зону составляют 6 групп единиц с интегральными семами:

1. Группа единиц, семантика которых связана с представлением о степени проявления чего-либо (лексемы *смертельный* 'предельный в своем проявлении', *замертво* 'о сильной степени проявления чего-либо', *висельник* 'перен. о степени проявления чего-либо'; ФЕ *загнать в гроб кого* 'заставить кого-либо сильно переживать или завидовать чему-либо', *до смерти* 'очень сильно хотеть, любить, скучать и т. п.'): *«Генерал Конрад Штельмах... давал понять русским, что прибыл сюда не семечки лузгать... и, хотя этот его первый день присутствия в дивизии ощутимого перевеса не принес – русские сражались с отчаянием висельников, активность его войск была пусть и не очень результативна, но похвальна»*[61] («Прокляты и убиты»); *«Шорохов на крайнем нервном взводе, но напряжение все же схлынуло, сытость и чувство исполненного долга расслабили его, и он замертво уснул...»*[62] («Прокляты и убиты»); *«Были еще и четвертые, и пятые – всеми брошенные, всеми преданные, одичавшие, усталые до смерти, доведенные до отчаяния»*[63] («Веселый солдат»); *«Моя Клавка, когда вырастет, усех танцами прэвзойдет! А ту, как ее – да биксу-то, что с балету, что народная артистка, видали мы таких народных! – ту у гроб загонит!»*[64] («Жизнь прожить») и др.

2. Группа единиц, дающих представление о несвершившемся прекращении жизнедеятельности и переходе из состояния бытия в состояние небытия, которое вносит в семантику единиц частица *не* (*не бить, не изрубить, не истреблять, не порешить, не убивать/не убить, не умертвленный, не умирать/не умереть* и др.): *«"Хорошо хоть кустарники не погибли при таком обильном увлажнении",– зевнула девушка и приказала тебе караулить место»*[65] («Тельняшка с Тихого океана»); *«И сразу*

---

[61] Там же. Т. 10. С. 633.
[62] Там же. Т. 10. С. 706.
[63] Там же. Т. 13. С. 90.
[64] Там же. Т. 9.С. 278.
[65] Там же. Т. 9. С. 155.

понял я всю исходную причину слез: мог сдохнуть в больнице и не сдох, до весны вот дожил...»[66] («Светопреставление»); *«Но снова и снова воскресало на ней* [на земле. – *А. О.*]... *диким камнем не раздавленное, холодом не умертвленное зернышко»* [67] («Прокляты и убиты») и др.

3. Группа единиц, передающих представление об определенном месте, где гибель людей бывает неизбежна (лексемы *передовая*; сверхсловные образования *Курская дуга, передний край, штрафная рота, поле боя* и др.): *«Конечно же, жизнь на передовой и жизнью можно назвать лишь с натяжкой... но это все равно жизнь...»*[68] («Прокляты и убиты»); *«Героическая гвардейская бригада до основания почти была выбита на Курской дуге...»*[69] («Прокляты и убиты»); *«Ожидалось, что штрафную роту бросят на переправу, в огонь, первой...»*[70] («Прокляты и убиты»); *«До нас доносило: "Раздолбаи! Размундяи! Раз...", ну и тому подобное, привычное нашему брату, если он давно пребывает на поле брани»*[71] («Веселый солдат») и др.

4. Группа единиц, дающих представление о квантитативных показателях смерти, о смерти как некоем пределе (ФЕ *до гроба, до конца, до конца дней, до последнего вздоха, до скончания века, как один, не счесть*): *«Я даже назвал тестя разок-другой папашей да так старика до конца его дней и называл»*[72] («Веселый солдат»); *«Старшина Шпатор... заявил, что отныне раздача пищи будет производиться в присутствии едоков, а если еще найдется кто, посягающий на святую солдатскую пайку, он с тем сделает такое, что лихоимец, памаш, до гроба его помнить будет»*[73] («Прокляты и убиты»); *«Порой отчаяние охватывало старого вояку, познавшего не только самое войну, но и все прелести, сопутствующие ей, не раз, не два хватался он за голову: "Погибнут! Все как один погибнут, сгорят в том неразборчивом, всепожирающем огне войны..."»*[74] («Прокляты и убиты»); *«Назавтра после боя, когда враз все затаяло и поплыло, обозначилось такое количество убитых, что не счесть»*[75] («Жизнь прожить») и др.

---

[66] Там же. Т. 9. С. 218.
[67] Там же. Т. 10. С. 231.
[68] Там же. Т. 10. С. 481.
[69] Там же. Т. 10. С. 449.
[70] Там же. Т. 10. С. 397.
[71] Там же. Т. 13. С. 9.
[72] Там же. Т. 13. С. 141.
[73] Там же. Т. 10. С. 44.
[74] Там же. Т. 10. С. 280.
[75] Там же. Т. 9. С. 291.

5. Группа вербализаторов, репрезентирующих определенные эмоции, состояния, оценку, возникающие у живых после смерти кого-либо (лексемы *горе*, *оплакивать/оплакать, погоревать, скорбь, утрата* и др.): *«Где-то на окраине этого бездушного города дни и ночи масляно курится жирным дымом крематорий. К нему покорная очередь, стиснутая горем и недоумением»*[76] («Из тихого света»); *«Вот не станет меня в этом мире... Домашние мои тоже погорюют... да и примирятся с неизбежной утратой»*[77] («Тельняшка с Тихого океана»); *«...фронтовики, перевалившие за шестьдесят, долго собою не обременяют человечество, скорбнет по мне Союз писателей десятью строчками некролога в "Литературке", и тут же... забудут собратья по перу о том, что из колоса... выпало поврежденное осколком войны зернышко...»*[78] («Тельняшка с Тихого океана»); *«Олег Сергеевич, знаю, пышно меня похоронит и оплачет»*[79] («Мною рожденный») и др.

6. Группа единиц, несущих представление о кинетических признаках, сопровождающих/являющихся следствием прекращения жизнедеятельности и перехода из состояния бытия в состояние небытия (лексемы *заупокойный, мертвенно-голубенький, мертво-лунный, окоченелый, одеревенелый, омертвело-темный, остывать/остыть, почерневший*, сверхсловное образование *марш Шопена* и др.): *«Я перевернул уже одеревенелое тело немца»*[80] («Веселый солдат»); *«Родька... вынул Ерофея из норы. Солдат уже начал остывать»*[81] («Прокляты и убиты»); *«...он ничего не чувствовал, он все плыл, все плыл по бесконечной реке... и все в нем звенела, звенела заупокойным звоном... гибельная, беспросветная глубь»*[82] («Прокляты и убиты»); *«Узкие, от сотворения своего немытые оконца, напоминающие бойницы, излаженные меж землей и крышей, свинцовели днем и ночью одинаково мертво-лунным светом»*[83] («Прокляты и убиты»); *«Низкие, вспученные баночки «завтрака туриста» со сгнившей в них килькой... слипшиеся, мертвенно-*

---

[76] Там же. Т. 13. С. 719.
[77] Там же. Т. 9. С. 179.
[78] Там же. Т. 9. С. 179.
[79] Там же. Т. 9. С. 380.
[80] Там же. Т. 13. С. 14.
[81] Там же. Т. 10. С. 426.
[82] Там же. Т. 10. С. 514.
[83] Там же. Т. 10. С. 30.

голубенькие конфетки и сверх всего козырный, сладостный товар – бормотуха...»[84] («Слепой рыбак»); *«Сюда, в предгорье, вода придет поздней осенью, с затяжных дождей, а может, и не придет, не покроет эту грязную, омертвело-темную долину»*[85] («Ловля пескарей в Грузии»); *«...под утро в машине, в глухо закрытом брезентовом кузове, привезли четыре горелых трупа. <...> Солдаты-знатоки уверяли, что сожгли их живыми. Были похороны. <...> Оркестр играл марш Шопена»*[86] («Веселый солдат») и др.

Все единицы внутри групп распределяются по подгруппам с учетом грамматических значений слов.

Состав ПВ индивидуально-авторского концепта «смерть» в творчестве В. П. Астафьева 1980–1990-х годов позволяет сделать выводы о специфике концепта «смерть». Прежде всего, обращает на себя внимание преобладание языковых единиц, объективирующих представление о неестественной смерти, что, во-первых, совпадает с общей тенденцией к превалированию единиц с пейоративной оценкой в лексико-фразеологическом фонде русского языка, во-вторых, свидетельствует о важности данного фрагмента в концепте В. П. Астафьева. Кроме того, писатель значительно расширяет рамки исследуемого концепта путем введения окказионализмов или слов с окказиональным значением, ср.: *валить/свалить* (‘убивать/убить, уничтожать/уничтожить человека или животное’), *выбивать/выбить* (‘уничтожать кого-либо’), *допичкать* (‘кого-либо уничтожить окончательно’), *забыться* (‘о желаемом состоянии в смерти’), *мясничать* (‘убивать невинных’), *отойти* (‘умереть’), *отплыть* (‘образно. Умереть’), *оттуда* (‘с того света’), *пазгануть* (‘застрелить кого-либо’), *размичкать* (‘сбивая с ног, калечить, убивать’), *сделать буль-буль* (‘утопить многих’), *тюкнуть* (‘убить’), *уконтрапупить* (‘уничтожить кого-либо’), *уханьдёхать* (‘убить кого-либо’) и мн. др.

Представления о неестественном переходе различных объектов из состояния бытия в состояние небытия занимают в индивидуально-авторском концепте «смерть» В. П. Астафьева центральное место. В романе «Прокляты и убиты» нарисована впечатляющая картина нового апокалипсиса, где человек

---

[84] Там же. Т. 9. С. 228.
[85] Там же. Т. 9. С. 265.
[86] Там же. Т. 13. С. 87–88.

убивает человека, теряя при этом свое человеческое обличье. Естественно, война порождает смерть, так как предполагает уничтожение противника. И данный аспект войны выражается множеством слов и сверхсловных языковых единиц. Но как в повести «Веселый солдат», так и в романе «Прокляты и убиты» В. П. Астафьев специально обращается к одному из самых ужасающих фактов – бесстыдному, не оправданному никакими моральными нормами убийству солдат своими же солдатами. Умерщвление советских солдат начинается еще в запасных полках, где местные военачальники считают для себя обычным делом забить слабого бойца, устроить показательный расстрел ни в чем не повинных людей; продолжается это умерщвление на полях сражений, когда на местах действуют штрафные роты, а главная политика партии и правительства, по мнению автора, заключается в том, чтобы «мясом завалить, кровью затопить громаду наступающего противника»[87] («Прокляты и убиты»). Отправка на тот свет российских солдат может происходить и в госпиталях, где те, кто не погиб на фронте, умирают от нечеловеческих условий, антисанитарии, которые создают фронтовикам ненавидящие их и заворовавшиеся госпитальные работники. В результате, по Астафьеву, остается только удивляться, как после такой войны кто-то вообще остался в живых. Изображая войну как всеобщую, массовую смерть, В. П. Астафьев преследует определенную цель – низвергнуть те лживые представления о Великой Отечественной, которые были навязаны советской пропагандой. Неслучайно в комментариях к роману автор пишет: «...об этой войне столько наврали, так запутали все, с нею связанное, что в конце концов война сочиненная затмила войну истинную. Заторами нагромоздилась ложь не только в книгах и трудах по истории прошедшей войны, но и в памяти многих сместилось многое в ту сторону, где была война красивше на самом деле происходившей...»[88]

В условиях мирной жизни герои произведений В. П. Астафьева 1980–90-х годов также часто подвергаются насильственному умерщвлению. Писатель резко критикует все ту же политику государства, в котором шпана разгуливает по городам и весям, убивая первого встречного просто так, без причины. Роман «Печальный детектив» пронизан документальными милицейскими хрониками, которые фрагментарно включаются

---

[87] Там же. Т. 10. С. 414.

[88] Там же. Т. 10. С. 746.

в ткань произведения и представляют собой образцы самых нелицеприятных, изощренных по жестокости способов убийства людей. В рассказе «Людочка» местные уголовники, изнасиловав героиню, доводят ее до самоубийства, которое Астафьевым изображается предельно правдоподобно. В. П. Астафьева часто критиковали за излишний натурализм в повествовании, но подобный подход объясняется мировоззрением писателя, создававшего свои произведения в переломное для страны время, в эпоху, когда его собственные взгляды на окружающий мир претерпели коренную ломку и он начал резко осуждать и критиковать все, что в государстве направлено против нормальной жизни простого человека.

Помимо темы человеческой жизни, которая в современном мире теряет всякую ценность, традиционным вообще для творчества В. П. Астафьева является обращение к теме природы, не менее изощренно уничтожаемой все тем же человеком. Перед читателем возникают картины погибающего парка, водохранилища, которое становится могильником для всего живого; уничтожения великих и богатых рек в угоду строительству и т. п. Горькая ирония сквозит в словах автора: «Уперлось человечество в сучок и никак не может двинуться дальше, чтоб подчистую оболванить землю, сгубить леса и поскорее без них сдохнуть»[89] («Без последнего»). При этом писатель изображает природу в самом неприглядном виде; за каждой строкой слышится астафьевское возмущение тем, что творит человек вокруг себя, как варварски он использует и губит природные ресурсы.

Во всех произведениях 1980–90-х годов, послуживших материалом для анализа, обращаясь к теме смерти, В. П. Астафьев ищет ответ на вопрос о том, почему в мирной жизни погибает столько молодых, здоровых людей, почему выжить в современной России тяжелее, чем умереть. Обращаясь к теме войны, писатель недоумевает: зачем, кому нужны были безрассудные многомиллионные человеческие жертвы? Противник противоестественной смерти, В. П. Астафьев говорит словами одного из своих любимых героев – Ивана Тихоновича Заплатина: «В нем все-все, что вложено в душу, заключено в теле, от волосинки и до последней кровинки, восстает, протестует и не устанет уж протестовать до конца дней против неестественной,

---

[89] Там же. Т. 9. С. 430.

против преждевременной смерти. Надо, чтобы человек проживал полностью свою жизнь. И человек, и птица, и зверь, и дерево, и цветок...»[90] («Жизнь прожить»). Писатель считал, что только в продолжении жизни, в свершении назначенного природой дела и срока всему сущему и есть смысл.

И. А. Подюков
доктор филологических наук, профессор ПГПУ,
г. Пермь

«ПИР ПОСЛЕ ПОБЕДЫ» Война и мир В. Астафьева

Образы войны в произведениях В. Астафьева чрезвычайно частотны и в своей совокупности раскрывают понятие войны как одной из наиболее крайних форм проявления катастрофичности самой жизни, как материального и неизбежного воплощения исконных противоречий бытия. Война, ставя человека на самый край бытия, разрушает его и одновременно переводит в максимально интенсивный регистр жизни. На уровне человеческого восприятия она выступает как мистическая сила, способная высвободить свойственные человеку слепые и разрушительные природные инстинкты, такие как насилие, ненависть и вражда.

Взятый для анализа рассказ Астафьева «Пир после победы» интересен тем, что весь строится на концептуальных по своей объясняющей силе образах, которые раскрывают характерное для писателя видение жизни и мира, его понимание формулы из Екклесиаста «*время войне и время миру*». Заметим при этом, что понятие «мир» для Астафьева связано не столько с обозначением покоя – состояния, противоположного войне. Писатель, опираясь на «народное» значение слова, понимает под *миром* артель, бригаду, деревенское сообщество; братство людей, занятых общим делом (ср. значение слова в использованной в тексте рассказа поговорке *«Рать кормится, а мир жнет»*: жатва здесь выступает как одно из самых мирных занятий, призванных нейтрализовать войну). Аналогично слово *мир*, как известно, было использовано Л. Толстым в названии знаменитого романа: в слове *мир* (*міръ*) до революции использо-

[90] Там же. Т. 9. С. 299.

валось *і* десятеричное, что подчеркивало внимание писателя к важнейшим сторонам именно народной жизни.

Мир для Астафьева – это не только состояние вне войны и не только сообщество людей, встретившихся по случаю возвращения героя рассказа с войны. В неотрывном единстве представлены в рассказе жизнь его земляков, деревенский мир и мир природы, жизнь реки. Звучный и красочный деревенский мир гармонично вписан в переполненный звуками, светом и солнцем мир природы: «*...под берегом побрякивает боталом корова, отбившаяся от табуна; визжат ребятишки, терпеливо грея воду; чмокают сплавные бревна, сталкиваясь друг с дружкой окорелыми боками; в чьем-то дворе, кажется у припадочной Василисы, ширкает пила; высоким голосом кого-то пушит баба*»[1]. Звуки мирной жизни – и в обилии собственно звуковой лексики (*брякать, ботало, визжать, чмокать, ширкать*), и в авторской звукописи (*«чмокают сплавные бревна, сталкиваясь друг с дружкой окорелыми боками»*). В предшествующем непосредственно этому тексту описании поэтически представлена жизнь реки: «*Весь заливчик ровно бы смеялся от солнечной щекотки, лучезарно морщинясь, пятна по нему ходили желтые; плавилась мелкая рыба в уловах и под тенями яров, за ней щуки и таймени гонялись, один вылетел из-под самой лодки, ровно дурачась, вывалился ярким боком наверх, хлобыстнул хвостом так, что во все стороны брызнула мулява, вода ли – не разберешь*»[2]. Фрагмент пронизан, перенасыщен плавными звуками (*заливчик, смеялся, солнечной, плавилась, мелкая, гонялись, вылетел, вывалился, хлобыстнул, мулява),* шумовыми глаголами *(хлобыстнул, брызнула*).

Герою еще слышны в сугубо мирных звуках отголоски войны, в окружающем мирном пейзаже видны батальные сцены – слишком трудно примирить опыт войны и категории мирной жизни: «*Корова блажит как жена по убитому мужу*». Неслучайно и тело уловленного тайменя напомнило герою военную торпеду. Однако погружение в родную стихию (*«Пегонькая птичка поет – сыплет камешки-стекляшки»; «Смирные речки... миротворно курлыкали»*) постепенно рождает в его душе чувство умиротворенности: «*Мир без войны пригляден, как он есть*»[3];

[1] *Астафьев В. П.* Пир после победы // Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 5. С. 278.

[2] Там же. С. 277.

[3] Там же. С. 247.

«От жизни ждались только радости»[4]; *«За чертой победной весны осталось всякое зло, и ждут нас встречи с людьми только добрыми»*[5]. В финале рассказа, впрочем, снова появляется (казалось бы, неожиданно) знак войны – этой древней стихии, устранение которой, очевидно, до конца невозможно, как невозможно изменение человеческой природы: *«Пещеры, как и много лет назад, целят с другого берега, из каменных стен орудийными дулами в наше село»*[6].

Тем не менее герой переполнен ощущением радости бытия. Чувство восторга достигает своего предела при описании поездки по стремительному Енисею – и усиливает это чувство не забытый пока еще ужас войны. *«Мы проходили середину реки, самую стремнину. Называют ее стрежнем, селезнем, зёрлом, стрелкой, струной и еще как-то, не вспомню, но слова-то все какие – одно другого звучнее! Это тебе не "берег левый, берег правый" с черной пропастью меж них, налитой черною водой – ни дна под тобой, ни покрышки над тобой, ни рыб, ни птиц, ни камешков – холодная пустота, бездонная, всасывающая, и надо вырваться из пустоты, преодолеть ее, не дать повязать себя страхом по ногам и рукам, не попасть еще и в объятия тех, кого навечно вбирала в себя беззрачная, бездушная темень пустоты»*[7]. Текст целиком строится на контрасте – слов родных, деревенских, передающих полноту жизни реки во всех ее оттенках (*стремнина, стрежень, селезень, зёрло, стрелка, струна* для обозначения стремительно текущей воды, фарватера), и слов, представляющих гибель и запредельность (*черная пропасть, черная вода, ни дна ни покрышки; холодная, бездонная пустота, беззрачная, бездушная темень пустоты).* Енисей, который неоднократно называется автором *рекой жизни* (образ, безусловно, уходящий корнями в мифологическое сознание), предстает здесь для героя как наглядно-зримое воплощение всего устройства бытия, как центр мироздания, а неназванный, но угадываемый по строкам из А. Твардовского о переправе Днепр – как река смерти.

Доминирующим в рассказе является сюжет с ловлей тайменя. Рыбы, как и образы рыбной ловли, переполняют астафьевские тексты: *яркоперые хариусы с сиреневыми хвостами, по-*

---

[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 277–278.

хожие на весенний цветок прострел; усатые пескари; сверкающая лезвием спины стерлядь; темноспинные красавцы сиги; нежащийся на струйке нарядный таймень; ахающий хвостом по воде таймень. Именно ловля рыбы в тексте Астафьева становится антиподом к образам войны. В финале рассказа появляется фраза: «*Такое время приспело: промышлять рыбу, зверя, отстраиваться, откармливаться, девок любить, детишек копить*»[8]. Древнейший промысел становится в художественном осмыслении знаком максимально полного ощущения жизни, проживания ее на пределе, символически равным заботе о продолжении рода.

Поединок с тайменем возвращает героя в мир и покой: «*Впервые после фронта вселялась в меня уверенность покоя и мира. В этом мире не убивают, а добывают по закону давно сотворенной жизни. Вместо суженного мира траншеи – ощущение величия земного пространства...*»[9] В основании такого ощущения жизни – пережитое героем потрясение от встречи с чудо-рыбой, символизирующей жизнь в ее первоосновах. Неслучайно добытый героями таймень предстает как бесценный древний клад: «*Мне, еще не отвыкшему от войны, толстая и темная спина рыбины, стремительно набирающая кругизну за еще более стремительным ветровым плавником, уходящая к раздвоенному хвосту, напоминала торпеду с насечками сверкающих колец и серебрушек по округлым бокам и на утолщении, искусно пригнанных друг к дружке. Под округлостями колец и серебрушек с исподу проглядывали пятна старинных крупных монет с приглушенной временем позолотой – неуловимы, переменчивы краски на теле рыбины, в малахитовой прозелени монет мерещилась тень иль отзвук тех давних веков, когда везде были чудеса, всюду людям мерещились клады. И вот, со дна пучин, из онемелых веков явилось нам чудо*»[10]. Использованный автором образ органично связывает значимость для человека материальной, бытовой основы жизни и одновременно его потребность в лирической, мистической одухотворенности мира. Вспомним, что описание осетра в «Царь-рыбе» также приобретает черты почти мистические: царь-рыба походит на «доисторического ящера». Маркер мира мертвых, нижнего мира, рыба мифологически символизирует

[8] Там же. С. 277.
[9] Там же. С. 267.
[10] Там же. С. 265–266.

и потенции жизни. Сугубо языковые ассоциации рыбы с первоначалами очевидны, например, в украинском *«здоров як риба»* – о пышущем здоровьем, в частых образных уподоблениях беременности съеданию рыбы (перм. *съесть златоперку, окуня, налима* ‘забеременеть’ и орл. *принести, поймать линя* в том же значении строятся на древней идее вкушения рыбы как способа обращения к источникам жизни – ср. аналогичный сюжет в фольклоре, например в частушках типа «*Что мне делать, что мне делать, что мне делать, сироте? Съела окуня живого – шевелится в животе*»).

Сюжет рассказа в чем-то близок к сюжету знаменитой повести-притчи также страстного рыболова Э. Хемингуэя «Старик и море». Критики давно отметили, что рассказ о пойманном старым рыбаком огромном марлине фактически есть рассуждение автора о вечном и неравном поединке Человека с Жизнью, о вечном его споре с природой. Четырехдневный поединок старика с меч-рыбой символически выражает связь человека с природой. Человек онтологически одинок, но он не одинок, если ему дана способность ощущать стихийные силы природы. Смертный, человек в теснейшем контакте с вечной природой превозмогает свою ограниченность и малость – художественная символика рыбы, как известно, теснейшим образом связана с символикой воды, знаком всеобщего обновления природы и мира, его бесконечного перерождения. Астафьевский текст также во многом об этом: природа уступает часть своих богатств тому, кто научился понимать ее язык, чувствовать ее глубокую и сложную жизнь, кто сам ощущает себя частью природы.

Рыба устойчиво соотносится (и по языковым данным) с некоей недооформленностью природы, незаконченностью ее развития (ср. в связи с этим профессионально-жаргонное *рыба* ‘черновая заготовка, сырая рукопись, требующая доработки’). В. Астафьев в образах поединка человека и рыбы, как и Хемингуэй, видит еще и «аллегорию борьбы художника с творчески перерабатываемым им материалом»[11] . Это сближение рыбалки и творчества особенно наглядно представлено в рассказе из «Затесей» «Самый памятный гонорар», где описывается, как безвестный рыбак приносит автору книги *«двух харюзков-карандашиков, две сорожки с ложку, трех окуньков-хунвейбинов»*. Писатель говорит, что «Царь-рыба» «писалась с натугой... в книге много неровностей,

---

[11] *Сандерсон С.* / Цит по: *Финкельштейн И.* Хемингуэй, его жизнь и книги // Вопр. лит. 1962. № 12. С. 221.

провалов, непрописанных кусков», называет повесть просто «Рыбой». Рыба в этом рассказе предстает не только как символ благодарности и символ родной души, но и как символ незаконченной, «сырой» работы[12], а творчество – как непрерываемый способ уловления художником сущностных сторон бытия.

Второй ключевой образ рассказа – образ пира, длящегося, как и библейский акт творения мира и жизни, «*три дня и три ночи*». Совместная трапеза есть средство соединения людей и одновременно мифологическая метафора «иного мира»: праздник по своей сути есть способ общения человека с Богом, с высшими силами, общения, направленного на обновление бытия. Совместное поедание добытой рыбы, предстающее в рассказе как акт жертвоприношения, дает осознание совместности участников пира в утверждении торжества жизни над смертью.

Изображенное в рассказе гулянье по поводу возвращения солдата соотносимо с этой универсальной мифологемой, смысл которой – получение максимального физического удовольствия от бытия и осознание мига духовного единения людей. Особо значимо в ритуальном плане вкушение именно рыбы. В народной традиции это всегда сюжет, связанный с ритуалом почитания предков (ср. в шутливой прикамской прибаутке «*Ешь уху – поминай бабушку глуху*», в народном присловье «*Есть уха – не бояться греха*» также очевидно восприятие блюда из рыбы как божественно отмеченного). Обращение Астафьева к этому укорененному в народной традиции образу следует понимать как способ представления пережитой героями рассказа трагедии войны во всей ее глубине, как средство пересотворения жизни.

Бытие, по мнению В. Астафьева, включает в себя как телесное, материальное начало, так и духовное. При этом материальное начало постоянно умирает и возрождается, являя собой в момент исполнения ритуала «праздник бытия», предлагая человеку включиться в общую цепь преемственной традиции. Насыщенность, а лучше сказать, основанность рассказа на отмеченных символах, исполненных метафизического смысла, и делает текст натурфилософичным, что, как нам представляется, несколько корректирует бытующее представление о том, что в творчестве Астафьева вступают в гибкие отношения между собой «сентиментальное и натуралистическое начала»[13].

---

[12] *Бобкова Ю. Г.* Концепт и способы его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева (На материале цикла «Затеси»). АКД. Пермь, 2007. С. 18.

[13] См. подробно: *Лейдерман Н.* Современная русская литература: Учеб. пособие в 3 кн. Кн. 2. М., 2001.

И. В. Ревенко
кандидат филологических наук,
доцент КГПУ им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск

ПАРЕМИИ В ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА «ВЕСЕЛЫЙ СОЛДАТ»[1] (Типологический аспект)

Великая Отечественная война, являясь значимым для истории России событием, оказала существенное влияние и на развитие русского языка в этот период. Лексическая система, как наиболее подвижный ярус, оперативно отражает изменения, происходящие в обществе. В качестве значимых динамических процессов в лексике русского языка военного периода исследователи отмечают: расширение сферы применения военной лексики, развитие военной терминологии, переоценку стилистической позиции лексических единиц, активизацию языкового творчества носителей языка. Подавляющее большинство таких пословиц и поговорок имеют конкретное – историческое или бытовое – содержание, иными словами, они возникали как отклик на какое-либо явление, событие и даже на мелкий, частный факт[2].

В основе композиционно-синтаксической структуры большинства пословиц рассматриваемого периода лежит их четкое двучленное деление, создающее особый внутренний ритм[3]. Наиболее распространенным видом членения является такой, когда части пословицы (синтагмы) соотносятся между собой как группы подлежащего и сказуемого. Например: *«Фашист и сатана / сущность одна. Родину любить / фашистов бить»*[4].

Поскольку пословица предельно экономит словесный материал, то для нее очень важна наиболее точная и удобная расстановка. Основное, «стержневое», слово обычно выделяется логическим ударением, которое влечет за собой повышение голоса (чаще всего такое слово находится в середине пословицы)[5].

---

[1] *Астафьев В. П.* Веселый солдат // Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 5–242.

[2] *Лебедев П. Ф.* Оружием меткого слова. Саратов, 1985. С. 132.

[3] Там же. С. 134.

[4] Там же.

[5] Там же.

Пословично-поговорочные речения возникали под воздействием образных сравнений: *«От страха фашист задрожал, как лист»*[6].

В пословично-поговорочных речениях находят выражение социальные условия носителей языка. Известно, что пословицы и поговорки характерны прежде всего предельной сжатостью текста и глубиной обобщения мысли. Максимальная экономия средств сама по себе придает им четкость и выразительность. Вместе с тем она тесно связана со строгой логичностью и обобщением содержания. Краткость формы и глубина содержания – главное достоинство пословицы[7].

Лексическая единица в процессе коммуникации не только передает информацию о предмете речи, но и служит средством выражения эмоционального отношения. Таким требованиям в полной мере отвечают паремии. Под паремиями нами понимаются «знаки вторичного образования как продукты особого вида косвенной номинации, представленной разного рода синтагматическим взаимодействием слов-компонентов в процессах переосмысления и формирования нового значения»[8]. Являясь квинтэссенцией опыта народа, зафиксированного в особой языковой форме, эти единицы активно используются писателями. Они, в силу своей устойчивости, воспроизводимости и экспрессивности, способны не только выполнять номинативную функцию, обозначая соответствующую реалию действительности, но и давать предмету речи яркую оценочную характеристику, что позволяет им выступать средствами «сгущения информации» в рамках авторского микроконтекста.

Будучи органично вплетенными в структуру художественного текста, образные выражения заключают в себе богатые возможности для языкового творчества, которое проявляется чаще всего в трансформации формы или семантики исходного выражения. В связи с этим нам представляется интересным проанализировать устойчивые выражения в повести В. П. Астафьева «Веселый солдат» для выявления типологических особенностей их функционирования в художественном тексте.

С точки зрения стилистической маркированности компонентов паремии, использованные в повести, можно распределить

---

[6] *Кожин А. Н.* Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1985. С. 312.

[7] *Лебедев П. Ф.* Оружием меткого слова. С. 129.

[8] Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 560.

по трем группам: 1) устойчивые выражения общеупотребительные; 2) паремии, включающие «высокую» лексику; 3) выражения, в состав которых входят единицы со сниженной стилистической коннотацией.

Образные выражения первого типа (*посластить пилюлю, в обиду не дам, упал духом*) являют собой своеобразный языковой фон, позволяющий ярче представить специфичность паремий второго и третьего типа. Как одну из особенностей литературного языка периода Великой Отечественной войны Ю. А. Бельчиков называет активизацию и «возрождение архаизированной лексики торжественной, «высокой» экспрессии»[9]. Данная особенность нашла отражение в тексте повести. Большинство образных выражений в этой группе включают в свой состав лексему «бог» или ее дериваты. При этом актуализируется представление о Боге как о создателе и хранителе жизни: *«Дай бог жизни не потерять»; «Жизнь наша не краденая, а богоданная».* Интересна паремия *«Жизнь дает Бог, а отнимает всякая гадина».* Она построена на контекстуальной антонимии лексем *бог* и *гадина.* Этот прием позволяет автору усилить экспрессивность образного выражения, в эксплицитной форме дать оценку фашистской агрессии. Одна из черт языка военного периода – переоценка стилистической позиции лексических единиц. Иллюстрацией этого процесса является устойчивое выражение *«бог войны»*, в котором актуализируется производное значение лексемы *бог*. В этом случае вторичное значение служит базой для создания устойчивого выражения терминологического характера.

Активное включение автором в состав паремий разговорных, просторечных и грубо-просторечных элементов *(гады ползучие; от говна подальше – не воняет и др.)* объясняется яркой экспрессией лексических единиц такого рода. В тексте повести устойчивые выражения данной группы являются маркерами эмоциональной реакции персонажей и служат средством создания их речевой характеристики.

С точки зрения целостности исходной структуры среди устойчивых выражений, используемых автором, выделяется два типа единиц: 1) фразеологизмы, пословицы и поговорки, включенные в текст без изменений *(орали благим матом; час от часу*

---

[9] *Бельчиков Ю. А.* Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны // Филол. науки. 2000. № 2. С. 50.

не легче; и смех и грех и др.); 2) паремии из общеязыкового фонда, употребленные в тексте повести в трансформированном виде или смоделированные автором (*на чужом горе счастья не строят; столкнулись лоб в лоб, зубы в зубы и др.*).

Устойчивые выражения второго типа подвергаются в тексте повести структурной трансформации. При этом модификации внешней формы связаны: 1) с изменением грамматической характеристики элементов образного выражения; 2) заменой в исходном выражении одного из элементов; 3) расширением структуры паремии за счет дополнения новыми элементами.

Вариантные реализации устойчивых выражений возникают в результате замены одной грамматической формы на другую. Например, паремия *«На чужом горе счастья не строят»* представляет собой вариант пословицы *«На чужом горе счастья не построишь»*. В данном случае происходит замена глагольной формы 2-го лица с обобщенно-личным значением на форму 3-го лица с таким же значением. Использование формы 3-го лица, категориальным значением которой является указание на предмет, не участвующий в речи, позволяет усилить обобщенно-личное значение, подчеркнуть универсальность, «всеприменимость» данного образного выражения.

Вариантная языковая репрезентация паремии может быть следствием стремления конкретизировать информацию и адаптировать устойчивые выражения к особенностям коммуникативной ситуации: *«Горбатого и война не исправит» (ср. «Горбатого могила исправит»); «На командира надейся, да сам не плошай» (ср. «На Бога надейся, да сам не плошай»)*.

Форма исходного устойчивого выражения может трансформироваться в результате авторского дополнения *(столкнулись лоб в лоб, зубы в зубы)*, причем в качестве уточняющего смыслового элемента автором используются песенные цитаты *(гоним немца в хвост и в гриву; до дому, до хаты)*.

В целом особенности использования устойчивых выражений в повести В. П. Астафьева «Веселый солдат» связаны с изменением стилистической маркированности структурных элементов, что ведет к увеличению доли паремий со сниженной стилистической окраской. Устойчивые выражения, используемые в повести, часто подвергаются структурной трансформации, в результате которой возникают вариантные единицы.

Н. А. Сысоева
студентка V курса филологического факультета
КГПУ им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск

КОНЦЕПТ «ВЕРА» В ТВОРЧЕСТВЕ В. П. АСТАФЬЕВА
(На материале романа «Прокляты и убиты», повести «Стародуб»)

Объектом настоящего исследования является концепт «Вера» – единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная культурной спецификой. С. Г. Воркачев подчеркивает принадлежность данного концепта к области идеального, отмечает его этнокультурную маркированность[1].

Предметом исследования являются способы вербализации данного концепта в индивидуальной картине мира В. П. Астафьева.

При определении содержания концепта следует принимать во внимание биографические и мировоззренческие акценты, присущие языковой личности автора как носителя концепта. Исследователи творчества В. П. Астафьева отмечают сложное отношение писателя к религии. Так, П. А. Гончаров пишет: «Вступление В. П. Астафьева в литературу происходило в годы торжества новой, безрелигиозной государственной веры. Пантеизм, возвращающий сознание героя в стихию дохристианскую, языческую, оставался в это время единственно возможной для него подцензурной альтернативой официальному атеизму и богоборчеству»[2]. Т. М. Вахитова утверждает, что «кризис религиозного сознания» В. П. Астафьева обусловлен переломным временем, которое привело не только к потере нравственных и духовных ценностей в жизни людей, но и к перестройке духовно-нравственного сознания в целом[3].

---

[1] *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт: Моногр. М.: Гнозис, 2004. С. 70.

[2] *Гончаров П. А.* Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–1990-х гг. М.: Высш. шк., 2003. С. 106.

[3] *Вахитова Т. М.* Повествование в рассказах В. П. Астафьева «Царь-рыба». М.: Высш. шк., 1988. С. 5.

Новизна исследования определяется тем, что концепт «Вера» в индивидуально-языковой картине мира писателя впервые становится объектом исследования.

Концепт «Вера» для В. П. Астафьева, который выступает преемником русских классиков XIX века, является одним из важнейших концептов, определяющих его мировидение.

Вера писателя предельно субъективна. Неслучайно в индивидуальной языковой картине мира В. П. Астафьева с концептом «Вера» связаны такие духовно-культурные концепты, как «уют», «правда», «истина», «благоговение», «любовь», а также лингвокультурные концепты «детство», «война», «жизнь», «судьба», «семья», «родина», «народ».

Поле рассматриваемого концепта представляет собой когнитивное пространство, включающее в себя ядерную и околоядерную, периферийную зоны. Ядро поля концепта «Вера», или его когнитивно-пропозициональную структуру, составляют словарные значения имени концепта – лексемы «вера».

Рассмотрим имя концепта подробнее. Этимологически лексема «вера» – «готовность признать существование, наличие чего-либо возможного, предполагаемого, граничащего с убежденностью в чем-либо, твердая надежда на что-либо»; «религиозное мировоззрение»; др.-рус. вера – «верование», «правда», «вера» (с XVII века), «присяга», «клятва» (древнейший пример – «Повесть временных лет», со значением «верность», «религия»); *uer – «расположение», «любезность», отсюда сущ. *uera – «доверие», «вера», прил. *ueros – «истинный»[4]. Индоевропейский характер слова подтверждают и параллели, приведенные М. Фасмером: var (др.-исл.) – «обет, торжественное обещание»; urnyn (осет.) – «верить»; var (авест.) – «верить»[5]. Таким образом, этимология слова «вера» подчеркивает его связь, во-первых, с ментальной деятельностью человека; во-вторых, с религией: «религиозное мировоззрение» означает совокупность мистических представлений, покоящихся на вере в сверхъестественные силы и существа (Бога), которые являются предметом поклонения; а в-третьих, с Богом, в значении «убежденность в существовании Бога, высших божественных сил»[6].

---

[4] *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 141.

[5] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 1. С. 292.

[6] *Черных П. Я.* Указ. соч. С. 109.

В русском национальном языке лексема «вера» имеет три основных значения: 1. Твердая убежденность, уверенность в чем-либо, в исполнении чего-либо. Вера в успех дела. *«Когда в былые дни печали / У нас клонилась голова, / Какою верою звучали / Твои бодрящие слова!»* (Демьян Бедный «Работнице») Уверенность в достоинствах, положительных качествах кого-либо, в правильности, разумности и т. п. поведения, жизни кого-либо: *«Он сохранил и блеск разумных глаз, / И звонкий детский смех, и речь живую, / И веру гордую в людей и жизнь иную»* (М. Ю. Лермонтов «Памяти А. И. Одоевского»). *«Потерять веру в самого себя, увидеть свои убеждения в совершенном разладе со своею жизнию – это потеря, и потеря ужасная»* (В. Г. Белинский «Гамлет, драма Шекспира»). 2. Состояние сознания, связанное с признанием существования Бога, убеждением в реальном существовании чего-либо сверхъестественного. *Меж горцев пленник наблюдал / Их веру, нравы, воспитанье* (А. С. Пушкин «Кавказский пленник»). *Мать его была русская: веру он исповедовал православную* (И. А. Гончаров «Обломов»). 3. Доверие. *Встретишь – своим глазам веры нет. Да разве это они – те самые, которых я целовал да миловал?* (М. Горький «Тоска»)[7]

Представления о вере В. П. Астафьев пропускает сквозь призму собственной души. В произведениях писателя лексема «вера» используется также в разных смыслах: вера в Бога, в человека, в жизнь, в любовь, в народ, в несокрушимость родного войска. Объем настоящей статьи не позволяет нам рассмотреть все эти смыслы, поэтому мы сосредоточим свое внимание лишь на одном, но принципиально важном: *вера как черта религиозного сознания, как религиозное переживание, убеждение и действие.*

В качестве ядерных смыслов имени концепта – лексемы «вера» – в индивидуальной картине мира В. П. Астафьева выделяются «древлеотеческая вера», «старообрядческая вера», «православная вера».

Каждое понятие, входящее в ядерную сферу поля, организует вокруг себя собственное поле, в котором путем наслоения дериватов, синонимов и антонимов осуществляются тесные смысловые связи.

---

[7] МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. С. 65.

В околоядерную зону входят ***синонимы*** лексемы «вера»: «истина», «правда», «знание», «надежда», «любовь», «убеждение», «убежденность», «мнение», «душа», «свобода», «совесть»; ***дериваты***: «верить», «веровать», «заверить», «верующий», «доверие», «веря», «поверить», «вероисповедание», «доверительный», «вериться», «верность», «вероотступник»; ***предикаты***: «укрепи веру в душе и сохрани», «блюли веру», «хранить веру в Бога», «нести ее по жизни как награду», «не осквернить веру», «охранила наши души от осквернения», «в Бога веруют», «ни во что и не верил», «давать веру», «веровать в Бога», верить в Бога»; ***устойчивые сочетания***: «верю душой и всем телом», «не поверят, что у золота и без золота жил», «бережет веру в душе», «без веры живут на этом свете, а на том не проживешь», «веру переменить – не рубашку переодеть», «без добрых дел вера мертва (или: нема) перед Богом», «вера спасает», «вера животворит».

На периферии поля находятся ***антонимические понятия***: «суеверие» (*«пронзенный стрелой старообрядческого суеверия»* «безверие» *(«многие, многие в миру Диавола в себя запустили, до безверья дойдя, сами себе подписали приговор на вечные муки»)*.

Для более четкой организации и удобства восприятия знаний о концепте «Вера» мы используем прием построения фрейма. Фрейм – обобщенное представление о какой-либо типичной жизненной ситуации, ее схема, структура знаний, представляющая собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого опыта (объекте (стереотипной) ситуации)[8]. Формально фрейм представляют в виде структуры узлов и отношений. Вершинные уровни фрейма фиксированы и соответствуют вещам, всегда справедливым по отношению к предлагаемой ситуации. Ниже этих узлов находятся терминальные узлы, или слоты. Установив в ходе анализа семантики имени концепта терминальные узлы и возможные слоты соответствующего фрейма, мы получим обобщенное представление о концепте, являющемся составной частью концептосферы русского народа.

В составе смыслового поля концепта «Вера» нами выявлены следующие слоты:

---

[8] См.: *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика: Учеб. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 65.

Вера как предмет религиозного культа: *«По соседству со школой и избочительней кликушествовали и диковали сектанты, справляли свои праздники, блюли веру, совершали изнурительные обряды»*[9]; *«Крестятся на медные иконки, принесенные еще прадедами в паузах и холщовых сумках, на позеленевшие от времени распятья: "Убереги, Господь, от постороннего глаза, укрепи веру в душе и сохрани!"», «Молись верой во спасение, тады хватит, и молитва наша, смертоубивцев по профессии, до Бога дойдет»*[10].

Вера как объект фанатизма староверов: *«Фаефану нужен был помощник. Охотник. Мокриде – уставщик, да такой, чтоб в кулак зажал односельчан, в душах которых подгнили устои и вера древлеотеческая, православная вера, ради которой на огонь пошли бесстрашные раскольники, протопопы Аввакум и Иван Неронов, великомученицы Феодосья Морозова и Евдокея Урусова головы сложили и во славех погиб один из предводителей Соловецкого восстания, старец Геронтий»*[11].

Вера как напоминание о высшем предназначении человека: *«Фаефан бережет веру в душе. Она не обряд, а напоминание о высшем предназначении человека»*[12].

Вера как субъективное сознание автора или его героев: *«Чужим вернулся в Вырубы Фаефан. Ни старой, ни новой веры он не принимал. Он уже вроде бы ни во что и не верил»*[13]; *«Хотя он и считал себя в ту пору полностью от веры отринутым, активным атеистом значился, в комсомол записался, порешил все же про себя: сам Господь Бог перстами своими трепетными вложил ему в руки такую дивную книжку», «В отличие от Яшкина он никогда по-черному не ругался, тем более в мать, в Бога. "Веровающий потому что", – уважительно говорил Коля Рындин про старшину и чтил его особо за то, что тот носил медный крестик на засаленной нитке...», «Солдаты об убиенных молятся. Верующие которые»*[14]; *«Мимолетом подумала, что надо было, наверное, идти в цер-*

---

[9] *Астафьев В. П.* Стародуб // Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 2.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] *Астафьев В. П.* Прокляты и убиты // Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 10.

ковь, к Богу. Но уже чего соваться с верой, когда вся вера потерялась, изошла, да и о Боге вспомнила она сейчас вот, когда приспичило»[15].

Вера как главная святыня человеческой жизни: *«И поделом, поделом – не колебайте воздуху, не сбивайте народ с панталыку, не поганьте веру, чистое имя Господне»; «Уважая веру и страдание за убиенных, даже Петька Мусиков не наличал в этот день. Иные красноармейцы потихоньку крестились»*[16].

В процессе исследования было выявлено 42 реализации имени концепта – лексемы «вера», которые сгруппированы нами в одну из форм наглядного представления системы концепта – фрейм. Выявляя структуру фрейма, мы используем понятие слота, то есть характеристики ситуации (или в нашем случае – концепта), которая описывается фреймом. В настоящей работе выявлено: во-первых, пять наиболее значимых слотов, заполнителями которых являются собственно значения данного концепта; во-вторых, языковые единицы, которые формируют основные и дополнительные значения, семы, выражающие смысл концепта; в-третьих, частотность употребления отмеченных языковых единиц в текстах В. П. Астафьева.

Таким образом, концепт «Вера» оказывается весьма значительным в индивидуальной картине мира писателя. Представления В. П. Астафьева о вере сложны, непоследовательны, порой противоречивы, вера представлена в его языковом сознании несколькими ипостасями, и все это нашло отражение в языке писателя.

В дальнейшем исследование концепта «Вера» в творчестве В. П. Астафьева будет продолжено. В перспективе планируется проследить взаимосвязь лексемы «вера» с лексемами «бог», «религия», так как они представляют, с одной стороны, разные лексические (семантические) единицы, а с другой – организуют тесное единство в концептуальной картине мира писателя. На основе выявленных связей данных лексических единиц и будет моделироваться концептуальное пространство ценностного концепта «Вера».

---

[15] *Астафьев В. П.* Стародуб // Собр. соч.: В 15 т. Т. 2.

[16] *Астафьев В. П.* Прокляты и убиты // Собр. соч.: В 15 т. Т. 10.

О. В. Фельде
доктор филологических наук,
профессор КГПУ им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск

КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ» В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ В. П. АСТАФЬЕВА

Коротка и бессильна жизнь человека.

Б. Рассел

Жизнь прожить – что море переплыть.

В. Астафьев

Списки литературоведческих и лингвистических работ, посвященных творчеству В. П. Астафьева, в настоящее время исчисляются сотнями. На рубеже XX–XXI веков сложилось особое научное направление, которое называют астафьеведением. Среди актуальных задач данного направления выделим одну, ключевую, с нашей точки зрения, для целого ряда филологических дисциплин, – задачу исследования выраженного в языке индивидуального мировосприятия писателя. Средством постижения внутреннего мира В. П. Астафьева, который отразил в художественной форме один из сложнейших периодов русской истории, является лингвокультурный концепт. Вслед за С. Г. Воркачевым этот феномен понимается нами как единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Методологически важным в данной связи является утверждение, что «единственным лингвокультурологическим основанием терминологизации лексемы "концепт" является потребность в этнокультурной авторизации семантических единиц – соотнесении их с языковой личностью»[1].

Работы, выполненные в когнитивном ключе, занимают важное место в лингвистическом астафьеведении. Они выполнялись на разном материале: Ю. Г. Бобкова успешно исследова-

[1] *Воркачев С. Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Изв. РАН. Отд-ние лит-ры и языка. М., 2001. Т. 60. № 6. С. 47.

ла способы и идиостилевые особенности актуализации концептов «время» и «вода» в текстах «Затесей», объединивших в себе лирические, философские, художественные и публицистические начала[2]; И. В. Башкова детально рассмотрела концепт «огород» на материале повести «Ода русскому огороду»[3]; А. А. Осипова выявила особенности вербализации концепта «Смерть» в астафьевской прозе 1980–90-х годов[4]; О. В. Фельде рассмотрела манифестации концепта «Память» в лингвистически информативных текстах «Последнего поклона», текстах книг «Затеси», «Зрячий посох», «Посох памяти»[5]. Анализ фрагментов индивидуальной концептосферы В. П. Астафьева, предпринятый в упомянутых выше исследованиях, приближает нас к разгадке творческой личности писателя и – шире – к личности русского человека XX столетия; способствует более глубокому проникновению в ткань художественного текста одного из выдающихся представителей русской литературы. Сказанное определяет актуальность дальнейшего изучения когнитивного уровня языковой личности В. П. Астафьева, особенностей его индивидуальной концептосферы. При этом большую значимость имеет анализ одного из ключевых национально обусловленных концептов – концепта «Жизнь». В нашей работе он рассматривается на материале повестей «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат», «Пролетный гусь» и рассказа «Жизнь прожить». Выбор этих произведений в качестве источников исследования обусловлен их тематической и идейной связью, а также исповедальным характером текстов, написанных зрелым писателем.

Как известно, концепт имеет многослойную структуру, которая включает в себя понятийный, образный, ценностный, инди-

---

[2] *Бобкова Ю. Г.* Концепт и способы его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева (На материале цикла «Затеси»): Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.

[3] *Башкова И. В.* Концепт «Огород» в повести В. П. Астафьева «Ода русскому огороду» // IV Астафьевские чтения в Красноярске: Национальное и региональное в русском языке и литературе / Под ред. К. В. Анисимова, О. В. Фельде. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007.

[4] *Осипова А. А.* Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В. П. Астафьева 1980–1990-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005.

[5] *Фельде О. В.* Концепт «Память» в творчестве В. П. Астафьева // IV Астафьевские чтения в Красноярске: Национальное и региональное в русском языке и литературе / Под ред. К. В. Анисимова, О. В. Фельде. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007.

видуально-психологический и этнокультурный компоненты[6]. Понятийная составляющая концепта «Жизнь» подробно рассматривалась О. А. Ипановой в работе «Концепт «Жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты». В частности, путем анализа основных толковых словарей современного русского языка у национально обусловленного концепта «Жизнь» исследователем выявлены такие концептуальные признаки, как «существование», «особая форма существования материи», «биологическая деятельность», «живое существо», «воодушевление», «длительность (отрезок времени)», «совокупность (целостность) действий, событий, чувств», «материальное обеспечение», «социальная деятельность человека», «функционирование чего-либо», «реальность», «движение»[7]. Добавим к этому перечню такие концептуальные признаки, как «деятельность общества в тех или иных ее проявлениях»: *культурная жизнь города, духовная жизнь общества*; «образ существования, быт»: *бродячая жизнь, жизнь артиста, русская жизнь* и т. п.[8]

Отличительной особенностью русского национального восприятия жизни является вечный поиск ее смысла. О смысле человеческого пребывания на земле писали многие философы и богословы, писатели и общественные деятели. Не вдаваясь в историю этого сложнейшего вопроса, остановимся лишь на позиции, которую разделяют многие современные мыслители. Известная лемма о сущности человека в связи со смыслом его существования гласит, что человек по своей природе является одновременно существом природно-биологическим, существом общественным и существом духовно-нравственным (личностным). Как биологическое существо человек приходит в мир для того, чтобы воспроизвести свой род, родить детей, воспитать, пустить их в жизнь и... уйти, освободив место для

---

[6] *Карасик В. И.* Оценочные доминанты в языковой картине мира // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Белгород, 1999. С. 39; *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 41.

[7] *Ипанова О. А.* Концепт «Жизнь» в русской языковой картине мира: Лингвокультурологический и лексикографический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. С. 75.

[8] БАС – Большой академический словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. К. С. Горбачевич; Ред. Л. И. Балахонова, Л. Е. Кругликова, Н. В. Соловьёв, В. П. Фелицына. СПб.: Наука, 2006. Т. 2 . 653–657.

своего потомства. Как существо общественное человек приходит в мир для того, чтобы служить другим людям (обществу). Как существо духовно-нравственное он должен стремиться к осуществлению избранных или установленных им для самого себя смысложизненных идеалов. «В идеале смысл жизни человека, – полагает доктор философских наук, кандидат богословия Е. К. Дулуман, – заключается в том, чтобы полностью реализовать свое биологическое предназначение, социальные установки и личностные устремления»[9]. Для элитарной русской культуры особую значимость имеет стремление к высоким «смысложизненным идеалам», столь точно выраженное в поучениях преподобного Амвросия Оптинского: «*Мы должны жить на земле так, как колесо вертится – чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремится вверх*». Убежденный в непостижимости мира, русский человек интуитивно чувствует, что все вокруг «должно иметь какой-то смысл, какое-то высокое Божье намерение, направленное к тому, чтобы все в этом мире "было хорошо"» (И. Бунин). В конечном счете большинство «смыслоискателей» приходят к выводу, что предназначение человека заключается в подготовке к жизни вечной. Это полностью соответствует православной доктрине о земной жизни как пути, по которому одни идут в погибель, другие – ко спасению. На пути к небесному отечеству неизбежны труд, скорби и опасности. И только душа любящая, потрудившаяся и много страдавшая, найдет покой в жизни вечной[10]. Как и всякий большой русский писатель, Астафьев не раз обращается к теме смысла жизни. Размышления на этот счет он вкладывает в уста одного из героев повести «Жизнь прожить» (1985), бывшего минометчика Ивана Заплатина: «*Какая уж там справедливость после того, что повидал на войне! Но понять, добраться до смысла ему так нужно, так необходимо, потому как всю бессмысленность смерти он не то чтобы осознал, но увидел ее воочию и не принял умом, не пустил в сердце. В нем все-все, что вложено в душу, заключено в теле, от волосинки и до последней кровинки, восстает, протестует и не устанет уж*

---

[9] *Дулуман Е. К.* Теорема о смысле жизни человека. Аксиомы о человеке, его мировоззрении и высшей проблеме мировоззрения. http://www.ateism.ru/talk/talk03.htm

[10] См.: Симфония: по творениям святителя Тихона Задонского / Схиархимандрит Иоанн (Маслов). М.: Самшит-Издат, 2003. С. 347.

протестовать до конца дней против неестественной, против преждевременной смерти. Надо, чтобы человек проживал полностью свою жизнь. И человек, и птица, и зверь, и дерево, и цветок – все-все чтоб отцветало, роняло семя, и только в продолжении жизни, в свершении назначенного природой дела и срока всему сущему и есть какой-то смысл. Иначе за что и зачем мучаться и жить?»[11] Для В. П. Астафьева характерно восприятие жизни как *дара* свыше, «еще не предугаданного, запредельного, человеческому сознанию не подчиненного». Жизнь, живая природа, дарованная людям, прекрасна и чиста, но совершенной красоте мира угрожают сами люди, которые живут, кажется, с единственной целью – разрушить прекрасное. Чувство вселенской жалости и вины перед Творцом переполняет душу писателя, выплескивается горькими строками. Вспомним в связи с этим уже не раз цитировавшееся «молитвенное покаяние»[12] писателя: «*Течет, бежит время, не имеющее смерти, и скорбит Господь, глядя на нашу жизнь, и никак не может унять нас, успокоить, остановить наш бег к пропасти, к самоуничижению... Господи! Где наш предел? Где остановка? Укажи нам, окончательно заблудившимся, путь к иной жизни, к свету и разуму! <...> И прости нас, Господи! Прости и помилуй, может, мы еще успеем покаяться и что-то полезное, разумное сделать на этой земле и научим разумно, не по-нашему, распоряжаться жизнью своей и волей наших детей и внуков. Прости нас на все времена, наблюдай нас и веди к солнцу, пока оно не погасло*»[13].

Понятийная составляющая концепта «Жизнь» в текстах исследуемых повестей представлена разными смыслами: 1) «особая форма существования материи»: «*Нечего сказать, мудро устроена жизнь на нашей прекрасной планете, и, кажется, "мудрость" эта необратима, неотмолима и неизменна: кто-то кого-то все время убивает, ест, топчет, и самое главное – вырастил и утвердил человек убеждение: только так, убивая, поедая, топча друг друга, могут сосуществовать индивидуумы земли на земле*»[14]; 2) «физиологическое состоя-

---

[11] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд. Иркутск: Эфлакс, 2002.

[12] *Шлёнская Г. М.* Виктор Астафьев и Иван Бунин (К постановке проблемы) // Сибирские огни. 2008. № 6. http://magazines.russ.ru/sib/2008/6/

[13] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд. С. 284–285.

[14] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 13.

ние живого организма от рождения до смерти»: «*Затаившись во тьме, долго-долго не шевелилась, не подавала признаков жизни*»[15]; «*Но как я поступил во львовский распределительный госпиталь, сердце мое оборвалось: тут не до сапог, тут дай бог жизни не потерять*»[16]; 3) «совокупность всех дел человека, пережитых им событий»: «*Пусть забудется человек, вспомнит о радостном, неповторимом, что было только в его жизни. <...> Не вникая в жизнь ближнего своего, не разучимся ли мы чувствовать чужую радость, чужое горе, боль... И не утратим ли мы насовсем то, что зовется древним добрым словом — сострадание?*»[17]; 4) «существование в развитии, в движении»: «*Я уж начал плановать свою жизнь дальше...*»[18]; 5) «люди»: «*Но, положив на этих склонах, где мы сидели сейчас, около ста тысяч жизней, российские войска пошли искать удачи в другом месте*»[19]; 6) «время существования кого-либо, чего-либо от рождения до смерти»: «*...всю жизнь будет помнить Коляша, ибо поймет со временем: все, что в жизни бывает в первый раз, – не повторяется, все же, что случается второй раз, – вторично*»[20]; 7) «образ существования, быт»: «*Хозяйство, конечно, восстановим, жизнь какую-никакую наладим*»[21]; 8) «деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях»: «*Не вдруг, не сразу устроилась жизнь супругов Хахалиных – время приспело такое, что все устраивались, внедрялись в мирную жизнь, и этой паре никак не находилось подходящего места среди людей*»; «*А вот еще история, презанимательная, на этот раз из авиационной жизни, которую Коляша услышал в госпитале*»[22]; 9) «полнота проявления физических и духовных сил»: «*Борька Репяхин лежал бледный от потери крови и растерянности, пытался бодриться: мол, хрен с ней, с ногой, – еще отрастет, какие его годы, зато уж дал жизни, повеселился*»[23]; 10) «живая природа»: «*Осень сделалась просторная и прозрачная, к душевному покою она со-*

---

[15] Там же. Т. 11.
[16] Там же. Т. 13. С. 19.
[17] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд.
[18] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 11.
[19] Там же. Т. 13.
[20] Там же. Т. 11.
[21] Там же. Т. 11.
[22] Там же. Т. 11.
[23] Там же. Т. 13. С. 80–81

всем не располагала. Бодрящая осень. Жизнь победоносная»[24].

Главным временным локализатором концепта «Жизнь» в индивидуальной языковой картине мира В. П. Астафьева является война: она делит жизнь его героев, жизнь самого автора пополам: довоенное время, война и время после нее: *«Вот и приблизился я к тому рубежу, который ни в какой российской судьбе, ни в какой беседе русскому человеку не миновать, – к войне. Хребет это нашей жизни, и что за тем хребтом, высоким, далеким, гробовым, – глазом не объять, разве что мыслей одной горькой, да и то в одиночку, ночной порой, когда раны болят и не спится, когда темь и тишь ночная кругом, душа ноет, ноет, память где-то выше дома, выше лесов, выше гор витает, тычется, тычется, и куда ни ткнется – везде больно...»*[25] По мнению писателя, после войны *«все придется собирать заново – начинать жизнь, биографию и даже любовь»*[26]]. Содержание поздних повестей В. П. Астафьева составляет описание «неладности, беды» в послевоенной жизни русского человека. Пространственные локализаторы концепта «Жизнь» очень конкретны. Они представлены многочисленными топонимами: восточный склон Дуклинского перевала, станция Хасюринская, Бердичев, Ольвия, Пермь, Чусовой, Москва, Сибирь... Реальность жизненному пространству придают и многочисленные «слова-конкретизаторы»: санпоезд, подвальное помещение госпиталя, убогий домишко в городе Чусовом, ночной теплоход...

Писатель нередко употребляет имя концепта – лексему «жизнь» в одном контексте со словом «судьба». Концепты «Жизнь» и «Судьба» составляют единый когнитивно-семантический блок. При этом жизнь человека напрямую зависит от его судьбы: *«А вот тому, что за бакан поймался, висел на нем, воды и тины наелся, судьба не сулила боле жизни»*[27]; *«Как прекрасно, что в жизни человека так много еще не предугаданного, запредельного, его сознанию не подчиненного. Даровано судьбой и той самой силой, наверное небесной, прикоснуться человеку к своей единственной "тайне", хранить ее в душе, нести ее по жизни как награду...»*[28]

---

[24] Там же. Т. 11.
[25] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд.
[26] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 11.
[27] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд.
[28] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 13.

Важнейшим структурным элементом лингвокультурного концепта является образная составляющая. Образный компонент концепта «Жизнь» у Астафьева формируют когнитивные метафоры, которые опредмечивают в языковом сознании авторские представления о мире.

Как уже отмечалось, писатель по-христиански воспринимает жизнь как ***чудесный дар, как награду:*** *«Жизнь наша не краденая, а богоданная...»*[29] Для Астафьева, как и для всей русской культуры в целом, характерно восприятие ***жизни как одушевленного существа, всемогущей, неудержимой силы:*** *«Да разве жизнь окликом остановишь?»*[30]; *«А там время покажет. Жизнь куда следует направит. Глядишь, и до заочного филфака доберусь...»*[31] Порою эта сила выступает в роли мудрого ***учителя*****:** *«Учит тебя жизнь, учит, да все никак не научит...»*[32]; *«Если бы до войны жизнь не научила меня сдерживать свои порывы и вожделения, я бы, может, так и сделал – схватил, заглотил, и чего ты со мной сделаешь?»*[33] Но чаще жизнь выступает в роли ***беспощадного судьи и даже обидчика***: *«Не одного его мяла жизнь, валяла, утюжила, мочила и сушила»*[34]; *«Отец отмучился в пятидесятых годах. Слабая здоровьем, забитая жизнью, мать, комкая платочек, сказала: "Вот, Сережа, и жилплощадь ослобонилась, можно теперя жену приводить"»*[35]; *«...но не погаснуть тому отблеску зарницы, что озарил ее в этой страшной и беспощадной жизни»*[36].

В астафьевской прозе представлен прототипический образ ***жизни как пути, дальней дороги:*** *«...с песней, без злости валим по жизни»*[37]; *«...Бердичеву же выпало быть большим и очень серьезным перевалом в его жизни»*; *«Им никакого дела не было ни до детских, душу раздирающих голосов, ни до людей, потерявших все ориентиры жизни, себя не помнящих и обреченных»*[38]. С метафорой ***жизнь-путь*** связаны метафоры

---

[29] Там же. Т. 11.
[30] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд.
[31] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 11.
[32] Там же. Т. 11.
[33] Там же. Т. 13. С. 58.
[34] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд.
[35] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 11.
[36] Там же. Т. 13.
[37] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд.
[38] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 11.

жизнь-пространство и ***жизнь-колесо***, которые актуализируются в следующих контекстах: *«Сейчас каждому военному скитальцу важно место свое в жизни обрести»*[39]; *«А жизнь, трудная, тяжкая, все же куда-то, наверно-таки вперед, катилась и катилась себе»*[40]. Когнитивная метафора ***жизнь-вместилище*** используется автором для создания образа жизни ограниченной, стесненной: *«Угомонился, притих, не егозился, не искал жизненных разнообразий Николай Иванович, хотя чувствовал, что рамка той жизни, в которую он втиснут, тесна, однако люди и к колодкам, и к кандалам привыкали. Рамка, она только шею стесняет, голову же тревожит совсем по другой причине – натура-дура все еще ехать, бежать куда-то зовет. Николай Иванович укрощал себя, сколько мог, но совсем уж немолодым съездил на дали дальние, в святые места, за что и получил новую кличку – монах»*[41]; *«Как всегда, ему хотелось куда-то уплыть, уехать, убежать. Да куда уедешь, уйдешь от этой казармы, из этой жизни? Он уже давно решил, что когда-нибудь в такие вот минуты покончит с собой»*[42]. В этой стесненной жизни темно и грязно. Метафоры ***жизнь – недостаток света***, ***жизнь-нечистота*** обнаруживаем в таких, например, контекстах: *«С одной стороны, поджигателям войны неймется опять все порушить, передавить, изуродовать, с другой – взять, что во мне, скажем, на самом дне лежало, песком, землей, прахом замытое, все это из тьмы кромешной, из хаоса золотинкой добыть, чтобы жизнь высветлить...»*[43]; *«В санпоезде поиграл-поиграл в азартные игры – и бросил, неинтересно, говорит, денег ни у кого почти нету, да если бы и были – не хочет он обдирать больных людей. Мне он сказал, что с детства мечтал стать юристом, чтоб расчищать от грязи нашу жизнь»*[44]. Анализ образной составляющей концепта «Жизнь» в поздней прозе В. П. Астафьева свидетельствует о реалистичном и трагическом мировосприятии писателя, который глубоко переживает «неприкаянность и спозаброшенность» русского человека в послевоенной России. В его «многонасе-

---

[39] Там же. Т. 11.
[40] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд.
[41] Там же.
[42] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 11.
[43] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд.
[44] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. С. 36.

ленных»[45] повестях преобладают герои, жизнь которых «недожита» или угасает нереализованной. Неслучайно возникают метафоры ***догорающего костра*** и ***жизни-жертвы***: *«Дымно горела куча на меже огорода. <...> Так вот и наша теперешняя жизнь дотлевает...»; «Кто же это иссосал мою жизнь, как дешевую папироску, и окурок выплюнул...»*[46] – с горечью думает Николай Иванович, главный герой повести «Так хочется жить». Далеки реальные дела и судьбы людские от Божьего промысла «сделать так, чтобы все было хорошо». Анализ образной составляющей концепта «Жизнь» свидетельствует о трагическом осознании неотвратимости беды и неизбежности печали в жизни страны, искалеченной войной. Этот факт воспринимается В. П. Астафьевым как данность. *«...Без тревоги, без надсад жизни не бывает...»*[47] – философски замечает писатель в своей последней повести «Пролетный гусь». Но в этой тревожной и надсадной жизни есть место светлой надежде, которой жив и будет жить русский человек, покуда его окружает родная земля, земля, внушающая «*твердое и молчаливое право дышать, зреть, рожать во имя и для вечной жизни*»[48].

Г. В. Чудинова
доцент кафедры методики
гуманитарных дисциплин ПКИПКРО,
г. Пермь

ПРАВОСЛАВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАК АНТИТЕЗА ТОТАЛИТАРИЗМУ И ВОЙНЕ В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

Роман «Прокляты и убиты» (1992–1994), состоящий из книг «Чертова яма» и «Плацдарм», – одно из немногих подлинно крупных событий в литературной жизни последнего десятилетия XX века. Литературовед М. М. Дунаев дал ему следующую

---

[45] *Шлёнская Г. М.* Виктор Астафьев и Иван Бунин (к постановке проблемы) // Сибирские огни. 2008. № 6. http://magazines.russ.ru/sib/2008/6/

[46] *Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 11.

[47] *Астафьев В. П.* Пролетный гусь. 2-е изд.

[48] Там же.

оценку: «Реализм Астафьева доведен в романе до грубого натурализма порою. Автор ничего не смягчает, показывает все как есть, вплоть до языка своих персонажей»[1]. По мнению М. М. Дунаева, у Астафьева нет самоцельного смакования бранного слова, как у постмодернистов, просто он точно и весьма сдержанно воспроизводит самое жизнь со всеми ее особенностями. Развитие сюжета в первой книге – это несколько месяцев пребывания новобранцев, восемнадцатилетних сибирских парней, в военном городке на Оби, вблизи Бердска. Система образов солдат и их командиров создана по принципу контраста, доходящего до антитезы: с одной стороны Коля Рындин и другие старообрядцы, Лёшка Шестаков, Костя Уваров, Вася Шевелёв, сержант Яшкин, лейтенант Алексей Донатович Щусь, с другой – Петька Мусиков с уголовным прошлым, зэк Зеленцов, командир роты Пшённый, насмерть забивший больного солдата Попцова. В первой книге время года – зима, в центре внимания повествователя – холодные казармы, полубольные, голодные и измученные новобранцы, блатники и воры, крадущие у них последние припасы, – словом, преисподняя со всеми натуралистическими деталями: мочой, грязью и вонью вокруг казарм. Земному аду «чертовой ямы» противопоставлена несгибаемая вера в Бога молодых старообрядцев, среди которых особенно выделяется богатырь Коля Рындин, воспитанный бабушкой Секлетиньей в духе веры, взаимопомощи, честности, трудолюбия.

Кульминация первой части романа – расстрел двух братьев-близнецов Снегирёвых, сбежавших на несколько дней домой к матери, чтобы досыта наесться самим и угостить товарищей домашними харчами. Полк воспринял их показательный расстрел как убийство, но лишь одни старообрядцы всю ночь читали молитвы по убиенным. В. П. Астафьев впервые показал без прикрас всю страшную изнанку казарменного быта 1943 года, огромные, ничем не оправданные потери на фронте и в тылу. «Чертову яму» завершает впечатляющая картина несжатого поля в деревне, куда зимой посылают на уборку урожая солдат первой роты, и здесь внимание читателя не может не привлечь авторское философское размышление об образе и наследии Ленина, чей сознательный отказ от Бога обернулся катастрофой

---

[1] *Дунаев М. М.* Православие и русская литература. М.: Христианская литература, 2000. Ч. VI. С. 810.

для России: «Выродок из выродков, вылупившийся в семье чужеродных шляпников и цареубийц, до второго распятия Бога и детоубийства дошедший, будучи наказан Господом за тяжкий грех бесплодием, мстя за это всему миру, принес бесплодие самой рожалой земле русской, погасил смиренность в сознании самого добродушного народа, оставив за собой тучи болтливых лодырей, не понимающих, что такое труд, что за ценность каждая человеческая жизнь, что за бесценное создание хлебное поле»[2].

Центральный конфликт романа – война власти, тоталитарного режима против своего же народа. Ротный командир Оськин раскрывает это солдатам без прикрас: «Значит, главное – вперед. Вперед и вперед. За спину товарищей под берегом не спрятаться, ходу назад нету. Видел я тут заградотрядик с новыми крупнокалиберными пулеметами. У нас их еще в помине нету, а им уже выдали – у них работа поважнее. И выходит, что спереди у нас вода, сзади беда». По логике, новое оружие нужнее против врага, но оно применяется против своих.

Литературные истоки астафьевского воззрения на войну просматриваются в суровом отвержении войны Львом Толстым. Как и Толстой, Астафьев показывает, что между простыми солдатами нет вражды друг к другу: немцы помогают русским вытащить машины из речного ила. Астафьев, подобно Толстому, показывает действия солдата на войне скорее как тяжкую работу, а не воинский подвиг. В официальной оценке подвигов он видит много фальши, несправедливости. Так, дивизионный политрук Мусенок готовится представить свою любовницу к званию Героя (за «героизм» постельный) и выполнил бы задуманное, если бы его не убили. В романе ощутимо толстовское отвержение насилия: эпиграфом ко второй части книги взяты слова из Евангелия от Матфея: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду».

Универсальный конфликт романа – противостояние людей этой заповеди Божьей. Ни в каком другом произведении Астафьева мы не найдем такого большого количества философских размышлений о вере и неверии, о парадоксах русской истории, о жизни, смерти и бесчеловечности войны. «А солдатик,

---

[2] Здесь и далее цит. по: *Астафьев В. П.* Прокляты и убиты. М.: Эксмо, 2002.

пусть он и распоследняя тварь, тоже жить хочет, один он на всем миру и ветру, и почему именно он – горемыка, в глаза не видавший ни царя, ни вождя, ни маршала, должен лишиться своей единственной ценности – жизни?.. Цари и вожди много едят, пьют и блядуют – от них одна гниль происходит и порча людей. За всю историю человечества лишь один товарищ не посылал никого вместо себя умирать, сам взошел на крест. Не дотянуться пока до него ни умственно, ни нравственно. Ни Бога, ни креста. Плыви один в темной ночи. Хочется взмолиться: "Пострадай еще раз за нас – грешных, Господи! Переплыви реку и вразуми неразумных!"»

Идеологии власти противостоит религиозная убежденность староверов, не принимающих саму идею ненависти к какому бы то ни было человеку, даже к врагам, против которых их посылают воевать. Поэтому один из центральных образов в романе – богатырь-старовер Коля Рындин, которого Щусь никак не мог научить приемам боя: «"Тебя же с твоими святыми в первом бою прикончат". – "На все воля Божья"».

Центральное место Рындина в образной системе романа подчеркнуто и тем, что само название произведения взято из старообрядческой стихиры, хранящейся в памяти убежденного сторонника ненасилия: «Все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут прокляты Богом и убиты». В авторской концепции *прокляты и убиты* в народной памяти не рядовые солдаты, а те, кто развязал войну, те, кто убивает собственный народ. Неслучайно капитан Алексей Донатович Щусь и рядовые бойцы на протяжении всего романного действия стремятся сберечь Колю Рындина, они доверяют ему, как самому честному солдату, полевую кухню, а после тяжелого ранения в ногу делают все возможное, чтобы отправить его в тыл.

Религиозный подход Астафьева к изображаемым событиям несомненен. Более того, автор романа занял откровенно антигуманистическую позицию в религиозно-философской трактовке понятия «гуманизм» – превозношение человека и всяческое умаление Бога: «Двуногая козявка, меча огонь молний, доказывала, что она великая и может повелевать всем, хотя и вопиет со страху... Но пока "солнцы потушатся" да "звезды сокрушатся", исчадие это божье скорее всего само себя изведет».

Разложение гуманизма Астафьев верно усмотрел в идеологии советской власти, которая вся выросла на гуманистических идеалах, но практически обнаружила пренебрежение именно человеком: «В героической советской стране передовые идеи и машины всегда ценились дороже человеческой жизни... А ежели, спасая технику, человек погибал... заставляли отца и мать высказываться в том духе, что их сын или дочь для того и росли, чтобы мужеством своим и жизнью укреплять могущество советской индустрии...» Писатель подвергает пересмотру высшую идею социалистического «гуманизма» – человек должен отдавать жизнь за тот строй, который установился в советской стране: «...завоевание мира ради идей коммунизма, с помощью передовой марксистской науки, учение-то сие, кстати, создано в Германии и завезено в качестве подарка в Россию оголтелой бандой самоэмигрантов, которым ничего, кроме себя, не жалко и чувство родины и родни им совершенно чуждо». Астафьев ставит в вину большевикам и их последователям расхристианивание страны, выкорчевывание в совдеповском миропорядке самого дорогого – веры в Бога – и подмену икон портретами вождей мирового пролетариата: «Перед переправой маял политбеседами бойцов хлопотливый комиссар и нарвался на бойца, который его спросил: “А мне вот что защищать? – глядит поверх головы Мусенка в пространство костлявый парень с глубоко запавшими глазами, с собачьим прикусом рта. – Железную койку в общежитии с угарной печкой в клопяном бараке?” – “Ну а детство? Дом? Усадьба?” – настаивал Мусенок. “И в детстве – Нарым далекий, каркасный спецпереселенческий барак с нарами”».

Со слов этого парня получалось, что советская родина искалечила ему жизнь и он не должен ее, такую родину, защищать, но здесь понятие «родина» сжимается до пространства барака и общежития, вся русская история, культура и духовность проходят мимо солдата. В отличие от него майор Зарубин в самые тяжелые часы и минуты боя вспоминает близких себе людей и сознает: «Вот я их люблю. Вот они моя родина и есть. Так как земля наша заселена людьми, нашими матерями, женами, всеми теми, которых любим мы, стало быть, их прежде всего и защищаем. Оно и есть имя всеобщее – народ...» Родина с ее героическим и трагическим прошлым и настоящим гораздо шире, полнее, глубже, нежели правящий режим, – таков пафос астафьевской прозы.

Астафьев-реалист обращает внимание читателей на то, что усилия комиссаров не пропали даром: отступничество от Бога коснулось многих и многих солдат и офицеров. Во второй книге страшным символом является сцена солдатских похорон: «Свалили убитых в яму, прикрыли головы полоской из брезента, постояли, отдыхиваясь. “Ну-к чё? Давайте закапывать”, – предложил кто-то из бойцов. “Как? Так вот сразу?” – встрепенулся лейтенант Боровиков. “Дак чё, речь говорить? Говори, если хочешь...” Боровиков смутился, отошел. Закапывали не торопясь, но справились с делом скоро: песок, смешанный с синей глиной, – податливая работа... “Был бы Коля Рындин, хоть молитву бы прочитал, – вздохнул Шестаков, – а так чё? Жил Васконян – и нету Васконяна. Это сколько же он учился, сколько знал, и все его знания, ум его весь, доброта, честность поместились в ямке, которая скоро потеряется, хотя и воткнули в нее ребята черенок обломанной лопаты...» Этот черенок – ярчайшая художественная деталь, страшная примета времени. Даже пленные немцы хоронили своих убитых иначе: «Перед уходом немцы кланялись могиле, тихо молились, читали молитву. Дитя гитлерюгенда, Зигфрид Вольф, как и советский пионер, ничего святого не помнил, но старательно повторял за старшими товарищами: “Святая Дева Мария, прошу тебя о величайшей милости, чтобы некогда и я соединился с Христом на небе”». В романе В. Астафьева черенок над могилой русского солдата стократ страшнее рядом с немецким крестом. По мысли автора, вера в Бога – скорейший путь к исцелению народа.

В смысловом поле романа возникает антитеза: Богу противопоставлена самая отвратительная разновидность среди людей – безбожные и бесчеловечные политические деятели, начиная с Ленина и кончая политруками на фронте. Прямым порождением ленинской идеологии являются комиссары, среди которых гадчайшей фигурой предстает начальник политотдела дивизии Лазарь Исаакович Мусенок, друг Льва Мехлиса. Повествователь дает на страницах романа развернутый характерологический портрет Мусенка: «...маленький человечек в крохотных, почти кукольных сапожках... У человека-карлика были крупные, старые черты лица, лопушистые уши, нос в черноватых дырках свищей, широкий, налимий рот с глубокими складками бабы-сплет-

ницы в углах, голос с жестяным звяком». В повествовании возникает антитеза между карликовым ростом Мусенка и громадностью чинимого им зла: «Работая по Южному Уралу корреспондентом "Правды", где главным редактором заправлял его давний соратник Мехлис, Мусенок писал разносные статьи об оппортунистах, троцкистах, врагах народа и загнал в лагеря, подвел под расстрел Челябинский обком партии, следом и руководящую верхушку области подчистил. Златоуст, Миасс – города уральских мастеров и потомственных умельцев – так тряхнули, что в прославленном трудом своим и красотою Златоусте не осталось ни одного храма, вместо царя прямо у богатейшего музея рылом в дверь поставили Ленина, махонького, из чугуна отлитого, черного. Обдристанный воронами, этот гномик – копия Мусенка – торчал из кустов бузины, что африканский забытый идол».

В армии все Мусенка ненавидели и боялись. В романе он чужероден солдатской массе, он сросся с мертвящей идеологией, изматывает людей пустословными поучениями. Ярчайшим эпизодом комиссарской деятельности Мусенка стало его вмешательство в телефонные переговоры командиров в один из тяжелейших моментов смертельного боя на крохотном отвоеванном пространстве занятого врагом правого берега Днепра. Прерывая руководство боем, политрук собирался диктовать статью Емельяна Ярославского о «вдохновляющем слове вождя», то есть Сталина.

«"Товарищ начальник политотдела, – взмолился полковник Бескапустин, – у нас батальон погибает, передовой, в помощь ему, в сопровождении артналета, мы переходим в контратаку. Отобьемся – пожалуйста, передавайте!" – "Значит, какой-то батальон вам важнее слов самого товарища Сталина?"»

Здесь торжество социалистического «гуманизма» приобретает зловещую гротескно-сатирическую окраску. Не единицы – сотни, тысячи и миллионы готова подстелить себе под ноги бесовская власть. Ненависть к комиссару приводит в итоге к его убийству в конце романа капитаном Щусем, но и после гибели, в посмертной участи, Мусенок будет торжествовать над солдатской массой: его гроб перенесут на родину и каждый год пионеры и ветераны будут приходить к той «героической» могиле с цветами и венками, будут говорить взволнованные, проник-

новенные речи, а трупы тысяч солдат так и останутся не погребенными по-человечески. Выклеванные воронами глаза у плывущих по реке и лежащих на берегу полуразложившихся трупов – таковы впечатляющие художественные детали астафьевской прозы. Пустые черные глазницы ассоциируются с мраком и преисподней.

Писатель ненавидит войну, но реалистически изображает, как русские солдаты, голодные, промокшие, полубольные, творят чудеса самоотверженности. Шестаковы, Зарубины, Щуси – подлинные герои минувшей войны. Заканчивается роман эпической картиной разгрома немцев на Днепре. Изображение предвоенных будней и войны как ада, преисподней – такова жестокая поэтика романа Астафьева. Но это и воспевание повседневного солдатского подвига, где велика роль православной традиции.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

РУКОВОДИТЕЛЬ

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР

О. Л. ЛЕЙБОВИЧ

Т. В. Безденежных

заместитель директора

Пермского государственного архива новейшей истории

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ВОЖДЯ

Послевоенный Молотов, март 1947 года. В комнате, находящейся за сценой клуба Военно-морского авиационно-технического училища, вовсю кипит работа. Художник клуба Галина Михайловна Якубова трудится над очередным срочным заказом – портретом «одного из руководителей советского правительства и ВКП(б)», заказанным к 1 Мая. Задача у нее непростая: для работы выдан не очень подходящий материал, единственно имевшийся в наличии, – редкая мешковина и черная клеевая краска. В результате «вождь», как признавала сама Галина Михайловна, получился несколько старше своего возраста. Портрет сначала был забракован комиссией, но после доработки вывешен на фасаде здания училища.

16 января 1948 года автор портрета была арестована отделом контрразведки МГБ Молотовского гарнизона. Якубову обвинили в том, что «как художник при исполнении портретов вождей [она] умышленно их искажает»[1].

Вот несколько выдержек из ее уголовного дела, хранящегося в настоящее время в Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ): «...к 1 мая 1947 года Якубова Г. М. при писании портрета вождя ВКП(б) его исказила, нарисовав под цвет негра...»[2]; «...в марте 1947 года она [Якубова] нарисовала портрет одного из руководителей советского

[1] ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15805 Л. 1а.

[2] Там же. Л. 114.

правительства, сделав ему чрезвычайно большой подбородок...»[3]; «...в портрете допущено искажение в костюме вождя; в частности, в брюках, которые выглядят как бы мятыми...»[4].

Обращает на себя внимание тот факт, что имя «вождя» нигде не упоминается. Прямо-таки «портрет неизвестного», но однозначно – вождя. Эта особенность характерна именно для следственных дел послевоенного периода. Очевидно, согласно какой-то ведомственной инструкции МГБ имена высокопоставленных партийных деятелей не могли быть «упомянуты всуе», тем более в делах о «государственных преступлениях». Разумеется, все участники следственного «действа» знали, о ком идет речь: и дознаватели, и обвиняемые, и свидетели, но произнести заветное имя вслух не могли (а если и произносили, то в протоколе это не фиксировалось). Такая вот гэбэшная игра, интрига для нас с вами, читающих материалы уголовного дела 60 лет спустя.

Через месяц после ареста Якубовой, 16 февраля 1948 года, начальником отдела контрразведки (ОКР) МГБ Молотовского гарнизона подполковником Писаревым было издано постановление о проведении экспертизы написанных портретов. «С целью полного установления степени и причин [их] искажения» было решено в качестве эксперта пригласить специалиста-художника из городского отдела искусств, перед которым были поставлены следующие задачи: сформулировать сущность и степень искажения портретов, а также высказать свое мнение о причинах этого, а именно: «нет ли здесь преднамеренно умышленного искажения»[5].

20 февраля 1948 года по результатам экспертизы был составлен акт, который подписали председатель правления Союза советских художников Молотовской области Ф. И. Дорошевич, старший следователь ОКР МГБ в/ч 15931 капитан В. Т. Попов (именно он вел дело Якубовой) и представитель политотдела в/ч 10760, где арестованная работала в качестве вольнонаемной, подполковник Б. Н. Патрин. В акте значилось, что «представленные для осмотра три портрета на одного из вождей ВКП(б) и советского правительства, исполненные художником Якубовой Галиной Михайловной, искажены от начала и до конца, а именно: отсутствие элементарной грамотности; непропорциональность рук к туловищу; ноги вывернутые; одежда вос-

---

[3] Там же. Л. 95.
[4] Там же. Л. 72.
[5] Там же. Л. 200.

принимается как на манекене, а не как на живом человеке; в лицах отсутствует действительный образ...»[6]. Поскольку портреты были написаны с фотографии, в акте особо отмечалось, что «отступление от фото не в лучшую сторону, а в худшую»[7] (очевидно, если бы автор несколько приукрасила оригинал, это несоответствие только приветствовалось бы).

О причинах «искажения» портретов в акте ничего сказано не было. Поэтому в тот же день, 20 февраля, Фёдор Иванович Дорошевич, как главный эксперт, окончивший Ленинградскую академию художеств, был допрошен дополнительно. Не дав прямого заключения по данному вопросу, он, ссылаясь на совместную работу с Якубовой в молотовской мастерской Товарищества «Художник», отметил, что ей всегда «были присущи взгляды левоформалистического направления... не отвечающие современным требованиям социалистического реализма»[8].

Читая все это, я сначала подумала, что дело Г. М. Якубовой – типичный пример преследования представителей творческой интеллигенции в конце 1940-х годов, когда власти решили дать понять, что некоторой свободе от вмешательства партии и соответствующих органов в их дела, имевшей место в годы войны, пришел конец. Поэтому нисколько не удивило, что в творческой манере художника экспертиза МГБ обнаружила антисоветский умысел.

Но при дальнейшем знакомстве с материалами дела убедилась, что оно не такое простое. В том же феврале 1948 года его пересылают для дальнейшего ведения следствия из отдела контрразведки МГБ Молотовского гарнизона в ОКР МГБ Уральского военного округа. Якубову при этом этапируют во внутреннюю тюрьму УМГБ г. Свердловска. Ходом расследования интересуется даже Москва, в частности начальник 2-го управления 3-го Главного управления контрразведки МГБ СССР генерал-лейтенант Ханников и сам начальник 3-го Главного управления генерал-лейтенант Королёв. В Москву одна за другой направляются докладные записки о результатах «агентурной разработки» Якубовой, предшествовавшей ее аресту. Упоминаются осведомители – все из числа близких знакомых Галины Михайловны.

---

[6] Там же. Л. 198.
[7] Там же. Л. 202.
[8] Там же. Л. 199.

Показалось немного странным: откуда такой интерес к рядовой и, как считали следователи, «малоквалифицированной» художнице? Ответ был найден в одной из докладных записок от 14 февраля 1948 года, посланной в Москву (ее копия хранилась не в основном следственном деле, а в приложении к нему – так называемом наблюдательном деле): «Следствие по делу Якубовой ведем в направлении вскрытия ее вражеской деятельности и установления возможной принадлежности к меньшевистскому подполью»[9].

Вот оно, оказывается, что – меньшевистское подполье! Известно, что в конце 1940-х (конкретно – 21 февраля 1948 года), когда заканчивались длительные сроки «отсидки» у старых меньшевиков и других представителей политической оппозиции, о которых, казалось, все давно забыли, вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о так называемых «повторниках». В соответствии с ним «особо опасные государственные преступники» (в том числе меньшевики, троцкисты, эсеры, анархисты) по отбытии срока наказания не освобождались, а сразу из лагерей и тюрем направлялись в ссылку на поселение под надзор органов МГБ «в отдаленные местности СССР». Поскольку данные лица представляли опасность для власти своими связями, на местах одновременно активизировалась работа по выявлению их «пособников». Только в Молотовской области с февраля 1948 года по сентябрь 1949-го было выявлено и арестовано 300 «преступников» этой категории[10]. Очевидно, Якубова была одной из них.

Как следует из материалов наблюдательного дела, Галю Бердичевскую (девичья фамилия Якубовой) уже давно подозревали в том, что она была «связником» в колонии политссыльных в Оренбурге, где проживала вместе с матерью Ауссем (Даевой) Агнией Ивановной, отбывавшей здесь административную ссылку в 1924–1927 годах. Мать была выслана за «связь с меньшевиками», которая выразилась в том, что она была замужем (вторым браком) за «активным меньшевиком» Ауссемом Виктором Христиановичем. Отчим Галины, как она рассказывала, был «из немцев, но писался всегда русским». Он окончил Ор-

---

[9] Там же. Набл. дело. Л. 13.

[10] Из докладной записки министра государственной безопасности СССР В. С. Абакумова в СМ СССР от 19 октября 1949 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док. в 7 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 1. С. 570–571.

ловский кадетский корпус, в котором его отец преподавал немецкий язык, и военно-инженерное училище; с 1907 года – член РСДРП (меньшевик). Братья Ауссемы были известными деятелями социал-демократического движения в России. Старший из них, Владимир Христианович (1879–1936), окончил Харьковский технологический институт, в 1920 году работал в ВСНХ, в 1921–1925 годах – за границей (был полпредом УССР в Берлине, затем полпредом СССР в Вене), в 1925–1929 годах возглавлял ВСНХ УССР. Младший брат, Виктор Христианович (1885–1934), являлся членом Главного комитета СДРП Украины. Оба неоднократно подвергались арестам и ссылкам. Еще до знакомства со своей будущей женой (матерью Галины Михайловны) Виктор Христианович успел побывать в Орловской тюрьме, где он в списке арестованных социал-демократов значился как «южанин» (заключенный, доставленный из Донбасса). В 1921 году мать Якубовой и В. Х. Ауссем поженились и переехали в Харьков, где проживали на нелегальном положении, под чужими именами, были активными членами местной меньшевистской организации и поддерживали связь со своими московскими соратниками. После нового ареста в 1924 году отчим был осужден и приговорен к трем годам тюремного заключения, которое отбывал в Тобольском политизоляторе, где был общественным старостой коллектива и инициатором массовой голодовки с требованием лечения заключенного меньшевика М. И. Бабкина[11].

После ареста и высылки матери 13-летняя Галя тоже не смогла усидеть дома в Перми и, попрощавшись с бабушкой, уехала вслед за Агнией Ивановной в Оренбург. Здесь она познакомилась со многими политссыльными, бывавшими на их квартире: Кантаровичем Ноем Лазаревичем и его женой Анной Борисовной – меньшевиками из Москвы, Федоровичем Флорианом Флориановичем – эсером, Фоминым-Ростовцевым Петром Сергеевичем – анархистом, Ливинсоном Абрамом Исаевичем – меньшевиком и др. (Можно себе представить, как должны были раздражать и одновременно настораживать следователей все эти еврейские (или похожие на еврейские) имена и фамилии в разгар антисемитской кампании.) Девочка-подросток была свидетелем того, как ссыльные собирались вечерами «почаевничать», читали и обсуждали газетные статьи, выезжали на пик-

[11] http://slovari-online.ru/?w342415

ники за город. Иногда мать просила Галю пригласить своих друзей на подобные мероприятия; наверно, ей и в голову не приходило, что выполнение дочерью таких невинных поручений позднее будет квалифицировано как осуществление ею роли «связника меньшевистского подполья»[12]. Кроме того, когда Галина уже училась в Молотовском художественно-педагогическом техникуме (1927–1931), а мать с отчимом проживали в Сургуте, куда Виктор Христианович был сослан на поселение после трехлетнего тюремного заключения, она иногда на каникулы ездила в Сибирь, чтобы навестить родителей. Естественно, решили следователи, ездила не просто так...

Возможно, некоторые основания для подобных выводов у них были. Например, одним из знакомых матери в Оренбурге, с которым девушка общалась довольно часто, был Федорович Флориан Флорианович (1877–1928), кстати как раз не еврей, а поляк, да не простой, а князь из рода Гедеминовичей. Ф. Ф. Федорович известен как видный политический деятель начала XX века, член партии социалистов-революционеров с 1901 года, участник революции 1905–1907 годов, проведший на царской каторге 6 лет, член ЦК партии эсеров и депутат Учредительного собрания в 1917 году, пензенский комиссар Временного правительства с правами губернатора в мае – сентябре 1917 года, член Комуча и участник Уфимского государственного совещания в 1918 году, член Сибирской делегации ЦК и Сибирского краевого комитета партии эсеров в 1919-м, один из руководителей антиколчаковского восстания в Иркутске в декабре 1919-го – январе 1920 года. Был арестован в 1921 году и умер в ссылке в Оренбурге в 1928-м[13].

В 1927 году, когда Агния Ивановна вместе с Галей вернулась из административной ссылки в Пермь, перед отъездом к мужу в Сибирь она поручила дочь заботам своих хороших знакомых по Харькову Вороницыных – Ивану Петровичу и Евгении Петровне, проживавших по ул. Красноармейской, 34. И. П. Вороницын (1885–1937) был выслан в Пермь из Харькова несколько ранее супругов Ауссем, в 1923 году. Фигура, хорошо известная в революционной среде, почитаемая соратниками и привлекавшая к себе пристальное внимание компетентных органов: член РСДРП с 1902 года (меньшевик), руководитель со-

---

[12] ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15805. Набл. дело. Л. 11.

[13] http://enc.mail.ru/article/?1900450793

циал-демократического кружка в Харькове в 1903 году, один из организаторов вооруженного восстания в Севастополе в 1905-м (имел непосредственную связь с лейтенантом Шмидтом), после подавления восстания был приговорен к бессрочным каторжным работам. До появления Вороницына в Перми за его плечами уже были Харьковская, Архангельская и Таганская тюрьмы, Смоленский, Вологодский и Ярославский централы, Шлиссельбург и Бутырка. Февральская революция застала его в тюремной больнице. Вскоре он становится руководителем Житомирской организации меньшевиков, членом Киевского областного и Волынского окружного комитетов этой партии. Работал в газетах «Вперед» (Москва), «Рабочий голос» (Житомир), «Трудовая Волынь». Был председателем Совета 1-го созыва в Житомире, гласным городской думы, участником Объединительного съезда социал-демократов в Петрограде в августе 1917 года, кандидатом РСДРП в Учредительное собрание по Волынскому избирательному округу. После занятия немцами Житомира в 1918 году был арестован и направлен в концлагерь. Освободился после Ноябрьской революции в Германии. В 1919 году – городской голова в Житомире. В начале 1930-х годов, как вспоминала Галина Михайловна, Вороницын работал заведующим технической библиотекой на заводе № 19, занимался литературной работой, издавал научные труды, в частности по истории атеизма (несколько брошюр из этой серии, а также книга о лейтенанте Шмидте были изъяты при аресте Якубовой у нее на квартире, приобщены к делу и неоднократно экспонировались на архивных выставках). Его перу принадлежат также воспоминания «Из мрака каторги. 1905–1917» (Харьков, 1922) и «У немцев. Очерки политической тюрьмы и ссылки» (Харьков, 1923). Они часто общались с Галиной Михайловной, вплоть до 1934 года, когда Ивана Петровича, по словам Якубовой, арестовали. На самом деле он был лишь уволен с работы, но, благодаря заступничеству «старого товарища по партии» Серго Орджоникидзе, вскоре восстановлен в должности. Вновь его арестуют в 1937 году и расстреляют как «организатора и руководителя диверсионно-вредительской группы, действовавшей на оборонных заводах г. Перми» (с подробностями его биографии можно познакомиться по архивно-следственному делу № 11915, которое тоже хранится в ПермГАНИ).

Кроме Вороницыных Галина Михайловна, проживая в Перми, была очень близка со ссыльными Гендельманами – Ильёй

Михайловичем и его отцом Михаилом Яковлевичем. Гендельман-старший (1881–1938) был одним из лидеров эсеровской партии, в которую вступил в 1902 году. Неоднократно арестовывался царскими властями. Самый активный участник Февральской революции в Москве, член Исполкома Совета, член Президиума ВЦИК, член ЦК партии эсеров. 25 октября 1917 года в знак протеста против действий большевиков покинул заседание 2-го Всероссийского съезда Советов. Член Учредительного собрания и участник его единственного заседания 5 января 1918 года. В Самаре продолжал участие в Комитете членов Учредительного собрания. В 1921 году был арестован чекистами и в 1922-м на процессе над лидерами правых эсеров приговорен к смертной казни (условно). С 1924 года находился в ссылке.

Вместе с ним в ссылке был и его сын Илья, меньшевик, с которым Галина Михайловна одно время состояла в гражданском браке и проживала сначала в Вятке, а потом в Самаре. Среди вещдоков, приобщенных к делу Якубовой, – большое количество почтовых открыток, подписанных одним и тем же именем: «Илюша» (Илья Михайлович Гендельман). Их не спутать ни с чьими другими: сначала оборотная сторона почтовой карточки заполнялась очень мелким, убористым почерком от самого верха до низа, затем открытка переворачивалась и последующий текст вносился между уже написанных строк; если и этого пространства не хватало, послание плавно «перетекало» на лицевую сторону почтового отправления, едва не перекрывая данные адресата. При этом автор очень нежных и заботливых писем частенько интересовался, не штрафуют ли его любимую «Галушку» за то, что он так «широко расписался», но следующая корреспонденция оформлялась подобным же образом. Кроме писем среди вещдоков довольно много фотографий членов семьи Гендельманов: Михаила Яковлевича («вечного ссыльного», стоически переносившего даже самые тяжелые условия несвободы); его жены Фанни Львовны, которая, судя по письмам, периодически курсировала по местам ссылки мужа, дочери и сына; младшей сестры Ильи Михайловича Елены Михайловны, члена молодежной организации партии меньшевиков, которую в письмах родные называли «Елочкой» и постоянно беспокоились о ее здоровье, подорванном на бесконечных этапах. Вместе с ними на групповых снимках запечатлена и молодая Галя Бердичевская. Судьба семьи Ген-

дельманов очень трагична. По данным электронной Книги памяти Тюменской области, в 1937 году все они жили в Тобольске, где и были арестованы в один день (8 февраля) и по приговору тройки Омского УНКВД расстреляны 7 августа этого же года. Незадолго до этого Илья Михайлович, с которым Якубова рассталась еще в 1933 году, заезжал к ней в Свердловск по пути в Сибирь, чтобы пообщаться как со старым и верным другом. Это была их последняя встреча. Старший Гендельман был расстрелян в 1938-м.

Имея в своем распоряжении такой «компромат», следователи уже не сомневались в связях Якубовой с самыми «закоренелыми государственными преступниками».

Она пробовала сопротивляться и весьма грамотно повела себя на следствии. В частности, на допросах неоднократно подчеркивала, что хотя все ее близкие знакомые (главным образом мужчины) – из весьма «разношерстной, оппозиционно настроенной среды», но она никогда не разделяла их политических взглядов, а встречи с этими людьми «носили личный, интимный характер, но не политический, не организационный... [они] были знакомы как мужчины, а не как политические попутчики»[14]. На эту версию могли «работать» и изъятые при аресте письма Агнии Ивановны к дочери, в которых она частенько пеняла ей на то, что та «слишком жила женским чувством», была непостоянна, легко увлекалась, а как результат – частые разочарования и «страдания нервов».

Но задачи у обвинителей были другие, и они упорно били в одну точку. Неожиданно «помог» им в этом последний муж Галины Михайловны – Юрий Фёдорович Якубов, работавший в 1940-х годах литературным сотрудником Молотовского книжного издательства. Они поженились незадолго до ареста, в мае 1946 года, и, по словам Галины Михайловны, вскоре расстались. Тем не менее из архива Пермского окружного отдела ОГПУ было поднято старое агентурное дело «Литераторы», относившееся к 1928–1930 годам. Оказывается, Якубов в молодости был членом нелегального меньшевистского кружка, созданного в Перми. Члены этого литературного кружка издавали нелегальный журнал «Рубанок», где Юрий Фёдорович печатал свои стихи («непризнанный поэт» – так презрительно отзовутся о нем следователи в конце сороковых).

---

[14] ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15805. Л. 165–166.

Таким образом, судьба Якубовой была решена. Приговором Молотовского областного суда от 28 апреля 1948 года она была осуждена по статье 58-10 на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Не помогли никакие смягчающие обстоятельства: малолетний сын, которого поместили в детдом, новая беременность (5 месяцев), а также заслуги перед родиной – буквально за полтора года до ареста, в мае 1946-го, указом Президиума Верховного Совета СССР она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также получила удостоверение «Почетный донор СССР» (Галина Михайловна была донором в течение семи лет, то есть с 1941 года). А может, и наоборот, именно с учетом всех этих обстоятельств она получила минимальный срок (5 лет) вместо «обычного» после войны 10-летнего или максимального 25-летнего срока заключения.

Любопытно, что в приговоре суда не было ни слова о ее принадлежности к «меньшевистскому подполью» или искажении ею портретов вождей. Г. М. Якубову обвинили в «клевете на руководителей ВКП(б) и советского правительства»[15]. Впервые в ходе судебного заседания прозвучало имя «обиженного» Галиной Михайловной «одного из вождей», тщательно скрывавшееся в ходе следствия (мы его узнали лишь благодаря ошибке секретаря, внесшего его в протокол заседания). «Искаженным» оказался портрет Г. М. Маленкова, члена Политбюро ЦК ВКП(б).

То, что художнику Военно-морского авиационно-технического училища к очередному первомайскому празднику заказали портрет именно Маленкова, не вызывает вопросов. В годы войны он, как член ГКО СССР, курировал авиационную промышленность, добился обеспечения советских ВВС большим количеством самолетов, за что в 1943 году был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Но 4 мая 1946 года он был выведен из состава Секретариата ЦК ВКП(б) за то, что «как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов над военно-воздушными силами морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов)»[16]. Можно сказать, что с этого времени Маленков попадает в некоторую опа-

---

[15] Там же. Набл. дело. Л. 78.

[16] *Зенькович Н.* Самые закрытые люди: Энцикл. биографий. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 330–331.

лу: его назначают сначала председателем специального комитета по реактивной технике, в июле 1946 года – председателем комиссии по радиолокации, а в феврале 1947-го – председателем вновь образованного Бюро СМ СССР по сельскому хозяйству. До конца 1947 года он не принимает участия в работе ЦК...

Итак, портрет пишется в марте 1947 года, когда Маленков еще в опале, а осудили Якубову за «искажение» портрета в апреле 1948-го, когда он вновь начинает набирать силу (в июне 1948 года Маленков снова секретарь ЦК партии). Скорее всего, Галина Михайловна пострадала бы в любом случае: с одной стороны, за то, что писала портрет «опального вождя», с другой – за то, что этот портрет оказался недостаточно хорош, когда «вождь» стал вновь приближаться к политическому олимпу. Кстати сказать, тучный внешний облик Георгия Максимилиановича всегда был предметом нелицеприятных высказываний его политических соперников, а подбородок у него, как ни смотри, действительно был тяжеловат!

Галина Михайловна отбывала наказание в лагерном отделении № 9 УИТЛК МВД Молотовской области в городе Боровске. После освобождения из заключения от своей профессии не отказалась. Но если в ее жизни до ареста были Вятский театр музкомедии, Самарский и Свердловский оперные театры, Свердловская областная портретная мастерская и Молотовская артель художников, то сейчас это был небольшой клуб на станции Мулянка, куда она устроилась работать художником.

Здесь же, на станции Мулянка, произошла ее встреча с пятилетней дочкой Анечкой, родившейся в 1948 году в лагере и отданной сначала в детдом, а потом на попечение бабушки Агнии Ивановны. Сегодня Анна Бердичевская – известный поэт, журналист, издатель («творческие гены» мамы явно не пропали даром). Окончила механико-математический факультет Пермского университета, работала на заводе «Галоген», в НИИУМСе. Затем – уже в качестве профессионального журналиста – в газетах «Молодая гвардия», «Звезда», «Вечерняя Пермь». С 1990 года живет в Москве. Работала фотокорреспондентом в иностранных агентствах, создала свой журнал «Бизнес-матч» (1991), открыла издательство «Футурум БМ» (2003). Автор стихов и прозы, опубликованных в журналах «Новый мир», «Литературная Грузия», «Континент», «Юность», «Урал», «Знамя», «Пермский пресс-центр»

и др. Одно из ее стихотворений («Родина») навеяно воспоминаниями детства:

При Берии-голубчике
Студеною зимой
Архангелы в тулупчиках
Везут меня домой.
Январь, сугробы розовы,
Река сверкает льдом.
По рощам по березовым
Мы едем в детский дом.
Сугробы те растаяли,
Раскисли без следа,
Архангелы состарились,
А горе – не беда.
Лаврентий Палыч Берия
Расстрелян был потом...
Но помню и теперь я
Дорогу в детский дом:
Сотрудники милиции
Подсолнухи грызут,
Меня, румянолицую,
По Родине везут[17].

В 2008 году пермский «Мемориал» планирует издать в серии «Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий» отрывки из книги А. Бердичевской «Чемодан Якубовой» (опубликована в 2004 году), в которой автор рассказывает о своем детстве и судьбе матери. Галина Михайловна умерла в 1973 году, реабилитирована при жизни, в 1963-м.

А. В. Бушмаков
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии ПГИИК,
г. Пермь

МОЛОТОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ НАЗАД

Основанный в 1916 году как филиал Юрьевского, Пермский, а с 1940 года Молотовский университет к концу 1940-х переживал не лучшие времена. Он практически утратил традиции.

[17] http://www.map-solikamsk.ru/tipe/inc/?page=064

дореволюционного университета, характерные для него еще в 1920-х годах. Такие традиции, особый, университетский, стиль жизни в сталинский период частично сумели сохранить очень немногие, прежде всего столичные вузы. Кадры преподавателей и сотрудников университета отбирались по тем же принципам, что и в любом советском учреждении: определяющими являлись анкетные данные. Случаи привлечения в университет крупных ученых с «подпорченными» анкетами имели место в 1940-е годы, однако вряд ли следует считать их типичными.

Научная работа в университете второй половины 1940-х, несмотря на отдельные успехи, в целом слабо соответствовала общему уровню развития науки середины XX века. На заседании ученого совета Молотовского государственного университета 15 февраля 1947 года был заслушан доклад проректора по научной работе профессора Р. В. Мерцлина об итогах научно-исследовательской работы за 1946 год. Давая в целом неудовлетворительную оценку состоянию научной работы в университете, он отметил, что из 36 оконченных работ только две были представлены в научную часть в готовом для печати виде. Р. В. Мерцлин сообщил, что в 1946 году «имели место многочисленные случаи незнания научными работниками запланированных тем и пренебрежительного отношения к вопросам планирования финансирования тем». Он также подчеркнул наличие в составе кафедр лиц, не ведущих научной работы и не повышающих свою квалификацию[1].

Выступавшие после доклада Р. В. Мерцлина профессора П. Н. Чирвинский и Н. П. Герасимов жаловались на трудности, связанные с перепечаткой научных трудов на пишущей машинке, предлагая либо организовать в университете машбюро, либо снабдить каждый факультет двумя-тремя машинками. Доцент В. К. Воскресенский сообщил о недостаточном техническом вооружении кафедры минералогии, не имевшей возможности проводить современные исследования минералов (методами шлихового анализа, люминесцентным, рентгеновским, ультрафиолетовыми лучами, термическими и др.). Доцент Ю. Г. Кобяк заявил о неудовлетворительном оборудовании кафедры аналитической химии и «крайне недостаточном» ее снабжении материалами и реактивами[2].

---

[1] Протокол заседания ученого совета Молотовского государственного университета от 15 февраля 1947 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 237. Л. 12–13.

[2] Там же. Л. 13–14.

В следующем году ситуация с научной работой практически не изменилась: формально в срок были закончены 22 темы из 25 (три темы не завершены по уважительным причинам), но только одна полностью готовая работа была представлена в научную часть университета. «Недостатком является также и то, что коллектив университета не работает над учебниками. Не закончены учебники, над которыми работают В. К. Воскресенский и Ю. М. Абрамович»[3].

Жалобы на отсутствие оборудования были вполне традиционным ответом на критику научной работы кафедр естественно-научных факультетов.

В этот период случалось, что на должности заведующих кафедрами избирались преподаватели, не имевшие ученых степеней и званий. Так, на заседании ученого совета университета 23 июня 1948 года заведующим кафедрой гистологии и эмбриологии был избран Н. Н. Румянцев, несмотря на возражение Р. В. Мерцлина, указавшего на отсутствие у него ученой степени и звания. Избрание на временное заведование кафедрой благополучно произошло после разъяснения профессора Г. А. Максимовича, сообщившего, что кафедра уже два года не имеет заведующего, несмотря на регулярно объявлявшиеся конкурсы[4].

Выделение из состава университета в 1930-х годах новых вузов отнюдь не способствовало его процветанию. С 1931 года университет фактически остался без общежитий и фундаментальной библиотеки. В единственном каменном общежитии проживало только 120 студентов из 450 иногородних, большая часть общежитий была барачного типа, из них только один 6-й барак к 1947 году оставался еще пригоден для жилья, хотя и требовал капитального ремонта. Почти половину студентов пришлось размещать в наскоро переделанных под общежития помещениях учебных и хозяйственных корпусов[5].

Отмечался «чрезвычайно неприглядный внешний вид» университетских помещений. Материально-бытовое положение

---

[3] Протокол открытого заседания ученого совета Молотовского государственного университета от 3 марта 1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 237. Л. 123.

[4] Протокол заседания ученого совета Молотовского государственного университета от 23 июня 1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 237. Л. 193.

[5] См. отчет о работе Молотовского государственного университета им. А. М. Горького за 1946–1947 гг. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 239. Л. 54–58.

студентов было сравнительно удовлетворительным, по меркам 1947 года. Отдел рабочего снабжения (ОРС) университета имел столовую, к которой, правда, было прикреплено лишь 300 человек из 450, проживавших в общежитии. При ОРСе также имелись швейная и сапожная мастерские и прачечная. А вот подсобное хозяйство ОРСа, находившееся в Кунгурском заповеднике, было ликвидировано, что делало проблему обеспечения питанием студентов очень острой. По сути, все сводилось к тем фондам, которые отпускались в порядке снабжения по карточкам. Выделенные для университета осенью 1946 года 100 тонн картофеля и хлеб выдавались полностью и без больших задержек. Обеспеченность жирами достигала 80%, но уже с серьезными задержками. В отчете гордо сообщалось о закупленной в первом полугодии тонне мяса и 40 килограммах сливочного масла, которые усилили питание студентов в период зимней сессии. Улучшить питание студентов в период весенней сессии возможностей уже не было[6].

Снабжение промтоварами признавалось «в суммарном выражении как будто удовлетворительным». Правда, тут же отмечалась нехватка 1 тыс. простыней, 600 одеял, 2 тыс. наволочек, 500 матрацев, 300 кроватей и 300 лампочек для общежитий, в связи с чем возникает предположение, что значительная часть студентов спала без постельного белья, укрываясь собственной одеждой.

К началу 1946/47 учебного года в университете обучалось 676 студентов. В течение года прибыло 80 человек, выбыло 211. К концу года 56 человек окончили университет и общее число студентов сократилось до 480. Причинами отсева стали в 70 случаях – неуспеваемость, в 14 – недисциплинированность, в 19 – переход в другие учебные заведения, в 31 – переход на работу, в 15 – болезнь, в 62 – другие причины (главным образом неявка к началу занятий)[7].

В последующие годы ситуация менялась незначительно: в 1948 году университет окончил всего 91 студент[8].

---

[6] Краткий отчет о работе Молотовского государственного университета им. А. М. Горького за 1946–1947 гг. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 239. Л. 86–90.

[7] См. отчет о работе Молотовского государственного университета им. А. М. Горького за 1946–1947 гг. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 239. Л. 55.

[8] См.: Письмо ректора университета А. И. Букирева начальнику отдела распределения оканчивающих вузы Г. Аверьянову от 16.06.1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 2573. Л. 2.

Студенты университета зачастую слабо соответствовали требованиям, предъявляемым к учащимся высшей школы. На открытом заседании ученого совета Молотовского государственного университета 9 января 1948 года после доклада ректора А. И. Букирева на тему «Итоги XVI пленума ЦК ВЛКСМ и мероприятия по реализации приказов министра высшего образования СССР от 24.11.1947 за № 1739 и от 18.12.1947 за № 1863» выступили как профессора и преподаватели университета, так и студенты-активисты. Профессора Д. М. Марко и С. Н. Лаптев говорили об «имеющихся фактах бескультурья со стороны студентов как в стенах университета, так и в быту», требуя от профессорско-преподавательского состава вести со студентами «воспитательную работу». Их поддержали и другие выступавшие. Секретарь университетской парторганизации В. И. Мочалов заметил, что комсомольская организация слабо помогает ректорату в наведении дисциплины, и предложил преподавателям выступать с докладами на темы вроде «О моральном облике советского молодого человека»[9].

Впрочем, серьезные претензии можно было предъявить и многим преподавателям, даже профессорам. На другом заседании, посвященном итогам зимней сессии 1947/48 учебного года, декан геолого-географического факультета Н. А. Игнатьев сообщил о жалобах студентов на то, «что иногда на лекциях уделяется профессором очень много внимания изложению материала автобиографического порядка (проф. С. Н. Лаптев)»[10]. Доцент В. К. Воскресенский часто увлекается на лекциях политинформацией, то есть излагает студентам последние новости газет[11]. Недостатки в лекциях «не только молодежи, но часто преподавателей с солидным стажем» отметил и Р. В. Мерцлин, по мнению которого, нередко лекции «не удовлетворяют даже элементарным требованиям»[12].

---

[9] Протокол открытого заседания ученого совета Молотовского государственного университета от 9 января 1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 237. Л. 109–111.

[10] На это обвинение С. Н. Лаптев возразил, что «он ничего зазорного в автобиографических чертах своих лекций не усматривает. Он считает необходимым оперировать "своим громаднейшим запасом знаний и сведений". Они доходчивее для студентов, чем 15 фактов из истрепанных учебников». Там же. Л. 117.

[11] Протокол заседания ученого совета Молотовского государственного университета от 11 февраля 1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 237. Л. 116–117.

[12] Там же. Л. 117.

Недостатки самих лекций усугублялись неумением студентов конспектировать, вообще работать на лекционных занятиях. Студенты университета по-школярски предпочитали готовиться по учебникам, которые Р. В. Мерцлин назвал «неполноценными»[13].

Довольно часто в протоколах заседаний ученого совета встречаются ссылки на слабую базовую подготовку студентов как объяснение их плохой успеваемости. «Слабыми» объявлялись целые курсы (как правило, первый и второй), иногда уточнялось, что студенты «слабого» курса в основном «не из города Молотова», то есть не имеют необходимой подготовки в рамках школьного курса. Встречаются и такие объяснения плохой успеваемости студентов, как объяснение плохого результата экзамена по физической географии, данное С. Н. Лаптевым: «...наличием студентов, случайно попавших на географическое отделение и не интересующихся этой специальностью»[14].

Полагалось регулярно предоставлять трибуну студентам-активистам для высказываний по поводу различных недостатков. Нередко в этих выступлениях звучали жалобы на сложность языка учебных пособий и монографий, перегруженность учебными занятиями. Например, в выступлении студента истфака Фёдорова были обрисованы следующие недостатки в работе факультета: «...наличие ежедневно четырех лекций; прохождение параллельно трех языков, из которых один оказался необязательным; чтение курса истории Мексики, который ничего не дал, в то время как гораздо важнее было бы прослушать курс истории Монгольской Республики; недостаточное количество аудиторий; отсутствие наглядных пособий; наличие двух учебников по истории народов СССР на 40 человек; отсутствие библиотеки»[15].

Студенты университета (и не только первокурсники) осенью направлялись на сбор урожая, что приводило к сокращению учебных часов. Так, вместо запланированных на первый семестр 1947/48 учебного года 822 часов занятия со студентами-историками проводились всего 729 часов. В отчете кафедры истории СССР отмечалось, что все темы, намеченные в плане, были

---

[13] Там же. Л. 118.

[14] Протокол заседания ученого совета Молотовского государственного университета от 19 мая 1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 237. Л. 164.

[15] Там же. Л. 110.

проработаны. Это было достигнуто «путем некоторого сжатия учебного материала и его преподнесения в более компактном, уплотненном виде»[16].

Сотрудники этой кафедры стремились организовать свою «учебно-производственную работу» так, чтобы дать студентам знание фактического материала, научить их работать с источниками, привить им навыки самостоятельной исследовательской деятельности. С другой стороны, не менее важным считалось воспитывать студентов «в духе советского патриотизма», для чего члены кафедры стремились раскрыть перед студентами «героическое прошлое русского народа и обрисовать его выдающуюся роль в области культурного, хозяйственного, политического развития». И конечно, особое внимание в этот период обращалось на «борьбу с низкопоклонством и преклонением перед иностранщиной». Газетные статьи о борьбе с «низкопоклонством» не только обсуждались на кафедре, но и прорабатывались со студентами.

Имевшиеся учебники в 1948 году были признаны «теоретически не вполне безупречными». Выяснилось, что в них неверно ставился вопрос о происхождении славян и названия «Русь», принижалось значение великого русского просветителя и ученого Ломоносова и его борьбы с норманнистами и т. д. Членам кафедры приходилось «внимательно следить за развитием научной мысли» и «немедленно использовать в своей преподавательской работе все новые материалы, появляющиеся на страницах «Правды», «Большевика», «Культуры и жизни» и различных специальных изданий»[17].

Почерпнутые из «Правды» и «Большевика» новейшие достижения научной мысли, судя по всему, вполне серьезно воспринимались студентами. В отчете упомянут следующий случай: когда один из студентов «высказал ошибочную мысль, что культура Киевской Руси позаимствована из Византии и не носила, следовательно, самостоятельного характера, то целый ряд товарищей немедленно выступил с обоснованными возражениями»[18].

---

[16] Отчет о работе кафедры истории СССР Молотовского госуниверситета за I половину 1947/48 учебного года. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 1960. Л.175–176.

[17] Там же. Л. 176.

[18] Там же. Л. 176 об.

Хотя существовали и универсальные «источники мудрости»: в октябре 1948 года специальное заседание ученого совета было посвящено 10-летию «Краткого курса истории ВКП(б) – "энциклопедии основных знаний марксизма-ленинизма"»[19].

Как и все советские люди, работники университета находились под непрестанным контролем со стороны разных инстанций и обязаны были соблюдать писаные и неписаные правила поведения. Более того, считаясь людьми, обладающими «трибуной» для публичных высказываний, они подлежали и более пристальному контролю, чем работники других учреждений.

Не обошли университет и сталинские политические кампании. В конце 1940-х годов была организована кампания борьбы с «низкопоклонством» перед Западом, самым непосредственным образом повлиявшая на жизнь преподавателей и студентов. Осенью 1948 года развернулась знаменитая кампания против менделистов-морганистов. Впрочем, попытки активного вмешательства власти в научную жизнь университета предпринимались и в предшествующий период.

12 июня 1948 года состоялось заседание ученого совета Молотовского университета совместно с научными работниками вуза. В нем приняли участие секретарь горкома ВКП(б) Л. И. Отарская, секретарь райкома Кагановического района г. Перми Ф. И. Пьянков. Заседание было посвящено опубликованной в газете «Звезда» от 6 июня 1948 года статье «Серьезные ошибки лектора». В статье осуждалась политически неправильная лекция о вопросах атомной энергии, прочитанная заведующим кафедрой физики профессором Г. А. Остроумовым в клубе им. Ворошилова.

Заседание началось с доклада ректора А. И. Букирева, признавшего лекцию Г. А. Остроумова политически неверной и указавшего на недостатки в работе над идейно-политическим содержанием лекций, читаемых преподавателями университета. Затем выступил сам Г. А. Остроумов, признавший, что «критика, изложенная в газете "Звезда" и в докладе А. И. Букирева, совершенно правильна и что он был обязан в своем докладе... подробно обрисовать международную политическую обстановку, которая сопровождает разработку вопроса о внутриатомной энергии, а также что, отвечая на заданные вопросы, он позво-

---

[19] Протокол заседания ученого совета Молотовского государственного университета совместно с научными работниками от 6 октября 1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 259. Л. 1–3.

лил себе необдуманно воспользоваться сомнительными и отдаленными примерами, вместо того чтобы очень просто сказать главное, и допустил грубые политические ошибки»[20]. Г. А. Остроумов сообщил также, что ошибки эти не были случайными: «в его педагогической работе имеют место неудачные объяснения, вульгарные примеры, сравнения грубо-обывательского характера». Он заключил свое выступление сообщением о том, что, «глубоко переживая эти ошибки, он постарается своей дальнейшей работой завоевать достойное место в рядах советских ученых»[21].

В последующих выступлениях участников заседания – Я. Р. Волина, П. Е. Степанова, Н. И. Герасимова, А. К. Шарца, Р. В. Мерцлина, Ф. С. Горового, Л. И. Отарской и др. – «резко осуждалось политически вредное выступление т. Остроумова» и отмечалось, что «одной из причин подобного выступления явилось отсутствие критики и самокритики среди научных работников университета». Выступавшие обратили внимание, что и лекции студентам Г. А. Остроумов читает «не на достаточно высоком теоретическом уровне». Дальнейшее обсуждение перешло с Г. А. Остроумова на университет в целом. А. К. Шарц подверг резкой критике работу собственного историко-филологического факультета: «Лекции по литературе читаются на уровне программы средней школы. Старший преподаватель Смирнов рассказал студентам биографию Горького так, что студенты сумели рассказать ее лучше, чем преподаватель. Тот же Смирнов сделал “беспартийный” доклад о “партийности” преподавания литературы. Профессор, занимающийся фольклором, совершенно не прививает любви к фольклору студентам»[22].

После этого вторично выступил Г. А. Остроумов, признавший всю критику его поведения совершенно правильной, пообещавший учесть все замечания и выразивший благодарность товарищам, которые уделили свое внимание «его грубейшим политическим ошибкам»[23].

В заключение ректор А. И. Букирев сказал, что «осуждение выступления т. Остроумова надо рассматривать как желание

---

[20] Протокол заседания ученого совета Молотовского государственного университета совместно с научными работниками от 12 июня 1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 237. Л. 182–183.

[21] Там же. Л. 183.

[22] Там же. Л. 183.

[23] Там же. Л. 183.

исправить допущенные т. Остроумовым ошибки, а также как желание исправить и недостатки, которые имеются в университете. Теперь это желание надо претворить в дело. Пути претворения – критика и самокритика»[24].

Принятое на этом заседании постановление предполагало в «ближайшее же время наметить систему мероприятий по проверке идейно-теоретического содержания преподавания; насколько увязывается учебная и научная работа кафедр университета с марксистско-ленинским учением о развитии общества и природы, с актуальными задачами народного хозяйства, а также с современными задачами развития науки и культуры в нашей стране; насколько действенно ведется повседневная борьба с низкопоклонством перед буржуазной наукой и культурой и как широко популяризируются достижения русской и советской науки»[25].

На заседании ученого совета Молотовского государственного университета 30 июня 1948 года было обсуждено письмо министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова по делу профессора А. Р. Жебрака, после чего была принята пространная резолюция из десяти пунктов. В ней ученый совет «обязывает весь профессорско-преподавательский состав университета всемерно повышать идейно-политический и теоретический уровень лекций, практических занятий, спецсеминаров и спецкурсов, воспитывать студенческую молодежь в духе беззаветной преданности нашей Родине и беспощадной борьбы с раболепием и низкопоклонством перед наукой и культурой буржуазных стран».

Для достижения этих целей в резолюции предлагалось принять следующие меры:

«1. Стопроцентный охват научных сотрудников университета марксистско-ленинским образованием по плану партбюро и кафедры марксизма-ленинизма университета на 1948/49 учебный год.

2. Тщательный пересмотр рекомендованной Министерством высшего образования и рекомендуемой сверх того самими научными работниками литературы: учебников, пособий и пр., отнюдь не допуская к использованию книги, пропагандирующие антинаучные и политически вредные теории, фаль-

---

[24] Там же. Л. 183–184.

[25] Там же. Л. 184.

сифицирующие историю развития мировой науки, дискриминирующие славянскую, русскую и советскую науку, достигая тем в воспитании молодежи интернациональности и преданности идеям Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина.

3. Все преподавание по любой дисциплине строить по-боевому, наступательно, на единственно правильной и научно безукоризненной теории марксизма-ленинизма, не упуская случая применения законов диалектического и исторического материализма, подчеркивания всемирно-исторической победы Советского Союза над фашистской Германией и ее союзниками, продемонстрировавшей перед всем миром наше могущество, превосходство нашей культуры, идеологии и морали.

4. На каждом факультете провести в 1948/49 учебном году спецкурс на IV и V курсах по истории наук данного факультета, а на I, II, III курсах в соответствующих случаях насыщать преподавание данными о вкладе в мировую науку славянства, русских и советских ученых.

5. На спецсеминарах организовывать специальные занятия по овладению наследием классиков русской и советской науки в соответствии с факультетом.

6. Вести непримиримую борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, со всякого рода пережитками прошлого, и особенно такими, как раболепие перед иностранной, растленной и деградирующей буржуазной культурой.

7. На конкретных примерах воспитывать понимание величайших преимуществ социалистического строя перед капиталистическим. Культивировать в сознании студенческой молодежи чувство беззаветной любви и национальной гордости за огромный вклад, вносимый социалистической культурой и наукой в сокровищницу мировой науки и культуры. Ибо ни в одной стране мира наука и ученые не пользуются такой поддержкой государства, таким вниманием и уважением, как в Советском Союзе. Советские ученые и студенческая молодежь располагают неограниченными возможностями для своего научного роста, для свободной научной работы.

<...>[26]

10. Подвергнуть в соответствии с требованиями советской общественности широкой и беспощадной самокритике всю ранее опубликованную нашими научными сотрудниками собственную научную продукцию и в дальнейшем практиковать

---

[26] Опущены пункты о студенческих кружках и темах дипломов.

критическое рассмотрение на ученом совете и советах факультетов решительно всех вопросов научной, преподавательской и общественной деятельности отдельных кафедр»[27].

Печально известная августовская 1948 года сессия ВАСХНИЛ привела к масштабной кампании, коснувшейся всех советских вузов. Не стал исключением и Молотовский университет. 10 и 11 сентября 1948 года в университете состоялось заседание ученого совета совместно с профессорско-преподавательским составом и представителями горкома ВКП(б), мединститута, пединститута, сельхозинститута, фармацевтического института и других организаций. В первый день число участников составило 101 человек, на второй – сократилось до 47[28].

После доклада ректора А. И. Букирева «О положении в биологической науке» слово взял доцент А. Н. Пономарёв и «со всей категоричностью отверг совершенно непонятное, неизвестно откуда исходящее и на чем основанное утверждение, будто он придерживается антилысенковских, даже морганистских взглядов». А. Н. Пономарёв сообщил, что всегда был связан с направлением в науке, возглавляемым В. Л. Комаровым, «который, восставая против взглядов формальных генетиков, писал по их адресу, что их дарвинизм, при отрицании появления новых форм, – плохой дарвинизм», мичуринское же направление в биологии, «возглавляемое академиком Лысенко, представляет собой советский творческий дарвинизм». А. Н. Пономарёв отверг также все обвинения в «антимичуринских» выступлениях перед студентами, хотя и признал, что его работы являются «слишком отвлеченными, не связанными с вопросами сельского хозяйства»[29].

За выступлением А. Н. Пономарёва последовало похожее оправдание В. Н. Наугольных, также отрицавшей все обвинения в игнорировании работ Лысенко и Мичурина. Следующий выступавший А. Г. Воронов был единственным на заседании, кто покаялся в своих ошибках. Он признал, что был участником московской конференции, посвященной проблемам внутри-

---

[27] Протокол заседания ученого совета Молотовского государственного университета от 30 июня 1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 237. Л. 207–209.

[28] Протокол заседания ученого совета Молотовского государственного университета совместно с профессорско-преподавательским составом университета от 10–11 сентября 1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 237. Л. 215.

[29] Там же. Л. 216.

видовой борьбы, о которой рассказывал на заседании студенческого научного общества и на объединенном заседании научных обществ, где «фактически выступил в роли пропагандиста морганистского учения» и допустил «недооценку работ т. Лысенко». Эти ошибки А. Г. Воронов объяснил, во-первых, своей «теоретической беспечностью», а также тем, что, как и другие люди его поколения, «воспитывался в школе, а затем и в вузе в условиях господства в значительной степени формальной генетики». В заключение А. Г. Воронов заявил собранию, что в настоящий момент, «как и все советские биологи», чрезвычайно высоко оценивает выступления Т. Д. Лысенко на сессии Академии сельскохозяйственных наук: «Для меня, как для эколога, это выступление открывает необыкновенно широкие перспективы для работы, потому что учение Мичурина позволяет не только наблюдать, но и переделать природу животных»[30].

За покаянной речью А. Г. Воронова последовало резкое выступление П. Н. Ляшенко, осудившего «некоторых товарищей», которые «думают, что речь идет об абстрактных теоретических, только биологических вопросах». Компромисс здесь невозможен: «Борьба двух направлений в биологии – это есть борьба на идеологическом фронте, борьба мира социализма с миром капитализма, борьба советской прогрессивной биологической науки с реакционными течениями в буржуазной западноевропейской и американской науке»[31]. П. Н. Ляшенко призвал и других биологов вслед за А. Г. Вороновым признать свои ошибки, подчеркивая, что они недооценивают серьезность ситуации. Он заметил, что речь идет не об отдельных ошибках отдельных ученых: «Линия, которая давалась столпами морганизма, находила отражение в работе всех высших учебных заведений. Послушать товарищей – получается, что на руководящих постах вейсманисты, а у нас все в порядке!» Заявление ректора, что он не нашел в научных работах университетских биологов вейсманистских взглядов, П. Н. Ляшенко назвал преждевременным. По его мнению, было необходимо тщательно проверить все научные работы. Он зачитал решение бюро обкома партии о мероприятиях по докладу Лы-

---

[30] Там же. Л. 217–218.

[31] Протокол заседания ученого совета Молотовского государственного университета совместно с профессорско-преподавательским составом университета от 10–11 сентября 1948 г. ГАПК. Ф. р-180. Оп. 12. Д. 237. Л. 219.

сенко и призвал университет активно участвовать в реализации этого решения[32].

В других выступлениях много говорилось о преимуществах учения Мичурина. Так, А. О. Таусон сообщил, что применение мичуринского учения даст возможность решить проблему продвижения карпа на север или выведения такой формы, которая могла бы переносить суровую зиму. Среди выступивших были не только биологи – Я. Р. Волин заявил, что «биологический факультет университета не является центром пропаганды мичуринско-лысенковского учения... В этом виноваты и кафедры марксизма-ленинизма и философии, которые не были связаны в своей работе с биологическим факультетом»[33].

Выступил и уже каявшийся в июне за политически неправильную лекцию по физике Г. А. Остроумов. Он упомянул книгу физика Шредингера, подчеркнув, что тот «работает в капиталистическом обществе, среда которого не может не оказывать влияние на его психику и идеологию», что приводит к идеализму. Г. А. Остроумов подчеркнул, что доклад академика Лысенко актуален не только для биологов, и призвал все кафедры пересмотреть свои научные темы с точки зрения «ближайшей помощи промышленности»[34].

В заключительном слове ректор А. И. Букирев заявил о необходимости сделать из обсуждения практические выводы и полностью перестроить всю преподавательскую и научную деятельность на принципах «передовой мичуринской советской биологии»[35].

В принятом большинством голосов постановлении говорилось о полном одобрении ученым советом и собранием профессорско-преподавательского состава университета доклада Лысенко и необходимости «дать решительный отпор всяким попыткам протаскивания в современную науку и советские учебные заведения реакционных идеалистических усилий, низкопоклонству и раболепию перед реакционными буржуазными теориями». Была принята программа мероприятий, включавшая проведение лекций об итогах сессии ВАСХНИЛ для всех студентов университета, переработку учебных программ и пересмотр тематики научных работ для биологического факультета, рас-

---

[32] Там же. Л. 220.
[33] Там же. Л. 224.
[34] Там же. Л. 225.
[35] Там же. Л. 226–227.

ширение мичуринского участка в ботаническом саду и даже проведение специального семинара по мичуринской биологии для работников кафедр марксизма-ленинизма и философии.

Университет, при некотором своеобразии, являлся таким же советским учреждением сталинской эпохи, как любое промышленное предприятие или контора. Специфика деятельности его сотрудников, их несравненно большая образованность, книжная культура не дают оснований говорить о свободе от многочисленных социокультурных институтов, структурировавших и направлявших жизнь советского человека сталинской эпохи.

Преподавателей Молотовского университета середины 1950-х годов никак нельзя считать членами особой корпорации, связанными общими интересами и целями, разделяющими одни общие ценности, главной из которых является сохранение и преумножение знаний. Почти лишенные мотивации и возможности реализовать себя в науке (гуманитарии – в первую очередь из-за тотальной идеологизированности их сферы деятельности, естественники – еще и по причине скудного снабжения необходимыми приборами и оборудованием), они превратились в своеобразный резерв партийно-хозяйственных кадров, задачей которого также была подготовка кадров молодых.

Juliette Denis

LA COMMISSION RÉPUBLICAINE EXTRAORDINAIRE EN LETTONIE (1944–1945): SUPPORT DE LA REFONDATION DU RÉGIME SOVIÉTIQUE

A son retour en Lettonie en 1944, le pouvoir soviétique est confronté à de nombreuses difficultés. Premièrement, les combats se poursuivent en Courlande, jusqu'à la capitulation allemande. La population lettone, dans sa majorité hostile au rétablissement du pouvoir soviétique, fuit, se cache ou évite de coopérer avec les nouvelles autorités. Les représentants locaux du pouvoir se montrent

par ailleurs incapables de mener de front les multiples «priorités» que le régime leur confie. C'est dans ce contexte troublé de «sortie de guerre» que le pouvoir soviétique mène l'une de ses tâches principales, l'identification des ennemis du régime, au premier rang desquels les «traîtres» et les «collaborateurs» avec l'occupant allemand. L'un des canaux d'identification de ces «éléments ennemis» est la Commission républicaine extraordinaire (Chrezvichajnaja Respublinkanskaj Komissija – ChRK)[1], la branche lettone de la Commission extraordinaire d'Etat (Chrezvichajnaja Gosudarsvtennaja komissija – ChGK) couvrant toute l'URSS.

Cette commission fut longtemps connue uniquement à travers les rapports publiés à partir de la deuxième moitié 1945, et dont la vocation première était la dénonciation des crimes de l'occupant allemand et le décompte des pertes humaines et matérielles de l'URSS[2]. La Commission devint le canal privilégié de la diffusion du discours officiel sur la Grande Guerre patriotique, et de la condamnation publique de la cruauté allemande. Dans le cas de la Lettonie, le discours de la ChRK repose sur la volonté d'établir une continuité entre la situation sous l'empire, la Première Guerre mondiale et l'occupation nazie: les occupants allemands sont les héritiers des «barons» allemands du XIXème, et des ennemis de 1914[3]. Il s'agit dans ce type de publication de construire une filiation directe entre les ennemis des deux conflits

---

[1] Ch.R.K po ustanovleniju i rassledovaniju zlodejanij nem-fash zakhvachikov i ikh sposobnikov i uchetu prininennogo imi ushcherba grazhdan, sleskomu khozjajstvu, obshchestvennym organizacijam, gos. predprijatijam i uchrezhdenijam Latv. SSSR.

[2] Les sources de la ChRK méritent quelques commentaires. En tant qu'instrument de légalisation du pouvoir soviétique à travers la condamnation de l'occupation nazie, la ChRK produit des chiffres – nombre de victimes, bilan financier des dommages – qui doivent à bien des égards être recoupés avec d'autres sources pour en établir l'authenticité. Son rôle propagandiste – à destination des populations soviétiques, mais aussi des puissances alliées dans le cadre des procès d'après-guerre – a été mis en avant par de nombreux auteurs, qui qualifient cette institution de «instructeur public» du fascisme. Voir SOROKINA Marina, «People and procedures. Toward a history of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR», *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History* 6, 4 (Fall 2005), pp. 797–831. A différentes échelles – de l'*oblast'* au pouvoir central – les chiffres ont été uniformisés, parfois au prix de profonds remaniements. (...) Sur significations et rôle symbolique et de légitimation: MOINE Nathalie, «La Commission d'enquête soviétique sur les crimes de guerre nazis: entre reconquête du territoire, écriture du récit de la guerre et usages justiciers», *Le Mouvement Social*, 2008/1, n 222, pp 81–109.

[3] GARF, f. R-7021, op. 93, d. 3736, ll. 1–4.

mondiaux, et de faire converger l'histoire nationale lettone avec celle de l'URSS. Au-delà du seul discours, l'ouverture des dossiers de la ChRK (entretiens, actes, rapports) et du matériel relatif à son établissement révèle simultanément la place accordée aux dénonciations des collaborateurs, et l'intérêt primordial porté à la mise en place locale de la commission. Il s'agit donc, dans la lignée de travaux récents, d'analyser la construction de la commission sur le terrain et de la considérer comme l'une des premières «émanations de l'Etat» à laquelle les citoyens de la Lettonie soviétique eurent affaire au lendemain du rétablissement de l'ordre soviétique en Lettonie. Comme l'écrit Nathalie Moine, la Commission apparaît comme «un moyen (...) de redonner au pouvoir, alors en pleine phase de reconquête, une légitimité à la fois à travers la remise en scelle des cadres locaux du régime et la volonté proclamée de rendre justice aux victimes de l'occupation»[4] . Cette immense entreprise de comptabilisation rappelle le déroulement des recensements de population. L'importance quantitative de l'entreprise, le personnel participant aux enquêtes et aux interrogatoires et les méthodes d'interview font largement écho aux recensements réalisés par le pouvoir soviétique – et avant lui, par le pouvoir tsariste – avant la guerre. Symboliquement, il s'agit autant d'une entité d'instruction que d'une passerelle entre le pouvoir et la population. Tout comme le recensement de 1920 permettait, dans le contexte de la guerre civile pendant laquelle de nombreux territoires n'étaient pas intégrés dans la légalité soviétique, d'«affirmer et de produire la continuité étatique et territoriale»[5] , la ChRK constitue une institution de relais dans un pays encore déchiré par les combats et faiblement quadrillé par les institutions soviétiques. Nous étudierons ici son fondement, le travail effectué et le matériel recueilli. Sa mission se fonde sur la dénonciation des crimes de l'occupation, et en fait le support moral et politique de la refondation locale du pouvoir.

L'établissement de la Commission le 23 août 1944 repose sur une résolution commune du CK KP(b) et du SNK LSSR[6] . Les derniers rapports complets envoyés à Moscou datent de début août 1945[7] avec

---

[4] MOINE Nathalie, op. cit., p 82.

[5] CADIOT Juliette, *Le laboratoire impérial, Russie – URSS 1860–1940*, Paris, CNRS Editions, 2007, 267p, p 119.

[6] GARF, f. R-7021, op. 93, d. 3791, p 1.

[7] Par ailleurs, Au début de 1946, on renvoie le personnel technique de la Commission et en décembre 1946 – janvier 1947, son matériel est versé au NKVD de la République socialiste soviétique lettone – présentation du fonds de la ChRK, LVVA, f. R-132.

quelques compléments pour la Courlande expédiés ultérieurement. Son existence s'étale en Lettonie sur un peu plus d'une année, et reflète les étapes du recul du front et de la reprise en main du territoire. Son établissement suit directement la progression de la libération et le déménagement des institutions dirigeantes (Lundza, Daugavpils, et enfin Riga à partir du 20 octobre 1944[8]). La majeure partie du travail est effectuée en avril 1945, sauf pour les 6 districts de la Courlande libérés le 9 mai 1945. La composition des membres du niveau républicain de la commission démontre une volonté de faire participer les plus hautes sphères du pouvoir, en mêlant organes de sécurité d'Etat et représentants de l'intelligentsia communiste lettone:

«Komissija byla konstruirovala v sledujushchem sostave : predsedatel' komissii – KALNBERZIN Ja.E., sekretars CK KP(b) latvii, zamestitel' perdsedatelju – LACIS V.T., presedatel' SNK Latv SSR, cheny komissii: ROKPELNIS F.Ja., sekretars sojuza pisatelej, NOVIK A.A., narodnyj komissar gos. bez., EGLIT A.G., nar. kom. VD, STRAZDIN, nar. kom. prosveshchenija, chlen i otvetstvennyj sekretar' komissi – ERMANSON E.Ja»[9].

Au niveau local, des commissions sont également constituées, mais leur travail est plus problématique. Les rapports et bilans du travail de la commission évoquent régulièrement les «erreurs» qu'il a fallu corriger par des inspections et des changements de personnels[10]. Les défauts évoqués très succinctement dans les rapports généraux correspondent le plus souvent au non respect des délais. Au plus haut niveau, c'est-à-dire dans le personnel central de la Commission républicaine, Ermanson est remplacé par Kljavin le 29.09.1944 pour ne pas avoir su orchestrer le travail des commissions locales[11]. Dès sa nomination, Kljavin envisage de rappeler à l'ordre les secrétaires locaux du parti, également directeurs des commissions dans les ramifications de la république, qui n'accordent pas assez d'importance à cette tâche «d'importance nationale, mais aussi internationale»[12]. Le retard dans le recueil des données est

[8] Ibid.

[9] GARF, f. R-7021, op. 93, d. 3736, p 1.

[10] GARF, f. R-7021, op. 93, d. 3791, p 2.

[11] LVVA, f. R-132, op. 29, d. 2, l. 11.

[12] LVA, PA-101, 6, 20, p 11: «rabota (...) imeet ne tol'ko gosudarsvtennoe, a mezhdunarodnoe znachenie».

signalé dans quasiment tous les districts[13], les délais pour le versement du matériel local sont systématiquement repoussés. Les remon-trances sont parfois très violentes et les chefs des commissions locales engagent leur responsabilité devant le Parti, ce qui reflète le poids conféré au travail de la commission[14].

Comment expliquer cette lenteur ? comme on l'a vu, le personnel local, promu en hâte après le rétablissement du pouvoir soviétique, n'a souvent ni les compétences ni le temps nécessaire pour mettre en œuvre simultanément les nombreuses «priorités» du régime. Par ailleurs, des difficultés techniques surgissent: les consignes et le matériel d'enquête (modèle de formulaire d'entretien, modèle de compilation de rapports) ne parviennent pas toujours en temps et en heure, et très souvent ils ne sont pas traduits en letton. Pour pallier les insuffisances du personnel local, on décide dès l'installation du siège central de la commission à Riga en octobre 1944 d'une formation spéciale pour instructeurs qui sont ensuite dispersés sur l'ensemble du territoire (en grande majorité des cadres lettons formés en évacuation)[15]. En novembre 1944, ces instructeurs sont épaulés à leur tour par l'envoi de délégués de la commission républicaine dans les districts où le travail n'avance pas assez vite[16]. Ces délégués, issus des organes de sécurité et du Parquet, doivent apporter une aide concrète en termes de savoir policier et juridique, et de former le personnel local aux enquêtes et au recueil de témoignages. En mars 1945, dans certains districts et Commissariats du peuple, on interdit même aux membres des commissions de se consacrer à tout autre tâche[17]. L'organisation du travail de la ChRK reflète le manque de personnel, la lenteur des démarches et les mesures d'appoint caractéristiques du rétablissement chaotique du pouvoir au niveau local.

L'année d'existence de la ChRK a cependant permis une accumulation d'expérience qui se manifeste dans l'établissement des dernières commissions locales. L'exemple de la Courlande est caractéristique du transfert de savoir qui se produit entre août 1944 et mai 1945. Dès janvier 1945, alors que les combats dans cette région interdisent sa réintégration immédiate dans la république, les dirigeants de la ChRK ordonnent au NKVD et au NKGB de rassembler

---

[13] R-132, 29, 2: delo entièrement consacré aux lettres de remontrances adressées par les membres de la commission centrale aux commissions locales.

[14] LVVA, f. R-132, op. 29, d. 10, p 30.

[15] GARF, f. 7021, op. 93 / LVVA, f. R-132, op. 29, d. 53.

[16] LVVA, f. R-132, op. 29, d. 10, l. 25.

[17] GARF, f. 7021, op. 93, d. 3789, ll. 2122.

les informations et de préparer le terrain pour effectuer les enquêtes le plus rapidement possible une fois le territoire libéré[18]. Une préparation minutieuse est donc accomplie pour les derniers districts libérés, sur la base d'informations récoltées en temps de guerre et des exemples données par les autres commissions locales. Quelques unes d'entre elles sont d'ailleurs érigées en modèle. Ainsi, et contrairement aux autres commissions locales, peu de difficultés sont signalées pour les commissions de la Courlande. Les attendus, les objectifs et le personnel local des Commissions de la Courlande sont rapidement mis sur pied[19].

Sur place, la ChRK réalise un travail colossal qui laisse supposer que l'immense majorité des citoyens ont, d'une manière ou d'une autre, eu affaire à la Commission comme représentante du régime. Sur l'ensemble de la république, 5562 commissions sont établies, conformément aux divisions administratives pyramidales du pays[20] – 11 pour les villes, 19 pour les *uezdy*, 56 dans les villes des *uezdy*, 516 dans les *volosti* – auxquelles s'ajoutent 4960 commissions dans les entreprises et les institutions. Plus de 230 000 actes sont compilés. 53 578 personnes ont participé à leur élaboration. Parmi elles, 25 335 perçoivent un salaire *(tekhnicheskie rapbotniki)*. Les autres membres font partie des komsomols, ou sont des «activistes» bénévoles recrutés dans les localités (on compte 3500 membres du Parti et du Komsomol)[21]. Différentes catégories de population ont été directement impliquées dans la recherche des coupables et la dénonciation des crimes et des dommages subis. Le pouvoir confie le recueil des témoignages aux élites locales[22]. Les instituteurs sont mis à contribution pour l'établissement des «*akty*». Le clergé, en particulier luthérien, est également appelé à la rescousse. La justification principale évoquée dans les rapports est le besoin de personnel alphabétisé, mais la reprise d'un argument qui a une certaine valeur à l'échelle de l'URSS ne convient pas au cas letton. En effet, la Lettonie est fortement alphabétisée depuis l'empire, le pays est loin de connaître les taux d'illettrisme moyens de l'URSS[23]. Cet

---

[18] GARF, f. 7021, op. 93, d. 3789, ll. 1920.

[19] LVVA, f. R-132, op. 29, d. 11, l. 11.

[20] Comme pour le reste de l'URSS. Voir MOINE Nathalie, op. cit., p 87.

[21] GARF, f. R-7021, op. 93, d. 3736.

[22] MOINE Nathalite, op. cit., p 88.

[23] Mangulis, op. cit., p 5: déjà sous l'empire les taux d'alphabétisation étaient extrêmement élevés.

appel au «personnel alphabétisé» est donc moins le reflet de considérations techniques ou pragmatiques que celui d'une politique de ralliement des élites locales, mais également de l'intérêt porté à la langue maternelle de l'interviewé – le letton. Cette option fait écho à un phénomène plus général au niveau de l'Union[24] mais aussi à des pratiques anciennes dans les provinces baltes, lorsqu'elles faisaient encore partie de l'empire, où le clergé constituait un relais essentiel entre le pouvoir central et les locaux. La ChRK réemploie ainsi des méthodes traditionnelles de relations avec les populations locales, dont les premiers contacts avec le pouvoir sont intimement liés avec leur expérience de guerre et d'occupation et la stigmatisation des criminels.

Comme pour l'ensemble de l'URSS, les témoins proviennent de catégories sociales et politiques très variées. Une certaine régularité se remarque cependant dans les choix de témoignages repris dans les rapports, dont les citations permettent un «effet de réel»: là encore on met en avant les notables (instituteurs, médecins)[25] et les figures des victimes proches socialement ou politiquement du régime soviétique (paysans pauvres, communistes, famille de partisans)[26]. Les Russes sont également considérés comme des témoins fiables. Les figures des «ennemis» sont donc identifiées par les figures des «amis»[27]. Les victimes identifient leurs bourreaux dans leurs témoignages, qui sont ensuite comptabilisés dans des listes. Ces longs tableaux insistent sur la nationalité, la résidence, la fonction et le type de crime commis par l'individu identifié, ainsi que les coordonnées de la victime qui l'a désigné. C'est ce processus de compilation successive qui produit la figure du collaborateur. Je m'appuie ici sur des exemples issus de la Commission du district d'Abrene (l'un des premiers à être libérés) et de Liepaja (l'un des derniers). Dans le district de Liepaja, parmi les 140 criminels identifiés coupables d' «exploitation et de torture des citoyens soviétiques dans les bagnes allemands», 26 sont lettons. Il s'agit essentiellement du personnel secondaire des prisons et des camps. En revanche, la participation des Lettons est bien plus importante dans les entreprises d'arrestation et de réquisition des citoyens: sur les 50 personnes ayant accompli des crimes dans le cadre de «l'esclavage allemand», 38 sont

[24] MOINE Nathalie, op. cit., p 89.
[25] LVVA, f. R-132, op. 26, d. 5, ll. 3–8.
[26] R-132, 26, 16.
[27] MOINE Nathalie, op. cit., pp. 88–89.

lettons. La différence entre les deux listes est ténue. Dans le premier cas, il s'agit plus d'exploitation globale au service des Allemands, dans le second, de vols ou de crimes perpétrés à des fins individuelles. Les Lettons ainsi comptabilisés sont également, dans leur grande majorité, identifiés comme «Schutzman». Notons que dans les deux cas seule une ukrainienne est dénoncée: la faible présence de Russes dans cette région explique qu'aucune collaboration slave ne se dégage de ces listes. Parmi ces collaborateurs, de nombreux sont déjà internés dans les camps de filtration du NKVD, d'autres sont localisés dans les camps de réfugiés de la zone soviétique d'occupation en Allemagne, d'autres encore sont activement recherchés[28].

Dans les rapports locaux, aussi bien dans le district d'Abrene que dans celui de Liepaja, on note une certaine permanence de l'image du collaborateur. On retrouve les figures des policiers et des Aizsargi. Ils sont responsables de l'exploitation des citoyens au service des Allemands et des «koulaks lettons», auxiliaires des forces allemandes dans la chasse aux rares partisans et aux «déserteurs» fuyant la mobilisation dans l'armée allemande, et coupables des envois de travailleurs forcés en Allemagne[29]. Ces collaborateurs sont qualifiés collectivement de «nationalistes lettons germano-fascistes». Le terme renvoie à la construction du discours sur les ennemis du régime soviétique dans l'après-guerre, qui insiste à la fois sur le contenu «allemand» de leur crime et leurs positions politiques antisoviétiques. Parmi les crimes évoqués, les descriptions les plus détaillées et les plus répétitives renvoient au massacre des Juifs[30] . Les récits d'exécutions de masse, les localisations des fosses ont représenté pour les commissions locales un véritable choc, aussi bien pour les membres locaux des commissions, spectateurs involontaires du génocide et les délégués envoyés sur place, qui, ayant passé les années de guerre dans les profondeurs de l'URSS n'avaient pas visualisé l'ampleur du phénomène[31] . Par exemple, le rapport de la Commission d'Abrene, après avoir abordé les différents crimes des Allemands et des auxiliaires locaux, explique: «No eshche bol'shuju bezchelovechenost' nemeckie fashisty i ikh prikhvostni nemeckie-latyshskie nacionalistov projavili ri rasstreljakh evrejskogo nasilenija nashego uezda. Massovye rasstrely evreev byli proizvedeny v avguste 1941

---

[28] LVVA, f. R-132, op. 27, d. 31, ll. 1–24.

[29] LVVA, f. R-132, op. 26, d. 5 & 16.

[30] MOINE Nathalie, op. cit.

[31] MOINE Nathalie, op. cit.

v trekh mestakh nashego uezda v gor. Balvu, m.m. Viljaka i Rugai». Les auteurs reviennent sur la constitution des ghettos locaux, le pillage des biens juifs, et surtout, le déroulement des exécutions qui sont décrites avec une grande minutie par des témoins qui se trouvaient sur place:
«Sviditel' Mazikin Il'ja Nikolaevich mestnyj vrach pristtvovashij pri rasstrele evreev rasskazal: v 4 chasa utra 11 avgusta 1941 g. nachalis' rasstrely. Sognanykh na mesto rasstrela evreev zastavili vstat' na koleni v konavu, zaloshit' nazad ruki i lech' na zemlju licem. v takom polozhenii ikh proderzhali okolo 5 chasov. rasstrelivali gruppami ot 8 do 10 chelovek. Materi veli na rasstrel svoikh detej. detej zastavljali brat' na puki s rasschetom, chtoby odna polja ubivala srazu mat' i rebenka. Dalee vysheupomjanutyj vrach pristutstvovshij pri rasstrele MAZIKIN Il'ja Nikolaevich rasskazal: «ko mne podoshel odin iz polochej zasuchennymi rukavami i zajavil – ja vizhu Vam nenravitsja eta kartina, no eto nichego, zakonom produsmotrena prisutstvie vracha»[32].

Même constat dans le district de Liepaja, où la participation des forces auxiliaires lettones est mise en évidence avec plus de précision, à la fois dans la constitution du ghetto et dans les exécutions. Le témoin Karlis Andreevich Jansons raconte:
«S prikhodom nemcev k vlasti, s nachala vremennoj okkupacii imi LSSR stalo massovoe gonenie i izdematel'stvo nad evrejskim naseleniem, prozhivavshikh v volostjakh i mestechkakh Liepajskogo uezda. Putem prinuzhdenija nemcy zastavljali ikh rabotat' na torforazrabotkakh, a takzhe i na drugikh tjazhelykh rabotakh, ne oplachivaja trud i ne vydavaja im pri etom produktov pitanija. Vskore vse eti gonenija prinjali terroriticheskij kharakter i nemeckie voennye vlasti, s pomoshch'ju ajzsargov, shucmanov sobrali vse sem'i evreev NIGRANGSKOJ, VERGAL'SKOJ, EMBYTSKOJ i VAJNODSKOJ volostej, vsekh bez iskljuchenija, ne shadja ni zhenshchin, ni detej, vsego 130 chel, kotorykh i rasstreljali v konce nojabrja 1941, na territorii Vajnodskoj volosti. Mne lichno samomu rano utrom togo dnja rasstrela prishlos' videt' avtomashiny, napolnennnye evrejami, kotorykh vezli pod okhranoj k mestu ikh rasstrela, nakhodivshegosja mezhdu karabirskim lesom s zapadnoj ego storony i odnim iz domov byvshego garnizona KA, na rasstojani 80 metrov ot shossejnoj dorogi – Vajnode – Mezhekej. Cherez neskol'ko chasov, so storony Vajnodskogo

[32] LVVA, f. R-132, op. 26, d. 5, ll. 1–9.

garnizona poslyshalis' zalpyvye vystrely. Eto shel rasstrel privezennykh evrejkikh semejstv".

Le niveau de langage, les remarques concernant l'évolution de la répression concernant les Juifs, des travaux forcés à l'exécution, démontrent l'appartenance du témoin à une élite locale, qui par ailleurs semble avoir parfaitement intégré les termes officiels de la propagande soviétique condamnant les nationalistes lettons. Dans l'ensemble des rapports locaux lettons, deux motifs reviennent fréquemment dans la description des atrocités nazies envers les Juifs: le fait que les Allemands continuent à piller les Juifs au moment même de leur exécution, et surtout, le nombre d'enfants massacrés. Ces deux éléments semblent démontrer la rapacité, cruauté et l'inhumanité du régime d'occupation. Le décompte des enfants massacrés apparaît toujours séparément. Les «enfants juifs» constituent un motif intéressant pour suivre l'évolution du discours sur la Shoah tel qu'il apparaît dans les différents niveaux du matériel issu de la ChRK, des témoignages aux publications officielles. Ainsi, s'il semble clair qu'au niveau local, les premiers responsables soviétiques à être confrontés à l'ampleur du génocide (en 1944–1945) la mettent systématiquement en valeur dans la multitude des crimes des Allemands et de leurs complices, les compilations ultérieures de la ChRK la minimisent. Dans le rapport républicain et la publication de la Commission lettone (deuxième semestre 1945), les Juifs n'apparaissent plus que comme l'un des groupes de victimes. Le génocide est sous-entendu dans la figure de l'«enfant soviétique» torturé et massacré par les occupants, sans préciser qu'il a été tué parce qu'il était juif[33]. La ChRK cherche à «soviétiser» les atrocités de guerre en les universalisant, mais témoigne également de la censure progressive qui touche la Shoah en URSS. Cette uniformisation des crimes nazis invite à se poser plus généralement la question de l'évolution de la place de l'épuration des collaborateurs dans la liste des ennemis prioritaires. Que deviennent ces criminels? Ceux qui ne se seraient rendus coupables «que» des

---

[33] GARF, f. R-7021 / SSSR Chrezvychajnaja gos. komissija po ustanovleniju i rassledovaniju zlodejanij nemecko-fashistkikh zakhvachikov, Soobshchenie chrezvychajnoj goudarstvennoj. komissii po ustanovleniju i rassledovaniju zlodejanij nemecko-fashistkikh zakhvachikov i ikh soobshikov o prestuplenijakh nemeckikh zakhvatchikov na territorii Latvijskoj SSR (Communiqué de la commission extraordinaire d'Etat relative à l'établissement et à l'instruction des crimes des agresseurs germano-fascistes et de leurs collaborateurs sur les crimes des agresseurs allemands sur le territoire de la République socialiste soviétique lettone), Riga, VAPP, 1945, 23p.

massacres des Juifs auraient-ils pu passer plus facilement entre les mailles du filet de l'épuration, comme le sous-entendent certains historiens?[34] Qu'en est-t-il pour l'ensemble des collaborateurs? Là encore, cette question renvoie au contexte général de l'URSS mais également à la crise spécifique qui se noue dans l'après-guerre dans la région balte. Dans ce cadre, la ChRK semble bien fonder son importance plus sur l'entreprise de dénonciation collective et symbolique dans un cadre institutionnel soviétique que sur la recherche active des collaborateurs. Les circonstances de la Lettonie en 1945, théâtre d'actes antisoviétiques de plus en plus fréquents, expliquent l'effacement progressif du collaborateur comme ennemi public numéro 1.

La Commission extraordinaire en Lettonie reflète ainsi les difficultés du régime à se refonder, mais parallèlement elle constitue l'une des premières institutions soviétiques à laquelle les citoyens de Lettonie eurent à faire. Elle accompagne le rétablissement du pouvoir. Son rôle est multiple: en s'appuyant sur la dénonciation des crimes nazis, elle diffuse le discours sur la Grande Guerre patriotique, elle associe les élites locales et permet d'évaluer l'efficacité des représentants du pouvoir. En ce sens, plus qu'un organe policier et judiciaire, elle constitue une véritable passerelle entre l'Etat et la population.

Джульетт Дени
аспирант Института современной истории,
г. Париж

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОМИССИЯ В ЛАТВИИ (1944–1945): ПОДДЕРЖКА В ВОССТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА
(Перевод с французского)

Советская власть, восстановленная в Латвии в 1944 году, столкнулась со множеством трудностей. Во-первых, в Курляндии продолжались бои вплоть до германской капитуляции. Латышское население, в большинстве своем враждебное по отношению к со-

[34] KGB Etats baltes.

ветской власти, бежало, пряталось или избегало сотрудничества с новыми властями. Кроме того, местные представители власти оказались неспособны справиться с многочисленными задачами, которые ставил перед ними режим. В этих тяжелых условиях «выхода из войны» советская власть решала одну из своих главных задач – идентифицировать врагов режима, в первую очередь «предателей» и «пособников» немецких оккупантов. Одним из каналов этой идентификации «враждебных элементов» явилась Чрезвычайная республиканская комиссия (ЧРК)[1], латышский филиал Чрезвычайной государственной комиссии, покрывавшей весь СССР.

Об этой комиссии долгое время было известно только по докладам, опубликованным во второй половине 1945 года, согласно которым ее миссия заключалась в разоблачении немецких оккупантов и подсчете материальных и человеческих потерь в СССР[2]. Комиссия становится привилегированным каналом по распространению официального дискурса о Великой Отечественной войне и публичного осуждения немецкой жестокости. В латышском варианте деятельность ЧРК опиралась на стремление установить преемственность между ситуацией в империи, Первой мировой войной и нацистской оккупацией: немецкие оккупанты являются наследниками немецких баронов XIX века и врагов 1914 года[3]. В этих материалах устанавливается прямая преемственность между врагами в обоих

---

[1] ЧРК по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников и учету нанесенного ими ущерба гражданам, сельскому хозяйству, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Латвийской ССР.

[2] Источники ЧРК заслуживают некоторых комментариев. Будучи инструментом судебного расследования советской власти преступлений нацистской оккупации, ЧРК производила подсчеты (число жертв, финансовая оценка разрушений), которые во всех отношениях нуждаются в сопоставлении с другими источниками для установления их подлинности. Пропагандистская роль ЧРК по отношению к советскому населению и союзным державам в послевоенном процессе подчеркивается многочисленными авторами, которые называют это учреждение «педагогом по вопросам фашизма». См.: *Сорокина М.* People and procedures. Toward a history of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR; Критика: Exploration in Russia and Eurasian History 6, 4 (Fall 2005). С. 797–831. На разных уровнях – от области до центральной власти – цифры были подогнаны, иногда ценой больших искажений. О символической роли и значении, а также законности см.: *Moine N.* Комиссия советского расследования о нацистских военных преступлениях: возврат территорий, юридическая практика, создание единого образа войны // Le Mouvement Social, 2008/1, № 222. P. 81–109.

[3] ГАРФ, Ф. р-7021. Оп. 93. Д. 3736. Л. 1–4.

мировых конфликтах, а национальная латышская история сближается с историей СССР. Помимо самого дискурса открытие дел ЧРК (совещания, акты, отчеты) и материалов, касающихся ее учреждения, свидетельствует как о том месте, которое отводилось доносам на коллаборационистов, так и о первостепенности внедрения самой комиссии. Таким образом, в свете последних исследований необходим анализ учреждения комиссии на местной территории как одного из первых проявлений государственности, с которым латышские граждане столкнулись сразу после восстановления советского режима в Латвии. Как пишет Nathalie Moine, ЧРК являлась «средством... придания законности власти, которая находилась в стадии восстановления, как путем возвращения своих кадров на местах, так и провозглашением борьбы за права жертв оккупации»[4]. Этот грандиозный процесс учета людей походил на перепись населения. Его количественный размах, персонал, принимавший участие в расследованиях, допросах, методы интервьюирования очень напоминали перепись, которую проводила перед войной советская власть, а до нее – царский режим. Символический смысл этого процесса заключался как в самом изучении населения, так и в создании связующего звена между населением и властью. Как и перепись 1920 года, которая позволяла в условиях Гражданской войны, когда многие территории не подчинялись советской власти, «создать и утвердить государственную и территориальную преемственность»[5], ЧРК выступала связующим звеном в еще раздираемой сражениями Латвии, слабо управляемой советскими органами. В данной работе мы рассмотрим ее учреждение, выполненную работу и собранный ею материал. Ее миссия заключалась в выявлении преступлений периода оккупации, в силу чего она явилась моральной и политической основой восстановления местной власти.

Создание ЧРК 23 августа 1944 года основывалось на постановлении ЦК Компартии и СНК ЛССР[6]. Последние полные отчеты, отправленные в Москву, датируются началом августа 1945 года[7] (некоторые дополнения по Курляндии были отправ-

---

[4] *Moine N.* Указ. соч. С. 82.

[5] Cadiot J. Le laboratoire impérial, Russie – URSS 1860–1940. Paris: CNRS Editions, 2007. P. 119.

[6] ГАРФ. Ф. р-7021. Оп. 93. Д. 3791. Л. 1.

[7] С другой стороны, технический персонал комиссии был отозван в начале 1946 года, а в декабре 1946-го – январе 1947-го ее материалы переданы в НКВД Литовской Советской Социалистической Республики. Презентация фондов CHRK, LVVA, ф. р-132.

лены позже). Существование комиссии в Латвии продлилось чуть больше года и отразило этапы отступления фронта и взятия территорий. Ее установление прямо соответствует продвижению освобождения и перемещению руководящих органов (Лудза, Даугавпилс и наконец, начиная с 20 октября 1944 года, Рига)[8]. Большая часть работы была проведена в апреле 1945 года, за исключением шести уездов Курляндии, освобожденных в мае 1945-го. Состав членов комиссии на республиканском уровне свидетельствует о желании задействовать самые высокие сферы власти: органы госбезопасности и представителей литовской коммунистической интеллигенции.

«Комиссия была учреждена в следующем составе: председатель комиссии – Калнберзин Я. Е., секретарь ЦК КП(б) Латвии; заместитель председателя – Лацис В. Т., председатель СНК Латвийской ССР; члены комиссии: Рокпельнис Ф. Я., секретарь Союза писателей, Новик А. А., народный комиссар госбезопасности, Эглит А. Г., народный комиссар внутренних дел, Страздин, нарком просвещения, член и ответственный секретарь комиссии – Эрмансон Е. Я.»[9].

На местах также создаются комиссии, но их работа более проблематична. В итоговых отчетах о работе комиссий регулярно упоминаются «ошибки», которые приходится исправлять инспекциями и сменой состава[10]. Недостатки, о которых очень коротко говорится в общих отчетах, чаще всего относятся к несоблюдению сроков. На самом высоком уровне, то есть в центральном личном составе республиканской комиссии, 19.09.1944 г. Эрмансон заменен Клявиным за неумение организовать работу местных комиссий[11]. С момента своего назначения Клявин намеревался призвать к порядку местных партийных секретарей, а также директоров комиссий различных отраслей республики, не уделяющих достаточного внимания этой задаче «национального, а также интернационального значения»[12]. Задержка в сборе данных отмечается почти во всех уез-

---

[8] Там же.

[9] ГАРФ. Ф. р-7021. Оп. 93. Д. 3736. Л. 1.

[10] Там же. Д. 3791. Л. 2.

[11] LVVA. Ф. р-132. Оп. 29. Д. 2. Л. 11.

[12] LVVA. PA-101, 6, 20. С. 11: «Работа... имеет не только государственное, а международное значение».

дах[13], сроки по представлению местного материала систематически сдвигаются. Замечания иногда очень строги, и руководители местных комиссий несут ответственность перед партией, что свидетельствует о значении, придаваемом работе комиссий[14].

Как объяснить такую медлительность? Как мы убедились, у местных комиссий, назначенных в спешке после восстановления советской власти, не хватало ни времени, ни компетентности для одновременного приведения в действие многочисленных установок режима. К тому же мешали технические трудности: указания и материалы расследований (образцы формуляров допросов и составления отчетов) никогда не приходили вовремя, часто не были переведены на латышский язык. Чтобы восполнить нехватку персонала на местах, с момента создания центральной комиссии в Риге в октябре 1944 года решено начать специальное обучение инспекторов, которые затем распределяются по всей территории (в основном это латышские кадры, сформировавшиеся в эвакуации)[15]. В ноябре 1944-го эти инструкторы получают поддержку в лице представителей республиканских комиссий, назначаемых в уезды, в которых работа продвигается недостаточно быстро[16]. Эти представители, пришедшие в основном из органов безопасности или прокуратуры, должны были оказать конкретную помощь в соответствии с юридическими и правоохранительными законами, а также сформировать местный персонал для расследований и сбора свидетельств. В марте 1945 года в ряде районов и народных комиссариатов членам комиссий даже запрещено было заниматься чем-либо другим[17]. Организация работы ЧРК свидетельствует о нехватке персонала, медленном ходе работы и мерах поддержки, характерных для беспорядочного установления власти на местном уровне.

Однако год существования ЧРК позволил накопить некоторый опыт, который проявился в учреждении последних местных комиссий. На примере Курляндии можно увидеть, как исполь-

---

[13] Ф. р-132. Оп. 29. Д. 2: дело полностью посвящено письмам с критикой недостатков со стороны членов центральной комиссии, адресованным местным комиссиям.

[14] LVVA. Ф. р-132. Оп. 29. Д. 10. Л. 30. Ф. р-132. Оп. 29. Д. 53.

[16] LVVA. Ф. р-132. Оп. 29. Д. 10. Л. 25.

[17] ГАРФ. Ф. р-7021. Оп. 93. Д. 3789. Л. 21–22.

зовался опыт, накопленный в период с августа 1944-го по май 1945 года. С января 1945 года, в то время как непрекращающиеся бои не позволяют ЧРК попасть на территорию республики, ее руководители отдают распоряжение НКВД и НКГБ собрать информацию и подготовить почву для проведения расследований немедленно после освобождения территории[18]. В последних освобожденных уездах проведена тщательная подготовка на базе информации, собранной во время войны на примере других местных комиссий. Некоторые из них приняты за образец. В результате в комиссии Курляндии, в отличие от других комиссий, недостатков отмечено немного. Ее работа и личный состав были организованы в краткие сроки[19].

Колоссальная работа, которую ведет ЧРК на местах, заставляет предположить, что так или иначе подавляющее большинство граждан имеют дело непосредственно с ней как с представителем режима. В целом по республике создано 5562 комиссии в соответствии с пирамидальным административным делением страны[20]: 11 – в городах, 19 – в уездах, 56 – в уездных городах, 516 – в волостях и, помимо них, 4960 комиссий на предприятиях и в учреждениях. Составлено более 230 тыс. актов, в их разработке участвует более 53 578 человек. Из них 25 335 получают заработную плату (технические работники), остальные – члены комсомола или добровольные активисты, вербуемые на местах (насчитывается примерно 3500 членов партии и комсомола)[21]. Различные категории населения вовлекались в розыск виновных и в доносительство о преступлениях и понесенном ущербе. Власти поручают сбор свидетельств местной элите[22]. Школьные учителя привлекаются к сотрудничеству для составления актов. Духовенство, в частности лютеранское, также призвано на помощь. В качестве главного основания отчеты указывают на необходимость «грамотного персонала», однако этот аргумент, имеющий силу в целом по СССР, отнюдь не убедителен по отношению к Латвии. Еще со времен империи в Латвии сильно уменьшился уровень неграмотности по сравнению со средним уровнем в СССР[23]. Та-

---

[18] Там же. Л. 19–20.

[19] LVVA. Ф. р-132. Оп. 29. Д. 11. Л. 11.

[20] Как и во всем СССР. См.: *Moine N.* Цит. статья. С. 87.

[21] ГАРФ. Ф. р-7021. Оп. 93. Д. 3736.

[22] *Moine N.* Цит. статья. С. 88.

[23] Уже в период империи уровень борьбы с неграмотностью был чрезвычайно высок.

ким образом, ссылка на «грамотный персонал» свидетельствует не столько о технической или прагматической необходимости, сколько о политике вовлечения местной элиты в сотрудничество с комиссией, а также о значении использования в беседах латышского языка, родного языка опрашиваемых. Эта установка перекликается как с общей для всего Союза политикой[24], так и с той политикой, которая проводилась еще Российской империей по отношению к балтийским провинциям, где духовенство являлось основным связующим звеном между центральной властью и местными властями. Таким образом, ЧРК использует традиционные методы выстраивания отношений с местным населением, первые контакты которого с властью тесно связаны с опытом войны и оккупации и наказанием преступников.

Как и по всему Советскому Союзу, свидетели преступлений принадлежат к самым разным социальным и политическим категориям. Некоторая закономерность наблюдается, однако, в выборе свидетелей для отчетов, позволяющих создать «видимость реальности»: на первом месте там оказываются служащие (учителя, врачи)[25], а жертвами выступают лица, социально или политически близкие советскому режиму (крестьянская беднота, коммунисты, семьи партизан)[26]. Русские также считаются надежными свидетелями. Таким образом, личности «врагов» устанавливаются личностями «друзей»[27]. По показаниям жертв, опознающих своих палачей, составляются списки. В этих длинных списках обязательно указывается национальность, местожительство, род занятий и вид преступления, совершенного опознанным лицом, а также данные опознавшей его жертвы. В результате последовательного сбора сведений устанавливается личность коллаборациониста. Я основываюсь на примерах комиссии двух уездов – Абрене (освобожден одним из первых) и Лиепая (одним из последних). В уезде Лиепая из 140 преступников, обвиненных в «порабощении и муках советских граждан на немецких каторгах», 26 – латыши. Речь идет в основном о низшем персонале тюрем и лагерей. Участие латышей намного значительнее в процессе арестов и конфискации имущества: из 50 лиц, совершавших преступления в рам-

---

[24] *Moine N.* Цит. статья. С. 89.
[25] LVVA. Ф. р-132. Оп. 26. Д. 5. Л. 1, 3–8.
[26] Там же. Л. 26, 16.
[27] *Moine N.* Цит. статья. С. 88–89.

ках «немецкого порабощения», 38 – литовцы. Различие между обоими списками весьма тонкое. В первом случае речь идет о всеобщей эксплуатации населения немцами, во втором – о грабеже или других преступлениях, совершаемых в личных целях. Как правило, латыши расцениваются как «шуцманы». Заметим, что в обоих случаях заявлена только одна украинка: надежное присутствие русских в этом регионе – залог того, что среди коллаборационистов, указанных в списках, не может быть лиц славянского происхождения. Многие из коллаборационистов заключены в фильтрационные лагеря НКВД, другие оказались в лагерях беженцев в зонах советской оккупации в Германии, остальные активно разыскиваются[28].

В уезде Абрене, как и в Лиепая, в местных отчетах можно отметить некие постоянные черты в самом образе коллаборациониста. Это полицейские и «айзсарги». Они обвиняются в содействии порабощению граждан немцами и «латышскими кулаками», признаются сообщниками немцев в преследовании немногочисленных партизан и «дезертиров», бежавших от мобилизации в немецкую армию. Они повинны также в отправке людей на принудительные работы в Германию[29]. Эти коллаборационисты единодушно рассматриваются как «латышские немецко-фашистские националисты». Этот термин соотносится с принятым после войны дискурсом относительно врагов советского режима, который обязательно подразумевал, с одной стороны, «немецкий» состав преступления, а с другой – антисоветскую политическую позицию. Среди рассматриваемых преступлений наиболее часто повторяются и наиболее детально описаны те, которые касаются истребления евреев[30]. Описания массовых казней, месторасположения захоронений были настоящим шоком для членов местных комиссий, невольных свидетелей геноцида, а также для уполномоченных, присланных на места: проведя всю войну в глубоком тылу в СССР, они не представляли себе подлинных масштабов происходящего[31]. Например, в отчете комиссии уезда Абрене после описания различных преступлений немцев и их местных сообщников говорится: «Но еще большую бесчеловечность немецкие фашисты и их прихвостни из немецко-фашистских национали-

---

[28] LVVA. Ф. р-132. Оп. 27. Д. 5. Л. 3–8.
[29] Там же. Оп. 26. Д. 5, 16.
[30] *Moine N.* Цит. статья.
[31] Там же.

стов проявили в расстрелах еврейского населения нашего уезда. Массовые расстрелы евреев были произведены в августе 1941 года в трех местах нашего уезда – в городах Балву, Вилька и Ругаю». Говорится о создании местных гетто, разграблении имущества евреев и массовых расстрелах, которые особенно детально описываются очевидцами.

«Свидетель Мазыкин Илья Николаевич, местный врач, присутствовавший при расстреле евреев, рассказал: "В 4 часа утра 11 августа 1941 года начались расстрелы. Согнанных на место расстрела евреев заставили встать на колени в канаву, заложить назад руки и лечь на землю лицом. В таком положении их продержали около пяти часов. Расстреливали группами от 8 до 10 человек. Матери вели на расстрел своих детей. Детей заставляли брать на руки с расчетом, чтобы одна пуля убила сразу мать и ребенка". Далее вышеупомянутый врач, присутствовавший при расстреле, рассказал: "...ко мне подошел один из палачей с засученными рукавами и заявил: "Я вижу, вам не нравится эта картина, но это ничего, законом предусмотрено присутствие врача"»[32].

То же отмечается в уезде Лиепая, где участие вспомогательных латышских сил в создании гетто и в расстрелах выявлено с особой точностью. Свидетель Карлис Андреевич Янсонс рассказывает: «С приходом немцев к власти, с начала временной оккупации ими ЛССР, стало массовым гонение и издевательство над еврейским населением в волостях и местечках Лиепаевского уезда. Путем принуждения немцы заставляли их работать на торфоразработках, а также и на других тяжелых работах, не оплачивая труд и не выдавая им при этом продуктов питания. Вскоре все эти гонения приняли террористический характер и немецкие военные власти с помощью айзсаргов, шуцманов собрали... семьи евреев Нигрангской, Вергальской, Ембутской и Вайнодской волостей, всех без исключения, не щадя ни женщин, ни детей, всего 130 человек, которых и расстреляли в конце ноября 1941 года на территории Вайнодской волости. Мне лично самому рано утром того дня расстрела пришлось видеть автомашины, наполненные евреями, которых везли под охраной к месту их расстрела, находившегося между карабирским лесом с западной его стороны и одним из домов бывше-

[32] LVVA. Ф. р-132. Оп. 26. Д. 5. Л. 1–9.

го гарнизона КА, на расстоянии 80 метров от шоссейной дороги Вайноде – Мезекей. Через несколько часов со стороны Вайнодского гарнизона послышались залповые выстрелы. Это шел расстрел привезенных еврейских семей».

Стиль изложения, замечания об усилении репрессий в отношении евреев, от принудительных работ до расстрелов, выдают принадлежность свидетеля к местной элите, хорошо усвоившей официальные термины советской пропаганды, клеймившей латышский национализм. В целом при описании нацистских зверств по отношению к евреям в латышских отчетах подчеркиваются два момента: то, что немцы продолжали грабить евреев даже перейдя к казням, и количество убитых детей. Эти два элемента, по-видимому, должны были подчеркнуть жестокость и бесчеловечность оккупационного режима. Детские жертвы всегда на особом счету. «Еврейские дети» вообще отдельная тема, на которой можно проследить развитие дискурса, касающегося холокоста, в различных материалах ЧРК, от свидетельств до официальных публикаций. Так, совершенно очевидно, что первые советские представители, столкнувшись с масштабами геноцида (1944–1945), постоянно выделяют его из множества преступлений немцев и их сотрудников, дальнейшие же материалы ЧРК уменьшают его значительность. В республиканском отчете и опубликованных материалах латышской комиссии (вторая половина 1945 года) евреи фигурируют лишь как одна из групп жертв нацизма. Геноцид персонифицируется в образе «советского ребенка», замученного и убитого, без уточнения, что убили его потому, что он был евреем[33]. ЧРК старается «советизировать» ужасы войны, делая их всеобщими и в то же время все более цензурируя вопрос о холокосте в СССР. Эта унификация нацистских преступлений вынуждает нас задать вопрос об изменении места коллаборационистов в списке главных врагов. Как расценивать этих преступников? И если они будут признаны виновными «только» в уничтожении евреев, будет ли им легче ускользнуть от наказания, как подразумевают некоторые историки?[34] Как эта

---

[33] ГАРФ. Ф. р-7021/СССР. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о преступлениях немецких захватчиков на территории Латвийской ССР. Рига: ВАПП, 1945. С. 23.

[34] КГБ балтийских государств.

унификация отразилась на коллаборационистах в целом? Этот вопрос касается общей ситуации в СССР, но в то же время и особого кризиса, который развивается после войны в балтийском регионе. В этом смысле ЧРК вела свою деятельность по получению коллективных доносов не столько с целью активного выявления коллаборационистов, сколько с целью установления советского порядка. Ситуация в Латвии 1945 года, где все активнее разворачиваются антисоветские действия, объясняет постепенное стирание образа коллаборациониста как общественного врага номер один.

Таким образом, действия Чрезвычайной комиссии в Латвии отражают трудности восстановления режима. С другой стороны, эта комиссия явилась первым советским органом, с которым пришлось иметь дело латышам. Она сопровождала действия по восстановлению власти. Ее роль многообразна: опираясь на доносы о нацистских преступлениях, она распространяла дискурс о Великой Отечественной войне, привлекала к участию в своей работе местную элиту и обеспечивала эффективность работы представителей власти. В этом отношении ЧРК в гораздо большей степени, чем любой правоохранительный и юридический орган, явилась настоящим связующим звеном между государством и населением.

А. И. Казанков
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права ПГТУ,
г. Пермь

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ
(Картина из номенклатурной жизни позднесталинской эпохи)

О роли казусов в историческом познании

Одна из самых непростых задач исторического исследования – это, пожалуй, попытка зафиксировать то или иное явление в момент его возникновения. До того как новый тип социальных практик будет отшлифован многократным повторением, приобретет форму рутины или ритуала, превратится в общепризнанный институт, ему предстоит сначала протиснуться в узкий створ *возможного*, расположенный между абсолютно недопустимым (стро-

го запрещенным, караемым) и строго предписанным (должным, вмененным в обязанность). Зыбкая сфера возможного каждый раз конституируется вновь и вновь как проекция ожиданий, надежд, интересов и предполагает решение заново вопросов типа «Меня уже не накажут, если я так...?», «Могу ли я рассчитывать на...?», «Должен ли я осудить его за...?». И в отсутствие признанных критериев оценки каждый из этих вопросов решается *ad hoc*, приобретая характер *казуса*.

Роль казуса в историческом исследовании в чем-то аналогична функции «блица» в фотографии. Темпоральные границы исторического казуса максимально сужены, то есть он практически «одномоментен». За счет этого «передний план» вырисовывается максимально детально, выпукло и рельефно, предоставляя возможность тщательного всматривания в феномен, словно бы выхваченный, выделившийся из обычного контекста, «фона». Общий исторический «фон», напротив, оказывается смазан и нечеток. Казус выпадает из него, но вместе с тем, самим фактом своей «свершенности» («случаемости»), заставляет предполагать существование там, в мутноватых глубинах обыденного, условий своей возможности. В этом смысле он *допустимое отклонение*, в анализе которого может амбивалентно присутствовать акцент и на «допустимости», и на «отклонении». Именно поэтому в познавательном аспекте интерпретация прецедентов часто является единственным способом осмысления нового в самой социальной реальности.

Ограничившись этими методологическими замечаниями, обратим внимание на то особенное место, которое занимает в советской истории (и историографии) конец 40-х – начало 50-х годов XX века. Это время называют «позднесталинской эпохой», а определяя характер власти, часто именуют «апогеем сталинизма». Под этим обычно понимают достигшую максимума тенденцию к централизации власти («единоличность»), тяготеющей к тому же к проникновению во все сферы жизни общества – от интимно-личных (семейно-брачные отношения, сфера художественного творчества) до экономической. Инструментом подобной экспансии власти оказывается тотальная политизация этих областей в специфической форме *политических кампаний*.

Единственным препятствием для реализации этой стратегии власти, в отсутствие сколько-нибудь эффективного «сопротивления несвободе» в обществе, становился, как ни стран-

но, *только сам аппарат, проводивший ее в жизнь, то есть прослойка номенклатуры.* Почти с момента возникновения номенклатура демонстрировала явное желание стать полновластной, безответственной, замкнутой корпорацией. Арсенал средств, способных помешать этому, был невелик: ротация кадров (от простого перемещения до физического устранения) и создание параллельных конкурирующих структур. Насколько срабатывали эти меры? Каким был провинциальный руководитель образца начала 1950-х, кем он себя ощущал? Эти вопросы особенно актуальны в виду очевидной нам, исследователям, перспективы: в течение десятилетия номенклатура добьется того, к чему всегда стремилась.

Драматические события, о которых пойдет речь в дальнейшем, случились в далеком, теперь уже почти былинном, неотвратимо уплывающем из живой исторической памяти 1952 году, 30 июля. В этот жаркий летний день с песчаной косы на берегу Камы в небо поднялся самолет санитарной авиации. Поднялся для того, чтобы через несколько минут сорваться в крен и рухнуть с высоты 50 метров, похоронив под обломками летчика и двух пассажиров – мужчину и женщину.

Казалось бы, ничего особенного – история авиации знала катастрофы и посерьезней. И вместе с тем случившееся необыкновенно характерно и выразительно, хотя бы потому, что никак не могло произойти! *Этот* самолет не должен был совершать *этот* полет. Им не должен был управлять **этот** пилот. *Эти* пассажиры не могли оказаться в самолете никоим образом. Самолеты *этой* модели отличались исключительной надежностью и устойчивостью. Да и пилот, который, вопреки всему, оказался за штурвалом, *обладал достаточным опытом*, чтобы не «завалить» машину на вираже. Люди, в итоге понесшие наказание за произошедшее, уж поверьте, *не имели к главному виновнику катастрофы никакого отношения*. Вот это – «не могло случиться, но случилось» – и позволяет говорить о том, что перед нами крошечный казус, выразивший (как капля – море) свою эпоху. Ну что же, попытаемся разобраться в событиях более чем полувековой давности.

«...Полет нормальный»

Самолет приближался к пункту назначения. Лейтенант Иван Шилов, пилот 207-го отряда гражданской авиации, вглядываясь в абрис камского берега, приступил к плавному снижению.

Денек задался погожий – солнце жарило вовсю. Казалось, что раскалились даже крылья биплана По-2, с которых еще при взлете встречный ветер мгновенно сдул утреннюю росу.

Все шло привычной чередой и не предвещало неожиданностей. Маршрут в полетном задании был указан знакомый: г. Молотов – г. Оса – Осинский дом отдыха – с. Фоки. В кабине ждали своего часа хорошо закрепленный баллон кислорода, пишущая машинка и склянка с пиявками – «гирудами» по-научному. Чтобы, значит, этих самых гируд ставить на крепкие загривки представителей партийно-советского актива, поправляющего свое здоровье в Осинском доме отдыха.

Припекало все сильнее, и после того, как шасси самолета мягко ткнулось в песок, лейтенант Шилов и его спутница, Нина Александровна Ананко, заведующая райздравом Фоминского района, мечтали только об одном – скорее забраться в реку. Машина уверенно вырулила на середину прибрежной косы в прямой видимости санатория и замерла. Летчик и доктор отправились купаться и через некоторое время вернулись в чудесном, надо полагать, расположении духа.

Пожалуй, стоит задать себе вопрос: кто находился у самолета, пока они отсутствовали? Наши герои, похоже, проявили странную беспечность. Как бы то ни было, вернувшись, они обнаружили у самолета пару граждан. Один из них – некто Минкин – так и останется для нас «некто Минкин», поскольку бесследно исчезнет со страниц дела.

Зато другой... Он производил неизгладимое впечатление манерами и одеждой. Мужчина был явно пьян и барственно-вальяжен. Из-под его полосатой пижамы виднелись брюки дивного серо-стального цвета, на голове помещалась черная кепка, а венчала образ стильная деталь – желтые ботинки. Этот человек как раз и станет главным действующим лицом будущей трагедии. Звали его Олег Михайлович Коза, он приехал в дом отдыха «навестить отца» – директора Молотовского мединститута.

Поначалу лейтенант Шилов даже обрадовался: баллон с кислородом весил изрядно, выгружать его одному тяжело и не с руки. Помощники подвернулись очень кстати. Открыв дверь небольшой кабины, куда обычно едва помещались носилки с больным, летчик выкатил баллон, и они вдвоем с Олегом Козой выгрузили его на землю.

Закончив дело, летчик заметил, что народа на косе прибыло. Откуда-то подошли две дамочки, обе пьяненькие и веселые.

Одна из них, симпатичная и статная, представилась: «Дора». Другая назвалась Анной. Как выяснится впоследствии, Феодора Александровна Бусовикова и помощник повара Анна Александровна Сырвачева работали в том самом доме отдыха. Было похоже на то, что с О. Козой девушки знакомы, причем довольно близко.

Как покажет потом Сырвачева, они оказались на месте случайно: «пошли по ягоды» и увидели садившийся самолет. Со слов приятельницы, Дора сама устремилась навстречу судьбе, воскликнув: «Вдруг прилетел Ваня!» Поскольку установить, действительно ли Бусовикова была знакома с Иваном Шиловым, после ее гибели будет невозможно, оставим эту версию (да и объяснение про поход за ягодами по июльской жаре в подпитии) на совести Анны Александровны.

Покончив с выгрузкой кислорода, пиявок и пишущей машинки, пилот Шилов и доктор Ананко должны были продолжить движение к последнему пункту маршрута – село Фоки. Оглядев самолет и убедившись, что все в порядке, лейтенант тем не менее медлил. Одно поручение все-таки оставалось невыполненным, но оно было не служебным, а приватным. В кармане летной куртки Шилова лежало письмо, адресованное коллеге и сослуживцу – лейтенанту Николаю Кондратьевичу Пьянкову, по роковому стечению обстоятельств отдыхавшему в том же доме отдыха. Письмо было от жены Пьянкова, не вручить – неудобно, обещал ведь. «Да и пропеллер крутануть кому-то надо», – подумал лейтенант. И продолжал ждать.

«Трубы горят...»

В тот момент, когда Шилов приземлялся на косе, Николай Пьянков с приятелем Тимофеем Черных, тоже летчиком, гребли в лодке, переправляясь на другой берег Камы. Версию о том, что сплавать в Осу они решили за лаптями, в которых якобы очень нуждался Пьянков – страстный охотник, изложил в объяснительной записке Черных, а Пьянков ничего показать уже не мог, ибо был мертв. Эти «охотничьи» лапти должна была передать 30 июля Пьянкову Надежда Григорьевна Губина, коллега-летчица, находившаяся как раз по случаю в городе. Лапти почему-то столь сильно манили двух отдыхающих лейтенантов, что ждать им было невмоготу, хотя сезон охоты еще не начался.

Вероятно, «лапотная» история придумана Черных от начала и до конца. А правда заключалась в том, что Пьянкову с при-

ятелем ужасно хотелось выпить и рванули они через Каму к приятельнице за самогоном.

Известно, что вещи человека могут многое сообщить о владельце. Что же мы увидим, читая опись имущества Николая Кондратьевича Пьянкова? В ней значатся, например, целых три галстука (причем два из них – откровенно буржуазные «бабочки»), шелковая рубашка с запонками, шелковая же пижама, серебряный портсигар, малокалиберные патроны, охотничья двустволка, банка с порохом и охотничьи резиновые сапоги. Денег было немного – около 12 рублей.

Любой, кто хоть отдаленно представляет, насколько скудна была повседневная жизнь в начале 1950-х годов, когда взятки в центральных московских ведомствах давались нижним бельем (натурально кальсонами!) и с благодарностью принимались, может оценить этот гардеробчик. Владелец таких вещей по меркам своего времени если и не был плейбоем в точном смысле этого слова, то уж явно человеком, любящим вести светский образ жизни и не жалевшим средств на свои прихоти. Ему хотелось элементов «красивой жизни», а именно выпить и закусить! Косвенно это подтверждает тот факт, что при встрече с Шиловым Пьянков немедленно пожаловался на скуку санаторной жизни: ни водки, ни пива.

Увидев приземлившийся самолет, приятели немедленно развернули лодку. Через несколько минут они уже подходили к месту посадки. Лейтенант Шилов вручил письмо адресату и немедленно начал подготовку к полету. Черных и Пьянков с завистью смотрели на нетрезвого О. Козу и недвусмысленно намекали, что они тоже не прочь выпить.

А Козе в этот момент пришла в голову идея нетривиального «продолжения банкета». У него появилось сильнейшее желание немедленно совершить воздушную прогулку.

«Поедем, красотка, кататься...»

Дальнейшее живо напоминает хрестоматийную сценку купеческого кутежа, дошедшего до той стадии, когда вот-вот раздастся сакраментальное: «Ты супротив моего нраву не перечь!» Отдыхающий Олег Коза обращается к Ивану Шилову, но получает решительный отказ. Ничуть не смутившись, он обращается к Пьянкову – тоже ведь летчик! И Пьянков четко отрабатывает роль прихлебателя при чудящем барине. Он самовольно забирается в кабину пилота как был – в одних трусах.

Относительно последующих событий показания очевидцев путаны и полны противоречий. Для запуска мотора самолета По-2 необходимо, чтобы кто-то крутанул пропеллер. Шилов и Черных показывали на следствии, что единогласно отказались запускать мотор и пытались до последнего момента отговорить Пьянкова от полета. И тогда мотор запустил сам Коза, после чего из-под винта через колесо и левую плоскость залез в кабину второго пилота, располагавшуюся позади кабины первого. Вполне возможно, что двое выживших указали на погибшего, выгораживая себя. Я не берусь точно сказать, кто именно запустил мотор, но поведение лейтенанта Шилова поистине ни в какие ворота не лезет. Вверенную ему крылатую машину собирается поднять в воздух посторонний человек (в трусах) для того, чтобы исполнить чью-то пьяную прихоть. А он ограничивается уговорами, фактически позволяя это!

Достоверно известно, что во время запуска двигателя в ту же кабину, куда лез О. Коза, уже успела забраться Дора Бусовикова. Поскольку кабина узкая и в ней только одно кресло, наши герои могли расположиться в ней только «сэндвичем», то есть либо Дора на коленях у Козы, либо он – у нее. Последнее более соответствует свидетельским показаниям.

Пытаясь перекричать рев запущенного мотора, Шилов, вскочив на колесо, в последний раз призывает Пьянкова отказаться от сомнительного предприятия, но тот или не услышал, или проигнорировал слова пилота и начал взлет. Грамотно оторвавшись от земли, Пьянков, налетавший за время службы в общей сложности около 7 тыс. часов, стал набирать высоту. На высоте около 40–50 метров он сделал первый разворот вправо и полетел в направлении дома отдыха. Самолет, круто входя в левый поворот, внезапно накренился и стал падать с *уже выключенным двигателем*. Через мгновение он ударился в правый берег Камы на глазах у всей собравшейся на косе публики. Относительно траектории полета и поведения машины в воздухе показания свидетелей сходятся даже в деталях.

Тут нам придется ненадолго прервать историю, чтобы дать необходимые разъяснения по поводу разбившегося самолета. Машина К-1112 из 207-го авиаотряда представляла собой санитарную модификацию По-2. А этот самолет конструктора Поликарпова был не чем иным, как легендарным У-2 – двухместным бипланом нормального типа с тянущим винтом. Легкий самолет деревянной конструкции, обшитый фанерой и тканью,

долгие годы был главной учебной машиной в СССР. Именно поэтому управление самолетом было двойным: из первой (инструкторской) кабины и из второй (ученической). Рукоятки ручного управления как ученика, так и инструктора по своей конструкции и размерам были совершенно одинаковы – в нашей истории это немаловажная деталь.

Самолет Поликарпова снискал заслуженную славу как простая, надежная, устойчивая модель с хорошим обзором, к тому же легко управляемая. Из уст в уста передавалась история о том, что даже легендарный Валерий Чкалов не смог завалить У-2 в штопор, а ветер до 7–8 м/с самолету был вообще не помеха. Установлено, что 30 июля 1952 года в районе катастрофы не наблюдалось ни шквального ветра, ни иных погодных аномалий.

Согласно показаниям пилота, лейтенанта Ивана Шилова, и свидетельствам механиков 207-го авиаотряда самолет был полностью исправен. За полгода до аварии он прошел капитальный ремонт, а перед вылетом был еще раз проверен. Ошибку пилота можно исключить, ознакомившись с характеристикой Николая Кондратьевича Пьянкова: «...добился отличных показателей... присвоено звание лучшего пилота отряда спецприменения... является дисциплинированным и исполнительным пилотом... умелый и инициативный организатор летной работы». За все время службы на его счету числится 29 поощрений и только три взыскания. Лейтенант Пьянков обладал к тому же огромным опытом, проведя в воздухе 7300 часов (это около 304 суток, то есть почти год).

Что же произошло с «неубиваемым» бипланом, технически исправным, за штурвалом которого сидел опытный летчик, на момент крушения бывший абсолютно трезвым? Почему мотор не работал? Для того чтобы ответить на эти вопросы, нам придется вернуться к прерванной истории.

...У Шилова потемнело в глазах, когда вверенная ему крылатая машина превратилась в груду обломков. Схватившись за сердце, он без звука осел на песок. Находившаяся рядом Нина Александровна Ананко убедилась, что пилот жив, поручила Черных побыть с ним, а сама ринулась к месту крушения. У обломков самолета уже стоял шофер Осинского дома отдыха Виктор Власович Драчёв. Следствию он сообщит, что первым обнаружил Олега Козу, *на коленях у которого лежала Дора*. Коза

сделал несколько судорожных движений губами, словно собираясь что-то сказать, но умер, так и не произнеся ни слова. Феодора Бусовикова к этому моменту была уже мертва. Драчёв увидел также труп Пьянкова, он грудью лежал на моторе. Попытки подоспевших из дома отдыха врачей реанимировать кого-то не дали никакого результата.

Обратим внимание на то, что в кабину второго пилота Бусовикова влезла раньше Козы, следовательно, он вынужден был в момент взлета взгромоздиться ей на колени. В момент крушения Драчёв застал их в иной позиции: Дора располагалась на коленях Козы. Это позволяет выстроить вполне убедительную версию произошедшего. В воздухе наша подвыпившая парочка затеяла веселую возню, целью которой было усадить даму как положено, то есть на колени кавалеру. Производя эти манипуляции в тесном пространстве пилотской кабины, оснащенной параллельным управлением, кто-то из них – либо крепко сбитая Дора, либо Олег Коза – умудрился случайно заглушить двигатель именно в момент захода в поворот. Поскольку мотор не мог заглохнуть сам и его не мог остановить опытный Пьянков, это единственное возможное объяснение случившегося.

К месту падения самолета была немедленно вызвана следственная бригада. По горячим следам были получены письменные объяснения еще не вполне пришедшего в себя Шилова. Путаясь в грамматике, синтаксисе и пунктуации, шокированный пилот, еще не представляющий, чем все это для него закончится (времена, напомню, были суровые), тем не менее изложил в своей записке версию событий, которой потом придерживались и все остальные. Их допрашивали на следующий день.

Выводы следствия вызывают изумление. Виновником катастрофы оказался вовсе не Олег Коза. Крушение самолета стало «следствием неудовлетворительной дисциплины, укоренившегося в отряде порочного отношения к своему служебному долгу со стороны командного и летного состава; следствием нарушений в организации летной работы, совершенно неудовлетворительной воспитательной работы в отряде и недостаточного контроля и руководства отрядом со стороны Уральского управления ГВФ». Было решено «сделать соответствующие выводы в аттестации... майора гражданской авиации Катаева», командира 207-го авиаотряда; ходатайствовать о снятии с должности заместителя командира 207-го авиаотряда

по летной части капитана гражданской авиации Трухина, а заодно и замполита – майора гражданской авиации Долгополова.

Однако удивительнее всего выглядят выводы следствия в отношении лейтенанта Ивана Шилова: «И. о. командира звена 207-го авиаотряда лейтенанта гражданской авиации Шилова за недисциплинированность и непринятие активных мер противодействия самоуправному вылету Пьянкова на самолете арестовать в дисциплинарном порядке на семь суток без исполнения служебных обязанностей и без выплаты заработной платы».

Как же так? Человека, формально виновного в крупной аварии, повлекшей человеческие жертвы, даже не судили! Решение в отношении пилота скорее похоже на реабилитацию. Он покорно отошел в сторону, допустив в самолет посторонних, и позволил им подняться в воздух, хотя ему не угрожали оружием, не били по лицу рукоятью пистолета, не приставляли нож к горлу, не выкручивали рук. На него просто прикрикнул некий Коза О. М., вовсе не упомянутый в числе виновников трагедии, и этого оказалось достаточно. Причем не только для лейтенанта Шилова, но и для тех, кто расследовал происшествие. За мягкостью наложенного на летчика взыскания явно прочитывается не произнесенное вслух общее мнение: Олег Коза словно бы действовал в пределах своих полномочий, а Шилов в сложившихся обстоятельствах действительно не смел перечить, то есть принимать «активные меры противодействия».

После этого уголовное дело и вовсе замяли: «На основании изложенного и учитывая, что Пьянков, основное виновное лицо в происшедшей авиакатастрофе, погиб, уголовное дело прекратить». Но остался главный вопрос.

«Кто этот мощный старик?»

В центре нашего внимания остается одна фигура. Это Олег Михайлович Коза. Это он затеял воздушную прогулку. Это он фактически отстранил пилота Шилова от исполнения его прямых обязанностей. Это он усадил за штурвал По-2 Пьянкова. Это он пригласил покататься Дору Бусовикову. Это его действия (а чьи же еще?) привели к трагедии. Да кто же он, в конце концов?

О. М. Коза в свои отнюдь не старые года был и. о. начальника Молотовской санитарно-эпидемиологической станции. И не просто начальником, а еще и сыном двух начальников. Так ска-

зать, Начальником Начальниковичем. Про таких, как он, говорят: «был осмотрителен в выборе родителей». И это сущая правда. Его отец и мать были известными в кругах молотовской номенклатуры персонажами. Отец, М. А. Коза, – патологоанатом, профессор Пермского мединститута, который в это время и возглавлял. Мать, А. М. Глебова, – директор Института вакцин и сывороток.

Семья ни в чем не нуждалась. Еще в годы войны Глебова ухитрилась купить сыну автомобиль, выстроить гараж и приобрести квартиру в центре города. Подчиненные звали ее Салтычихой. Она устроила в «свой» институт мужа и сына, назначила им завышенные оклады, манипулировала бухгалтерией, эксплуатировала подсобное хозяйство института как свое собственное.

Глебова баловала сына, и он с детства впитывал атмосферу вседозволенности, окружавшую сравнительно тонкую прослойку номенклатуры областного центра. Олег принадлежал к хозяевам жизни «по праву рождения», хотя реальной основой этого права были лишь высокие статусные позиции родителей да корпоративная солидарность, кумовство и свойство, поддерживаемые периодически оказываемыми взаимными услугами и циркуляцией подарков. Этого было достаточно, чтобы оставлять без внимания и милицейские рапорты, и прокурорские представления, а также и многочисленные жалобы трудящихся.

В деле имеется справка о наезде, который наш герой совершил на купленном мамой мотоцикле в 1947 году. Нарушив правила дорожного движения, Олег Коза сбил гражданку Войнарскую, которая скончалась через три-четыре часа после происшествия. Первый опыт человекоубийства (обвинение было предъявлено по статье 139 УК СССР – неосторожное убийство) фактически сошел с рук: Козу приговорили... к штрафу в размере 500 рублей, который он еще и не собирался платить!

До сих пор бытует миф о том, что «вот раньше порядок был, не то, что сейчас». Казус, о котором шла речь в нашей истории, совершенно не согласуется с таким представлением о прошлом. Невеликий местный начальничек ведет себя как сеньор в своем домене, творит полнейший произвол – и окружающие воспринимают это как должное. Он губит себя и других и при этом так и остается фигурой умолчания. Виновными оказываются кто угодно, но только не он. Показательнее всего то, что для И. Шилова и Н. Пьянкова Олег Коза даже не

их начальник – не прямой, не непосредственный. Просто представитель возникающей в позднесталинское время касты неприкасаемых, которая развернется во всю мощь в последующие десятилетия.

А. С. Кимерлинг
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии ПГТУ,
г. Пермь

ИМЯ ВРАГА НАЗЫВАЛ САМ СТАЛИН (Политические кампании поздней сталинской эпохи)

В сталинскую эпоху политическими стали все сферы жизни человека. Власть стремилась к тотальному контролю над производственной, семейной, общественной жизнью. В молотовской газете «Звезда» от 11 февраля 1953 года под рубрикой «Партийная жизнь» была опубликована статья «Быт – не частное дело коммуниста». Характерна для сталинского времени такая цитата: «...Беспринципное поведение парторганизаций иногда создает неправильное мнение коммунистов и беспартийных, что поведение в быту, в семье – это личное дело, что в него не могут вмешиваться общественные организации... Не только партийные, но и профсоюзные и комсомольские организации должны использовать все меры воспитательного и общественного воздействия, чтобы ни один аморальный поступок не оставался без осуждения общественностью, чтобы каждый советский человек чувствовал и видел, что за свое поведение он отвечает перед товарищами, перед коллективом»[1].

И наиболее эффективный способ укрепить властный контроль – это придать дополнительную напряженность привычной повседневности людей с помощью политических кампаний. Они были призваны наполнять социальный мир новым смыслом – зловещим трагедийным или восторженным торжественным. Участники политических кампаний приобщались к великому делу государственной важности, становились частью единого организма, чувствовали сплоченность в мистерии борьбы доб-

[1] Быт – не частное дело коммуниста // Звезда. 1953. 11 февр.

ра со злом, участвовали в битве с силами зла, чтобы ценой неимоверных жертв добиться заслуженной великой победы.

Коротко остановимся на термине «политическая кампания». Во втором издании БСЭ есть термин «кампания»: «Кампания – специально организованная на определенный период работа, деятельность по проведению в жизнь важных очередных мероприятий (напр.: избирательная К., посевная К.)»[2]. Проясняя происхождение этого слова, редакция энциклопедии поместила перед ним особую статью под названием «Кампания военная». На самом деле этот термин имеет военные корни. В европейской литературе XIX века «...кампания означает ряд военных операций, тесно связанных между собой одним стратегическим планом и направленных к достижению одной стратегической цели»[3].

Использование военной лексики в советских политических текстах, а точнее говоря, в политических действиях не было случайностью. Попов Н. Н. и Дробышев Г. А. относили это к особенностям советской модели тоталитаризма: «Идеология тоталитаризма предполагает создание духовной атмосферы войны даже в мирное время»[4]. Армейский лексикон, широко употребляемый для характеристики сугубо гражданских занятий, характеризовал не только тип политической ментальности партийной верхушки, но и стиль политического поведения людей, которых И. Сталин в феврале 1937 года назвал партийными генералами, офицерами и унтер-офицерами[5].

Военный язык советской политической жизни – не только и не столько дань революционной традиции эпохи бури и натиска. В первую очередь он является свидетельством реальных, действенных принципов отправления политической власти в послереволюционном обществе. Власть остается военной и по организации, и по методам ее осуществления, и по критериям эффективности, и по культуре.

Политическая кампания представляет собой совокупность операций на одном из театров военных действий (промышлен-

---

[2] БСЭ. 2-е изд. Т. 19. С. 546.

[3] *Энгельс Ф.* Кампания // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 242.

[4] *Попов Н. Н., Дробышев Г. А.* О некоторых особенностях советской разновидности тоталитаризма // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 12.

[5] См.: *Сталин И. В.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. М., 1937. С. 35.

ном, сельскохозяйственном, экономическом, социальном и др.) в определенный период времени в строгом соответствии со стратегической целью.

В позднюю сталинскую эпоху можно обнаружить политические кампании нескольких типов. Они подразделяются в зависимости от провозглашаемых целей. Во-первых, это идеологические кампании, которые должны были организовывать массы на борьбу с врагом. Они всегда носили террористический характер, то есть сопровождались репрессиями. Их основной задачей было возложение на определенную группу населения ответственности за экономические и политические просчеты власти, а также и укрепление тоталитарного режима. К ним относятся идеологические кампании в сфере культуры – за чистоту и против безыдейности литературы, музыки, кинематографа и оперного искусства. Речь идет о кампаниях, началом которых были постановления ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» от 14 августа 1946 года, «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 года, о «безыдейности» ряда кинофильмов («Большая жизнь» Л. Лукова, «Адмирал Нахимов» В. Пудовкина, «Иван Грозный» (вторая серия) С. Эйзенштейна) от 4 сентября 1946 года, «О декадентских тенденциях в советской музыке» от 10 февраля 1948 года (критике подвергся композитор Мурадели за «пренебрежение лучшими традициями и опытом классической оперы вообще, русской классической оперы в особенности» и другие композиторы, «придерживающиеся формалистического, антинародного направления» (С. С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович, А. И. Хачатурян, Н. Я. Мясковский). За этими постановлениями последовали собрания членов Союза композиторов, Союза писателей и так далее, чистки в руководстве, увольнения, проработки на собраниях, потом все спускалось ниже, перемещалось на провинциальный уровень. Слова «формализм» и «безыдейность» вошли в общеупотребительную лексику, критике и санкциям мог подвергнуться любой человек, даже тот, кто просто читал соответствующие произведения, тем более – восхищался ими.

Аналогичными по структуре были идеологические кампании в науке: лысенковщина и запрет генетики, квантовой физики и статистического анализа в социологии, дискуссия о языкознании, «дело КР», борьба с космополитизмом и «дело врачей».

Ко второму виду кампаний относятся избирательные. В послевоенные годы вновь проводятся выборы – союзного (в Верховный Совет СССР), республиканского (в Верховные Советы республик), местного уровня (в местные Советы). Они безальтернативны по сути, но организация их предполагает работу миллионов людей: агитаторов, членов избирательных комиссий, кандидатов, коммунистов. Да и электорат не мог быть пассивным. Собственно, как и в любой политической кампании, тут участвовали все и эмоциональный подъем был тщательно организован.

К третьему типу относятся кампании, мобилизовывавшие население на «строительство социализма». В позднюю сталинскую эпоху это кампании по поднятию энтузиазма в работе – соцсоревнование.

Политические кампании были важным механизмом в процессе воспроизводства советского мифа. Ведущую роль здесь играли газеты. Люди безоговорочно верили средствам массовой информации. «А почему, собственно, я должен был верить вам, а не газете "Правда"?»[6] – вспоминает украинский сельский врач Вера Горелик отповедь одного из пациентов, который отказался вести больного сына к ней на прием в разгар политической кампании «дело врачей» в начале 1953 года.

Передовицы центральных газет задавали тон местным изданиям, их могли перепечатать полностью или частично, с добавлением местного материала на заданную тему. Так что любая статья, опубликованная на первой полосе газеты, носила политический характер. Хотя в действительности вся сталинская газета была политической, ведь каждая публикация была дополнительно нагружена идеологическим содержанием, находилась под строгим контролем властей и несла в массы определенные управляющие сигналы.

С передовиц в «Правде» и «Известиях» начинались массовые политические кампании сталинской эпохи. Газеты не содержали прямого приказа, но они давали указание, понятное и власть имущим, и рядовым гражданам. Публикации составлялись с учетом психологии масс. Передовые статьи, начинавшие кампанию, были написаны простым, образным языком, изобиловали сравнениями и эпитетами. Патетичность и эмо-

---

[6] *Горелик В.* «...Терпением изумляющий народ» // Знамя. № 3. 1997. С. 187.

циональная насыщенность стиля апеллировали к уже сложившимся чувствам. Читая их, люди должны были испытывать праведный гнев и ненависть к обозначенному врагу. Раз за разом пресса воспроизводила одни и те же формулировки, снабжая текст дополнительными примерами. Многократные, однообразные повторения давали возможность запрограммировать поведение людей и заставить их действовать не задумываясь.

В то же время ответная реакция масс была вполне искренней. Советское общество было неоднородным, социальные группы занимали разное по статусу положение. Например, врачи, названные врагами в 1953 году, были, по сути, представителями начальства. Им, помимо лечения больных, принадлежало право выдавать больничные листы, давать «белый билет» потенциальным призывникам, выводить на инвалидность или не делать всего этого. От них зачастую зависело не только здоровье, но и судьба человека. К тому же врачи были профессиональной группой, доступ в которую ограничивался необходимостью получать высшее медицинское образование, а это было непросто. Однако бедность общества, усиленная войной, не позволяла обеспечить в медицине достойную материальную базу. Это тоже не добавляло врачам положительного имиджа в народе. Критиковать их очень хотелось, но было нельзя до наступления кампании. Отметим, что и сама медицинская среда охотно подключилась к нападению власти на врачей. Советские медики не были корпорацией, они были разобщены: принадлежали к разным ведомствам, делились по территориальному принципу (к примеру, работа в городе сильно отличалась от работы на селе). Особенно привилегированной группой среди медиков были профессора и доценты медицинского института. При этом большинство врачей были интеллигентами в первом поколении, и на них еще сохранялся отпечаток прежней крестьянской или рабочей среды. И неблагоприятные условия повседневного быта лишь способствовали развитию озлобленности и зависти. Все эти факторы привели к тому, что массы общественности активно подключились к кампании, начали писать жалобы, припомнили врачам все их личные грехи и недостатки здравоохранения в целом.

Творчество масс разыгралось, кампания имела тенденцию к расширению возможного круга подозрительных лиц от медиков и евреев ко всем руководящим работникам. Судя по всему, массы и Сталин были едины в своем порыве. И печатная пресса

продолжала директивными по своей сути статьями направлять кампанию в нужное властям русло. Всего примерно 12 статей из центральной печати были выборочно опубликованы в местной молотовской прессе 1953 года. Пять из них были основой кампании и перепечатывались местной прессой чаще других. После «Сообщения ТАСС» и статьи «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» вышли передовицы «Всемерно повышать бдительность на каждом участке работы!», «Против благодушия и беспечности». И каждая такая газетная публикация меняла ткань социальной повседневности. Например, к привычному и уважаемому участковому врачу с еврейской фамилией уже нельзя было идти на прием. Закончилась эта политическая кампания «Сообщением о прекращении дела врачей».

Через средства массовой информации распространялись целостные эталонные взгляды, организованно, методически, по плану. Они назначали смысл употребляемым словам, устанавливали порядок их сочетаний. Стиль изложения и выбор шаблонных выражений определялись в соответствии с ситуацией. Каждое слово наполнялось магической силой. Недаром случайная опечатка в газете, допущенная наборщиком, могла послужить причиной увольнения или даже ареста редактора по политической статье. В послевоенные годы наказания были более мягкими. Так, например, в суксунской районной газете «За коммунизм» от 26 марта 1953 года наборщицей была допущена грубая политическая ошибка: «В заголовке передовой статьи “Подбирать кадры по деловым и политическим признакам”... в слове “деловым” первый слог не отпечатался». Редактор Морохина обнаружила ошибку во время печатания, но не проверила всего тиража газеты. В итоге номера с опечаткой были разосланы подписчикам. На заседании партбюро Суксунского РК редактору объявляли выговор без занесения в учетную карточку, а для работников типографии предложили провести учебу[7].

Особенно большое значение имели слова, произнесенные вождем. Поэтому директивная статья, обозначавшая начало политической кампании, обязательно содержала цитату из речи Сталина. Обычно ее предваряли менторские выражения типа «так учит товарищ Сталин» или «товарищ Сталин предупреждал». Бесспорный авторитет слова вождя был связан в первую

---

[7] Протокол заседания партбюро Суксунского РК КПСС от 3.04.1953. ПермГАНИ. Ф. 83. Оп. 22. Д. 22. С. 171.

очередь с тем, что именно он называл имя врага во время политической кампании. Он придумывал ярлыки.

Только после публикации материала в газете актуализировался новый блок политической реальности, устанавливалась цель, указывался враг номер один. Во время политической кампании «дело врачей» в «Правде» от 13 января 1953 года, а затем с различными небольшими опозданиями во всех газетах страны появился текст «Сообщения ТАСС» и передовица под обличающим названием «Подлые шпионы и убийцы под маской профессионалов врачей». В газетах сообщали об аресте группы врачей-вредителей, готовивших заговор против руководства страны. Казалось бы, враг уже разоблачен, а призыв к бдительности лишь шаблонный дидактический прием. Однако в сталинское время это было совершенно не так и газетный материал имел характер политического призыва.

После выхода передовой статьи начинался новый этап политической кампании. Повсеместно на предприятиях, в колхозах и в организациях проводились митинги, собрания и совместные читки газет. Это была первая организованная властными структурами ответная реакция масс. Не участвовать в кампании было невозможно. Только среди медицинских работников Прикамья состоялось 147 подобных митингов, в которых приняли участие 4409 человек[8].

В первую очередь обсуждали информацию центральных газет. При этом полагалось высказывать суждения в соответствии с генеральной линией. Доказательную критику подменяли изобретением ярлыков и грубых эпитетов. В убедительности и доказательности не было необходимости. Никто не сомневался в правильности обвинений, возмущение чаще всего было вполне искренним. Следует отметить, что уже в первые дни кампании люди начинали искать врагов вокруг себя. На митингах каждый выступающий приводил какой-нибудь критический факт из жизни своего предприятия. Да и советская медицина тех лет оставляла желать лучшего. У советских людей имелись причины жаловаться на медицинское обслуживание, и национальная принадлежность врачей обычно не играла роли. Лишь некоторые члены партии для своих выступлений отбирали примеры в соответствии с характером кампании. Прокурор города Коспаш Молотовской области тов. Завьялов на собрании парт-

---

[8] ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 407. С. 1.

актива в выступлении о неудовлетворительной работе врачей привел единственный пример: «На днях нарсуд рассмотрел дело врача Моргинштерн за халатное отношение к больной, из-за чего больная погибла... врача за халатность осудили»[9].

Выявление конкретных врагов на своей территории было следующим этапом политической кампании. Главным подспорьем в этом служили доносы. Выявление политически неблагонадежных элементов производилось во время кампании не только с помощью «жалоб», но и по прямому указанию партийных инстанций. Для обкома составлялись списки подлежавших пристальному надзору, увольнению или аресту. Наказанию также подлежали «начальники – покровители» неблагонадежных лиц. Им могли вынести партийное взыскание, а могли исключить из КПСС, что обычно сопровождалось арестом.

Объекты критики понимали, что от них требуется покаяние, признание своих ошибок. Характер и смысл их признаний был определен заранее, оставалось лишь повторить заученное, добавляя для убедительности какие-то детали, и надеяться на более легкое наказание.

Увольнения с работы, исключения из партии и аресты были следующим этапом сталинских кампаний по борьбе с «врагом». Аресты сопровождались ростом активности прессы. Помимо средств массовой информации в кампанию включались деятели культуры. Известные писатели публиковали статьи и литературные произведения, герои которых борются с новым врагом. Одновременно из фондов библиотек изымались книги репрессированных авторов. В этом проявлялся еще один способ нарушения межличностных контактов: как только человек попадает в карательную машину, он и его дела должны быть забыты.

По-видимому, собственное «дело врачей» должны были развернуть в каждом крупном городе. В Перми необходимость «тряхнуть медиков» привела к возникновению дела областной клинической больницы. В Молотове собственное «дело врачей» было готово в конце января. Главными жертвами были избраны врачи Молотовской областной клинической больницы. Именно здесь кампания проявилась во всей полноте. Большинство медработников, подвергшихся разбирательству, имели еврейские фамилии. Использовалась обычная для данной кампании терминология с заменой этнонима «евреи» словосочетанием «семейка подхалимов».

---

[9] Протокол собраний партийного актива г. Коспаш. 4.03.1953. ПермГАНИ. Ф. 4844. Оп. 10. Д. 7. С. 25.

Заведующей административным отделом Молотовского обкома КПСС З. Семёновой было поручено составить *Справку о крупных недостатках в работе областной клинической больницы.* В ней отмечалось, что были выявлены *«многочисленные факты грубых врачебных ошибок, в результате чего имеются смертельные исходы»*: в гинекологическом отделении во время операции оставили в брюшной полости салфетку и больная умерла; перечислены случаи постановки неправильного диагноза в гинекологическом и терапевтическом отделениях; приведены примеры равнодушного отношения к больным. Также указано, что истории болезни ведутся небрежно, в больнице не хватает более 70 медсестер, 61% врачей работают по совместительству, с многочисленными переработками в ущерб больным[10].

Главным виновником всех недостатков был объявлен главный врач областной клинической больницы Кац Л. В.: «Главный врач больницы т. Кац... создал атмосферу мнимого благополучия, в силу чего врачебные ошибки... не вскрывались и не подвергались критике. Больше того, сколотив вокруг себя семейку подхалимов и угодников... Кац с их помощью глушит инициативу работников и критику его собственных недостатков»[11]. Затем перечисляются еврейские, за редким исключением, фамилии этой *семейки.*

Дело областной больницы обсуждалось на заседании бюро обкома КПСС 5 февраля 1953 года, а несколько позднее – на собраниях в первичных парторганизациях областной больницы, облздравотдела и медицинского института. Обком партии вынес постановление, которое было разослано по всем райкомам и горкомам области: «За недобросовестное отношение к порученному делу, стремление скрыть истинное положение в больнице и создать обстановку ложного благополучия, за неправильный подбор кадров... Каца Леонида Викторовича... с работы снять и исключить из членов КПСС»[12].

В ходе заседания бюро обкома критике подверглись и другие врачи областной больницы, одновременно преподававшие в мединституте, и директор мединститута Мамойко, и заведующий облздравотделом Милосердов. Последних освободили от обязанностей как *«не обеспечивших этот участок работы»*.

---

[10] См.: Справка о крупных недостатках в работе областной клинической больницы. З.Семенова. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 86. С. 77–84.

[11] Там же. С. 80.

[12] Протокол заседания Молотовского обкома КПСС от 5.02.1953. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 31. С. 43.

На самом деле Кац даже не прекращал своей работы. В провинциальной реальности 1953 года уже было возможно, что для человека, попавшего под каток политической кампании, на деле все осталось по-старому. Местные элиты начали сплачиваться, могли уже постоять за себя.

После смерти Сталина политическим кампаниям пришел конец. Дело в том, что кампании будоражили массы, потрясали весь порядок повседневности, непредсказуемо расширяли круг подозреваемых. И остановить эту активность было очень сложно. Наследники Сталина были не способны столь же эффективно управлять политической кампанией, ведь им трудно было отделить себя от других начальников, они не успели еще стать «вождями и отцами народов». Собственно, это было и невозможно: отец – только один, и он только что умер. Продолжать кампании – значит вести активную борьбу за власть друг с другом, а им хотелось этого избежать. Кампании нарушали порядок управления, держали номенклатуру в напряжении. Это препятствовало осуществлению правильной преемственности власти в стране. Новой власти пришлось сменить тактику взаимодействия с массами. Поскольку политические кампании были праздником для угнетенного человека, их следовало заменить чем-то аналогичным. Власть после смерти Сталина заменила их всенародными праздниками, не связанными с террористической политикой. Праздник отделился от системы репрессий, став частью нового авторитарного управления.

О. Л. Лейбович
доктор исторических наук,
профессор кафедры культурологии ПГТУ,
г. Пермь

ДОМ О ТРЕХ ЭТАЖАХ, или КАК ИЗУЧАТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПОЗДНЕЙ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Начнем с предмета исследования, очертив его хронологические рамки. Поздняя сталинская эпоха занимает первое послевоенное десятилетие; ее главным содержанием явилось восстановление политических и социальных институтов, созданных в 1930-х годах, возвращение миллионов граждан, столкнувшихся с иной – несоветской действительностью, в прежнюю социа-

листическую культуру. Андрей Жданов, бывший какое-то время влиятельнейшей фигурой в сталинском окружении, планировал особую «идеологическую пятилетку», чтобы очистить сознание советских людей от вредных буржуазных примесей[1]. Процесс реставрации не был равномерным. В нем можно выделить несколько этапов: *вход*, занявший более года, *кульминацию*, растянувшуюся на семь лет – от осенних постановлений ЦК и Совета Министров 1946 года до смерти Сталина, и *выход*, начатый мартовской амнистией 1953 года до XX съезда КПСС, давшего импульс далеко идущей модернизации советского общества.

В этот процесс были вовлечены все стороны социальной жизни советских людей, в том числе и те из них, которые обозначаются словом «повседневность». Изучать их возможно, только проделав в самом начале мыслительную операцию выделения: найти их специфическое содержание, очертить границы, указать на место в социальном мире, заключенном в пространственно-временной континуум. На первый взгляд такая процедура кажется несложной. В социальном мире всегда присутствует «огромная сфера будничного и тривиального», всего того, что по-другому называется частной жизнью[2].

По определению историка советского искусства, повседневность в сталинское время – это «обыкновенная жизнь, внешне почти не отличавшаяся от реальности человеческой жизни в любой стране, в любую эпоху. Люди рождались, жили – по крайней мере до поры, до времени – в своих квартирах, умирали, случалось, в своих постелях, горевали и радовались, на что-то надеялись, к чему-то стремились. Эта повседневность, для большинства советских людей трудная, бедная, неустроенная, с убогим коммунальным бытом, с обычными житейскими заботами, составляла основной пласт существования, в том числе существования искусства»[3].

В этой дефиниции повседневности имплицитно заключена и адекватная ей исследовательская программа, которую пунктирно можно изложить следующим образом. Обнаружить по-

---

[1] *Данилов А. А., Пыжиков А. В.* Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 163.

[2] *Смит Д.* Театральная жизнь графа Николая Шереметева // НЛО. № 92. С. 171.

[3] *Чегодаева М.* Два лика времени. (1939: Один год сталинской эпохи). М.: Аграф, 2001. С. 21.

вседневность можно в личностно ориентированных практиках, в наименьшей степени подверженных воздействию современных им политической и даже экономической систем. Повседневность реализуется в сфере быта, замкнутого в домашнем мире. Иначе говоря, из многообразия социальных практик следует вычесть те, в которых собственно советское содержится в наибольшей степени: производственную деятельность, участие в политических ритуалах, презентацию собственной идентичности с социалистическим миром – в общем, все то, что называется публичной жизнью. Остается частная жизнь, затронутая советскими реалиями только в сфере индивидуального потребления и домашнего обустройства. Ее ментальная составляющая наследуется из прежней культуры, традиционной.

Чтобы принять эту исследовательскую стратегию, необходимо предварительно согласиться с некоторыми методологическими презумпциями:

– приписать повседневности свойства инертности и автономности от конкретно-исторических условий времени и места, прежде всего от доминирующей культуры;

– отождествить повседневность с частной жизнью;

– обнаружить в частной жизни неотъемлемый атрибут социальных практик на всем протяжении человеческой истории;

– признать, что в сталинскую эпоху советские граждане обладали частным пространством, закрытым для властных инициатив, доминирующей идеологии и отделенным от публичной сферы.

Отложив на будущее рассмотрение вопроса, насколько такая исследовательская стратегия является продуктивной, позволим себе сделать одно замечание, касающееся частной жизни. Ее обособление от жизни публичной не является неотъемлемым атрибутом человеческой истории; это обособление возникает в Европе в эпоху Просвещения, сначала в образованных классах. «В кругах нарождающейся гражданской оппозиции в XVIII веке частное и общественное не были четко разграниченными категориями и образовывали континуум, перетекая друг в друга», – замечает по этому поводу историк предреволюционной Франции[4].

Документы поздней сталинской эпохи свидетельствуют о том, что власти проводили целенаправленную политику ли-

---

[4] *Maza S.* Private Lives and Public Affairs: The Causes celebres of prerevolutionary Frances. Berkeley: UCP, 1993. C. 320.

шения партийцев права на частную жизнь. Организация контролировала их семейный быт: заботу о женах (особое внимание уделяя тому, чтобы мужья не забывали водить их в кино, театр), воспитание детей, досуговые занятия, дружеские связи. Тех коммунистов, которые нарушали правила, обсуждали на партийных собраниях, накладывали на них взыскания. Так, в 1950-е годы самым серьезным грехопадением был распад семьи. За развод или поползновение к нему в лучшем случае объявляли строгий выговор с занесением в учетную карточку, обычно же исключали из партии. За пьянство наказывали куда легче. Такой была позиция официальных инстанций, стремившихся распространить свое прямое директивное воздействие на самые интимные стороны человеческой жизни; но и с точки зрения рядовых граждан личная жизнь становилась частью общественной. Вот лишь один эпизод из множества подобных: женщина приходит в парторганизацию и просит, «чтобы взяли от нее мужа... она ошиблась в нем»[5]. И сам быт в бараках и коммунальных квартирах был организован таким образом, что у человека не было сугубо личного пространства, закрытого от публичного контроля. «Бараки были двух типов, – вспоминал перед телекамерами москвич. – И те и другие имели ужасные условия для жизни людей. Один тип – это строительные бараки. Это были общие помещения, в которых стояли койки для сезонных рабочих. Рабочие приходили туда практически только переночевать. А бараки для фабричных рабочих были коридорно-комнатными. Была одна кухня на 20 или 30 комнат»[6]. Приватность в такой жилищной ситуации вряд ли может считаться полноценной. Но когда нет частной жизни, повседневность, с ней отождествляемая, становится фантомным образованием.

Если даже снять это возражение, остается нерешенной главная проблема: какими эвристическими возможностями обладает концепция повседневности, пренебрегающая изучением духа эпохи, то есть всего того, что придает смысл человеческим поступкам даже в сугубо личной сфере. Она может привлечь внимание исследователей к бытовой стороне социальной жизни: к оснащению жилья, одежде, питанию, состоянию городской

---

[5] См.: *Лейбович О.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь: Изд-во ПГУ – ЗУУНЦ, 1993. С. 57.

[6] *Лурье Л., Малярова И.* 1956 год. Середина века. СПб. – М.: Нева, 2007. С. 350.

инфраструктуры или сельскохозяйственного инвентаря, даже к убранству деревенской избы или дачи заслуженного военачальника, но не может передать степень значения, придаваемого людьми отрезу на платье или так называемой бирке на получение галош.

Культурное наполнение социальных практик остается закрытым, историческая реконструкция лишается главного – своей ментальной составляющей. А если принять во внимание инертность повседневных актов, то мы получаем историю и без смыслов, и без событий. Мир прошлого оказывается закрытым.

В таком случае следует либо отказаться от концепта повседневности для исторического исследования, либо обратиться к иной ее парадигме, созданной философами феноменологической школы. Отдавая себе полный отчет, что статья эта пишется историком для историков, чуждающихся спекулятивных построений, постараюсь перевести концепцию А. Шюца – П. Бергера – Т. Лукмана на более доступный язык.

Существует пространство, в котором взаимодействуют между собой современники. В ходе многочисленных и разнородных контактов они совместно его осваивают, то есть придают ему общее значение. Повседневность – это и есть осознанный, прочувствованный, понятный для современников жизненный мир. Для них он обладает очевидностью, значимостью, неоспоримой реальностью и цельностью во всех своих проявлениях. Повседневность – это мир человека, разделяемый им с другими людьми. В ней сильно связующее начало, позволяющее людям соединять в одно целое искусство, политику, нравственность и религию[7].

Повседневность в терминах этой концепции уже не сводится ни к приватным практикам, ни к быту, ни к рутинным поступкам. Она обязательно включает в себя область ценностей и идей, разделяемых людьми, нормы, управляющие их поведением, жизненные ориентиры, знаки и символы, но также и наборы вещей, используемых в процессе производства и потребления. Повседневность многомерна: она содержит в себе весь человеческий мир – от самых интимных зон, разделяемых с близкими людьми, до публичных акций, от низменных практик до высших форм человеческой активности. Повседневности в та-

---

[7] См.: *Шюц А.* Структуры повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. № 2; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 18–23.

ком случае противостоит темная сфера отчуждения – явлений и вещей, не получивших своего имени и (или) отторгаемых социальным сообществом по политическим или культурным основаниям.

Итак, повседневность – это свойство человеческих сообществ. Она всегда чья-то, всегда кому-то принадлежит. И этот «кто-то» не отдельный индивид, но собрание людей, обладающих временно́й, территориальной и социальной пропиской и, самое главное, внутренним единством, возникающим как осознание действительных или воображаемых коллективных задач, совместного прошлого, общих интересов. Внутри собрания происходит интенсивный обмен, в ходе которого вырабатываются общие представления об окружающем мире, его границах, формируется единый язык для описания возникающих и решаемых проблем, согласуются совершаемые действия. Сообщество приобретает некоторые свойства группы: единство ценностей, принятие коллективных норм, сходство в оценках происходящего. Так складывается групповая повседневность, включающая в себя совместно разученные *социальные практики* (неважно, будничные или праздничные, ритуальные или рационально организованные, политические или трудовые, публичные или интимные); *инструменты* (средства), при помощи которых эти практики совершаются; *пространство*, осваиваемое в ходе этих практик, и, вновь подчеркну, их *смысловое наполнение*, побуждающее к действиям и позволяющее различать, хорошо или плохо это действие исполнено, распределять поступки, вещи и обстоятельства по важности, судить, насколько соответствует окружающий и возделываемый мир общим идеалам. Повседневность принадлежит к миру культуры: многомерному, вертикально организованному, инертному.

Ей противостоит чужой и темный мир, в котором теряют силу освоенные социальные технологии, не имеют значения оценки, отсутствует язык для описания его странных и непонятных явлений. Позволю себе высказать гипотезу, что для советских людей 1940-х годов таким миром мог быть закрытый завесой секретности атомный проект. Его лаборатории были закрыты не только от посторонних, но прежде всего от политических кампаний, бывших частью повседневного мира всего советского народа. Атомщики пользовались в полном объеме американскими разработками, давали крышу разоблаченным вейсманистам-морганистам, не разоблачали идеализм и кос-

мополитизм в физической науке – иначе говоря, на деле пересекали границы повседневности, творя новую, собственную.

В обществе, сложно устроенном, разделенном на устойчивые социальные группы с собственной субкультурой, складывается одновременно несколько повседневностей, имеющих между собой некоторое сходство, но отличающихся по принятой системе значений, поведенческих ориентиров, освоенных практик. Переход индивида из одной группировки в другую означает для него травматическую смену повседневностей, порождающую духовный кризис.

Такое понимание повседневности позволяет применять ее в историческом исследовании, чтобы реконструировать и интерпретировать ушедшую действительность изнутри – через понимание образа мыслей и образа действий людей. В таком случае повседневность поздней сталинской эпохи предстает перед исследователем многомерным явлением, в котором социальные практики, даже самые будничные и тривиальные, сопряжены с большими культурными стилями, интегрированы в паттерны политического поведения, одухотворены идеалами, насаждаемыми властью.

Снова обратимся к тексту М. Чегодаевой: «Бытие советского человека проходило одновременно в трех почти не соприкасающихся плоскостях, на трех "этажах" фантастического здания, каковым являл себя Советский Союз. Нижний, "цокольный этаж" был царством Смерти, пыточным казематом, адом, равного которому не изобретала самая изощренная человеческая фантазия. <...> Будучи самой жгучей реальностью, по существу базисом одной из важнейших пружин советского механизма, не только рычагом принуждения и страха, но и не последней силой в деле построения экономики социализма с помощью принудительного рабского труда, этот "цокольный этаж" советского бытия *как бы не существовал вообще*. Его не было, потому что не могло быть. О нем не смели говорить, старались не думать. Черная бездна колыхалась под ногами, ежеминутно разверзаясь, поглощая то одного, то другого из нас – наших отцов, наших дедов». На первом этаже, как уже цитировалось раньше, протекала «обыкновенная жизнь».

«Над реальной жизнью, обволакивая ее, прорастая в нее и из нее, воздвигался призрачным фантомом *сталинский "рай"* – нечто прямо противоположное аду архипелага ГУЛАГ: там "не-

бытие" реального, здесь "реальность" небытия. Идеально-мифическое образовывало в советской стране словно бы некий слой, приподнятый над жизнью, "плавающий" над землей, подобно облакам, как они видятся с самолета, когда, перекрывая землю, образуют поля, кажущиеся настолько плотными, что хочется ступить на них ногой»[8].

Образ трехэтажного дома, в котором размещался общий жизненный мир – повседневность – советских людей, представляется очень емким, ярким и точным. Здесь следует внести только некоторые уточнения. Нижний этаж не был закрытым, темным, отчужденным пространством, областью небытия, хотя бы в силу того, что происходил постоянный массовый обмен людьми, а стало быть, и обычаями, и языковыми нормами между «волей» и «зоной». Народными судами первой инстанции за 10 послевоенных лет были приговорены к лишению свободы более 7 миллионов человек, из которых не менее половины в эти же годы вернулись на свободу. При таких масштабах карательной политики пребывание в лагере становилось делом обыденным. Советские юристы в 1955 году признали, что ни удлинение сроков лишения свободы, ни увеличение судебных репрессий ни в малейшей степени не повлияли на рост преступности[9]. Так что следует признать, что «цокольный этаж» советского здания был такой же частью повседневности, как и этаж верхний, названный «райским». Верхний этаж построен из слов, созданных «инженерами человеческих душ» по указанию Партии. Речь идет об идеологической, или медиальной, сфере: газетах, кино, литературе, в которых воплощался, по замечанию историка литературы, *готовый* социализм. «Это не "отражение". Напротив, скорее сама реальность является несовершенным отражением этого искусства»[10].

Перед нами автопортрет общества, созданный современной ему литературой. Гармония, простота, определенность и счастье – вот его основные черты. Это общество уверенно стремится к дальнейшему совершенству, двигаясь по раз и навсег-

---

[8] *Чегодаева М.* Два лика времени. (1939: Один год сталинской эпохи). М.: Аграф, 2001. С. 20–23.

[9] *Werth N.* La terreur et la desarroi. Staline et son systeme. P.: Perrin, 2007. С. 479, 481.

[10] *Добренко В.* Политэкономия соцреализма. М.: НЛО, 2007. С. 46.

да начертанному маршруту высокими темпами. Путь указан. Этапы известны. Рубежи видны:

Та цель недалёко. И срок уже близок.
И Сталин ведет нас вперед.
И бродит уже по Европе не призрак,
А явь коммунизма встает[11].

В. Добренко называет позднюю сталинскую эпоху «нарядной»[12]. Она была к тому же пафосной и счастливой: «Счастье сделалось воздухом нашей Родины. Им дышит каждый советский человек. <...> Его совесть чиста. Счастье всего общества – его личное счастье. И гордость наполняет сердце его» – так приветствовал наступающий 1953 год Валентин Катаев[13].

Миру социализма и счастья, на языке сталинской повседневности, противостоит мир капитала. Ойкумена расколота на два лагеря. Один, возглавляемый СССР, олицетворяет добро, мир и прогресс, другой – под диктатом США – зло, войну и реакцию. Первый лагерь растет и крепнет, второй слабеет и разлагается во всех своих формах и проявлениях. «...Распад буржуазного общества уже происходит, и здесь разгадка бесплодия тех писателей Запада, которые не порвали духовно с оскудевшим миром», – воодушевлял своих собратьев по перу Илья Эренбург[14]. Враг, однако, еще силен; он пустил щупальца в советское общество, и литератор должен быть бдительным. В этой связи характерна дружеская переписка образца 1953 года между двумя большими писателями.

«Есть у писателя в современной обстановке более опасный враг, ибо он господствует во всех странах, кроме стран нашего блока, а у нас чаще всего выступает троцкизмом, – носитель иллюзорной буржуазной “свободы”, “свободы” от диктатуры рабочего класса, “свободы” от коммунистов с их руководством трудящимися, “свободы” от коммунистического мировоззрения, от партии коммунистов, от их деятелей, в том числе и от их редакторов, – предостерегает своего корреспондента А. Фадеев. – Твой удар будет верен, если ты в своем сознании будешь помнить и об этих врагах нашего народа и нашего писателя и не позволишь (даже единой запятой своей) прима-

---

[11] *Исаковский М.* Наша партия // Правда. 1952. 5 окт.

[12] *Добренко В.* Политэкономия соцреализма. С. 106.

[13] *Катаев В.* За Великого Сталина // Огонек. 1953. № 1. С. 1.

[14] Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–18 декабря 1954 г. Стенографический отчет. М.: Сов. писатель, 1956. С. 142.

заться этим сволочам к твоей справедливой критике. Так как я убежден, что ты не ставил и не мог ставить своей целью кокетничать перед всяким дерьмом, очевидно, эти места (и только эти места, ибо все остальное – верно) ты недостаточно ясно видишь или недостаточно их политически продумал». Ответ А. Твардовского следует незамедлительно: «Конечно, я немедленно снял с номера эти главы в журнале – штопать на ходу я не умею и не люблю... Мне вовсе не жалко тех строк, на которые ты указал, они, между прочим, не так и хороши, я их просто опускаю. Это те излишества свободного разговора, которые в строго обдуманной речи уже недопустимы, нежелательны. Они роняют достоинства поэтической речи, как бы она ни была по виду "свободна" и "озорна"»[15].

Вот здесь мы сталкиваемся с тем, как официальный язык воздействует на поэтическое творчество, корректируя его. Этажи здания сталинской постройки снаряжены лифтами, лестницами и кабелями высокого напряжения. Идеи, производимые на самом верху, транслируются вниз, становясь частью профессионального мира деятелей литературы, может быть в неменьшей мере, чем у инженеров, рабочих или колхозников. Во всяком случае, ненависть к «врагам нашего народа» – всякого рода троцкистам и космополитам – разливалась по всем слоям советского общества столь же интенсивно, как и любовь к великому Сталину. Процитируем иностранного гостя из Австралии, заглянувшего в Москву в 1952 году: «Подарки Сталину – самая трогательная и искренняя дань глубокого уважения и признательности, которыми окружен этот человек. Никогда прежде в истории не почитали так ни одного вождя. <...> Ни один советский клуб немыслим без статуи Ленина или Сталина у входа; ни одно советское празднество – людное или малолюдное – не может обойтись без первого тоста за здоровье Сталина; ни один советский учитель, инженер или служащий не сочтет свой рабочий кабинет обставленным, если в нем не будет повешена фотография Сталина; насколько я мог заметить, и в каждой квартире или в каждом доме советского гражданина также есть портрет Сталина»[16].

Слитность бытования советского человека одновременно в трех ярусах повседневности: праздничном, нарядном и гар-

---

[15] «Будем говорить о литературе и жизни». Из переписки Александра Твардовского и Александра Фадеева // Дружба народов. 2000. № 5. С. 196–198.

[16] Писатели мира о Сталине // Новый мир. 1953. № 4. С. 159–161.

моничном, и одновременно будничном, скудном и дурно обустроенном, однако же поднимающемся над лагерно-барачным подвалом, – можно считать главной особенностью сталинской повседневности. Такая слитность достигалась господством образного мира идеологии в коллективном жизненном опыте. «Фундаментальный уровень идеологии – это не иллюзия, маскирующая реальное положение вещей, но (бессознательная) фантазия, структурирующая саму реальность»[17].

Идеи, продуцированные властью и распространяемые средствами пропаганды и агитации в обществе, создавали высший слой повседневности, ее организующее начало. Они наделяли смыслом все социальные практики человека, придавая его жизненному пространству космическую замкнутость, упорядоченность и завершенность. За его пределами начиналось царство тьмы, буржуазного хаоса и небытия. Такая организация повседневности выдает ее архаичные истоки – пребывание в мифе, который для человека, с ним себя отождествившего, вовсе «не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность»[18].

Мифологическая повседневность накладывала отпечаток на все стороны социальной жизни. Прежде всего, человек в одно и то же время в одном и том же месте пребывал в двух обличьях: социальном, которое соответствовало его ранговой позиции в регулярном чиновничьем государстве, что удостоверялось справкой из сельсовета, или паспортом разных номинаций, или служебным удостоверением, или мундиром с погончиками, петлицами, блестящими пуговицами и кантами, и универсальном – советского человека, равного всем остальным советским людям в своем ощущении счастья («...счастьем советского человека является работа на благо нашей любимой Родины, работа на удовлетворение постоянно растущих потребностей наших людей – строителей коммунизма»[19]), в преданности коммунизму, в сыновней защищенности вождем-отцом от всех напастей и несправедливостей. И если в первом своем качестве человек встречался с отдельными недостатками, временными трудностями и даже бытовыми неурядицами, то во втором – он в полной мере наслаждался зажиточной жизнью, по праву гордясь побе-

---

[17] *Žižek S.* The sublime Object of Ideology. L.: Verso, 1989. P. 33.

[18] *Лосев А. Ф.* Миф, число, сущность. М.: Мысль, 1994. С. 9.

[19] Справка «О работе Молотовского отделения Союза советских писателей. 1953». ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 200. С. 4.

дами советского народа на всех фронтах социалистического строительства. Но вполне возможно, за этими двумя обличьями скрывалось третье – отвратительный оскал врага-двурушника и предателя, оборотня, только притворявшегося советским человеком, маскировавшегося под колхозника, инженера, врача, генерала, министра или чекиста. Повседневность изобиловала чудесами: советский человек преобразовывал природу и одновременно ждал, когда из Кремля прозвучит сигнал и по воле Сталина исчезнут с нашей земли неустроенность и разруха, куда-нибудь пропадут карьеристы, бюрократы и мошенники.

«А ведь людей "с паром вместо души" ужасно много вылезло сейчас на поверхность, – писал искушенный, марксистски образованный и желчный литературовед, только что вернувшийся из лагерей, своему опальному и травимому товарищу. – Великолепно расправляется с этими людишками И. В. Сталин. Как клопов из сгнившего дивана, вытравляют сейчас аракчеевцев-марристов из всех академических нор. Может быть, дойдет когда-нибудь очередь и до более нам близких участков гуманитарных наук, где вредительства (и объективного, и субъективного) не меньше!»[20]

Чтобы правильно жить в советском космосе, человек должен был в первую очередь овладеть знаниями о мифе. «Не только потому, что мифы объясняют ему мир и способ его существования в мире, но, что важнее, вспоминая и воспроизводя их, он оказывается способным повторить то, что боги или герои совершили вначале»[21]. В ситуации 1950-х годов это означало готовность в символическом виде воспроизвести каноническую историю большевизма: на праздничной демонстрации, на комсомольском или партийном собрании, в стенной газете; разоблачить скрытого врага, сорвать маску с буржуазного космополита или первым призвать своих товарищей делом ответить на призыв родной партии и ее вождя товарища Сталина. Поздняя сталинская эпоха – это время церемоний, торжественных актов, ритуальных речей – своеобразных магических практик, посредством которых люди демонстрировали свою сопричастность великому делу строительства коммунизма.

Слова, услышанные из черной тарелки репродуктора, вознесенной над головами слушателей на рыночной площади или

---

[20] «Будем говорить о литературе и жизни». Из переписки Александра Твардовского и Александра Фадеева // Дружба народов. 2000. № 5. С. 142–143.

[21] *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академ. проект, 2001. С. 41.

в коммунальной квартире, подкрепленные кинообразами и плакатными изображениями, обладали большей реальностью, чем увиденное собственными глазами в бараке или в заводском цехе, в переполненном людьми продовольственном магазине или на неосвещенной улице. Менялась оптическое восприятие действительности. Люди старались закрыть глаза на нищету, убожество и грязь производственного и особенно домашнего быта. Отдельные недостатки не должны были заслонять величие эпохи. Цензурное ведомство зорко следило, чтобы положительные персонажи художественной прозы вели себя, как подобает советскому человеку: не вольничали с девушками, не злоупотребляли спиртными напитками – в общем, не представляли «извращенно быт советских людей»[22]. Наименьшее внимание уделялось домашней жизни. В живописи того времени, за малым исключением, персонажи выведены из квартирных интерьеров. «Если судить по ее тематике, то можно прийти к заключению, что человек в СССР вообще не жил дома, не общался с семьей, а проводил свое время в заводских цехах, на колхозных полях, партийных собраниях, демонстрациях, в обстановке торжественных встреч и среди мраморов московского метро»[23].

Такой взгляд на мир, естественно, отразился на состоянии источников. Газеты пестрели сводками о победах на трудовом фронте, были переполнены пафосными статьями и патетическими очерками о героях пятилетки. В архивных хранилищах имеются сотни справок, отчетов, материалов, служебных записок, расследований об «отдельных недостатках» и даже «нетерпимых фактах», не сведенных и практически не сводимых в систему. Действовавший канон указывал на необходимость даже в казенных бумагах правильно дозировать информацию о достижениях и провалах. Только в корреспонденции высших областных руководителей, адресованной в ЦК, такие пропорции не соблюдались. Можно найти множество разрозненных сведений, не складывающихся в общую мозаику. При попытках реконструировать хотя бы состояние промышленных гигантов обнаруживается множество незаполненных лакун. Изобилует пропусками статистика о молодежной преступности[24]. Вот здесь возникает вопрос: какими способами реконструировать советскую повсе-

---

[22] См.: Циркуляр № 18/1045с 21 апреля 1947 г. Всем органам цензуры. Об усилении политико-идеологического контроля над произведениями печати. ГАПК. Ф. 105.Оп. 13. Д. 141. Л. 2–2 (об).

[23] *Голомшток И.* Тоталитарное искусство. М.: Галларт, 1994. С. 182.

[24] См.: *Лейбович О.* В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М.: РОССПЭН, 2008. С. 280.

дневность, если, во-первых, информация не складывается в серию, а во-вторых, она вполне тенденциозна? В партийных бумагах отражены, по преимуществу, девиантные отклонения от нормы. «В истории, так же как и в газете. Нормальное не попадает в заголовки. История состоит из документов, которые сохранились, и они опираются часто на кризисы и несчастья, на преступления и прегрешения, так как эти дела являются темой документального расследования, судебных актов, договоров, доносов, литературных сатир и папских булл. Ни один папа не публиковал буллу, чтобы выразить в ней свое удовлетворение, – замечает исследовательница позднего Средневековья. – <...> Сам факт документирования преувеличивает внешнее значение какого-нибудь печального события в пять-десять раз (или на иное число, которое может поставить читатель)»[25].

Здесь видится один выход – обращение к уликовой парадигме, разработанной К. Гинзбургом, в которой предметом исследования становится событие, а методом – анализ индивидуальных случаев, «поддающихся реконструкции только на основе следов, симптомов, улик»[26].

Можно согласиться с мнением о том, что «видение ирландского святого Фурсея (первая половина VII века), впервые увидевшего, как ангелы и бесы сражаются за его душу и калькулируют совершенные им грехи и добрые дела, проливает больше света на средневековое западное восприятие смерти, покаяния и страха, чем позднейший сериальный материал плясок смерти или наставлений о презрении к миру»[27].

Ремарка березниковского журналиста М. Данилкина в фельетоне о начальнике заводского ОРС, что у того «в ванной комнате установлена не просто колонка, а колонка из нержавеющей стали», свидетельствует об уровне жизни горожан в конце 1940-х годов больше, чем статистические отчеты и рапорты с мест[28].

Повседневность обладает принудительной силой по отношению к отдельному человеку, в нее погруженному. Это следует учитывать при исторической критике источников. Перечитывая

---

[25] *Tuchman B.* Der ferne Spiegel. Das dramatische 14. Jahrhundert. Berlin: Spiegel-Verlag, 2007. С. 16–17.

[26] *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история: Сб. статей / Пер. с ит. и послесл. С. Л. Козлова. М.: Новое изд-во, 2003. С. 200.

[27] *Живов В.* Об исторической науке у Карло Гинзбурга // НЛО. 2004. № 65. С. 9.

[28] *Кимерлинг А. С., Лейбович О. Л.* Письмо товарищу Сталину. Политический мир Михаила Данилкина. Пермь: ЗУУНЦ, 1998. С. 37.

передовые статьи газеты «Правда», историк может очень многое узнать о констелляции идей, циркулирующих в обществе в тот или иной период: поскольку идеи являются частью повседневности, тем самым некий фрагмент исторического прошлого может быть по ним восстановлен. Любой исторический источник – это кривое зеркало, отражающее действительность в соответствии с принятым углом зрения. Сопоставляя идеологические тексты со служебными документами, можно обнаружить, как социальная действительность выражается в языке эпохи, осмысливается в соответствии с идеологическими формулами, распределяется по значимости.

Подведем итоги. Концепция повседневности, предложенная феноменологической школой, позволяет решить исследовательские задачи, выявляющие специфику социального поведения советских людей в преддверии реформ, поскольку обозначает точки разломов и прорывов, в своем развитии открывающих перспективы иной общественной организации. Жизнь одновременно в трех реальностях – идеологической, собственно социальной и криминогенной – порождала трудноразрешимые личностные противоречия, касающиеся собственной идентичности: кто я – владетель определенной социальной роли, или безликий индивид, слившийся с массой в воображаемом единстве, или скрытый от самого себя оборотень, по словам «Известий», живой человек – носитель буржуазных взглядов и буржуазной морали, поддерживаемый империалистами вредитель в настоящем или в будущем[29]. Можно выдвинуть гипотезу о том, что повседневные трансформации из одного состояния в другое вызывали постоянные стрессы и культурные шоки. Для ответственных работников и связанной с ними интеллигенции зыбкость завоеванных социальных позиций казалась нетерпимой. Процедуры идентификации со всем советским народом становились скорее ритуальными жестами, нежели оправданными мифом практиками. И сам миф превращался в набор идеологических клише, обязательных для вербального воспроизведения, но не для эффективных личностных ориентаций. Во всяком случае, в практике управления служение народу сплошь и рядом оказывалось пустой фразой, маскировавшей либо корпоративные, либо клановые интересы, либо преданность патрону.

---

[29] Цит. по: *Лейбович О.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь: Изд-во ПГУ – ЗУУНЦ, 1993. С. 88.

Специалисты страдали от господства единого идеологического языка, стирающего границы между профессионалами и дилетантами из самоучек или литераторов, поучающих дипломированных агрономов, как поднять урожайность передовыми, но нелепыми методами: «Роман "Живая вода" стал сильным и действенным средством распространения нового, прогрессивного способа орошения пахотных земель в социалистическом сельском хозяйстве»[30]. Взгляд на действительность сквозь идеологические очки сплошь и рядом приводил к потере ориентации: люди вели себя совсем не так, как указывалось в сталинских прописях. Повседневность, казалось бы запечатанная в сталинские скрижали, расслаивалась по уровням, раскалывалась по социальным группировкам, ею не предусмотренным, размывалась увеличивающимся несоответствием между житейским опытом единиц и всеобщностью мифа. Второй этаж большого здания обзавелся внутренними перегородками. Верхний этаж заменил большой тент, исписанный старыми письменами. Вход в подвал сделали по пропускам, выдаваемым с большим разбором, преимущественно по социальному признаку.

Из обрывков космической повседневности рождались повседневности иного, социального порядка – меньшие по масштабу, разные по культурному наполнению.

Л. А. Обухов
кандидат исторических наук
Ю. М. Солдатенко
аспирант ПГУ,
г. Пермь

ИНАКОМЫСЛИЕ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1945–1953 гг. (По материалам Прикамья)

После окончания Великой Отечественной войны, победу в которой официальная пропаганда связывала исключительно с именем И. В. Сталина, его культ достигает апогея. «В годы...

---

[30] Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–18 декабря 1954 г. Стенографический отчет. С. 27.

войны особенно ярко проявились замечательные качества И. В. Сталина как великого вождя партии и народа, главы Советского государства, гениального стратега и полководца. Прозорливость и дальновидность товарища Сталина, непреклонная сталинская воля, мудрое сталинское руководство обеспечили полный разгром врага», – писал «Блокнот агитатора», орган идеологического отдела обкома ВКП(б)[1]. Но где были «гениальность и прозорливость» «великого вождя» в трагические 1941–1942 годы – об этом стыдливо умалчивалось. Идеологическая кампания по возвеличиванию роли Сталина в победе достигла своей цели: в сознании многих людей разгром фашистской Германии оказался неразрывно связан с его именем. Этот миф настолько прочно вошел в сознание, что даже сегодня немало представителей старшего поколения, из тех, кто пережил и помнит войну, обвиняя Сталина в организации массовых репрессий, в то же время считают его главным творцом победы.

Несмотря, однако, на безудержное восхваление Сталина, безоговорочное, как казалось, преклонение перед вождем и не подвергавшееся сомнению единство советского общества, в послевоенные годы в стране появляются подпольные молодежные кружки и группы антисталинской направленности. Участниками таких кружков или групп, как правило немногочисленных – от трех до десяти человек, обычно были школьники старших классов, учащиеся техникумов и студенты в возрасте от 15 до 20–22 лет. Это было поколение, выросшее в сталинскую эпоху, которое не только не помнило, как жили в царской России, но даже времена НЭПа воспринимало как что-то очень далекое. Они воспитывались в духе преданности идеям Ленина – Сталина, готовности отдать свою жизнь за социалистическую Родину, за коммунистическую партию и ее руководителя – «вождя всех народов». И вдруг – молодежные антисталинские группы, которые карательными органами толковались однозначно как «контрреволюционные, антисоветские и террористические», хотя идеологической основой их являлся марксизм. На своих собраниях молодые люди обсуждали работы К. Маркса, В. Ленина, других теоретиков марксизма, философские и исторические сочинения, пытаясь во всем разобраться самостоятельно. В результате приходили к выводу, что Сталин исказил марксизм и потому необходимо бороться за изменение существующего режима, за возвращение к подлинному марксизму-

[1] Блокнот агитатора. 1949. № 3. С. 5.

ленинизму. Воспитанные на образах революционеров-подпольщиков, борцов с царским режимом, молодые люди использовали средства и методы из их арсенала. Молодежные группы вели агитацию среди своих сверстников, некоторые из них даже имели свои программы, уставы, выпускали листовки. Развернуть свою деятельность в широких масштабах, установить связи с другими группами и организациями они, как правило, не успевали: следовали аресты, допросы и расправа. Проявления молодежной оппозиции пресекались, не успев принять сколько-нибудь реальные формы.

В чем причины феномена молодежного антисталинского движения? Ни до ни после ничего подобного в нашей истории не было. Безусловно, на молодое поколение оказала влияние война, хотя сами они и не участвовали в боевых действиях. Война изменила нравственно-психологический климат в обществе, способствовала появлению критически мыслящих личностей, хотя в целом отношение к сталинскому режиму в обществе не изменилось[2]. Воспитанное на идеалах социализма, искренне уверовавшее в них, при столкновении с реальной действительностью молодое поколение обнаружило несоответствие провозглашаемых лозунгов и идей практике. Кроме того, молодым людям всегда были свойственны максимализм, переоценка своих возможностей, обостренное чувство справедливости и стремление к самовыражению. Эти причины, на наш взгляд, отчасти объясняют феномен молодежного антисталинского движения.

В первые послевоенные годы наблюдается сокращение числа желающих пополнить ряды комсомольских организаций и значительное снижение темпов роста численности ВЛКСМ. Эта тенденция проявилась уже в 1945 году и усилилась в 1946-м, когда в члены ВЛКСМ в Молотовской области было принято почти в два раза меньше, чем в предыдущем году[3]. Это тоже было одним из следствий войны. Множество молодых людей оказалось на временно оккупированной территории, часть из них была угнана на работу в Германию и другие страны Европы. Они увидели, как там живут люди. В советском тылу большинство из подрастающего поколения понимало, что полуголод-

---

[2] См.: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.

[3] ПермГАНИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 604. Л. 45, 62; Д. 645. Л. 23.

ное существование, бытовая неустроенность, привлечение на различные работы несовершеннолетних – необходимость, диктуемая войной. Мирились они и с крайней заорганизованностью, отсутствием каких бы то ни было развлечений. С окончанием войны в среду молодежи пришло ощущение свободы. Молодым казалось, что прежние ограничения уйдут в прошлое, больше будет свободного времени, возможности сходить в кино, на танцы. А членство в комсомоле – это собрания, политинформации, комсомольские поручения, обязательное изучение и конспектирование работ Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, регламентация жизни индивида. Комсомол – важнейший из «приводных ремней» партии, с помощью которого она осуществляла неусыпный контроль за молодежью. Сокращение приема в ряды ВЛКСМ стало тревожным сигналом для партийного руководства, означавшим, что часть подрастающего поколения может оказаться вне партийного контроля. Этого руководство страны допустить не могло.

Первые подпольные молодежные организации антисталинской направленности появляются в 1945 году. Они возникают в разных городах СССР. Одной из наиболее известных была «Коммунистическая партия молодежи», созданная в Воронеже осенью 1947 года. Названия молодежных организаций и групп весьма похожи и во многом отражают их суть: «Союз борьбы за дело революции», «Армия революции», «Юные ленинцы», «Юные коммунисты», «Молодая гвардия», «Всесоюзная партия против Сталина» и т. д. Молодые люди, входившие в эти организации, считали себя настоящими революционерами, истинными ленинцами. И пусть революция и Гражданская война прошли мимо этого поколения, даже в Отечественной войне они не успели принять участия, но «в жизни всегда есть место подвигу».

Молодежные группы антисталинского направления возникли и в некоторых городах Урала: Свердловске, Челябинске. В октябре 1945 года была создана организация в Молотове, как тогда называлась Пермь. Организация состояла из учеников десятого класса школы № 11 и называлась «Независимая коммунистическая партия обновления» (НКПО). В нее входило всего пять человек, из них двое были завербованы КГБ. НКПО просуществовала менее трех месяцев, но за такой короткий срок ее члены успели принять устав, составили текст клятвы. Один из инициаторов создания «партии» и ее активный участник И. А. Зекцер оставил воспоминания, в которых довольно подробно описал историю «Независимой коммунистической

партии обновления»[4]. Некоторые материалы архивно-следственного дела и воспоминания И. А. Зекцера опубликованы в сборнике документов, изданных ПермГАНИ[5].

Пятнадцатилетний подросток на основе собственных наблюдений пришел к выводу, что «в линии коммунистической партии и ее руководителей произошли отклонения от того пути, по которому она шла, когда был жив В. И. Ленин». Кроме того, он считал, что в СССР нет социализма и в коммунистической партии произошел уклон вправо. У Израиля Зекцера вызывала неудовлетворенность национальная политика партии, поскольку антисемитизм он ощущал на себе. Партия, по его мнению, не проводила действенной борьбы с коррупцией и бюрократизмом. Уже на первом собрании, на котором присутствовало три человека, был решен вопрос о названии организации и членстве в партии: «Членом партии считается тот, кто признает и выполняет ее устав и программу, принес ей клятву верности, платит членские взносы, помогает ей всеми нужными ей средствами и участвует в одной из ее организаций»[6]. На этом же собрании были поставлены ближайшие задачи НКПО: политическое образование и агитация с целью привлечения новых членов в партию. Главной целью провозглашалась борьба со всеми недостатками режима и в конечном итоге борьба за коммунизм[7]. На последующих собраниях обсуждались вопросы конспирации, каждому члену были присвоены партийные клички, признана необходимость вооружения партии по мере роста ее численности. Устав организации был разработан на основе Устава ВКП(б), за исключением кандидатского стажа, который признали лишним[8]. Вся эта деятельность отчасти была ребячьей игрой в конспирацию, в революционеров. Это позднее признал И. А. Зекцер, заявив, что он был «переполнен чувством неудовлетворенной справедливости, детскими мечтами и “революционным духом”»[9]. Управление НКГБ по Мо-

---

[4] См.: Говорят узники ГУЛАГа. Из воспоминаний Израиля Абрамовича Зекцера // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 1998. С. 143–157.

[5] См.: Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: Сб. документов и материалов. Пермь, 2004. С. 386–389.

[6] ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28681. Л. 13–18.

[7] Там же. Л. 20.

[8] Там же. Л. 27.

[9] Говорят узники ГУЛАГа. Из воспоминаний Израиля Абрамовича Зекцера // Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. С. 144.

лотовской области практически с самого начала контролировало деятельность организации, и когда решили, что материала достаточно, 6 декабря 1945 года по дороге в школу И. А. Зекцер, «как основной объект этого дела и инициатор создания антисоветской группы из числа учащихся», был арестован[10]. В ходе следствия Израиль Зекцер признал себя виновным. Но из всех членов организации Особым совещанием только он был приговорен к трем годам ИТЛ. Два члена, дав подробные признательные показания, подверглись профилактической обработке, а еще двое, работавшие на УНКГБ, были лишь допрошены в качестве свидетелей, но дело рассматривалось во внесудебном порядке, поскольку в нем содержались сведения о секретных агентах. Можно предположить, что школьники-агенты, сыгравшие, по сути, роль провокаторов, были вознаграждены за службу.

Как и участники других подобных организаций, члены НКПО придерживались марксистско-ленинской идеологии, ставили целью изменение существующего режима, но эта цель явно не соответствовала их возможностям. Реальной опасности для режима эти организации не представляли, однако расправа над участниками была жестокой.

Деятельность молодежных антисталинских групп и организаций в послевоенный период в исторической литературе получила определенное освещение, но этого нельзя сказать об индивидуальных проявлениях инакомыслия. Они, как правило, не имели определенной идеологической основы и носили чисто протестный характер. Проявление индивидуального инакомыслия обычно было не сознательным действием, а неким порывом, вызванным недовольством существующим положением, тяготами жизни, ответом на действия представителей властей, местного начальства. Некоторые из молодых людей воспринимали свои действия как некую игру, стремились продемонстрировать свое «я», бесшабашную смелость, не задумываясь о последствиях. Наказания за эти «проступки» (если можно их так назвать, но ни в коем случае не преступления) были явно неадекватны. Проявления индивидуального инакомыслия, сопротивления режиму, несмотря на тоталитаризм, были всегда. Попытки организованного сопротивления молодежи – только в послевоенный период.

---

[10] ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28681. Л. 70.

В Молотовской области за 1945–1953 годы было арестовано более 2 тыс. человек, в том числе из числа молодежи по статье 58 УК РСФСР репрессировано 398 человек[11]. Это составляет 20% от общего числа репрессированных. Наибольшее число репрессированных приходится на 1949–1950 годы – 148 человек, или 37% от общего количества репрессированных молодых людей. Именно в эти годы поднимается волна повторных арестов ранее репрессированных. 270 человек из числа арестованных были ранее репрессированы или на них имелись компрометирующие сведения. Подавляющее большинство репрессированных составляли лица мужского пола, имевшие начальное образование. Из них только 13 человек являлись на момент ареста членами ВЛКСМ, 9 человек уже вышли из рядов комсомола и двое состояли в ВКП(б). По национальному составу преобладали русские – 272 человека. Обвинение было стандартным: контрреволюционный саботаж, антисоветская агитация и антисоветская деятельность. 389 человек были приговорены к отбыванию срока наказания в ИТЛ, трое – к принудительному лечению в психиатрической больнице. Сроки заключения были самые разные – от 2 до 25 лет. Один человек был приговорен к высшей мере наказания. Наиболее распространенным был десятилетний срок (137 человек).

Попытки сопротивления режиму, инакомыслия в молодежной среде имели место в разных социальных слоях – среди учащихся, рабочих, колхозников.

Так, Юрий Красных и Всеволод Тимошкин, учащиеся десятого класса школы № 2 города Кизела, в конце ноября – начале декабря 1946 года написали и расклеили несколько листовок «контрреволюционного содержания, в которых клеветали на руководителей ВКП(б) и советского правительства, на Конституцию СССР и положение трудящихся в Советском Союзе». Авторы листовок были установлены с помощью графологической экспертизы, и 28 июня 1947 года последовал арест. Первоначальный приговор – лишение свободы на три года – был отменен в связи с тем, что «была избрана чрезмерно мягкая мера наказания, не соответствующая социальной опасности преступления». Новый приговор областного суда от 8 января 1949 года – 10 лет лишения свободы[12].

---

[11] См.: ПермГАНИ. Картотека репрессированных. Эти цифры не являются полными, поскольку включают в себя только тех, кто был реабилитирован. Процесс реабилитации пока нельзя считать законченным, а цифры – окончательными.

[12] ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 17066.

Другой пример связан тоже с учащимся, но не школы, а Лысьвенского металлургического техникума. Михаил Гундарев, учащийся первого курса, член ВЛКСМ, раскаленной кочергой выжег глаза на портрете В. И. Ленина. За совершение «антисоветского, антикомсомольского поступка» его исключили из комсомола. 30 марта 1949 года Михаила арестовали, и уже 9 мая Молотовский областной суд квалифицировал его действия как «контрреволюционное преступление» и приговорил к 10 годам лишения свободы[13].

Распространенной формой сопротивления режиму являлись надписи на избирательных бюллетенях. Те, кто делал такие надписи, по-видимому, были уверены, что их не смогут определить, тем более что голосование было тайным. Но они глубоко заблуждались. Органы МГБ проделывали огромную работу, проводя графологическую экспертизу почерков всех участвовавших в голосовании на конкретном избирательном участке. Именно таким образом установили авторство «надписей антисоветского содержания» слесаря завода им. Сталина Виктора Ермакова. В кабине для тайного голосования В. Ермаков делал карандашом надпись на бюллетене «Долой Советскую власть!», вычеркивал фамилию кандидата и опускал бюллетень в урну. В течение 1949–1951 годов он принимал участие в трех избирательных кампаниях и во всех действовал подобным образом. 26 февраля 1951 года, через неделю после участия в очередных выборах, его арестовали. На вопрос следователя о том, что побудило его к подобным действиям, В. Ермаков ответил: «Я не люблю эту власть потому, что материально плохо обеспечивал себя... еще моя глупость, неопытность в жизни, незнание, по существу, жизни»[14]. На момент ареста В. Ермакову было 22 года. На его действия, как он позднее признавал в прошении о помиловании, повлиял факт ареста отца в 1937 году. Несмотря на то что Виктор Ермаков признал себя виновным и раскаялся, судебная коллегия Молотовского суда признала его виновным в том, что он, «в силу своих убеждений, на избирательных бюллетенях делал анонимные надписи, призывающие к свержению существующего политического строя в СССР», и приговорила к десяти годам лишения свободы[15].

---

[13] Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: Сб. документов и материалов. С. 415.

[14] ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16943. Л. 2–6, 24–25.

[15] Там же. Л. 66.

Примером инакомыслия в среде сельской молодежи может служить дело Автомона Еловикова, 17-летнего колхозника колхоза «Заветы Ленина» деревни Верхняя Барда Усинского района. В начале мая 1951 года, в период кампании по подписке на очередной государственный заем, он написал листовку: «Товарищи колхозники! Все как один не подписывайтесь на этот заем. Эти банкроты – шкуродеры, они поубивают нас, чтобы мы последние деньги отдали. Не быть этому. Не давать этим государственным крысам ни одной копейки. Они первые б... наживающиеся на наших деньгах, они миллиардеры...»[16] Листовку он бросил на пол в колхозном клубе, где бригадир каждое утро раздавал наряды на работу, в расчете на то, что колхозники ее подберут и прочитают. Расчет не оправдался: листовку подобрал бригадир и передал в сельсовет, а оттуда она попала в органы. 19 июля 1951 года А. Еловиков был арестован. Он обвинялся в «составлении и распространении анонимных антисоветских документов, в которых клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского государства и призывал колхозников к борьбе с советской властью»[17]. В ходе допросов А. Еловиков называл целый ряд факторов, оказавших влияние на формирование у него антисоветских настроений. Прежде всего это недостатки, которые были в колхозе из-за ошибок руководителей колхоза и сельсовета. Кроме того, отец Автомона был осужден в 1944 году за сокрытие колхозного хлеба и срыв хлебозаготовок на 10 лет, но позднее в результате амнистии срок сократили до четырех лет. В период пребывания отца в заключении мать постоянно говорила, что он осужден несправедливо, так же неправильно был раскулачен и ее отец. Родители в разговорах между собой часто критиковали действия руководителей колхоза. С 12 лет А. Еловиков стал работать в колхозе и был определен в помощники к кузнецу Ф. А. Колчину, которому было более 70 лет. В разговорах со своим помощником старый кузнец вспоминал прежние времена: до Октябрьской революции он получал зарплату каждую неделю и мог купить на нее все, что хотел, а сейчас он этого сделать не может. При единоличном секторе в сельском хозяйстве был порядок, а сейчас в колхозах порядка нет[18]. Оправдываясь, А. Еловиков обвинял в фор-

---

[16] Там же. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 2615. Л. 59.

[17] Там же. Л. 2.

[18] Там же. Л. 21–27.

мировании своих взглядов всех, кто его окружал: руководителей, тех, с кем работал и кто учил профессии, своих родителей. Это был своеобразный донос, стремление оправдаться любой ценой. Тем не менее 21 августа 1951 года Судебной коллегией Молотовского суда А. Еловиков был признан виновным в антисоветской деятельности и приговорен к 10 годам лишения свободы. В кассационной жалобе, составленной в тот же день и оставленной без удовлетворения, он, признавая свою вину, опять же объяснял свои действия неправильным воспитанием в семье и влиянием лиц, враждебно относящихся к Советской власти[19].

Все эти дела и проявления инакомыслия в среде молодежи были довольно типичны, как и меры наказания за незначительные проступки, квалифицируемые в тоталитарном государстве как «контрреволюционные преступления». За подобные действия вполне достаточно было провести с молодыми людьми «профилактическую работу», как это называется на языке карательных органов, то есть просто разъяснительно-воспитательную беседу, но никак не приговаривать к десяти годам лагерей.

Инакомыслие в послевоенные годы в молодежной среде не было массовым явлением, но сам факт его существования представлял опасность для режима. Безусловно, не все факты инакомыслия, даже при таком тотальном контроле, были выявлены органами МГБ. Власти замалчивали любые проявления инакомыслия, а карательные органы безжалостно уничтожали как реальные, так и потенциальные проявления оппозиции. Возникновение значительного количества подпольных антисталинских кружков и групп в послевоенный период в определенном смысле свидетельствует о зарождении кризисных тенденций в обществе позднего сталинизма. Деятельность молодежных организаций и индивидуальные проявления инакомыслия в послевоенный период неявно, подспудно, но способствовали формированию предпосылок будущей «оттепели».

---

[19] Там же. Л. 73.

М. В. Ромашова
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры новейшей истории России ПГУ,
г. Пермь

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ: СОВЕТСКИЕ ДЕТСКИЕ ДОМА В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Советская концепция воспитания «нового человека» неразрывно связана с идеей эмансипации ребенка. Предполагалось, что в ходе коммунистического строительства резко возрастет активность и избирательность ребенка, а семья не сможет обеспечить необходимых условий для развития и воспитания будущего активного участника этого строительства.

Успешным примером «освобождения» ребенка должны были стать дети-сироты, рассматривавшиеся в качестве «сырого» и подходящего материала для создания «нового человека». Их воспитание было поручено специализированным государственным учреждениям. Прежде всего речь идет о детских домах. Они представлялись эффективным средством борьбы с беспризорностью, возможным вариантом облегчения положения или освобождения женщины, гарантом всестороннего развития ребенка через коллективное воспитание, наконец, реальной альтернативой семье – сомнительному и ненадежному, с точки зрения властей, институту[1]. Несмотря на довольно широкое распространение этого мнения в литературе, подобная идеализация детских учреждений нередко подвергалась критике на самом высоком уровне. Н. К. Крупская, продвигавшая проект общественного воспитания, отвергала предложения, которые открыто пропагандировали необходимость изъятия детей из семьи. В книге Л. Б. Сабсовича «Города будущего: организация социалистического быта», одной из многих на подобную тему в 1920-х годах, предлагалось с самого рождения помещать детей в специальные дома ребенка, обставленные по последнему слову социалистической педагогики, в наилучшие условия для их физического воспитания и развития в них

[1] *Рябинина Н. В.* Детский дом в теоретических построениях системы воспитания «нового человека» послереволюционной России // Век нынешний, век минувший... Ярославль, 2000. Вып. 2. С. 74.

наиболее здоровых задатков[2]. Н. К. Крупская раскритиковала книгу, заявив, что подобные замыслы компрометируют дело общественного воспитания. Родители смогут дать ребенку то, что он никогда не получит в детских городках[3]. Многие проекты так и остались на бумаге, а идеи общественного воспитания, воплощавшиеся в работе домов ребенка, детских домов, корректировались политическими и социально-экономическими реалиями сталинизма.

Одним из итогов ужесточения внутриполитического курса и смены идеологических приоритетов в середине 1930-х годов стало утверждение идей о том, что именно семья должна взять на себя основные функции по воспитанию дисциплинированных, законопослушных и лояльных режиму граждан, а детские государственные специализированные учреждения, в частности детские дома, должны обеспечить социальную защиту детей, оказавшихся в трудной ситуации[4]. Эта позиция была закреплена в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 года[5]. Фактически государство заключало «контракт» с семьей, требуя от родителей или усыновителей, опекунов обеспечить надлежащее воспитание детей и предоставляя взамен льготы и пособия, которые, правда, были незначительны и имели скорее символический характер. Невыполнение этих обязанностей могло повлечь применение принудительных мер, предусмотренных законом (лишение родительских прав, отстранение от обязанностей опекуна, попечителя и помещение ребенка в детский дом)[6].

Принципы работы детских домов, формы организации воспитания, досуга детей начали разрабатываться на рубеже 1910–20-х годов[7]. Стандарты управления детскими домами и правила их внутреннего регулирования оформились в 1930–

---

[2] Цит. по: *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения. Дошкольное воспитание. Вопросы семейного воспитания и быта. М., 1959. Т. 6. С. 157.

[3] Там же. С. 157–159.

[4] Следует отметить, что восстановление пропаганды ценностей семейного воспитания началось раньше, еще во второй половине 1920-х годов. См.: *Смирнова Т. М.* Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. М.; Тверь: Науч. книга, 2008. С. 182.

[5] Дети ГУЛАГа: 1918–1956 гг. М., 2002. С. 183–187.

[6] Справочник по вопросам охраны детства. М., 1956.

[7] *Рябинина Н. В.* Указ. соч. С. 76.

[8] *Kelly C.* Children's world: growing up in Russia, 1890–1991. Yale University Press, New Haven and London, 2007. P. 221–223.

40-х годах[8]. Структура детских домов в послевоенное десятилетие выглядела следующим образом. В домах ребенка дети находились до трех лет, затем, если их не забирали, они помещались в детский дом. Существовало несколько типов детских домов: дошкольные, школьные, смешанные, специальные, санаторные[9].

Свои корректировки в структуру, принципы работы детских домов внесла война. Рост числа сирот во время войны привел к значительному увеличению количества специальных учреждений для них. Такие детские дома создавались в спешке, им не хватало помещений, необходимого инвентаря, педагогов-профессионалов, а главное, в отличие от детских домов, возникших в довоенные годы, – складывавшихся годами традиций «общего жития» взрослых и детей, устоявшегося быта. За годы войны обострились многие проблемы, существовавшие прежде[10]. С ее окончанием ситуация в детдомах кардинальным образом не изменилась, понадобилось еще несколько лет, чтобы решить вопросы, связанные с острой нехваткой предметов первой необходимости, перебоями с продовольствием, теснотой, отсутствием топлива в зимнее время, нехваткой персонала, хищениями продуктов, насилием над детьми в детских домах[11].

Но даже в таких обстоятельствах детский дом был не самым худшим вариантом для ребенка, оказавшегося на улице. После регулярных рейдов сотрудников милиции по чердакам и подвалам, вокзалам и рынкам у детей и подростков были не меньшие шансы попасть в детскую воспитательную колонию или

---

[9] В дошкольных детских домах воспитывались дети в возрасте от 3 до 7 лет. Дети, достигшие к началу учебного года семилетнего возраста, переводились в школьные детские дома, где воспитывались дети от 7 до 14 лет. В 14 лет подростки выпускались из детских домов в ремесленные училища и другие учебные заведения или устраивались на работу. В детских домах смешанного типа воспитывались разновозрастные дети, члены одной семьи (братья и сестры). В специальные детские дома принимались дети воинов Красной армии, партизан Великой Отечественной войны, а также дети погибших на фронте советских и партийных работников, рабочих и колхозников. Детские дома санаторного типа организовывались как интернаты для больных детей. С 1945 года отдельно образовывались детские дома при промышленных предприятиях. Они создавались для детей-сирот, родители которых работали на предприятии и погибли в годы войны, а также для многодетных семей, нуждавшихся в материальной помощи. См.: В помощь директору детского дома: Сб. документов и инструктивно-методических материалов. М., 1948.

[10] *Рябинина Н. В.* Указ. соч. С. 78.

[11] ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 495. Л. 7. Оп. 13. Д. 140. Л. 75; ГАПК. Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 634. Л. 9–12. Д. 636. Л. 7 и др.

быть привлеченными к уголовной ответственности. Еще один возможный сценарий завершения детских скитаний – возвращение к родителям. Детей, ожидавших вызовов от родителей или родственников со всей страны, сотрудники милиции старались держать в детприемниках как можно дольше[12].

Для властей, вероятно, одним из наиболее выгодных способов решения проблем с устройством ребенка были патронат, опека и усыновление – не столь популярные ранее, но пропагандируемые в годы войны формы семейного воспитания сирот. Устройство ребенка в приемную семью значительно сокращало или полностью освобождало государство от расходов на него, потому что государственные пособия на ребенка были незначительны, а опекуны вообще не получали никакого пособия[13]. В городе Молотове в сентябре 1949 года на учете состояло 1617 детей, оставшихся без родителей. Из них 951 ребенок был взят под опеку, 199 – на патронат, усыновлено 457 детей[14]. Многие семьи брали на воспитание детей добровольно, не особенно надеясь на поддержку государства или отказываясь от нее по собственной инициативе[15]. Взрослые руководствовались желанием помочь детям, оставшимся без попечения родителей. Архивные материалы содержат упоминания о плохих жилищных, бытовых условиях в новых домах, однако многие благополучные семьи как раз не попадали в материалы проверок комиссий. Так или иначе, но дети всегда могли найти собственные способы уклонения от трудностей в новых семьях: бросить учебу, сбежать из дома.

Матерям-одиночкам и семьям с крайне низким достатком специальные детские учреждения давали шанс пережить послевоенную нищету, материальные трудности. По указу 1944 года дома ребенка обязаны были принимать на полное государственное обеспечение детей матерей-одиночек, в силу различных обстоятельств не имевших возможности вырастить их самостоятельно. Об этих возможностях говорилось в социальной рекламе на страницах специализированной женской печати. За 1949 год 10 домов ребенка Молотовской области (5 городских

---

[12] Летом 1945 года Кунгурский детприемник оказался переполненным детьми, ожидавшими вызова от родителей или родственников из Ленинграда, Киева, Кирова, Белоруссии, Орловской области, Свердловска. ГАПК. Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 633. Л. 74–76.

[13] *Зезина М. Р.* Без семьи: сироты послевоенной поры // Родина. 2001. № 9. С. 84.

[14] ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 489. Л. 1, 12–13.

[15] *Смирнова Т. М.* Указ. соч. С. 189.

и 5 сельских) приняли 319 детей, из них более половины – дети матерей-одиночек[16]. Количество желающих возрастало, но дома ребенка не могли принять всех. В городе Молотове горздравотдел отказывал матерям в приеме детей, несмотря на все их доводы (отсутствие работы, жилья), и вынуждал некоторых из них идти на крайние меры[17]. Если ситуация в семье менялась, родители в любое время могли забрать ребенка; если нет, то ребенок оставался на государственном попечении[18].

Условия жизни в детском доме зависели от того, под чьим управлением он находился, в какой местности располагался, кто шефствовал над детским домом, наконец, от решающего фактора, определявшего жизнь детей в нем, – человеческого.

Управление домами ребенка и детскими домами принадлежало разным министерствам, что создавало межведомственные барьеры в перемещении детей. Принцип совместной ответственности за детские дома сразу четырех наркоматов был установлен решением Совета народных комиссаров от 14 июня 1935 года. За отдельные категории детей (дети-инвалиды, малолетние преступники, дети до трех лет и больные дети, «нормальные» и трудные дети) отвечали разные наркоматы, а затем министерства: Министерство просвещения (позже – образования), Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения и Министерство социального обеспечения. Ребенок перемещался из домов ребенка в дошкольные дома, затем попадал в школьные. Мест в детских домах не хватало, и нередко дети старше трех лет оставались в домах ребенка[19]. Такая схема перемещения не обеспечивала непрерывного воспитания, разлучала младших братьев и сестер со старшими. Порой, только став взрослыми, они находили друг друга[20]. Для многих ребят расставания проходили болезненно. В целях предотвращения этого действовали смешанные детские дома, где воспитывались разновозрастные дети от 3 до 14 лет, члены

---

[16] ГАПК. Ф. р-981. Оп. 1. Д. 1007. Л. 147.

[17] Там же. Ф. р-1365. Оп. 2. Д. 279. Л. 13.

[18] В 1952 году в Молотовской области в семьи вернулось 192 из 440 детей, выбывших из домов ребенка.

[19] *Kelly C.* Указ. соч. P. 221–223.

[20] Один из таких примеров – судьба респондента 1938 г. р., эвакуированного из города Дзержинска Донецкой области вместе со старшим братом в Коми-Пермяцкий автономный округ, затем в Краснослудский детский дом в Молотовской области. Респондент потерял своего старшего брата, когда его отправили в другой школьный детдом. После окончания вуза они нашли друг друга, но затем потеряли связь вновь.

одной семьи. Но таких детских домов было гораздо меньше, чем остальных типов детских домов[21]. Поэтому чаще приходилось разделять детей и отправлять в разные детские учреждения.

Судя по архивным материалам, детские дома[22], расположенные в городах Молотовской области, находились в лучшем положении, чем сельские[23]. Властям было выгодно удалить «опасных» детей подальше от крупных городов. Фактически такие дома оставались на самообеспечении, поскольку выделяемых бюджетом средств было недостаточно. Дома находились в катастрофическом положении. Но в сельской местности оказывалось больше возможностей вести подсобное хозяйство, и дирекция детских домов делала на это ставку.

Детские дома подразделялись на бюджетные, ведомственные, межколхозные. Большинство детских домов было бюджетными, однако наиболее выгодным вариантом, по мнению некоторых работников детдомов, был ведомственный, когда министерство помогало детскому дому, а дети, вырастая, шли работать на принадлежавшие ему предприятия[24]. Более распространенной формой связи предприятия и детского дома оказывалось не всегда эффективное шефство, попечительские советы – формы общественного участия в жизни сирот, активно пропагандировавшиеся в 1940-х годах[25]. Здесь многое зависело от того, как сложатся отношения между шефом и подшефными, от характеров двух директоров, умения находить общий язык[26].

---

[21] Например, в 1947 году в Молотовской области действовало 104 детских дома, из них школьных – 69, дошкольных – 17, смешанных – только 8; детдомов специального назначения (в том числе для детей защитников Ленинграда – 20). ПермГАНИ Ф. 1458. Оп. 1. Д. 759. Л. 24.

[22] В Молотовской области в 1945 году насчитывалось 117 детских домов (около 12,5 тыс. детей), а в 1955-м – уже 65 (около 4,5 тыс. детей). ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 495. Л. 5; ГАПК. Ф. р-981. Оп. 1. Д. 1017. Л. 4–6. В городе Молотове количество детских домов с 1947-го по 1949 год увеличилось с 10 до 12 с численностью 1628 воспитанников. ГАПК. Ф. р-480. Оп. 3. Д. 510. Л. 133.

[23] См., напр.: ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 495. Л. 5–14; Оп. 15. Д. 489. Л. 88.

[24] *Воскобойникова С. А.* Нет чужих детей: раздумья о проблемах современного сиротства. М., 1989. С. 15.

[25] *Тарлова Т.* Благородный почин // Работница. 1945. № 9; *Вишнякова Е.* С материнской любовью // Работница. 1945. № 10; *Шиф С., Яковлев В.* Материнское сердце // Работница. 1948. № 2; *Киселёв Я., Ильин М.* Благородные сердца // Работница. 1948. № 6; *Фадеева И.* Забота о семьях защитников Родины // Работница. 1948. № 7; *Александрова И.* Глаз матери // Работница. 1951. № 6.

[26] *Воскобойникова С. А.* Указ. соч.

Взаимоотношения в детском доме не копировали семейные. Ни директор, ни воспитатели не обязаны были выполнять роли «матери» и «отца». Ставка делалась на детский коллектив (в среднем – более 100 человек[27]), который под чутким и внимательным руководством взрослых сможет организоваться и обеспечить необходимые условия для воспитания ребенка. В результате возникали специфические формы взаимодействия/общения детей со взрослыми и друг с другом.

В послевоенные годы персонал детских домов в основном состоял из малообразованных, не имевших никакого отношения к педагогике людей. Это было связано и с уходом прежних педагогов на фронт, реэвакуацией, и с открытием новых детских домов, куда в кратчайшие сроки требовались воспитатели, и с трудностями самой работы с детьми, оставшимися без родителей. По этим и другим причинам подбор персонала в детских домах носил случайный характер. Воспитатели часто менялись[28]. Многие из работников не имели законченного среднего образования: в 1949 году из 766 воспитателей детских домов Молотовской области таких педагогов насчитывалось 161[29]. Среди директоров этот процент был немного выше. В такой ситуации огромное значение приобретали личные качества директора, воспитателей и других работников детского дома, их умение общаться с детьми, повидавшими «непарадные» стороны жизни.

Взаимоотношения взрослых с детьми в детских домах, основанные на коллективном подчинении и послушании, часто становились проверкой для взрослых, получавших безграничную власть в детском доме. Некоторые эту проверку не проходили. В 1952 году из 65 директоров детских домов в Молотовской области было снято с работы и уволено из-за «злоупотреблений по службе, преступных проявлений и морального разложения» 17 человек[30]. Под «злоупотреблениями» чаще всего понимались хищения, побои, издевательства, изнасилования. Даже в благополучном в этом отношении городе Молотове в 1949 году были обнаружены факты издевательств над воспитанниками директрисы детского дома. В течение четырех лет

---

[27] Данные о сети и контингенте детских домов Министерства просвещения в Молотовской области за 1949 год. ПермГАНИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 973. Л. 55.

[28] Только в одном В.-Каменском детском доме за три года сменилось 52 воспитателя. Данные 1949 года. ПермГАНИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 973. Л. 119.

[29] ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 372. Л. 95.

[30] ГАПК. Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 642. Л. 27.

она сажала детей в карцер, применяла физические наказания за любую провинность и т. д. По результатам расследования она была исключена из партии, привлечена к уголовной ответственности и осуждена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ)[31]. Судя по документам центральных архивов, подобная ситуация была характерна для всей страны. В докладной записке на имя Г. М. Маленкова сообщалось: «В 1948 году органами прокуратуры в РСФСР привлечены к уголовной ответственности ряд руководителей и воспитателей детских домов... К детям применялись физические меры воздействия, их подвергали избиению, лишали пищи, закрывали в холодные помещения, обливали холодной водой...»[32] Что было причиной подобного отношения к детям, сказать сложно: возможно, ожесточенность военных лет, беззащитность детей, чья жизнь находилась в руках администрации детского дома, специфика отношений в детдоме и т. д.

Но представлять детей и подростков как слабых и беззащитных не стоит. Исследовательница истории детства XX века К. Келли полагает, что детей не следует относить к «подчиненным классам». Дети иногда вынуждены действовать защитным образом или, наоборот, с показным раболепием, но это не может рассматриваться в качестве устойчивой характеристики данной социальной группы. Ребенок может требовать то, чего он хочет, и с большим успехом оспаривать намерения взрослых[33]. Насколько эти выводы соответствуют специфической обстановке послевоенных детских домов, ответить сложно. Для этого требуется детальное изучение большого количества мемуарных свидетельств о детских домах. Тем не менее можно утверждать, что главной силой воспитанников детских домов во взаимодействии с персоналом детдома была их коллективность. Группировки, возникавшие в детдомовской среде, иногда определяли конфигурацию сил внутри детского учреждения. Формирование детдомовского коллектива было не только успешным результатом воплощения макаренковских принципов воспитания трудных подростков, но и в некоторых случаях жизненной необходимостью в общении с руководителями детского дома, с другими воспитанниками, с местным населением.

---

[31] Там же. Оп. 2. Д. 274. Л. 27.

[32] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 56. Л. 77.

[33] *Келли К.* Об изучении истории детства в России XIX–XX веков // Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. С. 45–46.

В 1951 году в городе Кунгуре воспитанники детского дома № 2 написали жалобу на имя В. М. Молотова о том, что к ним «применяются антипедагогические методы воспитания» со стороны руководителей детдома (описывались ужасные бытовые условия, случаи воровства у воспитанников и т. д.). Правда, директор детского дома, узнав об этом и побоявшись ответственности, заставил воспитанников написать еще одно письмо, в котором дети уже описывали свою благополучную жизнь и просили прощения за неправду[34].

Еще одной формой противодействия персоналу детдома был «бунт», как назвала действия воспитанников детдома 1940-х годов в Кировской области инспектор роно по детдомам: «Вот как-то приехала в Константиновский детский дом и страшную картину увидела: все стекла побиты, подушки порезаны, на кровати голые матрацы, пионервожатая привязана к ножкам стола, а воспитанники сидят на крыше и поют: "Союз нерушимый: директор плешивый, завуч-замухрышка, воспитатель-кочерыжка..." Отпустила я тогда весь перепуганный педагогический коллектив, собрала для разговора ребят – надо же выяснить причины бунта. Хорошо, откровенно поговорили»[35]. Из текста непонятно, на что была подобная реакция воспитанников, каковы результаты «бунта», удалось ли им добиться желаемого. Так или иначе, в экстремальных случаях подростки использовали «оружие слабых»[36] – стратегии защиты, уклонения, манипулирования. Здесь срабатывал принцип: лучшее средство защиты – это нападение. Подростки всегда могли поквитаться с особо нелюбимым воспитателем, своровав с его огорода картошку, подстроив ему какую-нибудь ловушку или сделав «темную» воспитаннику-доносчику[37]. И наоборот – ответить добром воспитателям, которые относились к подросткам с вниманием и заботой. Безусловно, многое в детдомовском коллективе зависело от личностей самого ребенка и воспитателя, способности адаптации к «разношерстному» коллективу, от умения быстро находить общий язык со всеми обитателями этого учреждения.

---

[34] ГАПК. Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 640. Л. 34.

[35] *Бакин В. С.* Детдомовские сороковые: Док. повесть. М., 1991. С. 198–199.

[36] *Келли К.* Указ. соч. С. 45–46.

[37] Из интервью с Л. Б. Б-ым. Записано 23.08.2006 г. Пермь. Личный архив автора.

Благополучие детского дома напрямую зависело от директора, его способности «выпросить, выклянчить, вытребовать» все, что могло пригодиться детдому[38]. Дальнейшая судьба подростков также напрямую зависела от директора. Детские дома обязаны были выпустить подростка с наступлением 14 лет, независимо от того, сколько классов он окончил[39], и определить выпускника в школу ФЗО, ремесленное училище, где обучали рабочим специальностям, или устроить на работу. Только в крайних случаях директора могли держать выпускников дольше положенного срока. Благожелательное отношение директора детского дома позволяло подростку, имевшему отличные успехи в учебе, продолжить обучение в старших классах, после которого появлялась возможность поступить в специализированное учебное заведение, в вуз[40].

С одной стороны, выпускники детских домов, устраиваясь в школы ФЗО и ремесленные училища, получали шанс интегрироваться в советское общество. Фактически это были единственные учебные заведения, принимавшие выпускников детских домов. За счет них Министерство трудовых резервов решало проблему ежегодного выполнения плана по набору в эти учебные заведения[41]. Использовались самые разные способы привлечения молодежи – от встреч, радиоочерков, статей, рекламы в местных газетах[42] до запугивания, даже арестов[43]. Для того чтобы выполнить план, местные власти шли на незаконную мобилизацию (повторные призывы рабочих заводов, уже окончивших школы ФЗО)[44], на приписки (возраст, образование, состояние здоровья)[45].

С другой стороны, даже когда директора училищ закрывали план по набору всеми мыслимыми и немыслимыми спосо-

---

[38] *Воскобойникова С. А.* Указ. соч. С. 9.

[39] В 1949 году в Молотовской области необходимо было устроить 1527 выпускников детских домов, в том числе окончивших 4 класса в 14 лет. Девочек – 700 человек, мальчиков – 477 человек. Переростков (14–15 лет), не окончивших 4 класса, – 350 человек. Результаты трудоустройства по состоянию на 1 августа – не более 50 человек, из числа мальчиков 15–16 лет, окончивших 5–7 классов. ПермГАНИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 973. Л. 32.

[40] Из интервью с Л. Б. Б-ым. Записано 23.08.2006 г. Пермь. Личный архив автора; *Арошенко М. М.* Наш взрослый детский дом. Повесть-исповедь. Днепропетровск, 1990. С. 43.

[41] ГАПК. Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 634. Л. 18; ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 188. Л. 6–7.

[42] ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 188. Л. 5.

[43] ГАПК. Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 637. Л. 58.

[44] Там же. Оп. 2. Д. 274. Л. 11.

[45] Там же. Д. 272. Л. 42; Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 634. Л. 18.

бами, некоторых выпускников детских домов не брали в школы ФЗО из-за недостаточного образования, плохого состояния здоровья (грыжа, моченедержание, туберкулезная интоксикация). Неохотно принимали девочек, полагая, что многие специальности для них слишком трудоемки[46]. В результате такие подростки устраивались на более тяжелые работы.

Воспитанники послевоенных детских домов знали не понаслышке, что такое тяжелый труд. Детдомовцы были привлекательным трудовым ресурсом для сельского хозяйства[47]. В условиях послевоенной нищеты и точечной помощи шефов воспитанники детских домов трудились не только в терапевтических и воспитательных целях[48]: «Чем больше разрасталось хозяйство, тем больше убеждались, что только труд давал возможность жить жизнью, полноценной во всех проявлениях, – говорил директор одного из детских домов. – И правильно ли уводить детей от реальных противоречий жизни, отодвигать трудные заботы?.. Прибыль от рентабельного детдомовского хозяйства помогала жить»[49]. Доходы от хозяйства позволяли приобретать необходимые предметы, на которые не выделялось бюджетных средств. Некоторым детским домам это давало возможность помогать бывшим воспитанникам, уезжавшим на учебу[50].

Подобная «эксплуатация» противоречила законодательной базе охраны детства в Советском Союзе, которая, по крайней мере формально, оставалась одной из самых прогрессивных в мире. И среди педагогов не было единого мнения по этому поводу. К примеру, в одном из детских домов воспитанники построили своими силами лагерь и клуб. Работники детского дома, поделившиеся этим опытом на одном из совещаний, получили в свой адрес немало критических замечаний по поводу непеда-

---

[46] ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 489. Л. 96; Ф. 1458. Оп. 1. Д. 973. Л. 13–15.

[47] ГАПК. Ф. р-986. Оп. 1. Д. 1191. Л.54; Д. 1232. Л. 25; Д. 1201. Л. 46; Д. 1214. Л. 65; Д. 1228. Л. 48; Ф. р-1366. Оп. 1. Д. 633. Л. 74–76.

[48] Эти идеи были заимствованы у известного американского философа и педагога Д. Дьюи. См.: *Салова Ю. Г.* «Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е годы: Учеб. пособие. Ярославль, 1998. С. 6; *Яковлева В. В.* Реформирование отечественного образования в контексте филиации идей в первой трети XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2004.

[49] *Воскобойникова С. А.* Указ. соч. С. 29–30.

[50] Из опыта работы детских домов: Сб. статей. М., 1956. С. 64–67; *Кулик А. С.* Городок на Каме. Эпизоды из жизни детского дома. Город Оханск. М., 1950.

гогичности и недозволенности проведения таких сложных трудовых заданий с воспитанниками: «Одни приходили в ужас при одном упоминании о том, что мы разрешаем 15–17-летним воспитанникам самим строить леса и тем более работать на них; другие утверждали, что подросткам вредно рыть траншеи, носить песок на носилках»[51]. Однако руководство детдома отмечало улучшение дисциплины у тех воспитанников, которые были самыми неуправляемыми. Для самих же подростков выпас лошадей или заготовка дров могли стать опасным, но настоящим приключением, где можно было проявить лихачество, ловкость, смелость. Вынужденный труд, с одной стороны, дисциплинировал неуправляемых подростков, с другой – слишком быстро интегрировал недавних детей во взрослый мир. Все это могло вызвать со стороны подростков ожесточение и озлобление.

Детские дома в послевоенные годы должны были «возвращать» многих детей в нормальную жизнь. Для одних детей такое возвращение оказывалось слишком болезненным, у других (как детей, так и взрослых) – появлялась возможность выжить в тяжелейших послевоенных условиях. Большинство детских домов в Молотовской области в первые пять послевоенных лет решали проблему выживания. Все это провоцировало распространение аномального поведения среди детей: побеги из детских учреждений, рост проступков и преступлений среди подростков. Были образцовые учреждения, где комфортно себя чувствовали и воспитатели, и воспитанники[52]. Судя по воспоминаниям и многочисленной литературе, в Молотовской области к числу таких относился детский дом в городе Оханске. Он имел богатую довоенную историю, устоявшийся быт и традиции[53].

Анализ положения детских домов не может дать полной информации о повседневной жизни детского дома. В этой статье намечены лишь некоторые направления исследования детдомовской повседневности, последующее изучение которых невозможно без привлечения мемуарных свидетельств, устных историй воспитанников, работников детских домов (начиная от поваров и заканчивая директором), инспекторов, ревизоров, проводивших проверки детдомов, местных жителей и т. д.

---

[51] Вопросы воспитания в детском доме. М., 1956. С. 128.

[52] Из интервью с Н. И. К-ым. Записано 09.04.2007 г. Пермь. Личный архив автора.

[53] *Кулик А. С.* Указ. соч.; *Пономарёв В. П.* Оханскому детскому дому – 75. Пермь, 1984.

Н. В. Суржикова
кандидат исторических наук
УРО РАН,
г. Екатеринбург

ТЕМА ВОЙНЫ И МИРА В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ 1946 ГОДА[1]

Бытует мнение, что как исторический источник советская пресса, управляемая и единообразная, скучна и скудна на откровения, способные обогатить знание и углубить понимание прошлого. Действительно, еще в 1912 году «вождь мирового пролетариата» недвусмысленно определил судьбу печатных изданий грядущей эпохи социализма. «Нам нужна газета не только для того, чтобы помогать нашей рабочей борьбе, – писал В. И. Ленин, но для того, чтобы дать образец и светоч всему народу»[2]. Сообразно с этим любая советская газета являлась прежде всего орудием «идейно-политического воспитания советского народа» и только во вторую очередь – неким подобием новостной информации. Размышляя в таком ключе над специфичностью издаваемой в СССР периодики, и в особенности газет, призванных оперативно информировать аудиторию о текущих событиях, недолго прийти к умозаключению, что советская пресса в привычном понимании слова прессой вовсе не являлась. Но холопское положение средств массовой информации в советской системе не отменяло таких природных свойств периодических изданий, как их чувствительность и отзывчивость к изменениям актуальной ситуации. Даже превратившись в «стиральную машину для мозгов», советская пресса отличалась от заверенных подписями и скрепленных печатями документальных свидетельств, противопоставляя их наивному финализму свою неоспоримую континуальность. В условиях государственной монополии на информацию и средства массовой информации советская печать меняла свое лицо, экспонируя процесс смены одной конъюнктурной безупречности другой конъюнктурной безупречностью как никакой иной исторический источник.

Главное событие советской истории – Великая Отечественная война – не избежало этой участи. Нормативная версия войны в советской печати формировалась параллельно с ходом самой

---

[1] Реферат статьи, подготовленной для журнала «Cahiers du Monde russe».

[2] *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Т. 21. С. 431.

войны, и излишне говорить, что тема эта была центральной для советской периодики июня 1941-го – мая 1945 года. При этом появилось такое специфическое явление, как фронтовая пресса, но заметно сократилось число газет, издаваемых в стране.

После окончания войны пресса закономерно трансформировалась. С принятием 20 июня 1945 года решения ЦК ВКП(б) «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет» проблематика периодических изданий сменилась с военной в основном на мирную в основном, а круг тем заметно расширился. Оговаривая тематические предпочтения прессы 1946 года, я неслучайно характеризую их сдвиг как сдвиг «с военной в основном на мирную в основном» проблематику. Война окончилась, но не стала прошлым сразу, а еще какое-то время сливалась с настоящим, и вопрос о том, чего же было больше в советской прессе 1946 года – тем войны или тем мира, – вопрос не очень «правильный». На мой взгляд, наиболее важен вопрос о том, насколько монолитна была советская пресса в освещении прошедшей войны и наступившего мира. Позволю себе предположить, что монолитность прессы 1946 года носила условный, синтетический характер, что было вызвано дифференцированным, иерархическим подходом к организации информационного пространства. Центральная, областная, городская, районная или заводская пресса – все они решали общие задачи, но решали по-своему, каждая на своем уровне и своими средствами, и уровни эти, равно как и средства, различались примерно в той же степени, в какой различались столица и периферия, город и деревня. Вместе с тем сама по себе лишь относительная стройность информационных потоков неизбежно подвергалась эрозии снизу, поскольку дистанция между проекцией сверху и проекцией снизу неотменяема даже при жесткой цензуре.

Почвой для сомнений в том, что советская периодическая печать была бесцветна, что публикации имели «дистиллированный» характер, стали материалы нескольких газет 1946 года, и здесь, наверное, уместнее всего объяснить, почему речь идет именно о 1946-м. Вслед за А. В. Фатеевым отмечу такую нетипичную для советских газет 1946 года черту, как отсутствие ярко выраженного образа внешнего и внутреннего врага[3]. «Зависнув», таким образом, между прошлым и будущим, пресса

---

[3] *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999.

потому весь год и «прессовалась» властью[4], что вместо беспримерной сплоченности народа-победителя она безо всякого умысла обнаруживала в советском обществе признаки ослабления его внутреннего социально-политического единства.

Основные характеристики и статистика использованных источников

Количество просм. номеров, за месяц / Название и статус издания	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
«Асбестовский рабочий». Орган Асбестовского горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся	18	14	3	5	8	4	5	4	4	5	5	2	77
«За уральский алюминий». Орган парткома, завкома и управления Уральского ордена Ленина алюминиевого завода	7	7	9	8	6	7	8	7	8	8	8	8	91
«Новая жизнь». Орган Петрокаменского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся	8	9	6	4	14	8	8	6	9	4	7	4	87
«Сталинская стройка». Орган парткома, постройкома и управления треста Тагилстрой	—	—	—	—	—	—	7	9	8	9	8	6	47
«Тагильский рабочий». Орган горкома ВКП(б) и городского Совета депутатов трудящихся	11	12	6	14	5	9	6	6	12	15	6	1	103
«Уральский рабочий». Орган Свердловского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся	24	23	27	20	23	24	25	26	27	27	24	25	295
«Правда». Орган Центрального Комитета ВКП(б)	27	24	27	25	26	23	26	27	25	26	25	26	307
ИТОГО	**95**	**89**	**78**	**76**	**82**	**75**	**85**	**85**	**93**	**94**	**83**	**72**	**1007**

[4] Обструкции в то время подверглись не только журналы «Звезда» и «Ленинград», но и многие другие издания. Среди использованных мною газет в число «неправильных» попали «Новая жизнь» и «Тагильский рабочий». См.: Уральский рабочий. 1946. 9 июля, 23 июля, 16 окт.

Основные характеристики использованных мною источников приведены в таблице. Ретроспективные издания серьезно отличались по статусу, а потому и по своей периодичности, тиражности и объему отличались на порядок. Выбор таких разных газет был и субъективен, и объективен одновременно. Отчасти он определялся доступностью, полнотой и сохранностью того или иного издания. Эти факторы предопределили близкое к пропорциональному соотношение между комплексом центральных («Правда»), региональных («Уральский рабочий») и «низовых» изданий, изначально не предполагавшееся. Субъективный подход к подбору источников был обусловлен как субъективностью «стартовой» исследовательской гипотезы, так и моими личными представлениями о типичности или нетипичности, статичности или подвижности, важности или второстепенности исторических текстов (и контекстов) – в самом широком их понимании.

Как уже говорилось выше, генезис официального нарратива войны начался в советской прессе еще в годы войны. Для поствоенного периода актуальной стала задача корректировки уже имевшихся клише и их «якоренения» в массовом сознании. Создание широких генерализаций с их последующей конвенционализацией предусматривало предварительную «унификаторскую» работу, которая бы позволила превратить извилистые дороги войны в одну прямую, магистральную. Но на это требовалось время, а время было дорого: война закончилась и ее осмысление «снизу» – осмысление, которое могло привести к выводу о невозможности движения страны по пути, который однажды уже привел к войне, – надо было предупредить. Сию миссию, миссию предупреждения, выполняла в основном центральная и в меньшей степени региональная периодика.

Сразу укажу, что если газетная передовица «Правды» 1946 года редко обходилась без ссылок на войну, то для всех остальных газет это было не обязательно. Невозможно пройти мимо необъяснимого отличия между номинированием войны на разных «этажах» советской прессы. В то время как в «Правде» война артикулировалась как Великая Отечественная, в газетах попроще она в большинстве случаев определялась как Отечественная. Опуская артикль «Великая», создатели местных изданий, однако, были солидарны со своими коллегами из «Правды» в главном – в том, что основополагающей для прошедшей войны являлась ее характеристика как войны победоносной.

История войны фильтровалась через призму уже одержанной победы вполне закономерно. Победа как абсолютная ценность заслоняла собой войну, что четко обозначила передовица первого номера «Правды» за 1946 год: *«Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили»*[5].

Победа на общенациональном уровне, а вслед за ним и на всех остальных позиционировалась как беспримерная, невиданная, великая и историческая. Наполнение победы особым историческим смыслом означало в том числе и то, что уже в 1946 году Великой Отечественной войне и венчавшему ее триумфу советского оружия было найдено достойное место между прошлым и будущим. Довоенные «свершения» ретроспективно выстраивались в звенья одной цепи, что не уставала внушать большевистская «Правда»: *«Политика индустриализации и коллективизации, победоносно осуществленная большевистской партией, спасла нашу Родину...»*[6]

В конечном итоге эти и аналогичные им заявления как в «Правде», так и в дочерней по отношению к ней прессе слагались в формулу безусловного превосходства советского строя над любым другим общественным строем, которая стала стержневой, концептообразующей для «скороспелой» истории войны. *«Социализм – в великой победе над черными силами фашизма»*[7], – коротко констатировала «Правда» 17 марта 1946 года.

Кочуя из номера в номер, из газеты в газету и будучи рефреном всех публикаций о войне, тезис о неодолимой силе советского строя на самом деле мало что объяснял в войне как таковой. Доведенный почти до абсурда, он подменял идею народа-победителя идеей строя-победителя, как будто народ был и вовсе ни при чем: *«Гитлеровские захватчики нанесли нашей Родине огромный ущерб, исчисляющийся суммой в 679 миллиардов рублей. Любая другая страна, подвергшаяся такому варварскому нашествию, была бы отброшена назад на десятилетия, а то и на века, надолго, если не навсегда, сошла бы со сцены как первостепенная держава. Преимущества социалистического строя избавили нашу Родину от такой горькой и жалкой участи»*[8].

---

[5] Год минувший и год наступивший // Правда. 1946. 1 янв.

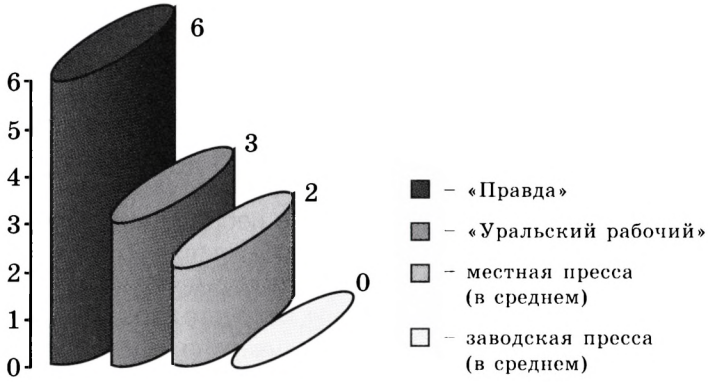
[6] *Таленский Н.* Великая историческая победа Красной армии // Правда. 1946. 1 янв.

[7] План великих работ // Правда. 1946. 17 марта.

[8] Год минувший и год наступивший // Правда. 1946. 1 янв.

Превосходство, а значит и образцовость советского социально-политического и социально-экономического порядка не оставляли места никаким иным вариантам развития прогрессивных «демократических» обществ. Пафос всемирного миссионерства нагнетался посредством навязчивого педалирования через «Правду» того факта, что изначально исключительно Отечественная война Советского Союза стала еще и освободительной для стран Европы (и не только Европы): *«От Волги до Шпрее, Эльбы и среднего Дуная дошел советский исполин, круша немецкую оборону, преодолевая широкие поля и шагая через горы. Он нес освобождение рабам, избавление узникам, спасение каторжникам фашизма. По его пятам воскресала жизнь народов, вырванных из хищных лап гитлеровского империализма. И освобожденные от кровавого кошмара полной грудью вздохнули народы Европы...»*[9]

Рис. 1. **Тема возмездия в советской прессе 1946 года**
(число публикаций на 10 номеров)



Образ фашизма главная газета страны прорисовывала с таким тщанием далеко не случайно: ведь чем страшнее враг, тем величественнее та сила, которая его одолела. Газета, подчеркивая тот факт, что «советский народ вынес на своих плечах основную тяжесть борьбы против фашистского агрессора»[10],

[9] *Галактионов М.* Победа советского народа в Великой Отечественной войне // Правда. 1946. 21 янв.

[10] Первомайские призывы большевистской партии // Правда. 1946. 25 апр.

не скупилась на краски, характеризуя ужасы фашизма. Поэтому среди тем «Правды» 1946 года тема Нюрнберга – и не только Нюрнберга, но и возмездия вообще – превратилась в одну из главных. Над ее освещением трудились не только корреспонденты официальной хроники, но и известные советские ученые (А. Трайнин), художники (Кукрыниксы), писатели и поэты (Б. Полевой, С. Маршак). Описывая из номера в номер тему действительно невиданных злодеяний фашизма, «Правда» тем самым как бы прибавляла все новые и новые баллы к оценке победы СССР над столь вероломным и жестоким врагом.

Примечательно, что в газетах «За уральский алюминий» и «Сталинская стройка» тема возмездия вообще не поднималась, а на уровне прессы региональной, районной и городской никаких «добавочных» к официальным сообщениям ТАСС материалов о судебном преследовании и наказании преступников войны не публиковалось[11]. Они здесь были лишними, поскольку рассказывающая функция этих материалов не являлась доминантной. Ей противостояла функция, состоявшая в формировании и закреплении на самом высоком уровне образа великой победы и вместе с ним идеи совершенства общественно-политического устройства Страны Советов.

Олицетворением этого совершенства был, безусловно, И. В. Сталин. Поэтому победоносное испытание советского строя войной могло быть авторизовано только одним именем – именем Сталина: *«На всех этапах Великой Отечественной войны сталинский гений предвидел ход важнейших событий, готовил победу над врагом»*[12].

В прессе 1946 года никакой другой войны, кроме войны в виде перечисления организованных Сталиным успешных операций и выигранных сражений, не было[13]. Оборотной стороной «сталинизации» войны и победы была тенденция их деперсонификации, если хотите – дегуманизации, практически реализованная в «Правде». Хотя приватизация победы Сталиным не

---

[11] Искл.: *Леонов Л.* Гномы науки // Асбестовский рабочий. 1946. 8 янв. Перепечатка из «Правды» за 22 декабря 1945 года.

[12] Торжество сталинского предвидения // Уральский рабочий. 1946. 3 июля.

[13] *Галактионов М.* Величественный путь побед Красной Армии // Правда. 1946. 23 февр.; *Он же.* Историческая победа у стен Сталинграда // Правда. 1946. 2 февр.; *Голиков Ф.* От активной обороны к наступлению // Правда. 1946. 18 февр.; *Зайцев М.* Орловско-Курская битва // Уральский рабочий. 1946. 23 июля; *Савельев А.* Великая победа под Москвой // Уральский рабочий. 1946. 7 дек.

означала отсутствия в стране героев, достойных восхищения, о чем, в частности, свидетельствуют заметки о вручении орденов и медалей СССР[14]. Однако герои, да и просто люди, ковавшие победу на фронте и в тылу, замещались безликим «советским народом» и «его Красной армией», 28-я годовщина которой отмечалась с огромным размахом. Вообще те масштабы, в которых в 1946 году воспевалась мощь советских вооруженных сил, подменивших собой непосредственно людей, трудно переоценить. Главное тому подтверждение – праздничная тема.

Закономерным итогом войны стало появление в советском календаре новых – «военизированных» – праздников: дней Победы, авиации, артиллерии, военно-морского флота и танкистов. И если рождение первого было обусловлено традицией ознаменования памятных дат/мест истории, то последние имели иную природу. Названия «специализированных» дней артиллерии, авиации и военно-морского флота не только маркировали особую роль техники в прошедшей войне. Они неявно зафиксировали бóльшую значимость техники в сравнении с «живой силой», ведь если бы было наоборот, то новые «красные» даты именовались бы днями артиллеристов, летчиков и моряков. Намеченный на 8 сентября День танкистов, несколько выбивавшийся из общего списка, на самом деле тоже призван был стать в первую очередь днем танков, во вторую – днем бронетанковых войск и танкостроения и лишь в третью – днем танкистов[15].

Такая ситуация не была обязательной: к примеру, приуроченные ко Дню авиации материалы являли собой настоящую оду «сталинским соколам», а не только советским самолетам и самолетостроению[16], но это не снимало проблемы деперсонализации и дегуманизации войны в «Правде». Думаю, война с упоминанием прошедших ее людей была не показана газете вообще – предметом ее внимания была «война моторов», предсказанная, естественно, сталинским гением.

Тема человека в войну и на войне развивалась в региональной и локальной прессе. Здесь были запечатлены и имена, и лица, и судьбы тех, для кого война стала личным опытом. В пространстве советской прессы опыт этот вместе с лицами и судь-

---

[14] См., напр.: Вручение орденов и медалей СССР // Правда. 1946. 18 авг.

[15] *Рыбалко П. С.* Праздник советских танкистов // Правда. 1946. 13 июля; *Малышев В.* Советское танкостроение // Правда. 1946. 8 сент.

[16] День сталинской авиации // Правда. 1946. 18 авг.; К новым успехам в деле совершенствования советской авиации // Правда. 1946. 19 авг.

бами трансформировался в относительно личный, поскольку в газетах ретроспективного периода личное и индивидуальное не просто строго дозировалось, но и затачивалось под «общеупотребительный» образец[17].

Соответствующие образы «лепились» в прессе 1946 года с дальним прицелом – прицелом на мирную жизнь. В публикациях, посвященных фронтовикам, их боевое прошлое воспроизводилось поверхностно и шаблонно, если вообще воспроизводилось. Их личный опыт, как, собственно, и коллективный опыт войны, мало интересовал тех, кто формировал предпочтения советских газет. Вчерашние фронтовики, пришедшие с войны в цех завода или колхоз, превращались в рабочих и колхозников, труд которых был востребован больше, чем любые подвиги[18].

Таким образом, как успешная проверка советского строя, советского оружия и советских людей, освященная именем Сталина победоносная война поворачивалась, разворачивалась и переворачивалась в зеркале советской прессы так, как того требовала прямая перспектива. Предельный прагматизм, если угодно, презентизм власти способствовал стремительной инструментализации войны лишь в той ее части, которая работала на задачи, поставленные вернувшимся на советскую землю миром.

Понятно, что мир этот был неполноценным, поскольку раны войны были слишком глубоки и болели. Однако ставший приметой времени лозунг «Залечим раны, нанесенные войной!» недвусмысленно указывал на то, что хозяин Кремля недооценивал тяжесть последствий войны. Метафора ран – ран, быстро залечиваемых[19], – предполагала, что организм в целом вполне жизнеспособен, поэтому тему восстановления я и квалифицировала как скорее мирную, нежели военную.

Несмотря на то что в материалах, ориентированных на освещение динамики восстановления разрушенного войной хозяйства, ее печальное наследство подвергалось активной акцентуа-

---

[17] *Струбинский С.* Один из многих // Асбестовский рабочий. 1946. 31 янв.; *Дружинин В.* В боях за Родину // За уральский алюминий. 1946. 23 февр.; *Порывкин В.* Один из эпизодов // За уральский алюминий. 1946. 23 февр.

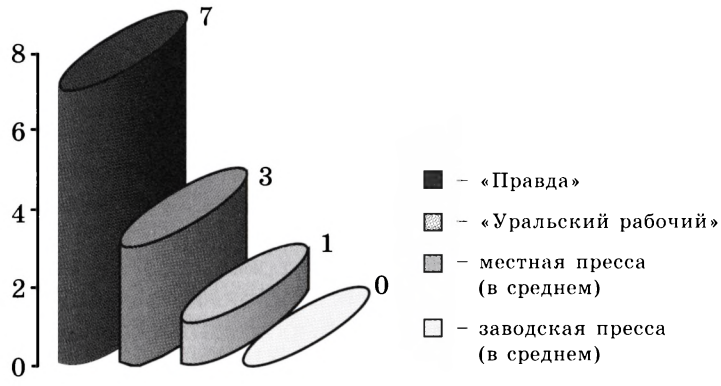
[18] Бывшие фронтовики на весеннем севе // Новая жизнь. 1946. 25 мая; *Ликстанов И.* Люди большого роста // Асбестовский рабочий. 1946. 6 янв.; Фронтовик пришел в цех // За уральский алюминий. 1946. 22 июня, 4 дек.; Фронтовик стал сушильщиком // Тагильский рабочий. 1946. 15 мая; *Татауров В.* Бывшие фронтовики подают пример в труде // Уральский рабочий. 1946. 22 февр.

[19] См.: Мы быстро залечим раны войны // Правда. 1946. 3 янв.; Быстрее залечить раны, нанесенные войной // Правда. 1946. 21 сент.

ции, сам факт разрухи камуфлировался обтекаемыми формулировками типа «известные трудности послевоенного периода»[20]. Еще до принятия пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы с метафорой залечивания ран начала конкурировать – и не без успеха – метафора стройки. Газетные заголовки постепенно перестали фиксировать разницу между восстановлением или реконструкцией старых предприятий и строительством новых[21].

Стационарный для советской прессы 1946 года концепт возвращения к «мирному строительству» после «всенародного одобрения» плана новой сталинской пятилетки получил свое продолжение в настоящей экспансии «строительных пассажей» на территории газетного пространства[22]. Региональная печать и местная отреагировали на возвращение в поствоенный мир предвоенной мифологии «великих свершений» еще и светлыми «футуристическими» зарисовками типа «Будущий Камышлов», «Город, которого не было на карте», «Город Асбест через 5 лет» и др.[23]

Рис. 2. **Тема восстановления в советской прессе 1946 года** (число публикаций на 10 номеров)



[20] Год минувший и год наступивший // Правда. 1946. 1 янв.

[21] См., напр.: Пуск новых предприятий // Правда. 1946. 6 июля.

[22] Сегодня на стройках нашей страны // Правда. 1946. 6 февр.; Стройки пятилетки // Правда. 1946. 28 апр.; На стройках пятилетки // Правда. 1946. 26, 29 сент.; Пятилетка огромной стройки // Уральский рабочий. 1946. 6 апр.; На стройках новой пятилетки // Уральский рабочий. 1946. 5 мая; На стройках нашей области // Уральский рабочий. 1946. 24 дек.

[23] См.: Будущий Камышлов // Уральский рабочий. 1946. 5 мая; Город, которого не было на карте // Уральский рабочий. 1946. 17 дек.; Город Асбест через 5 лет // Асбестовский рабочий. 1946. 19 сент.; и др.

Очевидно, что мир как стройка мог реализоваться только при одном условии – при наличии огромной армии строителей. «Правда», «Уральский рабочий», «Тагильский рабочий», «Асбестовский рабочий», «Новая жизнь», «Сталинская стройка», «За уральский алюминий» – все эти издания звали своих читателей прежде всего к созидательному труду: «*Интересы Родины, как никогда, требуют нового наступления в труде, чтобы закрепить одержанную Победу. Работать сегодня надо лучше, чем вчера, а завтра – лучше, чем сегодня...*»[24]

Благостную картину мирного строительства должна была дополнять картина беспримерной заботы партии и правительства о нуждах трудящихся и, соответственно, об их счастливой жизни. Заголовки всех газет 1946 года буквально кричали: «Всё для людей!»[25] Однако обустроенной и благополучной жизнь советских людей относительно убедительно выглядела только на страницах главной газеты страны. Пресса региональная, местная и заводская, пытаясь вторить «Правде», едва сдерживала – такое ощущение у меня сложилось – натиск жалоб и критики «снизу». На этом уровне тоталитарный лоск газетных передовиц удивительно сосуществовал с серостью газетных «подвалов». Хотя по степени серости они заметно различались: если в прессе городской, районной и заводской краски использовались более густые (в основном за счет повествования от первого лица), то в «Уральском рабочем» была выработана целая стратегия их высветления, позаимствованная, судя по всему, у «Правды». Во-первых, «Уральский рабочий» активно эксплуатировал жанр фельетона и художественная природа этого жанра позволяла делать некоторые отступления от «правды жизни». Во-вторых, личные письма граждан выстраивались в газете таким образом, чтобы рядом с откровенным негативом соседствовал столь же откровенный позитив, который бы обеспечивал иллюзию баланса черного и белого. И в-третьих, обращения людей в редакцию – нередко как в последнюю инстанцию – не просто редактировались, что было делом обык-

---

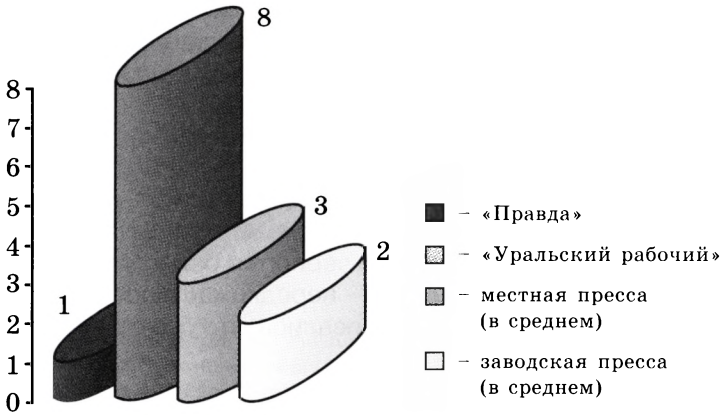
[24] Укрепим победу, одержанную в Отечественной войне, новым наступлением в труде // Асбестовский рабочий. 1946. 1 февр.

[25] 50 коммерческих чайных // Асбестовский рабочий. 1946. 4 янв.; Производство елочных украшений // Тагильский рабочий. 1946. 29 окт.; Новые сорта конфет // Уральский рабочий. 1946. 31 янв.; Ткани к весенне-летнему сезону // Уральский рабочий. 1946. 21 февр.; Товары для рыбаков // Правда. 1946. 31 марта; Благоустройство аулов Дагестана // Правда. 1946. 2 сент.; 17 000 велосипедов // Правда. 1946. 11 сент.; и др.

новенным для советской прессы всех мастей, но и безжалостно секвестировались, превращаясь в вопросительные реплики для подборки «Из редакционной почты».

Несмотря на все эти «трюки», помещенных в 1946 году в «Уральском рабочем», а также в других местных изданиях материалов достаточно, чтобы поставить под сомнение состоятельность идеи быстрого залечивания ран. Рядом с высокопарными благодарностями фронтовиков и членов их семей за заботу и внимание региональная и местная пресса вынуждена была публиковать и их жалобы[26]. Месячники по оказанию помощи инвалидам, семьям фронтовиков и демобилизованным воинам, рейды печати по проверке работы протезных мастерских, сбор подарков для детей-сирот по праздникам – все эти мероприятия, направленные на возвращение людей к миру, «рекламировались» прессой примерно с той же периодичностью, с какой звучали голоса страждущих. Но именно это равновесие показывало, что программы реабилитации людей, понесших в годы войны невосполнимые утраты и переживших тяжелейшие травмы, – такой программы не было.

Рис. 3. **Тема инвалидов, демобилизованных, фронтовиков и их семей в советской прессе 1946 года**
(число публикаций на 10 номеров)

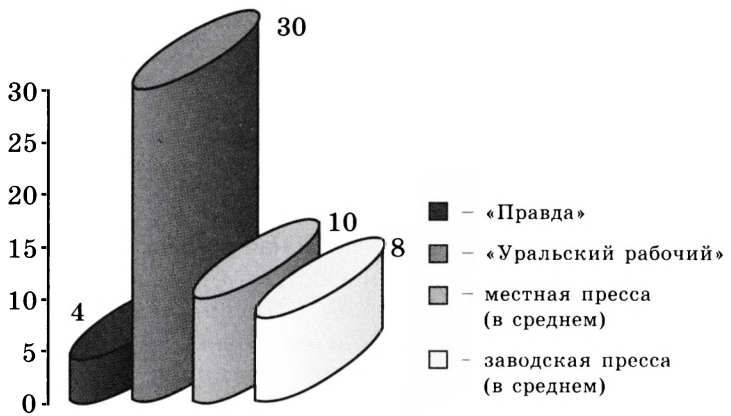


[26] *Серов Т.* В гортопе нет порядка // Тагильский рабочий. 1946. 12 янв.; *Буторин В.* Хождение по мукам // Сталинская стройка. 1946. 16 авг.; *Барсова Е.* Дров по-прежнему нет // Асбестовский рабочий. 1946. 8 янв.; *Горбов Т. И.* Одни обещания // За уральский алюминий. 1946. 12 окт.; *Хазанович Ю.* Равнодушные... // Уральский рабочий. 1946. 28 сент.

Вместе с тем уцелевшие участники войны и семьи погибших воинов, в отличие от других членов общества, располагали хотя бы правом на льготы и несколько большее внимание к себе. Унитарно-бедный советский быт «бил» при этом по всем без разбору, и даже передовики производства со всеми их преференциями были не в лучшем положении[27].

Власть реагировала на «претензии» трудящихся паллиативными мерами, рассматривая те или иные проблемы методом, если можно так выразиться, случайной выборки, или же макро- и микрокампаниями под лозунгами «Больше заботы о нуждах трудящихся», «Товары ширпотреба – населению», «Всемерно усилить строительство жилищ», «Подготовим жилища к зиме», «Больше внимания женщине-матери», «Окружить школы всенародной заботой», «Больше хлеба родному государству!», «За культурную торговлю» и т. д. и т. п.[28]

Рис. 4. **Тема социально-бытового и культурного обслуживания населения в советской прессе 1946 года**
(число публикаций на 10 номеров)



[27] *Лепечук С.* «Пиковый» интерес // Тагильский рабочий. 1946. 3 авг.; *Панов С.* Резолюции и обещания // Уральский рабочий. 1946. 7 июля.

[28] Больше заботы о нуждах трудящихся // За уральский алюминий. 1946. 29 янв.; Образцово подготовить жилье к зиме // Сталинская стройка. 1946. 24 авг.; *Перепёлкин Ф.* Товары ширпотреба — населению // Новая жизнь. 1946. 5 дек.; Лучше обслуживать трудящихся // Асбестовский рабочий. 1946. 6 янв.; За культуру в работе советских учреждений // Тагильский рабочий. 1946. 22 сент.; Упорядочить торговлю хлебом // Уральский рабочий. 1946. 2 нояб.; За сплошную кинофикацию сельсоветов области! // Уральский рабочий. 1946. 23 нояб.; Окружить школы всенародной заботой // Правда. 1946. 2 сент; Строить дома заводскими методами // Правда. 1946. 5 окт.

Обобществленный советский быт – «всехний» и, следовательно, ничейный – обнаруживал свою неустроенность, граничившую с нищетой, буквально везде и во всем. Круг наиболее актуальных для советского человека проблем, выражаясь коротко и предметно, образовывали общежитие, столовая, баня и клуб.

Общежитие, барак и коммуналка были обязательными для аморфно-коллективного жизненного обихода в Стране Советов 1946 года. Условия проживания там были примитивными[29], однако другого жилья многие люди просто не знали и, как свидетельствуют многочисленные мольбы трудящихся о ремонте их трущоб, даже не мечтали о нем. Столовые, где рабочие в условиях нормированного распределения продуктов получали питание по талонам, также являли собой безрадостную и диковатую картину: *«В рабочей столовой № 2 обедают преимущественно электролизники. <...> Прежде чем рабочий приступит к обеду, он должен простоять в нескольких очередях – в кассу, за хлебом, за ложкой, за табуретом, за столиком. Ложек недостаточно, табуретов не всем хватает, и часто обедающие кушают стоя. Посуды также мало, чай приносят в мелких тарелках. <...> Ложки передаются от одного к другому немытыми, их только слегка обтирают грязной тряпкой. За каждую ложку берется залог в сумме 5 рублей, и если у вас нет таких денег, вы рискуете кушать без ложки...»*[30]

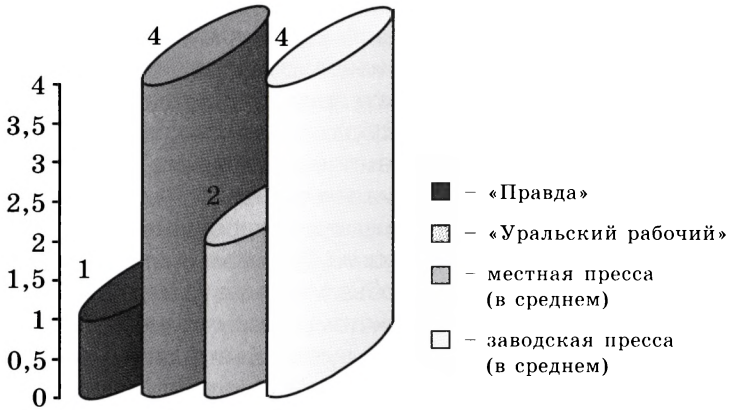
Как свидетельствуют источники, проблема «помыться» по своей остроте уступала проблеме «поесть». Но сам факт, что такая житейская мелочь, как регулярная помывка, для многих становилась проблемой, ярко иллюстрирует жизнь народа-победителя: *«...Товарищи Фильшин и Тропин пишут, что они в неделю по 3–4 раза ходят в ту или иную баню, не теряя надежды помыться, но бани не работают: то нет дров, то воды. Тов. Шишкин сообщает, что в баню он не мог попасть в течение*

---

[29] *Славина М.* Забытый барак // За уральский алюминий. 1946. 29 янв.; *Кульжанов Н.* Отремонтировать барак // Сталинская стройка. 1946. 2 окт.; *Комшилов И., Зацепин А.* Не успели построить, а уже надо ремонтировать // Тагильский рабочий. 1946. 20 июля; Навести порядок в общежитиях // Асбестовский рабочий. 1946. 11 апр.; Дом ждет срочного ремонта // Уральский рабочий. 1946. 3 дек.

[30] *Свинцова О.* О рабочей столовой № 2 // За уральский алюминий. 1946. 21 сент. См. также: Неуютная столовая // Асбестовский рабочий. 1946. 4 янв.; *Войнов В.* Столовая плохо обслуживает посетителей // Тагильский рабочий. 1946. 11 янв.; *Гроздов И.* Навести порядок в столовой // Уральский рабочий. 1946. 20 сент.

Рис. 5. **Тема жилья в советской прессе 1946 года**
(число публикаций на 10 номеров)



35 дней. Авторы многих писем сообщают, что, после долгих хождений попав в баню, они не могли вымыться. В зале холодно. Часто не бывает горячей воды, пара, не работают краны...»[31]

На фоне «неолитизации» условий жизни трудящихся обилие в региональной, городской, районной и заводской прессе «клубно-библиотечных» сюжетов на первый взгляд выглядит алогично: хлеб насущный в 1946 году был, безусловно, важнее, чем пища духовная. Но, думаю, не ошибусь, предположив, что в ней были заинтересованы и власть, и общество. Система культурно-просветительских учреждений в руках первой была удобным инструментом пропаганды и манипулирования общественным мнением, в то время как люди, уставшие от войны и бытовых неурядиц, просто искали место для общения и нехитрых развлечений[32].

Причинами обращения людей в газеты, помимо перечисленных, могли быть и неработающее радио, и потерявшийся на вокзале багаж, и невыдача детского приданого, и плохо сши-

---

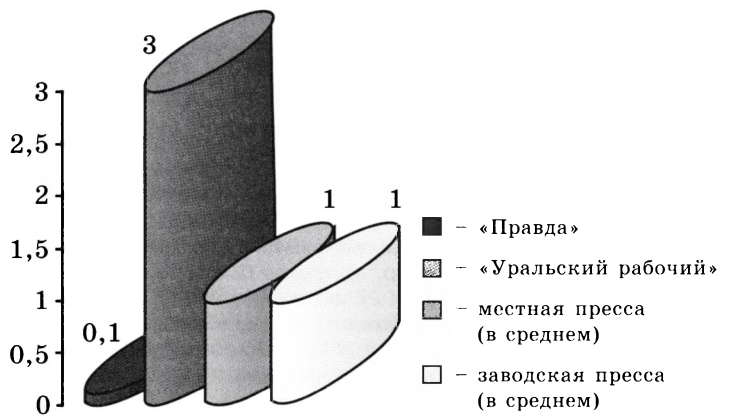
[31] Еще раз о банях // Асбестовский рабочий. 1946. 3 февр. См. также: О Красногорской бане // За уральский алюминий. 1946. 3 апр.; *Ваганов И.* Ни клуба, ни бани // Тагильский рабочий. 1946. 3 апр.; Баня не работает // Уральский рабочий. 1946. 26 февр.; *Патраков П.* Как работают ирбитские бани // Уральский рабочий. 1946. 27 июля.

[32] *Максименко М.* Клуб не работает // Новая жизнь. 1946. 7 авг.; *Перминова В., Быкова М.* Забытый клуб // Тагильский рабочий. 1946. 3 янв.; Молодежи негде отдохнуть // Уральский рабочий. 1946. 20 апр.; Потухшие очаги // Уральский рабочий. 1946. 19 окт.

тое в ателье платье, и дороговизна в парикмахерской, и непропеченный хлеб, и отключение электричества – все, что умещается в понятие «обыденщина». Давая волю архаичной по своей природе «жалобной» практике, власть сохраняла иллюзию диалога с обществом, не опасаясь, что ненормативные ситуации, зафиксированные в письмах трудящихся, приведут к расшатыванию представлений о норме. Такая своеобразная «гласность» была платой власти за контроль и управляемость (в риторике) гражданской жизнью в экономических и социальных отношениях – платой необременительной. Мир, контуры которого просвечивали сквозь перекроенные на суконный лад письма, был реальностью для миллионов, и реальность эта если не объединяла их, то выравнивала, что в свете базовых для советской системы коммунитаристских ценностей было уже неплохо. Поэтому неуютный мир советского быта в той мере, в которой он принимался региональной, местной и заводской прессой, был миром вполне себе легитимным.

Ему, равно как и миру стройки, противостоял еще один мир, которого в советской прессе было не так уж и много, но, полагаю, достаточно, чтобы квалифицировать его как некую параллельную реальность. Речь идет о мире преступном или близком к преступному, вмещавшем в себя такие явления, как грабеж и разбой, хищения и растраты, спекуляции и махинации с карточками, взяточничество и так называемое самоснабжение, «дезертирство» с предприятий и подпольные аборты, нарушения паспортного режима и «срыв» хлебозаготовок в колхозах.

Рис. 6. **Криминальная тема в советской прессе 1946 года** (число публикаций на 10 номеров)



Практически маргинальная для «Правды» и знакомая всем остальным изучаемым изданиям криминальная тема на карте газетных рубрик была, как правило, отдаленным островком. Криминализация сознания людей, фиксируемая на уровне газетного официоза, вне всякого сомнения, была связана с войной и послевоенной разрухой. Формы криминала образца 1946 года демонстрировали не только специфику эпохи, но и подвижность тех социально-экономических институтов, которые создавались как неподвижные. Предприимчивые люди приспосабливали их под себя, предвосхищая формирование в недрах советского общества новых интересов и новых групп влияния. *«...Пользуясь отсутствием учета выпуска (дефицитных. – Н. С.) швейных иголок с завода, группа, в которую входили разные люди, начиная от главного инженера и директора до начальника гаража, организованно расхищала иголки. Таким образом, почти за год были украдены сотни тысяч иголок, чем нанесен ущерб государству свыше чем на 2228 тыс. рублей. Главный инженер Б. Самсонов, уезжая в Москву, взял с собой без оформления документов 55 тыс. иголок, 20 тыс. из них сдал на склад Главметалла, часть раздал "нужным людям", а остальное было реализовано на рынке. Самсонов договорился... о последующих операциях с иголками и вернулся в Арти, везя крупный денежный куш, отрез шерсти и прочие блага. С согласия директора К. Васильева далее наладилась систематическая транспортировка иголок в Москву...»*[33]

Мир, отображенный в советской прессе 1946 года, являл собой не просто многослойный пирог, испеченный в соответствии с неким рецептом. Его неплоскостный характер слагался не только из грандиозных строек и трудовых подвигов, выживания одних и наживы других; он дополнялся еще темами абсолютно мирскими, скажем многочисленными разводами или бегами на ипподроме. И при всех попытках показать его упорядоченным и структурированным мир в пространстве советской прессы 1946 года оказывался более сложным и не вписывающимся в представления евклидовой геометрии. Его узор был

---

[33] Иголки // Уральский рабочий. 1946. 28 марта. См. также: За перепродажу хлебных и продуктовых карточек — пять лет лишения свободы // Тагильский рабочий. 1946. 26 июля; Преступления начальника райжилуправления // Уральский рабочий. 1946. 22 марта; Нарушители паспортного закона // Уральский рабочий. 1946. 20 апр.; О разбазаривании хлеба урожая 1946 года в колхозе имени Коминтерна Туринского района // Уральский рабочий. 1946. 16 авг.; Подпольный аборт // Уральский рабочий. 1946. 14 апр.

Рис. 7. **Соотношение тем в прессе 1946 года**
(число публикаций на 10 номеров)

причудлив не только в силу многомерности бытия, но и потому, что мирные пространства так или иначе сообщались друг с другом, ставя под сомнение всякую иерархичность и стройность.

Бесспорно, что война и мир в прессе 1946 года многообразно наслаивались друг на друга, продуцируя звучания и значения, изучение которых достойно целого цикла публикаций. В качестве промежуточного наблюдения хочу отметить, что образ войны в прессе 1946-го уже по-своему стабилизировался в границах, определенных великодержавным дискурсом, в то время как мир, примыкая к тому же дискурсу, был более вариативен и потому противоречив.

Складный образ войны и менее складный, дискретный образ мира своей морфологией на центральном, региональном, локальном и заводском уровнях прессы различались, не обнаруживая ни на одном из них ровного отношения к актуальным проблемам. Демонстрируя близкие тематические «пристрастия» при разном градусе «пристрастности», то есть повторяемости тех или иных сюжетов, печать 1946 года несла в себе идею монолитности советского общества и стремилась ее законсервировать как норму, но стать при этом доказательством непреложности нормы советской прессе удавалось не во всем и не всегда, что позволяет аттестовать ее как гораздо более сложный источник, нежели принято считать. И если кто-то после знакомства с настоящим текстом захочет пролистать подшивку старых советских газет, я буду считать свою задачу выполненной.

В. С. Тольц
Радио «Свобода»

ИНОСТРАННОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. ВЗГЛЯД ИЗ КРЕМЛЯ (1945–1960)

Парадокс

Значение иновещания на СССР – как в сфере международных отношений, в судьбе самого Союза, так и в вопросе его влияния на внутрисоветскую культуру, отношения и трансформацию взглядов общества на себя и мир – давно уже весьма высоко оценивается политиками, общественными деятелями и даже историками разных стран и убеждений. Однако изучение этого феномена «оставляет желать».

На Западе написано об этом довольно много[1]. Но это чаще всего «взгляд изнутри» – сочинения людей, работавших в системе международного вещания, носящие более мемуарный, нежели научно-аналитический характер. Либо публицистический. Либо «бухгалтерско-статистический» (принцип пяти «W»: When? Where? Who? What? Why? – Когда? Где? Кто? Что? Почему?, причем с последним вопросом почти никак). Многие архивные материалы, связанные с радиовещанием на СССР, там в основном доступны историкам, но исследований мало.

В России тоже довольно многие архивные материалы по проблеме доступны. Кое-что опубликовано. Но аналитики почти нет. А то, что написано, как в пропагандистской публицистике[2], так и в закрытых – советского времени – публикаци-

---

[1] Обширные сведения о библиографии и истории описания вопроса содержатся, напр., в книге *Sosin, Gene*. Sparks of Liberty. The Pennsylvania State University Press, Pennsylvania, 1999; русский перевод: *Сосин, Джин*. Искры Свободы. Воспоминания ветерана радио. Изд-во «Нобелистика», Тамбов – Москва – СПб. – Баку – Вена, 2004.

[2] См. напр.: *Панфилов А. Ф.* За кулисами Радио «Свобода». М., 1974; *Ярошенко В. Н.* Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания. М., 1978; *Кейзеров Н. М.* Идеологические диверсии. М.: Мысль, 1979; *Беглов С. И.* Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики. М., 1980; *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М.: Мол. гвардия, 1979 (и последующие издания); *Панфилов А. Ф.* Радиовойна: история и современность. М.: Искусство, 1984; *Острогорский В.* Осторожно: «Немецкая волна». М.: Искусство, 1985.

ях[3], в аналитическом плане, да и в историческом, довольно слабо[4]. Главное тут, видимо, отсутствие научного интереса к проблеме. Результат – почти нет ни исследований, ни исследователей[5].

Историческая канва

Радиовещание на иностранных языках начинается еще в 1920-х годах, а в конце десятилетия начинается глушение этих передач (с 1929 года Германия и СССР взаимно забивают передачи радиостанции им. Коминтерна и радио Берлина).

---

[3] Примером могут служить абсолютно неизвестный до сих пор российским историкам, изданный под грифом «Совершенно секретно» учебник «История советских органов государственной безопасности», М., 1977 (издатель: Высшая Краснознаменная школа Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. Специальная кафедра № 9. Редакционная коллегия: генерал-лейтенант Чебриков В. М. (председатель), генерал-лейтенант Григоренко В. Ф., генерал-лейтенант Душин Н. А., генерал-лейтенант Бобков Ф. Д.), а также представленный получателям дайджестов радиоперехвата «Обзор зарубежной радиопропаганды. 26 ноября 1966 года» (автор – сотрудник научно-методического отдела Гостелерадио СССР Новиков Ю.). ГАРФ. Ф. р-6903. Оп. 3. Д. 351. Л. 2–14. Копия. Машинопись.

[4] Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / Ред. Козлова В. А. и Мироненко С. В.; отв. сост. Эдельман О. В. при участии Завадской Э. В. М.: Материк, 2005 (далее – КРАМОЛА). Сборник является здесь счастливым исключением. Предмет внимания составителей и документов много шире нашей темы, однако в книге собрано немало ценнейших материалов и соображений, ее касающихся и многократно с благодарностью использованных в этой моей работе.

[5] Приведу лишь одну, но весьма показательную, на мой взгляд, иллюстрацию парадоксальности разрыва между публичным интересом к теме и исследовательской ее «необеспеченностью». Когда в 2004 году в Стэнфордском университете проходила первая международная конференция по истории иностранного радиовещания в годы «холодной войны», важнейшую тему – русскоязычное вещание на Советский Союз – представлять пришлось мне, более двух десятилетий проработавшему на Радио «Свобода» да еще одной исследовательнице из России, в свое время писавшей анализы аудитории иностранного радио для КГБ, а одним из главных «дискутантов» выступал бывший генерал из этого ведомства. Такого рода доминация «инсайдеров» в исследовании любого предмета прошлого является показателем слабой его академической «освоенности». Особенно очевидным этот разрыв между публичным интересом и слабой академической разработанностью темы был в той большой университетской аудитории, «под завязку» заполненной самой разной по возрасту и статусам заинтересованной публикой – от студентов и университетских профессоров до госчиновников разных ведомств и рангов, включая бывшего госсекретаря Дж. Шульца.

С января 1938-го начинает свое немецкоязычное вещание на Германию Британская радиокорпорация (Би-би-си), и немцы немедленно приступают к глушению этих передач. Кстати, первая передача Би-би-си по-русски состоялась 23 июня 1941 года, регулярное же вещание Русской службы Би-би-си началось 26 марта 1946-го.

«Голос Америки» (ГА) был создан в 1942 году для пропаганды на Германию, Японию и Италию. 17 февраля 1947 года ГА впервые вещает по-русски из Нью-Йорка (для сравнения: Московское радио начало вещать на США и Англию на 18 лет раньше – в 1929 году)[6].

Без заглушки

Поначалу – для русских передач Би-би-си это длилось почти 2 года, для ГА год – британские и американские передачи в СССР не глушились. Тут сказывалась и недолгая инерция союзнических отношений времен войны, и недостаток технических ресурсов. Да и передачи были невелики[7] и идеологически безобидны. Стоит упомянуть и слабость в первый период вещания сигнала передатчиков, а также ограниченность потенциальной аудитории (с началом войны радиоприемники[8] были изъяты из частного владения).

Радио Свободная Европа и радиостанция «Освобождение»

В 1950 году начинает свою работу ориентированное на страны Восточной Европы Радио Свободная Европа (RFE). Оно финансировалось Конгрессом США через ЦРУ. Первая передача RFE выш-

---

[6] В разные годы послевоенного пятнадцатилетия свое русскоязычное вещание (а также передачи на языках народов СССР) начинают «Радио Ватикана», «Немецкая волна» (ФРГ), «Голос Израиля», «Радио Пекина», албанское радио и др. Рассмотрение вещания этих радиостанций, как и работы радиостанции «Свободная Россия», остается за рамками данного доклада.

[7] В записке Л. Ильичёва, А. Романова и Г. Казакова, представленной в ЦК КПСС в 1959 году, отмечалось, что в этот период (до 1949 года) объем западного радиовещания на СССР «составлял два-три часа в день». См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 75. Л. 163–167. Опубликовано в приложении к сб. «Пресса в обществе (1959–2000)». С. 586–591.

[8] По оценкам, содержавшимся в записке Л. Ильичёва, А. Романова и Г. Казакова, «до войны в СССР было лишь около 200 тыс. коротковолновых радиоприемников».

ла в эфир 4 июля 1950 года через 7,5-киловаттный КВ-передатчик под кодовым названием «Барбара» (он был смонтирован в прицепе американского армейского грузовика на лесной поляне под Мюнхеном). Регулярные трансляции RFE начались с 14 июля 1950 года. Мюнхенская штаб-квартира RFE начала работу 1 мая 1951 года, в 11 часов дня, передачей чехословацкой службы. Через 5 часов появились помехи, продолжавшиеся почти 40 лет. RFE вещала на болгарском, венгерском, польском, румынском, словацком и чешском языках, а в 1951–1953 годах – и на албанском. До 1957 года языковые службы RFE выходили в эфир под именами «Голос Свободной Польши», «Голос Свободной Венгрии» и т. д.

1 марта 1953 года оттуда же, из Мюнхена, выходит в эфир на русском языке Радио «Освобождение» (подразумевалось: «освобождение от коммунизма»; в 1959 году радиостанция была переименована в Радио «Свобода»). 18 марта 1953 года началось вещание на азербайджанском, армянском, грузинском и еще нескольких языках народов Северного Кавказа, в декабре – на татаро-башкирском. В 1954 году – на украинском и белорусском.

Первоначальная аудитория

Возвращение изъятой радиоаппаратуры после войны владельцам, а главное, завоз радиоприемников из-за рубежа в качестве трофеев привели к тому, что, по ретроспективным оценкам ЦК КПСС, уже в 1949 году количество аппаратов, позволявших слушать иностранные радиопередачи, увеличилось в СССР до 500 тыс. Разумеется, почти каждый приемник – это возможность услышать западное радио сразу нескольким слушателям[9].

---

[9] Несмотря на неоднократные попытки, советские государственные и партийные инстанции не сумели до конца 1950-х годов дать количественную оценку соотечественников, слушавших «голоса». Американские оценки аудитории этого времени и количества радиоприемников в первое послевоенное десятилетие разнятся. Serguei Sossedkine утверждает, что «по оценкам спецслужб США, к началу 1947 года в частном владении в СССР находилось не более *полутора миллионов средне- и коротковолновых радиоприемников*, причем четверть этих приемников принадлежала политически благонадежным москвичам и ленинградцам» (см.: «Российский эфиролов». 1997. № 1 (январь). Grand Rapids, MI). ГА оценивал свою аудиторию в 8 млн человек (см.: Parting the Curtain. Propaganda, Culture and Cold War, 1945–1961. Walter L. Hixson. MACMILLAN, 1998). Ссылаясь на «западную статистику», российский автор полагает, что «в лучшие времена "голоса" слушали примерно 30 млн граждан СССР» (*Андруцкий Л.* Голоса // Хакер. Спецвыпуск. #018, С. 018-096-1).

Кремлевские «слушатели»

Среди этой аудитории были такие, кто следил за западными радиопередачами особо внимательно и регулярно, причем по распечаткам дайджеста западных радиопередач. Их было немного. В послевоенное десятилетие почти никогда больше 30 (а иногда и вовсе двое!)[10]. Все они относились к самому верху советской партийно-государственной пирамиды и являлись получателями особых закрытых писем (ОЗП), связанных с иностранным радиовещанием и прессой, материала совершенно секретного (на момент создания) «Служебного вестника иностранной информации ТАСС»[11]. К нему примыкают «Информационные сведения ТАСС, направленные в ЦК КПСС, Совет Министров СССР (переводы статей, записи выступлений политических деятелей, радиоперехваты)». Здесь важно отметить, что эти избранные «слушатели» были как раз теми людьми, кто определял советскую политику, в том числе в отношении иностранного радиовещания на Советский Союз. Эта политика формировалась на основе более широкого, нежели ОЗП и «Информационные сведения ТАСС...», документального контекста, доступного историкам ныне лишь частично: сведений разведки, донесений дипломатов и других, связанных с внешним миром ведомств, сводок МГБ (КГБ) и МВД, разработок идеологических подразделений ЦК, технической документации, предоставляемой несколькими союзными министерствами и т. п.

Стержнем этой политики было стремление предотвратить идеологическое воздействие иностранного опыта, идей, образа жизни на некое (идеальное, разумеется) целомудренно коммунистическое сознание советского народа.

Первые тревоги

Первые советские контрмеры носили не технический, а пропагандистский характер. Через два месяца после начала вещания ГА в газете «Культура и жизнь» появилась обширная статья Ильи Эренбурга, озаглавленная «Фальшивый голос». Эренбург

---

[10] О расширении этой группы «слушателей» в кризисные моменты 1953–1958 годов и их «информационном меню» см.: *Tolz V.* Soviet Reaction to Foreign Broadcasts in the 1950's. In: Conference on Cold War Broadcasting Impact. Stanford, CA. 2004 (Appendix).

[11] Об ОЗП и «кремлевской» аудитории западных «голосов» см.: *Tolz V.* Указ. соч.; *Тольц В.* 1950-е: советская реакция на иностранное радиовещание // Nota bene. 2005. № 12 (декабрь). Иерусалим.

критиковал «Голос Америки» не за какие-то отдельные сообщения, а за вещание как таковое. Вскоре статьи подобного содержания появились и в других советских изданиях, а в 1950–1951 годах в советских театрах прошла широко разрекламированная постановка «Голос Америки». «*Так,* – пишет американский автор, – *начиналась кампания, растянувшаяся на четыре десятилетия и оказавшая огромное влияние на различные аспекты советской китч-культуры*».

Но задним числом Сталину стало ясно, что газетной контрпропагандой проблемы не решить. Первым сигналом о необходимости делать что-то более радикальное с западными радиопередачами на СССР была еще не воспроизведенная в Союзе Фултонская речь У. Черчилля[12]. Она была произнесена за три недели до начала русского вещания Би-би-си, в передачах которой впоследствии цитировалась. Этот сигнал был расслышан в Кремле лишь позднее, в контексте других событий и информации иностранного радио о них. В этом информационном потоке можно выделить и радиосообщения о коммунистическом перевороте в Чехословакии, и передачи о советско-югославском конфликте, и особо интересовавшие Сталина сообщения о российских эмигрантах и послевоенных перебежчиках на Запад.

Отягчающие обстоятельства и начало глушения

К началу 1948 года внешние события стали обретать угрожающие для Кремля очертания. Еще в 1947-м Конгресс США выделил «Голосу Америки» дополнительно к бюджету 7,8 млн долларов, что позволило значительно расширить штат сотрудников и диапазон программ. В январе 1948 года Конгресс США принял Закон об информационном и образовательном обмене – *The US Information and Educational Exchange Act of 1948 (Public Law 402)*, так называемый Закон Смита – Манда. Очевидно было, что это – законодательная база для существенного расширения пропаганды «американского образа жизни» и американского взгляда на мир.

В начале 1948-го такое видение и такая пропаганда в значительной мере обусловливались громкими разоблачениями,

---

[12] Одно из последних изданий: The Sinews of Peace by Winston S. Churchill. A Speech at Westminster College. Fulton (Missouri), 5 March 1946. Fulton. 1995.

уже состоявшимися и ожидаемыми, связанными с обвалом сети советского шпионажа на американском континенте и в Европе в 1945–1947 годах. Не только ОЗП, но и разведывательно-агентурные источники информировали о том, что сведения о секретных советских операциях на Западе станут предметом главного рассмотрения на ближайших заседаниях Комиссии по антиамериканской деятельности и это, в свою очередь, будет отражено в радиопередачах на Советский Союз. Ответная и запоздало превентивная мера: в феврале 1948 года начинается глушение ГА[13], в апреле (поначалу выборочно) – Би-би-си. 19 апреля 1949 года СМ СССР издал специальное постановление, поручавшее Министерству связи «организовать заглушение радиостанций, ведущих антисоветское вещание»[14].

Практически, с небольшими перерывами[15], глушение продолжалось 40 лет[16].

---

[13] Правильно датируя начало глушения западных радиопередач февралем 1948 года, Р. Плейкис ошибочно увязывает его с малоизвестным ему событием: «Толчком для развития всесоюзной сети радиоподавления послужила гибель работницы советского представительства в Нью-Йорке, выбросившейся из окна консульства. Событие получило широкую огласку в передачах VOA и вызвало много слухов в обществе» (*Плейкис Р.* Радиоцензура. Вильнюс, 2002–2003). Речь идет об Оксане Степановне Косенкиной, учительнице советской посольской школы, отказавшейся в конце июля 1948 года возвращаться в СССР. Она укрылась на ферме А. Л. Толстой, но обманом была вывезена оттуда сотрудником посольства Ломакиным. На допросе в советском консульстве 12 августа 1948 года выбросилась с третьего этажа на Манхэттен. При этом выжила и осталась в США. Ей было посвящено много передач ГА и два тома ОЗП. Это не могло не усилить негативное отношение Кремля к ГА и, вероятно, повлияло на решение об усилении мер радиоподавления. Но к моменту побега Косенкиной глушение уже шло более полугода.

[14] Сведения об этом и других правительственных решениях по глушению см. в цитированной выше записке Л. Ильичёва, А. Романова и Г. Казакова. См. также: *Плейкис Р.* Указ. соч.

[15] В 1962 году, во время выступления Никиты Хрущёва в Национальном пресс-клубе США в Нью-Йорке, СССР снял помехи с частот Радио «Свобода», транслировавшего эту речь. Кроме того, во время политических «оттепелей» (19.06.63 – 21.08.68 и 10.09.73 – 20.08.80) Советский Союз дважды временно снимал помехи с трансляций Би-би-си, «Немецкой волны» и ГА.

[16] Выборочно Би-би-си глушили до 21 января 1987 года, ГА – до 23 мая 1987-го. Полностью глушение всех иностранных радиостанций, вещавших на СССР (в том числе Радио «Свобода»), было прекращено в полночь по московскому времени с 29 на 30 ноября 1988 года.

Общество: кремлевские попытки количественных оценок интереса к иностранному радио

Несмотря на глушение, даже во времена его максимального расцвета, по меньшей мере треть территории СССР (это по оптимистическим оценкам ЦК КПСС) не была «защищена» от приема сигналов западных «голосов».

Количество «не санкционированных сверху» слушателей западных радиостанций советской власти так и не удалось никогда выяснить. После частичной отмены глушения «Голоса Америки» (сентябрь 1959-го) и Би-би-си (март 1960-го) заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК Л. Ф. Ильичёву было поручено оценить величину аудитории западных «голосов», но он смог сообщить Президиуму ЦК КПСС лишь следующее: «*В настоящее время в Советском Союзе имеется до 20 миллионов радиоприемников, способных принимать иностранные радиостанции. Точную картину того, насколько слушаются в СССР иностранные радиостанции, в том числе "Голос Америки" и Би-би-си, представить трудно, но имеются косвенные сведения, говорящие об определенном интересе к иностранным радиостанциям*»[17].

Выражение «определенный интерес» вполне соответствовало отношению к западным радиостанциям Н. С. Хрущёва (через три года он скажет на заседании Президиума ЦК: «*Будут некоторые слушать – пусть слушают*»[18]). Однако приведенные Л. Ф. Ильичёвым примеры свидетельствуют о большем: интерес к западным радиопередачам был явлением весьма распространенным и демократичным. «*В марте с. г. (1960-го. – В. Т.) было установлено, что в Таджикистане иностранные радиостанции слушаются не только на квартирах, но и в общественных местах (чайханы и т. д.), прежде всего из-за низкого уровня республиканского вещания. ЦК КПСС особо обратил внимание ЦК КП Таджикистана на эти факты.*

---

[17] РГАНИ. Ф. 89. Пер. 46. Д. 14. Л. 1–2. Опубликовано в: Конституционный суд Российской Федерации. Материалы дела о проверке конституционности Указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. М. Спарк, 1997. Т. 6. См. также: КРАМОЛА. С. 112.

[18] Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2003–2004. С. 702 (далее – Президиум ЦК КПСС...).

В Грузии, Азербайджане, Пермской, Московской, Луганской и других областях широкий размах получила переделка радиоприемников для слушания иностранных радиостанций. Отдельные инвалиды войны, знающие радиотехнику, и отчасти радиолюбители за 250–300 рублей встраивают в приемники, имеющиеся у населения, коротковолновый диапазон, начиная от 10 метров. На этих волнах можно принимать только иностранные радиостанции. Даже в Москве, в ГУМе и других магазинах, часто к людям, покупающим приемник, обращаются лица без определенных занятий с предложением встроить в приемник дополнительный коротковолновый диапазон.

Председатели Узбекского, Львовского, Одесского, Томского и других радиокомитетов при беседах в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС подтвердили, что имеются факты регулярного слушания на местах программ «Голоса Америки» и Би-би-си. Об этом же свидетельствуют вопросы, задаваемые докладчикам и лекторам, а также письма, поступающие в ЦК КПСС, Радиокомитет и другие организации»[19].

Сопоставление приведенных Л. Ф. Ильичёвым данных с результатами социологических исследований, проведенных через 16 лет, в 1976 году, под эгидой КГБ, выявляет тенденцию к увеличению аудитории слушателей западных радиостанций в СССР в социальных группах, ставших в это время предметом особого внимания КГБ. *«...По данным исследования "Аудитория западных радиостанций в г. Москве", проведенного отделом прикладных социальных исследований ИСИ Академии наук СССР, с большей или меньшей регулярностью радиостанции слушают 80% студентов и около 90% учащихся старших классов средних школ, ГПТУ, техникумов. У большинства этих лиц слушание зарубежного радио превратилось в привычку (не реже одного-двух раз в неделю зарубежные радиопередачи слушают 32% студентов и 59,2% учащихся).*

Исследование "Формирование мировоззрения и ценностной ориентации студенческой молодежи г. Омска" показало, что передачи зарубежных радиостанций периодически прослушивали 39,7% из числа анкетированных студентов. Подобная картина выявилась и при изучении влияния финских теле-

---

[19] Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 702.

передач в Эстонской ССР. Чаще других к каналу финского телевидения обращаются лица в возрасте до 30 лет»[20].

Подобного рода оценки, основанные на данных подчиненной им социологии, «органы» и на протяжении последующего десятилетия периодически направляли в «Инстанцию»[21]. Возможно, в основе такого рода донесений не только озабоченность «информационным положением в стране», но и стремление в выгодном свете преподнести собственные усилия и успехи в сфере политического сыска и анализа[22]. Однако в данном случае нам важнее проследить трансформацию цифр, оценок и рекомендаций, в этих документах содержащихся.

В секретной аналитической справке Института социологических исследований АН СССР «Информационная обстановка в стране (по материалам социологических исследований)», полученной в ЦК в апреле 1984 года значится: «*...несмотря на глушение передач западного радио, оно по-прежнему сохраняет в нашей стране массовую, относительно стабильную по размерам аудиторию, охватывающую все основные категории населения. В зависимости от опрашиваемой категории и региона, в котором проводились исследования, она составляет 30–70% от числа опрошенных.*

---

[20] Аналитическая справка о характере и причинах негативных проявлений среди учащейся и студенческой молодежи (автор – Бобков Ф. Д., начальник 5-го управления КГБ СССР; 12 декабря 1976 года направлена Ю. В. Андроповым в Политбюро ЦК КПСС). См.: Постановление Секретариата ЦК по этому вопросу // «Советский архив» Владимира Буковского, 1.1, 0137, 28 дек. 1976.

[21] См., напр., цитируемую ниже секретную аналитическую справку Института социологических исследований (ИСИ) АН СССР, пересланную Отделом внешнеполитической пропаганды ЦК КПСС члену ПБ ЦК КПСС А. А. Громыко 12 апреля 1984 года. На тесные связи с КГБ некоторых социологов, занимавшихся в СССР изучением влияния «голосов» на советских слушателей, указывает, помимо прочего, следующее пикантное обстоятельство: после краха группы «Мост», в службу безопасности которой перекочевал из КГБ генерал Ф. Д. Бобков, последний нашел приют в Институте социологических исследований (ИСИ) АН СССР, директором которого по-прежнему являлся В. Н. Иванов, поставлявший в КГБ и ЦК КПСС сведения о советской аудитории западных «голосов».

[22] См., напр., мнение о «преувеличенности» данных социологии КГБ, высказанное в интервью с автором настоящего доклада – бывшим заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладиным // *Тольц В.* Родина слышит... Ч. 5. (Текстовая и звуковая версии – на старом сайте Радио «Свобода»: http://archive.svoboda.org/programs/TD/2004/TD.080704.asp)

Активнее всего обращается к зарубежному радио молодежь до 30 лет»[23].

В этом документе с большим запозданием была предпринята попытка ответить на вопросы, связанные с причинами популярности «голосов». *Основными мотивами обращения к зарубежному радио у молодежи являются развлекательные (предпочтение отдается музыкальным передачам). У других социальных групп населения превалируют информационные мотивы, такие как «желание узнать другую точку зрения на происходящие события», «получить оперативную информацию или отсутствующую в материалах отечественных средств массовой информации»*[24].

Сопоставление данных советских социологов о степени доверия к информации, передаваемой «голосами» (56% опрошенной молодежи в Москве считают, что информации зарубежного радио «можно доверять частично или полностью», в Казахстане – 13%, в сельской местности Ашхабадской области – 26%, в Краснодаре – 30%[25]), с оценками аудитории куда более сведущей, имевшей возможность сравнить сообщения «голосов» с тем, что происходило на самом деле, показывает, что эта малочисленная аудитория слушателей со Старой площади, при всей ее неприязни к «голосам», расценивала достоверность западных радиопередач выше, нежели рядовые слушатели. Сотрудник Международного отдела ЦК КПСС, будущий помощник Президента СССР записывал в своем дневнике[26]: *«29 сентября 74 г. ...Я Б. Н.'у*[27] *и напомнил эту историю*[28]*, сказав: "Когда все эти "голоса" начнут смеяться над такой историей КПСС, наши друзья-коммунисты не осмелятся вступиться за нас. Наоборот, им придется поддерживать, хотя и на свой лад, кампании против СССР. Короче говоря, мы опять насерем в собственный карман". <...> 9 февраля 75 г. Болезнь Брежнева. Слухи о необратимости и о преемниках, по "голосам"*

---

[23] Социология и власть. Сборник 3. Документы. 1973–1984. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 263. (Здесь и далее при цитировании этого документа подчеркнуто мной. – *В. Т.*)

[24] Там же. С. 264.

[25] Там же.

[26] *Черняев А. С.* Дневник. Неопубликованная рукопись. Цит. по электронной копии из архива автора настоящего доклада.

[27] Борису Николаевичу Пономарёву, секретарю ЦК и кандидату в члены Политбюро.

[28] Речь идет о «бульдозерной выставке» московских художников.

и в народе. <...> 24 сентября 75 г. ...В пятницу вечером был у Бовина на ужине. Поговорили. Он работает в экономической группе по подготовке XXV съезда в Волынском-2. <...> Сначала они там долго спорили, от чего считать успехи пятилетки. Казалось бы, естественно – от Директив XXIV съезда. Но тогда вопиющее невыполнение по всем параметрам скрыть будет никак невозможно. Если же от Закона о пятилетнем плане, то картина будет еще хуже, так как закон был принят несколько позже и с нажимом на интенсификацию показателей. Оставалось одно – считать от суммы годовых планов, каждый из которых более или менее своевременно занижался и потому с грехом пополам по многим направлениям выполнялся. Точка отсчета, конечно, совершенно нелепая, ни разу не использовавшаяся. И это, конечно, сразу бросается в глаза, особенно западным советологам, которые не преминут все пересчитать в наших директивах (что естественно!) и сообщат об этом по всем "голосам" советскому слушателю».

Но все эти оценки и констатированные нами сомнения в достоверности приведенных КГБ и ИСИ АН СССР фактов зафиксированы в период, выходящий за хронологические рамки настоящего доклада. А возвращаясь к интересующему нас сейчас послевоенному 20-летию, стоит отметить, что ряд вопросов, в частности о характере аудитории иностранного радио, причинах интереса к нему, выводах слушателей, сделанных ими на основании передач, и последствиях этого, до сих пор не стали объектом *комплексного* научного исследования[29].

---

[29] Необходимо отметить определенные успехи социологов, давно уже ищущих ответы на часть предлагаемых здесь вопросов. См., напр.: *Parta R. E., Klensin J. C.* and Ithiel de Sola Pool. The Shortwave Audience in the USSR: Methods for Improving the Estimates, in Communication Research 9, no. 4, Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1982; *Bashkirova E. I.* Measuring of foreign radio audience in the USSR. In: Conference on Cold War Broadcasting Impact. Stanford, CA. 2004. Там же опубликовано исследование, основанное на изучении аудитории более позднего времени (1970–1991): A Preliminary Empirical Assessment of the Roles of Radio Liberty and Western Broadcasting to the USSR During the Cold War by R. Eugene Parta. Но ряд выводов и наблюдений социологов вызывают справедливые сомнения у «практиков» (см. сноску 23), все они требуют проверки и дополнения материалом и инструментарием исторических исследований, а на часть поставленных вопросов социологи вообще не могут ответить.

Советское общество: некоторые особенности мировосприятия

Ответить на поставленные выше вопросы невозможно без оценки мировосприятия слушателей иностранных радиопередач, их отношения к «стране и миру».

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов, то есть в период становления западного вещания на СССР и формирования первой генерации слушателей «голосов», стоит отметить прежде всего уникальную военную (а нередко и эсхатологическую) специфику советского мировосприятия[30]. Когда вчитываешься в судебные документы по 58-й статье тогдашнего УК РСФСР (это политическая статья, предусматривавшая наказание за «антисоветскую деятельность»), явственно проступает: под влиянием сложно переплетенного букета разновеликих и часто противоречивших друг другу факторов – общей атмосферы «холодной войны» (да и не так давно закончившейся войны «горячей» – Второй мировой) и ее наращивающего мышцы казенного мифа, советской пропаганды, сопоставления реалий советской повседневности с обрывочной информацией о жизни за рубежом и локальных военных действиях там (например, корейской войне) – собственная государственная власть в глазах по крайней мере части советского населения, а таких больше было среди слушателей «голосов», представала как оккупант, советская жизнь – как оккупационный порядок, а «иноземные силы» – как освободитель от «красного дракона»[31] (особенно много было таких на территориях, сравнительно недавно ставших советскими, – в Прибалтике, в Западной Украине и Западной Белоруссии, в Молдавии). В этом контексте зарубежные

---

[30] Об этом интересно и убедительно пишет О. В. Эдельман (см. КРАМОЛА. С.119–122), чьи наблюдения и ряд выводов я далее использую.

[31] Думаю, этот образ, чаще всего встречающийся в текстах зэков, адвентистов и иеговистов, восходит к Откровению Иоанна Богослова (гл. 12:3–4, 7–9): «И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца. <...> И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них. Но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. *И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом* и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним».

радиостанции (а ведь и «Голос Америки», и «Освобождение» «не раз говорили, что им небезразлична жизнь советского народа») воспринимались как олицетворение ожидаемых освободителей, как «инстанция», которую можно было молить об этом[32]. И находились люди, которые делали это.

Вот, к примеру, «Письмо из ада» (это авторский заголовок!) литовского колхозника Петрокаса И. Р. (в апреле 1957 года письмо было послано в редакцию радиостанции «Голос Америки» и пришло... в КГБ). Описав бедственное положение литовского крестьянства, автор обращается к зарубежным соотечественникам-католикам: *«Дорогие литовцы и другие не коммунисты. Берегитесь красного дьявола, чтобы он и вас не погубил, и вашего добра. А этот красный дракон проглотит все. Пусть лучше погибает весь мир, чем будет управлять им коммунизм»*[33].

Или вот дело кочегара В. Д. Налетаева[34], вручившего в Свердловске американскому журналисту, сопровождавшему в поездке по СССР вице-президента США Р. Никсона, письмо[35] следующего содержания: *«Президенту США и Великому американскому народу. Мы ждем от вас нашего освобождения от коммунистического рабства. Русский народ. 29 июля 1959 года»*[36].

Примеров текстов подобного содержания довольно много. Они отражают весьма распространенные в советском обще-

---

[32] Традиция поиска помощи «униженными и оскорбленными» у «сильных мира сего», независимых от местного начальства и обладающих более значительными, нежели последнее, властными полномочиями, а также апелляции к общественному мнению существует в разных культурах. В советское время она оформилась прежде всего в письма в Кремль (Сталину, Калинину и др.), в карательные и судебные органы (ВЧК-ОГПУ-НКВД и т. д. и Верховный суд), а также в центральные газеты («Правда», «Известия»). Послевоенная ситуация, и в частности появление иностранного радиовещания на языках народов СССР, расширила круг адресатов жалоб: к Сталину и Калинину «присоединились» американский президент и Папа Римский, а к «Правде» – «вражеские голоса».

[33] КРАМОЛА. С.143–144.

[34] Налетаев В. Д., 1922 г. р., прежде судим по ст. 58-10 УК РСФСР, кочегар из г. Свердловска, осужден 21 сентября 1959 года на 7 лет лишения свободы.

[35] Из дела: «*С отъездом из г. Свердловска американцами полученное письмо от Налетаева оставлено на столе 324-го номера гостиницы "Большой Урал", где проживал журналист Мартин Пауль*». ГАРФ. Ф. р-8131. Оп. 31. Д. 86761. Л. 3.

[36] Крамола. С. 142.

стве, особенно в первой половине 1950-х годов, но слабо еще изученные умонастроения, которые я кратко охарактеризовал бы так:

– жажда войны как кары властям;

– вера, что она скоро начнется;

– стремление к освобождению, пусть ценой гибели.

Эта готовность к массовой гибели в ожидаемой войне причудливо сочетается с верой в собственное спасение!

Понятно, что такое восприятие желаемого будущего включает в себя старый как мир принцип: *враг моего врага (в данном случае советской власти) – мой друг, союзник и защитник.* Советская пропаганда именно так – лютыми врагами советской власти – западные «голоса» и представляла. И их слушатели в этом ей вполне доверяли. Вдобавок наиболее заглушаемая иностранная радиостанция «Освобождение» так до своего переименования в конце 1950-х себя и позиционировала.

Общество: иностранные радиопередачи сквозь призму следственных и судебных материалов

Судебные дела 1950-х годов, связанные с «антисоветскими» высказываниями, разнообразно иллюстрируют описанное мною мировосприятие. Смерть Сталина гальванизировала ожидание перемен, характерное для послевоенного времени, давно уже определенного в поэзии и историографии как «*пора несбывшихся надежд*».

Многочисленные комментарии иностранных радиостанций о возможных «переменах в Кремле» служили для слушателей и тех, кому они эти комментарии пересказывали, подтверждением «правильности» подобного рода настроений и чаяний, хотя тексты западных комментаторов весьма отличались от того, о чем говорили между собой советские люди.

«Узнав о болезни Сталина, заключенный Лобачёв Ф. Н. нецензурно выругался и сказал: "Может, умрет – нам будет легче". В материалах дела утверждается, что Лобачёв с конца 1951 года ругал советское правительство, Сталина, колхозы, говорил, что ждать амнистии нечего, на всех стройках работают заключенные, освободить их могут только американцы, когда победят СССР»[37].

---

[37] Там же. С. 70.

«Настасюк Г. И., колхозник из Молдавии, узнав о смерти Сталина, сказал: "Хорошо было бы не только Сталин, но и все коммунисты в течение трех дней погибли, тогда и колхозов не было бы". В 1949–1952 годах Настасюк ругал колхозы, говорил, что колхозники за работу ничего не получают, что Сталин руководит неправильно, весной будет война с американцами и советская власть падет»[38].

Из дела, в котором прямо упоминаются иностранные радиопередачи (обвиняемый по этому делу 33-летний электромеханик из города Гори Сурков в апреле 1953 года был приговорен к 10 годам лишения свободы): *«На судебном процессе [свидетель] Казакова Т. С. показала: "...6 марта 1953 года... Сурков сказал, что он слышал "Голос Америки" и что передавали, что Вождь находится на краю гибели и его место займут руководители партии, и высказался нецензурно про одного из руководителей партии. Потом в цеху сказал мне, что "теперь начнется борьба за престол"»*[39].

Следует подчеркнуть, что в силу причин, прежде всего внешнеполитических, слушание иностранных (даже антисоветских) передач в СССР никогда не было включено в список уголовных преступлений. Вместе с тем это «деяние» выступает в уголовно-судебной практике как дополнительное доказательство преступной сущности подсудимых, а иногда и как идейный источник их «преступной» (по советским понятиям) деятельности.

«Панфилов Ф. Н., железнодорожный контролер, 5 марта 1953 года на Курском вокзале в Москве сказал сослуживцу по поводу смерти Сталина, что свято место пусто не бывает и что, вероятно, на это место уже есть кандидаты, может быть не хуже Сталина. В 1948–1953 годах в разговорах критиковал советских руководителей, колхозы, говорил, что за границей живут лучше и т. д. Слушал и пересказывал передачи "Голоса Америки"»[40].

«Соколова В. И., учительница из Горьковской области, 6 марта 1953 года в учительской комнате пересказала содержание передачи "Голоса Америки" о смерти Сталина и слух об отравлении Сталина врачом; кроме того, в марте 1952 года на уро-

---

[38] Там же. С. 76.

[39] ГАРФ. Ф. р-8131. Оп. 31. Д. 38703. Л. 26.

[40] КРАМОЛА. С. 73.

ке истории "искажала советскую действительность": сказала, что в 1928 году при строительстве бумажного комбината выписывались машины и специалисты из Америки»[41].

«Голоса» и особенности их советского восприятия

Когда в 1953 году начало функционировать Информационное агентство США (USIA), его задачи были сформулированы так: «*...информирование населения иных государств с целью продвижения национальных интересов США и расширение диалога между американцами/американскими организациями и гражданами/организациями иных государств*»[42].

Если не рассматривать сейчас контрпропагандистскую перепалку в советских средствах массовой информации с «голосами» и их ответные, порой язвительные комментарии, следует признать, что с «*расширением диалога*» в первое послевоенное двадцатилетие получалось слабо. Задача «*информирования... с целью продвижения национальных интересов США*» решалась куда эффективнее. Правда, на основе этой информации в мифологическом сознании многих советских слушателей «голосов» создавался не вполне адекватный образ Америки – «земного рая», усиливаемый восприятием советской пропаганды «с обратным знаком»[43]. При этом причудливая картина мира, возникавшая в умах слушателей, иногда весьма существенно отличалась от того, что буквально говорилось в иностранных передачах. Весьма показательный пример этого – материалы Прокуратуры РСФСР по делу регулярного слушателя ГА, осужденного в 1958 году на 6 лет лишения сво-

---

[41] Там же. С. 75.

[42] См.: Washington ProFile, Nov. 18, 200.

[43] См. об этом: *Эдельман О.* Глас народ, или Бульон оппозиционности // КРАМОЛА. С. 100–130. Один из наиболее ярких примеров трактовки советской пропаганды «с обратным знаком», который она приводит, – показания Майорова, осужденного в 1964 году за антисоветскую пропаганду и агитацию (ст. 70 УК РСФСР): «Я *прочитал книгу "Лицом к лицу с Америкой", где американский безработный пишет письмо Хрущёву. Там он говорит, что он ехал на собственной машине, включил приемник и заслушался его речью. На следующий день я на работе, во время перекура, сказал, что читал книгу, в которой американский безработный имеет собственную машину, а у нас работаешь и никогда не в состоянии купить себе машину. Следователь это сформулировал так: восхвалял американский образ жизни и хаял советский*». С. 104.

боды работника морского вокзала Петропавловского порта Г. М. Новикова. «*...Он заявлял, что если придут на Камчатку американцы, то ему дадут первый стул, коммунистов будут вешать... Говорил также, что американцы будут бомбить логово – Москву, у нас ничего нет, воевать нечем. Высказывался и о Венгрии, говоря, что если бы не наши войска, то в стране установился бы такой же строй, как в Австрии. Плохо высказывался о событиях в Египте и всецело был на стороне англичан. Наш строй Новиков не любил... Он мне говорил, что американское радио сообщает, что у нас неустойчивое правительство, правду можно узнать только по передачам. Из передач он также узнал, что в правительстве Булганина не будет, что радио американское высмеивает колхозный строй. Он предлагал мне купить приемник, так как у меня квартира отдельная, можно слушать "Голос Америки" свободно... Я рассказывал Новикову об Америке, так как сам был в этой стране, но я ее не восхвалял... разъяснял ему, что "Голос Америки" передает неправду. Он говорил, что Америка – страна чудес... О Египте и Венгрии Новиков говорил не по-советски... Заявлял, что Америка спасла нас в Отечественную войну. <...> В отношении супругов Розенберг он говорил, что они продали секрет атомной энергии, если бы не это, то у нас не было бы атомной бомбы. Он высказывал свое мнение против принятия Китая в ООН и говорил, что законные представители – это чанкайшисты... Говорил, что Россия ввязывается в дела Венгрии и ее народа, якобы душим волю народа... Все выступления капиталистических заправил он одобрял и, наоборот, все выступления наших руководителей... в частности т. Хрущёва – охаивал... Новиков говорил, что какая у нас демократия, у нас ведь только одна партия, а в Америке много...*»[44]

Столь же непредсказуемой для организаторов западного радиовещания оказалась изученная ныне О. Эдельман реакция советской аудитории на многочисленные сюжеты западных радиопередач 1950–60-х годов о низвержении с кремлевского олимпа тех или иных «небожителей». Здесь сказалась традиционная, культивируемая русской литературой черта народного характера – «*милость к падшим*», – позднее нашедшая яркое выражение в трансформации мас-

[44] Там же. С. 135–136.

сового отношения к низвергнутому Горбачёву. В 1950-х годах объектами такого внезапно проснувшегося сочувствия стали никогда не пользовавшиеся популярностью Берия (после его ареста и казни), изгнанные из партии Молотов, Маленков, Каганович «*и примкнувший к ним Шепилов*», удаленный от эпицентра власти Ворошилов, попавший в опалу Жуков. «*Весной 1960 года... Суязов говорил: откуда нам знать, что творится в правительстве. Говорил, что Молотов, Ворошилов построили советскую власть, прошли трудный путь, а теперь они стали плохие. Часто Суязов говорил, что рабочие в США живут лучше, чем в СССР. Мы спорили, говорили – читай газету. А он говорил, что в газетах пишут неправду. А вот он слушает "Голос Америки" и говорит, что знает всю правду о жизни в США*»[45].

Подобную трансформацию (правда, в более узкой, либерально-интеллигентской среде) претерпело отношение слушателей «голосов» к Хрущёву. Люди, которые во время его правления насмехались над ним («кукурузник», «турист», «царь Никита» и т. п.), высмеивали и в духе западных радиопередач выражали недовольство внутренней и внешней политикой (освоение целины, кукурузная «эпопея», подавление восстания в Венгрии, организация кубинского кризиса и т. д.), после свержения Хрущёва, в условиях частичной реабилитации Сталина во второй половине 1960-х годов, стали сочувственно вспоминать о Хрущёве как о «борце с культом» и человеке, выпустившем «народ» из лагерей. Столь же сочувственно относились и к другим персонажам западных радиопередач, насильственно вычеркнутым из официальной советской истории[46]. Особенно это отношение к «деканонизированным героям» советского прошлого усилилось после июня 1956 года, когда западные радио-

---

[45] Там же. С. 138.

[46] Это отношение объединяло людей самых разных взглядов и убеждений, высказывания которых соединялись порой в причудливую и противоречивую мозаику. Показательный пример: некто Ефремов Н. Е. был убежден в том, что «*евреи нас загнали в мешок, осталось только завязать. В Америке жизнь лучше. Ни в одной капиталистической стране нет таких жестоких законов, как у нас. В тюрьмах сидит много колхозников за 5–10 к[г] соломы. В Америке заключенных кормят лучше, чем у нас. Вот прилетит самолет из Америки, выбросит оружие заключенным – и они с оружием выступят против своего правительства. У Сталина жена еврейка и протаскивает евреев на руководящие посты, после смерти Сталина евреям жить не дадут*», при этом «*хвалил Троцкого как хорошего оратора*». Там же. С. 81.

станции стали передавать «секретную речь» Хрущёва на XX съезде КПСС и комментарии к ней[47].

О высокой степени общественного доверия к информации, передаваемой «голосами», свидетельствует случай, когда на якобы прозвучавшую в эфире передачу иностранной радиостанции ссылается изготовитель листовки «антисоветского содержания», таким образом «подтверждающий» достоверность излагаемых в ней фактов: «*Товарищи! Передаем последнее сообщение "Голоса Америки". Мы празднуем 1 Мая, выпиваем и веселимся, в то время когда 1000 несчастных русских людей не имеют куска хлеба. Посмотрите на вокзалах, сколько несчастных, освободившихся из заключения, умирают с голоду из-за того, что их не берут на работу. А сколько их гибнет в лагерях от непосильного труда и лишений. Несколько раз в разных местах заключения восставали они, и каждый раз их расстреливали в стране, которая считается гуманной. А так ли это? А знаете ли вы, что при постройке моста через реку Амур погибло 10 000 юношей и девушек? И в то время, когда коммунистические заправилы кричат о мире и запрещении атома, в это время подтягивают свою вооруженную силу к границам и выпускают атомные и водородные бомбы. Например, взрывом атомного завода был уничтожен Ашхабад. В Норильске работает водородный завод под № 503/1. Долой коммунизм, чуму народа! Да здравствует подлинная демократия! Агент БОАК Синичкин*»[48].

В общем, следует констатировать, что с середины 1950-х годов то, что высокопоставленные чины ЦК и КГБ именовали «*фактами регулярного слушания голосов*», несмотря на все помехи, создаваемые глушением иностранных передач, посте-

---

[47] Российскими исследователями документов Верховного суда и Прокуратуры СССР зафиксировано 53 упоминания имени Троцкого (из них 52 – положительные), 19 упоминаний Бухарина и 9 – Рыкова (все положительные), 7 – Зиновьева (из них 6 – положительные). Дважды назывались имена Тухачевского и Блюхера как выдающихся полководцев Гражданской войны, однажды – Я. Гамарника, один раз «пожалели даже о бывшем наркоме внутренних дел Г. Ягоде» (см.: *Эдельман О.* Глас народа... // КРАМОЛА. С. 129).

[48] КРАМОЛА. С. 243–244. Заключение по делу Савина В. И. (1955 г. р.), осужденного на 7 лет лишения свободы. На следствии Савин объяснил, что БОАК означает «Боевая организация антикоммунистов» и это якобы взято им из радиопередач «Голоса Америки».

пенно превратилось в общенациональную традицию, позднее зафиксированную даже в фольклоре:

Есть обычай на Руси
Ночью слушать Би-би-си[49].

Можно отметить также, что иностранное радиовещание в какой-то степени даже повлияло на ритм советской жизни: распорядок жизни некоторых слушателей «подстраивался» под расписание этих передач и возможности их качественного приема[50].

Иностранное радиовещание и социальная активность

Наиболее распространенным типом социальной активности, инспирированной западным радиовещанием, несомненно, являлся *пересказ передач «голосов» и их обсуждение.* Можно сказать, что с середины 1950-х годов это занятие становится популярным в самых разных слоях советского общества. Иногда такого рода социальная активность сопрягалась с деяниями (или проявлялась в формах), обрекающими их участников на уголовное преследование. Показательными примерами здесь могут служить дело москвича Бояринова В. И. (1953), который, будучи пьян, разорвал четыре траурные газеты с портретами Сталина и вместе с друзьями распространял содержание передач «Голоса Америки» и Би-би-си[51], а также дело 15-летнего дмитровского школьника Латышева А. А., в 1957 году «*под действием прослушанных радиопередач американской радиостанции "Голос Америки"*» изготовившего и распространявшего антисоветские листовки с критикой правительства, однопартийной системы и советского военного вторжения

---

[49] Парафраз этой фольклорной максимы можно найти даже в дневнике регулярного высокопоставленного слушателя «голосов» и читателя ОЗП, рассуждающего об убогости советской контрпропаганды: «*...все это народу известно, который уже пустил в ход частушку: "Повелося на Руси в восемь слушать Би-би-си"*» (Черняев А. С. Дневник... Запись от 4 сентября 1975 года).

[50] См., напр., показания свидетеля по делу упомянутого выше работника Петропавловского порта Новикова Г. М., осужденного в 1958 году: «*После работы никогда не задерживался. На вопрос, почему торопишься, он говорил, что нужно послушать передачу "Голос Америки" – днем слышно плохо, а ночью хорошо*» // КРАМОЛА. С. 135.

[51] ГАРФ. Ф. р-8131. Оп. 31. Д. 45697.

в Венгрию[52]. Однако в случаях, когда дело касалось персон социально более значимых и не шло дальше обычного слушания и обсуждения содержания передач в узком кругу, это просто «бралось на заметку», но предметом уголовного преследования не становилось.

Из докладной записки в ЦК КПСС председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова об академике Л. Д. Ландау (20 января 1957 года): «*Ландау подавляющее время находится дома, регулярно слушает передачи зарубежного радио и, принимая у себя многочисленных посетителей, передает им антисоветские материалы загранрадио. Основные темы разговоров его и его окружения – антисоветские темы, высказывания зарубежного радио и циничные обсуждения отношений с различными женщинами*»[53].

Выше уже отмечалось, что некоторые слушатели «голосов» устным пересказом радиопередач не ограничивались. Они создавали на основании их *листовки*, начиняя их порой отсебятиной[54].

Еще одна разновидность проявления социальной активности, сопряженной со слушанием «голосов», – *записи иностранных радиопередач* – на долгие десятилетия оказывается составной частью идеологического багажа советских «крамольников» и «инакомыслящих», а также, в случае их обнаружения органами сыска, документальным подтверждением криминальной деятельности.

«И. И. Кук, 1941 года рождения; И. И. Унгер, 1941 года рождения; В. Г. Нейфельд, 1942 года рождения; В. А. Кук, 1942 года рождения... осуждены 8 февраля 1963 года за создание в октябре 1962 года подпольной Группы НТС. Идея объединиться возникла у них под воздействием прослушивания магнитофонной записи передачи Народно-трудового союза, транслировавшейся радиостанцией "Свободная Россия"»[55].

Из докладной записки председателя КГБ при СМ СССР и Генерального прокурора СССР в ЦК КПСС о пресечении правозащитной деятельности Якира П. И., 29 февраля 1972 года: *«...Комитетом госбезопасности с санкции Прокуратуры СССР*

---

[52] КРАМОЛА. С. 256–259.

[53] Новое время. 1998. № 50.

[54] См., напр., цитировавшиеся выше материалы по делу Савина В. И.

[55] КРАМОЛА. С. 338.

в январе с. г. у Якира и его сообщников были проведены обыски. В результате обысков изъято большое количество материалов, подтверждающих их враждебную деятельность... Среди материалов обнаружены документы радиостанции "Свобода"»[56].

Из заключения прокурора отдела по надзору за следственными органами госбезопасности Прокуратуры РСФСР от 10 октября 1975 года по делу Ермакова Г. И.: «*Ермаков полностью признал себя виновным и показал, что на преступный путь стал под влиянием антисоветских передач зарубежных радиостанций, что все вмененные ему в вину анонимные письма антисоветского содержания умышленно написаны им искаженным почерком и затем разосланы адресатам. <...> Проведенным на квартире Ермакова обыском были обнаружены и изъяты его дневниковые записи, в которых изложено содержание антисоветских зарубежных передач радиостанций "Немецкая волна", Би-би-си, "Голос Америки"»*[57].

Дело 1977 года Москвина О. Н.: «*...в 1974–1976 годах записывал на магнитофонную ленту транслируемые западными радиостанциями главы и выдержки из произведений А. Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", "Ленин в Цюрихе", "Бодался теленок с дубом", из работы Р. Медведева "О социалистической демократии"; размножал тексты на пишущей машинке и распространял среди знакомых»* [58].

Уже отмечалось, что иностранные радиопередачи инспирировали *попытки «обратной связи»* с радиостанциями, вещавшими на СССР[59]. К этому следует добавить и *письма «в защиту» иностранного радио,* адресованные в советские инстанции.

Анонимное письмо Левина С. Ф. в ЦК КПСС, март 1956 года: «*Мы, советские патриоты, требуем уничтожить позорную, варварскую систему глушения иностранных радиостанций. Этот "железный занавес" в эфире был создан кровавым Сталиным, который больше всего на свете боялся правды. Вы ратуете за*

---

[56] Там же. С. 399.

[57] Там же. С. 279.

[58] 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог. М., 1999. С. 773 (далее – 58.10...).См. там же (с. 631) запись о деле повторно осужденных за «антисоветскую пропаганду и агитацию» свердловчан Л. Г. Шефера и В. А. Ельчина (1982), у которых при обыске были изъяты магнитофонные записи передач «Голоса Америки», «Немецкой волны» и др.

[59] См. выше о делах Петрокаса И. Р. и Налетаева В. Д.

мир и международное сотрудничество, но "железный занавес" не убираете. Вы тоже боитесь правды? Но правда все равно доходит до народа, и народ постепенно теряет доверие к вам. Или вы опасаетесь дурного влияния на народ западной пропаганды? Но наш народ не ребенок, его на мякине не проведешь. Даже четверть века сталинской свистопляски не сбили его с толку.

Ленин не боялся критики, откуда бы она ни исходила. Даже злобную сатиру Аверченко он обратил на пользу советской власти. Ленин любил народ и верил в него. Узколобая сталинская диктатура презирала народ и боялась его. Наша страна самая лучшая, наши идеи самые передовые, наша политика самая справедливая, но методы нашей пропаганды самые драконовские, самые демагогические, самые лживые. Вот что ужасно!»[60]

Известен случай, когда «*потребность слушать зарубежные передачи*» и стремление «*защитить*» иностранные радиостанции инспирировали создание *подпольной организации* и даже действия, имевшие характер *террористической акции*[61]. Пожалуй, можно согласиться с высказанным российскими исследователями мнением, что «*лишь немногие подпольные организации заимствовали*» из иностранных радиопередач «*идеи западной демократии*»[62]. Однако вопрос о генезисе многих социально-политических идей, циркулировавших в советском обществе в 1950-х годах и в последующее время, до сих пор изучен недостаточно. Поэтому вывод российских историков о том, что «*радиопередачи зарубежных радиостанций – "Голоса Америки", Би-би-си, "Свободы", "Свободной Европы" – были популярны как неподцензурный источник информации, но* ***не*** *могли служить* ***генератором идей*** (выделено мной. – *В. Т.*)»[63], представляется преждевременным. Не вызывает возражений констатация ими того, о чем говорилось выше, как очевидного: «*Прослушивание "голосов" было достаточно распространенным явлением среди всех общественных слоев в СССР*». Во второй половине 1950-х годов это «прослушива-

---

[60] КРАМОЛА. С. 239.

[61] См. материалы по делу Ханженкова С. Н. и др. (1962–1964) – попытка взрыва «глушилки» в Минске // КРАМОЛА. С. 365–368; 58-10... С. 648.

[62] КРАМОЛА. С. 323.

[63] Там же.

ние» оказалось для советского общества *стабильной базой информации*[64], не только дополняющей официальную, но и альтернативной ей.

Власть: репрессивное противостояние

Власть четко осознала политическую опасность накопления такого информационного «багажа» после подавления венгерской революции (1956), когда угрозы «*устроить, как в Венгрии*» постоянно замелькали в устных высказываниях, анонимках, листовках, надписях на избирательных бюллетенях и инспирировали создание ряда нелегальных объединений. Одной из главных причин «*нездоровых настроений некоторой части советских людей*» власть объявила «*активизацию вражеской пропаганды*»: «*Эти люди оказались недостаточно стойкими в идейно-политическом отношении, легко поддающимися влиянию буржуазной идеологии. Они потеряли способность здраво оценивать международную и внутреннюю обстановку, начинают метаться из стороны в сторону, повторяя вслед за "Голосом Америки" и Би-би-си разного рода клеветнические измышления о советском строе*»[65].

«*Недостаточную идейную стойкость*» поддающихся «*вражеской пропаганде*» члены ЦК самокритично объясняли как собственной слабой идеологической работой, так и традиционно – «*пережитками капитализма в сознании советских людей*»: «*Эти пережитки подогреваются и оживляются реакционной зарубежной пропагандой, они усиливаются обывательскими элементами, которые подхватывают заграничные радиопередачи, распространяют разного рода слухи и сплетни*»[66].

Далее следовали «оргвыводы»: «*...повышение большевистской бдительности, усиление революционной зоркости, пре-*

[64] Именно из этого источника общество узнавало о многом происходящем, и это позволяло некоторым принять деятельное участие в событиях, о которых сообщали «голоса». Примером могут служить поэтические чтения на площади Маяковского в Москве. См. об этом подробнее: *Поликовская Л.* «Мы предчувствие... предтеча....» // Площадь Маяковского. 1958–1965. М., 1997.

[65] Письмо ЦК КПСС «Центральным комитетам компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам, райкомам, всем первичным организациям КПСС». Проект [21 ноября 1956 г.] // Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 497.

[66] Там же. С. 502.

сечение в корне всеми мерами пролетарской диктатуры преступных антинародных действий»[67].

На практике это вылилось прежде всего в значительное усиление репрессивной активности в 1957–1958 годах[68]. И среди оказавшихся в тот период за решеткой слушатели «голосов» составляли значительный, хотя и разномастный корпус.

Затяжной опыт технического противостояния

Приступив в 1948 году к глушению русскоязычных передач иностранного радио, СССР обрек себя на 40-летнюю разорительную «игру на поражение». Во-первых, глушение стоило гораздо дороже, чем вещание. Во-вторых, оно всегда могло «защитить» от западных «голосов» лишь часть территории, на которую их сигнал высылался. И хотя дорогостоящее строительство новых радиостанций постановки помех (РПП) по инерции продолжалось вплоть до отмены глушения (в 1986 году в СССР работало 13 мощных РПП дальнего действия – около 130 передатчиков, а также местные городские станции глушения в 81 городе – 1300 передатчиков, суммарная мощность которых составляла порядка 40 тыс. кВт, и уже действовало принятое в 1984 году постановление Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР о строительстве еще 18 новых РПП – 15–20 передатчиков каждая), Е. Лигачёв и В. Чебриков вынуждены были известить ЦК КПСС: «*...дальней защитой обеспечивается глушение передач примерно на 30 процентах территории Советского Союза. <...> Многие внутренние районы страны радиозащитой не прикрыты, а эффективность глушения в ряде крупных городов центра России, Прибалтийских и Закавказских республиках существенно ниже, чем в среднем по стране»*[69].

Из этой записки следовало, что половина жителей Советского Союза, несмотря на все предпринимаемые со стороны власти усилия, имела возможность слушать западные радиопередачи. И надежд на сокращение этого количества не было никаких. По словам В. Чебрикова и Е. Лигачёва, «*обеспечение*

---

[67] Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 503–504.

[68] См.: *Паповян Е.* Применение статьи 58-10 УК РСФСР в 1957–1958 гг. // Корни травы. М., 1996; КРАМОЛА. С. 35–46 и др.

[69] Цит. по: *Плейкис Р.* Указ соч. Я выражаю глубокую признательность автору этого сочинения за возможность заимствования у него технических данных о глушении.

качественного глушения на всей территории СССР является трудно осуществимой в техническом плане задачей и требует значительных материальных затрат»[70].

Опыт увеличения материальных затрат на глушение у Кремля имелся богатый и был отрицательным. Увеличение этих затрат всегда влекло за собой наращивание мощностей (и вообще расходов на вещание) западных «голосов». Соревноваться дальше с Западом в этой сфере было невозможно. Ведь помимо глушения русскоязычных передач СССР оказывал в этой сфере еще и «братскую помощь» соцстранам, а кроме того, «*в различные периоды между 1945 и 1988 годами... глушил передачи 14 р[адио]с[танций] на армянском, белорусском, грузинском, еврейском, латышском, литовском... узбекском, уйгурском, украинском и эстонском языках*»[71]. В общем, «фонтан иссяк»! В год Чернобыльской катастрофы в Политбюро уже все, казалось бы, это поняли.

Паллиатив

Правда, Лигачёв и Чебриков предложили паллиатив: отменить глушение ГА и Би-би-си, которые «*подают свои материалы, как правило, тенденциозно, с антисоветских позиций, стараясь при этом придерживаться объективистского подхода к освещению событий и фактов международной жизни, политики, экономики и культуры*», а также радиостанций «Радио Пекин» и «Радио Корея», пропагандистские материалы которых «*недружественны по отношению к СССР, но малоубедительны, а подача их осуществляется предвзято и примитивно*», а «*высвобождающиеся при этом технические средства использовать для более качественного и надежного глушения радиостанций Радио "Свобода"... "Немецкая волна" и "Голос Израиля"*». Но этим перераспределением предложения Лигачёва и Чебрикова не ограничились: «*Представляется также целесообразным часть технических средств использовать для расширения советского вещания на капиталистические страны».*

Осенью 1986-го такого рода «экономические идеи» мало кому представлялись реалистичными.

Правда, в запасе у власти имелся еще один способ «технического противостояния» «голосам». Тоже не новый. И тоже оказавшийся неэффективным...

---

[70] Цит. по: *Плейкис Р.* Указ. соч.

[71] Там же.

Техническое противостояние: вариант 2

Этот вариант технического противостояния западному радиовещанию кратко зафиксирован в черновике постановления Президиума ЦК КПСС по записке Л. Ф. Ильичёва 25 апреля 1963 года, содержавшем поручение ВСНХ СССР принять меры по прекращению выпуска радиоприемников с коротковолновым диапазоном[72]:

«*Одобрить предложение.*

Т. Устинову. Разработать приемники (т. Калмыкову), чтобы прием только наших передач.

Т. Шелепину. Выяснить, почему не выпол[нено] решение о выпуске приемников.

Радиорелейные передачи организовать по радио и телевидени[ю].

Может быть, налог увеличить на индивид[уальные] точки и приемники?»

Стенограмма обсуждения этого вопроса[73] проливает свет как на его масштабность (замечание Брежнева о том, что уже выпущено 9 млн коротковолновых приемников), так и на трудности реализации предложения Ильичёва.

«Л. Ф. ИЛЬИЧЁВ. Было решение, не выполнили. Самое главное возражение было Министерства торговли: потребитель не берет без коротких волн, они же соображают, не берут – и затоваривается.

Н. С. ХРУЩЁВ. А надо сократить производство.

А. Н. КОСЫГИН. Других не будет, эти будут брать».

Хрущёв на этом заседании выдвинул целую обойму предложений: и замену коротковолновых приемников, находящихся у населения, на неспособные принимать «голоса», как якобы сделали американцы (Громыко поправил: «Не радиоприемники заменили, а производство»), и развитие ретрансляционной сети в городах (это предложение сильно смахивало на неудачный проект 1960 года, возникший после отмены глушения ГА[74]),

---

[72] См.: Протокол № 94 (продолжение). Заседание 25 апреля 1963 года // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 702, 1133. Содержание приведенной черновой записи указывает на существование более ранних аналогичных решений.

[73] См. там же. С. 714.

[74] См. Постановление Секретариата ЦК КПСС (протокол № 158 § 6 от 19.07.1960 г.) «О мерах активного противодействия враждебной радиопропаганде». Вместе со справками с мест о выполнении протокол опубликован в Архиве Буковского (№ 0593).

и развитие телевизионной сети с платными телевизорами в клубах, и прекращение выпуска запчастей к коротковолновым приемникам... А закончил уже цитированным: «*Будут некоторые слушать* (зарубежное радио. – *В. Т.*) – *пусть слушают*».

Постановление о прекращении выпуска коротковолновых приемников никогда не было выполнено. Этой идее скрыто противодействовало не только Министерство торговли, но и радиопроизводители, за спиной которых стоял ВПК. Официально сроки исполнения этого партиийного решения многократно откладывались. Более чем через 20 лет, 24 февраля 1984 года, руководители партии и правительства К. Черненко и Н. Тихонов подписали совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О частном изменении пункта 5 Постановления ЦК КПСС и Совета Министров от 11.02.1983 г. № 142-62»: «*...принять предложение Госплана СССР, Министерства промышленности средств связи, Министерства радиопромышленности и Министерства торговли СССР о перенесении на XII пятилетку срока реализации задания по прекращению выпуска массовых вещательных радиоприемников с диапазоном коротких волн. Госплану СССР предусмотреть выполнение этого задания при формировании Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы*»[75].

Отмена глушения сделала эти невыполнимые планы неактуальными.

Идеологический прожект: советское USIA

Публикация на Западе секретного доклада Хрущёва о культе личности и танковое подавление Венгерского восстания вызвали массовое сокращение количества друзей Советского Союза и его симпатизантов. Их ряды покидали, расставаясь с членством в просоветских компартиях, многие видные коммунисты, «борцы за мир», шпионы, работавшие на советскую разведку «на идейной основе», леволиберальные интеллигенты... Для кремлевских руководителей в этих обстоятельствах «отпор нападкам реакции на Советский Союз» и пропаганда на Западе нового, привлекательного образа СССР обретали первостепенное значение. Под руководством В. М. Молотова шла разработка постановления «*О мерах улучшения советской про-*

[75] Цит. по: *Плейкис Р.* Указ. соч.

паганды на зарубежные страны». Стержнем этого документа, помимо критики сложившегося положения, было «организационное решение» о создании Государственного комитета СМ СССР по культурным связям с зарубежными странами (ГККС), «*задачей которого должны быть руководство и координация деятельности соответствующих организаций в данной области*». Во главе ГККС был поставлен бывший заместитель главного редактора «Правды» Г. А. Жуков[76].

Получив министерскую должность и значительные материальные и финансовые ресурсы, Г. А. Жуков принялся их «осваивать». Президиум и Секретариат ЦК (последнему он непосредственно подчинялся) требовали от него «*хорошо обдуманных планов*». И уже в январе 1958 года он представил начальству анализ работы Информационного агентства США (USIA)[77] и предложил скопировать существующую в USIA систему руководства и принятия планов, а также собирать данные об эффективности советской пропаганды в той или иной конкретной стране[78].

Возможно, впервые в документах такого рода Жуков сформулировал подспудно накапливавшийся в «верхах» скепсис по поводу перспектив дальнейшего развития глушения западных радиопередач:

«*По утвержденному плану в соответствии с Постановлением Совета Министров от 23 августа 1954 года для забивки иностранных станций должно быть установлено более 800 передатчиков, из них около 100 мощных передатчиков. Всего по забивке иностранных станций должно работать около 1000 передатчиков. Следует подчеркнуть, что введение в действие всех намеченных технических средств радиозащиты создаст еще большие помехи приему советских радиопередач.*

При всем том следует учесть, что сама по себе забивка иностранных передач не является достаточно эффективной. Хотя на нее расходуются огромные средства (так, строительство станций-глушителей, предусмотренных Постановлением

---

[76] См.: Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 993; Т. 2. С. 497, 502, 575–581.

[77] Своей детализацией представленный Жуковым анализ выгодно отличался от предыдущих документов на эту тему. Ср., напр.: Справка о внутреннем и зарубежном радиовещании США. 22 марта 1954 г. ГАРФ. Ф. р-6903. Оп. 3. Д. 98. Л. 2–5.

[78] Изложение и публикацию отдельных приложений к документу см.: Власть. 2001. № 20 (422). 22 мая.

от 23 августа 1954 года, обойдется свыше 1 млрд рублей), она не дает и практически не может дать полного заглушения антисоветских передач на всей территории СССР. По справке Министерства связи, приложенной к проекту Постановления от 23 августа 1954 года, полное заглушение враждебных радиопередач при условии выполнения плана строительства 800 передатчиков специально для забивки будет достигнуто лишь в 64 крупнейших городах СССР. Почти на всей остальной территории СССР антисоветские радиопередачи все равно будут по-прежнему прослушиваться. <...> Но даже в указанных выше 64 городах полное заглушение антисоветских радиопередач будет возможно только при том условии, если наши враги не введут в эксплуатацию ни одной новой радиостанции для вещания на СССР, что маловероятно. Вернее будет предположить, что в ответ на строительство станций-глушителей противник будет вводить новые мощные радиостанции для антисоветского радиовещания. Таким образом, прием иностранных радиостанций будет по-прежнему возможен на преобладающей части территории СССР. Разница будет лишь в том, что этот прием можно будет вести на меньшем количестве волн, чем сейчас».

Исходя из этого, Жуков предложил ЦК поручить МИДу и возглавляемому им ГККС: «*...провести с США и Англией переговоры о нормализации отношений в области радиовещания, имея в виду прекращение забивки в случае достижения соглашения о прекращении "холодной войны" в эфире*»[79].

Искушенный «идеологический боец» Жуков подчеркивал, что речь не идет о полной отмене глушения. Но это не отвлекало внимания не менее искушенных читателей его секретных предложений от другого обстоятельства: этой, пусть частичной отменой и связанными с ней переговорами Жуков пытался обогатить и усилить созданную под его началом «империю»

---

[79] См.: Справка «По вопросу о влиянии забивки антисоветских радиопередач на передачи советского радио, направленные за границу» // Власть. 2001. № 20 (422). Почти через 30 лет, в период подготовки к советско-американским переговорам в Рейкьявике, к идее «*нормализации отношений в области радиовещания*» вернулся М. С. Горбачёв: «Вы дезинформируете свое население и пытаетесь дезинформировать нас. Давайте всерьез разговаривать. Мы прекращаем глушение "Голоса Америки". Но давайте договоримся, чтобы и наш голос доходил до Америки, раз уж свобода информации» // *Черняев А. С.* Дневник... Запись от 4 октября 1986 года.

ГККС: «*Прекращение забивки антисоветских передач дало бы возможность пополнить технические средства зарубежного радиовещания мощностями около 4070 кВт, то есть увеличить эти мощности на 30%. <...> Мы считали бы возможным сохранить забивку лишь в наиболее крупных центрах, направляя главным образом против передач станций "Освобождение", "Кавказ", "Байкал" и им подобных, занятых наиболее активной пропагандой подрывной деятельности на территории СССР. Все высвобождающиеся таким образом мощности следовало бы передать на активное вещание, направленное против буржуазной радиопропаганды*».

И хотя в сентябре следующего 1959 года идеи о сокращении глушения стали частично реализовываться, но в целом предложения Жукова приняты не были.

Попасть на Луну

Направленный Жуковым в ЦК в качестве грозного предостережения перевод выступления в Конгрессе США бывшего заместителя госсекретаря США Уильяма Бентона, который, в частности, заявил: «*Добраться до умов русских нам важнее, чем попастьна Луну*», так и остался без ответа. «*Нам следует, – говорил Бентон, – немедленно приступить к постройке широкой системы более мощных радиопередатчиков, направленных на железный занавес, мы должны проводить с большей энергией любую идею, которая содержит в себе какую-либо разумную возможность разрушения этого занавеса... Мы должны помнить, что особенно необходимо достичь среднего руководства в советском мире. Это новый и быстро растущий класс хорошо образованных инженеров, специалистов и административных работников... Среднее руководство склонно поддерживать мероприятия по децентрализации и выступает за более высокий уровень вознаграждения за лучшие способности. Оно включает в себя ученых и инженеров, многих представителей искусства, администрацию системы образования, сельского хозяйства, транспорта, угольной и обрабатывающей промышленности, здравоохранения, строительства и финансовой системы, а также, по крайней мере, часть офицерского корпуса.*

До тех пор пока у среднего руководства нет постоянного потока точной информации о характере и намерениях амери-

канцев, оно полностью предоставлено слухам и официальным каналам советской пропаганды... Основной целью американской политики должно быть установление контакта с этой мощной группой»[80].

И хотя в последующие периоды (уже выходящие за временные рамки этого доклада) традиционное расширение сети глушения продолжалось, а противостояние западному радиовещанию еще не раз оказывалось в центре внимания высших партийно-государственных структур[81], Запад по разнообразным информационным каналам, в том числе и посредством радиопередач, «*до умов русских*», как и до Луны, «*добрался*». «*Контакт*», о котором мечтал У. Бентон, был достигнут еще раньше.

Но тогда, в 1950–60-х годах, последствий этого никто предсказать не мог.

А. В. Чащухин
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии ПГТУ,
г. Пермь

«ПРЕСТУПНИКИ РАЗДЕЛИ, РАЗУЛИ ЕГО И ВЫТАЩИЛИ ЧЕКИСТСКОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ»: ЮНОШЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х ГОДОВ

«...Учащиеся школы № 21... в числе 12 человек, организовавшись в разбойную группу, в период с августа 1952 года по февраль 1953-го, вооружившись холодным и огнестрельным оружием – боевым пистолетом "Бавард" – систематически занимались в вечернее и ночное время в центре г. Молотова ограблением граждан – отбирали часы, деньги, снимали одежду, обувь – и в 2 часа ночи 01.01.1953 г., встретив на улице Коммунистической, против дома № 37, гр. Чиркова, на почве ограбления убили его выстрелом из пистолета. Всего ими совершено около 30 ограблений граждан. Указанные лица аре-

[80] Власть. 2001. № 20 (422).
[81] См., напр.: Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 702.

стованы, проводится расследование»[1]. Подобная информация, регулярно отправляемая в обком партии областным прокурором Яковлевым в 1953 году, вряд ли могла считаться необычной. Милицейские сводки, прокурорские отчеты в это время пестрели сообщениями об агрессивных подростках и молодых людях. Рост правонарушений происходил не только в областном центре. Схожая картина наблюдалась в райцентрах Чусовом, Березниках, Осе и Губахе. Всплеск юношеской преступности в 1953-м перестал быть темой рутинных милицейских отчетов, пересылаемых областному начальству. Последнее в скором времени было вынуждено уже разбираться с вернувшимся бумерангом из Москвы письмом товарищу Ворошилову[2]. Трудящиеся жаловались на царивший в городе уголовный произвол и на бессилие милиции. В качестве примеров приводились шокирующие подробности: проигранные уголовниками в карты целые микрорайоны, изнасилованная девушка, привязанная к могильному кресту, и т. п. Современные журналисты, работающие в желтой прессе, вероятно, могли бы позавидовать подобному материалу. Однако это письмо не привело к серьезным кадровым решениям. Вероятно, к информации такого рода московское начальство уже привыкло. Стоит вспомнить, что после амнистии 1945 года подобные же письма из различных регионов буквально завалили центральные ведомства[3]. В нашем случае областные власти легко опровергли материалы письма как нелепые слухи, а высокий уровень преступности оправдали объективными причинами, например проходившей в 1953 году амнистией.

Инициированное Л. П. Берией первое массовое освобождение заключенных уже давно стало маркером, обозначающим сложности и противоречия ранней десталинизации. Обратим внимание на то, что в образе вырвавшегося на свободу уголовника отчетливо прослеживались юношеские черты: «...после амнистии выпущенные хулиганы до 18-летнего возраста занялись опять воровством и убийствами»[4]. Именно на агрессивных, распоясавшихся юнцов с криминальным прошлым указывал

---

[1] Письма, справки и докладные записки по вопросам работы УМГБ, УМВД, милиции, суда и прокуратуры, Т. .2. 5 марта 1953 г. – 24 июня 1953 г. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 157 Л. 79–82.

[2] См.: *Лейбович О. Л.* «Климу Ворошилову письмо я написал...» // Ретроспектива. Пермский историко-архивный журнал. 2008. № 3. С. 57–60.

[3] См.: *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 78–82.

[4] Письма, справки и докладные записки по вопросам работы УМГБ, УМВД... Т. 2. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20.Д. 157. Л. 96–97.

и автор письма товарищу Ворошилову. На первый взгляд возникновение слухов о творимых молодежью бесчинствах не могло быть случайным: послевоенная безотцовщина, помноженная на нищету, криминализация дворовой культуры уже давно стали привычными образами эпохи. Между тем амнистия 1953-го прямого отношения к юношеской преступности не имела. Милиция и прокуратура лукавили, пытаясь списать агрессивность подрастающего поколения на объективные трудности. Большинство правонарушений совершалось в то время обычными школьниками, а не подростками, освобожденными из лагерей.

Изучение юношеских и молодежных девиаций послевоенного десятилетия намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Начнем с того, что информация, сохранившаяся в исторических источниках, является неоднородной. В одних случаях мы имеем дело с официальными отчетами силовых ведомств, в других – с подобием «общественного мнения», зафиксированного советским чиновником. Слухи, возникавшие и циркулировавшие в городской среде, позднее нередко становились темой городского фольклора, который, в свою очередь, воспроизводился и переосмыслялся в художественной и мемуарной литературе. Образ «холодного лета 53-го» является яркой демонстрацией подобной синкретичной информации. С одной стороны, перед нами сформировавшийся не без влияния устной традиции художественный образ, с другой – обилие официальных документов, отложенных в государственных архивах. Отчеты, письма и докладные записки искушают магией цифр. Сведенные в единую таблицу, они могли бы дать стройную историческую реконструкцию, если бы... соответствовали действительности. «В некоторых отделениях милиции... укоренилась вредная практика в работе – многие заявления и жалобы не регистрируются, что создает видимое благополучие и не мобилизует коллектив на борьбу. Например, во втором отделении за второе полугодие 1950 года было не зарегистрировано 40 заявлений об уголовных проявлениях. ...В первом отделении милиции утеряно два заявления гр. Носкова об избиении его хулиганами, и расследование дела тянулось в течение 10 месяцев»[5]. Местоимение «некоторых» в начале этого

---

[5] Протокол № 52 заседания бюро Молотовского горкома ВКП(б) от 28 февраля 1951 года // Протоколы заседаний бюро горкома КПСС с № 46 по № 74 за 10.01.1951 – 25.07.1951. ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 602 Л. 98.

сообщения не стоит воспринимать буквально. Его использование было не более чем необходимым штампом советского канцелярского языка, аналогичным по смыслу «отдельным недостаткам». В реальности речь шла, конечно же, не об исключительных, а об обычных вещах. «В 12-м отделении милиции (начальник тов. Семёнов) в течение двух месяцев 22 заявления граждан лежали без движения и даже не были зарегистрированы. Подобные факты имеются и в других отделениях милиции»[6]. «Следователь 1-го отделения милиции тов. Котельников в течение месяца держал заявление Трофимова, не допросив свидетелей, и вынес постановление о прекращении дела на хулигана Ревутского»[7]. Дистанция между предписанными нормами и реальными практиками правоохранительных ведомств была огромной. Многие дела не заводились или не регистрировались. Являлась ли эта повсеместная практика следствием нерасторопности работников милиции или преднамеренным желанием не портить отчетности, значения не имеет. Важно то, что при таком свойстве источников статистический анализ не может быть продуктивным. Погрешность, о размерах которой мы можем только догадываться, многократно увеличивалась в Москве при сведении поступающих из регионов милицейских и прокурорских данных. Сказанное вовсе не означает невозможности использования этих источников. Статистические сводки могут пролить свет на особенности работы милиции или специфику межведомственных отношений. За ростом преступности на бумаге может скрываться реакция милиции на проводимую проверку со стороны прокуратуры. Распознать же за фасадом официальных отчетов такие тенденции, как рост, снижение, колебания социальных девиаций, не представляется возможным[8].

Указанные источники имеют еще одну важную особенность. Логика составления бюрократических отчетов заставляла советского чиновника видеть в окружающей реальности то, что

---

[6] Протокол № 11 заседания Молотовского горкома КПСС от 14 ноября 1953 г. // Протоколы заседаний бюро горкома КПСС с № 1 по № 18. За 15.09.1953 – 23.12.1953. ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 633. Л. 175.

[7] Протокол № 55 заседания Молотовского горкома КПСС от 26 августа 1953 г. // Протоколы заседаний бюро горкома КПСС с № 36 по № 56 за 06.05.1953 – 4.09.1953. ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 632. Л. 258–259.

[8] В этой связи автор не разделяет мнения Е. Ю. Зубковой, указывающей, что реальная послевоенная преступность была ниже довоенной. См.: *Зубкова Е. Ю.* Указ. соч. С. 78–82.

предписывалось видеть вышестоящими инстанциями. В конкретном воплощении проблема молодежной преступности или низкого уровня жизни трудящихся возникала для местного милиционера или прокурора в тот момент, когда ему было необходимо заполнить отчет, форма которого была спущена сверху. В связи с этим очень легко спутать актуализацию проблемы во властном дискурсе с ее реальным возникновением в обществе. Источники эпохи десталинизации имеют особые качества. В рассматриваемое время, как и в любой переходный период, происходило перераспределение полномочий различных ведомств, определялись новые сферы ответственности. Осмелимся высказать предположение. Нарушение бюрократической рутины, необходимость освоения советским чиновником новых практик должны были актуализировать повседневность, переводить ее хотя бы на время из разряда невидимой рутины в проблемное поле. Актуализация новых тем во властном дискурсе заставляла находить соответствующие им привычные, прежде незамечаемые сюжеты. Это дает возможность выявить низовые повседневные практики, которые прежде были скрыты от взгляда исследователя. «Обсуждение работников за пьянство, различного рода аморальные проявления, нарушения дисциплины непрерывной чередой идет почти на каждом заседании бюро ГК КПСС. Дело дошло до того, что один из ответственных работников ГО МВД Югов весной этого года напился до потери сознания, "преступники раздели, разули его и вытащили чекистское удостоверение"»[9]. В приведенном отрывке можно обнаружить не только желание партийных руководителей компенсировать в июле 1953-го прежний страх перед силовыми ведомствами. Пьянство, номинированное отныне как девиация, становится заметным. Обычное прежде поведение школьной учительницы перемещалось в проблемное поле, когда начинало интерпретироваться властью как жестокое.

Историк может пользоваться различным методологическим инструментарием. На взгляд автора, указанный выше способ интерпретации источника подразумевает использование концепции повседневности в том виде, в котором она включе-

---

[9] Стенограмма объединенного пленума областной и городской партийных организаций 13 июля 1953 г. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 17. Л. 45–46.

на в большую феноменологическую теорию[10]. В рамках этой парадигмы реальность повседневной жизни представляется как интерсубъективный мир, разделяемый индивидом с другими людьми. Условие существования повседневности выражается в так называемом постулате «взаимности перспектив». Это означает, что в обычных, повседневных практиках субъекты, несмотря на известные им индивидуальные отличия друг от друга, выстраивают свою деятельность из априорного допущения своей взаимозаменяемости в ситуациях, определяемых ими как тождественные. «Взаимность перспектив» подразумевает одинаковую систему релевантности – сходный отбор значимого для участников знания. Достижение «взаимности перспектив» предполагает типизацию участников: конструирование типа, с которым выстраивается взаимодействие индивида, при одновременном самоконструировании.

В рамках указанной методологии феномен «холодного лета 1953-го» нельзя рассматривать вне контекста общественных представлений о послевоенной преступности. В год смерти Сталина мы имеем дело не с возникновением, а с очередной актуализацией возникшего прежде образа лагерника. Напомним, что и в первые послевоенные годы, и в 1953 году распространение слухов о неимоверном росте преступности было вызвано проводимыми амнистиями. Сказанное вовсе не означает нашу попытку опровергнуть представления об увеличении краж, убийств и насилий в обозначенные периоды. Массовое освобождение заключенных очень легко наносило удар по находившемуся в шатком равновесии жизненному миру советского горожанина. Происходила персонификация общественных страхов в чужаке-лагернике, которым в свете освоенных практик и представлений мог стать любой. Иными словами, страх перед уголовником мог быть спонтанным переносом боязни оказаться на его месте.

Образ девиантного подростка, оставшегося без присмотра родителей, тоже не был новым после смерти Сталина. Проблема детской беспризорности и безнадзорности попала в поле зрения власти еще во второй половине 1930-х (мы не

---

[10] См.: *Шюц А.* Структуры повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. № 2; *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

говорим здесь о 1920-х годах). Во время войны методы борьбы с криминализацией подрастающего поколения получают окончательное институциональное оформление. Речь идет о своеобразной системе задержания детей и подростков и «фильтрации» их в детских комнатах милиции и детских приемниках-распределителях (ДПР) с последующим направлением детей в различные инстанции по присмотру и перевоспитанию. К последним относились учреждения различных ведомств: детские дома, колонии, ФЗО, промышленные предприятия[11].

Рассмотрим подробнее функционирование этой системы в Прикамье. В послевоенное время наиболее пристальное внимание власти уделяли избыточному присутствию детей на железной дороге. Так, в 1949 году «самое большое количество беспризорных и безнадзорных было задержано именно на железнодорожном транспорте: в городе Молотове – 962, по другим городам и районам области – 1628 человек»[12]. В связи с этим в масштабах области именно на органы охраны МГБ на железной дороге приходилось наибольшее количество задержаний. В пространстве областного центра указанные правонарушения уступали место озорству[13]. Дальнейший механизм работы милиции выглядел следующим образом. Задержанные проходили через детские комнаты милиции и/или детские приемники-распределители. «Сортировка» и направление задержанных происходили из обоих типов учреждений. Отметим, что данные официальной статистики очень противоречивы. Произвести элементарный подсчет процента направлявшихся после задержания в ДПР детей неожиданно оказалось почти невозможно. Процент попадания в ДПР по разным справкам за один и тот же период мог отличаться в разы. Так, по одним данным, за период с апреля 1952 года по апрель 1953-го в ДПР

---

[11] О государственной политике по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью см.: *Зезина М. Р.* Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопр. ист. 1999. № 1. С. 127–136.

[12] Докладная записка секретарю Молотовского обкома ВКП(б) Прассу Ф. М. от начальника Управления МВД по Молотовской области полковника Козлова «О состоянии детской беспризорности и безнадзорности в городах и районах Молотовской области» от 9.03.1950 г. // Сведения и докладные парторганов в обком ВКП(б) о работе школ и высших учебных заведений. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 169. Л. 3–9.

[13] Письма, справки, информации и докладные райкомов, горкомов партии в обком КПСС по вопросам пропаганды и агитации, школ и вузов. Т. 3. 3.04.1954 – 17.12.1954. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 21. Д. 113. Л. 131–136.

города Молотова было направлено около 16% задержанных, по другим – за весь 1953 год таковых уже насчитывалось около 59%. Гипотеза о стремительном изменении института борьбы с беспризорностью и безнадзорностью оказалась ошибочной. В 1949 году, по данным официальной статистики, детей, направленных в приемники-распределители, оказалось около 40%, а в 1951-м... 98%[14]. Возможно, одна обнаруженная закономерность объяснит эту отчетную чехарду. Количество клиентов ДПР увеличивалось в зависимости от временно́й дистанции между написанием справки и отчетным периодом. Наименьший процент попадания обычно дают отчеты, составленные по свежим следам. В тех случаях, когда справка составлялась спустя год, данные по клиентам детских комнат удивительным образом приводились в соответствие с данными о количестве доставленных в ДПР.

Обратим внимание на то, что подавляющее большинство задерживаемых в послевоенное десятилетие детей и подростков были вовсе не беспризорными сиротами, а безнадзорными. Иными словами, детьми, имеющими одного, реже двух родителей. Соотношение все больше менялось в пользу безнадзорных. Так, если в 1949 году среди задержанных беспризорники составляли около 20%, то к 1953-м их было в два раза

---

[14] Подсчеты произведены на основе: Протоколы заседаний бюро горкома КПСС с № 34 по № 53. 16.04.1952 – 20.08.1952. ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 621. Л. 83; Письма, справки и докладные записки по вопросам работы УМГБ... Т. 1. 25 декабря 1953 – 19 апреля 1954. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20.Д. 160. Л. 56–57; 69–70; 75; Сведения и докладные парторганов в обком ВКП(б) о работе школ и высших учебных заведений. 3.02.1950 – 8.12.1950. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 169. Л. 3–11; Письма, справки, информации и докладные по вопросам пропаганды и агитации, школ и вузов. 3.02.1953 – 29.04.1953. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 79, 204; Письма обкома в ЦК КПСС, справки, информации и докладные партийных органов по вопросам пропаганды и агитации, школ и вузов. Т. 3. 8.05.53 – 15.07.53. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 130. Л. 4–5, 10; Письма, справки, информации и докладные райкомов, горкомов партии в обком КПСС по вопросам пропаганды и агитации, школ и вузов. Т. 1. 08.01.1954 – 31.03.1954. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 21. Д. 112. Л. 99, 103; Постановление оперативного совещания и докладные записки о работе прокуратуры г. Молотова по делам несовершеннолетних.1952 – 18.11.53. ГАПК. Ф. р-1365. Оп. 2с. Д. 278 Л. 11–17; Доклад прокурора г. Молотова об улучшении работы по делам н/летних и переписка с горкомом КПСС о неудовлетворительной работе детских комнат и мерах борьбы с детской преступностью. 26.01.54 – 31.12.54. ГАПК. Ф. р-1365. Оп. 2с. Д. 279. Л. 6а.

меньше[15]. В этой ситуации сотрудники детских комнат милиции и ДПР поступали самым простым способом – возвращали детей их родителям. К примеру, с апреля 1952-го в течение года около 90% задержанных детей и подростков составляли безнадзорные и «заблудившиеся». Из них 75,6% было возвращено в свои семьи[16]. Не последнюю роль в подобной тактике борьбы с безнадзорностью играло и то, что созданная сеть милицейских учреждений была не в состоянии справиться с поступающими подростками. «При проверке работы детских комнат установлено, что работа детских комнат при отделениях милиции находится на низком уровне. В Орджоникидзевском районе детская комната во втором полугодии 1953 года почти не работала из-за отсутствия инспектора. В Кагановичском районе инспектор детской комнаты находилась 3,5 месяца в декретном отпуске, заменена никем не была, в результате детская комната была на заперти (здесь и далее сохранены стиль и орфография документа. – *А. Ч.*). В Кировском районе, несмотря на решение исполкома в декабре месяце об открытии детской комнаты, детская комната до сих пор не функционирует»[17]. Работать, впрочем, подобные помещения могли. Правда, далеко не всегда к ним было применимо определение «детские». «...Неправильно поступил начальник милиции, стеснив детскую комнату, вселив семью милиционера в количестве 6 человек с 3 детьми. И потом, эта семья никого не впускает, если нет работника детской комнаты. Значит, задержанный ребенок не может попасть, так как вселенная семья никого не впускает», – сетовала заведующая секцией детских домов облоно Бабинцева[18]. Практика предоставления помещения детских

---

[15] Подсчет произведен на основе следующих материалов: Сведения и докладные парторганов в обком ВКП(б) о работе школ и высших учебных заведений. 3.02.1950 – 8.12.1950. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 169. Л. 3–11; Письма, справки, информации и докладные по вопросам пропаганды и агитации, школ и вузов. 3.02.1953 – 29.04.1953. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 204.

[16] Письма обкома в ЦК КПСС, справки, информации и докладные партийных органов по вопросам пропаганды и агитации, школ и вузов. Т. 3. ПермГАНИ. 8.05.53 – 15.07.53. Ф. 105. Оп. 20. Д. 130. Л. 10.

[17] Доклад прокурора г. Молотова об улучшении работы по делам н/летних и переписка с горкомом КПСС о неудовлетворительной работе детских комнат и мерах борьбы с детской преступностью. ГАПК. Ф. р-1365. Оп. 2с. Д. 279. Л. 8.

[18] Докладные, справки работников Пермского горкома партии, обкома ВЛКСМ, народного образования по выполнению решения бюро обкома по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в области. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 297. Л. 35.

комнат под жилье для сотрудников, по всей видимости, не была редкой. Подобная же ситуация наблюдалась в Чусовом и в Краснокамске[19].

Механизм борьбы институтов власти с детско-юношескими девиациями работал по принципу «вентилятора», возвращающего вновь и вновь безнадзорных в их семьи. Цифры официальной статистики, к сожалению, не фиксировали тех, кто по второму и третьему разу проходили подобный путь. Можно предположить, что их было немало. Иначе необходимо представить нелепую картину, организованную по принципу «на наше место придут другие». В специализированные институты – детские дома, колонии и ФЗО – попадал незначительный процент задержанных за правонарушения детей. Впрочем, анализ деятельности государственных структур не является нашей главной задачей. Напомним, детско-юношеская девиация имела лицо скорее не сироты, а безнадзорного школьника, живущего в семье. Существуют различные оценки эффективности послевоенной государственной политики по отношению к социальным проблемам подрастающего поколения. Между тем проблема беспризорности и безнадзорности потеряла прежнюю актуальность только к 1960-м. В связи с этим стоит признать, что усилия милиции давали слабый эффект до тех пор, пока не произошла трансформация институтов, ответственных за социализацию юношества, – семьи и школы.

Институт семьи испытал после войны продолжительный кризис. Проблему безотцовщины в отличие от прежних времен уже не мог компенсировать материнский присмотр за подрастающим поколением. Во время войны резко возросла роль женского труда в экономике страны. Следить за детьми становилось некому и некогда. При этом власть вынуждена была решать проблемы, ею же и создаваемые. Желая репрессивными указами 1947 года справиться с послевоенными девиациями взрослых, власть еще в большей степени обострила проблему беспризорных и безнадзорных[20]. Распространенная семейная ситуация с погибшим или вернувшимся инвалидом с фронта отцом дополнилась родителями-зэками (того и другого пола). Сломанные семьи стали проблемой, которую невозможно было

---

[19] Письма обкома в ЦК КПСС, справки, информации и докладные партийных органов по вопросам пропаганды и агитации, школ и вузов. Т. 3. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 130. Л. 78.

[20] См.: *Зезина М. Р.* Указ. соч.

решить в ближайшие годы после смерти Сталина. «Указники» одними из первых испытали на себе десталинизацию. Во время амнистии 1953 года они составляли самую массовую категорию освобожденных лиц в Прикамье[21]. Между тем освобождение из лагеря не означало возможности восстановления прежнего социального статуса. Несмотря на озабоченность властей скорейшим трудоустройством амнистированных лиц, решить в сжатые сроки возникшую проблему было невозможно. Большинство из амнистированных трудоустраивались на низкооплачиваемые работы в сфере строительства или лесной промышленности[22]. Население лагерей превращалось в население бараков. Зыбкая граница между этими мирами становилась неразличимой. Как следствие – проникновение и распространение лагерных паттернов среди обычных горожан. «...Ищук, проживая в молодежном общежитии поселка Громова вместе с другими рабочими Молотовгражданстроя систематически избивал девушек и других рабочих, ругались нецензурной бранью, отбирали пищу, устраивали драки, держали всех в страхе, и были случаи, когда девушки и ребята прыгали со второго этажа, спасаясь от хулиганов. Кроме этого было установлено, что девушки 1934–1935 годов рождения днем в присутствии жильцов, вступали в половые связи с военнослужащими. Воспитательной работы в общежитии не проводилось. Комендант общежития Корлякова заявила, что ей ничего неизвестно о поведении Ищука и девушек, так как она этим не интересовалась»[23]. Заметим, что в многочисленных сообщениях о молодежной преступности речь обычно шла не о вернувшихся уголовниках, терроризировавших мирных горожан. Главными фигурантами дел, как правило, были юноши и молодые люди – учащиеся школ или рабочие промышленных предприятий. Для того чтобы освоить лагерные практики, им было вовсе не обязательно отсиживать срок: паттерны барачной жизни слабо отличались от лагерных. «К изложенному необходимо добавить, что за последнее время чаще стали наблюдаться случаи, когда хулиганы вооружаются финскими ножами и другими орудиями, изготов-

---

[21] Письма, справки и докладные записки по вопросам работы УМГБ, УМВД, милиции, суда и прокуратуры. Т. 4. 18 августа 1953 – 19 декабря 1953. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 159. Л. 260.

[22] Там же. Д. 158. Л. 110–112.

[23] Докладные записки о работе милиции и прокуратуры. 3.02.1955 – 9.04.1955. ПермГАНИ. Ф. 231. Свердловский райком. Оп. 40. Д. 21. Л. 6.

ленными на заводах района»[24]. Несмотря на качественные изменения городской среды в последующее десятилетие, подобные паттерны обнаруживались и в 1960-х годах: «...до этого я постоянно ходил либо с заточкой, либо с финкой, это норма была, это я не выхвалялся, я не собирался этим пользоваться... это была норма...»[25]

К сказанному следует добавить и многократно описанную картину ужасающего быта, исключавшего возможность нормального воспитания детей. «До последних дней администрация строительства не хотела создать необходимые условия для малолетних детей рабочих. Так, под ясли было предоставлено помещение бывшего морга лагеря заключенных и только по настоянию зав. яслями дано другое помещение... Детский сад имеется один в д. Балатово, далеко от места жительства и работы рабочих. В результате этого дети находятся дома одни без всякого надзора в совершенно неотапливаемых квартирах. ...В квартире № 2 дома № 33 проживает гр. Чебуренко, которая ребенка в возрасте 2–3 лет оставляет дома одного, привязанного веревкой к радиатору отопительной системы с тем, чтобы он не смог сбежать из квартиры, так как она сама в течение дня находится на работе»[26].

Казалось бы, при неэффективности института семьи в социализации подрастающего поколения функцию «присмотра» могла бы взять на себя школа. Проблема, однако, заключалась в том, что образовательные институты не были ориентированы на решение возникших социальных проблем. Школа периода развитого сталинизма институционально соответствовала социальной стратификации, имевшей сословный характер. Старшие классы, ориентированные на подготовку к поступлению в вуз, были уделом немногих. Как правило, это были дети представителей номенклатуры и социально близкой к ней советской интеллигенции. Наличие платы за обучение, низкий уровень жизни в семье превращались в труднопреодолимый фильтр для детей пролетариев, не говоря уже о колхозниках. Образовательным пределом для обычных горожан, как правило, оказывалась семилетка. В сложившейся ситуации школа, предоставляя от-

---

[24] Там же. Л. 6.

[25] Из авторизованного интервью с А. Д. Б-м. Записано 11.06.2008 г. Личный архив автора.

[26] Письма, справки и докладные записки по вопросам работы УМГБ, УМВД, милиции, суда и прокуратуры. Т. 4. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 159. Л. 250–252.

носительно качественное образование для избранных, оказалась неспособна эффективно решать возникающие социальные проблемы. Одновременно выполнять функции качественной подготовки избранных и социального контроля за остальными для школы было проблематично.

Репрессивные практики в послевоенное время были характерны не только для власти как таковой, но и для множества институтов, связанных напрямую или опосредованно с этой властью. Директора заводов и школ, выполняя разные функции, управляли вверенными им людьми и хозяйством схожими методами. В школе № 49 города Молотова школьная кочегарка, в которой провинившийся ученик таскал золу или уголь, заменяла исправительно-трудовую колонию[27]. В другой городской школе директор пыталась вести оперативно-следственные мероприятия по «делу о пропаже комсомольского билета». Методы ведения следствия при этом очень напоминали способы работы настоящих органов. «Начинаются крики, начинается какой-то обыск, что они у меня каждый раз искали – я не могла понять. Начинаются крики: «Признайся, что ты взяла!» Я стою, молчу, молчу, ничего не говорю, молчу. Начинаются вопли дикие. И вот у нее был на столе огромный мраморный прибор для, ну там чернильницы, и вот она этот прибор хватала и стучала, вот он такой большущий... То есть это очень страшно, очень страшно! Причем она кричала такие вещи. Вот я не помню имени секретаря, девушки, а визг ее помню, вот этот бабий визг: «Вызывай милицию, мы ее сейчас отправим под конвоем!» И вот я представляла – меня под конвоем поведут. Вот сердце вот там все вот холодело»[28].

Обычные учителя, подражая администрации школ, действовали по тем же поведенческим образцам. «В Чёрмозском районе ученик третьего класса Стариков Володя, идя в школу, по дороге запачкал руки. В школе был вскоре вызван учительницей Поповой к доске. Увидев загрязненные руки у Старикова, Попова приказала трем учащимся класса немедленно вывести его из школы на двор и бросить в помойную яму, что ученики и исполнили. Затем Стариков этими учениками был вытащен из ямы и сидел в классе мокрый и грязный на виду у всех уче-

---

[27] Из авторизованного интервью с пенсионером Ч-ным В. А. Записано 15.03.2004 г. Личный архив автора.

[28] Из авторизованного интервью с преподавателем школы № 22 А. В. Ш-ной (инициалы и фамилия изменены). Записано 2.12.2004 г. Личный архив автора.

ников класса. Придя домой, от испуга заболел и длительное время не посещал школу»[29]. Этот случай был просто более концентрированным выражением привычной жизни. Заметим, что в проблемное поле заместителя областного прокурора подобные практики попадают только в 1953 году. Именно с этого времени жестокость распространенных школьных практик начинает интерпретироваться властью как серьезная девиация.

Являясь институтом идеологической власти, школа испытывала те же проблемы, что и остальные официальные инстанции. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что при сохранении и усилении жесткости руководства сталинская система чем дальше, тем больше теряла свою эффективность. Иначе не объяснить сочетание избыточно жестких способов управления школой и массовых девиаций учащихся. Одна из главных функций школы – политическая социализация школьников – в этих условиях становилась проблемной. Новое поколение уже на заре «оттепели» стало утрачивать понимание властного дискурса. «В кинотеатре "Звезда" в выходные дни на дневных сеансах демонстрируется фильм "Черный легион". Перед картиной никакой разъяснительной беседы о том, как надо понимать картину, не было проведено, в результате чего дети (особенно мальчики) восхищаются действиями ку-клукс-клановцев, неправильно понимают их политику»[30].

Начавшаяся десталинизация обострила возникшие проблемы социального контроля. В новых условиях легитимность иерархии во многих официальных институтах спонтанно ставилась под сомнение. Прежние методы социального контроля становились неэффективными. «В г. Губаха учительница IV класса школы Митрофанова систематически применяла антипедагогические методы воспитания учащихся, избивала их, всего из 40 чел. учащихся класса нанесла побои 37 чел., в итоге группа учащихся в числе 17 чел., в марте с. г. ушла с уроков к прокурору города с коллективной жалобой на Митрофанову»[31].

---

[29] Письма обкома в ЦК КПСС, справки, информации и докладные партийных органов по вопросам пропаганды и агитации, школ и вузов. Т. 3. 8.05.53 – 15.07.53. Л. 48–49.

[30] Докладные, справки работников Пермского горкома партии, обкома ВЛКСМ, народного образования по выполнению решения бюро обкома по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в области. 22.05.1953 – 11.11.1953. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 297. Л. 40.

[31] Письма обкома в ЦК КПСС, справки, информации и докладные партийных органов по вопросам пропаганды и агитации, школ и вузов. Т. 3. 8.05.53 – 15.07.53. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 130. Л. 48–49.

В этом сюжете обращает внимание не столько жестокость учительницы по отношению к своим подопечным, сколько поведение учащихся, желавших прекратить издевательства над собой. Заметим, что в этой истории не фигурируют родители. Школьники младших классов самостоятельно ищут спасения у... прокурора. Вероятно, этот случай можно было бы принять за исключение из правил, если бы по той же поведенческой схеме не действовали в то же самое время... заключенные лагерей[32]. Паттерны зэков, пытавшихся найти управу на бесконтрольную администрацию лагерей и распоясавшихся уголовников-рецидивистов, причудливым образом оказались освоены детьми. Вряд ли это можно назвать случайностью. Для того чтобы освоить практики лагерного протеста, школьники должны были прежде идентифицировать себя с населением мест не столь отдаленных. Это, как уже говорилось, в структуре послевоенной повседневности сделать было несложно.

Отказ от сталинской модели означал трансформацию прежних способов управления. Как уже говорилось, в числе прочего это выражалось в осуждении избыточно жестких репрессивных мер. Именно в 1953 году прокуратура начинает критиковать не только милицию, но и суды за неадекватно жесткие санкции. Семилетний срок за кражу 11,7 килограмма сахара и 10 лет за кражу двух простыней из общежития отныне критикуются прокуратурой как необоснованные[33]. Прежние способы контроля над школьниками тоже вызывают негативную реакцию со стороны силовых ведомств. «Отдельные заведующие школами прибегали к помощи милиции в отношении некоторых учащихся, допустивших незначительное озорство в школах. Так, в сентябре 1952 года в школе № 8 города Краснокамска было задержано 12 учеников за нарушение правил поведения в стенах школы, в школе № 6 того же города было задержано 4 ученика за то, что они сорвали цветы в саду школы и нарушили дисциплину в классе»[34].

---

[32] О поведении заключенных в лагерях Прикамья см.: *Шевырин С. А.* Прокурор, «туфта» и «суки»: лагерная жизнь в Прикамье в 1950-е годы // 1956: незамеченный термидор. Очерки провинциального быта. Пермь: ПГТУ, 2007.

[33] Письма, справки и докладные записки по вопросам работы УМГБ, УМВД, милиции, суда и прокуратуры. Т. 4. 18 августа 1953 – 19 декабря 1953. ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 159 Л. 209–215.

[34] Там же. Т. 3. Д. 158. Л. 67.

В дальнейшем обнаруживается трансформация школы как социального института. Происходят структурные изменения, облегчающие продолжение образования в вузе. Резкое усиление внеклассной работы с учащимися приводит к тому, что определяющей функцией системы среднего образования становится профилактика детской девиантности[35]. Впрочем, эти изменения были сюжетами последующей эпохи, связанной с дальнейшей десталинизацией и формированием городского пространства.

О. В. Эдельман
кандидат исторических наук,
научный сотрудник ГАРФ,
г. Москва

АРХАИЧНЫЕ МИФЫ В СОВЕТСКОМ СОЗНАНИИ: МИМОЛЕТНЫЕ И ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ

– Случай! – сказал один из гостей.

– Сказка! – заметил Германн.

А. С. Пушкин. Пиковая дама

В начале 1990-х, перед очередными выборами, грозившими победой коммунистов, моя тетя, интеллигентная москвичка, рассказывала о своей соседке. Соседка была за коммунистов и всех с энтузиазмом за них агитировала. И вот в те же предвыборные дни тетя встретила ее с огромными сумками. Выяснилось: соседка начала запасать крупу, соль, мыло и прочее, потому что ведь когда коммунисты придут, все пропадет из магазинов.

Соседка не была безмозглой женщиной. Она жила в иной системе координат – в той же, что и большинство советского народа. С иной иерархией ценностей и иными рецептами выживания и даже своего рода благоденствия.

Как исследовать такое общество, систему представлений, мотивов и поступков составлявших его людей? Очевидно, что

[35] О трансформации школы в 1950-е годы см.: *Чащухин А. В.* Школа 1950-х в процессе формирования городской культуры // Городские миры: опыт гуманитарного исследования. Пермь, 2006. С.119–139.

для послереволюционной советской истории, как и для всей новейшей истории, именно представления о мире, поведенческие реакции народной массы играют ключевую роль. Понять поступки советского руководства без понимания обратной связи с населением невозможно, и обратная связь эта была гораздо значительнее, чем казалось авторам концепций «тоталитарного общества».

История XX века ставит перед исследователем сложный вызов. В сущности, для предшествовавших эпох она сводилась к истории элит – политической, социальной, культурной. Бесписьменные массы населения от исследований ускользали или описывались в весьма обобщенном виде. Традиционная историческая наука оперировала понятиями типа «движение народных масс» и ограничивалась выяснением социально-экономических параметров (таких, например, как состав крестьянских хозяйств) или изложением событийного хода народных восстаний (даты, вожди, требования, сражения). Инструментария для исследования массовых явлений, массового сознания традиционная наука практически не создала. Французская школа «Анналов» совершила методологический переворот, занявшись историей повседневности, реконструкцией ментальности и системы представлений, сосредоточив усилия в основном на западном человеке Средневековья. Этот чрезвычайно плодотворный подход пока не нашел достаточно широкого применения в исследованиях материала других эпох, в том числе при изучении советского человека. Можно говорить о существующих уже серьезных исследованиях советского быта, но не специфического строя мышления. Мир и система представлений советского общества оказались своеобразной «ничейной землей», обширным «диким полем» на границах ряда гуманитарных дисциплин.

Я вернусь к обсуждению идеи, что на советском материале отлично работают модели классических архаических мифов и архетипов. Но есть фундаментальная проблема. Филологи и этнографы описывают народы, сохранившие более или менее цельное архаическое сознание. То же можно сказать и о рассматриваемом историками школы «Анналов» человеке Средневековья. Однако, изучая советский народ, мы видим это сознание уже расколотым, нецельным, утратившим фольклорную завершенность, но и далеко не «рациональным» (если эта рациональность вообще где-либо встречается в действительности).

Более того, то, что мы знаем о народных массах революционного периода и двух-трех последующих советских десятилетий, производит впечатление максимального «ментального разгула», слома культурных сдерживающих рамок, смешения понятий, высокого уровня готовности к насилию. И именно это состояние легче всего сопоставляется с самыми архаичными пластами мифологии. Мифы классического язычества, не говоря уже об аналогиях с христианством, здесь работают гораздо хуже. То есть, например, в идеях революционеров-народников отыскиваются отсылки к христианскому культу мученичества и аскезы и в целом революционное движение может быть прочитано как перевернутая, трансформированная христианская идея (Н. Бердяев, М. Элиаде), за которой просматриваются языческие жертвы, жреческие культы, присущие, как принято считать, оседлым земледельцам с развитой социальной структурой общества, – но в применении к раннесоветскому миру это все неактуально. В нем актуализируются еще более архаичные пласты мифов и сознания. Как будто революция снесла разом все культурные надстройки – не только влияние христианства (которое оказалось сугубо поверхностным), но и предшествовавшие ему языческие пласты, и обнажились те слои, тот глубинный каркас сознания, который обычно надежно укрыт и замурован именно тем, что можно называть «культурой», хотя присутствие этого каркаса всегда ощущается. Это как железная арматура в бетонном здании, обеспечивающая и хранящая его форму, но покрытая слоями цемента, штукатурки, облицовки, лепнины. Возможно, здесь приоткрывается некая малопонятная, но фундаментальная основа человеческого общества.

Можно множить и множить примеры того, как этот древний каркас просматривается в разные эпохи и на разном материале. Об этом уже довольно много написано[1]. Как хтонические

---

[1] В том числе и автором этих строк. См.: Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежневе, 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / Под ред. Козлова В. А. и Мироненко С. В.; Отв. сост. Эдельман О. В. при участии Завадской Э. Ю. М.: Материк, 2005; *Эдельман О.* Легенды и мифы Советского Союза (мифопоэтические парадигмы мышления советского человека) // Логос. 1999. № 5 (15). С. 52–65. Переиздано: Журнал «Логос» (1991–2005). Избранное: В 2 т. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. Т. 1. С. 464–481; *Эдельман О.* Армагеддонская война (мир советского человека) // Нестор. № 7. Технология власти: Источники, исследования, историография. СПб.: Изд-во «Нестор-История» СПб. ИИ РАН, 2005. С. 352–362.

твари первозданного хаоса превращаются то в акул империализма, то в червей в матросском борще на броненосце «Потёмкин», то в гидру контрреволюции или фашистскую ядовитую гадину. Как советский революционный пролетарский идеал обрастает образами солярного ряда, включая коней, кузнецов, огонь. Красный цвет, «стальные руки-крылья», самый передовой отряд пролетариата – металлисты, обуздание водной стихии в виде самозабвенного строительства каналов и плотин ГЭС; предвоенный милитаристский запал с образами красной кавалерии, авиации, танков (железо). Кстати, такое впечатление, что война, как ни странно, несколько ограничила весь этот мифический разгул, вернула сознанию некие рамки.

Не всегда можно отделить специфически советское от подкладки общечеловеческого. Например, СССР явно вернулся к языческому календарному циклу с главными праздниками в ноябре и мае. Новый год одно время даже вообще практически запретили праздновать. Но Первомай и во всей Европе оказался праздником неистребимым, возрождающимся в каждую эпоху в новом обличье и даже более укорененным, нежели в России, куда он был привнесен вместе с революционным движением.

Выискивать проявления древних и универсальных архетипов в советской картине мира можно бесконечно. Однако время от времени встречаются странные, особняком стоящие, нетипичные ментальные казусы, которые вряд ли относятся к ряду вечных тем и образов. Это сплав мифа с конкретными реалиями, который можно так или иначе интерпретировать, но оттого он не делается менее странным. Приведу два озадачивающих примера.

Первый почерпнут мной из беседы с Е. Ю. Зубковой, которой я за это благодарна. Мы говорили о литовских лесных братьях. Елена Юрьевна рассказывала, что они находились в перманентном ожидании помощи от союзников, англо-американцев, причем представляли себе ее в виде прибытия большого белого корабля. Ничего особенного, если бы не тот факт, что на противоположном краю света, в Меланезии, ровно в те же послевоенные 1940-е годы активизировались карго-культы. И в том числе в виде ожидания большого белого корабля, который привезет всевозможные блага. Другой вариант карго-культов – ожидание транспортных самолетов. Туземцы строили деревянные макеты взлетных полос, напяливали вырезан-

ные из дерева наушники с тростниковыми «антеннами» – это была их реакция на недавнее базирование ВМС США. В обоих случаях речь шла о чудесном получении благ и даров, которыми в неограниченных количествах обладают западные белые люди. Меланезийцы полагали, что это – боги, духи их предков. Лесные братья имели несколько более близкий к реальности, но также напрасный и утопический расчет на союзников. В общем виде понятно, что мы наблюдаем реакцию традиционного сознания на вторжение западного мира, причем в его военно-морском проявлении. Было ли это одним лишь признаком неизгладимого впечатления, оставленного ВМС союзников? Я бы не сказала, потому что в Литве никакого флота союзников не было, там могли видеть только немецкие корабли. Кроме того, военные корабли – не белого цвета и не столь больших габаритов, а легендарный ожидаемый корабль именно *большой* и *белый*. То есть объяснить появление в разных концах света сходного мифического образа одними лишь сходными военно-политическими реалиями мы не можем.

Второй пример связан с образом пуговицы в советской массовой культуре[2]. Среди документов МОПР – Международного общества помощи борцам революции – мне попалась небольшая переписка о том, как летом 1937 года в пионерском лагере на пальто девочки, дочери немецких коммунистов, эмигрировавших в СССР, бдительные воспитатели обнаружили «фашистские пуговицы»[3]. Сначала я думала просто обсудить эти документы в радиопередаче, поставив их в контекст советской шпиономании, тем более что это замечательно увязывалось со знаменитой песней «Коричневая пуговка»[4] (слова Е. Долматовского, стихотворение опубликовано в 1939 году). Но затем, занявшись подысканием примеров и аналогий, я обнаружила престранную вещь: самостоятельную, зловещую, неброскую и четко тематически локализованную жизнь пуговиц в советской массовой культуре. Напомню, в песне речь шла о том, как босоногие ребята на проселочной дороге нашли коричневую

---

[2] Этот сюжет обсуждался в одной из подготовленных мною совместно с В. С. Тольцем передач Радио «Свобода» при участии профессора Оксфордского университета Катрионы Келли. http://www.svobodanews.ru/Transcript/2006/12/16/20061216132430947.html.

[3] ГА РФ. Ф. р-8265. Оп. 4. Д. 60. Л. 118–120.

[4] Песня эта в последнее время уже привлекала внимание исследователей. См. напр.: *Бурштейн А.* Эссе о коричневой пуговке // Урал. 2005. № 6.

пуговку, лежавшую «в коричневой пыли». Мальчик Алёшка на нее наступил.

– А пуговка не наша, – сказали все ребята. –
И буквы не по-нашему написаны на ней!

И поспешили с этой пуговкой к начальнику погранзаставы, после чего бойцы без устали «четыре дня искали, четыре дня скакали», пока не повстречали «чужого незнакомца».

А пуговки-то нету от левого кармана,
И сшиты не по-русски короткие штаны,
А в глубине кармана — патроны от нагана
И карта укреплений советской стороны.

В общем, это был шпион. А пуговка теперь хранится в «алёшкиной коллекции».

Оказалось, что эта песня – не единственный случай, когда пуговицы указывают на шпионов. Существует детективный роман Льва Овалова про майора Пронина, который так и называется – «Медная пуговица», время создания – 1941–1957. В романе советский офицер Макаров оказывается в оккупированной немцами Риге, посреди международных шпионских игрищ. Английская шпионка выдает его за британского резидента, потом его пытается вербовать резидент «заокеанской разведки», немцы думают, что он британский резидент, и потому относятся к нему с большим подобострастием (у Овалова все иностранные разведки друг с другом связаны, а особенным авторитетом пользуется «заокеанская»), ну и так далее, сюжет весьма причудливый. Нас интересуют пуговицы. Макаров, оказавшись в образе (и в квартире) исчезнувшего (убитого) настоящего британского резидента, пытается вычислить его агентурную сеть. Оказывается, агентур было две: одна настоящая и очень глубоко спрятанная, предназначавшаяся для организации крупных диверсий, а другая агентура – «несерьезная», показная, слабо законспирированная. Этой второй агентурой были красотки, работницы баров и кабаре. Каждую из них резидент для себя обозначал цветной пуговкой, и этих пуговиц Макаров обнаружил целую коллекцию. А представитель «заокеанской» разведки, вербуя Макарова, дал ему «большую медную пуговицу с оттиснутым на ней листком клевера, какие в прошлом веке носили на своих куртках колорадские горняки». Пуговица играла роль опознавательного знака и одновременно охранного талисмана: при предъявлении этой пуговицы многие затруднения

решались сами собой, посвященные узнавали друг друга. Макаров, конечно, как истинный советский офицер, притворно повсюду завербовался, а сам связался с коммунистическим подпольем и советской разведкой, которую как раз и возглавлял майор Пронин, и вернулся к своим с выведанными тайнами иностранных разведок. Роман написан от лица Макарова и начинается с элегического признания, как в осенние дни герой достает из ящика стола эту самую медную пуговицу с листком клевера и предается воспоминаниям. Хранит он пуговку! Никуда как вещдок не сдал. Причем здесь имеется прямая аналогия с пуговкой «в алёшкиной коллекции».

В другом произведении Л. Овалова – «Рассказы майора Пронина» – действие происходит в советском колхозе. Коробку с пуговицами находят среди немудрящих вещей девушки, убитой и, по-видимому, втянутой случайно в какие-то контакты иностранных шпионов-диверсантов, пытающихся вызвать эпидемию среди колхозной птицы. Пуговицы никакого участия в повествовании не принимают, но почему-то, перечисляя содержимое тумбочки, Овалов среди немногих вещей описывает именно их. Такое впечатление, что образ пуговицы настойчиво преследовал писателя, и именно в связи со шпионами.

Причем, заметьте, во всех примерах речь идет об отдельных от одежды пуговицах. Ни к чему не пришитых или оторванных. В «Коричневой пуговке» первым, определяющим признаком чужака как шпиона является именно отсутствие пуговицы и уже потом «патроны от нагана и карта укреплений советской стороны» в кармане.

Существует еще один общеизвестный пример. В фильме «Бриллиантовая рука» герой в ходе спецоперации, пытаясь привлечь к себе внимание тех, кто спрятал бриллианты в его гипсе, ходит по магазинам и ищет халатик, «такой же, но с перламутровыми пуговицами». Тут-то на него и выходит подозрительная девица, обещающая именно такой халатик с такими пуговицами, окончательно разоблаченная в гостиничном номере в сцене стриптиза, когда у нее отрывается пуговица с бюстгальтера, гаснет свет, а девица кричит: «Не виноватая я!» Снова пуговицы служат для узнавания вражеского агента, причем ясность наступает именно с оторванной пуговицей. Ведь эта сцена всеми зрителями прочитывалась как разоблачение девицы-агента. Разумеется, в фильме преобладает ироническая интонация.

Важно отметить, что вообще тема пуговицы в русской литературе не является значимой. Если даже где-то пуговицы и упоминались, то они никогда не были акцентированы, никогда не играли сюжетообразующей роли, не маркировали собой каких-то специфических признаков. Нет никаких подозрительных пуговиц и в бытовавших в советской культуре переводных произведениях. Пуговицы как улики не встречаются ни в детективах Агаты Кристи и Конан Дойля, ни в фильмах про Джеймса Бонда, ни в приключенческой литературе. И вдруг, внезапно и без связи с предшествующим литературным контекстом, в советской популярной литературе и массовой культуре оторванная или отдельная пуговица стала атрибутом шпиона.

Отметим также, что в беллетризованной биографии художника П. А. Федотова, написанной В. Шкловским (издания 1936, 1955 годов), начищенные пуговицы несколько раз упоминаются как выразительный атрибут мундирной, казарменной николаевской России.

Следует указать еще на два советских текста с упоминанием пуговиц, более поздних по сравнению с детективами Овалова и песней о коричневой пуговке. Во-первых, это песня «Идет солдат по городу, по незнакомой улице...»:

> У солдата выходной, пуговицы в ряд
> Ярче солнечного дня золотом горят.

В песне это единственная портретная характеристика солдата, более о его внешности ничего не сказано. Идет он по незнакомой улице, но «от улыбок девичьих вся улица светла». Таким образом, по начищенным и ровно в ряд пришитым пуговицам в солдате безошибочно опознают (не зная его как такового!) своего, положительного и даже желанного пришельца. В противоположность оторванной пуговице «пришельца», маркирующей шпиона.

В книге Э. Успенского «Дядя Фёдор, пес и кот» персонажи пишут письмо в Институт солнца, кот Матроскин адресует его своему знакомому «ученому у окна в халате без пуговиц, у которого разные шнурки». Здесь полное отсутствие пуговиц вкупе с разными шнурками обрисовывает адресата как человека совершенно не от мира сего, асоциального, классического рассеянного ученого чудака.

Итак, пуговичная, и особенно шпионско-пуговичная, тема возникла в СССР конца 1930-х внезапно, вне связи с культурным контекстом, но сразу же этот образ оказался ярким и совершенно точно считываемым аудиторией. Откуда это взялось? Можно, конечно, проводить аналогии с архаичными верованиями, когда пуговица играла, кроме функциональной, еще и роль амулета-оберега. Но магическую окрашенность архаичное сознание присваивало, так или иначе, практически любому предмету обихода. Причем такие предметы, как пояс, гребень, зеркало или платок, в этой связи гораздо более значимы, и память об их магической роли сохранилась в сказках и поверьях гораздо лучше, тогда как пуговицы в фольклоре не фигурируют.

Проще проследить житейский реальный фон. У моих бабушек у каждой в ящике для рукоделия была коробка с пуговицами, причем все хранили их в круглых жестянках из-под монпансье. Несколько горстей разномастных пуговиц не выбрасывались вместе с изношенными вещами, а спарывались и хозяйственно хранились для повторного использования. Это были и комплекты, и отдельные пуговки от платьев, рубашек, пальто, блузок, брюк, наволочек. В нашем детстве коробки с пуговицами были одной из самых притягательных игрушек, и я допускаю, что навязчивый образ пуговиц у Льва Овалова и других авторов мог иметь сходное происхождение. Однако полагаю, что рачительное хранение домохозяйками пуговиц не было порождением советской эпохи, а существовало и раньше. И в любом случае такого рода детские воспоминания никак не оправдывают жесткой связи пуговицы со шпионами.

Мы мало знаем о способах функционирования коллективного бессознательного. Очевидно, что в двух приведенных примерах речь идет не о проявлении универсальных принципов мышления, а о разовых, локальных феноменах, свойственных по неизвестным нам причинам именно данному обществу в данный короткий отрезок времени.

Marc Eli
Centre franco-russe de recherche en sciences humaines
et sociales de Moscou
marc.elie@centre-fr.net

DEPORTATION CRIMÉENS ET CAUCASIENS EN DÉPORTATION: LES MÉANDRES DE LA SURVIE (1944–1953)

Mémorialistes et historiens ont retenu de la déportation des "peuples punis" avant tout la brutale expulsion de nations entières de leur patrie, les conditions mortifères de transport des familles vers les lieux de déportation et la rigueur des premiers mois de séjour des parias sur des terres inhospitalières. Le débat historiographique s'est ainsi porté sur les origines de la violence terroriste de l'État soviétique envers ces peuples, sur les motivations et les desseins de Staline et de Béria et sur la qualification historique et juridique à donner à leur politique – génocide, ethnocide ou nettoyage ethnique. Comme le souligne justement Michaela Pohl, la douzaine d'années vécues par les colons caucasiens et criméens en Asie centrale et en Sibérie, une fois passée la période la plus horrible et la plus marquante de leur arrivée et de leur adaptation, a fait l'objet d'une moindre attention analytique. L'historienne comble cette lacune à l'exemple des Tchétchènes déportés dans la région d'Akmolinsk au Kazakhstan en montrant comment ils ont organisé leur survie dans les années 1940 et 1950.

Ce chapitre contribue à comprendre la vie en exil des déportés en provenance du Nord Caucase et de Crimée jusqu'à la mort de Staline. Il mettra l'accent sur deux aspects de cette histoire: d'une part sur l'inégalité des peuples et des familles entre eux face à la catastrophe qui frappe les "peuples punis". La stratification sociale des déportés, qui n'étaient pas considérés par les autorités comme une masse uniforme et les inégalités ville-campagne déterminaient pour une grande part les conditions de la survie en déportation. On souligne d'habitude plutôt – et avec quelque raison – l'extrême homogénéité des peuples déportés au Kazakhstan, en Ouzbékistan, en Kirghizie. D'autre part, nous interrogerons l'ostracisme radical des Caucasiens et des Criméens comme «colons spéciaux» dans la société du haut stalinisme. Les mesures d'exclusion inouïes à leur

endroit suscita chez eux la mise en place de stratégies collectives de conservation de leurs traditions sociales et culturelles.

La catastrophe (à écrire)

Le transport

Les premiers temps de l'exil furent les plus difficiles. Les déportés furent débarqués sur les lieux d'exil dans un grand dénument et au pire moment. Sur place, presque rien n'avait été fait pour les accueillir: dans le contexte général d'extrême privation qui caractérise la guerre, les habitants avaient à peine de quoi subvenir à leur propre survie. Certaines régions du Kazakhstan connaissaient la disette suite à une mauvaise récolte 1944. Les locaux n'avaient ni le désir, ni la force d'accueillir des nouveaux-venus que les autorités leur présentaient comme des traîtres et des bandits. Il fallait aux exilés du travail, des logements et des vivres pour survivre jusqu'à la prochaine récolte. Or, on manquait de tout.

Trop souvent les autorités locales non seulement ne mirent rien en œuvre pour accueillir les nouveaux venus, mais précipitèrent leur mort de faim et de maladie par des mesures discriminatoires et les laissèrent mourir.

Les policiers avançaient trois raisons essentielles pour…

L'arrivée et l'installation: les décès des premiers mois (quelques histoires), difficultés pour trouver logement et travail, hostilité ou non de pop. locale.

A l'aide de quelques ex. expliquer comment la différence des situations influe sur la survie (ville/campagne, élite/pas élite, voisins dévoués/voisins hostiles, régions de déportation/région normale, famille nombreuse sans travailleur/famille avec travailleurs, facultés d'adaptation, moral... J'ai de bons ex dans les mémoires).

Tableau/carte montrant répartition géographique et son évolution: concentrés dans quelques républiques seulement.

Stratification et diversité sociale. Occupation: majorité sont kolkhoziens, mais il y en a qd même ds industrie.

L'évolution démographique: passées les deux premières années, les populations s'adaptent à leur environnement (comme les koulaks).

La catastrophe de départ: bien la montrer à l'exemple des doc ISG5, 409–417 entre autres: mesures drastiques prises par Beria pour contrôler les colons: introduction de soldat de l'armée pour chasser les fuyards.

Les mesures d'aide demandées par Beria à Mikoian en 44 et 45.

Mesures répressives: Kruglov envoyé là-bas pour "mettre de l'ordre" la responsabilité des autorités: refus d'aider. Compensation et aide. Beria-Mikoian. En fait, véritable escroquerie et quasiment pas d'aide désintéressée. Amusant: à leur expulsion, on ne leur parle pas de confiscation. Certains (pas tous: pas les Sud-Caucasiens, pas les Karatchaïs) reçoivent des quittances prouvant ce qu'ils ont laissé! On leur fait croire qu'ils le récupéreront à l'arrivée, et certains l'espèrent (ISG5, 415).

– Le schönreden des rapports de Beria

– mortalité, épidémies (malaria et typhus); disette de 49.

– le maintien des pb jusqu'à très tard: pb de logement, pb de vêtements, pb de scolarisation. Très gde misère jusque tard.

– Des success stories à la soviétique?

– La vie des intelligentsia nationales à Frunze

– les lopins: sont donnés

– nombre plus important de femmes

Les relations avec la population locale

– l'accueil souvent execrable et ses raisons

– les "groupes d'assistance"

– ex. d'entraide

– les rapports avec l'administration civile locale et le management des ent.

– la diversité des situations, contrairement à une image trop compacte des peuples déportés qu'on a parfois.

– Certes, ces groupes nationaux sont ethniquement homogènes, quittent les mêmes territoires et sont envoyés dans un nombre limité d'autres régions. Certes, tous sont mis sur les mêmes listes, sont soumis à l'édit de 48 et à la nécessité de pointer une fois par mois.

– Certes, la Caucasien et les Criméens sont majoritairement dans l'agriculture et vivent à la campagne.

– Mais: stratification sociale (simple peuple / élite) qui a une influence réelle sur la vie des gens. Voir doc. 147 d'Patiev: liste des pers. Employées à des job importants à Frounzé (on y trouve les pères d'Alieva et de Bazorkin), mais en 1955.

– Quand même dispersion, avec des personnes qui sont envoyées travailler en petit nombre sur des chantiers à Moscou ou dans le grand Nord (Zakharian, INGUSHI). Il y a des urbains.

– Marginalement: une petite diversité ethnique qui pose la question des familles mixtes. Le cas des conjoints qui refusent de renoncer à leur conjoint (ex: la mère de Bazorkina et Churiumova). Ceux qui y renoncent, aussi (les demandes faites aux autorités).

– Non homogénéité ethnique et les pb que ça pose pour le NKVD. Ceux qu'on appelle "Tchétchènes et Ingouches" ne le sont pas tous, se rend-on compte en 1949.

– Tendance à l'Urbanisation.

Le maintien des déportés dans les rangs du parti et du komsomol est difficile à comprendre. On peut l'expliquer sans doute par le fait que les populations en exil devaient conserver leur structuration sociale soviétique: les élites intellectuelles, politiques, étaient mieux traitées que les simples colons, et on cherchait à leur conserver certains postes de responsabilité. L'accusation de traitrise renforce la stratification sociale, puisque les mb du parti et de l'élite sont moins soupçonnés, du moins au début. Ensuite, ils seront plus surveillés.

Une vie de paria

Dans la société soviétique, les nationaux des "peuples punis" étaient des parias dénués de tous les droits et exploitables à merci. Leur statut légal était moins enviable encore que celui des anciens "koulaks" déportés au début des années 1930 et dont une grosse moitié était encore en déportation à la fin de la guerre[1]. Sur le papier tout du moins, la déportation des "koulaks" n'était ni éternelle, ni héréditaire. Les enfants de "koulaks" étaient rayés des listes des kommandanturs à seize ans et étaient alors libres de se rendre où bon leur semblait. De même, une procédure de réhabilitation existait pour les "koulaks" dès 1930. Ainsi, au milieu des années 1930, 147 000 colons avaient été réhabilités (Viola, 157). Pendant la guerre les "koulaks" valides furent envoyés au front et rayés des listes coloniales avec femmes et enfants. Après la guerre, ceux qui restaient

[1] Les anciens koulaks déportés de la première vague étaient encore 607 000 en 1945. Viola, 178. Cette comparaison n'a pas pour dessein de diminuer les souffrances sans nom des "koulaks" en déportation, ni de taire la persécution dont ils ont fait l'objet tout au long des années 1930, avec un pic effroyable lors des opérations de masse de la Grande Terreur, dont ils furent la victime essentielle, ni de nier les discriminations dont eurent à souffrir les familles de déportés pendant des décennies. Elle est un instrument pour comprendre le changement de dessein politique dans le passage de la déportation sur critère social à la déportation sur critère ethnique qui commença dans la deuxième moitié des années 1930 et se cristallisa au moment de l'exil des "peuples punis".

furent progressivement libérés. Ils n'étaient plus que 25 000 à la mort de Staline[2].

Les déportations sur critères ethniques créaient un statut colonial différent de celui des "koulaks". En théorie, il n'y avait aucun moyen pour les membres d'une ethnie persécutée d'échapper au châtiment collectif. D'une part, la déportation était éternelle. Ce point ne fut pas formalisé immédiatement, mais les espoirs des colons que la déportation n'étaient que temporaire (d'abord pour quelques mois pour des raisons tactiques et stratégiques au front, puis pour quelques années, maximum cinq ans) furent dissipés au plus tard en 1948. Les enfants des déportés, porteurs de l'ethnicité de leurs parents, héritaient de leur statut de colon. Alors que les enfants de "koulaks" étaient maintenus dans les colonies selon le principe patriarcal qui informait la déportation (les enfants mineurs d'un "koulak" font partie de sa famille[3]), mais perdaient ce statut à leur majorité (ils n'étaient pas eux-mêmes "koulaks"), les enfants des ethnies persécutées étaient colons en vertu de la couleur nationale du principe familial (par défaut, un enfant hérite de la nationalité de ses parents), et ne perdaient donc pas ce statut à leur majorité. Ce principe ethnique ne connaissait pas d'exception: même les orphelins appartenant aux ethnies punies tombaient dans l'orbite des kommandantures spéciales à leur majorité[4].

L'inscription sur les listes individuelles de colon était un moment difficile dans la vie des jeunes colons, une forme d'initiation trau-

---

[2] Cependant, il convient de garder à l'esprit que ce chiffre ne concerne que les "koulaks" de la première vague, celle des opérations de dékoulakisation du premier plan quinquennal et de la collectivisation forcée des campagnes. De nouveaux contingents de "koulaks" originaires de la périphérie de l'URSS furent envoyés en déportation sous le haut stalinisme en quantité importante. Zemskov, 211.

[3] Et encore, il existait la possibilité, pour les "koulaks" d'envoyer leurs enfants âgés de moins de 14 ans, vivre chez des parents ou des proches dans leur village natal, possibilité bien entendu radicalement impensable pour les "peuples punis". Viola, 130.

[4] Zemskov, 168. Quelques centaines de Caucasiens et Tatars de Crimée n'avaient pas été déportés en 1944, car ils n'habitaient pas sur les territoires d'où ces peuples devaient être chassés selon les instructions officielles. Les services secrets ne les ont finalement pas portés aux fichiers coloniaux, étant donné que formellement ils n'étaient pas déportables: les ordres gouvernementaux d'expulsion s'appliquaient à des territoires précis et non pas à l'ensemble de l'URSS (contrairement aux Allemands). Cependant, ils n'avaient pas le droit de vivre dans ces territoires d'expulsion (Crimée, Caucase) et étaient tenus à l'oeil par les indicateurs du NKVD-MVD-MGB. Zemskov, 188. et ISG5, 671-2.

matisante à la vie adulte des nations humiliées, la prise de conscience de l'injustice de leur statut et de la malédiction de leur sort. C'est ainsi que vécut Aza Bazorkina l'obtention de son passeport intérieur dans son exil à Frunze en 1952[5]: le commandant assigna à la gamine de 16 ans une fenêtre de trois jours où elle devait venir pointer tous les mois à la kommandanture et lui fit sentir son pouvoir discrétionnaire: elle ne pouvait quitter la ville sans son autorisation, même pour aller rendre visite à sa mère qui vivait au kolkhoze. "Il y avait là quelque chose de **vexant**, d'humiliant. J'eu du mal à retenir mes larmes", écrit-elle. En quoi l'intégration individuelle changeait-elle quelque chose dans le monde affectif du colon? En effet, Aza connaissait ces règles depuis son enfance, depuis 1944. Ses parents pointaient une fois par mois. Elle avait grandit avec la peur d'enfreindre le régime, de quitter par inadvertance ou nécessité la ville de Frunze. Pourtant, le choc émotionnel fut grand. Rentrée chez son père, elle fondit en larmes. Et voici la réaction de son père:

Oui, Ziuka, c'est un jour difficile pour toi aujourd'hui. Tu as quitté l'enfance, tu es devenue comme nous tous.

Désormais, le régime dans toute sa dureté s'appliquait immédiatement à Aza, avec les menaces de poursuites pénales personnelles. Elle ne bénéficiait plus de la couverture de son père, elle avait quitté le cadre familial de la déportation et était devenu un colon à part entière, porteuse de la marque infamante (Bazorkina, 121). Un autre événement de peu postérieur à celui-ci finit de clore la dure entrée dans la vie adulte d'Aza. Alors qu'elle avait enfreint le régime – elle n'avait pas pointé à la kommandantur dans la fenêtre prévue, ayant mené le deuil de son grand-père, son père intervint auprès du commandant pour demander grâce. "Papa craignait [le commandant] Groznyj. Il craignant qu'il détruise ma vie". Elle écopait de fait d'une peine de 20 ans de travaux forcés si le commandant décidait de ne pas classer l'affaire. "Je déteste la terre entière quand je me remémore comment papa se prosternait devant ce salopard!" Son père se confondit en humiliantes explications, compliments, plates excuses, promesses solennelles, remerciements. Groznyj laissa partir Aza. Cette dernière intervention paternelle, bien qu'heureuse, détruisit l'image d'enfance qu'Aza se faisait de son père:

---

[5] Depuis 1932 le passeport intérieur était en vigueur en URSS pour les urbains. Les kolkhoziens, en revanche, en était largement exclus.

J'aurais préféré mourir, car papa – PAPA – le plus intelligent, le meilleur, le plus juste des hommes sur cette terre avait été humilié HUMILIÉ (Bazorkina, 123).

Pour les enfants de colons, l'âge adulte était avancé de deux ans par rapport aux autres adolescents et se marquait par une projection brutale dans un univers de relations violentes et destructrices.

Comme pour les "koulaks", les liens de mariage avec un citoyen libre ne permettaient pas de quitter le statut colonial. Pour décider du statut des couples mixtes, les services de police s'appuyaient sur le droit patriarcal: la famille avait le statut du parent mâle. S'il était déportable, toute sa famille l'était avec lui. Son épouse, même si elle ne faisait pas partie d'une ethnie punie, était également **enrolée** sur les listes et déportée[6]. La réciproque n'était pas vrai: un homme libre épousant une déportée ne devenait pas colon, mais son épouse, elle, ne perdait pas son statut du fait de son mariage[7]. Taisiâ Churûmova, d'origine russe, fut déportée avec ses trois enfants en Sibérie fin 1943 comme épouse de Kalmouk. Pourtant, son mari était mort au front en 1942. Les soldats venus les expulser le 28 décembre lui avaient laissé le choix: soit renoncer par divorce à son mari mort en héros, et échapper à la déportation; soit partager le destin du peuple kalmouk collectivement "traître à la patrie" et être transportée avec ses enfants en Sibérie. La veuve choisit la deuxième solution, par amour et respect pour son mari, par solidarité avec le peuple kalmouk, et aussi par crainte de la haine et des brimades de la part de ses voisins non déportés pour les "traîtres à la patrie" kalmouks[8].

Svetlana Alieva était d'une famille mixte: elle était karatchaï par son père et russe par sa mère. A l'âge de 14 ans, elle fut convoquée au commissariat du NKVD de la ville de Frunze, où elle avait été déportée avec toute sa famille. On lui signifia qu'elle aurait à ses 16 ans le choix de la nationalité à inscrire sur son passeport intérieur. Si elle choisissait d'être karatchaï comme son père, elle serait sur les "registres spéciaux" jusqu'à la fin de ses jours, comme de juste pour un peuple de traîtres à la patrie et à Staline. Si elle prenait la nationalité de sa mère, elle serait russe et libre: il lui suffisait simp-

---

[6] Ce principe était régulièrement rappelé: ISG5, 669–670.

[7] Zemskov, 170 évoque des exceptions à cette règle – le mari libre réussissant à libérer son épouse soumise au statut colonial – mais il ne cite pas d'exemples concrets.

[8] Ustasunova, p. 291-296.

lement de signifier par écrit sa répudiation de la nationalité karatchaï. L'adolescente céda et signa. "Mon reniement de mon père adoré et de son peuple est mon déshonneur éternel, ma honte sempiternelle!", écrit-elle plus de quarante ans après les événements (Alieva, 328–329).

Aucun service à la patrie, même signalé par les plus hautes distinctions, n'ôtait la tâche indélébile de la nationalité persécutée. Les militaires caucasiens et criméens se battant au front furent expulsés de l'armée et déportés dès 1944, en plein conflit, à l'exception de certains officiers supérieurs. Après la victoire, les soldats et officiers démobilisés caucasiens et criméens quittaient l'armée pour les colonies spéciales, avec la liberté cependant de choisir leur lieu de résidence et de travail dans la limite des républiques de colonisation et d'y faire venir leur famille[9]. Quels que fussent leur mérite et leur gloire, ils étaient **dégradés**, leur livret militaire leur était confisqué, et ils perdaient le droit de porter les armes. Les Ostarbeiter, ces civils déportés en Allemagne comme esclaves, partaient pour les colonies à leur rapatriement s'ils appartenaient à une ethnie stigmatisée[10].

Les textes officiels régissant le statut des colons insistaient toujours sur l'égalité des colons avec le reste des citoyens soviétiques: "Les colons spéciaux jouissent des mêmes droits que tous les citoyens soviétique" (check 44, 45, 48). La seule différence officielle, mais considérable, résidait dans la soumission inconditionnelle des colons aux ordres des commandants et aux interdictions de déplacement. Évidemment, sans liberté de déplacement, le droit du travail était levé, l'égalité d'accès à l'éducation disparaissait, etc. Surtout, le soumission au commandant était une invitation à l'arbitraire le plus débridé. Le statut de **sans-droit** attribué aux colons transparaissait dans la pratique bureaucratique. Ainsi, les tchékistes, les autorités locales et les managers, dans leur correspondance, opposaient systématiquement le "contingent spécial" à la «population dotée de droits» ("*pravovoe naselenie*") (Zemskov, 145; ISG5, 558).

Pourtant, des priorités politiques pouvaient faire oublier momentanément ce postulat. La préparation des élections parlementaires

---

[9] Polian, 548-9.

[10] Zemskov, 109 et 122.

de février 1946 dans les colonies est un de ces moments d'absurde tragi-comique du haut stalinisme. Pour garantir l'expression d'un large soutien au régime, on s'était souvenu en haut lieu que les Soviétiques détenus ou colons n'étaient pas privés de leurs droits civiques. Bien sûr, une telle insistance parfaitement à contre-courant des pratiques d'exclusion des colons de toute forme de vie publique mit les autorités locales en porte-à-faux et suscita le chaos chez les bureaucrates et les agitateurs. Ainsi en décembre 1945 et janvier 1946, alors que les réunions d'électeurs se multipliaient sur les lieux de travail, les officiels hésitaient à inviter les colons à y participer. Les agitateurs ne savaient pas s'ils devaient mobiliser les colons. Le syndicaliste en chef d'une usine de farine de la région de Novossibirsk, doutant du droit de vote des colons, avait même chassé les déportés d'un meeting électoral. Jusqu'à la veille des élections, des colonies entières n'étaient pas au courant de leur droit de vote (ISG5, 482–483).

Certains colons considéraient les élections comme un signal important du prochain rétablissement des autonomies nationales et de la fin de la déportation. Cet espoir reposait sur deux rumeurs extrêmement tenaces et de sens opposé: d'une part celle d'une intervention anglo-américaine en URSS à l'occasion des élections pour venir en aide aux colons. Cette croyance circulait à travers tout l'archipel colonial et traversait toutes les nationalités: "Ces élections ne riment à rien, puisque le gouvernement anglais a proposé à l'Union soviétique de rétablir les droits de notre nations... Si le gouvernement soviétique refuse son accord, ce sera la guerre entre l'URSS et l'Angleterre. L'Angleterre l'emportera et nous rendra le Caucase", affirmait un Tchétchène (Zemskov, 129). La rumeur d'une guerre prochaine entre les anciens Alliés ne quitta pas les colonies de 1945 jusqu'à la mort de Staline, et ne fit que s'amplifier avec l'approfondissement de la "guerre froide" et le déclenchement de la guerre de Corée (1950-1953). Les colons voyaient dans la guerre et l'intervention étrangère l'espoir du rétablissement de leurs autonomies nationales. Les élections de 1946 leur semblaient le déclencheur d'un conflit mondial. D'autre part, et à l'opposé de la rumeur guerrière, une rumeur non moins chimérique faisait accroire aux colons que la conservation de leur droit de vote signifiait que le pouvoir soviétique les réintégrait à la famille des peuples de l'URSS et leur rendrait leurs droits nationaux. Prévalaient chez les colons la désillusion, l'incrédulité, et surtout la déception de ne pas pouvoir avancer leurs candidats: "Nous irons voter au Caucase", "les élection

du gouvernement soviétique ne peuvent pas nous intéresser, nous autres Tchétchènes. Que les Russes votent, c'est leur gouvernement". Les autorités mirent en œuvre la double approche de la conviction par l'agitation et de la coercition par la répression, qui devait garantir un succès électoral aux candidats du bloc officiel. 40 colons mécontents ou simplement sceptiques furent arrêtés et condamnés au Kazakhstan (Patiev, 176–178).

La surveillance, le cadre administratif

La prise en main administrative s'est faite sans grande difficulté pour les services répressifs chargés des colons. En effet, l'OGPU-NKVD depuis le Premier Plan quinquennal (19281932) avaient accumulé une expérience considérable dans le traitement statistique et la gestion policière de grandes masses d'individus et de groupes ethniques entiers[11] . Les colons caucasiens et criméens furent immédiatement pris dans un filet de administratif bien **rodé** depuis la déportation des Coréens, Allemands, Finnois et autres. Rapidement, le NKVD agrandit son réseau d'administration territoriale parallèle, en créant des *"speckomendatu"* ("Kommandantures spéciales") dans les arrondissements où elles n'existaient pas encore. En juillet 1944, on se vantait d'avoir ouvert 429 nouvelles komandantures au Kazakhstan. Cinq ans plus tard, la république comptait 878 kommandantures spéciales, dont les deux tiers surveillaient plus de 500 personnes (ISG5, 658).

L'Union soviétique était alors découpée en unités territoriales de niveau républicain (républiques, républiques autonomes), régional (région, territoires) et local (arrondissements) (check) auxquelles correspondait une hiérarchie administrative de collectivités publiques: le Soviet suprême au niveau pan-soviétique, les Soviets suprêmes des républiques, les comités exécutifs régionaux et locaux. A cette pyramide administrative correspondaient des hiérarchies policières, judiciaires, d'aide sociale, etc. Or, depuis les années 1930, les entreprises d'ingénierie sociale de la direction stalinienne avait superposé à ce réseau au moins un réseau parallèle secret pour assurer l'encadrement des colons spéciaux dans tous les aspects de leur vie, sous l'égide de l'Intérieur, et à peu près entièrement distinct de la hiérarchie administrative "civile": le département des

[11] Au début des années 1930, les déportations de Koulaks et de marginaux urbains eurent lieu dans un indescriptible chaos administratif. Viola.

colonies spéciales *(OSP)*[12]. Ainsi, à la naissance d'un enfant, le colon ne devait pas se rendre à la milice ordinaire pour l'inscrire au registre de l'état civil (qui dépendait à l'époque de l'Intérieur). Pour signaler un décès, une naissance ou un mariage, il devait se rendre à la "komandature spéciale", qui avait compétence pour toutes les questions d'état civil pour les colons. Si un colon avait une plainte à faire – en Union soviétique, il existait un système administratif et judiciaire développé permettant à chaque citoyen de se plaindre d'injustices commises à son endroit et de demander aide et assistance aux autorités – il ne l'adressait pas au Soviet local, ni même au Parquet de l'arrondissement. C'est encore le commandant qui recevait sa plainte et la traitait, ce qui le livrait pieds et poings liés à l'arbitraire policier, puisque la plupart des raisons de se plaindre des colons étaient en rapport avec des décisions injustes ou des pratiques illégales des commandants. Et bien sûr, toutes les autorisations de déplacement étaient délivrées par le commandant.

Ainsi, les zones de déportation étaient soumises à un quadrillage de "komandatures spéciales", au niveau du village, qui avaient au-dessus d'elle une hiérarchie régionale, républicaine et centrale (les départements des colonies spéciales des directions régionales du NKVD, des NKVD des républiques et du NKVD de l'URSS). Ce système comprenait sa propre justice: les colons dans la majorité des cas (check) n'étaient pas du ressort des tribunaux locaux, mais de la tristement célèbre Conférence spéciale du NKVD, officine parajudiciaire du ministère de l'Intérieur qui condamnait in absentia des listes de malheureux à des peines allant jusqu'à la capitale (check pour les années 40). "Etat dans l'Etat" – cette expression est trop souvent galvaudée. Ici, elle s'applique parfaitement: une structure administrative et judiciaire parallèle surimposée pour contrôler des populations entières du bas en haut de la pyramide en parallèle et hors du système civil ordinaire, reproduisant à chaque échelon hiérarchique sa propre unité administrative. Alors que les citoyens lambda pouvaient en appeler à une plusieurs hiérarchies pour obtenir **justice** (en appeler au comité de ville du Parti contre le comité exécutif de la même ville; se tourner vers le parquet régional contre les agissements de l'administration d'un hôpital, etc.), les colons en

[12] Cette structure reçut différentes appellation selon les époques, et changea de subordination, relevant tantôt de la police, tantôt des services secrets. (check).

étaient entièrement remis pour toutes questions à l'autorité unique du commandant et de sa hiérarchie policière secrète"[13] .

L'outil premier du commandant pour contrôler les agissements des colons était le comptage régulier des foyers et des individus[14] . Le chef de foyer était personnellement responsable pour chacun des membre de sa famille et devait rendre compte au commandant de tous changement dans sa composition (naissance, mort, évasion, etc.)[15] . Les colons ne pouvaient quitter momentanément le village ou l'arrondissement de colonisation sans l'autorisation du commandant. Toute absence d'une durée supérieure à 24 heures était considérée comme évasion[16] . C'est ce lien de soumission dans l'assignation à résidence qui faisait le colon, plus que la condition de déporté (le fait d'avoir été transporté par la violence d'une région à une autre) et le territoire où il vivait (le fait d'habiter dans un lieu de relégation, Ouzbekistan, Kazakhstan ou Kirgizie, par exemple). Certains étaient "déportés" dans la région de Moscou, c'est-à-dire étaient portés sur les registres coloniaux moscovites et étaient soumis aux règles des colonies spéciales[17] . Ainsi, même Moscou était un lieu de colonie et avait son OSP de niveau régional et municipal, son réseau de kommandantures et ses colons.

Le niveau supérieur – celui du commissariat d'arrondissement – tenait des fichiers sur un double principe: familial et individuel. Il recensait les foyers, dirigés par un chef de famille, en général un homme, et comprenant toutes les personnes dépendant de lui / **ayant-droit** (épouse, enfants, grands-parents, etc.). De plus, toutes les personnes étaient comptabilisées individuellement dès l'âge de seize ans. Le commandant avait sous sa responsabilité plusieurs centaines

---

[13] Statut des colons de 1945.

[14] Des instructions réglementaient très précisément la constitution des fichiers de colons dans les komandantures de niveau local et régional (check). Cela ne les empêchait pas d'être en règle générale très mal tenu.

[15] Conformément au décret du SNK de l'URSS du 8.01.1945 (art. 4). ISG5, 447.

[16] ISG5, 448.

[17] Jusqu'en 1953, il y a avait des colons spéciaux travaillant dans les mines et l'extraction de bois dans des régions occidentales. Des Tatars de Crimée travaillaient dans la région de Moscou. Le regroupement familial leur fut autorisé en 1947: ils purent faire venir leurs familles déportées. Il va sans dire que les familles ne perdaient pas leur statut de colon par ce déplacement vers les régions occidentales, mais était simplement rayées des listes dans leur lieu de première colonisation et reprises dans les fichiers tenus par l'OSP de la région de Moscou. ISG5, 445, 472–3 et 667–8.

de foyers, parfois répartis dans des villages séparés par plusieurs centaines de kilomètres[18] . Très souvent, il n'était pas motorisé et se déplaçaient à cheval[19] . Il ne pouvait apparaître physiquement qu'une fois par mois dans chaque regroupement de colons, parfois bien moins souvent. Enfin, les kommandantures manquaient dramatiquement d'hommes: en 1948, il manquait 2500 hommes pour compléter le réseau.

Pour garantir un contrôle plus régulier, il confiait la responsabilité de s'assurer de la présence de chacun des colons à l'un d'eux. Ce système dit de "la responsabilité collective reposant sur des responsables de groupe de 10 foyers" (krugovaâ poruka po desâtidvornikam) était pensé comme une solution au problème de l'éloignement et de la "sous-administration rurale"[20] . Ce système est un atavisme dans la culture gouvernementale russe, qui a repris une importance particulière dans les années 1930 étant donné l'insistance stalinienne sur le lien de parenté comme lien social particulièrement signifiant, en particulier pour les associations de malfaiteurs, et les entreprises de colonisation intérieure de très vastes espaces[21] . Le responsable était souvent une chef de famille de quelque autorité membre du Parti ou du Komsomol, par exemple qui percevait des avantages matériels pour ce service. Parlant un peu russe, il se rendait pointer à la komandanture tous les dix jours et faisait l'interface entre le commandant et les colons. Sur le papier tout du moins, leur nombre passa de 7366 en 1944 (familles) à 8934 en 1946 (12,5 familles par groupement) et à 26 254 en 1950 (familles) dans le seul Kazakhstan[22] . Le centre rappelait régulièrement à ses hommes sur place l'importance de cette structuration et responsabilisation des colons en jouant sur la corde familiale. Les commandants et les régions avaient une relative liberté d'affiner le système de contrôle sur

---

[18] Beria avait renforcé le maillage en mai 1944 au Kazakhstan et en Kirgizie, étant donné les nombreuses tentatives d'évasion de Caucasien affamé fuyant une mort certaine: même les plus petites komandatures de village devaient désormais compter, outre le commandant, un assistant. ISG5, 416. En fait, le NKVD avait le plus grand mal à recruter aux fonctions de commandant, et les postes n'étaient pas pourvus (check). En 1949, l'URSS était couverte d'un réseau de 2679 komandatures spéciales, chacune ayant la responsabilité de 300 à 1000 personnes. Patiev, 215.

[19] Pohl, 408.

[20] Viola parle de «rural undergovernment», op. cit., 186–187.

[21] Alexopoulos, 9394.

[22] Pohl, op. cit., 409; Patiev, 185–189.

les colons. Dans certaines régions ils pratiquaient un système de laissez-passer temporaires pour viser les entrées-sorties des colons hors du ressort de la komandature[23].

Un dernier algorithme policier devait permettre aux commandants de tenir les colons: la constitution d'un réseau d'agents. Considéré comme le fer de lance du "travail tchékiste", le recrutement, le chantage et la rétribution des mouchards était aussi le plus délaissé des aspects du métier, malgré des rappels constants. A en croire les rapports triomphateurs, la population des colons était infiltrée de part en part par des informateurs: ils étaient 11 699 en 1944 parmi les Caucasiens, les Criméens et les Kalmoukes du Kazakhstan et de Kirghizie, chiffre qui est probablement sans rapport avec la réalité[24] . En 1946, le MVD en comptait 22 218 pour tous les colons d'URSS, soit 1%. 13 864 personnes étaient alors pris en filature, et 2703 avaient été arrêtées pour activités contre-révolutionnaires cette même année (ISG 544). En effet, les réseaux d'indics permettaient aux services de police de monter des "affaires". Au lieu d'y voir des bruits incontrôlable, ils attribuaient les rumeurs défaitistes à des "bandes rebelles", prétendument en pleine préparation d'attentats et de meurtres en cas d'intervention anglo-américaine, et répandant de fausses nouvelles pour mobiliser de nouveaux adhérents. Ils détectaient et arrêtaient des centaines "d'agents des services secrets étrangers, traîtres à la patrie, membres de groupes rebelles, terroristes et antisoviétiques" (ISG, 654). Mises à part ces élucubrations, les réseaux d'indicateurs permettaient de détecter de véritables collaborateurs avec l'occupant nazi. Ainsi de cinq Karatchaïs accusés du meurtre de 60 orphelins et trois éducateurs, évacués de la région de Jitomir vers la région des Karatchaïs en août 1942 (ISG5, 544–545).

Parmi les Criméens et les Caucasiens, les services de police redoutaient particulièrement surtout l'influence des anciennes élites soviétiques et des chefs claniques et religieux. La perspective de voir les chefs musulmans caucasiens et kazakhs s'allier effrayait (ISG5, 547), de même que celle de voir les chefs traditionnels rassembler la jeunesse autour d'eux. Au Kazakhstan surtout, des mesures extraordinaires étaient prises pour tuer dans l'œuf de telles mises en

---

[23] Ainsi dans le territoire de Khabarovsk. La hiérarchie du NKVD n'aimait pas les laissez-passer et tentait régulièrement de les faire interdire (check). ISG5, 429.

[24] Patiev, 209.

réseau. Le cas de Vahaev Hasi illustre cette paranoïa policière: en se fondant sur la correspondance que l'ancien second secrétaire de l'obkom de la république autonome de Tchétchéno-Ingouchie menait depuis sa prison avec d'anciens caciques de la république déportés, les services kazakhs réussirent à lui faire avouer avoir "exposé dans ses lettres, sous une forme voilée, ses idées antisoviétiques, dans l'objectif de souder les clandestins nationalistes" (ISG5 655). Ces très vagues spéculations donnent à saisir comment le MVD-MGB inventait de toute pièce des "affaires contrerévolutionnaires". D'après les rapports, la police était parvenue dans certaines régions en 1946 à utiliser des leaders religieux pour motiver les colons au travail ou les inciter à voter (ISG5 547; Patiev 175). Cependant, de tels exemples sont rares comparés aux cas de mollahs appelant à ne pas voter ou bien condamnant le pouvoir pour ces injustes déportations (Patiev 178). Et trois ans plus tard, en 1949, la police ne se berçait plus d'illusion sur ses facultés à retourner les chefs musulmans: "Les mollahs et les chefs de clans manifestent une importante activité antisoviétique" (ISG5 655).

La direction du MVD, malgré le ton triomphateur de ses rapports, connaissait les défauts de la pratique "tchékiste": les directions régionales et républicaines se contentaient trop souvent de recruter de larges cohortes d'indics pour faire du chiffre. Mais les informations récoltées auprès de ces indics étaient souvent inutilisables ou anodine. Gérant de vastes réseaux, les "opérationnels", ces fonctionnaires chargés du "travail tchékiste", n'avaient le temps ni de déléguer de véritables résidents, ni de focaliser les informateurs autour de dossiers prioritaires, ni même de vérifier qui étaient en fait ces mouchards: "dans de nombreux endroits le réseau d'informateurs se trouve profondément engorgé d'agents doubles, de désinformateurs et de véritables traîtres... Les informateurs, et en particulier parmi les jeunes, engagés dans des relations constantes avec le milieu antisoviétique, ne sentent pas notre éducation et se laissent influencer, dégénèrent et deviennent non seulement inutiles, mais surtout dangereux pour nos services" (ISG5, 546). Les services de police avaient ainsi le plus grand mal, de leur propre aveu, à pénétrer les milieux criméens et caucasiens, réputés les plus fermés et les plus méfiants.

Pointage, responsabilité collective, groupes mobiles de l'armée et indics servaient une cause unique, contrôler tout déplacement de colon hors d'un rayon de trois kilomètres et prévenir leur fuite du lieu

précis où ils avaient été déportés. Accessoirement, le réseau des komandatures aidait à la fabrication "d'affaires". Le NKVD faisait grand cas du désarmement de "groupes contrerévolutionnaires", "bandes de rebelles" et de meneurs, "l'agitation antisoviétique". Enfin, mais c'était parfaitement secondaire, les commandants pouvaient aider les entreprises à recruter de la main-d'oeuvre corvéable à merci parmi les colons.

La vie dans l'arbitraire

Le quotidien des colons était placé sous la menace constante de l'arbitraire d'un quelconque petit chef, et avant tout du commandant. Les "brigadiers" dirigeants des groupes de travail dans les kolkhozes, les contre-maîtres dans les usines, les présidents des soviets locaux pouvaient impunément insulter et passer à tabac les colons (ex). Les commandants avaient des pouvoirs bien plus étendus encore sur la vie des colons. Les règlements leur donnaient le droit de maintenir aux arrêts les colons pour cinq jours, ce qui leur permettait d'exercer la redoutable pratique des otages (mettre les exemples plutôt dans la partie sur la réforme de 48 avec signature forcée). De plus, l'isolement, l'impossibilité pour les colons de se plaindre à quiconque et la bienveillance de leur hiérarchie leur permettait de tabasser les prévenus et de prolonger la détention au-delà du délai "légal". On ne connaît pas d'exemple de commandants punis pour détention illégale, même si certains des abus les plus horribles – ceux qui conduirent à la décimation de familles entières – ont été effectivement réprimés: les responsables recevaient un blâme de leur cellule du parti, voire était exclus du Parti. Dans de rares cas, des poursuites pénales étaient engagées contre les meurtriers.

Les colons se souviennent des facultés du commandant de pourrir la vie de leurs ouailles. La chose lui était aisée, étant donné qu'il autorisait à sa discrétion les sorties temporaires de colons des limites de leur lieu de résidence et avait ainsi un droit de véto sur toutes les célébrations collectives nécessitant la réunion d'individus et de familles dispersées. Aza Bazorkina se souvient de son commandant, du nom de Groznyj ("Terrible", comme "Ivan le Terrible"): "Il outrageait, humiliait autant que sa fantaisie le lui permettait". A Frunze, le cimetière musulman se situait hors de la ville. Pour y enterrer un proche, les colons avaient besoin de l'autorisation de Groznyj, qui la refusait même pour des époux. Il organisait des rafles pendant les mariages et les enterrements. Les jours de marché, une

descente permettait d'incarcérer les femmes qui s'y rendaient – sans autorisation – depuis les kolkhozes des faubourgs pour vendre les produits de leur jardin (Bazorkina, 121–122).

Certains environnements cependant étaient propice à l'atténuation des discriminations. Grant Zahar'ân ne fait état d'aucune brimade de la part des autorités locales de Krasnovishersk (sauf à la kommandanture). Il ne remémore ni racisme, ni discrimination à l'endroit de sa très large famille et de sa personne pendant leur exil. Au contraire, ses mémoires peuvent se lire comme un hymne à l'entraide, à la générosité et à la tolérance dont il a profité dans les moments difficiles, aux amitiés nouées sur place avec des individus colons ou libres, et à la possibilité de s'en sortir avec l'aide des siens et des autres. Et là, la tradition coloniale de la région a sans doute joué un rôle important: en arrivant, les Criméens ont pris en fait les places d'anciens "koulaks" libérés, rachetant leurs maisons. La composition multethnique de la ville raréfiait les expressions de racisme. Malgré une existence chiche et dure, Zahar'ân garde un souvenir chaleureux de ces années certes celles de sa jeunesse – à Krasnovishersk (Zahar'ân, 157, 159, 168).

Une impression similaire a laissé la Frounzé de l'après-guerre sur Svetlana Alieva. "On vivait, ce me semble, pas si mal que ça. La Kirghizie était accueillante, tolérante et hospitalière", s'exclame Alieva en parlant de sa vie à Frounzé. La capitale kirghize représentait pour Alieva un idéal combinant homogénéité sociale et politique et hétérogénéité ethnique et culturelle:

Dans la Frounzé de mes années d'enfance et de jeunesse était concentrée... l'intelligentsia entretenant quelques relations conflictuelles avec l'administration stalinienne. Il y avait des exilés sur critère social ou ethnique, des politiques, des colons spéciaux, des "cosmopolites", des médecins, des professeurs... Qui n'y trouvait-on pas!

Chez Alieva, l'appartenance à l'intelligentsia persécutée par Staline – «l'intelligentsia multiethnique de Frounzé» – créait des solidarités plus fortes que les différences ethniques, comme le montre l'histoire de sa scolarité. Méprisée par ses petites camarades tout au long de ses années d'école, Svetlana ne trouvait protection qu'auprès des enseignants et de la directrice, qui l'avait «prise sous son aile» au moment où les parents d'élèves réclamait l'exclusion de la fille de Karatchaï. L'encadrement de l'école présentait deux qualités aux yeux

d'Alieva: leurs familles comme la sienne avaient eu à souffrir des répressions, et ils relevaient de "l'intelligentsia russe à belle âme", alors que son père à elle était poète. Ainsi, les dommages infligés par l'appartenance à une ethnie persécutée était atténuée par la solidarité sociale des victimes du stalinisme membres de l'élite intellectuelle (Alieva, 322–323).

Renouveau culturel ou repli communautaire?

Documents d'archives et mémoires s'accordent sur l'affermissement des traditions religieuses, culturelles et sociales dans les lieux de déportation, au moins chez les Caucasiens. Aza Bazorkina montre du doigt le principe patriarcal d'attribution de l'identité coloniale comme le facteur déclencheur d'une réaction traditionaliste: puisqu'une Ingouche avait une chance (même minime, en fait) d'être rayée des registres coloniaux si elle épousait un non-déportable, alors qu'un Ingouche entraînait une non déportée dans son sort en se mariant, les sages y virent un danger de dépérissement de la nation ingouche, et firent interdire les mariages mixtes, pourtant couramment pratiqués avant la déportation (Bazorkina, 118). S'il est bien possible que la politique familiale coloniale ait joué un rôle dans l'élaboration de stratégie de sauvegarde nationale, elle est à replacer dans le contexte général d'ostracisme qui caractérise l'attitude des autorités à l'égard des déportés. Les services répressifs préféraient concentrer les colons par nationalité pour mieux les contrôler. Tous les vecteurs classiques d'intégration au corps social soviétique étaient interdits ou inaccessibles aux "peuples punis": les jeunes hommes ne faisaient pas leur service militaire et les démobilisés n'étaient pas réservistes, contrairement aux "Koulaks".

La scolarisation ne fut pas non plus facteur de socialisation. En effet, au moins un cinquième des enfants de Caucasiens et Criméens n'allaient pas à l'école, et cette proportion était des trois quarts dans les premières années de l'exil. Les causes de cette catastrophe humanitaire étaient bien connues des autorités locales et centrales, mais jamais aucune mesure ne fut prise pour changer la situation, ce qui est une preuve irréfutable que le pouvoir ne nourrissait aucune velléité intégratrice à l'égard des colons. D'abord, il n'y avait pas d'enseignement en langue nationale: Beria l'avait interdit dès 1944. Certains parents refusaient de mettre leurs enfants dans des écoles russes ou kazakhs (Pohl). Ensuite, les parents étaient trop pauvres

et les enfants trop affaiblis pour organiser une scolarité dans les premières années. Par la suite, de nombreux enfants n'avaient ni vêtement, ni chaussure pour se rendre en classe, quand l'école n'était pas située à plusieurs dizaines de kilomètres. Résultat, une proportion extrêmement importante était purement et simplement analphabète, dans l'indifférence générale: le grand recensement colonial de 1949 en révéla 151 232 parmi les 480 155 Caucasiens (31,5%) et 27 119 parmi les 185 535 Criméens (14,5%) (Zemskov, 178). L'enseignement supérieur technique ou généralistes était hors de portée de la majorité des colons, car ils n'obtenaient pas les autorisations de se rendre dans les villes pour étudier. Aza Bazorkina avait la chance de vivre à Frounzé, et put y fréquenter des cours d'infirmière. Mais les portes de l'institut de médecine lui furent fermées jusqu'en 1955. I. A. Utnasunova, qui résidait dans la région de Novossibirsk, se vit refuser l'entrée à l'école de radiotechnique de la capitale régionale: d'une part l'école n'examinait pas les dossiers de colons, et de l'autre la kommandantur refusait qu'elle se rendent à Novossibirsk pour y passer les examens d'entré (Utnasunova, 295).

Formellement, le parti et le komsomol ne refusaient pas les colons. Mais dans les faits, ces organisations ne regardaient pas d'un bon œil les candidatures de colons, et les demandeurs étaient souvent reboutés (Amit 102). Toute la classe de Svetlana Alieva, dont elle était la seule colon, fut inscrite au komsomol d'office. Mais le cas de Svetlana créa quand même des difficultés au bureau local des jeunesses léninistes: elle ne fut reçue qu'après que celui-ci obtint l'autorisation de prendre un colon auprès de sa hiérarchie régionale et centrale. Par ailleurs, les colons caucasiens et criméens refusaient d'envoyer les leurs au parti. Finalement, les membres des organisations officielles étaient peu nombreux parmi les colons: en 1949, il n'y avait que 2128 communistes et 1896 komsomols parmi les Caucasiens, et 776 communistes et 1580 komsomols parmi les Tatars de Crimée. Le très faible nombre de komsomols parmi les Caucasiens encore moins nombreux que les communistes montre à quel point Tchétchènes et Ingouches étaient étranger à ces structures d'ascension sociale (comparaison). Il faut dire que l'on confiait aux membres du parti des tâches obligatoires qui ne pouvaient les faire apparaître que comme des traîtres aux yeux des leurs: ils étaient envoyés comme agitateurs et participaient aux campagnes de signature forcée des documents officiels reconnaissant la culpabilité des peuples déportés (Zemskov, 172–173).

Les Caucasiens limitaient au maximum le contact avec les autorités: ils refusaient d'enregistrer les naissance ou de porter leurs différends devant les tribunaux (Pohl) (Gricha, t'as des choses sur les Tatars? J'ai pas trouvé grand-chose, moi). Après la phase d'effondrement moral des premières années de déportation, les groupes nationaux se soudèrent contre l'extérieur. Tchétchènes et Ingouches étaient les plus rancuniers et les plus pugnaces aux yeux des services: "nous sommes convaincus que la partie la plus amère [des colons spéciaux] sont les déportés du Nord Caucase, surtout les Tchétchènes et les Ingouches". (ISG5 654-6). Mêmes les communistes participaient au renforcement des pratiques patriarcales traditionnelles, porté par les "anciens", les chefs de clan, et les leaders religieux, s'indignait la police: soumission des femmes, arrangement des mariages et interdiction des unions mixtes. Ils s'arcboutaient sur le code de l'honneur, son respect assurés par des cours locales. Les danses et chants traditionnels, les réunions familiales et claniques prirent une grande importance dans la sédimentation des relations sociales (Bazorkina). Ce repli culturel et ethnique suscitait l'incompréhension et le dégoût des autorités, alors qu'il était puissamment encouragé par la politique menée à l'égard des déportés. Par exemple, l'application du principe patriarcal par les autorités appelait symétriquement son renforcement dans les cultures traditionnelles, elles-mêmes également patriarcales. Le racisme ouvert des services répressifs prenait appui sur cette incompréhension.

Ainsi des pogroms. Les relations avec les habitants étaient difficiles dans les premiers temps, nous l'avons vu. Mais, après la phase d'adaptation, tous les témoignages concordent pour dire que les relations de voisinage se sont réchauffées (mettre en première partie avec ex.). Les relations avec les autorités restaient difficiles même s'il fallait bien trouver des algorithmes d'accord pour l'organisation du travail, pour l'enregistrement régulier sur les registres, où la violence physique ou moral ne jouait pas le seul rôle. Pour les Caucasiens, la situation changea dramatiquement à la fin des années 1940: avec le développement des grands chantiers et la relative urbanisation des Caucasiens, les nationalités se mêlèrent sur les sites industriels (Gestwa). De la main d'œuvre supplé-mentaire, souvent constituée d'anciens détenus, fut transférée au Kazakhstan. Les rixes à caractère racial dont on connaît bien l'existence pour l'après Staline entre les travailleurs temporaires et les déportés "locaux" ont

commencé dès la fin des années 1940 (Pohl). Ils prirent la forme de rixes et de pogromes sanglants, dont deux eurent une très grande envergure dans l'Est du Kazakhstan: le 27 juin 1949 à Ust'-Kamenogorsk, une rixe éclata entre Tchétchènes et ouvriers contractuels fraîchement arrivés sur le chantier du Tsinksvinetsstroj, impliquant 150 Tchétchènes et 300 ouvriers. Il y eut 12 blessés. Plus grave, le 17 juillet, des ouvriers récemment arrivés à Lenino-gorsk massacrèrent 34 Tchétchènes, femmes et enfants compris. Les survivants se souviennent qu'ils trouvèrent refuge auprès de famille kazakhes qui leur offrirent protection (ISG5, 648 et http://www.chechnya.cjes.ru/journal/?j_id=17&c_id=408). Pourtant, la police kazakhe rejeta la responsabilité des meurtres sur les victimes, selon le schéma raciste classique: "Le comportement provocant des Tchétchènes et des Ingouches à l'égard des populations locales, qui a dans une grande mesure suscité l'incident notoire qui a eu lieu à Leninogorsk, ne peut donc pas être interprété comme fortuit". Le contresens réalisé par le MGB du Kazakhstan est total: en effet, à Leninogorsk et à Ust'-Kaminogorsk, les locaux, c'était les Tchétchènes et les Kazakhs; les organisateurs du pogrome, eux, venaient d'arriver (ISG5, 656).

Conclusion: le sens de l'aliénation

Il est illusoire de chercher à comprendre la portée de la déportation pour l'histoire soviétique à l'aune des seules décisions d'expulsion dont furent victimes les "peuples punis". Pour comprendre les intentions du pouvoir, il faut jeter un regard diachronique sur la dizaine d'années qu'ils passèrent en exil. On voit que le projet soviétique pour les "peuples punis" a évolué vers un ostracisme toujours plus grand, contrairement aux attentes d'un adoucissement du régime après les rigueurs des premières années et la victoire de 1945, comme la réintégration progressive dont avaient bénéficié les anciens "koulaks" en exil dans les années 1930 pouvait le laisser espérer. Une fois disparu l'espoir de regagner rapidement leur patrie, les colons mirent en place des stratégies de survie du groupe dans les conditions de la déportation qui les constituèrent en communautés nationales isolées.

Cette analyse s'oppose à l'interprétation souvent avancée d'une déportation-assimilation des Caucasiens et Criméens. Ainsi Zemskov: "La déportation d'une série de petits peuples devait visiblement permettre d'accélérer les processus de leur assimilation dans la

société soviétique" par leur fusion dans les ethnos d'Asie centrale (Zemskov, 107). Naimark avance la même idée quand il parle de politique de "soviétisation des nationalités" (Naimark, 139 et 164). Cette exégèse est entièrement contredite par les principes et l'évolution de la politique générale de l'État soviétique à l'égard des déportés, par les stratégies de survie des groupes nationaux et par leur relation avec les sociétés auprès desquelles ils furent installés. Cela ne veut pas dire bien sûr que toute intégration individuelle locale était impossible en déportation: certaines trajectoires montrent le contraire. Mais même quand les colons prospéraient en exil, ils considéraient leur séjour comme transitoire. Cela devint clair lors du retour dans leur patrie de la quasi-totalité des colons libérables quelques années après la mort de Staline.

Bibliographie

Golfo Alexopoulos, "Stalin and the politics of kinship: practices of collective punishment, 1920s–1940s", Comparative studies in society and history, 2008, vol. 50, p. 91–117.

Svetlana Alieva, "Zapah fialki: Vospominanij", in: Svetlana Alieva, *Tak èto bylo: Nacional'nye repressii v SSSR, 1919–1952 gody v 3 tomah*, Moscou, Insan, 1993, p. 317–332.

Aza Bazorkina, "Terpenie", in: ibid., p. 107–144.

T. Carevskaâ-Dâtkina, Specpereselency v SSSR, in: Ûrij Afanas'ev, Istoriâ stalinskogo Gulag: Konec 1920-h pervaâ polovina 1950-h godov; Sobranie dokumentov v semi tomah, vol. 5, Moscou, ROSSPEN, 2005.

Norman Nejmark (Naimark), *Plamâ nenavisti: Etničeskie čistki v Evrope* XX veka, Mosocu, AIRO – XX, 2005.

Jakub Patiev, Inguši. Deportaciâ, vozvraŝenie, reabilitaciâ, 1944 – 2004; dokumenty, materialy, kommentarii, Magas, izdat. Serdalo, 2004.

Michael Pohl, "It cannot be that our graves will be here: the survival of Chechen and Ingush deportees in Kazakhstan, 1944–1957", *Journal of genocide research*, vol. 4, 3, sept. 2002, p. 401–430.

Pavel Polian, Stalinskie deportacii 1928–1953, Moscou, Materik, 2005.

I. A. Ustasunova, "Mama ne mogla izmenit' pamâti pogibshego muzha", in: P. O. Godaev, Bol' pamâti, Elista: Dzhangar, 2000, p. 291–296.

Lynne Viola, The unknown Gulag: The lost world of Stalin's special settlements, New York, Oxford University Press, 2007.

Grant Zahar'ân, Tragediâ Kryma–44, 1992 (http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_book.xtmpl?id=84865&aid=1253).

Viktor Zemskov, *Specposelency v SSSR*. 1930–1960, Moscou, Nauka, 2003.

Марк Эли
заместитель директора Франко-российского института
гуманитарных и общественных наук,
г. Москва

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И КРЫМА: НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ НАБЛЮДЕНИЙ

(Перевод с французского)

Данная статья предлагает читателю общие наблюдения о жизни на поселении представителей «наказанных народов» (Некрич) из контингента тотальной депортации «возмездия»: калмыков, народов Северного Кавказа (карачаевцев, вайнахов и балкарцев) и народов Крыма (татар, армян, болгар, греков и т. д.)[1]. Мало серьезных работ об условиях жизни спецпереселенцев, особенно тех из них, которых сослали во время и после войны, за исключением немцев[2]. Статья построена исключительно на опубликованном материале. Мы не претендуем ни на оригинальные интерпретации, ни на выявление новых фактов. Мы лишь излагаем очевидные тезисы. К сожалению, даже в специальной литературе царит неразбериха в решении самых простых исторических вопросов о спецпереселенцах, поэтому мы считаем, что отнюдь не бесполезно лишний раз остановиться на основах.

1. Катастрофа первых лет выживания на поселении

Транспортировка спецпереселенцев и первые месяцы их жизни на поселении обернулись настоящей катастрофой для «наказанных народов». Серьезных мер к размещению спецпереселенцев и обеспечению их самым необходимым ни центральные, ни местные власти не приняли. В условиях всеобщей нищеты местное население встречало спецпереселенцев нерадостно, а порою и враждебно. Казахские органы ВД жаловались на множество случаев избиения, убийств, преступного отказа

---

[1] *Полян П.* Сталинские депортации. 1928–1953. М.: Материк, 2005.

[2] См. внушительную библиографию: *Белковец Л. П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008.

от оказания помощи спецпереселенцам. Однако и сами органы настраивали местное население против приезжих, причем не только разговорами о «пособниках фашистов» и «предателях», но и организацией групп содействия и самообороны из односельчан для вылавливания беглецов[3].

Хотя все уровни власти по прибытии каждой волны переселенцев сообщали, что продовольствия не хватит, чтобы дождаться следующего урожая, никакой серьезной помощи людям оказано не было. В Казахстане и Киргизии быстро распространялись дистрофия и эпидемии (цинга, малярия)[4]. Центральная власть поддерживала легенду об «окончательном расчете со спецпереселенцами» за изъятое на родине имущество, создавая для самой себя иллюзию справедливости (с большой волокитой и неразберихой символических «квитанций»)[5]. Местная власть иначе как «нереальными» соответствующие постановления не называла ввиду отсутствия каких бы то ни было вещей, которые возмещали бы спецпереселенцам то, что они потеряли[6]. Через год после высылки, зимой 1944/45 года, калмыки увидели первых компенсационных животных (мелкий скот за изъятых верблюдов). Но поскольку люди умирали с голоду, они сразу же стали забивать скот (до 90% распределенного скота в Киргизии было забито немедленно). Органы внутренних дел ответили на это страшными репрессиями: десятками арестов и передачей скота в собственность колхозов[7].

Фикция «расчета» иллюстрирует сочетание «управления абстракцией» с «управлением репрессией». Дотошный план «компенсации» укрывает хаос действительности завесой порядка. Но когда реальность противоречит планам – включается репрессивный механизм[8]. Сталин и его люди перекладывают ответственность за голод на «саботажников», «лодырей» и «спе-

---

[3] История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собр. док.: В 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Царевская-Дякина Т. В. М.: РОССПЭН, 2004. С. 409–410; *Патиев Я. С.* Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944–2004. Магас: Сердало, 2004. С. 187–188.

[4] *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч. С. 411–413, 415.

[5] *Полян П.* Указ. соч. С. 543–545.

[6] *Патиев Я. С.* Указ. соч. С. 160.

[7] *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч. С. 450, 466–467, 508.

[8] *Lynne V.* The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. New York: Oxford University Press, 2007. С. 113, 188.

кулянтов» среди спецпереселенцев. Берия командирует своего зама Круглова в Казахстан в мае 1944 года навести порядок. После этого каждый комендант получит от трех до пяти человек из войск НКВД, чтобы охотиться за спецпереселенцами[9].

Планы по строительству жилья для приезжих к зиме 1944/45 года не выполнены. Нет ни теплой одежды, ни обуви. Только в середине декабря 1944-го, когда катастрофа уже случилась, правительство распределяет минимальную продовольственную помощь в Казахстане и Киргизии. Этой помощи «не хватает для поддержания жизнеобеспечения истощенных людей», как признают казахские чиновники. Но даже эти мизерные фонды не добираются до умирающих, а расхищаются на всех уровнях республиканской, областной и местной администраций[10]. Такая практика продолжается весь период существования спецпоселений, с растратой строительных материалов и ссуд, якобы предназначенных для благоустройства спецпереселенцев. Эти преступления хотя и отмечались постоянно в докладных и переписке, однако никогда не влекли за собой ни серьезного обсуждения, ни мер пресечения[11].

Следующая зима 1945/46 года менее катастрофична. Спецпереселенцы выживают в основном за счет своего огорода, который они смогли наконец вовремя засеять. Распределение скота возобновляется летом 1945 года, и большинство оставшихся в живых семей получают по нескольку овец или коз. Берия добивается двухлетнего моратория на налоги. Калмыки, кавказцы и крымские народы восстанавливаются медленно: только в 1949 году кривые смертности и рождаемости перекрещиваются. Однако переселенное население остается очень слабым из-за губительных последствий голода 1949 года в Северном Казахстане. До начала 1950-х оно живет в ситуации крайней нищеты и нужды.

2. Социальная дифференциация между и внутри групп спецпереселенцев

После этой общей картины необходимо сказать о различиях. Среди спецпереселенцев равенства не было. Хотя административно-правовой статус был у всех одинаков, но и условия

---

[9] *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч. С. 417; *Патиев Я. С.* Указ. соч. С. 125, 141–142.

[10] *Патиев Я. С.* Указ. соч. С. 164, 170–171, 192–196.

[11] *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч. С. 505–506.

жизни, и даже отношение к ним власти существенно, жизнеопределяюще отличались.

Оказывается, по месту жительства и роду занятий почти половина кавказцев относилась к деревенским жителям и только 10% переселенцев из Крыма были заняты в колхозах. Это первая причина разницы в уровнях смертности между ними. Жизнь хотя и оказалась невероятно тяжелой для работающих в промышленности (где было занято 55% спецпереселенцев из Крыма, 46% калмыков и только 27,5% кавказцев), но все же она была лучше, чем в колхозах. Грант Захарьян, армянин из Крыма, объясняет, как ему и его семье (всего 8 человек, из них только двое работали на бумажном комбинате) удалось пережить первую зиму в Красновишерске. Это произошло благодаря пайкам, что выдавали на комбинате, а также помощи соседей и изобретательности членов семьи в индустриальном контексте, где существуют разные способы заработать на жизнь[12].

Разницу между комбинатом и колхозом передает и разнобой в восприятии контингентов рабочих и колхозников в официальной переписке. Органы внутренних дел равнодушны к массовым смертям в деревнях от истощения и эпидемий, но возмущаются жуткими условиями жизни спецпереселенцев, работающих в промышленности. Надо прямо сказать, что рабочие представляли собой предмет торга для пенитенциарного ведомства, а жалобы о цинге, отсутствии спецодежды и скученности в бараках были средством торга с предприятиями, которым ведомство поставляло подневольных тружеников[13].

Вторая линия различия между спецпереселенцами – социальная иерархия. Официальные инструкции покровительствуют элите (членам партии и комсомола, офицерам НКВД, руководящим работникам и т. п.). Это сказывается уже при транспортировке: руководящие работники не погружены в товарные вагоны, как скот. Они едут в ссылку в пассажирских вагонах, которые дают минимальный комфорт и позволяют кавказцам-мужчинам держаться отдельно от женщин. В товарных же вагонах женщины вынуждены были отправлять естественные нужды

---

[12] *Захарьян Г. А.* Трагедия Крыма-44. 1992. БД «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы». http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth auth_book.xtmpl?id=84865&aid=1253

[13] *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч. С. 424, 528–529, 759–760; *Патиев Я. С.* Указ. соч. С. 161–162.

в одном пространстве с мужчинами, что вызвало у них острое чувство стыда и интерпретировалось переселенцами как сильный сигнал разрушения национальной культуры[14].

Представители элит также имели определенную свободу в выборе места жительства. Им должны были предоставлять работу по специальности[15]. По всей видимости, смесь прагматичных соображений с рутиной советской национальной политики подтолкнула власть к мысли о сохранении социальной иерархии: нужны были квалифицированные кадры для местной экономики, хотелось заново создать пересылаемые этносы на новом постоянном месте жительства, со всей их социальной структурированностью. Этот проект провалился, однако он доказывает, что не было глобальных планов уничтожать «наказанные народы» или растворять их, разрушая их традиции и социальную структуру, по крайней мере на начальном этапе депортации.

Кавказцы хуже остальных народов переносили последствия высылки. Все документы указывают, что горцы были глубоко деморализованы. Высылка никак не вписывалась в их интерпретации истории и картину мира. Они считали это Божьей карой, хотя и не ведали за какие проступки. Моральное состояние кавказцев имело колоссальные последствия для их адаптации. Например, многие верили, что их вернут на родину до наступления зимы, и потому не засеяли огороды и не вступили в колхозы. Только летом 1946-го, когда наконец-то публикуется закон об упразднении национальной автономии чеченцев и ингушей, они понимают: обратного пути на Кавказ нет[16].

3. Режим, надзор и произвол

Система административного охвата депортированных в местностях постоянного расселения стала продолжением и расширением системы спецкомендатур, созданной в начале

---

[14] *Pohl M.* «It Cannot Be that our Graves Will Be Here»: the Survival of Chechen and Ingush Deportees in Kazakhstan, 1944–1957 // Journal of Genocide Research, 4/3, 2002, С. 401–430; *Базоркина А. И.* Терпение // Так это было: Национальные репрессии в СССР, 1919–1952 годы : В 3 т. / Сост., предисл., послесл., коммент. и прим. С. У. Алиевой. М.: Инсан. 1993. Т. 2. С. 110.

[15] *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч. С. 411; *Патиев Я. С.* Указ. соч. С. 147–149.

[16] *Патиев Я. С.* Указ. соч. С. 169, 173; *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч. С. 450; Советская жизнь. 1945–1953 гг. / Зубкова Е., Кошелева Л., Кузнецова Г. М.: РОССПЭН, 2003. С. 180–183; *Полян П.* Указ. соч. С. 393, 412, 489.

1930-х для раскулаченных. Комендатура занималась всеми аспектами жизни спецпереселенцев: регистрировала все гражданские акты, рассматривала все заявления и жалобы, накладывала штрафы и производила административные аресты. Переселенцы не имели права покинуть местность или район поселения без разрешения коменданта. В общем, строилась административная система, параллельная общегражданской, со своим собственным правосудием. Во всех серьезных случаях поселенцы были подсудны Особому совещанию, а не обычным судам. Спецпоселение – это своего рода государство в государстве, а не только, как утверждает Виола, «второй ГУЛАГ».

Конечно, большое количество людей, просторы, плохие дороги и погодные условия, острая нехватка кадров и автомашин часто не давали возможности коменданту осуществлять ежедневный надзор над своими подопечными. Отсюда система «круговой поруки по десятидворникам». Ответственными являлись, как правило, авторитетные главы семьи. Они служили посредниками между комендантом и спецпереселенцами, получая какую-то материальную выгоду за свое служение[17].

Агентурная сеть – еще один полицейский алгоритм, направленный на контроль за спецпереселенцами. Если верить триумфальным рапортам оперработников, то переселенческое население насквозь было пронизано агентами. Но многие состояли в агентуре лишь на бумаге, или давали несущественную информацию, или манипулировали чекистами. Сети, однако, давали возможность чекистам шить тяжелые уголовные дела, создавая мифические банды повстанцев. Самая большая опасность для оперотделов – религиозные соединения мусульманских авторитетов разных национальностей (казахских и кавказских, например) и влияние традиционных авторитетов на молодежь[18].

Боязнь побегов в итоге обернулась навязчивой идеей для сталинского руководства. Именно из-за побегов оно передало всю переселенческую сеть из МВД в МГБ в 1948–1949 годах. МГБ предложило радикальное ужесточение режима, с известной ежемесячной регистрацией у спецкомендата каждого переселенца старше 16 лет и подписью заявления о том, что депортация вечна и наказание за нарушение режима – 20 лет ла-

---

[17] *Pohl M.* Указ. соч. С. 409; *Патиев Я. С.* Указ. соч. С. 185–189.

[18] *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч. С. 544–547, 654–655.

геря. Плюс к этому невиданный арсенал полицейских мер для задержания беглецов, заимствованный у системы ИТЛ[19].

Однако побеги в значительной мере были следствием действий полицейско-бюрократического аппарата. Большинство «беглецов» временно переходило из одного района в другой для того, чтобы навестить семью, для продажи урожая на рынке, для посещения врача или больницы. Прокуратура не считала передвижения внутри одной республики побегом, создавая постоянный конфликт с МГБ, которое настаивало на своем абсурдном определении побега[20].

4. «Спецконтингент» и патриархальный принцип

Спецпереселенцы из «наказанных народов» становились париями, лишенными многих прав. Не случайно в официальной переписке чекисты и экономические боссы противопоставляют «спецконтингент» (то есть заключенных, военнопленных и спецпереселенцев) «правовому населению» (нормальному гражданскому населению)[21].

Остракизм, которому подвергались спецпереселенцы, охватывал все сферы жизни. Все классические векторы социальных интеграций и движения им либо были запрещены, либо недоступны. Молодые люди в армии не служили, демобилизованные не зачислялись в резервисты. Школа на поселении не являлась фактором массовой советизации. Минимум пятая часть детей не ходила в школу (до 3/4 в первые годы жизни на поселении) по известным причинам: запрещено было преподавать на родном языке – и родители отказывались отправлять детей в школу. Родители часто были слишком бедны, а дети – слишком истощены, чтобы ходить в школу. В 1949 году треть кавказцев неграмотны[22]. Высшее образование для спецпереселенцев закрыто. Доступ к среднему образованию зависит, кроме прочего, от соблюдения режима: Аза Базоркина, которую не приняли в мединститут, живет во Фрунзе и может ходить на городские курсы медсестер, но переселенке Утнасуновой

---

[19] Там же. С. 605, 606, 608, 610.

[20] Там же. С. 578, 657.

[21] Там же. С. 558; *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 145.

[22] *Полян П.* Указ. соч. С. 546–547; *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч.; *Pohl M.* Указ. соч. С. 413; *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 178.

комендатура не разрешает ехать в Новосибирск сдавать вступительные экзамены в училище радиотехники[23].

Формально партия и комсомол не дискриминируют спецпереселенцев, но фактически относятся к их заявлениям недоброжелательно. Сами спецпереселенцы отказываются вступать в эти организации, хотя бы потому, что задачи, которые решают их члены, делают спецпереселенцев изменниками в собственных глазах (они, например, участвуют в качестве агитаторов в кампании подписи заявлений о вечной ссылке)[24]. Формально спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР: правом голосовать на выборах или быть награжденными за трудовые или военные заслуги. Однако советские выборы 1946 года показали, что местное начальство не знало, как вести агитационную работу со «спецконтингентом»: с одной стороны, дозволено было ежедневно относиться к нему, как к скоту, а с другой – сверху шли указания, что на праздниках надо считать их согражданами[25]. То же самое происходило с медалями[26].

Правовой статус спецпереселенцев из «наказанных народов» был даже хуже, чем у раскулаченных первой волны депортации, половина которых еще состояла на спецучете в конце войны. Ведь у представителей измученных этносов не было возможности избежать коллективной кары, а бывшие кулаки пользовались уже несколькими процедурами реабилитации. Дети депортированных кулаков снимались с учета в 16 лет, однако для юных кавказцев, калмыков и крымских татар (среди прочих народностей) этот возраст означал переход от семейного спецучета к индивидуальному, то есть личное знакомство с жестокостью режима. Этносемейный принцип зачисления в «спецконтингент» не знал исключений: даже сироты, живущие не в переселенческой местности, брались на персональный учет в 16 лет[27]. Момент взятия на спецучет – переломный и травмирующий в жизни молодых переселенцев. Часто этот опыт вел к осознанию несправедливости судьбы «наказанных народов», к острому чувству унижения[28].

---

[23] *Базоркина А. И.* Указ. соч. С. 107–144; *Утнасунова И. А.* Мама не могла изменить памяти погибшего мужа // *Годаев П. О.* Боль памяти. Элиста: Джангар, 2000. С. 295.

[24] *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 172–173.

[25] *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч. С. 482–483.

[26] *Белковец Л. П.* Указ. соч. С. 208–209.

[27] *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 168.

[28] *Базоркина А. И.* Указ. соч. С. 121.

Однако на месте обстоятельства могли складываться таким образом, что эффект дискриминации смягчался. Например, город Фрунзе послевоенных лет был многонациональным, там скапливались интеллигенты-изгои, выселенные из разных областей страны в разное время. В школе, в атмосфере солидарности и взаимопонимания с учителями-изгоями, социальная принадлежность к интеллигенции защитила молодую карачайку С. Алиеву, дочь известного поэта, от дискриминации по национальному признаку (исключения из школы)[29].

Патриархальные традиции диктовали властям необходимость определения этноса семьи и статуса всех ее членов. Органы, которые со всей жестокостью применяли семейный принцип при высылке людей, одновременно возмущались укреплением на поселении родственных связей и традиционных кланов, поскольку усматривали в этом прямую угрозу для строя. В новом контексте традиционный образ жизни, религиозные обычаи и обряды и традиционные способы укрепления структуры родства постепенно брали верх у спецпереселенцев с Кавказа. Они максимально ограничивали контакты с властью, отказывались регистрировать новорожденных в комендатуре или идти в суд для решения конфликтов. Даже немногочисленные коммунисты участвовали в укреплении патриархальных обычаев: покорность женщин мужчинам в семье, запрет на межнациональные браки, утверждение кодекса чести. Большую роль в укреплении национальных связей играли праздники – танцы и пение, семейные и клановые встречи, «хел» у ингушей. Развивались религиозные течения, такие как суфизм и движение «белошапочников»[30].

Отношения между спецпереселенцами и местным населением в Казахстане и Узбекистане со временем улучшились[31], но в конце 1940-х кавказцы стали жертвами нескольких жестоких погромов со стороны рабочих, приехавших на великие стройки. 27 июня 1949 года произошла драка в Усть-Каменогорске (12 раненых), а 17 июля 1949-го – в Лениногорске (34 чеченца убито). Характерно, что республиканская милиция переложила ответственность за это на самих жертв, по классической расистской схеме. Министр госбезопасно-

---

[29] *Алиева С. У.* Запах фиалки: Воспоминания. Элиста, 2000. Т. 1. С. 322–323.

[30] *Pohl M.* Указ. соч. С. 415–416.

[31] Там же. С. 405.

сти КазССР А. Бызов писал своему начальству: «Вызывающее поведение чеченцев и ингушей по отношению к местному населению в значительной мере спровоцирова[ло] известный инцидент, имевший место в Лениногорске». Тут происходит смешение понятий, нацеленное на стигматизацию «приехавших» и защиту «местных». Но ведь «местным населением» были чеченцы, приехавшими – рабочие-погромщики, а не наоборот[32].

Выводы

Материал дает возможность опровергнуть неверные умозаключения о смысле этнических депортаций. Земсков и Неймарк толкуют сталинскую политику как попытку растворить маленькие, бурные этносы в других этносах побольше, как политику ассимиляции или «советизации национальностей». Однако даже школьная политика показывает, что не было никакого стремления ассимилировать народы Кавказа или Крыма в Средней Азии при Сталине (ситуация изменилась в постсталинское время)[33].

Можно решительно отвергнуть также выводы Белковец, направленные на оправдание сталинской депортационной политики[34]. Условия войны (Второй мировой и «холодной») не объясняют ни установления режима в 1945 году, ни ужесточения его в 1949-м. Режим спецпереселения появился как результат развития сталинской этносоциальной политики, представлений о сути родственных связей этносов и о методах контроля за ними через коллективную кару[35]. Ужесточение режима произошло, конечно, на фоне позднесталинского психоза, но является прямым продуктом ведомственной борьбы между МГБ и МВД и болезненного страха перед побегами. Важно подчеркнуть, что общая нищета населения Союза в военные и послевоенные годы никак не может оправдывать социально-правовой стигматизации целых этносов и отдельных персон.

---

[32] *Царевская-Дякина Т. В.* Указ. соч. С. 648, 656.

[33] *Неймарк Н.* Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века. М., Спб.: АИРО-XX, 2005. С. 139, 164; *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 107.

[34] *Белковец Л. П.* Указ. соч. С. 323–327.

[35] См. *Alexopoulos G.* Stalin and the Politics of Kinship: Practices of Collective Punishment, 1920s – 1940s // Comparative Studies in Society and History, 50, 2008. P. 91–117.

Г. А. Янковская
доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей истории России ПГУ,
г. Пермь

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

Долгое время бурная социальная динамика 1930-х годов, трагедия тотальной Отечественной войны, яркие новации хрущевской «оттепели» отвлекали внимание исследователей и общественности от статичного, казалось бы, инерционного развития страны в последние годы сталинского правления. До начала 1990-х годов в коллективной памяти населения СССР и в отечественной историографии этот период оставался одним из наименее изученных и проблематизированных. По понятным идеологическим мотивам в отечественной историографии не рассматривался феномен сталинизма как таковой, замалчивались ключевые события послевоенной социальной, политической и культурной истории. Фигурами умолчания были механизмы принятия политических решений, реалии экономического и культурного развития, социальные и дипломатические проблемы, репрессивные акции власти и множество других вопросов. Научные работы о восстановлении народного хозяйства, о системе образования или внешней политике публиковались регулярно, в учебной литературе сформировался канон описания послевоенного десятилетия, однако «доперестроечные» публикации очень часто представляли собой не критическую рефлексию, а манифестацию идеологических и политических установок.

Причиной тому были не только негласные запреты на дискуссии о феномене личности И. Сталина и сталинизме. На положении дел в историографии сказывалось состояние системы гуманитарного знания в целом (закрытость архивов, идеологическая цензура, архаизм методологии, невозможность свободных научных обменов, полемики и т. д.). Кроме того, недооценка масштаба перемен в Европе и в мире, обусловленных событиями 1945 – середины 1950-х годов, была характерна и для западной историографии. На это обстоятельство обратил внимание итальянский историк Д. Боффа в книге по истории советского общества, впервые опубликованной в СССР

в 1990 году. В одной из глав его двухтомника ставились вопросы комплексной реконструкции истории послевоенного сталинизма и пересмотра роли этого периода в трансформации советского общества. Он говорил о событиях тех лет как о «революционном перевороте», не оцененном «в полном масштабе исторической критической мыслью»[1]. О справедливости этого вывода говорит и тот факт, что до конца 1980-х годов в англоязычной историографии всего несколько работ рассматривали вопросы, связанные с послевоенным развитием СССР[2]. Западные эксперты имели все основания и в 1990-х годах характеризовать состояние историографии позднего сталинизма как «безжизненную пустыню»[3].

Ситуация стала принципиально меняться с рубежа 1980–1990-х годов, когда российские и зарубежные историки «вдруг» обнаружили новое исследовательское поле – восемь лет позднего сталинизма. Оказалось, что пережитые тогда советским обществом трансформации до сих пор не осмыслены и не концептуализированы. Рамки данного издания не позволяют детально и полно охарактеризовать историографию вопроса. Поэтому далее речь пойдет о наиболее этапных исследованиях отечественных и англоязычных историков, опубликованных за последние 20 лет, и о некоторых тенденциях в развитии историографической ситуации с изучением позднего сталинизма.

Рубежным в привлечении внимания исследователей к истории этого периода стал 1993 год, когда были опубликованы монографии Е. Зубковой[4] и О. Лейбовича[5]. В них основное внимание уделялось эпохе хрущевских реформ, однако в отдельных главах подробно анализировались события послевоенного десятилетия. Обе книги опирались на опубликованные материалы, на только что открывшиеся архивные фонды и «не-

---

[1] *Боффа Дж.* История Советского Союза: В 2 т. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущёв. М., 1990. С. 251.

[2] См.: *Schlesinger R.* The Spirit of Postwar Russia: Soviet Ideology, 1917–1946. London, 1947; *Swayze H.* Political Control of Literature in the USSR, 1946–1959. Harvard, 1962; *Hahn W.* Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–1953. Ithaca; London, 1982.

[3] *Duskin E.* Stalinist Reconstruction and the Confirmation of New Elite. New York, 2001.

[4] *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993.

[5] *Лейбович О. Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993.

классические» источники – художественную литературу, данные устной истории. Эти издания были опубликованы в условиях институционального кризиса советской академической и вузовской науки, краха научного книгоиздания – и тем не менее «прозвучали», были замечены специалистами и критикой. В первую очередь это касается работы Е. Зубковой. В той публикации были поставлены новаторские для отечественной историографии вопросы реконструкции реалий повседневной жизни эпохи сталинизма и социальной психологии общества, травмированного войной. В частности, произошло «явление фронтовиков народу»: была предпринята попытка осмыслить трагическую судьбу советских комбатантов как несостоявшегося сообщества и потерянного поколения.

Шлюзы открылись. Послевоенная эпоха постепенно стала популярнейшим исследовательским полем. За последние 15 лет число научных форумов, диссертаций, монографий, публикаций документов, «глянцевой» беллетристики, посвященных позднему сталинизму, только в российском научном пространстве превысило три сотни. Этот историографический бум отличается рядом особенностей.

Во-первых, кардинально изменилась источниковая база исследований. Произошла «архивная революция» в России, в ходе которой историки получили доступ к ранее закрытым материалам, таким как документы высшего политического руководства и лично И. Сталина, архивы партийных инстанций, идеологических ведомств, отраслевых учреждений, силовых структур. Принципиально важно, что многие документальные коллекции из фондов центральных и местных архивов были опубликованы и стали доступны не только экспертам, но и любому заинтересованному читателю[6].

---

[6] См.: Особая папка В. М. Молотова: Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР, 1944–1956 гг. М., 1994; Особая папка Л. П. Берии: Из материалов Секретариата НКВД–МВД СССР, 1946–1949 гг. М., 1996; Москва послевоенная, 1945–1947. М., 2000; Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952: Каталог: в 3 т. Т. 3. 1940–1952. М., 2001; Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953. М., 2002; Специальные лагеря НКВД/МВД в Германии. 1945–1950 гг. М., 2001; Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003; Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. М., 2005; ГУЛАГ: экономика принудительного труда / Соколов А. Хлевнюк О., Эртц С.; Отв. ред. Бородкин Л. М., 2008.

Дефолт официальной историографии, открытие государственных и ведомственных архивов, осознание обществом того факта, что для «большой» истории огромное значение имеет история глазами человека «маленького», способствовали формированию «Народного архива». Под таким названием в Москве был реализован исследовательский проект и открыт центр документации «народной памяти» о советской эпохе[7]. Воспоминания, дневники, хроники, созданные «простыми людьми», позволили взглянуть на реалии послевоенного времени совершенно по-новому. В академических и университетских центрах стала развиваться «устная история», без которой многие детали, смыслы и значения прошлого реконструировать в принципе было невозможно. «Архивная революция» сама по себе является историографическим феноменом, интерпретации которого уже появились в профессиональной периодике[8].

Во-вторых, тематическая палитра современной историографии позднего сталинизма стала намного богаче по сравнению с историографической ситуацией «доперестроечного» времени. Послевоенный голод[9], «холодная война»[10], уровень жизни населения[11], этнополитика[12], советизация стран Балтии[13], ген-

---

[7] Центр документации «Народный архив»: Справ. по фондам / Под ред. Б. С. Илизарова. М., 1998.

[8] См.: *Raleigh D.* Doing Soviet History: The Impact of the Archival Revolution // The Russian Review. 2002. № 1. P. 16–24; *Lynne V.* The Cold War in American Soviet Historiography and the End of the Soviet Union // The Russian Review. 2002. № 1. P. 25–39.

[9] *Зима В. Ф.* Голод в СССР в 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996.

[10] Сталинское десятилетие «холодной войны»: факты и гипотезы. М.: Наука, 1999.

[11] *Волынцев В. А.* Экономическая политика СССР в 1945–1953 гг. и ее влияние на уровень жизни населения страны. М., 2002; *Попов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны, 1946–1953. М., 2002.

[12] См.: Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953: [Документы] / Авт. вступ. ст. и сост. Костырченко Г. М., 2005; *Белковец Л. П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: Историко-правовое исследование. М., 2008; *Люстигер А.* Сталин и евреи: трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев. М., 2008.

[13] *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008.

дерные проблемы[14], идеологические акции власти[15], репрессированные социальные группы[16], специфика политической культуры и многие другие аспекты послевоенной истории стали объектами профессионального интереса историков.

В-третьих, в изучении столь различных феноменов обозначилось два полюса внимания исследователей. На одном – власть во всех ее проявлениях, будь то механизмы принятия решений, состояние элит, реализация политических кампаний, управленческие и психологические аспекты политического лидерства. На другом полюсе – советское общество во всем многообразии социальных практик и стратегий советского человека.

Для очень многих экспертов непреложной истиной является убеждение в том, что ключ к пониманию послевоенного периода надо искать в области политической истории. Так, авторитетный исследователь А. Данилов, размышляя о достижениях историографии последних лет, утверждает: «Центральное место в послевоенной истории сталинизма занимает вопрос о том, в каком направлении эволюционировала политическая система страны, какое место в этих переменах занимал сам ее создатель и вождь, какое влияние на развитие ситуации оказывали межличностные отношения высших лидеров страны, изменилось ли что-то в отношениях власти и общества после победы в Великой Отечественной войне»[17].

Безусловно, за последние годы было совершено немало открытий в «сталиноведении», «кремлинологии», в изучении политических элит, политэкономии сталинизма. Особого внимания заслуживает разработка исследователями проблемы взаимодействия центральных и региональных властей, реконструкция механизмов реализации на местах столичных директив и указа-

---

[14] *Fitzpatrick Sh.* Wives Tales // *Fitzpatrick Sh.* Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia. Princeton; Oxford, 2005. P. 240–261.

[15] См.: *Фатеев А. В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945–1954 гг. М., 1999; *Есаков В., Левина Е.* Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001.

[16] См.: *Полян П. М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002; *Суржикова Н. В.* Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006.

[17] *Данилов А. А.* И. В. Сталин в 1946–1953 гг.: новые источники и попытки осмысления // Историография сталинизма / Под ред. Н. А. Симония. М., 2007. С. 275.

ний. Разработку проблематики позднего сталинизма в провинциальном измерении можно считать одним из самых значительных достижений историографии последних лет[18].

Но еще более впечатляющий прорыв был совершен, как мне представляется, на стыке политической и социальной истории. Подобный методологический синтез имеет принципиальное значение для анализа не только послевоенного сталинизма, но и советской истории в целом. Обнаружилось, что советское общество несводимо к простым схемам и объяснительным моделям (таким, как тоталитаризм или ревизионизм). Оно представляло собой сложную целостность, образованную политическими институтами, идеологическими доктринами, а также системой взаимосвязанных ценностных установок, ментальных и поведенческих стереотипов, влияющих на все аспекты советской жизни. В этой экосистеме (определение американской славистки К. Кларк) все взаимосвязано со всем – решения политических элит с бюрократическим произволом на местах, экономика с художественными процессами, внешняя политика с повседневностью. И приращение знания здесь возможно только при совместных усилиях гуманитариев разных дисциплин: политологов, социальных историков, литературоведов, психологов, семиотиков. Без учета методологий разных отраслей знания трудно дать убедительную характеристику послевоенной эпохе и определиться с тем, была ли она апогеем, «высшим» сталинизмом, или же представляла собой кризисную стадию дряхлеющего режима и начало перемен.

В конечном счете дискуссии о сталинизме сводятся к проблеме «субъекта» советской истории, проблеме соотношения намерений власти и элит с интересами и стратегиями индивида. Был ли «советский человек» (представитель номенклатуры, городской обыватель, лицо творческих профессий, демос городов и деревень) беспринципным приспособленцем-«совком», изворотливым, лицемерным «го-

---

[18] *Исмаилов Э. Р.* Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане, 1945–1953. Баку, 2003; ЦК ВКП(б) и региональные комитеты, 1945–1953. М., 2004; *Коновалов А. Б.* Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005.

мососом» или же заслуживающим уважения актором социальных процессов?

Полемика о советском субъекте стала одним из самых эвристичных направлений современной историографии. Задача реконструкции картины мира человека эпохи позднего сталинизма, изучения мотивов его действий, в которых противоречиво сочетались вера и скептицизм, была поставлена в публицистической книге К. Симонова «Глазами человека моего поколения...»[19]. В дальнейшем к этой проблематике обращались многие отечественные и зарубежные исследователи[20].

Первоначально, в условиях разрушающихся канонов советской официальной историографии, «стигматизация больших масс людей оказалась ставкой в символической борьбе интеллектуалов»[21]. Позднее исследователи отказались от эмоционального навешивания ярлыков и простых схем в пользу спокойной аналитической работы с источниками. Историки должны были «остыть», забыть прокурорский тон, сосредоточиться на многофакторном анализе и интерпретации событий прошлого. Фундаментальной для изучения истории сталинизма оказалась проблема обратной связи общества и власти. Существует ли она в условиях авторитарных политических режимов? Каковы механизмы репрезентации общественного мнения в условиях, когда формальные институты социологического мониторинга отсутствуют? В каких источниках искать следы социальных девиаций и недовольства? Оригинальные концептуальные ответы на эти вопросы были предложены в диссертационном исследовании и второй монографии Е. Зубковой[22], цикле работ Н. Козловой и других авторов. Выяснилось, что «обычный человек», даже если он стоит на низших ступенях иерархии

---

[19] *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. М., 1990.

[20] *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996; *Хархордин О.* Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб., М., 2002; *Hellbeck J.* Revolution on my mind: writing a diary under Stalin. Cambridge; London, 2006.

[21] Подробнее см.: *Козлова Н. Н.* Советские люди: сцены из истории. М., 2005.

[22] *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000.

и играет по правилам, не им заданным, все равно «прогибает» эти правила под себя, выживает в предлагаемых ему обстоятельствах и тем самым влияет на социальный процесс, участвует в нем[23].

Повседневная жизнь открылась как пространство диффузии идеологии, политики и жизненных стратегий человека. Повседневность политическая, художественная, научная, хозяйственно-бытовая впервые стала объектом пристального изучения, что позволило начать давно назревшее обсуждение вопроса о том, возможна ли частная жизнь и свобода выбора в условиях сталинского «социализма». Сталинизм в повседневном контексте предстал сложным, многоуровневым социальным пространством, в котором на фоне невыносимых бытовых тягот и социально-психологических ожиданий «компенсации» за победу, доставшуюся неимоверно дорогой ценой, начинается «эмансипация номенклатуры», идет борьба за статусные позиции и символический капитал, нарастает отчуждение населения от идеологических деклараций, в целом зреют «ферменты разложения» системы, без которых инновации времен хрущевской оттепели были бы невозможны[24].

Комплексное внимание к повседневным, психологическим, политическим, экономическим аспектам определило успех ряда проектов и публикаций, посвященных вопросам культурной истории позднего сталинизма. Среди них – исследования советских творческих союзов[25], патрон-клиентских отношений в мире художественной культуры[26], сталинских премий[27],

---

[23] *Козлова Н. Н.* Советские люди: сцены из истории. М., 2005.

[24] См.: *Зезина М. Р.* Накануне оттепели // *Зезина М. Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е. М., 1999; *Пыжиков А. В.* Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // Вопр. ист. 2002. № 2. С. 33–43; *Лейбович О. Л.* В городе М: очерки политической повседневности советской провинции в сороковых – пятидесятых годах XX века. Пермь, 2005; *Экштут С. А.* Предвестие свободы, или 1000 дней после Победы. М., 2006; *Янковская Г. А.* Искусство, деньги и политика: советский художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007.

[25] *Tomoff K.* Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers. 1939–1953. Ithaca, New York. 2006.

[26] *Tolz V.* «Cultural Bosses» as Patron and Clients: the Functioning of the Soviet Creative Unions in the Postwar Period // The Contemporary European History. 2002. Vol. 11. № 1. P. 87–105.

[27] *Baudin A.* Le realism Socialiste sovietique de la periode jdanovienne (1947–1953): les Arts Plastiques et leurs institutions. Berlin, 1997. Vol. 1.

[28] *Громов Е. С.* Сталин: искусство и власть. М., 2003.

художественных предпочтений вождя[28], «культа личности» Сталина[29], художественных практик в годы позднего сталинизма[30].

Помимо масштабного освоения новой тематики историки опробовали новые методы и стратегии исследования. Едва ли не самым значительным изменением в историографической ситуации стало утвердившееся методологическое и концептуальное многоголосие.

Популярностью у западных и российских историков пользовалась модель «большого отступления» для интерпретации внутриполитического курса и массовых настроений эпохи позднего сталинизма. Подобного рода теории подразумевают, что в обществе окончательно иссяк пафос революционных преобразований, в нем возобладали традиционные, консервативные ценности и имперские приоритеты[31].

Поколенческий подход, когда-то заявленный Е. Зубковой, получил дальнейшее развитие в работах Е. Сенявской, в исследовательских проектах омской историографической школы, в издательских программах Ассоциации историков XX века[32].

«Пространственный», «лингвистический», «визуальный», «гендерный» и другие «повороты», обогатившие методологический арсенал исторического знания в XX–XXI веках, послужили стимулом для многих оригинальных исследований

---

[29] *Plamper J.* The Stalin Cult in Visual Art, 1929–1953. PHhD. University of California. Berkeley, 2001.

[30] *Добренко Е.* Фундаментальный лексикон. Литература позднего сталинизма // Новый мир. 1990. № 2. С. 237–250; *Он же.* Политэкономия соцреализма. М., 2007.

[31] См.: *Dunham V.* In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Durham, 1990; *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, 2002; Stalinism and the «Great Retreat» // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. № 4. P. 651–733.

[32] См.: *Сенявская Е. С.* Фронтовое поколение, 1941–1945: историко-психологическое исследование. М., 1995; Историки России. Послевоенное поколение / Сост. Максакова Л. В. М., 2000; *Сидорова Л. А.* Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 38–53.

[33] The Landscape of Stalinism. The Art and Ideology of Soviet Space / Ed. by E. Dobrenko, E. Naiman. Seattle; London, 2003; *Reid S.* Destalinization and Remodernization of Soviet Art: the Search for a Contemporary Realism, 1953–1963: PhD / S. Reid. University of Pennsylvania, 1996; Late Stalinism: Russian Society between reconstruction and reinvention / Ed. by J. Furst. London; New York: Routledge, 2006.

позднего сталинизма[33]. Как правило, в них даже сугубо политические вопросы рассматривались в тесной связи с проблемами социальной психологии и повседневности. Усилиями российских и западных исследователей удалось аргументированно доказать, что давление идеологии и политики на социум в годы позднего сталинизма действительно было избыточным и всесторонним. Идеология пропитывала все сферы жизни, в том числе и повседневность. Но с другой стороны, повседневность обладает способностью «растворять», демистифицировать идеологию, отодвигать политические императивы на обочину жизни человека. Именно поэтому реалии послевоенного развития СССР не определяются одними только интенциями властей. Советское общество представляло собой «побочный», незапланированный результат вроде бы целенаправленной социальной инженерии. И у него не было другого автора, кроме всего общества в целом во всем многообразии проживаемых людьми социальных практик.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

РУКОВОДИТЕЛЬ
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР
Л. А. ФАДЕЕВА

Д. М. Барсукова
аспирант кафедры политических наук ПГУ,
г. Пермь

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

> Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего?
>
> *В. П. Астафьев*

Эти слова Виктор Петрович Астафьев написал незадолго до смерти. Они наиболее точно отражают острые проблемы современного российского общества. На прошедшем в ноябре 2008 года «круглом столе», посвященном памяти Виктора Астафьева, мы обсуждали ряд актуальных вопросов. Изменилось ли общество за последние 50 лет? Как изменились ценности в обществе? И вообще, куда ведет дорога, по которой сейчас идет Россия?

Во время обсуждения вспоминали послевоенные годы, когда советские люди радовались победе над фашистской Германией, верили, что светлое будущее не за горами, хотя страна

была искалечена войной. У людей была вера, в советском обществе был достойный повод для гордости.

Исследователи отмечают, что советская политическая идентичность представляла собой целостную и логически непротиворечивую систему интерпретации прошлого страны. Эта система получала свое выражение в научном и политическом дискурсе, в системе образования всех уровней, в СМИ, в массовой культуре, включая кинематограф, в монументах и памятниках, в культуре праздников и в политических традициях.

Если мы рассмотрим историю России в советской интерпретации, то увидим яркие патриотические образы, которые использовались государством для сплочения народа, которые вызывали дух патриотизма и гордости за нашу страну, но и, конечно, работали на поддержание существующего режима. Ключевыми образами в советской идентичности были образ Великой Отечественной войны, образ Победы, образ простого солдата. Эта система образов являлась мощным патриотическим элементом, который создавался на протяжении десятилетий, а в 1980-х годах День Победы получил статус национального праздника. Тем самым был внесен еще один вклад в мифологию войны.

Великая Отечественная война в структуре идентичности начинает играть особенно важную роль в годы взросления послевоенного поколения. Непосредственным внутренним адресатом политики идентичности становятся ветераны. К тому времени они достигают верхней границы социально активного возраста и остро нуждаются в социальном признании; кроме того, они способны передать «знания» о войне новым поколениям. Дискурс о войне позволял представителям разных поколений говорить на одном языке, общее представление о войне имелось в структуре массового сознания, что способствовало укреплению общей идентичности[1].

Современное российское общество значительно изменилось по сравнению с тем, каким было тогда: потеряло ориентир, отказалось от старых ценностей и не приобрело новых. «Зачем это всё похитили и ничего взамен не дали, породив безверье, всесветное во всё безверье. Кому молиться?» – писал Астафьев. Отказавшись от старых ценностей, российские идео-

---

[1] *Тимофеев И. Н.* Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: Моногр. М., МГИМО: – Университет, 2008. С. 132.

логи, государство не смогли предложить достойной замены. А опустошенное сознание очень быстро начинает заполняться, и заполняется оно не всегда позитивными, созидательными идеями. Интерпретация российской истории также претерпела изменения. Произошел отказ от старой патриотичной трактовки, появилась масса новых исследователей и новых гипотез, отрицались многие уже укоренившиеся в сознании ценности и представления. Появившаяся «многовариантность» российской истории отражала активные поиски той опоры, которая была утрачена.

Постепенно российская политическая элита осознала необходимость создания идеи, мировоззрения, основанного именно на российских ценностях, истории, культуре, памяти. «История (как прошлое) и память о ней представляют собой значимый смысловой и содержательный источник идентичности, – пишет И. Н. Тимофеев. – История страны – это средство и ресурс, которые могут быть использованы для конкретных политических целей, таких как легитимация режима и мобилизация масс»[2].

Вопрос об использовании истории в качестве «связующей нити» неоднократно обсуждался учеными. Например, Геллнер предполагает, что прошлое интерпретируется исходя из современных условий и потребностей: «Оно представляет собой предмет манипуляций элит, направленный на поддержание политической и национальной идентичности в той или иной форме»[3]. Это особенно актуально в периоды кризисов и болезненных реформ, когда возникает потребность в сплочении политического сообщества. Но конструирование истории в неменьшей степени необходимо и на уровне повседневной поддержки гражданского и национального чувства. Посредством манипуляций различные исторические события увязываются в единый проект, который задает взаимосвязь и преемственность событий. Некоторые события могут предвзято изыматься, другие – «бесцеремонно» пересматриваться под тем или иным углом зрения, третьи – изобретаться и т. п.[4]

Государственная идеология в 1990-е годы строилась не на созидании, а на отрицании – отрицании советских ценностей.

---

[2] Там же. С. 128.

[3] *Геллнер Э.* Условия свободы. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2004. С. 130.

[4] Там же. С. 131.

Знаковыми событиями являлись массовые сносы памятников, возврат городам дореволюционных названий, переименование улиц. Однако получилось, что общество отрицало само себя, свою историю. А на таком фундаменте невозможно развить чувство патриотизма, гордости за страну, невозможно сплотить нацию. Слабые попытки выявить преемственность между современной Россией и царской, что выразилось в новой российской символике, в активном распространении православных идей, в торжественном перезахоронении останков членов царской семьи, в причислении членов этой семьи к лику святых, оказались недостаточными для создания общей идеологии современного российского государства: царские времена слишком далеки от нас, в отличие от советской эпохи.

Популярной стала мысль, что для такой большой страны, как Россия, необходима мощная, скрепляющая патриотическая идея, которая была бы основана не на отрицании, а на гармонии и которая невидимой нитью связала бы общество.

Образ Великой Отечественной войны по-прежнему вызывает гордость у граждан России. Акции, подобные «Георгиевской ленточке», приводят на какие-то мгновения к потерянному единству. Современная российская элита наконец поняла, что историческая память – очень мощный консолидирующий элемент. Историческая память, утверждает М. Мертес, включает в себя прежде всего исторические образы «первоначальных мифов», которые ставят настоящее и будущее перед судом прошлого: даже новый миф ищет легитимности, обращаясь к прошлому. Историческая память находит свое выражение в ритуалах (юбилеи, чествования, памятники и т. п.). И именно ритуализированная форма воспоминания усиливает «мы-чувство»[5].

Однако образ войны сам по себе противоречив: он выстраивает образы «своих» и «чужих», «наших» и «врагов». Многое зависит от интерпретации данного исторического события, того, как сконструирован этот образ. В любом случае война – это всегда смерть, насилие, жестокость, боль. Современная жизнь и так насквозь пронизана этими компонентами. И в данном вопросе самое главное – не перейти ту тонкую грань, за которой может развиться неприятие другой нации либо чрезмерная идеализация войны как таковой.

Так или иначе память – это гораздо лучше, чем пустота.

---

[5] *Мертес М.* Немецкие вопросы – европейские ответы. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2001. С. 41.

Н. М. Беляева
кандидат политических наук,
ассистент кафедры политических наук ПГУ,
г. Пермь

ТЕМАТИКА ВОЙНЫ В МОЛОДЕЖНОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА

Взаимодействие власти и молодежи как особой социальной группы в России исторически носило однонаправленный характер: власть выступала организующим и контролирующим началом деятельности молодежи, а молодежь – ресурсом власти, объектом ее воздействия для достижения определенных политических целей.

Роль молодежи в политике, а соответственно, и отношение государства к данной социальной группе начали меняться только на рубеже 1990–2000-х годов, что было обусловлено наличием внешних и внутренних факторов. В России эти факторы приобрели значимость и актуальность после событий начала 2000-х годов на территории Грузии, Украины, Киргизии, где молодежь выступила движущей силой «цветных революций», приведших к смене политического руководства в этих странах. Именно на 2004–2005 годы приходится всплеск создания в России молодежных политических организаций и движений различной направленности («Наши», «Молодая гвардия», «Оборона», Союз молодежи «За Родину!» и др.).

К началу 2000-х годов изменилась сама российская молодежь: сформировалось поколение 17–18-летних россиян, родившихся в период после перестройки, не живших при советской системе. «Новая пассионарная молодежь» не имеет сложившейся системы политических ценностей, поскольку ее социализация прошла в период смены одной системы (социалистических ценностей) другой системой (либерально-демократических идеалов). Следовательно, представители данной группы находятся в поиске своего места в системе, в поиске точек приложения своих сил и энергии. За представителей нового поколения идет борьба между молодежными организациями и политическими партиями. «Перевербовка» воспринимается как первоначальная политическая социализация; политическая активность и лояльность к власти проявляются на

среднем уровне, как и склонность к радикальным формам политического поведения.

Одним из наиболее эффективных сегодня методов воздействия на молодежную аудиторию становится применение различными политическими силами современных информационных технологий. Молодежные политические организации и движения располагают официальными сайтами в сети Интернет, которые используют для информирования молодежи о своих взглядах и ценностях, целях и задачах деятельности, а также для оповещения о проводимых акциях и их общественном и политическом резонансе (www.nashi.su, www.molgvardia.ru, www.nbp-info.com, www.russia3.ru, www.youthyabloko.ru, www.oborona.org и др.).

На основе созданных в сети сайтов молодежных политических движений и организаций практически сразу возникают виртуальные сообщества той или иной социально-политической направленности, которые служат источником активного политического рекрутирования молодежи.

Интернет-сайты относятся к революционным способам публичной коммуникации субъектов политики. Они позволяют разместить любое количество материалов без временных или пространственных ограничений, обращаться напрямую к аудитории, значительно экономят усилия при доставке информации, которая легко обновляется. В современном мире средства массовой коммуникации, в том числе Интернет, одновременно являются важнейшими агентами политической социализации, формируют как индивидуальную картину мира, так и общественное мнение по наиболее важным и актуальным политическим проблемам.

Контент-анализ риторики молодежных политических организаций и движений, отраженной как в официальных программных документах, так и на сайтах, позволяет говорить о том, что одной из самых значимых и актуальных тем сегодня стала тема войны. При этом война понимается по-разному, в зависимости от идеологической направленности молодежной организации, от наполнения содержания дихотомии «друг-враг». Так, можно систематизировать различные подходы к пониманию термина «война» в три основных:

1) война как противостояние современного политического режима в России проявлениям фашизма;

2) война как борьба с современным политическим режимом во имя соблюдения прав человека;

3) война как сопротивление современному политическому режиму во имя революционных идеалов и смены системы.

Подход первый: *война как противостояние современного политического режима в России проявлениям фашизма.*

Такое понимание войны характерно для так называемых прокремлевских молодежных политических организаций и движений («Молодая гвардия», «Наши», «Победа», Евразийский союз молодежи и др.).

Главной уличной провластной молодежной силой стало движение «Наши», позиционирующее себя как пропрезидентское, антифашистское и антиоранжевое (между вторым и третьим активисты движения ставят знак равенства). Идеологическая направленность движения во многом заимствована у «Идущих вместе», в базовом документе которых (Моральный кодекс члена организации «Идущие вместе») провозглашалась недопустимость националистической и шовинистической идеологии.

В манифесте движения «Наши» («Россия. Мегапроект нашего поколения страны») целью деятельности провозглашается превращение России в глобального лидера XXI века. «Лидерство России мы понимаем не как ее военно-политическое доминирование над другими странами и народами, а как влияние России в мире, основанное на привлекательности российской культуры, образа жизни, политического, экономического и социального устройства»[1].

В этом манифесте участники движения выступали за поддержку курса президента Путина: «Путин, укрепив государство, первым реально бросил вызов режиму олигархического капитализма. Путин первым заявил претензии России на лидерство в мире XXI века... В сложившейся ситуации движение "Наши" будет осуществлять поддержку Путина. Это будет не поддержка личности Путина, но поддержка его политического курса, направленного на сохранение суверенитета страны, осуществление ее экономической и политической модернизации, обеспечение ее стабильного ненасильственного развития, достижение ее будущего глобального лидерства. Наша задача – чтобы в дело модернизации страны помимо президента и доставшейся от прошлого неэффективной бюрократии включились миллионы молодых людей»[2].

---

[1] Манифест движения «Наши» [Электронный документ]. http://www.nashi.su/ideology

[2] Там же.

Исходя из содержания программных документов главными «мишенями» движения являются либералы и фашисты – все те, кто намерен выходить на улицы для давления на власть по аналогии с революционными ситуациями в Грузии и Украине. «Наши» должны стать альтернативной уличной силой против «деструктивных сил», причем агрессивной и готовой на силовые методы борьбы. Конкретизируя, надо сказать, что «Наши» направлены преимущественно против НБП и движения «Оборона». Ключевые слова риторики на сайте движения – «антифашизм», «патриотизм», «жертвы фашизма», «эстонский госфашизм», «геноцид осетинского народа», «агрессия» и др.

Молодежная организация «Молодая гвардия» провозглашает основной ценностью свободную, справедливую Россию. Цели этой организации, согласно манифесту, вовлечение молодежи в построение демократического общества, создание условий для воспитания и развития гражданина, воспитания патриотизма и чувства гордости за свою страну, русскую культуру в целях укрепления российской государственности.

Военная направленность риторики сайта «Молодой гвардии» формируется такими словами, как «самозащита по-русски», «вместе победим», «кровавые репрессии», «надругались над останками советских солдат» и др.

Идеологическая платформа организации Евразийский союз молодежи (опричников) основана на идеях антиатлантизма, восстановления господства России в евразийском пространстве и возрождения империи, антилиберализма и антизападничества[3]. В программном документе «Катехизис члена Евразийского союза молодежи» записано: «Есть сегодня в мире та сила, великая и серьезная, которая стоит у нас на пути. Она разнесла вдребезги наше Отечество, набросила на континент, на весь мир паутину темного присутствия. Это цивилизация далекого Запада, по ту сторону океана. США. В этой стране все наоборот, там правят законы зеркала – в почете слабый и больной, в центре внимания извращенец и урод; там можно и должно быть хилым, извращенным, подлым и трусливым, и сила, и воля, и ум – под запретом. Все, что идет из Америки, напитано ядом... Чтобы сохранить наше “я”, мы должны ввести стро-

---

[3] Программа Евразийского союза молодежи [Электронный документ]. http://www.rossia3.ru/programma.html

гую антиамериканскую гигиену. Это первый шаг на пути великой войны континентов: Евразии против Атлантики. У нашего Союза есть абсолютный враг. Это США. Это начало и конец нашей ненависти»[4]. Деятельность Евразийского союза направлена на противодействие процессам «бархатных революций» на постсоветском пространстве, ведущим к установлению проамериканских марионеточных режимов.

Молодежные политические организации и движения, подчеркнуто защищающие существующее политическое руководство, имеют общие черты. Во-первых, это антиоппозиционность, выраженная в общности манифестов: антифашизм (в противостоящие силы включаются и оппозиционные либералы), борьба с «оранжевой угрозой», критика бюрократии. Во-вторых, общность мотивации: ставка на реализацию карьерных амбиций, самореализацию, получение расширенных возможностей продвижения. Мотивация участия в этих организациях носит преимущественно корыстный характер, в то время как идеология здесь либо вторична, либо просто декоративна. В-третьих, организации объединяет подчеркнутая агрессия. В-четвертых, их деятельность контролируется Кремлем.

Подход второй*: война как борьба с современным политическим режимом во имя соблюдения прав человека.*

Такое понимание войны отражает риторика молодежных политических организаций и движений с либерально-демократической идеологией («Оборона», Молодежное «Яблоко», Молодежный Союз правых сил).

Идеологическая платформа Молодежного «Яблока» базируется на основных программных установках и ценностях политической партии «Яблоко». Цель – установление в России гражданского общества и правового государства[5]. Основная деятельность по достижению этой цели направлена на противодействие попыткам власти установить авторитарный режим, содействие широкому вовлечению граждан в политическую жизнь и возрождение культурных и духовных ценностей России[6].

---

[4] Катехизис члена Евразийского союза молодежи [Электронный документ]. http://www.rossia3.ru/katehizis.html

[5] Устав Молодежного «Яблока» [Электронный документ]. http://www.yothyabloko.ru/about.php?p=1#3

[6] Там же.

Риторика официального сайта Молодежного «Яблока» пестрит эмоциональными призывами: «Гражданское общество против полицейского государства!», «Нет изменению Конституции!», «Долой призыв, даешь контракт!», «Марш против ненависти» и т. д. Нередко «яблочники» используют слова «политзаключенные», «военная служба», «узники совести» и др.

Сегодня самым активным и самым успешным движением на демократическом фланге выступает движение «Оборона». Узнаваемость «Обороны» сопоставима с узнаваемостью НБП. «Оборона» – это гражданская горизонтальная коалиция демократических, правозащитных, экологических и других молодежных и студенческих организаций, а также частных лиц. Движение является непартийным, что подчеркивают его участники; оно направлено не на поддержку какой-либо партии или кандидата в президенты, а на обеспечение гражданских прав и свобод, обеспечение честных выборов и отстаивание их результата. В Декларации движения сказано, что это молодежная демократическая оппозиция авторитарному режиму, выступающая за традиционные демократические ценности.

Члены «Обороны» полагают, что молодежные движения исполняют роль локомотива гражданского сопротивления. По их мнению, отвечать насилием на насилие означает спровоцировать большую кровь. В качестве идеологического постулата они цитируют слова Махатмы Ганди: «Ни один режим не сможет ничего сделать, если миллион безоружных людей выйдет на улицу».

Риторику официального сайта составляют слова «оппозиция», «свобода», «борьба с диктаторским режимом», «путинизм», «политзаключенные» и др.

Что касается возможных союзников, то лидер движения И. Яшин сказал: «Мы будем искать общий язык и с левой оппозицией. Число организаций, которые войдут в “Оборону”, будет расти. Мы и сейчас уже не ограничиваемся только “правыми”. <...> В “Обороне” есть и правый СПС, и более левое “Яблоко”, и откровенные социал-демократы.

Что касается крайне левых, мы готовы обсуждать сотрудничество. Считаю, будет неправильно принимать их в коалицию “Оборона”. Думаю, должно существовать две колонны молодежной оппозиции – одна красная, другая наша. Это разные суб-

культуры. Я не думаю, что есть смысл смешивать несовместимое»[7].

В числе своих врагов «Оборона» рассматривает движение «Наши».

Все молодежные организации и движения данной группы подчеркнуто либеральны, выступают против «режима Путина», за свободы и защиту интересов молодежи, прежде всего студентов. Как правило, большинство подобных организаций инициированы амбициозными молодыми людьми, которые стремятся «подняться» на волне интереса к «оранжевым».

Третий подход: *война как сопротивление современному политическому режиму во имя революционных идеалов и смены системы.*

Так понимают войну красные и левацкие молодежные политические организации: «Авангард Красной Молодежи» (АКМ), Союз коммунистической молодежи РФ (СКМ), Национал-большевистская партия (НБП).

Кроме Кремля с молодежью работают и оппозиционные политические силы. Традиционно активна КПРФ в рамках Союза коммунистической молодежи – «боевого крыла» материнской организации. СКМ – попытка КПРФ создать некий аналог ВЛКСМ, однако его вряд ли можно считать успешным, так как участия в непосредственной политической деятельности КПРФ они не принимают.

Согласно Уставу, СКМ РФ разделяет программные цели политической партии КПРФ и участвует в их достижении. СКМ используется преимущественно как уличная протестная сила и, как правило, действует совместно с другими радикальными молодежными организациями, прежде всего с АКМ. В программном заявлении СКМ РФ «Россия сегодня и молодежь» сказано, что Союз открыт для сотрудничества с любыми молодежными объединениями, за исключением организаций фашистского, ультраправого толка, стоящих на позициях расизма, шовинизма и антикоммунизма.

«Авангард Красной Молодежи» можно рассматривать как леворадикальную молодежную организацию. 29 января 2005 года в Москве прошел 6-й съезд АКМ, где была поставлена зада-

---

[7] «Оборона» проведет антипутинский митинг [Электронный документ]: Грани Ру. 2005. 31 марта. http://www.grani.ru/Politics/Russia/activism/m.87102.html

ча активно участвовать в протестном движении, содействовать созданию различных органов народного самоуправления. В Программном заявлении АКМ, принятом на съезде, провозглашается: «АКМ – коммунистическая организация. Идеологией АКМ выступает марксизм-ленинизм, который является не догмой, а идейной основой и творческим методом решения жизненно важных проблем современности. Наши великие учителя – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Вместе с нами – Мао Цзэдун, Ким Ир Сен, Хо Ши Мин. Мы солидарны с государствами реального социализма, мировым рабочим и национально-освободительным движением, всеми антиимпериалистическими силами мира. Мы берем пример с молодогвардейцев и героев-комсомольцев, Фиделя Кастро и Че Гевары, членов «Красных бригад» и RAF, парижских студентов 1968 года, современных антиглобалистов и политзаключенных-коммунистов. АКМ стоит на позициях классового подхода к явлениям общественной и политической жизни, пролетарского интернационализма и советского патриотизма. <...>

Первоочередная цель АКМ – переход общества на социалистический путь развития, завоевание власти трудящимися, установление диктатуры пролетариата в форме Советов, поэтапное возрождение и расширение СССР. Достижение этой цели возможно в результате социалистической революции. Революция будет насильственной по отношению к эксплуататорам в случае их сопротивления. Одним из главных этапов революции, как и 100 лет назад, может быть всеобщая политическая стачка. Наш девиз: "Нет лимитам на революцию!"»[8]

В отличие от многих других молодежных организаций АКМ вполне самостоятельна, а идеологическая составляющая в мотивации участников очень сильна. Это значительно облегчает мобилизацию: не требуется серьезных финансовых вливаний. Среди своих союзников АКМ называет НБП, СКМ, РКСМб, практически все небольшие коммунистические, анархические и контркультурные движения и группы. АКМ выступает за создание широкого Левого фронта, участвует в работе региональных координационных советов, фронтов, является участником Молодежного левого фронта (действует в ряде регионов РФ).

---

[8] Программное заявление АКМ [Электронный документ]. http://www.akm1917.org/doc/ak6-1.htm

Примером риторики АКМ может стать выдержка из Клятвы бойца АКМ: «Я, боец Авангарда Красной Молодежи, признавая положения Устава организации, клянусь до последней капли крови сражаться за высокие коммунистические идеалы, бороться за восстановление моей великой Родины – Союза Советских Социалистических Республик, всеми силами приближать установление власти трудового народа!»

Самой узнаваемой леворадикальной организацией является Национал-большевистская партия во главе с Э. Лимоновым.

На сайте НБП так манифестируется идеология: «Наша идеология – это ярость Че (Гевары. – *Н. Б.*) и «Красных бригад», острая мудрость Ленина, элегантное безумие Муссолини, скупая мужественность СС, выразительная страсть чекистов, трубка и сапоги Сталина, пенсне товарища Берии, мистицизм барона Унгерна... Мы первые и единственные поняли, что всех этих людей объединяет борьба против зверя – системы»[9].

Идеология НБП содержится в Программе-минимум НБП, принятой в ноябре 2004 года. Главный политический лозунг: «Россия без Путина!»

Главная цель организации, согласно Программе-минимум НБП, превращение России в современное мощное государство, уважаемое другими странами и народами и любимое собственными гражданами. Для этого сегодня необходимо развивать гражданское общество, ограничить вмешательство государства в общественную и личную жизнь граждан, упростить регистрацию политических партий, не препятствовать деятельности независимых СМИ, обеспечить контроль общества за работой правоохранительных органов, восстановить систему социальных гарантий (льгот) в интересах большинства народа, во внешней политике сосредоточиться на защите прав русского и русскоязычного населения в тех странах СНГ и Прибалтики, где эти права нарушаются (Туркмения, Латвия, Эстония).

В качестве примера риторики НБП можно привести выдержки из письма Э. Лимонова к членам партии: «Что бы ни произошло со мной лично, Национал-большевистская партия должна существовать. Она должна оставаться, как и прежде, авангардом Будущей Русской Революции, авангардом оппозиции.

---

[9] Наша идеология [Электронный документ] // Закрытый бюллетень НБП-ИНФО № 1. http://www.nbp-info.ru/new/lib/nbpinfo1/02.html

Нами, мною и первым поколением НБП, задан трагический тон, не снижайте его, товарищи, не позвольте ему выродиться до пискляво-гитарных хохм псевдореволюционеров. Не позвольте трагике тюрем и мощных акций в Севастополе и Риге заглохнуть и превратиться в шелест страниц, переворачиваемых пикейными жилетами от революции, или в костлявый стук интернетовских клавиш. Идите дальше, за Ригу! Вы должны поднять наш трагический тон до могучего рева Победы!»

Риторика официального сайта организации обозначена словами «политзаключенные», «арест», «российский оппозиционер», «слово вождя», «партизан», «солдат», «путинские репрессии против оппозиции» и т. д.

Левая и леворадикальная оппозиция отличается реальным идеологическим наполнением. Даже те организации, которые декларируют приход к власти мирным путем, внутренне допускают и революционный путь развития. Молодежь в таких организациях весьма радикальна, часто настроена националистически и, самое важное, не видит для себя пути самореализации в рамках существующих возможностей. Речь идет о вопросах получения конкурентоспособного образования и выстраивания стратегии карьеры.

Левая и леворадикальная оппозиция является наиболее дееспособной уличной силой. Если в электоральную борьбу они практически не могут быть допущены (не только потому, что трудно получить регистрацию в качестве политической партии, но и в связи с чрезмерной маргинальностью и радикализмом, не пользующимся видимой поддержкой в обществе), то как уличный ресурс это наиболее эффективная сила из-за серьезной идеологической, а не материальной мотивации.

Контент-анализ главных страниц интернет-сайтов молодежных политических организаций и движений по таким вербальным единицам, как «демократия», «свобода», «президент», «патриотизм», «Россия», «русский», «революция», «оппозиция», «закон», выявил следующую картину (см. таблицу).

Наиболее часто употребляемой вербальной единицей выступает «Россия» –38 раз в сутки. Независимо от идеологической направленности, отношения к политическому режиму и действующей власти основной ценностью молодежных организаций остается Россия. На электронных страничках молодежных организаций разворачиваются оживленные дискуссии по

	Демократия	Свобода	Президент	Патриотизм	Россия	Русский	Революция	Оппозиция	Закон
«Наши»	1	–	–	2	1	1	–	–	–
«Молодая гвардия»	1	–	3	–	10	3	1	–	–
«Оборона»	–	9	–	–	7	–	–	2	–
АКМ	1	1	5	1	8	–	1	4	4
Молодежный СПС	–	2	–	–	1	–	–	–	–
Молодежное «Яблоко»	1	2	–	1	5	–	2	9	5
НБП	5	–	–	5	3	7	2	2	1
Евразийский союз молодежи	–	1	3	–	1	6	–	–	–
СКМ	2	–	1	–	2	–	–	1	–

поводу внутреннего развития страны и ее взаимоотношений с другими государствами (прежде всего с США, государствами СНГ и ЕС, Китаем). Все новостные ленты связаны исключительно с событиями в государстве, что ориентирует молодежь, посещающую данные электронные ресурсы, быть в центре общественно-политических событий, формирует гражданскую позицию, ценности патриотизма. При этом на сайтах молодежных организаций закладывается представление о России как о сильном, развитом государстве, которое выступает равноправным партнером в отношениях с другими странами, что имеет огромное значение в плане политической социализации молодого поколения.

Для наглядности результатов исследования выбраны три единицы («оппозиция», «демократия», «свобода») и построены диаграммы (см. диаграммы 1–3).

Как представлено на диаграммах 1 и 3, лидерами по использованию вербальных единиц «оппозиция» и «свобода» являются молодежные движения либеральной идеологической ориентации, нелояльные действующей власти, – Молодежное «Яблоко» и «Оборона». Сегодня самым активным и наиболее успешным на демократическом фланге выступает движение

Диаграмма 1

Частота появления единицы «оппозиция» на сайтах молодежных политических организаций и движений (в сутки)

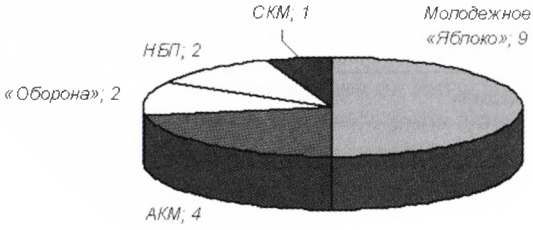


Диаграмма 2

Частота появления единицы «демократия» (в сутки)

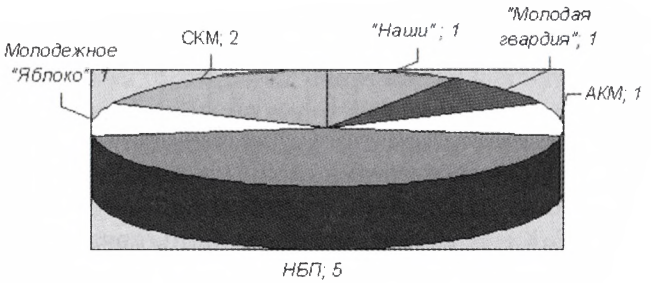
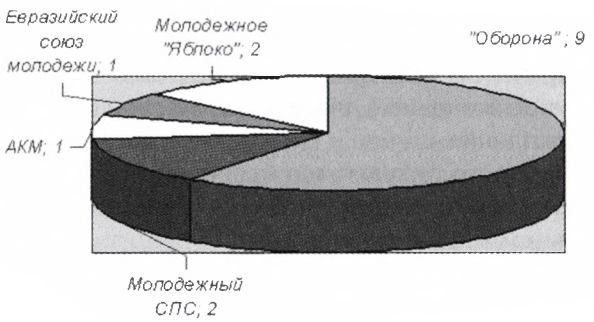


Диаграмма 3

Частота появления единицы «Свобода» (в сутки)



«Оборона». Члены «Обороны» полагают, что молодежные движения исполняют роль локомотива гражданского сопротивления. Основу риторики интернет-сайта движения составляют

слова «воля/неволя», «полицейское государство», «милицейский произвол», «нарушения закона». Организации наподобие Молодежного «Яблока» и «Обороны» выступают против «плана Путина», за свободы и защиту интересов молодежи, прежде всего студентов, что подтверждается данными диаграммы 3.

Если использование вербальных единиц «оппозиция» и «свобода» преимущественно молодежными движениями, нелояльными существующей власти, вполне закономерно, то появление на сайтах Национал-большевистской партии и Союза коммунистической молодежи понятия «демократия» может вызывать вопросы и недоумение. В данной ситуации чрезвычайно важен контекст, в котором используется это понятие. НБП, СКМ и АКМ – это движения, оппозиционные действующему политическому режиму, выступающие с открытой критикой того варианта демократии, который предлагает режим. Например, в программе НБП отражен свой взгляд на демократию как режим, при котором «свободно развивается гражданское общество, ограничено вмешательство государства в общественную и личную жизнь граждан, существует простор инициативы "снизу"»[10].

Действующие молодежные политические организации и движения настаивают на необходимости перемен в государстве, разворачивают на своих страничках в сети целые военные баталии, при той лишь разнице, что перемены каждая организация понимает по-своему. Объединяет молодежные организации одно: война идет во имя построения идеального общества. При этом наметился целый спектр взглядов на то, каким оно должно быть. Социалистические принципы построения нового общества объединяют АКМ и нацболов, но если у первых к власти должна будет прийти, вернее, вернуться КПСС и общество будет построено в соответствии с коммунистическими догмами о власти Советов, то национал-большевики видят во главе страны свою партию, которая станет всем и всё поглотит. Хотя принципы построения общества во многом схожи: нет частной собственности, все общее, вплоть до жен и детей. Являясь гремучей смесью коммунистических и националистических идей, НБП основой государства видит русскую нацию новой генерации (ею же воспитанную); АКМ же в соответствии с принятым учением демонстрирует интернационалистские убеждения.

---

[10] Программа-минимум НБП [Электронный документ]. http://www.nbp-info.ru/new/partia/programm.html

О необходимости утверждения подлинного гражданского общества, реальной демократии заявляют остальные организации, отличие лишь в том, что «Наши» и «Молодая гвардия» уверены: если эти черты современного государства еще не утвердились в России, то момент этот близок, необходимо только оказать содействие курсу президента. Молодежный СПС, Молодежное «Яблоко» и «Оборона» убеждены, что нынешний режим имеет авторитарный характер и даже тенденции к тоталитаризму через установление цензуры, подавление оппозиции, проведение антинародных реформ (монетизация льгот, отмена отсрочек от армии, назначение губернаторов и т. д.). Россия имеет все шансы никогда не перейти от фасадной демократии к реальной, поэтому они и объявили власти гражданское сопротивление. Либеральная оппозиция не только претендует на смену президентской власти, но и часто солидаризируется с Западом. В информационном пространстве (преимущественно официозном) либералы фактически становятся тождественными прозападным силам либо фашистам.

В то же время официальные прокремлевские молодежные организации не могут не быть либералами в вопросах, например, экономики: ведь они позиционируют себя как пропрезидентские силы, а нынешний президент пытается выглядеть либералом в экономической политике. Именно поэтому они оказываются на грани патриотов и либералов.

Молодежный сегмент интернет-пространства не ограничивается только официальными сайтами молодежных политических движений и организаций, он включает в себя также и различные социальные сети (Одноклассники.ru, ВКонтакте.ру и др.), блогосферу, сайты различных музыкальных групп, молодежных субкультур и др. Автор не ставит перед собой целью рассмотрение всего молодежного сегмента, что может вполне выступать предметом самостоятельного исследования.

Помимо обозначенных подходов к пониманию войны в рамках риторики официальных сайтов молодежных политических организаций, хотелось бы сделать несколько замечаний относительно непосредственного поддержания памяти о Второй мировой войне в молодежном сегменте общества. В этой связи интересным представляется тот факт, что проблеме сохранения памяти о Второй мировой войне посвящено множество групп (более двадцати), созданных в рамках социальной сети ВКонтакте.ру: «Памяти нашей Победы в Великой Отечественной

войне» (около 170 тыс. участников), «Вторая мировая война» (около 9 тыс. участников), «Третий Рейх» (около 3 тыс. участников), «Танки Второй мировой войны» (около 2 тыс. участников), «Великая Отечественная война 1941–1945», «Мы помним 22 июня 1941 года. Мы помним последовавшие за ним 1418 дней страшной войны» и др. В рамках общения участники форумов обсуждают события Второй мировой войны, имена основных героев, особенности техники и оружия того времени, делятся найденными фактами.

Подводя итог всему сказанному, можно отметить следующую особенность настоящего момента в молодежном сегменте интернет-пространства: у молодого человека, путешествующего по страничкам Сети, может сложиться впечатление, что, несмотря на отсутствие реальных вооруженных действий на улицах его города или в его регионе, идет некая виртуальная война (патриоты воюют с фашистами, нацисты – с либералами и т. д.) – война за влияние на молодежь.

Н. В. Борисова
кандидат политических наук,
доцент кафедры политических наук ПГУ,
г. Пермь

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ РАЗРЫВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ? (Частное мнение несоциолога)

Поколенческий разрыв *(Generation gap)* – термин, введенный и разработанный в 1960-х годах известным американским социологом, этнографом, антропологом М. Мид. Он означает социологический феномен, при котором культурные ценности младшего поколения значительно отличаются от культурных (в широком смысле этого слова) ценностей старшего поколения. Этот разрыв характеризуется тем, что два, а то и более поколения могут воспринимать друг друга как представителей совершенно чуждых культур, интересов, взглядов и мировоззрений. Тогда на Западе этот феномен был концептуализирован в связи с масштабным молодежным бунтом, последовавшим за революцией потребления. Есть ли место данному социологическому феномену в современной

России? И если да, насколько глубок и непреодолим этот разрыв?

В одной из своих работ известный российский социолог Ю. А. Левада писал, что «социальное значение поколения не может измеряться опытом или настроениями "большинства" или "массы", репрезентируемой в опросах общественного мнения: в "современных", "посттрадиционных" обществах поколения распознаются через символы "разрывов", кризисов, изменений, за которыми стоят не демографические генерации, а определенные группы и институциональные структуры»[1]. Итак, современное российское общество – это общество разных поколений, между которыми нередко можно обнаружить «культурную пропасть», измеряемую разными ценностями, разными ориентирами. Тот же Левада, сравнивая ценностные ориентиры различных поколений, выделяет поколения «сталинизма», «войны», «оттепели», «застоя», «перестройки». И здесь мы видим не просто поколения отцов и детей, нередко чуждых друг другу, но, возможно, дедов и внуков. Этот разрыв становится тем более значимым, чем активнее попытки власти актуализировать патриотизм и патриотическую трактовку отечественной истории, в последние два-три года нашедшие выражение в написании/переписывании учебников по истории, актуализации программ по гражданскому образованию, реализации интерактивных телевизионных проектов типа «Имя России».

Так есть ли этот свойственный российской истории XX века[2] разрыв сейчас, в начале века XXI? Зададим вопрос точнее: есть ли он в нашей каждодневной практике, в наших субъективных ощущениях? Ответ очевиден: есть. Он выражен в разных моделях электорального поведения, которые демонстрируем мы на выборах разного уровня. Он есть в наших вкусовых предпочтениях: мы, принадлежащие к разным поколенческим группам, можем смотреть разные фильмы, любить, читать разные книги и т. п. Но означает ли все это разрыв? Есть ли полное непонимание и неприятие ценностей и выбора друг друга? Вот это, пожалуй, ключевой вопрос.

---

[1] Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. // Новое литературное обозрение, 2005. С. 40–41.

[2] Более подробно об этом см.: *Дубин Б.* Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2 (58). http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/11/19/0000295416/03dubin-11-15.pdf

В своей книге «Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория и личные судьбы» известный российский философ, политолог Г. Г. Водолазов пишет: «...В последнее время все чаще и чаще выпадает мне печальная доля – провожать в последний путь моих друзей... И однажды я вдруг заметил... что среди тех, кто пришел проститься, почти нет молодых лиц. Так было при прощании с Леном Карпинским, Юрием Буртиным, Отто Лацисом... Одна "старая гвардия", только "уходящая натура". Еще десять-двадцать лет – и растает, растворится во времени и пространстве это поколение. Может, не волнуют нынешних те вопросы, те проблемы, что волновали нас?..»[3] На этот вопрос Григория Григорьевича хочется ответить: несмотря на очевидный разрыв, все-таки связующая нить поколений не рвется. Печально, что в последний путь уходят маститые ученые, тем более когда уходят без дани уважения со стороны своих учеников. Но сам факт, что в книге рассыпаны по страницам выдержки из эссе учеников Г. Г. Водолазова, говорит о многом. И прежде всего о том, что связь поколений, как минимум в среде ученых, есть.

«Круглый стол», организованный в рамках последних Астафьевских чтений (Пермь, 2008 год) и посвященный проблемам политики, также стал свидетельством того, что связь есть: экспертное выступление Г. Г. Водолазова слушали студенты и аспиранты, прежде всего молодые политологи. А говорил уважаемый философ о своей жизни, о детстве и юности, что пришлись на годы войны и на подававшие надежды шестидесятые. Молодые ребята, с прикованными к лицу Григория Григорьевича взорами, по-настоящему затаив дыхание, внимали ему. А после посыпались вопросы, суждения, мнения.

Что это значило? Уж точно это была не работа ради «галочки». Это было искреннее внимание, заинтересованность в чужом, таком далеком от современной молодежи опыте. В этом разговоре не касались ни науки, ни философии. Говорили о жизни советских людей, о восприятии войны, об отношении к власти. И в этом разговоре, казалось бы, двух «разорванных» поколений сложился «мостик понимания». Получилось так, что аудитория не только слушала, но услышала уважаемого профессора.

---

[3] *Водолазов Г. Г.* Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы. М., 2006. С. 37–38.

И пусть социологи пишут о «разрывах» и «расколах», но связующих нитей гораздо больше, они нередко возникают даже там, где этого совсем не ждешь, будь то прочтение книг В. Астафьева, А. Солженицына, встреча с Ю. Красиным, Г. Водолазовым или просто разговор по душам летним вечером со своими родителями, бабушками и дедушками. Жаль только, что люди уходят. Правда, «рукописи не горят»...

Г. Г. Водолазов
доктор философских наук, профессор МГИМО(У)

ПО КАМЕРТОНУ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА (Три комментария к «Веселому солдату»)

У меня не будет усложненных теоретических построений. Я ограничусь тремя комментариями эмоционально-эссеистского характера, как только и должно говорить о творчестве Виктора Астафьева; ну, может, немного разбавлю их теоретическими формулами.

Комментарий № 1 – о политике и морали

Вначале – две цитаты, которые разделяют полвека и одна из которых принадлежит Астафьеву, а другая – замечательному студенту Алексею (из моего мастер-класса). Две цитаты – но, в общем, об одном и том же.

Астафьев: «Когда много лет спустя после войны я открыл роскошно изданную книгу воспоминаний маршала Жукова с посвящением советскому солдату, чуть со стула не упал: воистину свет не видел более циничного и бесстыдного лицемерия, потому как никто и никогда так не сорил русскими солдатами, как он, маршал Жуков! И если многих великих полководцев, теперь уже оправданных историей, можно и нужно поименовать человеческими браконьерами, маршал Жуков по достоинству займет среди них одно из первых мест – первое место, самое первое, неоспоримо принадлежит его отцу и учителю, самовскормленному генералиссимусу, достойным выкормышем которого и был “народный маршал”. Лишь на старости лет потянуло его “помолиться” за души погубленных им солдат, подсластить пилюлю для живых и убиенных, подзолотить сентиментальной слезой казенные заброшенные обелиски и зарос-

шие бурьяном холмики на братских могилах, в придорожных канавах».

Алексей: «Наиболее классическим примером столкновения морали и политики в истории являются военные действия, которых прошло несметное количество. “Не убей!” – провозглашает и христианская, и обычная человеческая мораль. “Убей врага!” – призывает “мораль” войны. Так существует или нет абсолютный критерий морали, тот всеобщий “категорический императив”, о котором писал Кант? Существует ли тот абсолютный метр, которым можно измерять (и оценивать) поступки человека?

И частный случай этой проблемы. Необходим ли, был ли морально оправдан штурм Берлина в конце Отечественной войны? Имея в виду, что: 1. При взятии города СССР потерял 361 367 человек убитыми и ранеными. Неизбежность потерь такого масштаба не была секретом для руководства. Но потери эти сочли необходимыми. 2. Зееловские высоты, подобно линии Маннергейма, были современным мощным оборонительным укреплением; опыт финской войны показал, что преодоление данного сооружения требует колоссальных людских потерь. 3. Штурм не оставил от Берлина как от культурного центра практически ни одного памятника истории, не говоря уже о жертвах среди мирного населения. 4. Война на момент начала битвы за город была объективно проиграна Германией, и город чуть раньше, чуть позже сдался бы без боя, удалось бы избежать сотен тысяч жертв. Удалось бы, если бы не...

Если бы не политические факторы, которые стоят отдельно от морали и логики предыдущих приведенных мною утверждений. С политической точки зрения посчиталось, что войти первыми в город и получить преимущество над союзниками будет существенно важнее гибели одного процента мужского населения огромного государства.

Данное историческое событие наглядно показывает всю непростоту отношений морали и политики. Можно ли назвать решение Сталина проявлением силы и мудрости или это глупость, вызванная непомерными амбициями? Реально ли вообще было избежать этого штурма и гибели людей и так ли сильно он был нужен? Как вообще правильно ставить подобные вопросы и что отвечать на них?»

Я не буду вести речь персонально о маршале Жукове. Я не изучал с достаточной основательностью этого вопроса.

Я о том, как правильно ставить эти вопросы и как, на мой взгляд, следует отвечать на них.

Эти вопросы уходят корнями в проблему, которую я бы обозначил как проблему соотношения политики и морали. Или более заостренно: *возможна ли в принципе нравственная политика?* С этого надо начинать, от этой печки танцевать.

У многих (начиная с Макиавелли) такая возможность вызывает сомнение. Политика, по природе своей, считает Макиавелли, есть не нравственное дело. У политика другие задачи, другие критерии успеха. И многие мои ребятки, наблюдая современную политическую практику (деятельность и поведение иных депутатов российской Госдумы или украинской Рады), часто с сожалением констатируют, что Макиавелли прав.

Вот моя студентка Ангелина: «Есть ли поистине моральному человеку, правильнее будет сказать – совестливому человеку место в политическом мире? Меня это особо волнует. Будучи студенткой факультета политологии, который напрямую связан с этой сферой жизни общества, я уже сейчас не могу не задумываться над этим. Как же я буду существовать и работать в этом мире? Что ждет меня в политике и что я жду от нее? Что будет для меня главным, что должно определять мои будущие поступки и действия – жажда властвовать, иметь силу или же моральные, общечеловеческие ценности? А самое главное, смогу ли я совместить политику и мораль, смогу ли выжить в жестокой политической реальности, не отступив ни на шаг от своих моральных принципов и убеждений? Возможно ли это вообще?»

Это строки из введения к ее эссе. А вот из заключения: «Я абсолютно уверена, что человек-политик обязан блюсти моральные нормы и ценности, даже если это усложняет его путь к достижению цели, прекрасно понимая, что в современной политической реальности выживать таким людям гораздо сложнее. Для меня прийти к цели не ударив в грязь лицом, не унизив и не предав никого из окружающих меня людей, гораздо слаще и приятней, нежели достигнуть того же результата, идя по трупам, не задумываясь о чувствах других. Зная себя, могу сказать, что еще с самого раннего детства я замечала за собой, что всегда, совершив какую-нибудь пакость, потом мучаюсь от чувства неловкости, неуверенности в том, поступила ли я правильно, и щемящего чувства “постыдности содеянного”.

Вот почему в начале этой работы я поставила, прежде всего для себя, вопрос: а смогу ли я жить по законам волчьей стаи? И так и не получила на него ясный ответ. Я вот думаю, что не смогу и не буду, а все вокруг все время твердят и убеждают, что политика закаляет и изменяет всех, поэтому "преобразит" и меня. Страшно признаться, но меня пугает такое "преображение"».

А вот ее однокурсница Катя: «Большинство моих однокурсников, а значит людей в каком-то смысле близких мне, впоследствии пойдут в политику... Да я сама еще окончательно не определила свой жизненный путь. Так сможем ли мы остаться людьми? Конечно, хотелось бы. Наверное, это мечта практически каждого, кто идет в политику. Все мы знаем, насколько грязен тот мир, на жизнь в котором мы себя обрекаем, и мало кто (скорее, в известной мере, никто) не смог не "обмараться". Но нам кажется, что вот придем мы и все изменим... Такие честные, чистые. И чему тут верить – статистике или собственным эмоциям? Разум говорит, что невозможно достичь власти без "грязи". И это легко объяснить. Начиная заниматься политикой, мы вступаем в мир, который давно уже существует без нас. Естественно, там есть свои нормы и мы объективно не имеем никакого права их ломать. Мы вступаем в игру, мы должны играть по правилам. Причем неважно, что эти правила расходятся с теми моральными принципами, которые мы впитали с молоком матери. Играть так играть. С другой стороны, говоришь себе, что вот достигнешь высот, когда уже не ты, а от тебя будут зависеть, и тогда сможешь вновь руководствоваться своей совестью. Но практика опять же показывает, что это не так. Нелегко найти пример человека, кто прошел бы через политическую борьбу и, завоевав себе "место под солнцем", стал бы претворять в жизнь те благие цели, которые он ставил перед собой в начале пути. Но тот свет, та вера, что в душе сейчас, – не это ли главное? Может, мы сможем донести хоть крупицу ее до самого конца? В конечном итоге на поставленный вопрос ответить однозначно невозможно. К тому же меня ужасает тот факт, что выше я привела концепцию политики как игры по правилам, аморальным и жестоким правилам. Не начинаю ли я подсознательно оправдывать себя на будущее?

Как я уже говорила, второй вопрос вытекает из первого. Оправдывает ли цель средства? Можно ли заплатить хотя бы одной слезой ребенка за благополучие миллионов? Конечно,

здесь можно было бы привести рассуждения на эту тему великих мыслителей, таких как Макиавелли или Достоевский например, но я воздержусь от этого. Очень часто удобно ответить на вопрос "да". "Да" – и делай все что хочешь, лишь бы "идти к благой цели"... С другой стороны, к сожалению, и вправду очень многие объективно полезные и необходимые как для отдельного общества, так и для человечества цели достигались через боль и горе других. Можно ли подсчитать, оценить количество зла на пути к добру, создать пропорцию и вывести "коэффициент зла", который нельзя превышать на пути ко благу? Все это логично, рационально, но забывается главное. То, без чего человек – это уже не человек, а именно душа. Вряд ли она сможет не зачерстветь и не запятнаться на пути к добру, лежащему через зло. Но для кого-то это не страшно, кому-то все равно. В конечном итоге объективного ответа здесь дать нельзя, зато каждый может попробовать решить этот вопрос для себя. И для меня ответ – "нет". Нет, нельзя переступать через окружающих на пути к цели, какая бы она ни была... Не знаю, насколько сама я смогу придерживаться этого принципа... Хотелось бы верить, что смогу...»

Я слышу тут немую мольбу, обращенную ко мне: ну скажите же нам, неужели это действительно так, неужели мы обречены, неужели невозможно в политике оставаться нравственным человеком? (И просят при этом назвать хотя бы нескольких современных нравственных политиков – «делать жизнь с кого».)

И тут возникает не только практическая трудность ответа, но и общетеоретическая. Озадачивает уже сама постановка вопроса: возможна ли *в принципе* моральная политика? Кажется, это оксюморон, это все равно что нежелезное железо, нежидкая жидкость. В общем, как будто и существующая практика, и теоретическое содержание категорий свидетельствуют: *моральная* политика невозможна!

Мой ответ другой. Не верьте, друзья, Макиавелли, не думайте, что политический свет сошелся клином на депутатах Госдумы. Нравственная политика возможна! И сочетание это не оксюморон. Вот что я написал на этот счет в своей подготовленной к печати книге «Мыслильня – век XXI. Уроки творчества, нравственности и свободы»: «Итак, нравственная политика. А возможно ли такое в принципе? Не бессмыслица ли это? Это же получается что-то вроде "ненасильственного насилия" или "насильственного ненасилия". Возможно ли это? Возможно!

Нравственная политика – это, скажем мы сегодня, политика, ограненная нравственностью. То есть?

"Нравственной" можно назвать ту политику, которая стремится максимально (для данных исторических условий) минимизировать насилие. Ненасилие – насколько возможно, насилие – насколько необходимо (да и насилие-то – в максимально мягких и гуманных, для данного времени, формах!).

Нравственный политик – тот, кто постоянно думает о границах и мере насилия, о его максимальном снижении и сужении, о цене прогресса, о *человеческой* составляющей развития.

Ненравственный политик – политик, максимизирующий насилие, возводящий его едва ли не в абсолют: "лес рубят – щепки летят". Ненравственный политик вообще исключает из сферы своего рассмотрения моральные аспекты, проблему "цены прогресса". "Человек-винтик", "человек – деталь социальной машины", "незаменимых (человеко-деталей!) у нас нет", "человек – не цель, а средство общественного развития" – вот максимы, вот установки такого политика.

Нравственная политика – та, которая способствует развитию максимально возможной (для данных условий) "самости" человека, его всестороннему и универсальному развитию (развитию не в качестве детали-винтика социальной машины, а в качестве главного *субъекта* исторической практики). Нравственная политика – та, что видит в человеке не подданного, а гражданина, та, которая обеспечивает культурное, социальное и политическое развитие людей (что является условием действительной свободы).

Нравственная политика есть, по сути, синоним демократической и гуманистической политики».

Правда, слыша такое, иные политики заявляют, что все эти призывы к максимальной минимизации насилия, к размышлениям о «мере насилия», «цене прогресса» приведут лишь к снижению эффективности и результативности политики. Главное-де – интересы государства, а не судьбы отдельных индивидов. Один известный генерал заявил по телевидению: да, репрессии в отношении военных перед войной с моральной точки зрения были не слишком приятны, но зато они оказались сверхрезультативны с политической точки зрения: сталинский СССР стал единственной страной, где не было пятой колонны. Подтекст тут в том, что не следует-де чересчур печалиться, что

были уничтожены многие невинные люди, поскольку вместе с ними уничтожили и потенциальных предателей. Вот он, главный и страшный принцип безнравственной политики (осуществлявшийся Берией и Вышинским под «мудрым» руководством Сталина): лучше уничтожить сотню подозреваемых, безвинных, чем дать шанс одному «виновному» гулять на свободе («Лес рубят – щепки летят» – любимый афоризм Джугашвили).

Тут, в осмыслении взаимоотношения политики и морали, есть, конечно проблема. И проблема высокой степени трудности: как все-таки совместить две ипостаси – злодейский политический режим сталинизма и то, о чем однажды сказал Черчилль: «Сталин принял страну с сохой, а оставил – с атомной бомбой». То есть при Сталине была осуществлена модернизация страны, при нем была одержана победа в жестокой войне с фашизмом.

Это в потрясающе заостренной форме зафиксировано в работе моей студентки Лены. Вот ее *«Рейтинг руководителей (от лучшего к худшему)»*: Сталин, Ленин, Горбачёв, Хрущёв, Брежнев, Керенский, Николай II. Сталин – на первом месте! И дальше ее комментарий: «Для меня этот список выглядит так по той причине, что я стараюсь разграничивать понятия “достойный человек/примерный семьянин” и “хороший руководитель/политик”. Например, Сталин, которого я поставила на первое место, вызывает во мне *ужас* своим курсом, поступками, но я не могу не признать, что для страны он сделал невероятно много: для развития экономики, для укрепления позиций на международной арене. Таким критерием – как руководство данного человека отразилось на развитии страны? – я и руководствовалась, составляя свой рейтинг».

Но дальше-то, дальше!

«*Наименее симпатичные мне политики в мировой и русской истории:* Адольф Гитлер, Иосиф Сталин. Если бы от меня требовалось оценить их с точки зрения харизмы, профессионализма, силы воли, я бы не занесла их в список “худших” или “средних”, однако, поскольку речь идет о моем субъективном отношении к ним как к историческим личностям, то *их авторитаризм, безжалостность и даже тирания вызывают во мне чувство страха и неприятия*».

Вот так: на первом месте среди «лучших» и на первом месте среди «худших».

Мечутся мои ребятишки: по какому разряду «пустить» Сталина, как совместить эти две, вроде бы совершенно исключающие друг друга ипостаси: политическое злодейство и выполнение стоявшей перед страной исторической задачи – модернизации.

Вот еще впечатляющие свидетельства таких «метаний».

Настя пишет, что испытывает «чувство страха и брезгливости» в отношении сталинского периода – с его репрессиями, ссылками, лагерями и расстрелами. Ей «хочется разобраться, почему наш многочисленный народ ничего не смог поделать, когда уничтожали лучших, самых интеллигентных людей времени». Она хочет понять: «Почему это случилось? Почему такое было? Насколько повлияла такая вырубка лучших умов на современную Россию?» «Но ведь помимо всего этого, – продолжает Настя, – у нас есть и светлое прошлое, с великими исследованиями и победоносными достижениями. Вот и думаю я: как воспринимать этот период? Как его делить? Он плох? Хорош?..»

Даша: «Наиболее удивителен, на мой взгляд, период управления Сталина, так и хочется сказать – "правления". Можно осознать, зачем вождь погубил столько людей, невозможно, однако, понять, за что его так любили родственники погибших, лагерные, которые жили одной мыслью, что вот выйдут они лет через несколько и построят-таки коммунизм. Вера того поколения поражает. Их сила огромна, их воля именно стальная, и никак иначе. И хочется сказать, что это поколение было слепо и наивно... и язык не поворачивается.

Иногда думается: а что наши потомки будут думать о нас через много-много лет? И такой вопрос возникает чаще, чем вопросы к истории. Не знаю, насколько это правильно. И не знаю, что действительно о нас подумают. Возможно, что мы были великими. Возможно – загадочными. А возможно, мы останемся в памяти как скучное поколение. История рассудит...»

Володя: «Почему, как мы смогли дойти до того, что русские, украинцы, белорусы, всегда единый народ, стали не ладить, а сейчас и вообще сидят по разные стороны границ? Как получилось, что великая империя, заботливо воспитывавшая своих детей, Россия, отпустила сыновей и дочерей на волю? Неужели кормила-поила, спать укладывала, а теперь пришло время отпускать? Дети выросли? А когда дети становится взрослыми, родителям грустно...

Почему наш народ такой смирный, часто пассивный? Почему, если во главе страны (как не раз случалось в нашей истории) стоит деспот, злодей или просто вор, нельзя его скинуть (прямым путем или же хитростью)?»

Николай: «Особый интерес представляет для меня советский период нашей истории. Как произошла трансформация в массовом сознании людей? Как они смогли так быстро отказаться от монархии, которая существовала несколько веков? Как почувствовать, какое настроение царило в 20–30-х годах прошлого века? Были ли те люди полны надежд, действительно ли они верили в светлое будущее? Кто так умело внушил им новые идеалы? Почему в 1930–40-х годах люди не верили в то, что арестовывают не только виноватых, но и невиновных? Как могли они поверить в то, что даже их родственники – враги народа? Как за такое короткое время люди стали столь пугливыми? Почему они не видели, что обещанное большевиками народовластие превращается в диктатуру одного человека? Почему защищали эту власть? Почему они умели так сильно верить и почему сейчас люди ни во что не верят?

Как на XX съезде Хрущёв внутренне решился осудить культ личности? Чего действительно хотел Горбачёв от перестройки? Что бы было, если бы он довел ее до конца? Мог ли СССР стать конфедерацией? Правильно ли поступали наши родители, когда шли во время событий 1990-х годов строить наше новое будущее? Почему сейчас отвернулись от своих героев? К чему привело их стояние у Белого дома в августе 1991-го? Может ли в России в принципе существовать демократия? Можно ли назвать тот режим, который сейчас существует, демократией? Что будет с нашей страной? Как сделать так, чтобы она не распалась?»

Ляна: «Каковы истинные причины распада Советского Союза?»

Яков: «Уже много лет меня мучает вопрос: кому же помешал Советский Союз? Можно что угодно говорить про советскую власть, но зачем нужно было “разваливать” государство? Государство, которое просуществовало 70 лет и за этот период так сильно развилось? Ведь сейчас большинство в один голос говорит, что не надо было разрушать страну. А в начале 1990-х они все яро боролись за демократию и стремились избавиться от Советского Союза. Можно же было изменить власть, но оставить огромную, великую страну?»

Ангелина: «Вы рассказывали нам о судьбе Бухарина, которая – объективно – поставила вопрос: куда завлекло нашу страну, наш народ то самое "единственно верное", "единственно научное" учение – марксизм? Этот вопрос, признаться честно, волнует и меня, то есть современное поколение, а это значит, что вопрос актуален и по сей день».

Василий: «"Демократия" – красивое слово, красивая идея. Но то, что имели в советское время, в эпоху Горбачёва, в 1990-е годы, в нынешнее время, – разве это "власть народа"? Разве это демократия? Так что же такое демократия – власть народа или что-то другое? Но тогда – что? И потом, часто о демократии говорят как о наилучшем на сегодняшний день политическом режиме. А так ли это?»

Роман: «Крайне интересен для меня советский период истории нашей страны. Почему? Не могу дать вразумительного ответа. Скорее всего, это связано с периодом возвышения государства и, с другой стороны, его падением. Общество четко раскололось на два лагеря: на тех, кто утверждает, что при СССР была наивысшая ступень развития российского общества и государства, и на тех, кто отрицает это, кто крайне критически оценивает социально-политическую систему, существовавшую в те годы. Откуда такой раскол в общественном сознании и преодолим ли он?»

Я попытался ответить на эти вопросы своей книгой «Идеалы и идолы. Политика и мораль: история, теория, личные судьбы» (М., 2006), к которой и отсылаю заинтересовавшегося этой проблемой слушателя. Здесь же скажу о методологической основе моих ответов, базирующихся на классических и бессмертных сократовско-платоновских идеях.

«Государство, – пишет Платон, – возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может *удовлетворить себя сам*, но во многом еще нуждается... Каждый человек привлекает то одного, то другого *для удовлетворения той или иной потребности*. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и *оказывать друг другу помощь*... Таким образом, они кое-что уделяют друг другу и кое-что получают и каждый считает, что *так ему будет лучше*... Кто-нибудь будет земледельцем, другой – строителем, третий – ткачом...»

То есть не государство формирует, создает индивида, а индивид – государство. Не потребности государства, социу-

ма определяют и подчиняют все остальное, а потребности и интересы индивидов. *Индивиды* ищут наилучшие способы и формы удовлетворения *своих* потребностей – и *потому* создают государство. Индивид ищет, как ему (а не какому-то там «государству») будет лучше. В общем, не индивид выступает материалом, «средством» для государства, а государство выступает для индивида «средством» решения его, индивида, проблем. *Вполне сократовская позиция! И с нее начинает Платон развертывание своей концепции.*

И еще одна, мало кем замечаемая, но чрезвычайно важная сторона сократовско-платоновской теории государства. Вы обратили внимание, чему главным образом служит, согласно Платону, создаваемый индивидами институт государства? «Оказывать друг другу помощь». А не подавлять одних («слабых») в угоду другим («сильным»), как о том сообщал нам Фрасимах... «Первичное» государство, по Сократу и Платону, это *Институт Взаимопомощи*! И потому в «здоровом» государстве *нравственность* и есть единственно нормальный способ взаимоотношений людей. Вот она, причина неискоренимой привязанности Сократа и его учеников к моральным ценностям, вот почва, на которой зарождается, а потом поднимается в душу и сердце тот самый «внутренний голос» Сократа, тот самый «Даймоний», заставляющий человека ставить нравственные принципы превыше всего на свете.

Платон *установил*, а Сократ это *чувствовал* всем своим существом: «норма», «идеал», «сущность» государства – это *Институт Взаимопомощи*, государство – это прежде всего *Нравственный Институт*.

Вот, стало быть, и ответ Платона (Сократа – Платона) на вопрос, что есть «справедливость» применительно к государственному устройству: *справедливое государство – это сообщество людей, организованное на принципах нравственности.* А отсюда неумолимо следует ответ и на другой поставленный Сократом – Платоном вопрос: что значит «справедливость» применительно к деятельности отдельного человека? Это деятельность по сохранению и развитию Института Взаимопомощи людей. «Справедливость» в этом аспекте означает исполнение каждым своих специфических функций по поддержанию этого социального единства. Или, иначе говоря, когда каждый занимает *свое* место и добросовестно исполняет *свое* дело в общем комплексе взаимополезных и взаимозависимых дел индивидов.

Исходное, «первичное» государство возникает как Институт Взаимопомощи людей, создаваемый людьми и для людей, как Нравственное Человеческое Сообщество равных друг другу Субъектов.

Не знаю, как вы, господа, я же, человек XX столетия, желающий быть демократом и гуманистом, целиком разделяю все эти идеи Сократа – Платона. Они, между прочим, представляются мне великолепным противоядием против тех макиавеллиевских штучек (вызывающих шумное одобрение у значительной части современного политического бомонда), в которых на разные лады перепевается идея, что нет в человеческом мире ценности выше, чем государство, что все должно мериться интересами государства, что интересы сохранения и усиления государства оправдывают любые средства. Человек имеет право, пафосно провозглашает Макиавелли, «ради сохранения государства поступить против верности, против любви к ближнему, против человечности... <...> ...Пусть князь заботится поэтому о победе и сохранении государства – средства всегда будут достойными и каждое будет одобрено» (Н. Макиавелли. Государь. М., 1996. С. 85).

Да кто же это Вам сказал, господин Макиавелли, что государство является высшей целью человеческого общежития? Кто Вам сказал, что все остальное по отношению к государству выступает только как «средство»?

Впрочем, я знаю – *кто*. Это подсказал Вам Ваш образ жизни – государственного чиновника, добавлю – добросовестного государственного чиновника, самоотверженно (до поры до времени) служившего своей государственно-чиновничьей корпорации. Для госчиновника, для госбюрократа в служении государству весь смысл его жизни, для него оно на самом деле – высшая Цель и высшее Божество. Вы, господин бывший секретарь Коллегии по военным и иностранным делам, в своем «Государе» сформулировали, не отдавая себе, впрочем, в том отчета, кредо, философию государственной бюрократии, полагая, что формулируете общие принципы, выражающие суть социальной жизни и отражающие интересы абсолютного большинства граждан.

Вы крепко заблудились, господин Макиавелли. А между тем компас, указывающий верную дорогу (я имею в виду труды античных классиков), был в Ваших руках и Вы этот компас, по

Вашему уверению, высоко ценили. Но по-видимому, не вполне разобрались с показаниями подрагивающей на нем стрелки.

Мне никогда не забыть, дорогой господин Макиавелли, тех искренних, тех щемящих строк, которые Вы написали в одном из писем своему другу с места Вашей унизительной политической ссылки: «Когда наступает вечер, я возвращаюсь домой (после угнетающей суеты рабочего дня и общения с людьми, от которых «плесенью покрывается мозг». – *Г. В.*) и вхожу в свою рабочую комнату. На пороге я сбрасываю свои повседневные лохмотья, покрытые пылью и грязью, облекаюсь в одежды царственные и придворные. Одетый достойным образом, вступаю я в античное собрание античных мужей. Там, встреченный ими с любовью, я вкушаю ту пищу, которая уготована единственно мне, для которой я рожден. Там я не стесняюсь беседовать с ними и спрашивать у них объяснения их действий, и они благосклонно мне отвечают. В течение четырех часов я не испытываю никакой скуки. Я забываю все огорчения, я не страшусь бедности, и не пугает меня смерть. Весь целиком я переношусь в них» (Н. Макиавелли. Государь. Письмо к Веттори 10 декабря 1513 г. М.,1966. С. 562).

И среди этих Ваших собеседников – античных мужей – на первом плане, конечно же, он, великий и мудрый Платон.

За эти строки я Вам «прощаю» все. Я «прощаю» Вам Вашего «Государя» (тем более что в своем «Тите Ливии», который Вам не надо было посвящать тиранам и не надо, стало быть, стелиться перед ними, Вы обо всем пишете несколько иначе). Мне хотелось бы быть в эти вечерние часы с Вами, пристроиться тихонечко где-нибудь в уголке на кресле, тоже, как и Вы, облачившись в свои лучшие, по возможности белые одежды, положить на колени что-нибудь из Платона или Аристотеля и, взяв в качестве орудия общения с ними хорошо отточенный карандаш, бежать по страницам их увлекательнейших – для меня и для Вас – сочинений. И как славно было бы, иногда отрываясь от книги, перекинуться с Вами парой слов, делясь своими мнениями, впечатлениями, восторгами. Это были бы славные вечера, дорогой господин Макиавелли!

Кстати, я не преминул бы Вам дружески попенять (уж извините!) на то, что Вы не придали значения словам нашего общего с Вами Учителя – Платона о происхождении государства, о его «норме». По крайней мере, Вам пришлось бы тогда пополемизировать с ним в своем «Государе», пришлось бы не

просто провозгласить, но попытаться *доказать,* что государство – высшая цель и высшее благо для человеческого общежития. И кто знает, может, тогда, более основательно задумавшись над этим вопросом, Вы не были бы столь категоричны в своем обожествлении государства. (Впрочем, простите мне эту самоуверенную интонацию. Тут, уверяю Вас, дело отнюдь не в каком-то чувстве собственного превосходства. Просто я лет на пятьсот постарше Вас и, стало быть, располагаю итогами опыта, которого не было и не могло быть у Вас, – опыта деятельности «великих» государственников, легко перешагивавших в соответствии с Вашими рекомендациями через нравственные нормы, – всех этих фридрихов, наполеонов, гитлеров, сталиных, пол потов. Вам, наверное, трудно, а то и невозможно было представить, какие реки крови прольют, сколько грязи в историю понанесут эти верные последователи идей Вашего «Государя».)

Я высоко ценю платоново начало политико-философской теории государства. Он выделил в человеческом сообществе то, что держит его, что составляет самую глубинную суть его единства, его целостности. И эту самую глубинную суть общества он видит во взаимопомощи, во взаимосвязи людей. Он видит эту суть в *единстве специализированного, разделенного* между индивидуумами труда. Это то, на чем держатся и древние, и все современные общества. Устраните эту «взаимопомощь», разрушьте это *единство* разделенного труда – и общество рухнет.

Эту *суть* общества можно разглядеть и в сложнейших переплетениях связей и отношений общества нашего, XXI века. Просто она была яснее, прозрачнее на ранних этапах развития человечества, и потому столь уверенно на нее указал Платон. Единство разделенного труда в обществе обладает экономическими, политическими и культурными характеристиками. Но как система взаимосвязи и взаимопомощи *равных* (но не одинаковых; можно, пожалуй, сказать – *одинаково важных* для общества и друг для друга) субъектов – это, повторяем, по мнению Платона (и по нашему тоже), *нравственный* институт.

И реальное государство, реальное общество должны соответствовать этой своей сущности, своей «норме», своей «идее»: они должны быть, скажу не без удовольствия еще раз, *нравственными* институтами. И «отдельные люди», индивиды, живущие в такого рода «институтах», должны отражать их

суть – должны быть *нравственными* субъектами, должны быть людьми, руководствующимися принципами справедливости и морали.

Вот почему, мои дорогие ребятки, «нравственная политика» – не фантом, не утопия, не бессмыслица, но вполне реалистическое, возможное и желанное дело, хотя в нашу эпоху и весьма трудно осуществимое. Но «будьте реалистами – требуйте невозможного»! Ибо это не принципиально «невозможное», а «невозможное» сегодня, которое, благодаря вашей отчаянной смелости и самоотверженности, станет «возможным» завтра. Не паникуйте, идите в *политику*, делайте ее *нравственной*, насколько это возможно в нынешних условиях!

Комментарий № 2

Он касается двух типов «патриотизма» – патриотизма официозного, «начальственного», насаждаемого чиновной бюрократией, и патриотизма народного. У Астафьева немало страниц, повествующих о том, как начальствующая бюрократия, преследуя некие клановые, корпоративные цели, пытается «приватизировать» любовь к родине. Вот один из таких его пассажей: «Да это у нас и по сей день так: где бы ты ни воевал, ни работал, где бы ни служил, ни ехал, ни плыл, в очереди в травмопункте иль на больничную койку ни стоял – всегда ты в чем-то виноват, всегда чего-то должен опасаться и думать, как бы еще более виноватым не сделаться, посему должен выслуживаться, тянуться, на всякий случай прятать глаза, опускать долу повинную голову – человек не без греха, сам в себе, тем более в нем начальство всегда может найти причину для обвинения. Взглядом, словом, на всякий случай, на сберкнижку, что ли, держать его, сукиного сына, советского человека, в вечном ожидании беды, в страхе разоблачения, устыжения, суда, если не небесного, то общественного. <...>

В санупре обрадовались, конечно, госпиталю, брошенному немецкими оккупантами, – значит, заботы с плеч долой, – навалили раненого народу на пол в бывшие школьные классы, понавесили, как и повсюду, не только в госпиталях, грозные приказы, подписанные разным начальством и почему-то непременно маршалом Жуковым. А он издавал и подписывал приказы, исполненные особого тона, словно писаны они для вражески ко всем и ко всему настроенных людей. Двинув – для

затравки – абзац о Родине, о Сталине, о том, что победа, благодаря титаническим усилиям героического советского народа, неизбежна и близится, дальше начинали стращать и пугать нашего брата пунктами, и все, как удары кнута, со свистом, с оттяжкой, чтоб рвало не только мясо, но и душу: "Усилить!", "Навести порядок!", "Беспощадный контроль!", "Личная ответственность каждого бойца, где бы он ни находился...", "Строго наказывать за невыполнение, нарушение, порчу казенного имущества, симуляцию, саботаж, нанесение членовредительства, затягивание лечения, нежелание подчиняться правилам..." и т. д. и т. п. И в конце каждого пункта и подпункта: "Беспощадно бороться!", "Трибунал и штрафная", "Штрафная и трибунал", "Суровое наказание и расстрел", "Расстрел и суровое наказание"...»

Мы обязательно поразмышляем над астафьевским пониманием народного патриотизма. Но прежде снова (сказывается моя профессиональная философская закваска!) о некоторых базовых, фундаментальных, теоретических основах этой проблемы. И снова туда, к вечно живой и вечно современной классике. Познакомьтесь с одним из предсмертных писем-завещаний «моего» Сократа («моего», ибо идеи Сократа реконструированы *мною* в форме писем Платону – к такому вот интеллектуально-художественному приему прибег я в своей статье «Наш современник Сократ»).

Итак, отрывок из восьмого письма *моего* Сократа: «Критон заговорщически шепчет мне, что убежать легко: что меня охраняют плохо, совсем почти не следят за тем, кто ко мне приходит и что я делаю. Чудак! Не понимает. Что это – намеренно. Они чуть ли не коврик передо мной расстилают – только беги! Им очень хочется, чтобы я "убежал" – ведь тогда станет правдой основной тезис их обвинения – моего будто бы презрительного отношения к Афинам, к народу, их населяющему.

Ведь обвинители мои представляли дело так, что на суде идет борьба тех, кто "любит этот город" (это – они!), с тем, кому "этот город и эта земля безразличны", с тем, кто "делает все, для того чтобы погубить наш полис", в частности посредством "развращения молодежи" и "уничтожения наших духовных традиций" (это – я!). В общем, "любящие свой город" против "ненавидящего" его.

Но послушай их повнимательней – как они с каким-то надрывом, прямо-таки со слезой в горле вопиют о своей беско-

нечной любви к "земле предков", к ее истории и традициям. Прислушайся – и ты услышишь, как сквозь все эти сентиментальные всхлипы и вопли то и дело прорывается нечто похожее на рычание, звуки какой-то лютой злобы, какой-то неизбывной ненависти к тем, кто смеет любить свой город иначе, чем они, к тем, кто, на их манер, не орет истошно на каждом перекрестке о своей безмерной любви к родному отечеству.

Нет, Платон, я этим духовным насильникам не отдам мою милую Грецию. Они-то всё про военное могущество да про "славу оружия" вопиют: там мы этих поколотили, там – тех, и все "нас боялись" – и персы, и Спарта.

Мы с ними никогда не сойдемся, Платон. Ибо для меня моя родина – это прежде всего песни и стихи Гомера, которые над моей колыбелью пела и сказывала моя мать, это искания Фалеса и Анаксагора, это шум и суета афинских пристаней, это наше море и наше солнце, это те юноши, с которыми я веду долгие вечерние беседы о благе, о справедливости, о смысле жизни. Да и восхищение военным геройством предков не чуждо мне. Я знаю каждую подробность Саламинского боя, схватки при Марафоне, битвы при Платеях. И имена Фемистокла, Аристида, Эфиальта, Перикла для меня священны. Да и сам я, как ты знаешь, был не последним на полях сражений. Но моя любовь не слепа. Я знаю, я ясно вижу и отвратительные страницы истории нашего с тобой города. Да, мы победили персов, мы спасли нашу культуру от наводнения варварства, но сами стали почти как персы. Да иногда и хуже, страшнее персов – когда своих союзников, помогавших нам защититься от восточного нашествия, стали пригибать к земле, силой навязывая им свой образ жизни, свой тип правления, превращая их в данников, по сути в рабов. И я восхищаюсь теми, кто давал достойный отпор позорным действиям нашего с тобой, Платон, города.

Я восхищаюсь Мильтиадом на Марафонском поле и проклинаю его жестокости в отношении жителей Пароса, которых наши с тобой соотечественники хотели (и, слава богу, безуспешно) поставить на колени. Я презираю Алкивиада и всю эту поддержавшую его горячечную, воинственную публику нашего города, затеявшую авантюру вторжения на Сиракузы. И не забыть мне, как травили и изводили лучших людей нашего города – Аристида, Анаксагора, Фемистокла, Перикла даже!

А они-то, они-то, все эти Мелеты-Аниты, особенно ценят в нашей истории эту игру мускулами и требуют любить в пер-

вую очередь именно это. И попробуй только не полюбить на их манер – живо голову оторвут. Такие вот они, эти сладкоголосые певцы "любви" к "земле предков".

Да ладно бы еще действительно любили свой город и своих сограждан, ну пусть с перебором, с преувеличением. Так нет, болтовня все это, ложь и лицемерие. Не город они любят, а свое *господство* в нем. Лицемеры и казнокрады, они вытягивают все жилы, все жизненные соки из города под грохот своей "безмерной любви" к земле предков...

Нет, Платон, не побегу! Ни за что!»

Комментарий № 3, в котором тема патриотизма соединяется с темой оптимизма и пессимизма.

Помните Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?..»

Отчаяние Астафьева тоже велико. Но тут важно очень внимательно всмотреться в характер этого отчаяния, понять его действительное содержание.

Вот что мне написала в письме Любовь Александровна Фадеева: «Эта повесть Астафьева – одно из самых грустных, тяжелых и жестких, почти безнадежных по настроению его произведений. Начинается с описания убийства героем (автором) немецкого солдата и воспоминанием об этом убийстве завершается. А в промежутке – новые смерти, ранения, бомбежки, кровь, грязь, вши, женитьба, похороны. Очень все грустно, временами мерзко и совсем безнадежно. Это созвучно настроениям автора в 1990-е годы, его разочарованиям – социальным и личным».

Редкий случай, когда я не соглашусь с Любовью Александровной. У меня другое впечатление от интонации повести Астафьева. Это интонация *отчаяния* и... *оптимизма*. Тут тоже по Тургеневу: спасает язык. Язык *любви* и *ненависти*. Любви к тому, что стоит любить, и ненависти к тому, что стоит ненавидеть.

Меня, человека в общем-то вполне интеллигентного и культурного, совершенно не коробит мат его героев в госпитале. Это не поганая матерщина посетителей Куршавелей и гламурных тусовок. Это *прекрасный* мат! Только на таком языке и можно говорить с той начальствующей сволочью, Чернявской, для которой простые, тяжко страдающие люди – так, мусор, твари...

Вы помните эту сцену?

«Черевченко Семён, бывший какого-то сыромаслосепараторного цеха или фабрики руководитель "хвилиала" от "солдатских масс", отнюдь не революционного настроения, пришел на крик, посмотрел на Васю-саратовского и сказал, что в самом деле надо снимать гипс, иначе парень если не умрет, то к утру от боли с ума сойдет, "бо черви начали есть живое мясо". Сам он, Черевченко Семён, к больному не притронется, "ему ще здесь не надоело".

С гневом и неистовством пластали мы складниками, вилками, железками на Васе-саратовском гипс, и, когда распластали, придавив Васю к полу, с хрустом разломили пластины гипса, нам открылась страшная картина: в гипсе, по щелям его, углам и множеству закоулков, клубками копошились черви, куделя шевелилась от вшей. Освещенные клопы – ночная тварь – бегали, суетились по гипсу. В ране горящим цветком, похожим на дикий, мохнатый пион, точно яркое семя в цветке, тычинки ли, шевелимые ветром, лезли друг на друга, оттесняли, сминая тех, кто слабее, черненькими, будто у карандаша, заточенными рыльцами устремлялись туда, в глубь раны, за жратвой клубки червей. Воронка раны сочилась сукровицей, в глуби – кровью; валяясь в ней, купаясь в красном, рану осушали черви.

Парень, из бывших мастеровых или воров-домушников, открыл гвоздем замок на двери перевязочной, мы достали марганцовку, развели ее в тазу, промыли рану, перебинтовали Васю новым бинтом, высыпали в охотно подставленный рот два порошка люминала – и он уснул воистину мертвым сном. Не стонал, дышал ровно и не слышал, какой визг подняла дежурная сестра, утром явившаяся с поблядок.

Припыхтел в "филиал" Владыко. На машине, на трофейной, до блеска вылизанной, прибыла начальница госпиталя, подполковник медицинской службы Чернявская. Тень в тень вылитая начальница из львовского распределителя, разве что телом еще пышнее и взглядом наглее. Брезгливо ступив в нашу палату, отпнув от дверей веник, которым мы ночью сметали с матрацев червей, клопов и вшей, натрясенных из Васиного гипса, она рыкнула на санитарку. Издали, от дверей же, мельком глянула на младенчески-тихо спящего Васю, обвела нас непримиримым, закоренелой ненавистью утомленным взором давно, тревожно и неправедно живущего человека.

– Та-ак! – криво усмехнулось медицинское светило.

– Вы бы хоть поздоровались! – подал голос кто-то из раненых. – Первый раз видимся...

– Та-ак! – повторила начальница многозначительно, не удостоив ответом ранбольного. – Самолечением занимаемся?! Двери взламываем! Похищаем ценные медпрепараты! Угрожаем медперсоналу! – Она, все так же держа руки в боки, мужицкие, хваткие руки бывшего хирурга, с маникюром на ногтях и золотыми кольцами на пальцах, еще раз прошлась взглядом, затем и сапожками по палате перед опешившим народом. – Вы что, может, приказов не читали? Может, вам их почитать? Почитать, спрашиваю?

– Дак что же, почитайте, – подал голос боец из «львовской артели», Анкудин Анкудинов, друг Стеньки Разина – Сысоева, не одиножды раненный и битый. – Мы послушаем. Все одно делать нечего.

– Кто сказал? Кто?

– Да я сказал! – выступил вперед в мужицкие зрелые лета вошедший, крупный, костлявый боец Анкудин Анкудинов. – Ну чё уставилась-то?! Да я немца с автоматом видел! В упор! Поняла? И я его убил, а не он меня. Поняла?!

– Поняла!.. Поняла!.. – запритопывала в бешенстве начищенным до блеска сапогом подполковница Чернявская и закусила губу.

Вышла осечка. Она уже, видать, не раз и не два ходила в атаку на ранбольных, сминала их и рассеивала, а затем расправлялась с ними поодиночке предоставленными ей отовсюду и всякими средствами и способами – и все "на законном основании". – Поняла... – повторила она, обретая спокойную власть. – Тебе, соколик, захотелось в штрафную?

– А ты слыхала поговорку "Не стращай девку мудями, она весь х... видала"? Грубовато, конечно, но ты, сучка, иного и не стоишь, вместе со своим закаблучником замполитом и ворьем, тебя облепившим. Госпиталь этот фашистский мы те припомним! Сколько ты тут народу угробила? Сколько на тот свет свела? Где Петя Сысоев? Где? Я тя спрашиваю.

– Какой Петя? Какой Петя?

– Такой Петя! Друг мой и разведчик, каких на фронте мало.

– Мы тысячи! Тысячи – слышишь ты, выродок? – тысячи в строй вернули! А ты тут с Петей своим! Такой же, как ты, бандит!

– Бандит с тремя орденами Славы?! Со Звездой Красной, добытой еще на финской?! С благодарностями Иосифа Виссарионовича Сталина?! Бандит, четырежды раненный!.. Бандит, пизданувший немецкого полковника из штаба, с документами!.. Это ты хочешь сказать?! Это?!

– Не имеет значения! Мы еще разберемся, что ты за птица!

– Не зря, видно, говорится в народе: "Жизнь дает только Бог, а отнимает всякая гадина", – поддержал Анкудина пожилой сапер.

Встрял в разговор и Борька Репяхин:

– Разбирайтесь! Мы тоже тут кое в чем разберемся! Узнаем, кем вы на эту должность приставлены! Может, Геббельсом?

– Заговор, да? Коллективка, да? Н-ну, я вам покажу!.. Я вам...

Начальница госпиталя круто повернулась и ушла, хлопнув дверью. Владыко, топтавшийся сзади нее, облитый потоками пота, повторявший одно и то же: "Товаришшы! Товаришшы! Что такое? Что?" – остался в палате, потоптался и сокрушенно сказал:

– Ну, товаришшы...

– А ты, лепеха коровьего говна, вон отсюда, – рявкнул Анкудин Анкудинов, – пока мы тебя не взяли в костыли!..

Владыко будто ветром смело. Анкудин Анкудинов заметался по палате, сжимая кулаки, выкрикивая ругательства. Остановился, спросил у Борьки Репяхина, не осталось ли выпить. Прямо из горла вылил в себя полбутылки самогона, отплюнулся, закурил:

– А, с-сука! А-а, тварь! Наворовалась за войну, на...блась досыта! Крови солдатской напилась и права качает! А-а-а... – обвел взглядом всех нас. – Не робей, братва! Хуже того, что есть, не будет. Оне молодцы супротив овцы!.. – с этими словами Анкудин Анкудинов упал на матрац, уснул безмятежно и проспал до самого обеда».

Вот так-то: немца – пулей, а этих – матом (пока!).

А оптимизм-то откуда? Да вот от этих самых ребят, действительно защищавших родину – своими жизнями и судьбами, без высоких слов и идеологических разглагольствований. Анкудинов, Петя Сысоев, военком, медсестры, учительница, соученики главного героя. Ими, ими населены страницы астафьевской повести. И сам главный герой – чего стоит одна только сцена спасения от голода пленного немца:

«– Что... что мы наделаль? Я, я ест фашист, слюга Гитлёр, слюга фатерлянд... Пес... пес... – поправился он.

– Да ладно, хули теперь каяться, скулить, рубай знай картошку. Дай тебе Бог до дому добраться и в живых свою семью застать. Англичане, читал я и слышал по радио, всю Германию с говном смешали. Народу тьму с воздуха истребили. Тоже вот в Бога веруют, кресту поклоняются.

– Бог отвернулся от людей, отвернулся, — утираясь тряпкой, вынутой из недр лоскутья, потупился Иоганн и, поднявшись с табуретки, начал мне кланяться и, как дочь моя, без первой буквы говорить: – Пасибо! Большо, гросс пасибо.

Я взял у него котелок и высыпал в него из кастрюли остатки вареных картошек, подумал-подумал, махнул рукой и, изматерившись от злости на себя, вынул из-под чугунка кусок хлеба и ополовинил его.

Состав еще стоял против окон. В раскрытых дверях, свесив ноги, тесно сидели пленные и что-то ели из котелков. Не один я такой жалостливый жил в здешней местности. В России любили и любят обездоленных, сирых, арестантиков, пленных, бродяжих людей, не дает голодная, измученная родина моя пропасть и военнопленным, последний кусок им отдаст. Вот еще бы научиться ей, родине-то моей, и народу, ее населяющему, себя жалеть и любить».

Последнюю фразу я воспринимаю как завещание Виктора Астафьева нам, еще живущим...

А. С. Горшков
аспирант кафедры политических наук ПГУ,
г. Пермь

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

«Война есть противоестественное человеческому естеству состояние», – писал некогда Лев Толстой. В этом простом и, казалось бы, общедоступном афоризме скрывается одна из ключевых ценностных установок гуманистического толка, обеляющая человека, которому априорно присущи только добродетели. Классик словно пытается оправдать человечество, история коего богата на примеры атавистических отклонений от позитивного начала, в том числе в виде разрушительных войн, об-

личающих тайные стремления к господству, порабощению, неуемную жажду наживы, жестокость, агрессию (невольно вспоминается гоббсовская формула «человек человеку волк»).

Безусловно, если следовать универсальным морально-этическим аттитюдам, война – не что иное, как зло, деструкция, танатос. Но в то же время на внутригосударственном уровне, с позиций тривиальной рациональности власть предержащих, борьба с внешним врагом (как физическая, так и психологическая) и историческая память о ней могут служить мощным механизмом консолидации общества, поднятия его национального самосознания и культивации патриотических чувств, то есть своего рода политико-культурной идеологемой. К тому же апелляция к образу войны нередко обусловлена стремлением элитарных прослоек пустить пыль в глаза населению, отвлекая его от внутренних проблем (этакая «маленькая победоносная война», согласно рецепту царского министра внутренних дел В. Плеве).

В современной России отчетливо прослеживается тенденция правящей верхушки к канонизации образа Великой Отечественной войны как национального фундамента, государственной идеологической единицы, призванной упорядочить броуновo движение в обществе, а также укрепить государственную вертикаль. Фактически мы наблюдаем серьезный ретроспективный камбэк в лоно советской постсталинской сигнификационной системы, где образ войны отождествлялся со страной-победительницей, освободившей мир от нацистского ига. Героический ореол, который тщательно смаковала и идеализировала брежневская администрация, стал главным козырем СССР в «холодном» противостоянии США. Партийные лидеры, оперируя риторикой Победы, зомбировали население, культивируя такие чувства, как гордость, верность родине, преданность руководству страны, веру в «светлое будущее» и нескончаемый потенциал Союза. Сообразно сетке этих ценностей, а также акцентированию внимания на ведущей роли СССР в победе над фашизмом составлялись и учебники по истории.

Впрочем, коллапс Союза и последовавшая за ним дифференциация социокультурного пространства серьезно пошатнули незыблемый постамент «священной войны». Под протекторатом новой элиты, в рамках демократизации и ликвидации всего советского, начинается кампания по разоблачению ужасов войны и развенчанию идеалов, камуфлировавших непри-

глядности тоталитаризма. К этому процессу присоединяется целая плеяда именитых литераторов, ученых-историков и государственных деятелей. В первую очередь был разрушен сакральный миф о Сталине как превосходном полководце и «отце народов». Появляется ряд художественных и научно-популярных произведений, обличающих диктатора, обвиняющих его в бездарности и недальновидности (известный тезис о том, что Сталин, зная о планах Гитлера, не решался прикрыть советские границы и продолжал «свято» верить в «дружбу», а также факт физического истребления высшего командного состава перед войной). Опальный некогда А. Солженицын, размышляя о Победе, использовал такую формулировку: «бездарно выигранная война». Поэт Евгений Евтушенко в одном из своих телеинтервью охарактеризовал Великую Отечественную как «столкновение двух мусорных ветров». А писатель Чингиз Айтматов в книге «Тавро Кассандры» умаляет масштаб войны, рассуждая о ней не как об Отечественной, а как о междуусобице – эпохе «Сталингитлера» или «Гитлерсталина». Более того, широко распространенной становится практика изложения отечественными историками фактологического материала о войне на основе западных архивных документов и мемуаристики. «Множество подобных “историков” и публицистов стараются убедить граждан России, что якобы советская военная наука была несостоятельна и сильно уступала “западной”»[1], – уверен Сергей Кара-Мурза.

Ситуация начала кардинально меняться с приходом к власти Владимира Путина, избравшего курс на укрепление авторитета государства в локальном и мировом сообществе. Вновь, как и в брежневскую эпоху, возникла потребность в единой стране, «не имеющей в себе противоречий»[2]. А лучшим, проверенным инструментом символического оформления данного политического курса служит непоколебимый идеал сильной страны-победительницы, которая в состоянии преодолеть любые трудности, но при условии духовного сплочения народа. Происходит постепенная реинкарнация и канонизация патриотического образа войны. При этом, что немаловажно, Великая

---

[1] *Кара-Мурза С.* Разрушение образа Великой Отечественной войны как операция «холодной войны» против СССР. http://warmech.narod.ru/war_mech/karamurza2.html

[2] *Дубин Б.* Неразменный образ. Что отражают представления о войне в массовом сознании россиян. http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=3361&issue=100

Отечественная приобретает сугубо национальные черты, тогда как роль дружественных народов (белорусов, украинцев и т. п.) нивелируется, о чем свидетельствует современная система школьных дисциплин гуманитарного цикла (история, обществознание, литература и др.). В новых учебниках, изданных в 2000-х годах, фактически опущены трагические события первых лет войны, когда русская армия отступала и несла тяжелые потери. А если о них и упоминается, то в усеченном виде, да и то эти иллюстрации вмиг перекрываются бравурными констатациями победоносных операций под Сталинградом, при форсировании Днепра, на Курской дуге, при взятии Берлина и т. п. Как ни пыталась демократическая элита 1990-х годов развенчать и отправить в долгий ящик истории неоднозначную фигуру Иосифа Сталина, ей это не удалось, поскольку сегодня наблюдается обратный процесс. И яркое тому подтверждение – проект «Имя России», в рамках которого генерал Вареников рьяно отстаивал роль Сталина, ссылаясь на его «боевые подвиги» в ранге генералиссимуса, и аккуратно гримировал факт массовых репрессий маской политической и экономической целесообразности. В результате в итоговом голосовании «отец народов» занял третье место, что заставляет задуматься.

Действенным манипулятивным инструментом пропаганды становится отечественная киноиндустрия. За последние несколько лет в прокат вышло несметное количество фильмов, посвященных военной тематике («Звезда», «Взрыв на рассвете», «В августе 44-го» и др.). Как правило, главный герой или группа героев предстают перед зрителями отважными, бесстрашными, брутальными русскими солдатами-энтузиастами, совершающими ратный подвиг. Все чаще на экранах телевизоров можно увидеть и старые советские фильмы, репрезентирующие самоотверженный героизм русских воинов. Таким образом, символ войны, а точнее, Победы в этой войне мягко и органично вплетается в тело (пока еще не транспарентной) государственной идеологии, хотя Конституция формально и запрещает установление единой идеологии, обязательной для всех. И этот символ трансформируется в серьезный мобилизационный инструмент, стимулирующий граждан к пассивному участию в массовых экспектациях, навязываемых сверху (например, возвращение к практике организации колонн школьников, студентов, трудовых коллективов в День Победы – 9 Мая).

Ю. А. Красин
доктор философских наук,
Институт социологии РАН,
г. Москва

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ

«Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека» – этими словами начинается повествование В. П. Астафьева о веселом солдате. Этими же словами оно заканчивается. Содержание романа поставлено в рамки рефрена, контрастирующего с великой заповедью *«не убий»*, воплотившей в себе гуманистический итог многовековой истории человечества. С беспощадной откровенностью писатель показывает, как война, посягающая на ценность человеческой жизни, ввергает общество в бездну ожесточения и зла, подрывает основы общественной нравственности, обедняет и уродует внутренний мир человека.

Нельзя без волнения и внутреннего содрогания читать выстраданные писателем строки о пагубном, обесчеловечивающем воздействии войны на ее участников: «Привык вот, и быстро привык, есть лежа на боку или стоя на коленях из общей, зачастую плохо иль вовсе не мытой посудины, привык от весны до осени не менять белье и прочую одежду, месяцами не мыться, иногда неделями и не умываться, привык обходиться без мыла, без зубной щетки, без постели, без книг и газет, без клубов и театров, без песен и танцев, даже без нормальных слов и складных выражений: все слова заменены отрывочными командами, необходимым минимумом междометий для объяснения между собой и командирами, необъятным морем матерщины, грубостей, скабрезностей, военного жаргона, во многом заимствованного у подзаборников, урок и всякой тюремной нечисти, – все это как раз и соответствовало тому образу существования – жизнью это назвать нельзя, преступно, постыдно, античеловечно называть это жизнью».

Казалось бы, о каких ценностях жизни и культуры можно тут рассуждать? Но глубинный смысл романа, как мне кажется, состоит в стремлении автора показать неистребимость начал добра и справедливости в народной морали. Герои романа

сохраняют эти ценности в самых нечеловеческих условиях. Сквозь грязь и кровь войны, сквозь ею порожденную плесень эгоизма, равнодушия и пошлости проступают черты высокой нравственности. В поступках и суждениях простых людей, пострадавших от военных невзгод, проявляются лучшие человеческие качества. Они хотят восстановить действительный смысл вечных истин человеческого общежития. «Не надо бросать жен, – говорит на смертном одре одна из героинь романа, – не надо сиротить детей, не надо войны, ссор, зла, смерти».

Глубоки корни гуманистических ценностей в душе народной. И это внушает оптимизм. Однако В. П. Астафьев не ставит здесь точку, а задается вопросом, почему общественная среда не помогает раскрыться лучшим качествам людей, одержавшим победу, почему она несправедлива и даже враждебна к своему народу. С горечью он пишет: «...падают остатки народа. Съели народ, истребили, извели». И, говоря о патриотизме, о любви к отечеству, добавляет: «Вот еще бы научиться ей, родине-то моей, и народу, ее населяющему, себя жалеть и любить».

«Веселый солдат» – роман, а не философский трактат. Не дело писателя разбираться в трендах политического развития. Но размышления героев романа и самого писателя о судьбе гуманистических ценностей в России поднимают эту тему до уровня философского обобщения: «не может быть хорошо, тем более всем, когда кругом все так плохо». По существу, В. П. Астафьев формулирует то пока что не решенное уравнение политической науки, над решением которого столетиями бьется общественная мысль. Каким должно быть устройство общества, чтобы максимально использовать креативную мощь общественной солидарности, не ограничивая, а, напротив, способствуя раскрытию задатков и способностей каждой личности?

Для России решение этого сложного уравнения особенно трудно. У нас, как отмечал видный русский мыслитель либерально-консервативного направления К. Кавелин, личностное начало не получило своего развития, оно оказалось подавленным государственным началом. Иными словами, в политической культуре российского общества очень сильны авторитарные традиции. Социалистический эксперимент Великого Октября, дав мощный импульс мировому развитию, в конечном счете не удался именно потому, что решение проблемы свободы было направлено в авторитарное русло. Недавно, участвуя в конфе-

ренции, организованной Университетом культуры в Петербурге, я вновь побывал на Марсовом поле. На граните у монумента павшим за свободу высечен лозунг: «Низвергнутый в бездну пролетариат, поднявшись, осчастливит все человечество». Мы знаем, чем закончилась эта попытка.

Не могла привести к успеху и попытка радикал-либералов 1990-х годов решить проблему свободы прорывом к рынку, ломая страну через колено. «Невидимая рука рынка» принесла барыши новоиспеченным олигархам, но ввергла страну в пучину экономических неурядиц и невиданного роста социального неравенства.

Скорее всего, путь России к «свободе всех как условии свободы каждого» – это трудный поиск таких форм общественного устройства и политического правления, в которых либеральные ценности свободы личности сочетаются (или сопрягаются) с коммунитарными (социалистическими) ценностями общего блага и солидарности. Сейчас не время подробно останавливаться на этой сложной теме. Скажу лишь о том, что меня очень беспокоит в нашей общественной практике.

Думаю, что сдвиги в ценностных ориентациях российского общества за годы реформации носят ясно выраженный односторонний характер. Наблюдая за молодым поколением, я, конечно, вижу позитивные приобретения по сравнению с тем, что было у шестидесятников. Прежде всего, молодые люди более раскованны в своих взглядах и поведении, им доступны многие радости жизни, которые были недоступны в советские времена. Но наряду с приобретениями имеются и потери, внушающие определенные опасения. Для того чтобы проследить направление сдвигов в ценностных ориентациях, воспользуюсь своими воспоминаниями о студенческих комсомольских стройках 40-х годов прошлого века.

Так случилось, что я тогда вел записи, представлявшие собой нечто вроде дневника. Много лет спустя, уже в наше время, я воспроизвел эти записи со своими нынешними комментариями, оценками и пояснениями. Для себя, а не для печати. Однако мои однокашники по Ленинградскому университету, которых я познакомил с рукописью, уговорили меня согласиться на ее публикацию в юбилейном сборнике философского факультета. Некоторые цитаты из опубликованного текста я приведу ниже.

Летом 1949 года по инициативе студенчества в отдаленные районы Ленинградской области выехали трудовые бригады для

строительства межколхозных гидростанций. Это было совершенно добровольное дело, базировавшееся на чистом энтузиазме, на желании помочь стране справиться с послевоенными трудностями. Три студенческие бригады философского факультета вместе с филологами и юристами были заняты строительством Медведковской ГЭС в глухих местах Ефимовского района на границе с Вологодской областью.

Даже купированные отрывки из моих тогдашних записей позволяют судить, какие эмоции обуревали нас, как нам виделось наше настоящее и наше будущее.

«Таскать носилки с грунтом нелегко. Громоздкие, грубо сделанные, они доверху нагружены тяжелым, мокрым песком или вязкой глиной. Их носят девушки, которые вряд ли раньше сталкивались с тяжелым физическим трудом. Но, не уступая ребятам, они несут и несут носилки за носилками. Тяжко, но они несут. Потому что они комсомольцы, потому что они студенты Ленинградского государственного ордена Ленина университета имени А. А. Жданова, потому что они члены дружного коллектива философского факультета, потому что они «гвардейцы». Просто потому, что они – советские люди».

Этот отрывок я сопровождаю своим сегодняшним комментарием. Пафос слов, написанных более полувека тому назад, звучит сегодня, по меньшей мере, странно. Но он отражает свойственный студентам того времени дух коллективизма, причастности каждого к общему делу. Наивный идеализм? Да, мы были наивными идеалистами. Искренне верили в идеалы коммунизма. Конечно, мы видели, кто в большей, а кто в меньшей степени, несоответствие идеалов реальности, но списывали это на трудности становления нового общества в условиях враждебного окружения. А главное, мы стремились внести собственный вклад в достижение великой цели. И это придавало большой общественный смысл жизни. Не мешало бы частичку такого идеализма обрести современным студентам, прагматикам уже с первого курса, поглощенным собой, своей карьерой, лишенным радости приобщения к общему делу. По-видимому, всему свое время.

Далее следует еще один эпизод из моих тогдашних записок:

«Дождь шел не прекращаясь. Работа в котловане кипела. Все были охвачены этим общим порывом. Никаких жалоб или причитаний. Вдруг дождь на мгновение стих, а потом с неба холодной лавиной ударил мощный ливень.

– Держись, братва! Ура!!!

И, перекрывая стук лопат и шум ливня, над котлованом сначала тихо, а потом громче и громче, торжественно и с какой-то невероятной внутренней мощью полился коммунистический гимн.

Я смотрел на этих грязных и мокрых людей, на моих товарищей, и во мне нарастало неизъяснимое желание сделать что-то необыкновенное, героическое. Я вдруг почувствовал себя частицей сплоченного коллектива, готового на подвиг. Вокруг как будто бы знакомые лица, но какие-то другие, одухотворенные, глаза горели благородным огнем беззаветного служения общему делу, товарищества и самопожертвования. Я был уверен, что каждый в эти минуты чувствовал то же самое. И это объединяло нас. Однако за этим трудовым порывом виделось что-то большее, чем этот частный случай. Мысленно мне представились эти же парни в иной ситуации – идущими в атаку на вражеские укрепления. Видимо, такой же эмоциональный порыв толкнул на пулемет Матросова, побуждал наших летчиков идти на таран, вдохновлял советских солдат в схватке с фашизмом на ратные подвиги даже ценой собственной жизни.

"Вот это люди! Какие люди!" – думал я и, захваченный тем же порывом, нагружал комья земли на носилки, хватался за ручки и вместе с другими бежал к отвалу, потом обратно, и так без перерыва, потеряв счет времени».

В атмосфере деидеологизированного прагматизма это описание, вероятно, у многих вызовет улыбку снисхождения. Я думаю, здесь действительно перебор. Цена того, что делали студенты-строители, не была столь высока, и их свершения не тянули на подвиг. Но был, несомненно, завораживающий энтузиазм артельного труда, так хорошо изображенный Максимом Горьким в живом описании разгрузки баржи артелью грузчиков. Был искренний, неподдельный коллективизм, чувство локтя. Было проявление прекрасного и возвышенного в человеческих отношениях, было ощущение полноты бытия. Уверен, что в памяти участников этот эпизод навсегда запечатлелся как миг счастья.

И еще один эпизод трудового энтузиазма:

«На стройке снова чрезвычайное положение. Котлован заливает плывун. Ведра, носилки – все пущено в ход. Но проклятая желтая жижа ползет и ползет. Вижу, что строители предель-

но устали. Но плывун во что бы то ни стало надо остановить. Темп работы взвинчивается. Все силы мобилизуются на котлован, на откачку плывуна. Опять организована ночная смена...

Вдруг из котлована донесся тревожный шум голосов и взволнованные крики. Подбежав к краю котлована, я увидел, что под тяжестью больших валунов часть стены обвалилась и плывун неудержимым потоком вновь заполнил с таким трудом расчищенное пространство. По краю котлована растерянно и суетливо бегает начальник смены. Но уже и без вмешательства начальства работа в котловане кипит вовсю. Быстро выстраивается конвейер. На носилках тащат, что потверже, а жижу – в ведрах. Вновь – в который уже раз – загорелся авральный огонек. Тот самый огонек коллективного энтузиазма, который никого не оставляет безучастным. Мускулы наливаются необыкновенной силой, все в едином порыве противостоят стихии. Все в движении, и, кажется, нет преград, которые нельзя было бы преодолеть».

В свете последующего опыта эти рассуждения, несомненно, слишком прямолинейны. Хотя мы понимали значимость индивидуальности (как-никак все формировались в традициях русской классической литературы), однако личность ставилась в жесткую зависимость от коллектива.

Незадолго до стройки мы проводили в комсомольских группах собрания самокритики. Каждый вызывался на ковер и перед всеми оценивал собственные недостатки, потом товарищи по очереди выкладывали ему все, что думали о нем, акцентируя внимание на ошибках в поведении и рекомендациях на будущее. Нам искренне казалось, что это хорошая форма воспитательной работы. И не только нам: комитет комсомола университета одобрил эту инициативу и распространил ее на все факультеты. Никому и в голову не приходило, что такая проработка унижала человеческое достоинство, как бы нагишом выставляя личность на публичное рассмотрение. Надо признать, в таком коллективизме отсутствовало понимание всей важности автономного, приватного пространства у каждой личности. Если нет такой приватной зоны осмысления и переваривания жизненного опыта, личность растворяется в социуме, теряет свою автономию и независимость, свою позицию в жизни. Думаю, этот аспект отношений между коллективом и личностью мы недопонимали и недооценивали.

И все же коллективистская закваска тех лет приучила нас в своей публичной жизни ставить на первый план не эгоистические, а солидаристские начала. Они у нас в крови. Это особенно рельефно проявляется на фоне нынешнего доминирования в публичной сфере самодовлеющего эгоцентризма. Наверное, в идеале опять-таки надо искать «золотую середину».

Приведу еще один отрывок из рукописи 1949 года, касающийся очень важной темы мотивации труда студентов-строителей.

«И действительно, нормы нам были не нужны. Я не раз слышал от строителей, что наша стройка – это "коммунизм в миниатюре". В чем-то это было справедливо. Каждый студент-строитель отдавал работе все что мог, то есть работал по способностям. Каких-то понуканий не требовалось, все основывалось на сознании и чувстве товарищества.

В котловане можно было, не опасаясь, оставить что угодно: ботинки, пальто, часы, – ничто не пропадало. Нельзя было оставлять лишь инструменты и резиновые сапоги. Ведь эти вещи были нужны для работы, а их всегда недоставало. Позднее, спустя полтора месяца, меня до глубины души возмутили слова новичка-абитуриента: "А я и не знал, что здесь воруют". Эта реплика как будто резанула меня по сердцу. Благо пропавшая вещь незадачливого юнца вскоре нашлась и честь комсомольской стройки осталась кристально чистой.

Студенты трудились на стройке с полной самоотдачей, отдавая работе все по способностям. Потребности же наши вполне удовлетворялись крепкой строительной дружбой, песнями у костра, мечтой о будущем, ради которого трудились и жили, общей приверженностью тем идеям, которые привели нас сюда. Нас вполне удовлетворяла та простая, здоровая и вкусная пища, которую мы получали в столовой. Чего не хватало, так это девушкам конфет, а ребятам порой папирос. Деньги на стройке были не нужны. Все, что надо, получали достаточно и по принципу равенства. Отсутствие денежных различий еще крепче спаивало нашу дружбу, дружбу строителей коммунизма».

Весьма интересна логика развития мотивации труда студентов-строителей. На первых послевоенных стройках никаких денег они не получали. Все заработанное шло на питание. На оставшиеся средства в конце перед отъездом устраивался торжественный праздник вокруг костра. Никто из студентов не стремился заработать. Это был добровольный бесплатный кол-

лективный труд на пользу общества. Такова был основа мотивации труда строителей. В стройотряды никого не загоняли. Стремление на стройку было массовым. Отказ взять на стройку воспринимался как наказание. Помню, кого-то исключили из списка строителей за допущенную провинность и он умолял собрание вынести ему выговор, но на стройку взять.

Позднее мотивация кардинально изменилась. В 1956 году мне было поручено возглавить отряд студентов Ленинградского педагогического института, направленный на уборку целинного урожая в Павлодарскую область. Там впервые пришлось столкнуться с коммерциализацией студенческого труда и ее последствиями. По существовавшим трудовым нормативам здоровые парни, работавшие помощниками на тракторах и комбайнах, за лето зарабатывали приличную для студентов сумму, а слабенькие девочки, занимавшиеся перелопачиванием зерна на сушке, при всем их энтузиазме и самоотверженности не справлялись с нормами и в итоге не могли заработать даже на оплату питания. Мы вместе с комиссаром отряда решили внести «нерыночную» поправку в систему распределения заработанных средств, включив в нее коэффициент отношения к труду. Это позволило всем расплатиться за питание. Позднее на институтской комсомольской конференции некоторые из «обделенных» обвинили нас в нарушении норм распределения. Нам удалось убедить конференцию в справедливости принятых мер, и подавляющее большинство, в том числе и студенты-«целинники», поддержало нас. Но это был сигнал о больших переменах в психологии. Как известно, позже при формировании студенческих трудовых отрядов коммерческие соображения вышли на первый план.

Теперь другая выдержка. В ней описываются минуты отдыха.

«Вот она, университетская гвардия. Грязный, с фуражкой набекрень, как у парня-уркагана, сидит Юрка Борисов, а рядом с ним усталое детское и в то же время суровое лицо Лены Фрадлиной. Кто полулежа, кто скрестив ноги, кто сидя на пне, расположились мы у костра.

– Там вдали за рекой догорали огни... – затягивает Леля Баканова.

– ...В небе ясном заря догорала, – подхватывают все.

Полилась над котлованом до боли грустная песня. Ее пели потомки молодого бойца, павшего за советскую власть в бою с белогвардейцами. Как знак преемственности славных тради-

ций звучала песня в ночной тиши. Звуки знакомой мелодии неслись над лагерем, уходили куда-то в лес, в то же время глубоко западая в души строителей.

Три десятилетия тому назад такие же юные комсомольцы, не щадя жизни, беззаветно сражались за молодую советскую республику, а теперь их потомки с таким же энтузиазмом своими руками строили светлое здание коммунизма. Нет для этой силы молодости непреодолимых преград. Большевистская закалка. А для большевиков не существует непреодолимых препятствий».

И опять мои сегодняшние комментарии. После десятилетий разоблачений, разочарований и протрезвлений этот романтический пафос кажется неуместным и даже фальшивым. Но ведь романтика устремленности в светлое будущее была на самом деле, несмотря на то что и тогда червь сомнений в непогрешимости доктрины и практики коммунизма заползал в сознание думающих людей. Нельзя было не замечать многих несуразностей послевоенных идеологических кампаний, да и масштабные действия репрессивного аппарата вызывали вопросы. Тем не менее сомнения отодвигались на обочину. Ведь магистраль вела к великой цели, издержки и отклонения в таком деле неизбежны, но рано или поздно они будут преодолены в процессе строительства нового общества.

Еще важнее понять, что за романтикой первых послевоенных лет стояли не только иллюзии, но и действительно великие ценности бытия и культуры человечества. Глубочайший кризис, переживаемый социализмом, порождает своеобразный эффект увеличительного стекла. Отрицание конкретных обанкротившихся догм и практик воспринимается сегодня как «великое отрицание» идеи и практики социализма вообще. Между тем, хотя и неимоверно дорогой ценой, был осуществлен большой социальный эксперимент, который оставил глубокий след в истории, оказал формирующее влияние на современность. С одной стороны, выявлены тупиковые направления реализации социалистической утопии, с другой – реагируя на «вызов социализма», современное общество восприняло многие его «предложения», существенно изменив свой облик.

Я уверен: после завершения «неолиберального эксперимента», в том числе и в России (а такой исход отчетливо высвечивается через призму нынешнего мирового кризиса), на-

рушенный баланс восстановится. Социалистические идеи равенства и солидарности не менее значимы для современного общества и не менее ему нужны, чем либеральные идеи свободы личности и индивидуальной предприимчивости. Поэтому в заочном споре «романтиков социализма» 1950-х годов и его «нигилистов» в начале XXI века точка не поставлена. Вероятно, истина где-то посредине. В чем-то очень важном мы правы по отношению к тем молодым прагматикам, которые оказались в плену либерального индивидуализма.

А вот что сказано в моих записках о нашем товариществе:

«Мы уселись у костра. Стало тепло не только от жара костра, но и от переполнивших теплых чувств. Верные товарищи. Вместе нам придется перенести немало трудностей и невзгод, преодолеть немало преград на общем пути к заветным целям, но всегда мы будем чувствовать локоть друга, будем ощущать рядом плечо товарища так, как ощущаем сейчас... И какая это сила! Сколько хорошего и большого может совершить каждый из этих людей! Всё они вынесут, всё преодолеют по призыву партии, комсомола, Родины!»

Тогда общий путь к большим общественным целям казался прямым и ясным. Все оказалось сложнее. Жизнь разбросала нас по разным путям и перепутьям, связи ослабли или вообще потерялись. Да и между теми, кто остался в Ленинграде, отношения складывались непросто. Романтика студенческой дружбы развеялась, на смену пришла трезвая проза противоречивой реальности эпохи больших перемен. Каждому приходилось делать самостоятельный выбор, и он далеко не всегда совпадал у моих бывших однокурсников. Однако при разности конкретных судеб у всех нас был один общий знаменатель – чувство общественного долга, сознание общественной ответственности за дело, за выполняемую работу.

У нынешней молодежи на первом плане стремление к персональному самовыражению. Не скажу, что у меня и моих товарищей не было личных амбиций, честолюбия, желания проявить себя, выдвинуться. Но эти естественные человеческие качества как-то сами собой вписывались в контекст наших общих целей и общего дела. Сейчас же самовыражение становится некой самоцелью. Для многих студентов, с которыми мне доводилось общаться, совсем не важно, где,

на какой стезе и ради каких значимых целей трудиться, важно добиться личного успеха и достатка, самовыразиться. В этой плоскости находится главный критерий выбора. Это не упрек молодому поколению. Вероятно, причины такой позиции коренятся в трудностях общественной идентификации личности в эпоху гигантских трансформаций. Эта смена приоритетов дает и некоторые преимущества по сравнению с ригидной нормой шестидесятников – подчинения личного общественному. Раскованность личности, формирование ее неповторимой индивидуальности – это потребность инновационной цивилизации. Но на этом пути не потерять бы ценностей социальной солидарности и не оказаться в омуте эгоистических переживаний и бездумного гедонизма.

Подытоживая сказанное, отмечу, что послевоенные комсомольские стройки вошли в нашу жизнь как школа коллективизма и практичности, как этап подготовки к участию в сложном и противоречивом процессе российской реформации. Не надо, конечно, преувеличивать. У нас были и другие школы и университеты. Но в их ряду эта сыграла очень заметную роль в нашем нравственном становлении. У нынешнего поколения студентов свои радости общения, многие из которых, к сожалению, были нам недоступны, а до иных тогда еще не дошло историческое время. Есть чему завидовать. И все же иногда мне жаль, что мой внук никогда не почувствует именно той радости общения и солидарности, которую мы испытали на комсомольских стройках.

Suum cuique – «каждому свое», как говорил еще Цицерон.

Астафьевскому поколению пришлось вынести на своих плечах все тяготы страшной войны. Из каждых десяти мужчин 1924 года рождения в живых остался только один. Надо ли удивляться страстному антивоенному пафосу творчества писателя, его приверженности гуманистическим ценностям? Условия бытия, образ жизни, ценностные и мировоззренческие ориентации последующих поколений, естественно, иные. Но при всех поколенческих различиях, обусловленных масштабами и глубиной общественно-экономической трансформации России и мира, должна быть сохранена историческая преемственность духовно-нравственных принципов социокультурного развития российского общества.

Д. С. Плотников
аспирант кафедры политических наук ПГУ,
г. Пермь

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛИЗМА И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кризис, пережитый Россией в 1990-е годы, привел к разрушению системы патриотического воспитания молодежи, отрицательно сказался на духовности россиян. Снятие «железного занавеса» способствовало широкому распространению в российском обществе западных норм и ценностей, забвению национальных традиций. В этих условиях стало актуальным определение места и роли России в современном мире, особую остроту приобрел «русский вопрос». Значительный интерес к этим проблемам проявляют националистические партии и движения.

С приходом к власти В. В. Путина заметно активизировалось патриотическое воспитание молодежи, возрос интерес к героическому прошлому страны, особенно к периоду Великой Отечественной войны. Эти же ценности культивируют и русские националистические организации различной политической окраски. В силу этого изучение их идеологии представляет научный и практический интерес.

Целью данной статьи является характеристика совокупности национальных ценностей, пропагандируемых политическими партиями и общественными организациями современной России. Особый интерес представляет их понимание нации, трактовка и интерпретация русской нации, оценка России и ее места в мире (исторически и сегодня), характеристика основных угроз русским и России в современном мире, рейтинг врагов.

Ценности русских националистов необходимо рассмотреть сквозь призму программных документов националистических партий и организаций современной России.

Под националистическими партиями или организациями мы будем понимать объединения людей, стремящихся повлиять на власть и борющихся за поддержку народа, при этом «"на-

ция" понимается ими в качестве культурно-гомогенного сообщества, выступает источником суверенитета, преимущественным объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти»[1].

Наиболее известными националистическими партиями и организациями в России являются «Русское Национальное Единство, ДПНИ, Национал-большевистская партия Э. Лимонова, «Международное Евразийское движение» А. Дугина, ЛДПР и КПРФ.

Важнейшей ценностью в идеологиях националистических партий и организаций является нация, правда трактуемая и интерпретируемая по-разному.

Основной целью РНЕ провозглашается «восстановление России как национального государства и возрождение Русской Нации»[2]. Первоочередной задачей «нового русского государства» должна стать «ликвидация последствий всеохватывающего массового геноцида и апартеида по отношению к русскому народу и другим коренным народам России, осуществляющихся под маской интернационализма, коммунизма, а ныне демократии и так называемых общечеловеческих ценностей»[3]. «Русские» в интерпретации РНЕ рассматриваются как «триединый» народ: «Под русскими понимаются русские, украинцы и белорусы»[4]. Россия в современных государственных границах «считается моноэтническим (однонациональным) государством, а остальные 15% населения являются ее национальными меньшинствами»[5]. В категорию национальных меньшинств попадают в первую очередь «представители неславянских коренных народов России, для которых защита и созидание России стали исторической традицией и Россия является единственным Отечеством»[6]. Спасение русского народа от «геноцида и апар-

---

[1] *Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология. М, 2005. С. 39.

[2] Что такое РНЕ, каковы его основные задачи? http://www.rne-center.org/about/a_2.html

[3] Основные положения программы движения «Русское Национальное Единство» (РНЕ) по построению Национального Государства // «Русский порядок». 1993–1994. № 9–10 (12–13). http://www.rp.ruord.org/12_13/12_13_12.html (далее – основные положения программы движения РНЕ...)

[4] Кто такие русские националисты? http://www.rne-center.org/about/a_3.html

[5] Основные положения программы Движения РНЕ... Указ. электрон. ресурс.

[6] Там же.

теида» включает регламентируемое законом «национально-пропорциональное представительство Русского Народа в органах власти, во всех сферах и структурах общества и Государства (в частности, в средствах массовой информации, культуры и т. д.)»[7]. В целом, согласно доктрине РНЕ, «интересы русской нации будут являться одновременно государственными интересами»[8].

В числе первоочередных задач РНЕ ставится «соблюдение чистоты генофонда русской нации, *которая* (курсив мой. – *Д. П.)* будет поощряться государством как морально, так и материально»[9]. Одной из мер, способствующих сохранению русского генофонда, является уголовное преследование «за принуждение в любой форме к вступлению в смешанный брак или связь, наносящие ущерб генофонду русской нации и ведущие к ее размыванию»[10]. Также предполагается запрет на «любую пропаганду смешанных браков как формы антирусского интернационализма»[11]. Важной задачей признается необходимость увеличения роста численности русского населения. При этом провозглашается, что «ежегодный прирост русского населения на каждую тысячу русских должен быть не меньшим, чем ежегодный прирост других коренных народов России на каждую тысячу их населения»[12]. Однако нигде не указывается, какие меры будут предприняты по отношению к тем, кто не выполнил план или вышел за рамки указанного «лимита». Данное заключение основывается на признании того, что «различия в биохимических процессах у представителей различных человеческих рас очень велики»[13]. А поскольку, по их мнению, «особенности психики являются следствием различия в биохимическом строении»[14], то делается вывод о том, что человеческие расы отличаются не только по биологическим, но и по психическим характеристикам.

Существенное значение в программных установках РНЕ имеет такая традиционная ценность, как семья. Прописана и соци-

---

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Ответы на письма читателей // Русский порядок. 1993–1994. № 9–10 (12–13). http://www.rp.ruord.org/12_13/12_13_8.html

[14] Там же.

альная поддержка «русского рабочего» и «русского крестьянства» «как генетически чистой и здоровой социальной группы»[15]. Большое значение придается силовым государственным институтам, которые должны неустанно следить за исполнением всех предписаний. Интеллигенция, в оценке РНЕ, в настоящее время «является интернационалистической, антинациональной прослойкой»[16]. Поэтому «важнейшей задачей нового государства станет замена нынешней интеллигенции новой национальной интеллектуальной элитой»[17]. Также им представляется необходимой всеобщая регламентация общественной жизни. Например, «национальным государством будет запрещено распространение и пропаганда определенных норм поведения и вредных привычек (в частности, пропаганда секса, извращений, наркомании, пьянства и др.), которые могут нанести вред духовному и физическому здоровью русской молодежи. Виновные будут преследоваться законом в уголовном порядке, как совершающие тяжкое государственное преступление»[18].

В отличие от РНЕ, национал-большевики ушли от этнической трактовки нации. В программе НБП, принятой в 1994 году, определению понятия «русский» посвящена целая глава. В ней говорится о том, что «НБП не левая и не правая, но национальная партия русских. Русский определяется не по крови и не по вероисповеданию. Тот, кто считает русский язык и русскую культуру своими, историю России – своей историей, кто пролил и готов пролить свою и чужую кровь во имя России, и только ради нее, и никакой другой Родины и нации не мыслит, есть русский»[19]. Другие положения программы НБП образца 1994 года схожи с риторикой РНЕ. Например, в статье 4 говорится о том, что после прихода к власти «НБП произведет революционные по своим масштабам преобразования в России, построит тотальное государство, права человека уступят место правам нации. Внутри страны будет установлен железный

---

[15] Основные положения программы движения (РНЕ... Указ. электрон. ресурс.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] Программа НБП, принятая в 1994 году. Статья 23. http://www.nbp-info.com/cat106/index.html

русский порядок, климат дисциплины, воинственности и трудолюбия»[20].

В целом в ранних воззрениях национал-большевиков главная роль в защите интересов нации отводится государству. В частности, провозглашается, что «вывоз и продажу вне России сырья, электроэнергии, драгоценных металлов, газа, нефти и оружия, а также золота будет производить исключительно государство»[21]. Сильное государство необходимо для реализации широких социальных программ.

НБП заявляет о необходимости пересмотра границ с целью объединения «всех русских в одном государстве»[22]. В программе НБП говорится о том, что «территории отколовшихся от нас "республик", где русское население составляет более 50%, будут присоединены к России путем проведения местных референдумов и их поддержки Россией (Крым, Северный Казахстан, Нарвский район Эстонии и пр.). Стремления национальных меньшинств к сепаратизму будут безжалостно подавлены»[23]. Таким образом, идеологи НБП рассматривают русский народ как разделенную нацию и видят первоочередной своей задачей вновь собрать всех русских в одно государство.

Во взглядах лидера НБП Э. Лимонова на нацию прослеживается некоторое влияние идей Л. Гумилёва. Э. Лимонов, как и Л. Гумилёв, считает, что существенное влияние на формирование психики нации оказывает климат и география региона, в котором долгое время проживает народ. Так, по мнению Э. Лимонова, «в русском "психо" присутствует подавляющим элементом мутная мглистость и болотность, сумеречность и "плаксивость" (то есть эмоциональность). По-видимому, много в русских генах финских и чухонских, от низкорослых квелых племен, слабых и бледных, от недостатка солнца в лесах»[24]. Далее Э. Лимонов – вероятно, не без влияния идей А. Дугина – пишет о тесной связи русского и тюркского народов: «Мы были родственны и неотлучимы от татар и турок. Тогда и еще долгое время впоследствии. (И даже сейчас.) И по одеждам, и по оружию, и по архитектуре, и по обычаю носить бороды, и по ук-

---

[20] Там же. Статья 4.

[21] Там же. Статья 13.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] *Лимонов Э.* Русское психо. Глава XI. http://www.nbp-info.com/new/lib/lim_ruspsiho/12.html

ладке жизни»[25]. Из этого органично вытекает антизападность русского человека и критика Петра I, который, по мнению автора, «оторвал нас от Востока, одел в немецкое платье и заставил пить алкоголь, как сейчас заставляет его пить мусульман светское государство»[26]. В результате «три века Россия играет в бал-маскарад, надев кургузые немецкие костюмчики вместо халатов и чухонских финских портков»[27]. По мнению Э. Лимонова, «к формированию национального "психо" имеет непосредственное отношение и власть, форма правления, принятая у данной нации. Русский человек провел более 400 лет в состоянии крепостного права, то есть в течение множества поколений большинство русских были несвободны»[28]. Крепостное право, как пишет автор, имело далеко идущие последствия для России: «...ярмо рабства наложило рубцы и безжалостно искалечило и ампутировало русское "психо". Характер существующих сегодня отношений между работодателем и рабочим, между начальником и подчиненным, солдатом и офицером, между женщиной и мужчиной, отцом и детьми, а главное, характер отношений между властью и гражданами во многом достался нам от времен крепостного права. Достаточно понаблюдать, как высокомерно ведут себя у власти наши президенты, чтобы понять, что они видят в нас не сограждан, но своих подданных, которых они по прихоти могут казнить, а могут и миловать»[29].

А. Дугин, лидер «Международного Евразийского движения», как и абсолютное большинство националистов, исходит из примордиалистского понимания нации как естественного продукта развития этносов. При этом, наряду с другим русским примордиалистом Л. Гумилёвым, А. Дугин особое значение придает «естественным», природным факторам в развитии национального духа. Согласно его точке зрения, «именно природа, а не культура, является для русских отличительным национальным признаком»[30]. Более того, А. Дугин уходит от узкоэтнической трактовки русской нации: «Не кровь, не этнос, не фенотип и даже не культура являются для русских фактором, по которому

---

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] *Дугин А.* Апология национализма. Политическая аритмия, евразийство и национализм. М., 1993. http://www.arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=29 (далее – *Дугин А. Апология национализма...)*

они узнают "своих"»[31]. В размышлениях о связи русских с землей А. Дугин вводит сложно определяемый термин «русское пространство», в котором «поля, леса, холмы, степи, горы, моря и реки России обладают качеством национальности, почти правом "гражданства", являются живой составной частью национального организма»[32]. При этом принадлежность других народов «к единому русскому пространству делает для русских внутренние неславянские народы более близкими, чем славян других государств»[33]. Исходя из этого, А. Дугин делает однозначный вывод о том, что «русский национализм является в значительной степени национализмом геополитическим»[34].

Геополитическая природа русского национализма тесно увязывается с его «глубоко имперским, интегрирующим, всеохватывающим и универсальным»[35] характером. Согласно А. Дугину, русские в своем роде являются «"евразийскими римлянами", объединяющими различные народы и языки своим особым религиозно-пространственным миропониманием и мировосприятием»[36]. Однако интеграционность русских не предполагала растворения малых народов в собственно русской нации. Как пишет автор, «интегрирующий характер такой имперской наклонности русских сочетался с уважением этнорелигиозных традиций тех народов, которые входили (или вводились) в состав России, не желая при этом до конца отождествляться с русской нацией»[37].

Объединяющим, цементирующим началом русской нации является религия, а точнее, «православие и мессианство». Это произошло, согласно А. Дугину, ввиду того, что «Россия рассматривалась самими русскими как последний оплот Византийской империи, хранительницы традиций "Православного Царствия"»[38]. При этом «православие было и остается для русских не просто "одной из ветвей христианства"... но последним пристанищем Христовой истины в мире апостасии, отступничества»[39]. Вследствие чего «Церковь в России фактически сли-

---

[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Там же.

лась с русским народом, с русской нацией после падения Константинополя»[40].

Другой важной чертой русской нации, по мнению А. Дугина, является традиционная община, предполагающая «необходимость социального объединения, соборности нации в ее коллективном "домостроительстве"»[41]. Согласно А. Дугину, национальная принадлежность русских «полноценна и эффективна только в общем, соборном, национальном контексте»[42].

Политическое понимание нации позволяет идеологически обосновать стремление А. Дугина вновь объединить бывшие советские республики, так как, согласно его трактовке, граждане Российской Федерации и большинство граждан других стран СНГ, по сути, представляют собой единую политическую нацию, основанную на объединении разных народов вокруг русского.

Выдвигая идею объединения русских и нерусских на постсоветском пространстве, А. Дугин подвергает резкой критике проект создания «российской нации», так как считает, что строительство последней прочертит окончательные линии разлома по случайным и исторически не оправданным границам, которые разделили некогда единое пространство. В качестве альтернативы проекту «российской нации» А. Дугин представляет общеевразийский национализм, который объединил бы в рамках новой империи всех разбросанных по новым республикам русских и нерусских, принадлежащих к единой цивилизации. По его мнению, евразийский национализм даст место и развитию русской идентичности. Она сможет свободно развиваться и укрепляться в своем собственном православном контексте. Это право также получат и другие этносы.

Таким образом, автор делает вывод о том, что «русские, безусловно, не азиаты и не европейцы. Русь является совершенно уникальной страной, а русские – совершенно уникальным народом, и отнести их к восточной или западной цивилизации никак невозможно. При этом отрицание Востока и Запада в русском национализме неравнозначно»[43].

В начале XXI века в силу целого ряда причин евразийская концепция вновь стала актуальной. Во-первых, Россия, распро-

---

[40] Там же.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же.

щавшаяся с коммунистической идеологией, не восприняла в полной мере идеологию либеральной демократии. Поэтому ценностная система координат современной России еще не выстроена. Во-вторых, после распада СССР русские оказались разделенным народом (в данном случае неважно, понимается нация как этническая или политическая дефиниция). Вытеснение русской культуры во вновь образовавшихся государствах СНГ стимулирует консолидацию русской нации и, как следствие, становление этнонациональной системы координат. В этих условиях политическая элита стремится различными способами избежать консолидации этнических групп России, продвигая в качестве альтернативы политическую трактовку нации как «гражданства» (начиная с 1991 года в сознание народов России внедряется идея о том, что все мы есть «российский народ»). Это встречает нежелание значительной части населения России принимать надэтническую трактовку нации из-за опасения потерять собственную идентичность. Так, русский, рассматривающий себя как «россиянина», неизбежно должен относить в разряд «других» русского, не имеющего российского гражданства.

Проект А. Дугина, нацеленный на построение «евразийской нации», призван снять острое противоречие между гражданским и этническим пониманием нации. Так, осознавая себя евразийцем, можно одновременно мыслить себя и в этнических категориях.

Основу идеологии ЛДПР составляет социальный популизм и национализм. В. Жириновский порой противоречит сам себе в попытках выяснения генезиса национальности. Так, в книге «Русский характер» автор заявляет: «Происхождение по рождению, безусловно, сразу относит человека к конкретной национальной группе. Но дальше человек должен сам себя лепить, должен сам формировать свой разум, оттачивать чувства»[44]. Заявления, в которых национальность понимается как результат воздействия социально-культурной среды, нередко встречаются в печатных изданиях либерально-демократической партии. Например, в журнале ЛДПР «За русский народ», в статье А. Г. Чернышова, говорится, что «русскими становятся не по происхождению, а по сознанию. Русский тот, кто сам себя счи-

---

[44] *Жириновский В. В.* Русский характер. М., 2008. http://www.ldpr.ru/press/part_press/books/4773/

тает русским»[45]. Однако в книгах В. Жириновского можно обнаружить и противоположное понимание национальности «как крови». Так, в той же книге «Русский характер» он пишет: «Мы считаем, что так же, как и фамилию, человек получает национальность самим фактом рождения»[46]. Это можно было бы списать на досадную оговорку, если бы В. Жириновский периодически не прибегал к словосочетаниям типа «генетически русская нация устойчива»[47].

Таким образом, необходимо выделить по крайней мере два понимания «нации» и «национальности», применяемые лидерами ЛДПР в различных контекстах. С одной стороны, «национальность» понимается как кровь, биологическое происхождение человека, относящее его к той или иной этнической группе. С другой стороны, под «национальностью» имеется в виду самоидентификация человека, его собственное соотношение себя с той или иной группой, вне жесткой связи с биологическим (этническим) происхождением.

Соединить два различных подхода к пониманию «нации» попытался и депутат Государственной Думы от фракции ЛДПР А. Г. Чернышов в статье «Мы – многонациональный русский народ»[48]. Согласно позиции автора, к русскому народу относятся те, кто «говорит на русском языке»[49]. В данном контексте «национальный фактор (*лишь*) на ментальном и сознательном уровне цементирует и придает особый культурный колорит и духовное звучание русскому ядру»[50]. А. Чернышов пытается вытеснить на периферию устоявшееся в нашей стране понятие «российского народа», которое он признает «не имеющим реального содержания, не отождествляющимся с каким-то определенным набором ценностей»[51]. В отличие от абстрактного понятия «российский народ» «русский народ» сразу указывает на доминанту. Согласно данной точке зрения, русский народ «является не просто титульной нацией, а системообразующей

---

[45] *Чернышов А. Г.* Мы многонациональный русский народ // За русский народ. 2007. № 3 (36). С. 19.

[46] *Жириновский В. В.* Русский характер. М., 2008. Указ. электрон. ресурс.

[47] Там же.

[48] *Чернышов А. Г.* Указ. соч. С. 14–19.

[49] Там же. С. 14.

[50] Там же.

[51] Там же.

конструкцией многонациональной страны»[52]. Здесь на первый взгляд путаница с понятиями продолжается. Так, если русские – это нация, то на каких основаниях можно говорить о «многонациональном русском народе»? Однако, как уже упоминалось, в одном случае нация рассматривается как самоидентификация, а в другом она понимается как кровь. В этом аспекте русские для сопредельных народов рассматриваются в роли «старшего брата»[53], который «защищает и опекает»[54]. Вновь возникают ассоциации с русскими как «евразийскими римлянами» (словосочетание, введенное в оборот А. Дугиным), «цивилизующими» окружающие народы. Отличие же концепта «евразийской нации» А. Дугина от идеи «многонациональных русских» А. Чернышова заключается в том, что последний более четко выстраивает иерархию народов. Общим в идеях А. Дугина и А. Чернышова является неприятие концепта «российской нации» ввиду того, что это не содержащее под собой оснований понятие разделяет русский народ, сужает исконную сферу его влияния, проводя окончательный водораздел по несправедливым, случайным политическим границам.

Итак, лидер ЛДПР В. Жириновский определяет национальность в большей степени по этническим корням, считая «приобретение национальности» скорее аномалией, чем закономерностью. При этом он замечает, что из данного правила бывают исключения. Например, по его мнению, «Сталин дал пример того, как рожденный нерусским человек сформировал себя удивительно русским»[55]. В качестве «русских» В. Жириновский рассматривает также белорусов и украинцев. Он пишет, что «польско-литовское влияние заметно сказалось на части русских людей, оказавшихся длительное время под иноземным гнетом. Особенно это видно на примере западных украинцев, несколько меньше – западных белорусов»[56].

Согласно В. Жириновскому, сформировавшаяся нация обладает экзистенциональными фундаментальными характеристиками, нормами поведения, ценностями, которые невозможно вычеркнуть из народной памяти. Примером подобного рода

---

[52] Там же. С. 19.

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] *Жириновский В. В.* Русский характер. М., 2008. Указ. электрон. ресурс.

[56] Там же.

является быстрое возрождение православной церкви, «как только ослабела хватка атеистов из КПСС»[57].

Вслед за Л. Гумилёвым В. Жириновский отмечает влияние климата на формирование нации. Он пишет, что «необъятные просторы великой Русской равнины, на которой зарождалась русская государственность и сложился русский характер, оказали громадное воздействие на самосознание и целеполагание русской нации»[58]. Именно из-за «огромности наших территорий в русском характере возникла та некоторая медлительность, в которой сегодня упрекают русских другие»[59]. География, по мнению В. Жириновского, есть «итоговый, во многом определяющий момент развития человечества»[60].

В этом аспекте В. Жириновский, так же как и А. Дугин, полагает, что «русский характер – это евразийский характер»[61], сочетающий как восточные, так и западные ценности. Так, «ордынцы (от Золотой Орды) научили русских... успешно осваивать новые территории, уживаться с другими народами, впитывать их в себя, не унижая их достоинства, как западноевропейцы, не покушаясь на их верования»[62]. Благодаря этому «русские без труда усваивают образцы других культур, не уродуя сути этих культур, но одновременно обрусивая их»[63].

Другой характерной особенностью русского национального мировоззрения является «мессианизм», истоки которого прослеживаются в теории псковского монаха Филофея «Москва –Третий Рим». По мнению В. Жириновского, «русский мессианизм не означал, что мы лучше других и притязаем на большее. Он означал, что мы должны больше сделать и способны от большего отречься. Россия неоднократно выступала в защиту православных и христианских братьев в Европе и в Азии. Русский народ охотно откликался на призыв власти оказать помощь угнетенным и преследуемым»[64]. В. Жириновский подчеркивает, что «христианство не утверждало национальной ис-

---

[57] Там же.

[58] Там же.

[59] *Жириновский В. В.* Русская власть. Обращение к гражданам России. М., 2007. http://www.ldpr.ru/press/part_press/books/883/

[60] *Жириновский В. В.* Русский характер. М., 2008. Указ. электрон. ресурс.

[61] Там же.

[62] Там же.

[63] Там же.

[64] Там же.

ключительности русских. Созданное ими государство стало удобной базой для образования огромной многонациональной империи, строившейся на принципах взаимотерпимости и равноправия всех входивших в ее состав народностей»[65].

В. Жириновский, как и А. Дугин, подчеркивает давно известное фундаментальное противоречие между «русской» и «западной» цивилизациями: «В Западной Европе получило развитие индивидуальное начало. В России – общинное. Между двумя принципами национальной культуры – индивидуализмом и общинностью – всегда возникали конфликты»[66]. При этом «уникальные русские традиции и обычаи, быстрый и, казалось, необъяснимый рост государственной мощи вызывали непонимание, а затем и страх в Западной Европе, которая долго не хотела признавать за Россией права на самостоятельное существование и неоднократно пыталась подчинить ее своей власти и влиянию»[67].

В. Жириновский и А. Дугин подчеркивают гармоничные внутренние отношения полиэтничного и поликонфессионального российского народа. В. Жириновский даже предпринял попытку выделить «три ветви российского народа»[68]: славян, финно-угров и тюркские народы, между которыми, как он считает, «никогда не было внутренних трений, тем более столкновений»[69].

Стремление ряда авторов создать этноконфессиональную основу российского государства на базе славянской и тюркской этнических групп объясняется, по-видимому, запоздалой реакцией на распад СССР. Отделение Украины, Белоруссии, а также Северного Казахстана рассматривается как недопустимое расчленение единого цивилизационного ядра, государства восточных славян[70]. Новые геополитические реалии требуют создания концепции, объясняющей единство русского и тюркского народов, необходимость их существования в едином государстве.

Коммунисты, так же как и многие другие русские националисты, признают русский народ «государствообразующим»,

---

[65] Там же.

[66] Там же.

[67] Там же.

[68] *Жириновский В. В.* Русская власть. Обращение к гражданам России. М., 2007. http://www.ldpr.ru/press/part_press/books/883/

[69] Там же.

[70] См.: *Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию. http://lib.ru/proza/solzenicyn/s_kak_1990.txt

без которого немыслимо само существование России, а русскую культуру и язык – неким наднациональным куполом, сплачивающим все народы России. Они отрицают предложенный российской властью концепт «российской нации», считая, что он призван «лишить русских национальной самоидентификации, растворить в каком-то безличном мифическом «россиянстве»... подорвать национальное самосознание русских»[71].

Лидеры КПРФ, рассматривая вариации национализма, выделяют «плохой» нерусский буржуазный национализм, «хороший» русский антибуржуазный и даже коммунистический русский национализм. Исходя из совпадения основных национальных ценностей русского народа и марксистской теории, они делают вывод о том, что «задачи решения русского вопроса и борьбы за социализм по своей сути совпадают»[72].

Коммунисты считают, что после распада СССР «русские оказались крупнейшим в мире разделенным народом. И это разделение настолько глубоко и многомерно, что заставляет говорить о реальной угрозе исчезновения русских как нации. <...> Двадцать пять миллионов человек в одночасье превратились в иностранцев в своем Отечестве, где они подвергаются дискриминации и вытеснению. Не лучше их положение и на некоторых так называемых национальных окраинах РФ»[73]. Указывается и на социальное расслоение русской нации «на “новых” и “старых” русских, пропасть между которыми углубляется с каждым днем»[74]. Коммунисты приводят следующие данные о сокращении русского населения: «За 15 последних лет страна потеряла более 10 миллионов человек, из них 9,5 миллиона русских»[75]. Лидеры КПРФ отмечают также снижение солидарности русского народа, бедственное положение русской деревни, «исторического очага отечественной духовности, хранительницы великих ценностей нашего общества, таких как любовь и уважение

---

[71] *Зюганов Г. А.* О задачах партии по защите русской культуры как основы духовного единства многонациональной России // Независимая народная газета «Советская Россия». 2008. 26 дек. http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=112 (далее – *Зюганов Г. А.* О задачах партии...)

[72] Программа КПРФ. http://kprf.ru/party/program/

[73] *Зюганов Г. А.* О задачах партии... // Независимая народная газета «Советская Россия». 2008. 26 дек. Указ. электрон. ресурс.

[74] Там же.

[75] Там же.

к земле, природе, коллективному труду, к семье, к обычаям и традициям предков»[76]. Все это, по мнению коммунистов, говорит о том, что «по всем критериям, принятым в мировом сообществе, идет геноцид русского народа. Это заставляет сделать вывод, что конкретная форма национального вопроса в современной России – уже не вопрос "национальных окраин", а вопрос "национальной сердцевины". Он касается теперь в первую очередь не меньшинства, а подавляющего большинства населения России»[77].

Вместе с тем признается, что «русская культура, за тысячи лет обогатившая в какой-то степени всех и сама обогатившаяся традициями и культурой других народов, не потеряла себя, а стала сверхнациональной. Наднациональной. И в этом ее особая сила»[78]. Поэтому «возрождение России прямо вытекает из возрождения русских как государствообразующей нации»[79]. Ослабление же русского народа «как естественного центра притяжения... не принесет счастья и благополучия ни одному из живущих в Российском государстве народов, потому что их судьба теснейшим образом связана с судьбой русских»[80].

Значительный интерес представляет оценка русскими националистами России и ее места в мире (исторически и сегодня).

По мнению национал-большевиков, для превращения России в мощное современное государство необходимо «дать свободно развиваться гражданскому обществу в России. Ограничить вмешательство государства в общественную и личную жизнь граждан... Не препятствовать деятельности независимых СМИ... Обеспечить контроль общества за работой правоохранительных органов»[81].

В 1990-е годы лидеры НБП вынашивали идеи, связанные со строительством мощной «евразийской» империи, основу которой составит русский народ. Эти идеи почти не развивались

---

[76] Там же.

[77] Там же.

[78] *Федоткин Н. В.* Мало родиться русским. Надо поступками доказывать свою принадлежность к нации. Имя русского надо заслужить // Приокская правда. 2008. 2 нояб. http://kprf.ru/rus_soc/60904.html

[79] *Зюганов Г. А.* О задачах партии... // Независимая народная газета «Советская Россия». 2008. 26 дек. Указ. электрон. ресурс.

[80] Там же.

[81] Программа НБП, принятая в 2004 году. Указ. электрон. ресурс.

после ухода из НБП в 1998 году лидера правого крыла партии А. Дугина.

Идеологи национал-большевиков высказывают предложения об отмене термина «империя», так как «лозунг "империи" очень трудно стыкуется с борьбой за свободу, с борьбой против полицейского государства, против глобализма. <...> В сегодняшней нашей борьбе трудно вдохновиться опытом романовской или сталинской империй, худшие черты которых взял на вооружение режим Путина»[82]. Вместо термина «империя» предлагается понятие «русское жизненное пространство». Его принятие включает и борьбу за Калининград и Приднестровье, и защиту русского языка и образования в Латвии и Эстонии, и поддержку ветеранов ВОВ там же.

А. Дугин, лидер «Международного Евразийского движения», применяя термин «Евразия», стремится подчеркнуть идейную преемственность от концепции евразийства, возникшей в кругах белой эмиграции в 1920-х годах (П. Савитский, Н. Трубецкой, П. Сувчинский, Г. Флоровский и др.). Основным смыслом евразийства является «синтез "православно-славянского" и "тюрко-мусульманского" культурного начала»[83]. Это объединение, согласно программе евразийства, должно стать «противовесом атлантистским и мондиалистским тенденциям в глобальном масштабе»[84]. Для достижения этого «Россия должна до конца осознать себя как "географическую ось истории", как ядро Евразии и с полной ответственностью утвердить на новом этапе и в новых терминах глобальный масштаб своего исторического и цивилизационного предназначения»[85].

По мнению идеологов евразийства, формирование «тюрко-славянского» союза пройдет ряд этапов. «...Первым этапом должно стать стратегическое воссоединение стран СНГ (бывших советских республик) в общую стратегическую конструкцию, объединенную сознанием единства геополитических интересов и общностью стратегической и цивилизационной судь-

---

[82] За что борются национал-большевики? СПб., 2002. http://www.nazbol.ru/rubr28/index0/258.html

[83] *Малахов В.* Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007. С. 38.

[84] Программа общественно-политического движения «Евразия». http://eurasia.com.ru/programma.html

[85] Там же.

бы»[86]. Следующий этап евразийского проекта заключается в «создании единого стратегического союза с евразийскими государствами, жизненно заинтересованными в создании альтернативы единоличному планетарному господству США и стран атлантистского Запада. Такими странами являются некоторые арабские государства Ближнего Востока и Северной Африки, Иран, Индия, Китай, другие дальневосточные страны, входящие в Тихоокеанскую зону»[87].

На взгляд евразийцев, Россия является «самобытной цивилизацией, а соответственно, уже не "отсталой" и не "западной", потому что общего мерила между Россией и Западом здесь нет»[88]. Конечной же целью евразийцев провозглашается превращение «русской самобытности в универсальную модель культуры, в некое альтернативное атлантистскому глобализму, но по-своему тоже глобальное мировоззрение»[89].

Альтернативный «западной» глобализации проект А. Дугина способен привлечь внимание российской элиты, особенно консервативной ее части, и стать своеобразным фундаментом нового российского цивилизационного проекта. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что А. Дугин стремится придать идеологии евразийства общенациональный статус: «Евразийство предлагает свой интегрирующий проект и внутри страны. Пожалуй, это единственный путь реального объединения различных общественных сил России вокруг наиболее общей и приемлемой формы Национальной Идеи. Евразийство есть гарант безопасности нашего общества и в стратегическом, и в цивилизационном, и в политическом смыслах»[90].

По нашему мнению, идея некоего «единого пространства», по крайней мере части постсоветского пространства, является очень популярной среди правящей российской элиты. Рассмотрение территорий сопредельных государств, населенных преимущественно русскими, как «своих» чрезвычайно распространено не только у националистов, но и среди высших госу-

---

[86] Там же.

[87] Там же.

[88] *Дугин А.* Угрозы для России и поиск идентичности. Фрагменты интервью с лидером партии «Евразия» на сетевом портале «Кирилл и Мефодий». 2001. Июль. http://www.esmnn.ru/library/dugin/basics_evrazizm/59.htm

[89] Там же.

[90] Там же.

дарственных деятелей. Так, В. В. Путин на встрече с Дж. Бушем в апреле 2008 года заявил по поводу Украины: «Это даже не государство! Что такое Украина? Часть ее территорий – это Восточная Европа, а часть, и значительная, подарена нами!»[91] Сходную позицию занимает известный российский политолог С. Марков. В интервью радиостанции «Эхо Москвы» он заявил: «Мы (то есть Россия. – *Д. П.*) ведем себя как империя, которая ужалась до границ меньше своего естественного ареала. И мы сейчас, после некоторого кризиса, будем распространяться до своего естественного ареала»[92]. Именно эти ценности лежат в основе интеграционных проектов на постсоветском пространстве.

Таким образом, идеология лидера «Международного Евразийского движения» А. Г. Дугина представляет собой синтез различных концепций: славянофильской, евразийской и других. В их основе – идея создания мощной (в духовном и материальном смысле) цивилизации на базе русской православной культуры. Эта цивилизация, по мысли ее теоретиков, должна стать неким самодостаточным духовным центром, способным составить серьезную конкуренцию лидирующей на данный момент англосаксонской (атлантистской) цивилизации.

Идея «богоизбранности» и «величия духа» русской цивилизации не является чем-то новым. Она имеет глубокие корни, в первую очередь в русской философии XIX – начала XX веков (В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, И. А. Ильин и другие).

Евразийский проект является способом обоснования приоритета России на постсоветском пространстве. Данная идеология очень удобна, однако она имеет и существенные ограничения. Они заключаются в том, что в процессе реализации этого проекта неизбежно возникнут антагонистические противоречия с суверенитетом бывших советских республик. В итоге конструктивный характер данной модели вполне может смениться деструктивными последствиями. Подобные тенденции, вероятно, просчитаны российскими правящими кругами. Поэтому

---

[91] Путин пригрозил аннексировать Крым и Восточную Украину в случае принятия Украины в НАТО. http://www.newsru.com/russia/07apr2008/annex.html

[92] Может ли Запад приструнить Россию? Интервью с С. Марковым радиостанции «Эхо Москвы» 21.10.08. http://www.echo.msk.ru/programs/klinch/548083-echo/

концепция евразийства, хотя и является респектабельной, вряд ли когда-нибудь станет официальной идеологией России. Это может произойти лишь в случае, если в России в результате политических катаклизмов к власти придут правые националистические группировки.

Лидер ЛДПР В. Жириновский предлагает заменить принцип федеративного территориального устройства России унитарным. В программе ЛДПР, принятой 13 декабря 2001 года, утверждается, что «национально-территориальный принцип государственного устройства неэффективен и опасен, поскольку ведет к нарастанию межнациональных конфликтов, нарушению прав граждан по национальному признаку и дальнейшему развалу государства»[93]. Также отмечается, что «существующие ныне административные границы субъектов Федерации искусственны, поскольку не отражают и не могут отражать ни национального состава населения, ни экономической самодостаточности регионов. [Поэтому] Россия должна быть преобразована из федеративного в унитарное государство без каких-либо национальных республик и национальных округов как субъектов государства»[94]. Все возникающие межэтнические вопросы должны решаться «в области культуры, а не территории»[95].

Задача изменения принципа территориального устройства России до сих пор преподносится в качестве ключевой. Так, в статье «Русские мы», опубликованной в конце 2007 года, В. Жириновский, характеризуя свои первые действия после прихода к власти, писал, что первым его указом будет предложение референдума по губернскому устройству России: «Создать 30–50 губерний по 3–5 миллионов жителей в каждой. Никаких национальных республик»[96]. При этом в разное время необходимое количество губерний может существенно варьироваться. В последней редакции программы ЛДПР также говорится о том, что «следует отказаться от национально-территориального деления страны и перейти к административно-территориальному»[97].

---

[93] Программа ЛДПР, принятая на XIII съезде ЛДПР 13 декабря 2001 года. http://www.33333.ru/protect/programms.php?st=6

[94] Там же.

[95] Там же.

[96] *Жириновский В. В.* Русские мы // За русский народ. 2007. № 4 (37). С. 28.

[97] Программа ЛДПР. http://www.ldpr.ru/partiya/prog/964/

Таким образом, основная идея ЛДПР заключается в переходе России от федеративного принципа территориального устройства к унитарному. Символическим нововведением является лишь то, что вновь образованные территориальные единицы планируется назвать не губерниями, а краями. Это изменение, по нашему мнению, показывает стремление ЛДПР обусловить успешное объединение субъектов Российской Федерации использованием более привычной терминологии, укоренившейся в массовом сознании.

Построение унитарного государства представляется средством реализации главного принципа ЛДПР, отраженного в программном документе: «...что хорошо для русских, то хорошо для всей России. Русский народ следует признать становым хребтом государственности»[98]. С этих позиций борьба за унитарное государство есть борьба за государство как таковое, а следовательно, и за право на жизнь и достойное существование всех народов России. Таким образом, народ и государство, по мнению руководства ЛДПР, неотделимы друг от друга и взаимозависимы. Данное утверждение аргументируется тем, что «уничтожение русского народа влечет за собой гибель других наций и народностей, проживающих в России»[99]. В итоге это предрекает и гибель самого государства. Лидеры ЛДПР заявляют, что «русская идея есть идея всех россиян, не отделяющих свою судьбу от судьбы русского народа и считающих себя подлинными патриотами своей страны, независимо от своей национальной принадлежности»[100].

Существующее национально-территориальное деление России рассматривается идеологами ЛДПР как «привилегия национальным меньшинствам»[101], несправедливая и временная уступка, ставшая возможной в ходе всеобъемлющего социально-экономического и политического кризиса российской государственности начала 1990-х годов. Вследствие этого кризиса и распада СССР миллионы русских оказались за пределами России. В этой связи «ЛДПР считает необходимым признать русский народ разделенным народом»[102], ставя одной из основных своих задач отстаивать интересы русских за рубежом.

---

[98] Там же.
[99] Там же.
[100] Там же.
[101] Там же.
[102] Там же.

Рассматривая альтернативную демократии политическую модель, приемлемую для современной России, В. Жириновский выступает в качестве апологета жесткого авторитаризма с национальным колоритом, который он считает наилучшей формой государственного управления в России. Так, основным элементом политической системы России, по его мнению, «должно быть самодержавие, то ли это царь до 1917 года, то ли это президент как после 1991-го, назовем этот институт – Верховный правитель России. Как бы ни назывался этот государственный институт – военной хунтой, советским правительством, как недавно было, или, как сегодня, президентом России, его суть – самодержавие. Правитель один решает за всех»[103]. При этом В. Жириновский всячески отрицает какой бы то ни было противовес «самодержавной власти»: «России парламент не нужен. За XX век он показал свою никчемность: четыре царские Государственные думы, несколько созывов Верховного Совета СССР и РСФСР и две Государственные Думы уже за 1990-е годы. Каждый раз депутаты всех дум и советов способствовали развалу страны»[104].

Лидеры КПРФ, подчеркивая свою озабоченность судьбой русского народа, указывают на антинациональный характер существующего политического режима современной России и бедственное положение русской нации.

Провозглашая универсальность русской культуры, коммунисты приводят многочисленные цитаты из русских классиков, например из Ф. М. Достоевского, который, в частности, писал: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите... Для настоящего русского Европа и удел всего арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»[105]. Однако русские не растворяются во «всемирности», а остаются уникальной циви-

---

[103] *Жириновский В. В.* Беды русского народа. Ельцинизм как форма русской демократии. М., 2000. С. 3.

[104] Там же. С. 4.

[105] *Зюганов Г. А.* О задачах партии... // Независимая народная газета «Советская Россия». 2008. 26 дек. Указ. электрон. ресурс.

лизацией. «Россия, по мнению коммунистов, это самобытная русская цивилизация, а не охвостье Запада»[106].

Коммунисты считают, что «осознание русским народом своей [коммунистической] миссии невозможно без осознания своей национальной идентичности»[107]. Только через «осознание своей национальной идентичности», пробуждение истинно коммунистических ценностей русского народа (коллективизм, общинность и т. д.) Россия может построить светлое коммунистическое будущее, которое впоследствии распространится на все человечество. При помощи такого «народовольческого» подхода коммунистам удается соединять коммунистический интернационализм с идеями отстаивания национального величия России и интересов русских как в нашей стране, так и за ее пределами. Сохраняя старый бренд социально ориентированной партии, КПРФ остается защитницей всех униженных и обездоленных. Вместе с тем при помощи национализма КПРФ привлекает массы людей, испытывающих чувство национального унижения после распада СССР.

Во внешней политике компартия выступает за «преодоление трагического разрыва между братскими народами Советского Союза и восстановление на добровольной основе единого союзного государства»[108]. Однако какими будут действия коммунистов в случае отказа «братских народов» от «восстановления на добровольной основе единого государства», не уточняется.

Особый интерес представляет характеристика русскими националистами основных угроз русской нации и России в современном мире.

Лидеры РНЕ рассматривают Запад в качестве наиболее опасного «врага» России, как в идеологическом, так и в экономическом, а также военном смысле. Наибольшие опасения, по их мнению, вызывает агрессивная внешняя политика США.

Соединенные Штаты Америки в мифологизированных воззрениях русских националистов из РНЕ олицетворяют «сосредоточение мирового зла», «мировую закулису», руководимую, естественно, евреями.

---

[106] *Никитин В. С.* План Путина – это беда России! КПРФ вернет России русский дух, народовластие и могущество, а народу – достаток и справедливость. http://kprf.ru/rus_soc/53294.html

[107] *Новиков Д. Г.* Коммунисты и русский вопрос // Советская Россия. 2006. 13 апр. http://russoc.kprf.org/Doctrina/Novikov1.htm

[108] Программа КПРФ. Указ. электрон. ресурс.

Основу американской нации, по мнению руководителей РНЕ, составили «авантюристы, привлекаемые золотом... фанатики из различных религиозных сект... люди с ослабленными кровнородственными и национальными инстинктами... Такой вот интернациональный сброд, сдобренный к тому же изрядным количеством вывезенных из Африки негров, и стал основой для формирования, если можно так выразиться, "американской нации"»[109]. Естественно, что такая нация никак не могла быть отнесена к «полноценным». Со временем доминирующее положение в США заняли евреи: «...просионистская коалиция в Конгрессе США достигла 75–80% сенаторов и примерно 60% палаты представителей»[110]. В результате образовалось «мировое правительство»[111], которое стремилось установить «новый мировой порядок»[112]. Целью этого «мирового правительства» была и дестабилизация внутриполитической ситуации в России.

По мнению идеологов ДПНИ, «миллионная иммиграция чужеродных элементов – основная угроза существованию нашей страны»[113]. В качестве доказательства серьезности проблемы иммиграции приводятся примеры Чечни и Косово. По прогнозам ДПНИ, если не остановить иммиграцию, то «через двадцать лет в России будет Косово, будет страшная резня, повторение Чечни в масштабах всей страны»[114]. Поэтому ДПНИ предлагает целый спектр мер, направленных на снижение или прекращение иммиграции. Методы борьбы с иммиграцией носят по преимуществу законный характер. Они направлены на объединение усилий с местными, региональными и федеральными органами власти. Предполагается «создание местных наблюдательных советов по борьбе с нелегальной иммиграцией совместно с представителями органов государственной власти субъектов РФ и органов муниципального самоуправления... создание, совместно с правоохранительными органами, добровольных отрядов граждан, решающих задачи по борьбе с нелегальной иммиграцией»[115]. Допускается участие данных струк-

---

[109] США: великая блудница // Русский порядок. 1992. № 3 (3). http://www.rp.ruord.org/3/3_2.html

[110] Там же.

[111] *Баркашов А.* Новый мировой порядок – Россия – Апокалипсис // Русский порядок. 2001. № 1 (47). http://www.rp.ruord.org/47/47_3.html

[112] Там же.

[113] Обращение к соратникам, сторонникам движения против нелегальной иммиграции и всем неравнодушным. http://benzol.us/index.php?3

[114] Там же.

[115] Там же.

тур и в законодательной деятельности, а именно в «разработке предложений по борьбе с нелегальной иммиграцией, проведении переговоров с представителями органов исполнительной и законодательной власти на предмет принятия местных законодательных постановлений»[116]. В качестве основных методов воздействия на власть рассматриваются легальные способы. Среди них выделяются такие, как «поддержка на выборах во все органы власти кандидатов, выступающих за максимальное ужесточение миграционной политики... сотрудничество с партиями и движениями, которые солидарны с нашими требованиями и готовы работать на их осуществление... проведение местных референдумов в случае отказа местных законодательных властей активно бороться с нелегальной иммиграцией»[117]. В случае отказа властей сотрудничать по вопросу миграции не исключается возможность их смещения: «Наша цель – заставить власти действовать, а в случае перехода их на сторону врага – заменить нашими единомышленниками»[118]. Для большего давления на органы власти по вопросу иммиграции предполагается создавать в массах негативный образ «приезжих», которые упоминаются не иначе как «наши враги – террористы, грабители и убийцы»[119]. С этой целью одним из существенных направлений в работе ДПНИ стало «доведение информации о преступлениях, сущности и последствиях нелегальной иммиграции до граждан, СМИ, органов исполнительной и законодательной власти, правоохранительных органов»[120]. Для привлечения общественного внимания необходима организация «массовых акций граждан»[121]. При этом «проводить их следует тогда, когда ресурсов того или иного регионального отделения достаточно для привлечения большого числа жителей города»[122].

Существенным отличием ДПНИ от РНЕ является и принципиально иное представление образа «врага». Если лидеры РНЕ, подобно иранским фундаменталистам, рассматривают в качестве основного врага американо-еврейскую «мировую закулису», то руководство ДПНИ концентрируется на «мигрантах

---

[116] Там же.
[117] Там же.
[118] Там же.
[119] Там же.
[120] Там же.
[121] Там же.
[122] Там же.

из Чечни, Средней Азии и Закавказья»[123]. При этом обе организации ориентированы на этническое понимание нации. Согласно точке зрения представителей ДПНИ, русские, уехавшие из Чечни, Средней Азии и Закавказья, не являются иммигрантами, а рассматриваются как «русские беженцы»[124]. Переориентация в оценке основного «врага» в среде радикальных русских националистов, с нашей точки зрения, связана с целым рядом причин.

По мнению корейского исследователя Ким Тэ Юна, значительную роль в формировании «антикавказских» настроений в обществе и в среде русских националистов сыграли две чеченские войны. Ученый отмечает, что «эмпирические данные, полученные в ходе массовых общероссийских опросов, свидетельствуют о росте ксенофобии, особенно античеченских (и шире – антикавказских) настроений в связи с проведением чеченских кампаний»[125]. В этом смысле, по утверждению автора, особенно выделялась «вторая чеченская война, [которая] сопровождалась массовой консолидацией, агрессивной реакцией и негативной мобилизацией против чеченских террористов»[126].

Другой причиной возрастания негативного отношения к представителям среднеазиатских и кавказских народов является рост их эмиграции в Россию, вызванный улучшением социально-экономической ситуации в нашей стране. Наличие дешевой рабочей силы создает проблемы трудоустройства местного населения. Недовольство этим некоторых россиян стремятся использовать радикальные русские националисты, призывая удалить иммигрантов с территории России. В этом смысле современные радикальные русские националисты схожи в своих целях и воззрениях со своими европейскими «коллегами».

НБП всячески подчеркивает несистемный характер своей организации. Их идеологию отличает «испепеляющая ненависть» к античеловеческой системе троицы: либерализма/демократии/капитализма. «Человек восстания, национал-большевик, видит свою миссию в разрушении системы до основа-

---

[123] Что плохого в иммигрантах. http://benzol.us/index.php?right+134

[124] Там же.

[125] *Ким Тэ Юн.* Русский национализм и его особенности в современной России. М., 2006. С. 89.

[126] Там же. С. 88.

ния»[127]. В этом смысле внутренними врагами национал-большевизма признаются «класс "пиджаков" – бояр-чиновников, мародеры – новые русские, космополитическая интеллигенция»[128].

В конце 1990-х годов борьба с «внутренними врагами» заняла наиболее важное место в идеологии НБП. По их мнению, «Россия захвачена не атлантистами или какими-нибудь масонами, но вполне конкретными силами – семьями, кланами, родами номенклатуры... корпорациями или корпоративной системой. Составляя общую чудовищную грибницу, корпоратисты душат своими связями нацию. Нацболы всегда знали, что между Зюгановым, Лукьяновым, Строевым и Ельциным, Примаковым, Рыбкиным, Черномырдиным разницы никакой»[129].

Переориентация на «внутреннего врага» произошла в силу целого комплекса причин. Во-первых, уход одного из теоретиков партии А. Дугина означал существенное полевение партийной идеологии. Во-вторых, ориентация на радикальную, ищущую себя молодежь обязывала создавать партийный образ в виде непримиримого внесистемного борца с бесчеловечной капиталистической системой. Именно образ бунтарской партии смог привлечь наибольшее количество сторонников в протестной молодежной среде. Ставка на «внутреннего врага» полностью оправдала себя в 2000-е годы, так как более четкая система управления президента В. Путина встревожила часть либеральной и радикальной публики. Вероятно, именно этим объясняется столь большой приток «свежей крови» во внесистемную НБП и ее последующее сотрудничество с радикальными либералами.

Изменившиеся внутриполитические условия и новая роль партии в политическом процессе вынудили НБП существенно скорректировать свою идеологию. Эволюции ценностей Национал-большевистской партии также способствовало ее сближение с радикальными либералами из «Другой России». В частности, высказывались предложения об отмене термина «империя», так как «"лозунг империи" очень трудно стыкуется

---

[127] Программа НБП, принятая в 1994 году. Статья 1. Указ. электрон. ресурс.

[128] Там же.

[129] Закрытый бюллетень НБП – ИНФО № 2. Раздел I. Новое в национал-большевистской теории. http://www.nbp-info.com/new/lib/nbpinfo2/01.html

с борьбой за свободу, с борьбой против полицейского государства, против глобализма. <...> В сегодняшней нашей борьбе трудно вдохновиться опытом романовской или сталинской империй, худшие черты которых взял на вооружение режим Путина»[130]. Вместо термина «империя» предлагается понятие «русское жизненное пространство». Его принятие включает и «борьбу за Калининград и Приднестровье, и защиту русского языка и образования в Латвии и Эстонии, и поддержку ветеранов ВОВ там же. И проблемы, которые пока нами не охвачены, – колонизация РФ выходцами с Кавказа, продажа российской земли иностранцам, ввоз ядерных отходов...»[131]. Тема противодействия выходцам с Кавказа действительно широко не поднималась в НБП. Обсуждение данной проблемы, наряду с появлением в этом же 2002 году ДПНИ, основной целью которой является борьба с иммигрантами из Средней Азии и с Кавказа, свидетельствует о значимости темы иммиграции для граждан России. Одновременно это является попыткой русских националистов привлечь на свою сторону большее число людей.

Лидер евразийцев А. Дугин выделяет так называемых «экзистенциальных врагов»[132] русских националистов. По его мнению, основные антагонистические противоречия проистекают между русской и западной цивилизациями. При этом источник конфликта А. Дугин видит в ценностных различиях, в частности в отказе Запада видеть в России некое самодостаточное цивилизационное начало. Он убежден: «...Запад отождествляет свою цивилизацию с цивилизацией вообще, а значит потенциально отказывает Руси в праве ее культурного выбора. Православие католико-протестантский мир считает "ересью", Русскую империю – варварским, деспотическим, азиатским пережитком, а русское пространство – досадным конкурентом в планетарной борьбе за ресурсы и рынки сбыта»[133]. Естественно, что вследствие этого русский национализм носит «антизападную ориентацию, так как здесь ставится под удар его самая сущностная характеристика – стремление к сохранению своей куль-

---

[130] За что борются национал-большевики? СПб., 2002. http://www.nazbol.ru/rubr28/index0/258.html

[131] Там же.

[132] *Дугин А.* Апология национализма... Указ. электрон. ресурс.

[133] Там же.

турно-политической, геополитической и мистической независимости»[134].

Другим «антагонистическим врагом» русского национализма является Восток. А. Дугин замечает, что «с Востока на Русь никогда не было культурно-идеологической экспансии... Завоеватели с Востока лишь обносят завоеванные народы и земли линией административных границ, предоставляя решение духовных проблем народам, завоеванным материально»[135]. Последнее обстоятельство скорее сближает русскую и азиатскую цивилизации. Тем не менее «русские националисты живо ощущают свое отличие от азиатов, чей жизненный и психологический ритм ощутимо медлительней, чем пульс русской национальной жизни»[136].

Еще одним «экзистенциональным врагом» русской цивилизации, по мнению А. Дугина, являются иудеи (речь идет не об этнических евреях, а о приверженцах иудейской религии, которых А. Дугин также называет евреями). Согласно его интерпретации, «в "еврее" русские националисты видят своего мистического антипода, а не просто одного из инородцев. Дело в том, что еврейское национальное самосознание, еврейское национальное мировоззрение расставляет акценты в обратном порядке сравнительно с русским национализмом, с русским национальным мировоззрением»[137]. Однако, несмотря на включение А. Дугиным иудеев в число «антагонистических врагов» русской нации, по мнению М. Ларюэль, он не является открытым антисемитом, так как «почти никогда не ссылается на «Велесову книгу», открыто выступает против теории сионистского заговора, не произносит отрицающих речей и, по-видимому, отвергает подлинность "Протоколов сионских мудрецов"»[138].

По мере трансформации образа А. Дугина из радикального в респектабельного и лояльного властям политического мыслителя некоторой эволюции подверглись и его основные идеи. Ощутив смещение акцентов в российских правящих кругах от радикального либерализма в сторону державности,

---

[134] Там же.

[135] Там же.

[136] Там же.

[137] Там же.

[138] *Ларюэль М.* Александр Дугин, политический путь и место в российской общественной жизни // Сб. ст. «Русский национализм в политическом пространстве» / Под. ред. М. Ларюэль. М., 2007. С. 134.

А. Дугин начинает активно распространять концепцию антагонистического противостояния атлантистской цивилизации во главе с США и евразийской, центром которой является Россия. Источником распространения этих идей становится разработанный А. Дугиным в 2001 году проект под названием «Евразия».

Кроме создания внешнеполитического союза предполагается также сформировать широкую национальную коалицию, противостоящую западникам на внутрироссийском уровне. Так, по заверению А. Дугина, «евразийцы... готовы идти на любые альянсы со всеми патриотами и державниками (как правыми, так и левыми) для спасения российской самобытности перед угрозой глобализации и атлантизма»[139]. Главным врагом в самой России евразийцы считают тех, кто мыслит Россию «как некую отсталую, периферийную часть западной цивилизации... недоразвитую западную страну»[140].

В целом противостояние США является в идеологии евразийства одной из наиболее существенных, значимых задач. Это обстоятельство подчеркивает и сам А. Дугин: «Наша евразийская идея состоит в противопоставлении однополярному общепланетарному глобализму под эгидой США альтернативной модели глобализации – многополярной или региональной глобализации»[141].

Для продвижения идеологии евразийства на общероссийском уровне А. Дугин пытается отмежеваться от радикальных националистических группировок. Так, в статье «Испытание национализмом» А. Дугин называет одну из главных угроз современной России – «волну шовинизма и ксенофобии, [которая] угрожает стабильности общества и может причинить России колоссальный вред»[142].

В отличие от А. Дугина В. Жириновский считает, что «Россия с Западной Европой, периодически конфликтуя между собой, нуждались друг в друге. Существование мощного русско-

---

[139] *Дугин А.* Угрозы для России и поиск идентичности. Фрагменты интервью с лидером партии «Евразия» на сетевом портале «Кирилл и Мефодий». 2001. июль. Указ. электрон. ресурс.

[140] Там же.

[141] Там же.

[142] *Дугин А.* Испытание национализмом. http://www.viperson.ru/wind.php?ID=273114&soch=1

го государства являлось своеобразным стимулом для развития Западной Европы, не позволяло ей "почивать на лаврах" экономического и технического лидера. Возникновение угроз со стороны Запада заставляло русскую правящую элиту проводить реформы, развивать науку и образование, подтягивать экономику до уровня обеспечения государственной независимости»[143]. По мнению В. Жириновского, «соперничество между Россией и Западной Европой (Западом) было исторической формой их развития. Они существовали как различные ветви одной цивилизации. Способность этой цивилизации противостоять натиску других цивилизаций (в прошлом – со стороны Османской империи, в будущем – возможно, со стороны буддийской цивилизации) была (и будет) обусловлена своеобразным переплетением соперничества и сотрудничества обеих ее ветвей»[144].

Несмотря на неприятие Запада, В. Жириновский считает возможным преодолеть ценностные противоречия и объединиться с ним против внешней угрозы. А. Дугин же находит противоречия между Западом и Россией антагонистическими и предлагает объединить усилия с восточными цивилизациями для противодействия Западу.

Общей ценностной платформой А. Дугина и В. Жириновского является антизападничество и особенно антиамериканизм, но В. Жириновский придает существенное значение угрозе, исходящей от «южных народов». Описанию этой угрозы и вариантов ее решения он посвятил книгу «Последний бросок на Юг», в которой предполагает, что в XXI веке «в мировой политике станет нарастать противоборство между Югом и Севером, между православной цивилизацией и мусульманской цивилизацией»[145]. Однако главным противником России, согласно В. Жириновскому, все же остаются США, которые стремятся «столкнуть мусульманский и православный миры и втянуть Россию в бесконечные войны»[146]. Основной смысл книги В. Жириновского заключается в том, что «России необходим "бросок на Юг", прежде всего для того, чтобы не допустить "броска" с Юга на Север, а также и для того, чтобы сохранить спокой-

---

[143] *Жириновский В. В.* Русский характер. М., 2008. Указ. электрон. ресурс.

[144] Там же.

[145] *Жириновский В. В.* Последний бросок на Юг. М., 2008. С. 3.

[146] Там же. С. 4.

ствие на своих южных границах»[147]. «Спокойствие на южных границах» должно быть достигнуто путем широкой военной экспансии не только в направлении южных рубежей Российского государства. В этом аспекте экспансионистские претензии В. Жириновского выглядят поистине грандиозно. Лидер ЛДПР не только хочет вернуть России территории, входившие в состав Российской империи в зените ее могущества, но также стремится к поглощению Россией многочисленных восточных народов. По его мнению, необходимо, «чтобы христианский мир воссоединился снова в Иерусалиме, чтобы в Константинополе также звонили колокола христианских православных церквей, чтобы в Закавказье навсегда закончилась война, чтобы на Юге свободно жили все народы: и курды, и армяне, и азербайджанцы, и персы, и белуджи, и дарийцы, и пуштуны, и хорезмийцы, и узбеки, киргизы, казахи, джунгары, дунгане. Все народы, сотни народов самых разных. Их очень много. Но всех их объединит русский язык, русский рубль, одна внешняя политика России, одна русская армия, за право служить в которой нужно будет бороться»[148]. В. Жириновский планирует нести русскую культуру и государственность вплоть до берегов Индийского океана, где «очень много регионов, пригодных для проживания, и население будет постепенно перемешано. Русский язык автоматически станет господствующим. Нельзя говорить на пяти языках. Все с удовольствием выберут один русский язык»[149].

Таким образом, во внешней политике В. Жириновский выступает в качестве типичного империалиста. Он стремится поделить мир между великими державами на зоны влияния так, «чтобы были силы быстрого реагирования в составе российских войск, немецких, китайских, которые могли бы быть брошены в любой регион Европы и Азии для предотвращения конфликта. То же самое возможно было бы и для американцев: силы быстрого реагирования на латиноамериканском и в целом на американском континенте. А западноевропейцы могли бы создать на базе французских, португальских, итальянских, испанских, британских войск силы быстрого реагирования для обеспечения прав человека на африканском континенте. Таким образом, эти вот три центра, три армии быстрого реагирова-

---

[147] Там же.
[148] Там же. С. 12.
[149] Там же. С. 14.

ния могли бы обеспечить локализацию любых конфликтов и исключить навсегда третью мировую войну»[150]. Подобные мысли о разделе мира на «зоны влияния» высказывал и А. Дугин в книге «Геополитика».

Понятие «демократия» В. Жириновский рассматривает также сквозь призму интересов нации. В книге «Беды русского народа. Ельцинизм как форма русской демократии»[151] он усматривает в демократии угрозу российской государственности, а следовательно, и русскому народу. В связи с этим лидер ЛДПР пишет: «России демократическая форма правления не годится... ни в коем случае недопустима демократия в России. Это гибель, так как любая демократия предполагает медленное распыление государства, то есть распыление прав всем национальным группировкам. У нас их более ста. Раскол страны в течение ста лет на сто частей. Это гибель России»[152]. Подобные мысли созвучны идеям Н. М. Карамзина и К. П. Победоносцева.

Анализ предлагаемого ЛДПР внешнеполитического курса и моделей государственного устройства России дает возможность охарактеризовать ЛДПР как националистическую партию со значительным отклонением в сторону имперского и государственного начал.

В программном документе КПРФ говорится о некоем вызове: «История вновь поставила народы нашей Родины перед тем же выбором, что и в 1917-м, и в 1941 году: либо великая держава и социализм, либо дальнейшее разрушение страны и превращение ее в колонию»[153]. Следует отметить, что коммунистическая идеология на современном этапе представляет собой микс националистических и социалистических идей.

Можно восхищаться, как умело коммунистические вожди переводят национальные проблемы в социально-классовые противоречия с вытекающими выводами о необходимости подрыва существующего политического строя. Согласно Г. А. Зюганову, «врагом русской нации является не какая-то другая нация, а насаждаемый в России социально-экономический строй и режим, его насаждающий. Падение этого режима

---

[150] Там же. С. 13.

[151] *Жириновский В. В.* Беды русского народа. Ельцинизм как форма русской демократии. М., 2000. С. 2.

[152] Там же. С. 3.

[153] Программа КПРФ. http://kprf.ru/party/program/

приведет не к крушению России, а к расчистке пространства для ее возрождения. Борьба за национальное освобождение, за национальную самобытность не может быть в современных условиях ничем, кроме как борьбой за социальное освобождение, за социализм»[154].

Таким образом, коммунистами рассматриваются три взаимосвязанные угрозы для русского народа: «...угроза потери национального суверенитета, территориального и культурного единства страны... угроза вырождения народа, его физического уничтожения... угроза культурной деградации»[155].

Коммунистов с другими националистами также объединяет антизападничество и имперские амбиции. После распада Советского Союза «человечество вступило в крайне опасную и нестабильную эпоху – эпоху нового глобального передела мира, перераспределения сфер политического, военного и экономического влияния, обостренной борьбы за мировое лидерство и природные ресурсы планеты»[156]. В этих условиях Россия располагается «на самой грани маргинальности: это удел сырьевой кладовой, дешевых рабочих рук и спецназа на случай новых военных авантюр в Азии». При этом говорится, что «нынешняя российская власть возвела место колониального придатка Запада, отведенного нашей стране, в ранг мифической "нефтегазовой сверхдержавы"»[157].

В геополитических вопросах коммунисты, как и прочие русские националисты, входят в идеологический клинч с американским национализмом. Причиной тому, по нашему мнению, является мессианский характер и претензия на универсальность. Это обстоятельство в завуалированной форме отмечают и коммунисты, говоря о том, что «гегемония США не просто оправдывается. Она объявляется абсолютным благом человечества»[158]. В то же время сами коммунисты представляют коммунизм, взращенный на базе русских ценностей, такой же

---

[154] *Зюганов Г. А.* Русский социализм – ответ на русский вопрос // Правда. 2006. № 34. http://www.gazeta-pravda.ru/2006/pravda034.html# Русский%20социализм%20—%20ответ%20на%20русский

[155] *Новиков Д. Г.* Указ. соч.

[156] *Зюганов Г. А.* Русский социализм – ответ на русский вопрос // Правда. 2006. № 34. Указ. электрон. ресурс.

[157] Там же.

[158] *Новиков Д. Г.* Указ. соч.

универсальной теорией, как и либеральные ценности американских националистов.

Подводя итог, необходимо отметить, что русский национализм чрезвычайно популярен в России. Большинство партий и движений националистической направленности возникло на рубеже XX–XXI веков. Причинами их появления стали распад Советского Союза, кризис самоидентификации, унизительное положение русских в ряде стран СНГ и Балтии, тяжелое социально-экономическое положение населения, доставшееся в наследие от прошлого, усиление социальной напряженности в обществе. Существенную роль сыграло вытеснение из массового сознания коммунистической идеологии и одновременно разочарование населения в идеях либеральной демократии, ассоциируемой со слабой Россией и хаосом. Это вызвало ценностный вакуум, который начинает заполняться концепциями, ставящими во главу угла идеи особого пути развития российской цивилизации.

Воззрения лидеров националистических партий и организаций в большинстве своем являются своеобразным сплавом (симбиозом) широко известных доктрин славянофилов, русских консерваторов второй половины XIX века, религиозных философов начала XX века, евразийцев, нацистов, «новых правых» и др.

Большинство русских националистов, за исключением наиболее радикальных, уходят от узкой этнической трактовки нации, рассматривая последнюю в качестве «наднациональной нации», характеризуя русских как своеобразных «евразийских римлян».

В России получил распространение синтез социалистических и националистических идей. Зачастую националисты рассматривают социализм как исконную черту русского народа, исходящую из соборного, общинного характера русской нации. Для большинства русских националистов характерен социальный популизм.

Широко распространены у русских националистов идеи патриотизма и героического прошлого России, наиболее ярко проявившиеся в годы Великой Отечественной войны.

После распада СССР популярностью среди русских националистов стали пользоваться идеи восстановления былого могущества России, что зачастую предполагает реинтеграцию бывших советских республик в полном или частичном составе в единое государство под эгидой России.

Значительная часть идеологов русских националистов вынашивает идеи создания мощной (в духовном и материальном смысле) цивилизации на базе русской православной культуры. Эта цивилизация, по их мнению, должна стать неким самодостаточным духовным центром, который способен составить серьезную конкуренцию лидирующей на данный момент англосаксонской (атлантистской) цивилизации.

В современной России идеи мессианства и богоизбранности русского народа приобретают особый – антизападный, антиглобалистский – заряд. Антизападничество (главным образом антиамериканизм) и имперские амбиции объединяют большинство русских националистов.

На наш взгляд, роль умеренных русских националистов в политическом процессе современной России будет оставаться существенной. Это объясняется тем, что российская правящая элита и значительная часть населения нашей страны ощущают потребность в определенных идеологических концепциях, обосновывающих притязания России на роль одного из мировых центров. Правящая элита в этих идеях находит не только источник легитимности своей власти, но и оправдание более активной внешней политики. Население же России при помощи националистических концепций вновь обретает ощущение своего величия, избранности и гордости за свою страну.

Л. А. Фадеева
доктор исторических наук, профессор ПГУ,
г. Пермь

ПАМЯТЬ, ВОЙНА, ПАТРИОТИЗМ: СОВРЕМЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ «ВЕСЕЛОГО СОЛДАТА»

Исследования рубежа веков, проводимые ВЦИОМом, показали, что из всех событий XX века российские граждане считают предметом своей гордости два – победу в Великой Отечественной войне и полет Ю. Гагарина[1]. Особое значение для людей разных поколений, включая молодежь, имеет Победа.

[1] *Дубин Б.* Конец века // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 2000. № 6.

«Всякий раз, когда упоминается Победа, речь идет о символе, который выступает для подавляющего большинства опрошенных, для общества в целом важнейшим элементом коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилом, задающим определенную оптику оценки прошедшего и, отчасти, понимания настоящего и будущего, – пишет Л. Гудков. – Победа 1945 года – не просто центральный смысловой узел советской истории, начавшейся Октябрьской революцией и завершенной распадом СССР; фактически это единственная позитивная опорная точка национального самосознания постсоветского общества»[2].

Вместе с тем исследователи отмечают, что память о войне является сложным и многосоставным феноменом. Есть в нем и то, о чем поется в хорошей, но затертой песне, – «праздник со слезами на глазах». Есть и то, о чем в праздничных мероприятиях умалчивают. Мария Феретти, присоединяясь к мнению о том, что память о войне является основой позитивной национальной идентичности, указывает: «...при всей важности памяти о войне для построения национальной идентичности эта память для России нелегка по причине своей амбивалентности, ведь в ней неразделимо перемешаны свобода и угнетение. Победа, завоеванная очень дорогой ценой, не только освободила страну от нацистской оккупации, но и способствовала укреплению сталинского режима»[3].

«Веселый солдат» Виктора Астафьева ощущает это угнетение, несвободу, притеснение повсеместно и выражает ее такими словами: «Да это у нас и по сей день так: где бы ты ни воевал, ни работал, где бы ни служил, ни ехал, ни плыл, в очереди в травмопункте иль на больничную койку ни стоял – всегда ты в чем-то виноват, всегда чего-то должен опасаться и думать, как бы еще более виноватым не сделаться, посему должен выслуживаться, тянуться, на всякий случай прятать глаза, опускать долу повинную голову – человек не без греха, сам в себе, тем более в нем начальство всегда может найти причину для обвинения. Взглядом, словом, на всякий случай, на сберкнижку, что ли, держать его, сукиного сына, советского человека, в вечном ожидании беды, в страхе разоблачения, устыжения, суда, если не небесного, то общественного»[4].

---

[2] *Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян. http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=30011370

[3] *Феретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм. http://www.liberal.ru/article.asp?Num=98&print=1

[4] http://lib.ru/PROZA/ASTAFIEW/soldat/txt

В госпитале, в военкомате – повсюду солдат сталкивается с несправедливостью, хамством начальничков, которое называли в первые годы советской власти комчванством, грозились извести, но только взрастили в невероятном, невиданном доселе масштабе. Временами герои бунтуют против угнетения и притеснения, отводят душу, выплеснув гнев и горечь, но общий строй жизни и отношение к простому человеку остаются незыблемыми.

В последние десятилетия проблематика памяти – коллективной, исторической, социальной, публичной – вошла в исследовательское поле не только историков, но и социологов, культурологов, психологов, политологов. «Память – та главная структурная составляющая, которая наделяет общество представлением о своей идентичности, позволяет ему вписаться в длительную временную протяженность, в традицию», – пишет Мария Феретти[5]. Как справедливо отмечают немецкие исследователи, имеющие богатый опыт изучения распространенного в 1970–80-х годах в ФРГ синдрома «бегства от истории» и «трудного Отечества», «взаимодействие между публикой и элитами, отличающееся по содержанию и контексту, способствует формированию сложного комплекса публичной коллективной памяти, которая позволяет интерпретировать прошлое нации и моделировать ее желаемое будущее»[6].

Карен Тилл использует понятие «публичная память», характеризуя ее как культурное пространство и процесс, посредством которых общество понимает, интерпретирует, договаривается относительно мифов о прошлом и через которые могут быть сформированы доминирующие культурные интерпретации «нации» и «народа». Публичная коллективная память как феномен отличается тем, что находит выражение в создании артефактов, имеет визуализацию, конкретные практические результаты. Впрочем, публичная память является, на взгляд автора, скорее деятельностью или процессом, нежели результатом. В ходе этой деятельности взаимодействуют государство, элиты и разные социальные группы[7]. Карен Тилл рассматривает эти процессы

---

[5] *Феретти М.* Указ. электрон. ресурс.

[6] *Till K., Forest B., Johnson J.* Post-totalitarian national identity: public memory in Germany and Russia // Social and cultural Geography. Vol. 5. No. 3. September 2004.

[7] *Till K.* The New Berlin / Memory, Politics, Place. University of Minnesota Press. Minneapolis/London, 2005.

на примере Германии – точнее, Берлина – как места публичной памяти о войне и нацизме.

Исследователи считают состояние публичной памяти важным показателем преодоления обществом болезненных синдромов прошлого и залогом его социального выздоровления. Для советских людей такими артефактами Великой Отечественной войны, формировавшими пространство публичной памяти, стали памятник Неизвестному Солдату, Вечный огонь, Мамаев курган, «Алёша», Бронзовый солдат. Это объясняет ту сильную эмоциональную реакцию, которую демонстрирует современное российское общество на факты переноса или, тем более, сноса такого рода памятников.

С. Коэн отмечает: «По всему миру поминовение жертв превратилось в "войны памяти". С каждым качанием политического маятника сносятся памятники, переименовываются улицы, отменяются праздники. Пребывающие в запустении деревенские кладбища в Литве и Латвии прошли уже три фазы идентификации. До распада коммунистической системы написанная от руки табличка указывала, что в безымянных могилах покоятся "жертвы фашизма", а о том, что практически все они были местными евреями, не упоминалось вовсе. В первую волну воскрешения памяти прежнее обозначение сменилось новым – "еврейские жертвы". Рост национализма отдал семиотический приоритет "литовским жертвам" – мужественным борцам с нацизмом и сталинизмом»[8].

В России это вызывает протест и негодование не только среди людей старшего поколения, но и среди молодежи. Когда решался вопрос о переносе Бронзового солдата в Эстонии, эта тема была крайне популярна не только в новостях, но и в блогах. А студенты-политологи в рамках курса политической этики рассматривали данное политическое решение как грубое нарушение этических норм эстонскими политиками. При этом предложенное им задание включало обоснование самими политиками сделанного выбора, аргументы в пользу политической целесообразности. Но в данном случае «влезть в чужие ботинки» не удалось никому из них: обида пересиливала, одолевала всякие соображения о том, что подобные действия могут приносить политические дивиденды.

Коллективную память можно рассматривать как социальный конструкт, который создается общими усилиями политической

---

[8] *Коэн С.* Указ. электрон. ресурс.

элиты, интеллигенции и относительно широких масс населения, так или иначе вовлеченных в масштабное историческое событие.

Война была второй мировой, но первой, в которой определяющую роль сыграл простой народ (common people). В СССР ее называли Великой Отечественной, а в Европе – народной войной (people war). Впервые миллионы простых людей были вовлечены в масштабные и длительные военные действия, вследствие чего они ощутили победу своей, отвоеванной, а себя – достойными нового мира. Неслучайно повсеместно в Европе распространились лозунги нового общества, новые социальные идеалы, идеи социального государства, государства благосостояния, которое было выстрадано простыми людьми. На этой волне в послевоенные годы в ряде стран победу на выборах одерживали партии с сильными реформаторскими устремлениями и лозунгами – социалистические, социал-либеральные. «Весна надежды нашей» – так назвал свой роман, написанный в это время, английский писатель Д. Пристли. В 1948 году он опубликовал статью «Зима тревоги нашей», подчеркивая изменение общественных настроений в связи с началом «холодной войны».

В Советском Союзе чувство законной гордости за победу над фашизмом усиливала советская риторика, чествовавшая народ-победитель. В романе Астафьева эта тема звучит со свойственным писателю горьким сарказмом: «Жена моя, попав в столицу, воспрянула духом, расправила крылья, взнялась во весь свой исполинский рост, ленинский, – метр пятьдесят два сантиметра. Мощь эта, группа крови и прочие подробности были означены в красноармейской книжке. Она сразу дала понять, что столица имеет дело с бойцами, повалившими матерый фашизм, что человек она только с виду незатейливый, на самом же деле о-го-го какой разворотливый, прыткий и бедовый»[9].

Но значительно сильнее занимает Астафьева тот социальный конструкт, которым стала память о войне в ее официальной трактовке: «Чтобы не запятнать, точнее, не заляпать лик советского воина-победителя, ни окопный фольклор, ни жаргонные словари у нас долго не издавали. Несколько книжечек, писем с войны, фронтовых песенок, что просочились на свет

---

[9] http://lib.ru/PROZA/ASTAFIEW/soldat.txt

сквозь нашу многоступенчатую цензуру и ханжество наше, не в счет: слишком частое сито, уж не мука-крупчатка осталась и попала на бумагу, но ангельски чистый, почти серебрящийся бус и небесная голубая пыль, которою осыпали во дни торжеств королей и королев, блистательных избранниц, сиятельных вождей. И вот нас, солдат-вшивиков, такой же дезинфекции подвергли: вонь-то и срам постыдства войны укрыли советской благостной иконкой, и на ней, на иконке той, этакий ли раскрасавец, этакий ли чопорный, в чистые, почти святые одеяния облаченный незнакомец, но велено было верить: это я и есть, советский воин-победитель, которому чужды недостатки и слабости»[10].

Романтизация войны, ее героизация были нужны не только власти. В неменьшей степени и люди, перенесшие жестокие испытания, не склонны были воскрешать их в своей памяти. Популярностью пользовались красивые фильмы, книги и песни о войне. Параллельно расцветала дворовая песня, фольклор, в котором война не была такой романтизированной: «Я был батальонный разведчик, а он – писаришка штабной. Я был за Расею ответчик, а он спал с моею женой».

«Правда о войне» стала востребованной лишь спустя полтора десятилетия после ее окончания. С конца 1950-х, в эпоху «оттепели», появляются произведения Ю. Бондарева, К. Воробьёва, В. Быкова, Б. Васильева, выходят в прокат фильмы «Летят журавли», «Судьба человека», «Баллада о солдате».

Применительно к перестроечной и постперестроечной России память о войне оказалась политически окрашенной. «Отношение к сталинизму (сначала обличение, а затем вытеснение) повлияло и на память о войне, которая, хотя и оставалась вполне живой для общества, поначалу занимала весьма незначительное место в публичной памяти посткоммунистической России», – считает М. Феретти. По ее мнению, «когда в 1995 году, в связи с празднованием пятидесятилетия победы, память о войне была с большой помпезностью включена в официальную картину исторического прошлого, этот жест имел чисто националистическую окраску. Победу над нацизмом свели к очередному проявлению вечного героизма русского народа, сражавшегося за освобождение страны от безличных оккупантов, последних в череде различных завоевателей, которые на про-

---

[10] http://lib.ru/PROZA/ASTAFIEW/soldat.txt

тяжении столетий неоднократно покушались на священную русскую землю»[11].

Можно спорить с автором по поводу терминов: вероятно, точнее было бы использовать понятие «патриотический», нежели «националистический». Но память о войне как ресурс стала активно использоваться властью, которая стремится перевести гордость в патриотизм, а последний – в «руководство к действию». Программы развития патриотического воспитания, конкурсы, песни, фильмы и т. п. дают свой эффект. Так, опрос мужчин в возрасте от 18 до 31 года в Великобритании, Германии, Франции, Италии, Швеции и Чехии, проведенный агентством BBDO в 2005 году, показал, что число потенциальных защитников Отечества в России вдвое превышает западноевропейские показатели – 64% против 34%[12]. Авторы книги «Реальная Россия» с их ярко выраженной патриотической настроенностью приводят следующие данные. По суммарным выводам (оптимистическая оценка будущего, здоровая амбициозность, отношение к труду, к славе и т. д.) исследователи BBDO пришли к заключению, что в демократической России подрастает поколение победителей с четко выраженной патриотической позицией. Собственные исследования авторского коллектива «Реальной России» не только подтвердили эти выводы, но позволили сделать такое резюме: «Вполне допустимо, что одной из причин возрождающегося патриотизма в молодежной среде стали унижения, политическая дискриминация и применение двойных стандартов по отношению к России со стороны демократического Запада. Россияне довольно быстро поняли, что в Европе их не ждут и прочно зачислили в разряд второсортных граждан мира. Не удивительно, что молодежь откликнулась на такое отношение к себе и к России в целом более эмоционально, чем старшие поколения»[13]. Ценностные основания данного заключения также вполне очевидны. Однако так называемое оборонное сознание – осознание наличия для России как внутренних, так и внешних угроз – демонстрирует даже такая, казалось бы, продвинутая категория населения, как молодые москвичи[14].

---

[11] *Феретти М.* Указ. электронный ресурс.

[12] Реальная Россия: Социальная стратификация современного российского общества. М., 2006. С. 177.

[13] Там же.

[14] *Борусяк Л.* Патриотизм как ксенофобия // Вестн. обществ. мнения. 2004. № 6.

Социолог И. Климов поставил своей целью анализ патриотических оснований современной российской идентичности. Он отмечает: «Несмотря на разнообразную и сложную мотивацию комплекса патриотических чувств, патриотизм остается социально одобряемой ценностью. Это означает, что данное понятие вряд ли появится среди "отторгаемых", как это было в недавнем прошлом со словами "реформы" или "демократия", например. Кроме того, это понятие остается важным инструментом для оценки других людей, а также может выступать и как "руководство к действию"»[15].

На наш взгляд, существует тесная взаимосвязь патриотических чувств с тем, каким люди хотят видеть и каким видят государство. Согласно данным ФОМ, молодые респонденты (до 35 лет) чаще склонны считать Россию сильным, а не слабым государством – 46% против 33%; пожилые (от 55 лет) – скорее слабым, а не сильным (26% против 49%)[16].

Социологи спрашивали также, существуют ли «недостатки», которые не позволяют назвать человека патриотом. Выяснилось, что респонденты старшей возрастной группы заметно чаще, чем молодежь, говорили, что тот или иной «недостаток» мешает назвать человека патриотом. Исключения наблюдаются лишь в двух случаях: применительно к знанию текста гимна и критике властей – здесь суждения пожилых респондентов практически не отличаются от взглядов молодежи[17]. Иные признаки менее значимы: 45% опрошенных заявили, что не может быть патриотом человек, который не ходит на выборы; 36% – тот, кто не знает текста гимна своей страны; 34% – предпочитающий иностранную литературу и искусство отечественным. Реже всего в этом ряду упоминалась критика властей, тем не менее 31% опрошенных убеждены, что тот, кто критикует власти своей страны, патриотом быть не может[18].

Патриотические песни запели «Дискотека Авария», Тимати, Ираклий и другие молодежные кумиры. Недавний хит «Дискотеки Авария» «Зло» имеет ярко выраженные патриотические и имперские мотивы:

---

[15] *Климов И.* Патриотические основания современной российской идентичности. http://bd.fom.ru/report/cat/man/patriotizm/oz02061902

[16] http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0622/domt0622_5/d062224

[17] *Бавин П.* Патриотизм: критерии и проявления. http://bd.fom.ru/report/cat/man/patriotizm/d064825

[18] Там же.

Зло улыбалось тебе в подделках киношных,
Когда ты забыл свое великое прошлое...
И внутри сидит чужой и управляет твоими помыслами.
Ну что, подбросишь друга своего заклятого
На своем горбу к воротам рая звездно-полосатого,
Гордясь, что тебе доверили
Пососать леденец на обломках вековой империи?
Ты рожден на земле отваги и мужества...
Но что-то продано, что-то украдено,
А что-то в шкафу пылится рядом с медалями прадеда.

На праздничном концерте в честь Дня Победы на Красной площади традиционных исполнителей военных песен решительно потеснили Дима Билан, «Дискотека Авария», группа «Челси», «УмаТурман». Тысячи молодых людей, собравшись на площади (многие из них в фирменных футболках «Наши», и абсолютное большинство – с флажками триколора), довольно дружно подпевали и еще более дружно скандировали «Рос-си-я!».

И. С. Семененко отмечает огромную популярность ремейков о войне среди молодежи, таких как фильм «Звезда»[19]. Правда, эти фильмы больше напоминают боевики, блокбастеры. В ближайшем прокате каналы анонсируют новые сериалы на военную тематику.

Коллективная память, являясь совокупностью наиболее устойчивых психологических компонентов, вместе с тем способна меняться под воздействием новых ярких событий, радикальных процессов, социальных перемен, моральной и культурной эволюции общества. Важно избежать ситуации, которую Сергей Кара-Мурза характеризует как такую, когда «после каждой новой вехи весь предыдущий путь в памяти стирался и вместо реалистичной картины этого пути с его счастливыми и трагическими моментами кто-то вставлял простенький кадр из мультфильма про Микки-Мауса»[20].

«Веселый солдат» – неподходящий материал для мультика или боевика. Это та правда о войне, которая неприглядна и непривлекательна. Но она такова, что позволяет гордиться не какими-то залакированными и лубочными картинками, но победой и людьми. Позволяет чувствовать себя человеком. Дорожить свободой.

---

[19] *Семененко И. С.* Социокультурная динамика российского общества и проблемы культурной идентичности // Политический альманах Прикамья. Пермь, 2005. Вып. 4.

[20] *Кара-Мурза С.* «Под хруст французской булки...» Короткая память – срочная национальная проблема. http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=73&tek=1862&issue=49

Е. В. Шестакова
аспирант кафедры политических наук ПГУ,
г. Пермь

ПОИСК НОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: МОЛОДЕЖНЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ (Пермский вариант)

Современная российская политическая система, сформированная в последние десятилетия общественно-политическими и экономическими преобразованиями, обнаруживает слабое присутствие процессов институциональной социализации молодежи.

Ценностная трансформация российского общества обусловила такое явление: в сознании современной молодежи культивируется ставка на личный успех в жизни, на достижение высокого личного профессионального, социального и финансового статуса любой ценой. У молодежи конца 1990-х в иерархии ценностей патриотизм оказался на последнем месте, а доверие к государству как политическому институту – на одном из последних мест.

«Молодежь довольно легко восприняла установку: государство ничего не обязано своим гражданам, но и молодое поколение может платить той же монетой, отказываясь служить в армии, искусно уклоняясь от уплаты налогов, при всяком удобном случае стремясь избежать наказания, не подчиняясь властям и закону, предпочитая работать за границей, а не на благо родины, – отмечают исследователи. – Сегодня исследовательскими центрами устойчиво фиксируются в молодежной среде такие ценности, как эгоизм, рационализм, прагматизм, индивидуализм, опора на собственные силы, недоверие к власти, преобладание личного над общественным» .

Во многом данные показатели ценностной шкалы молодого человека заставляют общественно-политический истеблишмент федерального и регионального уровней обращаться к вопросам создания новых институтов социализации молодежи. Подобные институты, организации, помимо формирования активной гражданской позиции молодого человека, его социальной зрелости, призваны взять на себя функции подготовки новых кадров, создания действенного механизма представи-

тельства и защиты интересов молодежи в органах государственной власти и местного самоуправления.

Не последнее место в этой работе занимает задача по повышению уровня политической культуры в молодежном сегменте.

Перед государством, заинтересованным в успешной гражданской социализации молодого поколения, встает первоочередная задача поиска механизмов и технологий, позволяющих молодежи участвовать в принятии политических решений. Кроме прочего, власти привлекают молодых людей к активным формам участия в общественной жизни, предлагают находить решения социально значимых проблем, вести диалог с оппонентами, отстаивать свои интересы и принимать на себя ответственность. Известно, что намного эффективнее усваиваются ценности, принципы, образцы поведения, когда они «пропускаются через себя» молодым человеком, когда он принимает непосредственное участие в их реализации.

В последние годы федеральные и особенно региональные власти используют механизм вовлечения молодежи в политические процессы через создание молодежных парламентов.

Анализируя динамику развития молодежного парламентаризма в России за последние 5 лет, стоит отметить значительный количественный и качественный рост молодежных парламентских структур. Перечень этих структур в регионах на сегодняшний день широк: в 52 субъектах Федерации на региональном либо муниципальном уровне созданы и активно действуют молодежные парламенты. Некоторые из них по механизму формирования копируют выборную систему (Архангельская, Новосибирская области), систему делегирования (Рязанская, Ивановская области), по направлениям деятельности приоритетным выбирают разработку законов (Калининградская, Волгоградская области).

Следует, однако, отметить, что в ряде субъектов РФ молодежные парламенты существуют, но не отвечают принципам представительности, равенства прав молодых граждан (когда представлена только одна категория молодежи), их равных возможностей. Происходит это в силу разных причин (лоббирование личных интересов через искусственно созданный молодежный орган, через предвыборный проект).

Молодежные общественные структуры по способу их формирования подразделяют на молодежные парламенты, создан-

ные при органах законодательной (представительной) власти; молодежные парламенты или молодежные правительства, созданные при органах исполнительной власти; молодежные парламенты как социальная программа органов законодательной, исполнительной власти, одного или нескольких молодежных общественных объединений.

Оптимальной моделью, по мнению исследователей в сфере молодежной политики, является молодежный парламент (МП), созданный при органе законодательной (представительной) власти. Эта организационная форма характеризуется тем, что молодежный парламент формируется по решению органа законодательной власти и действует на основании утвержденного им положения. Являясь общественным совещательным (консультативным) органом, такой парламент участвует в разработке нормативных правовых актов и иных документов в сфере государственной молодежной политики, взаимодействуя с соответствующими комитетами, комиссиями, депутатами органа законодательной власти.

Члены МП, как правило, избираются от максимально возможного количества территорий, образовательных учреждений, других организаций, молодежных общественных объединений и т. д. В структуре МП обязательно формирование комитетов, комиссий и других рабочих органов.

Главное преимущество такой формы состоит в том, что изначально молодежный парламент получает официальный статус, предоставляемый ему органом законодательной власти. В этом случае ни одна общественная организация не сможет претендовать на монопольное использование созданного органа молодежного самоуправления в своих интересах.

Именно по такому пути в настоящее время идет формирование Молодежного парламента при Законодательном собрании Пермского края.

История создания МП в Пермской области, а потом и в Пермском крае весьма продолжительна.

О необходимости создания в Прикамье такой структуры заговорили еще в конце 1990-х годов. Будучи депутатом Законодательного собрания Пермской области второго созыва, П. Анохин организовал депутатскую группу «Дело жизни». Депутаты, входившие в данную группу, инициировали создание молодежного объединения, задачей которого стало бы формирование молодежного парламента. Инициативная группа сту-

дентов Пермского государственного университета разработала проекты положения и регламента молодежного парламента. Проект под названием «Молодежный парламент Пермской области» реализовывался в период выборов депутатов Государственной Думы РФ (1999), и по окончании избирательного периода интерес к проекту угас. Вероятно, уже в тот момент времени использование темы молодежного парламентаризма в предвыборный период исключительно в целях самопиара одного из кандидатов дискредитировало тему молодежного парламентаризма в глазах широкой общественности Пермской области.

Следующий виток развития молодежного представительства в органах государственной власти произошел при губернаторстве Ю. Трутнева. Рабочая группа по разработке положения о молодежном парламенте была сформирована приказом губернатора в 2002 году. Вопрос об организации подобного органа неоднократно поднимался на различного рода дискуссиях и «круглых столах». Осенью 2002 года по инициативе депутата И. Неустроева была создана рабочая группа при Законодательном собрании Пермской области по вопросам организации молодежного парламента.

Многочисленные общественные дискуссии и обсуждения проблем участия молодежи в политике привели к возникновению нескольких альтернативных проектов. Первый предполагал определение статуса молодежного парламента как консультативно-общественного органа при Законодательном собрании Пермской области. Формулировалась основная задача такого парламента: представление интересов молодежи на всех этапах законотворческого процесса, касающегося молодежной политики. Формировать МП предполагалось на смешанной основе – как через прямые выборы в учебных заведениях региона, так и через прямое делегирование в парламент представителей молодежных организаций, а также через проведение конкурса проектов.

Второй вариант проекта предполагал формирование молодежного парламента как составной части региональной легислатуры, наделенной всей полнотой совещательных и контролирующих функций в рамках всех проблем, которые касаются молодежи. На самих молодых депутатов предполагалось возложить также роль общественных помощников депутатов Законодательного собрания в территориях. Создавать будущий

орган планировалось по территориальному принципу (от одного округа – один депутат) через систему избирательных комиссий региона.

Сложная процедура формирования поставила разработчиков проекта в тупик, и прошло несколько лет, прежде чем к этой идее снова возник интерес.

Положение о молодежном парламенте было принято в первом чтении депутатами Законодательного собрания Пермской области только в декабре 2005 года. В феврале 2006-го состоялось рассмотрение этого документа на заседании рабочей группы Законодательного собрания Пермской области, во время которого возник спор, связанный с тем фактом, что Законодательного собрания Пермского края пока не существовало, однако и такого субъекта, как Пермская область, в Российской Федерации уже не было. Изначально молодежный парламент планировалось создать при Законодательном собрании Пермской области, а поскольку этот законодательный орган должен был в скором времени претерпеть реорганизацию, создавать новую структуру в тот момент не имело смысла. В итоге принятие положения об МП было отложено до выборов в Законодательное собрание Пермского края.

В период избирательной кампании 2006 года по выборам депутатов Законодательного собрания Пермского края первого созыва появился еще один проект молодежного парламента. Группа молодых людей, членов «Молодой гвардии» Пермского краевого отделения партии «Единая Россия», предложила создать парламент молодежи как общественную организацию по отстаиванию интересов молодежи. Каждый из молодых людей, прошедших через сито отбора, получал бы вознаграждение в размере 100 долларов в месяц от одной из коммерческих структур региона. В декабре 2006 года, за несколько дней до выборов депутатов Законодательного собрания, состоялись выборы в вузах и сузах Пермского края. Рабочая молодежь, школьники, военнослужащие и другие социальные группы молодежи в создании общественной организации участия не принимали.

Цель работы парламента молодежи определялась так: защита интересов молодежи, формирование в молодежной среде правовой и политической культуры, поддержка молодежных инициатив и разработка социально значимых проектов. Парламент молодежи Пермского края провозглашался независимой общественно-политической молодежной организацией.

Данный проект вновь стал предвыборным пиар-средством в выборной кампании для продвижения организаций и отдельных политиков, нацеленных на получение политических дивидендов. Через полгода этот проект был забыт.

Параллельно вышеописанным событиям в Законодательном собрании активно обсуждалось положение о молодежном парламенте. В 2007 году Законодательное собрание Пермского края вернулось к обсуждению вопроса о создании новой структуры. И снова возникла проблема – отсутствие единых принципов формирования организации. Тем не менее факт проведения продолжительных и конструктивных дискуссий, появление проектов, предполагавших сходные цели и задачи, демонстрировали необходимость учета интересов молодежи в политике, в том числе и через вовлечение молодых людей в работу представительных органов власти региона.

К обсуждению проекта документа приступил совершенно новый состав депутатского корпуса, ориентированный в большей степени, нежели предыдущий созыв, на достижение политических целей, поставленных перед ними их партиями. В связи с этим дискуссии в Законодательном собрании приняли ярко политическую окраску, и первую скрипку явно играло партийное большинство «Единой России», хотя внутри самой фракции не было единого мнения о том, что должен представлять собой молодежный орган и по каким принципам он должен формироваться.

Подобные внутренние расхождения во мнении в какой-то момент вылились в открытое противостояние председателя Законодательного собрания Пермского края Н. Девяткина и начальника регионального штаба «Молодой гвардии Единой России» А. Третьякова. Девяткин настаивал на принятии документа в той редакции, которая была утверждена в первом чтении. Третьяков говорил, что в этом случае вместо нормального совещательного органа молодежи можно получить собрание молодых помощников депутатов, как это и произошло в большинстве российских регионов.

В период доработки положения в рабочую группу поступили 83 поправки, из которых 14 поправок были приняты (в том числе две в согласованной редакции), три поправки учтены ранее принятыми поправками, три сняты авторами и более 60 поправок отклонены.

Рабочая группа приняла решение, что в состав МП войдут, помимо представителей региональных или местных молодеж-

ных общественных организаций (региональных отделений российских молодежных организаций, студентов и учащихся, трудовых коллективов), также и представители региональных отделений политических партий, списки кандидатов которых допущены к распределению мандатов в Законодательном собрании. В связи с этим выборы было предложено проводить по смешанной системе: 30 человек избираются по округам, совпадающим с одномандатными избирательными округами по выборам депутатов Законодательного собрания (по одному представителю от округа), и 30 человек избираются региональными отделениями политических партий, зарегистрированных в Пермском крае и имеющих мандаты в Законодательном собрании.

В согласованной редакции была принята поправка, определяющая возраст члена молодежного парламента. Им может стать гражданин Российской Федерации в возрасте от 16 до 25 лет, проживающий на территории Пермского края (в редакции, принятой в первом чтении, – от 16 до 23 лет).

Установленная численность членов молодежного парламента – 60 человек, то есть столько же, сколько депутатов в Законодательном собрании Пермского края (в прежней редакции, количество членов МП не могло превышать 40 человек).

Окончательный вариант Положения о Молодежном парламенте при Законодательном собрании Пермского края был принят в июле 2007 года. Наиболее принципиальным вопросом при доработке проекта документа стал вопрос о порядке формирования МП.

Активное участие в разработке документа на всех этапах его рассмотрения принимал А. Третьяков от движения «Молодая гвардия». Предлагаемые изменения касались главным образом формирования молодежного органа через полноценные выборы, предполагающие выделение мест для голосования, избирательных бюллетеней, проведение подсчета голосов.

В июле 2008 года депутаты Законодательного собрания приняли Положение о формировании Молодежного парламента при ЗС Пермского края. В нем регламентируются вопросы избрания депутатов МП Законодательном собрании по смешанной системе:

1) 30 человек – по округам, совпадающим с одномандатными избирательными округами по выборам депутатов Законодательного собрания (по одному представителю от округа).

При этом выборы членов МП по округам проводятся на окружных конференциях молодежью, проживающей на территории округов, из числа зарегистрированных кандидатов в члены МП в возрасте от 16 до 25 лет;

2) 30 человек – от региональных отделений политических партий, избранных в составе списков кандидатов региональных отделений политических партий, допущенных к распределению депутатских мандатов в Законодательном собрании Пермского края. Региональное отделение политической партии вправе выдвинуть в МП количество кандидатов, равное числу их представителей в Законодательном собрании.

Для организации и проведения выборов в Молодежный парламент при Законодательном собрании Пермского края создаются организационный комитет и окружные комиссии, которые непосредственно занимаются организацией и проведением выборов.

В состав организационного комитета входят первый заместитель председателя Законодательного собрания (председатель организационного комитета), руководители партийных фракций или их заместители, председатели комитетов Законодательного собрания или их заместители, координатор от Законодательного собрания, работники аппарата Законодательного собрания.

В состав окружных комиссий включаются депутаты Законодательного собрания, избранные от соответствующих одномандатных избирательных округов, члены Совета представительных органов муниципальных образований Пермского края, представители органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов.

Выборы членов МП по округам проводятся на окружных конференциях молодежью, проживающей на территории округов, из числа зарегистрированных кандидатов в возрасте от 16 до 25 лет. Право выдвижения кандидатов имеют общественные объединения; образовательные учреждения среднего (полного) общего образования, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования; трудовые коллективы предприятий, учреждений и организаций. От каждого округа из числа зарегистрированных кандидатов избирается один член молодежного парламента.

Эта схема избрания членов уникальна в масштабах Российской Федерации. Большинство молодежных парламентов

субъектов РФ формируется либо на основе конкурса социально значимых проектов, либо из числа избранных от муниципальных образований по ходатайству представительных органов МО, либо из числа представителей только молодежных общественных организаций.

В настоящее время активно идет процесс формирования Молодежного парламента при Законодательном собрании Пермского края. Работает оргкомитет по выборам членов МП, созданы окружные комиссии, которые завершили прием документов для регистрации молодых людей в качестве кандидатов на окружные конференции. Утвержден количественный состав членов молодежного парламента от политических партий.

По предварительным данным, активность выдвижения невелика. Анализ причин столь низкой заинтересованности молодежи Пермского края в участии по выдвижению кандидатов в МП пока не проводился – это дело будущего. Но анализ процесса создания молодежного органа дает возможность сделать выводы, а следовательно, прогнозировать процессы.

На всех этапах создания молодежного парламента Пермской области (края) контингент участников дискуссий был однороден. Общественно-политические молодежные организации были представлены в основном «Молодой гвардией» и молодежным отделением СПС. Невелика была активность общественных организаций и, как ни странно, депутатов Законодательного собрания. Высокую активность демонстрировали представители исполнительных органов власти. В связи с этим стоит ожидать высокой активности в избирательном процессе членов Молодежного парламента при ЗС Пермского края со стороны «Единой России» и исполнительных органов власти.

Как и во «взрослых» выборах, парламентское большинство «Единой России» сделает ставки не только на кандидатов, прошедших по партийной квоте, но и на «своих» кандидатов в одномандатных округах, лоббирование которых возможно через административный ресурс. Таким образом, может получиться, что парламентское большинство Законодательного собрания установит свое большинство и в Молодежном парламенте Пермского края.

Участие в мероприятиях, инициированных органами исполнительной власти, четко показало низкую информированность о процессе создания молодежной легислатуры представителей

детских и молодежных общественных организаций, хотя на протяжении 2003–2006 годов на муниципальном уровне активно шел процесс создания молодежных парламентов муниципальных образований. Отличительной особенностью вновь созданных молодежных субъектов стало замыкание на собственной деятельности внутри отдельного муниципалитета, отсутствие потребности выхода во внешний мир для самопрезентаций и поиска единомышленников. Подобная «самодостаточность», вероятно, вызвана отсутствием «старшего товарища», который аккумулировал бы политический, информационный, методический потенциал на уровне всего края, субъекта РФ. В связи с созданием Молодежного парламента при ЗС Пермского края ожидается создание организации по типу ассоциации, которая должна познакомить и объединить участников молодежного парламентского движения муниципальных образований.

Деятельностная компонента является необходимым условием эффективной политической социализации, что объясняет наш интерес к проблематике молодежного парламентаризма в контексте ценностной трансформации, переживаемой российским обществом.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

РУКОВОДИТЕЛЬ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПЕРМСКОГО ГОРОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

В. С. КОЛБАС

Л. Н. Бажина

заведующий информационно-методическим отделом Кизеловской межпоселенческой библиотеки

ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕК В ШАХТЕРСКОМ КИЗЕЛЕ

Едва ли можно измерить ту нравственную поддержку, которую дает прикосновение к прошлому, к былым традициям, к судьбам людей, работавшим в твоей библиотеке 50 и 80 лет назад. Теряя опору в прошлом, мы тяготимся настоящим, не умеем справиться с его проблемами, боимся заглянуть в будущее. Поэтому обращаться к прошлому нужно! К сожалению, получилось так, что имена сотрудников и страницы истории библиотек города Кизела довольно долго ждали внимания к себе. И только в середине 1990-х годов пришло осознание необходимости обратиться к истории библиотечного дела в Кизеле. А идея создания библиотечного музея возникла чуть позже, и осуществление этого замысла требовало немалой энергии и кропотливого труда.

Стратегия библиотечного развития определялась и определяется во властных структурах, их решения прямо или косвенно влияют на нашу библиотечную жизнь. В послевоенный период при четкой централизации государственных структур исполнение правительственных постановлений проводилось неукоснительно. Поэтому очень важна была политика КПСС в развитии библиотечного дела в целом. Центральным руко-

водящим документом в библиотечном деле этого периода справедливо считается постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по укреплению районных и сельских библиотек» от 15 августа 1946 года. Оно обязывало областные и краевые исполкомы выполнить длинный перечень задач. В числе прочего требовалось оперативно «организовать в 1946–1948 годах в каждом районном центре районную библиотеку с читальным залом, передвижным фондом и детским отделением, предоставив для них соответствующее помещение и необходимое оборудование». Совет Министров утвердил «новый порядок комплектования библиотек книгами», при котором было обеспечено «преимущественное снабжение литературой публичных библиотек» и «значительное увеличение к концу 1947 года количества книг в районных и сельских библиотеках». Министерство финансов РСФСР заложило в бюджет на четвертый квартал 1946 года 60 тыс. рублей «на премирование библиотек и библиотечных работников, отличившихся во всесоюзном социалистическом соревновании». Требовалось создать условия для массового переплета библиотечных книг, бесперебойного снабжения сельских библиотек керосином; издать в 1946 году 2 млн читательских формуляров, 2 млн каталожных карточек, выделить «целевым назначением» в четвертом квартале года Комитету по делам культурно-просветительных учреждений 30 автомашин для библиотек-передвижек и т. д.

Как же проходило библиотечное строительство в Кизеле после окончания Великой Отечественной войны? Обратимся к документам и фактам.

« Решение
исполкома Кизеловского горсовета депутатов
трудящихся

от 6 апреля 1945 г.

№ 290

Горисполком решил:

1. Обязать зав. гороно т. Иванова и зав. городской библиотекой т. Сажину:

а) восстановить к 1 мая с. г. полностью работу детской библиотеки. Подготовить для нее соответствующее помещение и оборудование: шкафы книжные, полки, столы, стулья, витрины для книжных выставок и ящики для каталогов;

б) обеспечить библиотеку запасом топлива до конца отопительного сезона и годовым запасом на 1945–1946 гг. не позднее 1.10 с. г.

2. Обязать начальника стройконторы горкомхоза т. Анисимова в срок до 25.04.1945 г. произвести ремонт помещения, выделенного под детскую библиотеку.

3. Обязать директора завода № 185 т. Голубева оказать помощь городской библиотеке в отпуске строительных материалов, рабочей силы и денежных средств для ремонта помещения, ранее занимаемого под общежитие рабочих.

4. Обязать зав. библиотекой т. Сажину установить строгий контроль за сохранением библиотечного фонда.

5. Обязать руководителей предприятий и организаций завести в обходной листок на увольнение горбиблиотеку.

6. Запретить зав. КОГИЗом т. Бровину выдачу и продажу литературы без ведома гороно.

7. Обязать зав. горфо т. Попова, гороно т. Иванова обеспечить полное и своевременное финансирование библиотеки.

8. Контроль за выполнением данного решения возложить на зам. предисполкома т. Мирнова И. Н.

Председатель
исполнительного комитета
горсовета депутатов трудящихся *Назаров*

И. о. отв. секретаря *Мешалов»*

7 мая 1945 года был создан отдел культурно-просветительной работы. Все имеющиеся культурно-просветительные учреждения переданы из гороно в этот отдел.

В 1945 году начато строительство Дворца культуры, 1 сентября 1946 года открыта музыкальная школа с количеством учащихся 60 человек, а в июне 1952-го – стадион «Шахтер».

Постановления советского правительства не только предусматривали решение материальных проблем сельских библиотек, но касались содержания и форм их деятельности. Так, библиотекам предписывалось чаще использовать межбиблиотечный абонемент, проводить читательские конференции «с обсуждением лучших произведений советских писателей, русских и других классиков, критических статей, а также наиболее интересных научных журнальных и газетных статей», «уста-

новить постоянные литературные дни в библиотеках с докладами, лекциями, литературными чтениями, консультациями, организовать при библиотеках литературные кружки» и прочее. К широкому оповещению читателей о новинках литературы и лучших книгах, имеющихся в библиотеках, подключались средства массовой информации: печать и радио.

Из отчета культурно-просветительного отдела за 1948 год

«Сеть культпросветучреждений по сравнению с 1947 годом возросла: если в 1947 году было 11 клубов, то сейчас в Кизеле насчитывается 14 клубов, 2 клуба вновь построено на шахтах № 40 и 42. В Кизеле выстроен новый драматический театр на 350 мест. Имеется один кинотеатр. Библиотек 9, из них 7 профсоюзных и 2 городские: детская и взрослая. Книжный фонд в профсоюзных библиотеках увеличился в 2 раза, вместо 32 тыс. на 62 тыс. экземпляров книг. В городских библиотеках вместо 21 тыс. до 24,7 тыс. экземпляров книг. Ассигнованная сумма денег 10 тыс. руб. на приобретение книг совершенно не удовлетворяет потребности наших читателей, из этой суммы около 4 тыс. уходят на выписку газет и журналов.

За отчетный период увеличилось число кружков художественной самодеятельности – вместо 27 до 48, в них участвовало 573 человека. Ими дано концертов и спектаклей 472, с охватом 61 458 человек. Вечеров молодежи только в клубах Коспаша проведено 43, с охватом 10 265 человек.

Лекторами лекторской группы за отчетный период прочитано 247 лекций с охватом 29 976 человек. <...>

Надо отметить, что благодаря помощи и вниманию партийных и профсоюзных организаций за последнее время наши клубы и библиотеки стали работать значительно лучше. Такие клубы и библиотеки, как на шахтах № 6 и 39, и особенно библиотека на шахте имени Ленина, значительно улучшили свою работу. Зав. библиотекой шахты им. Ленина Хвальцова систематически проводит литературные вечера по разбору классиков художественной литературы, громкие читки в общежитиях и библиотеках... При библиотеке работает 8 библиотечек-передвижек. Для привлечения читательского актива т. Хвальцова организовала шахматный кружок, в котором обучается более 25 человек передовых стахановцев шахты».

В отчете отмечены и недостатки в работе библиотек, в числе которых «несерьезный подход со стороны профсоюзных организаций к подбору кадров: из 14 зав. клубами со средним образованием работают 2 человека, 6 человек с 7-летним образованием. Остальные 6 человек – с низшим образованием. Такое же положение и среди работников библиотек».

Удивительно быстрое восстановление библиотечной сети после Великой Отечественной войны имеет свое рациональное объяснение. Реальная поддержка «сверху» и заинтересованность и инициатива «снизу» в итоге привели к достижению и превышению довоенного уровня развития библиотечного дела (по основным показателям) уже в 1948–1949 годах.

Особо значимым явилось Всероссийское совещание библиотечных работников в марте 1948 года. Здесь не только заинтересованно обсуждались насущные проблемы отрасли и ее перспективы. Делегаты отметили социально-политическую значимость библиотек, необходимость приложить все усилия для укрепления коммунистической идеологии в обществе. Показательно, как власти подчеркивали приоритетность развития массовых библиотек: за массовыми библиотеками закреплялась роль фундамента в деле народного просвещения.

Конечно, главной проблемой оставалась послевоенная бедность, материальных ресурсов было недостаточно. Заработная плата библиотекарей оставалась низкой. Не хватало литературы, оборудования, мебели, благоустроенных помещений.

После Великой Отечественной войны существенно уменьшились политические репрессии, смягчился цензурно-идеологический климат. Однако любые, говоря сегодняшним языком, акции, проводимые библиотеками, были весьма политизированными. Это был период не столько культурно-просветительской, сколько культурно-пропагандистской деятельности. Тогда в библиотечную практику вошли так называемые литературные суды, пропагандировавшие книгу через театрализацию, читательские конференции, вечера критики. Таким образом, считалось, книга должна была стать более доступной. Например, в 1954 году в библиотеке горного техникума при активной помощи преподавателей литературы были проведены читательские конференции по книгам Вилиса Лациса «К новому берегу», В. Н. Собко «Завтра», «Залог мира», А. М. Бойченко «Молодость»; в детской библиотеке состоялось обсуждение книги Л. М. Жарикова «Повесть о суровом друге», для старшеклассников была организована читательская конференция

по книге Б. В. Изюмского «Призвание»; в библиотеке поселка строителей ЦОФ (центральной обогатительной фабрики) прошли читательские конференции по басням И. А. Крылова и творчеству А. С. Пушкина; в библиотеке горнопромышленного училища № 3 было проведено собеседование по книге А. А. Фадеева «Молодая гвардия»...

Библиотеки во все времена поддерживают тесную взаимосвязь с местной газетой и местными прозаиками и поэтами. А потому историю библиотек можно проследить по газете «Уральская кочегарка», где постоянно публиковались материалы о работе библиотек, информация о книгах. Газета знакомила читателей с творчеством местных писателей. Помимо этого редакция газеты организовывала собрания литературного кружка для начинающих литераторов, где обсуждались их произведения, отмечались недостатки, давались советы. Литературный кружок собирался два раза в месяц, и руководил им редактор газеты А. В. Строкин.

5 февраля 1954 года в читальном зале библиотеки Дворца культуры состоялась встреча читателей с кизеловским писателем Николаем Сергеевичем Сластниковым. Молодой писатель рассказал, как с маленького рассказа в газете «Пионерская правда» он дошел до зрелого произведения «Огни в тайге», повествующего о строительстве шахт в годы Великой Отечественной войны на Урале. Н. С. Сластников рассказал о совещании писателей в Москве, о встрече с писателями В. Н. Ажаевым, И. Г. Эренбургом, П. П. Вершигорой, В. П. Некрасовым.

Среди поэтов того времени можно назвать строителя Василия Юркина, проходчика шахты Виктора Витте, художника клуба Л. Батаева, студента горнопромышленного училища № 3 А. Балеевских и других. Все они были членами литературного кружка.

История библиотеки – история страны. Это верно. Под таким названием 16 ноября 1994 года Пермская областная библиотека им. А. М. Горького даже провела научно-практическую конференцию, посвященную истории библиотечного дела в Прикамье. Но самое большое значение история библиотек имеет для нас самих. Сотрудники библиотек, помимо прочего, находят в исторических материалах – фотографиях, воспоминаниях, старых формулярах – то, что позволяет гордиться своей профессией, своим коллективом, а музейная экспозиция, рассказывающая о прошлом, работает не только на день сегодняшний, но позволяет нам с надеждой смотреть в будущее.

Т. А. Буякова
главный специалист по краеведению
Централизованной библиотечной системы г. Соликамска

РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В ГОРОДЕ СОЛИКАМСКЕ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1945–1955)

Впервые документальные сведения о библиотеках города Соликамска встречаются в переписи Михаила Кайсарова 1623 года. Это были небольшие библиотеки для служебного пользования, принадлежавшие церквям и монастырям. В XVIII–XIX веках организуются библиотеки при училищах. Первое из них – малое народное училище – появилось в 1723 году. В 1873 году открылась библиотека Соликамского общества любителей чтения. В 1915 году по решению земского собрания, путем слияния небольшой учительской библиотеки и библиотеки общества любителей книги, была создана публичная земская библиотека. От этой даты ведет отсчет своей истории Соликамская центральная городская библиотека.

В первые годы советской власти появляется городская детская библиотека (1922), а также научно-техническая библиотека строившегося калийного комбината (1927).

Период Великой Отечественной войны – еще одна веха в истории развития библиотечного дела города Соликамска. На Урал эвакуировались предприятия из центральных областей. В связи с пуском эвакуированных заводов возникла необходимость в открытии научно-технических библиотек. Такие библиотеки были созданы на Соликамском магниевом заводе и заводе «Урал». С 1942 года ведет свою историю и профсоюзная библиотека Соликамского калийного комбината (ныне – ОАО «Сильвинит»); с 1943 года – библиотека завкома завода «Урал». Основой фондов стали книги, прибывшие с эвакуированными заводами, книги из букинистических магазинов Ленинграда, а также переданные в дар читателями. Руководители предприятий оказывали всяческую поддержку и помощь в комплектовании и пополнении фондов библиотек. И хотя в годы войны не удалось приумножить фонды, зато

удалось их сохранить. К концу войны в Соликамске работало уже семь библиотек.

В послевоенные годы открываются библиотеки и на других крупных предприятиях. Это профсоюзные библиотеки Соликамского магниевого завода (1949) и Соликамского целлюлозно-бумажного комбината (1948).

В период восстановления народного хозяйства и в связи с перевооружением цехов возникла острая потребность в новой научно-технической литературе. В связи с этим в 1947 году калийный комбинат на приобретение новой литературы выделил 11 411 рублей, а техническая библиотека магниевого завода к июню 1953 года имела около 20 тыс. книг и выписывала свыше 40 наименований журналов по различным отраслям знаний. В эти годы заводские библиотеки помогали трудящимся в освоении новых профессий, в учебе в школах рабочей молодежи, техникумах, институтах.

В газетах «Соликамский рабочий», «Путь к коммунизму» за период 1945–1955 годов встречаются статьи о работе городской библиотеки и профсоюзной библиотеки калийного комбината, которая в то время располагалась в клубе горняков[1].

В частности, в публикациях заведующей библиотекой калийного комбината Таисии Ивановны Сухих приведены некоторые цифры: в 1945 году библиотека имела на абонементе 1545 читателей и в передвижках – 1205 человек. Анализируя статьи Т. И. Сухих, можно отметить, что фонд библиотеки калийщиков на 24 августа 1945 года насчитывал 37 830 книг, а уже на 1 января 1946-го он увеличился на 809 книг. Основную часть составляли книги по общественно-политическим наукам – 15 240 книг, чуть больше тысячи – детские книги, в фонде художественной литературы для взрослых насчитывалось всего 8911 книг. За 1945 год в этой библиотеке выдано свыше 33 тыс. книг – точнее, 33 171 экземпляр. При этом об-

---

[1] Подробнее см.: Внимание работе библиотек // Соликамский рабочий. 1945. 4 февр.; *Зотина А.* Забота о культурном росте читателей // Соликамский рабочий. 1950. 9 апр.; *Смирнова А.* В городской библиотеке // Соликамский рабочий. 1948. 16 апр.; *Сухих Т. И.* В библиотеке калийщиков // Соликамский рабочий. 1945. 24 авг.; *Она же.* Читатель старый и читатель советский: письмо библиотекаря клуба горняков тов. Т. И. Сухих // Соликамский рабочий. 1946. 6 февр.

щественно-политической литературы – всего около 2 тыс., а детской и художественной литературы – 22 474 книги. Особенно большой спрос, отмечает автор, был на произведения Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Островского, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, А. П. Чехова. Из современных писателей – на А. М. Горького, М. А. Шолохова, К. М. Симонова, С. Н. Сергеева-Ценского, В. В. Маяковского, А. Н. Степанова. Пользовалась спросом зарубежная художественная литература. При этом Т. И. Сухих предусмотрительно отмечает: «Я не останавливаюсь подробно на цифрах, характеризующих спрос читателей на политическую литературу, он велик, книги В. И. Ленина и сочинения товарища Сталина значатся в абонементах большого количества читателей»[2].

С помощью актива работники библиотеки вели большую массовую работу. Читатели-активисты выступали по местному радио, проводили беседы о творчестве писателей. Например, газета сообщала: «В Доме химиков проведено три громкие читки художественной литературы. Было устроено 10 посещений в подшефную палату и в клуб госпиталя. Организовано 25 книжных выставок: о Великой Отечественной войне, о полководцах Красной армии, о Чехове...»[3]

Центральная городская библиотека в 1945 году находилась в ведении городского отдела народного образования, имела свыше 1 тыс. абонентов, ежедневно выдавала более 150 книг. В послевоенные годы в библиотеке начинается систематическая работа по привлечению читателей, развивается книгоношество, организуются подворовые обходы, формируются передвижные библиотеки. Для читателей открывается свободный доступ к фондам.

Однако наряду с пафосными статьями на страницы газеты выносились и вопросы о насущных проблемах библиотек. Так, в статье «Городская библиотека нуждается в помощи» от 2 февраля 1945 года речь идет о том, что гороно не заботится о создании нормальных условий для работы библиотеки: «Помеще-

---

[2] *Сухих Т. И.* В библиотеке калийщиков // Соликамский рабочий. 1945. 24 авг.

[3] Там же.

[4] *Булычев К.* Городская библиотека нуждается в помощи // Соликамский рабочий. 1945. 2 февр.

ние... уже давно не получало необходимого ремонта... Дров не хватает, притом пилить и колоть их некому. Правда, на помощь приходят тимуровские команды из интерната ленинградских детей, но они, несмотря на все свои старания наколоть как можно больше дров, не могут обеспечить топливом такое большое здание»[4]. Газета отмечает: книжные фонды городской библиотеки и калийного комбината находятся в плачевном состоянии, поскольку не налажена работа по реставрации книг. Тысячи томов в этих библиотеках положены в архивы и не выдаются читателям.

С 1940-го по 1960 год детская библиотека находилась в одной комнате со взрослой. Читальный зал был общий. По этой причине для маленьких читателей было установлено для обмена книг только два дня в неделю, с 10 до 16 часов. «Иногда очереди за книгой, – указывается в статье, – проходят через весь зал и кончаются в коридоре. <...> Для того чтобы ситуация изменилась, – считает газета, – нужно лишь повседневное внимание к библиотекам со стороны партийных и профсоюзных организаций, а также гороно...»[5]

Наверное, как и в наши дни, в 1940-х годах библиотеки тоже испытывали недостаток в кадрах. В газете «Соликамский рабочий» за 22 июля 1947 года помещено объявление о том, что в целях подготовки работников для библиотек города центральная городская библиотека организует шестимесячные курсы, на которые принимаются лица от 17 до 35 лет, имеющие образование не ниже среднего.

Насколько можно судить, к апрелю 1948 года ситуация в городской и детской библиотеках изменилась незначительно. В городской библиотеке имелось 17 тыс. книг для взрослых и 5 тыс. – для детей. К 1954 году книжный фонд детской библиотеки насчитывал уже 12 тыс. экземпляров. Ежедневно библиотеку посещали в среднем 120 взрослых и 180 детей. Но из-за нехватки помещений дети по-прежнему имели возможность обменять книгу только два раза в неделю. Газета обратила внимание на работу читального зала: «Читальный зал открыт с 4 часов дня до 9 часов вечера. Ежедневно в нем бывает не меньше 75 читателей. Многие приходят сюда для работы с кни-

---

[5] О детских библиотеках // Соликамский рабочий. 1954. 28 марта. См. также: *Долгих Р.* В детской библиотеке // Соликамский рабочий. 1956. 18 мая.

гами, которые имеются по одному экземпляру... В читальном зале для детей имеются учебники, по которым школьники могут подготовить уроки, если они не имеют дома книг или подходящих условий для занятий»[6].

В 1955 году при Доме пионеров открывается городская детская библиотека № 2, которая помогла в какой-то степени снять нагрузку с городской детской библиотеки № 1. В новой библиотеке использовались разные формы работы с детьми, в их числе были утренники, обзоры новой детской литературы, велся журнал отзывов, куда дети записывали свои впечатления о прочитанной книге.

Впервые библиотеки города начинают проводить читательские конференции. Вот как об этом рассказывает корреспондент газеты «Соликамский рабочий» от 9 апреля 1950 года: «Каждой такой конференции предшествует большая подготовительная работа. Прежде всего работники библиотеки стремятся, чтобы книгу, намеченную к обсуждению, прочли по возможности большинство читателей. Тов. Сухих (зав. профсоюзной библиотекой СКК) делает запросы в методический кабинет при областной библиотеке в Молотове, пишет в Киров, в Москву, в Выборгский дом культуры в Ленинграде, с которыми она поддерживает постоянную связь. Оттуда ей высылают темы для обсуждения по этой книге, список критической литературы... Библиотека работает в полном контакте с художественной самодеятельностью клуба, и всегда конференции заканчиваются тематическим художественным выступлением. Такие конференции привлекают очень много читателей, на них обычно присутствует не менее 300 человек. За 1949 год конференциями было обслужено 2449 человек».

Как отмечает газета, по-прежнему популярным видом массовой работы библиотек города являются громкие читки художественной литературы в красных уголках, в клубах, в училищах и др. Только в библиотеке калийщиков «в 1949 году было проведено 43 и в 1950 году 30 громких читок». Все библиотеки города и предприятий имеют передвижные библиотечки. Так, у профсоюзной библиотеки Соликамского калийного комбината 12 библиотечек-передвижек на периферии.

Таким образом, к концу 1955 года в городе функционировало 10 крупных библиотек, которые продолжали наращивать книжные фонды и развивать формы работы с читающим населением.

---

[6] Там же.

О. П. Ермакова
ведущий методист КККМ,
сотрудница Литературного музея им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ИМ. В. П. АСТАФЬЕВА

В 2007 году Литературному музею им. В. П. Астафьева исполнилось 10 лет. Самое время обсудить проблемы роста: наши достижения, неудачи, перспективы.

Мысль о создании музея, посвященного литераторам-сибирякам, возникла еще в 80-х годах XIX века в кругу деятелей культуры края Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина. Это был период осознания значимости и значительности литературного наследия Сибири, время самоидентификации сибиряка в окружающем мире. Поэтому музей мыслился как место, способное сориентировать человека в региональной культуре, конкретизирующее представление о литературном пространстве и формирующее национальное самосознание.

Благодаря поддержке концепции литературного музея преподавателями Красноярского государственного педагогического университета В. К. Размахниной и Б. А. Чмыхало, «пробивной» активности директора краеведческого музея В. М. Ярошевской летом 1997 года музей был открыт для посетителей.

В основу концепции лег обзорный дискурс литературы Сибирского края. И сегодня, переходя из зала в зал, посетитель музея последовательно знакомится с темами «Фольклор», «Складочное место российской драмы (поэзия и проза Московского и Енисейского трактов)», «Сибирская литература XVIII–XIX веков», «Уроки старой школы», «Саяны, старообрядчество, тайга», «Литература 20-х годов XX века», «История создания Союза писателей», «Арестованная книга», «Я к Енисею прихожу, как к другу...», «Очевидное-невероятное (творчество писателей-фантастов)», «Творчество В. П. Астафьева».

Создавался музей очень непросто. Например, вокруг экспозиций о революции и Гражданской войне, о Союзе писателей, о гимназии, избе-читальне разгорелись нешуточные споры. Так, красноярский художник Виктор Сачивко объединил эти четыре раздела в проект музея *феноменологии литературы*,

реализуемый внутри музея *истории региональной литературы*. Эти разделы стали предметом *проекта романа*, осмысливаясь как внутреннее пространство не написанного никем сибирского «Улисса». В целом устройство экспозиции должно было продемонстрировать эволюцию пространственных превращений книги. «Посетитель, являясь активным участником экспозиции, оказывается внутри страницы на правах "незакрепленной" буквы; пространство, с которым он как зритель общается, – величиной с ладонь...» Так интересно и сложно мыслилось. Действительность внесла свои существенные коррективы. Истина, как обычно, находилась где-то посередине, она оказалась суровее и проще многослойных интеллектуальных идей. Так в спорах рождался сегодняшний облик литературного музея.

Работа велась сразу по нескольким направлениям: знакомство с красноярскими писателями и комплектование фондов, налаживание сотрудничества с высшей школой, научно-исследовательская работа в рамках литературного процесса Сибири, поиски актуальных и интересных форм музейно-педагогической деятельности.

Со временем обозначился круг наших частых посетителей: в основном ими являются школьники и студенты. Закономерно, что именно среди школьных учителей и преподавателей вузов мы нашли партнеров.

В музее стали проводиться ежегодные семинары по сибирской литературе, научно-практическая конференция «Сибирь, суровая и нежная». Фонды музея располагают обширными материалами по региональной литературе, что позволяет удовлетворить любые исследовательские запросы, касающиеся данной проблемы.

Востребованным является лингвистическое направление в работе музея, например экскурсии «Лексика, имеющая ограниченную сферу распространения» (на основе экспозиции раздела «Литература о Московском тракте»), «Улицы города. Дореволюционные, советские и постсоветские традиции наименования улиц» (на основе экспозиции раздела «Литература о Московском тракте»), «Язык города Красноярска: прошлое и настоящее. Особенности языка красноярцев, топонимика, язык столбистов» (по экспозициям разделов «Я к Енисею прихожу, как к другу...», «Сибирская литература XVIII–XIX веков»).

Интересным и перспективным является сотрудничество со спортивно-краеведческим клубом «Ермак», совместно с кото-

рым были осуществлены этнолингвистические экспедиции на Малый Енисей (Каа-Хемский район Тувинской Республики), к Агафье Карповне Лыковой в верховья реки Большой Абакан, в старообрядческие селения Курагинского района. По результатам экспедиций написаны научно-исследовательские работы.

Мы рады, что музей сегодня является местом общения творческой молодежи города. Несколько лет у нас существует театр «Мусагет» под руководством И. В. Воронова. Красноярские студенты активно участвуют в фольклорных праздниках, в ежегодном музейном дивертисменте. Последние годы стали востребованными молодежью встречи с писателями Б. Петровым, А. Щербаковым, Т. Долгополовой, М. Савиных. Желанные и частые гости музея – учащиеся и выпускники литературного лицея.

Само собой, не все ладно в Датском королевстве. Главная проблема, уже сегодня требующая немедленного решения, – это сохранение здания музея, являющегося памятником архитектуры XIX века. Деревянный особняк, отреставрированный более десяти лет назад, безусловно, нуждается в капитальном ремонте.

Но сбылась наконец наша давняя мечта: в 2008 году мы переиздали ценнейший музейный экспонат – «Енисейский альманах на 1828 год», первое литературно-художественное произведение на берегах Енисея. В далеком 1828 году инициатором издания и одним из авторов альманаха стал первый губернатор Енисейской губернии А. П. Степанов. Нужно отметить, что изданием литературных памятников очень активно занимаются в Тюмени, Тобольске, интересный опыт накоплен у иркутян и томичей. А вот в Красноярске ситуация складывается не в пользу переиздания памятников литературы: не родился, видимо, у нас еще издатель, способный заглянуть за горизонт сегодняшнего дня.

Сотрудники музея готовят к изданию хрестоматию по сибирской литературе, планируется сделать хрестоматию для детей младшего школьного возраста. В 2008 году мы издали первый выпуск альманаха «Енисейские встречи», посвященный 100-летию со дня рождения С. В. Сартакова и истории создания Красноярской писательской организации в 1946 году. Большинство документов из архива музея были опубликованы впервые.

Планов на будущее много. Мы абсолютно уверены, что все у нас получится. Десять лет не прошли даром: у нас много друзей и единомышленников, у нас есть надежные партнеры, отношениями с которыми мы очень дорожим. А главный капитал – постоянные посетители нашего музея. Именно эта благодарная аудитория стимулирует исследовательские интересы, подвигает на поиски инновационных форм и методов музейной работы.

Т. А. Иванова
научный сотрудник
Государственного архива Пермского края

«БУДЕМ ТРУДИТЬСЯ В МЕРУ СВОИХ СИЛ!» (Переписка В. П. Астафьева и В. В. Молодцова)

Он вел переписку без лени,
с волшебством душевного кудесника.
А. Н. Тумбасов

В большом эпистолярном наследии Виктора Петровича Астафьева и Василия Васильевича Молодцова, хранящемся в личных фондах Государственного архива Пермского края, их переписка составляет всего около тридцати поздравительных открыток и писем. Однако количество документов совсем не умаляет их значимости. В них приоткрываются особенности той и другой личности. Писатель и педагог отдают друг другу дань уважения за неординарность и всеобъемлющее неравнодушие к жизни.

Переписка охватывает период с 1962-го по 1989 год. Содержание посланий Василия Васильевича Молодцова сохранилось благодаря отпускам, то есть дубликатам, которые он делал со своих писем. Ответы В. П. Астафьева чутко береглись в архиве семьи Молодцовых. Эта небольшая коллекция была передана позже на хранение в архив дочерью Василия Васильевича – Ириной Васильевной Анисимовой.

До отъезда Виктора Петровича из Перми в Вологду семьи Астафьевых и Молодцовых обменивались только праздничны-

ми посланиями, основное общение шло во время встреч. Открытки подбирались с незатейливым, почти детским сюжетом, без малейшего намека на официоз, что говорит о доверительности отношений. Хотя, по словам Ирины Васильевны, которая согласилась приоткрыть некоторые подробности общения Виктора Петровича с ее отцом, это не была тесная дружба. Со стороны казалось, что оба семейства как будто присматривались друг к другу. Яркая фигура Виктора Петровича, самобытного выходца из народа, человека «от земли», была для потомственных интеллигентов Молодцовых чем-то неизведанно новым, пока не понятым. В гостях за обильным угощением неизменно велись разговоры о литературе, искусстве... Общие интересы, а также тонкое понимание духовности объединяли их в творчестве.

Но даже это не смогло уберечь Астафьева и Молодцова от почти незаметного, больше искусственного отчуждения, которое сохранится у них, к сожалению, на всю жизнь.

Разность этих людей можно легко проследить, сравнив их почерки. Эмоционально сдержанная, нарочито ровная текстовая ткань В. В. Молодцова, в которой слова слегка похожи на те, что учителя пишут на доске, и растрепанный, где-то до непонятности всклоченный текст В. П. Астафьева. Мог ли учитель смириться с таким неучтивым неприлежанием, а писатель – с такой красивостью? К тому же Василий Васильевич так до конца и не понял колорита астафьевского крепкого словца, его удалых излишеств, не принял этого.

Впрочем, с самого начала их космически сблизила природная тяга к чистому человеческому слову, к литературе. В 1962 году к нему тянулись очень многие. Выстраивались очереди в магазинах за книжными новинками. В таких очередях В. В. Молодцов частенько выстаивал, благо магазин был прямо в его доме на улице Адмирала Ушакова. Однажды среди его покупок оказалась книга еще неизвестного автора В. П. Астафьева «Тают снега». Василию Васильевичу, тогда уже заслуженному учителю РСФСР, прославившемуся по всей Пермской области своей неуемной педагогической деятельностью, было уже за шестьдесят. К тому времени он отошел от директорской работы, но продолжал вести в родной школе № 19 внеклассные занятия со своими учениками. Недолго раздумывая, полный впечатлений от прочитанного, В. В. Молодцов нашел Виктора Петровича и пригласил выступить на читательской конференции.

Позднее в этом книжном магазине Василий Васильевич будет покупать новые книги писателя и рассказывать о них своим ученикам. Вот как напишет В. В. Молодцов В. П. Астафьеву: «На днях в нашем книжном магазине я приобрел Ваши "Синие сумерки". Поздравляю Вас с выходом этой новой книги. Предвкушаю удовольствие прочитать еще не знакомые мне рассказы. Оформлена книга хорошо. Печать и рисунки приятные, но коленкор на корешке переплета хотелось бы иметь богаче. Здесь скупиться не приходится. Книга, идущая к читателю, должна быть вся хороша». И далее: «Теперь у меня сложилась целая астафьевская библиотечка, начиная с памятной мне "Зорькиной песни" и кончая "Сумерками"». Письмо датировано 19 декабря 1968 года.

В. П. Астафьев становится любимым писателем Василия Васильевича. Ему особенно нравились воспоминания автора о детстве, небольшие вещи, написанные для детей, повести «Стародуб» «Пастух и пастушка», «Царь-рыба». Педагог ценил великолепный поэтический язык писателя, отличавшийся тонким духовным складом, и то, как он описывал природу и человека.

В. В. Молодцов будто сам обретает учителя. Он пишет в письме: «Ваши "Затеси" надоумили меня записать и впредь заносить в тетрадку свои впечатления о встрече с прекрасным. Прекрасное всегда волнует, и хочется эти встречи запечатлеть в песне, в рисунке, в стихах, в художественной миниатюре или просто в дневниковой записи». И далее: «После Вашей книги "След человеческий" я часто задаю себе вопрос: какой же ты оставляешь след на земле? Еще раз благодарю Вас, Виктор Петрович, за память и за ту радость, которую испытывает читатель, когда читает истинно художественное произведение...»

Как отмечает Ирина Васильевна Анисимова, этих двух людей сближало еще одно – огромное чувство любви к человеку вообще. Вот некоторые строки из письма Виктора Петровича: «За то, что Вы ведете с ребятами работу, прививая им любовь к природе, они поклонятся Вам не раз и будут всю жизнь вспоминать Вас добрым словом. Каждый должен ее делать, эту работу, в меру своих сил, делать ребят счастливыми, а одно из великих наслаждений, данных человеку, – это любовь к родной земле и ее цвету. И очень жаль, что детей лишают этого счастья, заменяя живую сосну нарисованной на картинке. Будем трудиться в меру своих сил! Будем показывать живую сосну!..»

Кстати, Василий Васильевич, как филолог, сразу отметил «неправильность» астафьевского языка. Как известно, писатель позволял себе вольности, делая предложения огромными или лишая их законного построения. Василий Васильевич, писавший по всем правилам русской словесности, не принял эту авторскую манеру, однако не переставал восхищаться содержанием произведений. Сохранилось письмо В. В. Молодцова от 27 октября 1968 года: «Недавно в сборнике "Зарницы" прочел Ваши "Хлебозоры". Вам удалось передать то сокровенное чувство, которое охватывает тебя в темный жаркий июльский вечер, когда на горизонте, как "демоны глухонемые" (Тютчев), блистают зарницы. Все это у Вас чудесно, но несколько отвлекают ваши "сталийная" твердь, "остроуглый" мыс и другое».

Неизвестна реакция Виктора Петровича на это высказывание. Хотя, возможно, писатель прочел эти строки с легкой улыбкой. А через некоторое время в ответ на посланные Василием Васильевичем Виктору Петровичу собственные стихи литератор сдержанно напишет: «Ваши миниатюры я давно прочитал. Там есть милые штуки чисто любительского порядка. Пишите для себя. Это большое удовольствие, особенно когда тоскуешь о природе».

К сожалению, некий драматизм в отношениях двух ярких личностей присутствовал все время, сначала внутренний, позже приведший к внешнему разрыву. Василий Васильевич резко не принял поздние произведения Виктора Петровича. Он критиковал их за грубый язык и бытовую насыщенность. Отношение к В. П. Астафьеву как к художнику у него изменилось. Охлаждение произошло и у Виктора Петровича.

Тем не менее не случай свел этих двух сильных людей вместе. Очевидна символичность союза. Например, известно, что любимым писателем Виктора Петровича был Н. В. Гоголь. Любил его и Василий Васильевич. Школа, где работал В. В. Молодцов и где проходили литературные встречи, тоже носила имя классика. Вот еще почти незаметная деталь: 1969 год оказался знаковым для обоих – Виктор Петрович уехал из Перми, Василий Васильевич окончательно ушел из школы на заслуженный отдых. Этот год оказался для обоих чертой, подведенной под каким-то важным для них итогом.

Закономерность этого союза и в том, что он привел к умножению созидательной энергии. В данном случае – энергии писателя и учителя, В. П. Астафьева и В. В. Молодцова, исповедавших, каждый по-своему и для своей, назначенной им свыше аудитории, всевечные человеческие ценности.

А. М. Кардапольцева
директор Чусовской районной библиотеки
им. А. С. Пушкина

«ВСТРЕТИМСЯ И НИКОГДА УЖ НЕ ПРОСТИМСЯ...» (Из опыта работы Чусовской районной центральной библиотеки им. А. С. Пушкина)

Неудержимо бегут годы, меняя лицо времени, лицо страны, мироощущение человека. Как же нам сохранить главные ценности, которые формировались в народе веками и передавались из поколения в поколение? Есть ли сила, способная противостоять бездуховности и отчуждению, потребительскому сознанию, так называемой массовой культуре? В истории нашего народа такой силой всегда было наделено *слово*. Бывали времена и потруднее, а слово выстояло и помогло выстоять и подняться человеку. Именно таким словом – правдивым, искренним, сильным, добрым – является слово Виктора Петровича Астафьева. В. П. Астафьев писал так, как велело сердце: открыто и честно, не лукавя и не заигрывая с читателем.

Виктор Петрович после войны, в 1945 году, приехал со своей женой Марией Семёновной Корякиной, коренной чусовлянкой, в Чусовой. Этот город стал литературной родиной писателя. Без живого слова Астафьева мы не представляем нашу жизнь. Его произведения утверждают лучшие человеческие качества: крепость духа, доброту, сострадание, любовь к жизни, к родной земле, родине...

В нашем городе Астафьевы прожили 18 лет. Первый рассказ «Гражданский человек», первый сборник рассказов «До будущей весны», книги «Тают снега», «Огоньки», «Васюткино озеро», «Стародуб» – все это чусовской период в творчестве писателя. Учеба в школе рабочей молодежи, журналистская работа тоже приходятся на годы, прожитые в Чусовом. Именно здесь Астафьев построил свой дом, здесь родились его дети. В повести «Веселый солдат» он пишет о нашем городе: «...много я тут горя переживу, много испытаю бед и несчастий, но место это уральское, городишко этот, открытый бесхитростным рабочим ликом всем непогодам и невзгодам, всем гро-

зам, градам и ливням, прирастет к сердцу». До последних своих дней не прерывал В. П. Астафьев связи с Чусовым.

«Мы встретимся и никогда уж не простимся» – эти слова В. П. Астафьева лучшим образом объясняют связь с чусовской землей, ее людьми, ее историей.

Дружеские отношения сложились у Астафьевых и с Чусовской библиотекой им. А. С. Пушкина. Именно книги из библиотеки Пушкина стали поводом для знакомства в 1945 году двух солдат – чусовлянки Марии Корякиной и сибиряка Виктора Астафьева. В годы войны на имя Марии Корякиной высылались из нашего фонда посылки с книгами для солдат. Одним из постоянных читателей стал «веселый солдат» Виктор Астафьев. «Но что интересно, мы совсем не говорили о любви... Мы говорили о книгах, какие нам присылали, кто какие читал, кто какие не читал», – вспоминает Мария Семёновна.

В книжном фонде хранятся книги Виктора Петровича Астафьева и Марии Семёновны Корякиной с автографами, их письма, фотографии. «Большому, верному и милому другу – Чусовской библиотеке им. А. С. Пушкина от преданного читателя и автора в знак вечной памяти» – так подписала Мария Семёновна Корякина свою первую книгу «Отец» (1969). Она всегда интересовалась всем, что связанно с ее малой родиной, до сих пор поддерживает связь с нашей библиотекой. Вторым домом называет ее Мария Семёновна, домом, который «скрасил и высветлил трудное и бедное, но все равно золотое детство». А вот как Виктор Петрович Астафьев подписал свое 15-томное собрание сочинений: «В Чусовскую библиотеку, где просвещался я, учился читать и вообще обогрет был и обласкан» (апрель 1997 года). Конечно, такое отношение двух русских художников слова к библиотеке, библиотекарям, встречи с ними, с их книгами помогают нам в работе.

На протяжении многих лет мы занимаемся популяризацией творчества Виктора Петровича Астафьева. Используем разнообразные формы: книжно-иллюстративные выставки, нетрадиционные выставки (выставка-портрет, выставка-вопрос, выставка-викторина), открытые просмотры, тематические обзоры. Ведется альбом отзывов читателей на прочитанные произведения, составляются рекомендательные списки. Традиционно проводятся дни памяти, литературные вечера, творческие встречи, связанные с юбилейными датами в жизни и творчестве писателя.

Мы горды тем, что в городе Чусовом впервые были проведены Малые (детские) Астафьевские чтения. Ведь именно к юным обращена душа писателя. Именно юные нуждаются сегодня в таком слове, страстном, возвышенном, добром, правдивом. Участие в Малых Астафьевских чтениях дает возможность и взрослым, и детям прикоснуться к удивительному миру писателя, приобщиться к его творчеству, к литературе, чтобы «встретиться и никогда уж не проститься».

Первые Малые Астафьевские чтения состоялись в городе Чусовом 14 мая 2004 года. В рамках этих чтений открыли в историческом сквере Чусового памятный знак в честь В. П. Астафьева, на том месте, где раньше находилось здание школы рабочей молодежи (ШРМ), где учился будущий писатель. Этот знак прост по форме и отражает мысль В. П. Астафьева о том, что для того, чтобы стать писателем, нужны чистый лист бумаги, ручка и умение подбирать, расставлять слова (автор знака – директор Литературного музея В. П. Астафьева Владимир Николаевич Маслянка). Ленточку на знаке разрезала вместе с мэром города обладательница Гран-при Малых Астафьевских чтений ученица школы № 75 Ольга Чухланцева.

Вторые Малые Астафьевские чтения («Современной мир, крестьянская Россия: читаем Астафьева») обрели статус областных и 19–21 мая 2005 года прошли в городах Перми и Чусовом параллельно с Третьими (взрослыми) Астафьевскими чтениями. Хлебом-солью встречали чусовляне гостей – школьников и студентов Пермской области, изучавших творчество и жизнь Виктора Петровича Астафьева. Театрализованное открытие чтений, подготовленное учащимися чусовских школ, выступление на литературной и краеведческой секциях, экскурсии по астафьевским местам – такова была программа Вторых Малых Астафьевских чтений, завершившихся открытием мемориальной доски на железнодорожном вокзале станции Чусовская, где в 1945–1946 годах работал дежурным по вокзалу будущий писатель. Инициатором и организатором установки этого памятного знака были сотрудники Литературного музея В. П. Астафьева в городе Чусовом.

Третьи Малые Астафьевские чтения прошли 17 и 18 апреля 2006 года. Они собрали в нашем городе около ста учащихся из 16 территорий Пермского края – тех, кто занимается исследовательской деятельностью, литературным творчеством, краеведением. Кроме выступлений на секциях юноши и девуш-

ки совершили экскурсию в Мемориальный центр политических репрессий «Пермь-36». Победители районных конкурсов – чтецы, художники, авторы рефератов и сочинений – получили памятные призы, дипломы и благодарности из рук сына писателя Андрея Викторовича Астафьева и главы Чусовского района Николая Ивановича Симакова. По итогам Третьих Малых Астафьевских чтений в городе Чусовом Литературный музей В. П. Астафьева издал сборник материалов (Чусовой, 2006), в который вошли лучшие работы чусовлян – победителей конкурса рефератов, а в городе Перми вышел сборник «Астафьевские (Малые) чтения».

В марте – апреле 2007 года в Чусовом состоялись **Четвертые** краевые Малые Астафьевские чтения («Экология природы – экология души»). В них приняли участие все школы города и района. Мы остаемся верны своим традициям: с 2004 года каждый год в библиотеке проводятся конкурс чтецов прозы В. П. Астафьева, конкурс рисунков, конкурс рефератов и исследовательских работ. В рамках чтений прошла научно-практическая конференция, на которой были представлены исследовательские работы по литературному краеведению, связанные с жизнью и творчеством Виктора Петровича Астафьева.

Желающих выступить в конкурсе чтецов прозы В. П. Астафьева с каждым годом становится все больше. И если в первом конкурсе (2004 год) участников было 14 человек, то в 2007 году только в филиале – 60 человек. Конкурс помогает ребятам взглянуть на мир глазами героев писателя и самого автора, помогает понять и передать слово Виктора Астафьева. Конкурс проводится по трем возрастным группам: 1–4-е классы, 5–8-е и 9–11-е классы. Определены четыре основные темы: «Воздух детства и отчего дома», «Душа природы присутствует в нас», «Не умолкает во мне война», «Он был гражданский человек» (воспоминания о писателе). Хочется отметить, что если в первом конкурсе звучали в основном отрывки из произведений школьной программы, то с каждым годом ребята все больше открывают для себя удивительный мир Виктора Астафьева, знакомятся с другими его произведениями. А 50 юных художников показали свое видение-прочтение Виктора Петровича Астафьева. Конкурс рисунков позволил раскрыть внутренний мир ребенка, его умение понимать характер героев, всматриваться в окружающий мир. В 2007 году в рамках Четвертых Малых Астафьевских чтений был объявлен новый конкурс – литератур-

ного творчества, лауреатами которого стали 12 человек. Сколько новых открытий, имен, ярких впечатлений получили участники, организаторы различных мероприятий! Поэтому итоговую встречу Четвертых районных Малых Астафьевских чтений мы назвали «Литературный звездопад». Каждый участник получил сертификат, а победители – дипломы и подарки.

В Четвертых краевых Малых Астафьевских чтениях выступили учащиеся из 16 территорий Пермского края и студенты Красноярского университета. Участники познакомились также с выступлениями чусовлян – победителей районных чтений; их вниманию была представлена фотовыставка «Малые Астафьевские чтения» (автор – В. Н. Маслянка). Материалы участников чтений вошли в сборник «Звездопад».

В апреле 2008 года прошли **Пятые** Малые Астафьевские чтения («И дым отечества...»), посвященные 440-летию освоения чусовских земель и 70-летию города Чусового. В рамках этих чтений традиционно состоялась научно-практическая конференция «Литературное краеведение», прошли конкурс рисунков «Удивительный мир Астафьева», конкурс литературного творчества детей и подростков «Огоньки» и конкурс чтецов прозы В. П. Астафьева «Живое слово правды и любви». Победители Мария Сабурова, Владимир Ванышев, Анна Заидзе, а также их преподаватели были награждены поездкой на родину В. П. Астафьева – в село Овсянка, а также в города Красноярск и Дивногорск. Ребята приняли участие в фестивале «Астафьевская весна – 2008», который прошел в библиотеке-музее В. П. Астафьева в селе Овсянка. По итогам Пятых районных Малых Астафьевских чтений были изданы сборник «V Малые Астафьевские чтения. Огоньки» и газета «Вести Астафьевских чтений».

Стало уже традицией встречать на Астафьевских чтениях в городе Чусовом гостей из Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Красноярска, Вологды и других городов. Постоянными участниками чтений стали сын писателя Андрей Викторович Астафьев (г. Вологда), наш земляк, литературовед и писатель-публицист Валентин Яковлевич Курбатов (г. Псков), писатель, лауреат Государственной премии России Михаил Николаевич Кураев (г. Санкт-Петербург), критик и литературовед Лев Александрович Аннинский (г. Москва), редактор полного собрания сочинений В. П. Астафьева Агнесса Фёдоровна Гремицкая (г. Москва); издатель Геннадий Константинович Сапронов (г. Иркутск), писатели и журналисты из Перми. Активно вовлечены

в чтения библиотеки города и района, музеи, учреждения образования.

Работа по популяризации творчества В. П. Астафьева и М. С. Астафьевой-Корякиной позволяет нам достойно выступать не только в краевых, но и во всероссийских чтениях и научных конференциях в Перми, Красноярске, Вологде...

В 2006 году, 11–15 сентября, мы приняли участие во Всероссийских Астафьевских чтениях. Они были посвящены 10-летию «Литературных встреч в русской провинции» (в городах Красноярске и Дивногорске, в селе Овсянка). Эти пять дней в Красноярском крае стали настоящим праздником русского слова, слова Виктора Петровича Астафьева. Мероприятия проводились в научной краевой библиотеке педагогического университета имени В. П. Астафьева, в библиотеке-музее имени В. П. Астафьева в селе Овсянка.

В 2007 году это движение подхватили в Вологде. И это неслучайно, потому что Вологда – город, в котором В. П. Астафьев прожил 11 лет. 25–26 апреля прошли Всероссийские научные чтения «Наследие В. П. Астафьева в историко-культурном сознании современности». Участники – деятели культуры, литературы, образования из Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Волгограда, Тамбова, Мичуринска. Чтения проходили в Вологодской областной универсальной научной библиотеке.

В 2007–2008 годах победители Малых Астафьевских чтений представляли наш край на «Астафьевской весне» в Красноярске.

В 2007 году администрации Чусовского района и города Дивногорска Красноярского края подписали соглашение между городами в сфере социального и культурного развития, сохранения творческого наследия В. П. Астафьева.

Виктор Петрович Астафьев в одной из затесей так пишет о Чусовом: «...а город Чусовой всегда отличался... потребностью в созидательном труде, непобедимой тягой к чтению и сочинительству, из него, этого заштатного городишки вышло 10 членов Союза писателей...» Сам писатель в 1950-х годах занимался в литературной студии, которая была организована при газете «Чусовской рабочий». В 2006 году при библиотеке имени А. С. Пушкина открылось литературное объединение чусовских поэтов и прозаиков «Живое слово». Постоянно проводятся презентации книг, встречи с чусовскими и пермскими писателями, оформляются книжно-иллюстративные выставки, посвященные юбилеям писателей-земляков.

При литературном объединении была организована детско-юношеская литературная студия «Капля», которую благословил наш земляк, известный литературовед и писатель В. Я. Курбатов. Он с такими словами обратился к юным чусовлянам: «Раз вы собрались здесь, вы уже знаете счастливую потребность слышать слово и понимать его красоту и тайну. Это понятно. В Чусовом у вас прекрасные предшественники и учителя, каждый из которых доверчиво открыт перед вами... Жизнь и красота ждут вас, чтобы вы увидели их свет и глубину. Всякое время трудно, и всякое время прекрасно. И во всяком времени хватает зла, жестокости и печали. Надо только иметь чистое сердце и ясное зрение, чтобы видеть правду и говорить о ней с мужеством и любовью. Правильно названная жизнь и живется потом правильно – это главное, чему учит наша великая литература». Сегодня в литературной студии 25 юных чусовлян.

Чусовская центральная библиотека им. А. С. Пушкина стремится объединить творческих людей, объединить взрослых и детей. Наша цель – вырастить современного человека, образованного, творческого, с добрым сердцем, чуткой совестью и одновременно активного, смелого, умеющего постоять за себя и других, патриота своей страны. И в этом нам помогает слово Виктора Петровича Астафьева.

Г. И. Клыкова
директор филиала ГУК «Пермский областной краеведческий музей», г. Оса

«ВЕСЕЛЫЙ СОЛДАТ» И КУЛЬТУРА ПОСЛЕВОЕННОЙ ОСЫ (1945–1955)

Радость победы в Великой Отечественной войне, возможность жить в мирное время и, главное, найти себя и быть полезным обществу волновали солдат, вернувшихся с фронта. Трудное послевоенное десятилетие для районного центра характеризовалось не только наращиванием производственных показателей на предприятиях, но и оживлением культурной жизни города. Центром для собирания культурных сил являлся районный Дом культуры, находившийся в бывшем особняке купцов Чердынцевых.

Музыкальное и театральное творчество осинцев началось в дореволюционные времена. Тогда в уездном городе были инструментальный ансамбль, ансамбль балалаечников, духовой оркестр, принадлежавший пожарному обществу, и коллектив театралов-любителей. Лучшие традиции музыкального и театрального искусства продолжали сохранять и после революции, а по окончании Великой Отечественной войны они получили дальнейшее развитие. И в этом большая заслуга тех, кто ковал победу на фронтах Великой Отечественной: бывшие фронтовики значительно пополнили уже имевшиеся кружки и объединения и приняли самое активное участие во вновь создаваемых коллективах.

«Приказом по Осинскому дому культуры за № 13 от 20 сентября 1945 года на основании распоряжения Осинского райисполкома от 13 сентября 1945 года при Доме культуры организуется штатный духовой оркестр в количестве пятнадцати человек». С начала февраля 1946 года руководителем оркестра назначается Валентин Петрович Алексеев. После тяжелого ранения в апреле 1942 года под Ленинградом (он потерял ногу) Алексеев вернулся в Осу. В 1944–1945 годах он руководил духовым оркестром молодежи при Осинском доме культуры, так что опыт руководства оркестром у Валентина Петровича был. С 1 марта 1946 года в штат оркестра были зачислены участники войны Виктор Павлович Ушахин и Александр Иванович Кобелев. В ноябре 1945 года руководителю оркестра была объявлена благодарность, а коллектив «за успешный рост и работу духового оркестра» получил единую форму. В июле 1947-го оркестр принял участие в областном смотре сельской художественной самодеятельности. В программе заключительного концерта в его исполнении прозвучал марш «Слава гвардейская».

В 1948 году руководителем оркестра стал Виктор Павлович Ушахин. Тяжело раненный под Гомелем, летчик Ушахин сумел посадить самолет. В госпитале ему сделали операцию – ампутировали руку. Более двадцати лет Виктор Павлович руководил оркестром. 1950-е годы стали для оркестра самыми плодотворными: оркестранты играли на вечерах танцев, принимали участие в концертах, обслуживали все торжества и праздники в городе. Репертуар был обширным. Звучали вальсы «Жизнь в окопах», «Днепр широкий», «Березка», «Амурские волны», «За Волгой», марши «Октябрьский», «Красноармейский», «Триумф победный», «Скорый марш № 5», а также танго, фокстроты,

польки и многие другие произведения. В 1952 году Виктор Павлович организовал еще и оркестр народных инструментов. Оба коллектива участвовали в областных смотрах художественной самодеятельности, оркестр народных инструментов аккомпанировал Осинскому народному хору. Теорию музыки Виктор Павлович изучил самостоятельно и на областных курсах баянистов, работавших в Осе, преподавал гармонию. Музыкант-самоучка расписывал партии для всего состава оркестра. Оркестранты ценили и любили своего руководителя.

10 ноября 1945 года для организации при Доме культуры коллектива русской народной песни и пляски были приняты на работу Александр Прокопьевич Макаров на должность руководителя коллектива и Татьяна Владимировна Толстая на должность хормейстера. А. П. Макаров – участник Великой Отечественной войны. Цель, которую ставили перед собой организаторы, – создание постоянно работающего коллектива. С этого времени началась активная деятельность по созданию хора. 15 января 1946 года состоялся первый концерт. Он был дан для делегатов окружного предвыборного собрания по выборам в Верховный Совет СССР, которые прибыли из 12 районов области. Из приказа от 26 января 1946 года явствует, что в составе хора было 32 человека. Среди хористов были и участники Великой Отечественной войны: Евдокия Пешина, Андрей Козвонин, Аркадий Пешин, Владимир Суханевич; солировал Павел Петрович Богатырёв. О первом концерте хора в местной газете «Красное Приуралье» писали: «Коллектив засвидетельствовал свои успехи, добытые в короткие сроки. Прекрасная костюмировка хора, сильное и сочное звучание первых голосов, умение исполнителей держать себя без принуждения на сцене придают хору привлекательность и красоту».

После отъезда из Осы А. П. Макарова и Т. В. Толстой в сентябре 1946 года хормейстером, а затем и руководителем хора был назначен Валентин Петрович Алексеев, который проработал в этой должности до 1953 года. В тот период хор перешел к многоголосному пению. Под руководством В. П. Алексеева в марте 1948 года коллектив принял участие во Всероссийском смотре сельской художественной самодеятельности и впервые стал его лауреатом. В Москве хор выступил в Центральном доме работников искусств, в концертном зале имени П. И. Чайковского, в Колонном зале Дома Союзов, в филиале Большого театра, в Большом театре СССР. Участники хора «неоднократно

снимались в фильме "Песнь о завоеванном счастье" и приняли участие в съемках фильма "Песни колхозных полей"». Девять песен хора были записаны на грампластинки. «За достигнутые успехи наш коллектив премирован баяном, каждый из участников хора получил почетную грамоту», – сказал в интервью газете «Красное Приуралье» руководитель хора В. П. Алексеев. В последующие годы осинский хор неизменно оставался ведущим среди сельских коллективов области, неоднократно занимал первые места на областных смотрах. С 1953 года В. П. Алексеев работает преподавателем Осинского педагогического училища, обучая студентов игре на баяне, руководит курсовыми, сводными хорами. Он отдавал работе всю энергию, силы, ум и опыт, говоря своим ученикам: «Главное – любить музыку, любить и жить!»

Борис Капитонович Брюхов вернулся домой с войны в звании сержанта в октябре 1946 года. Он был принят баянистом в хор Осинского дома культуры. С 1953 года Борис Капитонович стал руководителем хора и проработал им 47 лет. В декабре 1955 года коллектив отметил свое десятилетие. За это время он дал около 800 концертов, на которых побывали сотни тысяч зрителей. В связи с юбилеем в январе 1955 года в областном центре прошла декада Осинского хора. Двенадцать концертов дал хор, выступив в Пермском театре оперы и балета, во Дворце культуры имени Я. М. Свердлова, перед строителями КамГЭСа, перед рабочими крупнейших предприятий и заводов. В этом же году хор снялся в фильме «Навстречу песне». При Б. К. Брюхове хор нашел свою манеру исполнения – «пели так, как пели эти песни в старину». Руководитель привил хористам уважение к живому народному творчеству; благодаря Борису Капитоновичу в репертуаре хора сохранились осинские народные песни «Как по мелкой по пороше...», «Научи меня, Паруша...», «Станем-ка, хозяюшка, домик наживать...», «Не ходи, мил кудреватый...», «Жерданочка», «Нажила себе чечетка...», «Красно ли мое солнышко...», «Уж ты венчик, венчик мой...», «Во горенке», «По речке-реченьке» и другие. Кроме того, Б. К. Брюхов более двадцати лет преподавал пение и руководил ученическим хором в восьмилетней школе города.

Пение в детских домах и школах преподавали замечательные музыканты – Валентин Анатольевич Кашинцев и Евгений Иванович Коробейников. Не имея специального музыкального образования, Валентин Анатольевич играл на пианино, аккор-

деоне, баяне, гитаре, мандолине, балалайке, трубе и контрабасе, называя себя «самоучкой». Евгений Иванович прекрасно рисовал, писал стихи, сочинял песни, играл на баяне и аккордеоне. В его семейном архиве сохранились «Песня о дружбе», «Марш охотников и рыбаков», «Новогодний вальс», «Запевай дружней, пехота» и другие произведения.

«Для пользы и оживления драматического кружка вернувшегося из армии старого активиста, худрука Долгих Ивана Васильевича с 6 октября сего года (1945) принять на должность художественного руководителя», – гласит приказ за № 15 директора Осинского дома культуры. 17 марта 1946 года в ДК была поставлена пьеса М. Горького «На дне». «Постановкой этой пьесы после длительного перерыва возобновилась работа драмколлектива Дома культуры... Коллектив любителей играл дружно и слаженно. Особенно хорошо играли тт. Шилов (участник войны) в роли Луки, Немиров в роли Барона, Мокрушин – Бубнова», – писала газета «Красное Приуралье». Среди артистов заметно выделялись участники войны Елизавета Захаровна Иглина, Михаил Яковлевич Шмыков, Анастасия Александровна Петухова, Иван Николаевич Дробинин, Александр Григорьевич Умпелев, Иван Захарович Шилов, Яков Тетерин и Юрий Коробейников. Ставились спектакли по пьесам Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, М. Горького. Декорации к послевоенным спектаклям создавал участник войны Александр Иванович Иглин.

Таким образом, послевоенное десятилетие для культурной жизни Осы знаменательно появлением новых коллективов и новых талантов, среди которых ярко проявили себя бывшие фронтовики. Старшее поколение осинцев и сегодня с воодушевлением вспоминает это замечательное время.

Список использованных публикаций

Богомягков В. Большая творческая удача // Красное Приуралье. 1946. 21 марта.

Гарин Г. Смотр художественной самодеятельности // Красное Приуралье. 1946. 17 янв.

Осинская энциклопедия. Оса: Росстани-на-Каме, 2006.

Слава народным талантам! // Красное Приуралье. 1948. 18 марта.

Треногина Н. К. О прошлом и настоящем. Пермь, 2004.

Использованы также материалы семейных архивов Алексеевых, Брюховых, Иглиных, Коробейниковых, Ушахиных.

В. С. Колбас
краевед, журналист,
председатель городского отделения ВООПИК,
г. Пермь

ВИКТОР АСТАФЬЕВ И ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

У Виктора Петровича Астафьева, в отличие от многих других писателей его поколения, сложилась счастливая творческая и издательская судьба. В таких случаях говорят: грех жаловаться. Да и сам Виктор Петрович это признавал: «Я считаю свою литературную судьбу удачливой. Некоторые друзья называют меня "литературным баловнем", и в этом, пожалуй, есть резон. Посудите сами: уже после первого рассказа руководительница Пермской писательской организации, по какому-то "высшему" совпадению носившая одинаковую с моим школьным учителем фамилию – Рождественская Клавдия Васильевна, так ко мне прониклась, что "под чернильницу", как принято говорить среди литераторов, добилась для меня издательского договора, и в 1953 году вышла моя первая книжка в Перми – сборник рассказов "До будущей весны"»[1]. В данном случае В. П. Астафьев говорит о своем первом рассказе «Гражданский человек», появившемся на страницах газеты «Чусовской рабочий» в 1951 году[2], через два года после публикации которого у него в городе Молотове (так называлась Пермь с 1940-го по 1957 год) была издана книга «До будущей весны».

После столь успешного дебюта книги В. П. Астафьева издавались во многих городах и республиках тогда огромного и могучего Советского Союза, выходили за рубежом[3], его пьесы шли в российских театрах, по некоторым произведениям снимались фильмы[4]; позже последовали многочисленные на-

---

[1] *Астафьев В. П.* Посох памяти. М., 1980. С. 30.

[2] *Астафьев В. П.* Гражданский человек // Чусовской рабочий. 1951. 25, 27, 28 февр., 9–11, 13 марта.

[3] См., напр.: Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество: Биобиблиогр. указ. произв. писателя на рус. и иностр. яз.: Лит. о жизни и творчестве / Сост. Т. Я. Бриксман. М., 1999. С. 34–118 (далее – Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество...).

[4] Там же. С. 201–204.

грады, премии и официальное признание В. П. Астафьева как выдающегося писателя современности[5].

В Перми, где произошло творческое становление писателя, Пермское книжное издательство, которое некогда было знаменито на всю страну, выпустило 21 книгу В. П. Астафьева[6] и две переведенные им книги: с грузинского – «Конь с золотым седлом» О. Иоселиани (1966), с белорусского – «Запруды» Г. Шманя (1962)[7]. Все книги В. П. Астафьева печатались в типографии № 2, она находилась на улице Коммунистической, 57, города Перми и ранее называлась 8-й типографией треста Росполиграфпром. Именно в «восьмерке» была напечатана первая книга В. П. Астафьева «До будущей весны» (1953).

За ней последовали другие книги: в 1955-м – «Огоньки»; в 1956-м и 1958-м – «Васюткино озеро», в основу которого легло сочинение, напечатанное в школьном журнале, позже развернутое в рассказ о любимом озере[8]. В 1957 году вышла в свет книга «Дядя Кузя, куры, лиса и кот», которая была переиздана в 1969-м под новым названием «Дядя Кузя – куриный начальник». Дважды выходил из печати его роман «Тают снега»: первый раз – в 1958 году (в этом же году В. П. Астафьева приняли в Союз писателей РСФСР), второе издание последовало через четыре года – в 1962-м. В 1960 году в популярной серии «Рассказы о советских людях» был опубликован отдельной книгой небольшой рассказ «Сибиряк»; в 1960-м был допечатан тираж «Сибиряка» и вышли в свет две другие книги: сборник рассказов для детей «Зорькина песня» и сборник «Стародуб», в который вошли одноименная повесть и рассказы. Серию «Рассказы о советских людях» пополнили в 1961 году две книги В. П. Астафьева – «Дикий лук» и «Рассказ о любви». 1963 год

---

[5] Помимо награждения орденами и медалями, присуждения Государственных премий СССР, РСФСР, Российской Федерации и других литературных премий, звания Героя Социалистического Труда, В. П. Астафьев был удостоен званий почетного гражданина городов Игарки, Красноярска, Чусового и Пермской области. См.: Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество... С. 120, 127, 131–136, 170; *Чупринин С. И.* Новая Россия: мир литературы: Энцикл. слов.-справ.: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 85–86.

[6] См.: Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество... С. 38–42; Писатели Пермской области: Биобиблиогр. справ./ Сост. А. Д. Крашенинников. Пермь, 1985. С. 19–22; Писатели Пермской области: Биобиблиогр. справ. / Сост. В. А. Богомолов. Пермь, 1996. С. 27–30.

[7] См.: Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество... С. 100–101.

[8] Там же. С. 16.

ознаменовался выходом в свет рассказа «Гуси в полынье» в серии «Рассказы о подвигах» и сборника рассказов «Помню тебя, любовь». В 1964 году в Пермском книжном издательстве вышла всего одна книга В. П. Астафьева, но весьма солидная по объему (263 страницы с иллюстрациями) – «Весенний остров».

1968 год стал важной вехой в биографии писателя – в Перми у него вышла книга «Последний поклон», которая во многом определила художественные особенности творческого метода «зрелого» Астафьева. Спустя два года в Перми была издана повесть «Кража» (1970), еще через три года – «Пастух и пастушка» (1973). Своеобразным итогом отношений В. П. Астафьева с Пермью стала книга «Повести. Рассказы. Затеси», вышла она в 1977 году. После этого, к большому сожалению, астафьевские книги в Перми не издавались. Правда, есть сведения, что после отъезда В. П. Астафьева из нашего города в Пермском издательстве готовилась к печати еще одна его книга, но по распоряжению секретаря Пермского обкома КПСС И. Я. Кириенко набор был рассыпан, поскольку Виктор Петрович позволил себе в предисловии написать, что для него в Перми не было соответствующей творческой атмосферы.

За четверть века сотрудничества с Пермским книжным издательством В. П. Астафьев издал, повторюсь, 21 книгу. Суммарный тираж астафьевских книг (без переводов), изданных в Перми, составил, по неполным данным, около 900 тыс. экземпляров.

Самым большим тиражом издан роман «Тают снега» – 115 тыс. экземпляров: в 1958 году – 15 тыс., в 1962 году – 100 тыс. экземпляров. За ним следует книга о дяде Кузе – 100 тыс. экземпляров: «Дядя Кузя, куры, лиса и кот» (1957) – 25 тыс. и «Дядя Кузя – куриный начальник» (1969) – 75 тыс. экземпляров. Далее идет рассказ «Сибиряк» (1959, 1960) – 90 тыс. экземпляров. Тиражом 75 тыс. экземпляров каждая изданы книги «Помню тебя, любовь» (1963) и «Пастух и пастушка» (1973). 65 тыс. экземпляров – таков тираж сборника «Повести. Рассказы. Затеси» (1977). Тиражом по 50 тыс. экземпляров вышли три книги – «Дикий лук» (1961), «Рассказ о любви» (1961) и «Гуси в полынье» (1963). Остальные книги В. П. Астафьева в Перми выходили тиражами 30 и 15 тыс. экземпляров.

Анализ тиражей книг В. П. Астафьева, выходивших в Пермском книжном издательстве, явно свидетельствует о росте мастерства и популярности писателя, об интересе к нему читате-

лей, ибо в библиотеках книги его пользовались большим спросом, а в книготорговой сети шли нарасхват[9]. Об этом же писал и пермский журналист А. Д. Черкасов на страницах областной газеты «Звезда»: «Читатель принял и оценил произведения Виктора Астафьева – его талантливые книги «Перевал», «Стародуб», «Звездопад», его военные рассказы и книжки для детей. Одаренный писатель был удостоен первой премии журнала «Огонек» за 1963 год. В произведениях В. Астафьева ярко видна настоящая писательская требовательность к каждой своей мысли, к каждому слову»[10].

Конечно, становлению В. П. Астафьева как писателя в немалой степени способствовали редакторы его книг. Так, Владимир Александрович Черненко как редактор вел книгу начинающего писателя «До будущей весны» (1953). По утверждению научного сотрудника Пермского областного (ныне – краевого) музея Н. Л. Нохриной, во время подготовки к печати этой книги В. П. Астафьев в ходе переписки с В. А. Черненко в единственном только письме «выступает в роли робкого ученика, во всем полагавшегося на мнение редактора»[11]. Так это было или не так на самом деле, судить по одним только письмам к В. А. Черненко трудно.

В Пермском издательстве, помимо В. А. Черненко, книги В. П. Астафьева редактировали В. Г. Александров («Огоньки», 1955), О. К. Селянкин («Васюткино озеро», 1956, и, видимо, 1958), Т. А. Шлыкова («Дядя Кузя, куры, лиса и кот», 1957), Л. Н. Правдин («Тают снега», 1958), Т. И. Вершинин («Зорькина песня», 1960), В. В. Воловинский (Стародуб», 1960; «Тают снега», 1962), Р. П. Белов («Гуси в полынье», 1963; «Весенний остров», 1964), А. Г. Зебзеева («Дядя Кузя – куриный начальник», 1969), Н. Н. Вагнер («Пастух и пастушка», 1973), О. С. Купрюшина (ныне – Любшина) и И. З. Лепин («Повести. Рассказы. Затеси», 1977).

Основным редактором книг В. П. Астафьева – «Сибиряк» (1959, 1960), «Дикий лук» (1961), «Рассказ о любви» (1961),

---

[9] О покупательском интересе к книгам В. П. Астафьева (в частности, к повести «Последний поклон») см.: *Колбас В. С.* Несколько слов о Викторе Астафьеве // 1-е Астафьевские чтения (17–18 мая 2002 года). Пермь, 2003. С. 60–61 (далее – 1-е Астафьевские чтения...).

[10] *Черкасов А. Д.* Время. Герои. Урал, его люди – большая тема писателя // Звезда (Пермь). 1964. 21 ноября. С. 3.

[11] *Нохрина Н. Л.* В. П. Астафьев и Прикамье (по материалам Пермского областного краеведческого музея) // 1-е Астафьевские чтения... С. 157.

«Помню тебя, любовь» (1963), «Последний поклон» (1968), «Кража» (1970) – был мэтр пермской журналистики и издательского дела, литературовед, редактор художественной литературы Пермского книжного издательства Савватий Михайлович Гинц (Гинцбург)[12]. Вообще-то интересно было бы проследить характер и повороты взаимоотношений В. П. Астафьева и С. М. Гинца, да и с другими редакторами (и не только пермскими), но тема эта – В. П. Астафьев и редакторы его книг – еще только начинает осмысляться и ждет своего исследователя.

Почувствовать, что значит каждое слово, понять ответственность автора за созданный им текст помогла Виктору Петровичу и художественный редактор Пермского книжного издательства М. В. Тарасова[13], удостоенная позже званий заслуженного художника РСФСР и почетного гражданина города Перми.

В 1958 году, случайно встретившись с писателем на улице, Маргарита Вениаминовна предложила ему сходить в типографию, где в это время как раз печатался его роман «Тают снега». Увидев огромные ротационные машины и трудоемкую работу печатников, столкнувшись с ситуацией, когда уже невозможно что-либо изменить, ни единого слова в тексте книги, В. П. Астафьев был благодарен за преподнесенный ему урок и на од-

---

[12] О С. М. Гинце см., напр.: *Гашева Н. Н.* Два мэтра // Назаровский: К 100-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа / Сост. Т. И. Быстрых. Пермь, 2004. С. 84–90 (далее – Назаровский: К 100-летию со дня рождения...); Дом журналиста, где находилась редакция областной газеты «Звезда», в которой работали советский писатель А. П. Гайдар и журналисты С. М. Гинц и Б. Н. Назаровский / Л. С. Рафиенко, В. С. Колбас, Р. В. Новосёлова, Н. А. Аликина // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область. М., 1978. С. 126, 128; *Мишланова Л. В.* «Он грамоте учил... писателей» // *Мишланова Л. В.* Самостоянье: Очерки о людях науки и культуры Пермского края. Пермь, 2006. С. 173–181 (далее – *Мишланова Л. В.* Самостоянье...); *Шумилов Е. Н.* Гинц Савватий Михайлович // Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиогр. справ. Пермь, 2000. С. 145–146.

[13] О М. В. Тарасовой см., напр.: *Будрина А. Г.* Маргарита Тарасова: Буклет. Пермь, 1979; *Власова О. М.* Искусство художников книги // Художники Перми / Сост. Н. В. Казаринова. Пермь, 1981. С. 136–139 (далее – Художники Перми...); *Мишланова Л. В.* Мастер Маргарита // Заслуженный художник России Маргарита Тарасова: Кат. выст. Пермь, 2003. С. 5–45; *Она же.* Мастер Маргарита (М. В. Тарасова) // *Мишланова Л. В.* Самостоянье... С. 277–307. См. также библиогр. указ. в кн.: Художники Перми... С. 173–174. О работе М. В. Тарасовой в Пермском книжном издательстве см.: *Тарасова М. В.* «В издательстве стало интереснее, красивее, веселее работать...» // Назаровский: К 100-летию со дня рождения... С. 90–97.

ном из писательских собраний, резко критикуя пермских литераторов за увлечение пьянкой, за медленный творческий рост молодых, он вспомнил о типографии: «Надо бы каждому с Маргаритой туда сходить. Она вот повела меня, и я там многое понял!» Об этом эпизоде написала Лидия Витальевна Мишланова, коллега Маргариты Вениаминовны по работе в Пермском книжном издательстве, в опубликованной ею книге очерков о людях науки и культуры Пермского края «Самостоянье» (2006)[14]. Так получилось, что оформление книги Л. В. Мишлановой стало последней работой М. В. Тарасовой[15].

Пермскому книжному издательству и городу Перми, а также Виктору Петровичу Астафьеву повезло с Маргаритой Вениаминовной[16]. Она была начиная с 1955 года, когда приехала из Львова в Пермь, художественным редактором всех книг В. П. Астафьева, кроме двух – «Пастуха и пастушки» (художественный редактор – И. В. Чичкин) и книги «Повести. Рассказы. Затеси» (художественный редактор – Н. П. Горбунов).

Маргарита Вениаминовна сумела привлечь к работе в издательстве и к оформлению книг В. П. Астафьева талантливых художников-графиков В. А. Головина, В. И. Захарова-Холмского, А. П. Зырянова (ныне он – заслуженный художник РСФСР, народный художник России), В. С. Измайлова, В. П. Кадочникова, Ю. К. Лихачёва, А. Г. и В. А. Мотовиловых, Е. И. Нестерова, П. А. Старкова, А. Н. Тумбасова, позже удостоенного званий заслуженного художника РСФСР и почетного гражданина городов Перми и Чердыни. Правда, на первых порах из-за слабой материальной базы типографии не всегда удавалось в полной мере воплотить в жизнь замысел художника. С таким положением дел М. В. Тарасова повела решительную борьбу и в конечном итоге переломила ситуацию.

Итоговую в Перми книгу В. П. Астафьева «Повести. Рассказы. Затеси» (1977) оформила сама М. В. Тарасова. В этом

---

[14] *Мишланова Л. В.* Мастер Маргарита // Заслуженный художник России Маргарита Тарасова: Кат. выст. Пермь, 2003. С. 14–15; *Она же.* Мастер Маргарита (М. В. Тарасова) // *Мишланова Л. В.* Самостоянье... С. 284–285.

[15] *Мишланова Л. В.* Самостоянье... С. 2, 307.

[16] До приезда М. В. Тарасовой в Пермь книги В. П. Астафьева оформляли не профессионалы-книжники. Так, первую книгу В. П. Астафьева «До будущей весны» (1953) оформлял живописец И. И. Россик, вторую – «Огоньки» (1955) – график В. В. Каменский.

сборнике на фронтисписе она воспроизвела (увы, в черно-белом варианте) знаменитый живописный портрет В. П. Астафьева работы народного художника РСФСР и народного художника СССР Е. Н. Широкова, хранящийся в Государственной Третьяковской галерее[17]. «Я хотел, – объяснял свой замысел Е. Н. Широков, – написать такой портрет, в котором бы соединились размышления обо всех людях искусства, всех его творцах, которые имели такую или почти такую же судьбу и путь в искусстве, как Виктор Астафьев»[18].

Как пишет Л. В. Мишланова, Маргарита Вениаминовна в своей работе исходила из «убеждения в том, что художник книги не просто иллюстратор, а равноправный ее соавтор»[19]. С нею солидарен и В. П. Астафьев. Так, Виктор Петрович, можно считать, нашел единомышленников в лице художника Алексея Григорьевича Мотовилова и его жены Веры Алексеевны Мотовиловой. Они оформили и сконструировали его книгу «Последний поклон» (1968), которая была удостоена в 1969 году диплома второй степени на Всероссийском конкурсе «Искусство книги».

В очерке «Русская мелодия», опубликованном в каталоге посмертной выставки А. Г. Мотовилова, Виктор Петрович писал: «Я держу в руках книгу – мою повесть “Последний поклон”. “Мою”, – говорю я и задумываюсь: какая же она моя, когда ушла от меня и принадлежит смутно мною видимому читателю, лицо которого я пытаюсь и не могу себе представить, ибо многолик он, наш читатель, и “моей” повесть была до тех пор, пока я работал ее, писал, выдумывал. Я и заглядываю-то в нее теперь редко, по необходимости, и заглядываю, как правило, в первое издание книги, осуществленное Пермским издательством в 1968 году.

Что же влечет меня к этой книге? Чем она, уже “ушедшая”, дорога мне? А тем, что есть у нее еще один автор – художник

---

[17] О публикациях, посвященных портрету В. П. Астафьева работы Е. Н. Широкова, см.: Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество... С. 204–205. См. также: *Ефимовский А. Ф.* Полюбив человека... // Художники Перми... С. 20–23; Б. Н. Назаровский – В. П. Астафьеву. 26 января 1972 г. // Назаровский: К 100-летию со дня рождения... С. 220–221; *Шматёнок Т. Д.* Концепция портрета В. П. Астафьева художника Е. Н. Широкова // 1-е Астафьевские чтения... С. 163–169.

[18] Цит. по: *Ефимовский А. Ф.* Полюбив человека... // Художники Перми... С. 22.

[19] См.: *Мишланова Л. В.* Мастер Маргарита (М. В. Тарасова) // *Мишланова Л. В.* Самостоянье... С. 289.

Алёша Мотовилов. Это он сделал из моей повести книгу, а до этого она была просто рукописью, напечатанной на машинке. Сейчас же она "построена", как дом: в ней есть крыша, крыльцо, сени и даже кружевные занавески на окнах, а дом весь заселен народом, птицами, скотом. Есть тут и лес, и горы, и река...

Всему этому, – уточняет писатель, – существуют специальные названия: обложка, форзац, фронтиспис, титул... Но как не подходят, не годятся эти слова для книги, построенной Алёшей, – настолько она одухотворена, мелодична и красива. <...>

Алёша вместе со своей женой Верой долго работал над моей книгой»[20].

Первые же публикации В. П. Астафьева привлекли внимание критиков и ученых-филологов, да и собратья по литературному цеху откликались на новые его произведения. Вот, например, какую оценку дал В. П. Астафьеву и его антиподам – так называемым классикам советской литературы – его друг-фронтовик Константин Дмитриевич Воробьёв, автор повести «Убиты под Москвой», живший в Вильнюсе. В письме к Виктору Петровичу от 28 января 1964 года он писал: «Вы человек богатый и щедрый сердцем. И очень русский Вы, что в наше окаянное время – достояние. Мне известно, что жить и писать с этим чрезвычайно трудно, но Вы знаете, что иначе нельзя, не стоит писать, а стало быть, жить. Черт с ними, с этой бандой верхушествующих в нашей литературе, всегда певших аллилуйю тому, кому надо было петь анафему, продававшихся оптом и в розницу за мишуру»[21]. К. Д. Воробьёв не только хвалит В. П. Астафьева, но и подмечает его огрехи, советует, как избежать их. В письме от 7 ноября 1964 года: «Ты хороший писатель. У тебя несметная куча дара божьего, и сердце у тебя большое, зрячее и доброе. Только ты (сужу по рассказам "След человека") иногда бываешь многословен, будто не доверяешь читателю, рассусоливаешь, не оставляешь места для подтекстового чтения. Это у тебя от обилия чувств. Ты как жеребенок на весеннем ромашковом лугу – вырвался и заиграл. Скупее давай, скупее»[22].

---

[20] *Астафьев В. П.* Русская мелодия // Алексей Мотовилов: Кат. произведений. Пермь, 1973. С. 34. См. также предыдущую публикацию очерка: *Астафьев В. П.* Русская мелодия // Урал. 1972. № 4. С. 112–115. Кстати, повесть В. П. Астафьева «Последний поклон» с иллюстрациями А. Г. и В. А. Мотовиловых выходила в «Роман-газете» (М.: Худож. лит., 1971. № 2/672).

[21] *Воробьёв К. Д.* Дневники. Записные книжки. Письма // Наше наследие. 1988. № 5. С. 113.

[22] Там же.

Не остались в стороне и пермяки. В числе тех, кто писал о произведениях В. П. Астафьева, можно назвать Б. Н. Назаровского, А. М. Домнина, Р. В. Комину, В. А. Зубкова и многих других[23]. Рецензии и отзывы были разные. Довольно часто писателю приходилось сталкиваться и бороться с идеологической цензурой «партийных литературоведов», а также с теми, кто «злобствовал и скрежетал зубами», что он, как вспоминал Виктор Петрович, «с суконным рылом» решил забраться в «калашный ряд». «Помню, – писал В. П. Астафьев, – как корреспондент "Правды" по Пермской области вельможно отчитывал меня за мои творческие поползновения, говоря, что он и не чета мне, а в писатели не лезет, предпочитает быть журналистом. Представительный вид, умение подать себя привели к тому, что местное руководство сделало его редактором областной газеты "Звезда", которую до него возглавлял замечательнейший человек Борис Никандрович Назаровский. <...> Его (Б. Н. Назаровского. – *В. К.*) определили на должность главного редактора областного книжного издательства...»[24]

Кстати, именно Б. Н. Назаровский[25] посоветовал В. П. Астафьеву писать не об уральской, а о сибирской жизни, которую начинающий литератор знал гораздо лучше. «Он первый мне сказал, – вспоминал Виктор Петрович, – прочитав

---

[23] См.: Виктор Петрович Астафьев. Жизнь и творчество... Имен. указ.

[24] *Астафьев В. П.* Подводя итоги // Назаровский: К 100-летию со дня рождения... С. 58.

[25] О Б. Н. Назаровском см., напр.: *Гашева Н. Н.* Два мэтра // Назаровский: К 100-летию со дня рождения... С. 84–90; Гражданин Перми: Сб. памяти Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа / Сост. Т. И. Быстрых. Пермь, 1993; Дом журналиста, где находилась редакция областной газеты «Звезда», в которой работали советский писатель А. П. Гайдар и журналисты С. М. Гинц и Б. Н. Назаровский / Л. С. Рафиенко, В. С. Колбас, Р. В. Новосёлова, Н. А. Аликина // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область. М., 1978. С. 127–128; *Мишланова Л. В.* Назаровский Борис Никандрович // Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиогр. справ. Пермь, 2000. С. 185–186; Назаровский: К 100-летию со дня рождения... Четыре очерка о Б. Н. Назаровском – «Всякого вам счастья, хорошие люди!», «Ленинградская грамота», «Где нет нутра, там потом не возьмешь», «Как создавалась книга "Памятники истории и культуры Пермской области"» – опубликовала Л. В. Мишланова, редактор Пермского книжного издательства, журналист, архивист и краевед. См.: *Мишланова Л. В.* Самостоянье.... С. 146–172.

мои "уральские" рассказы и, естественно, роман ("Тают снега". – *В. К.*), чтобы я не насиловал свой дар, не приспосабливал его к "неродной стороне", пел бы свою родимую Сибирь и сибиряков»[26]. Б. Н. Назаровский же провидчески предрекал В. П. Астафьеву творческий рост и литературный успех. «От вас человечество еще должно получить многое», – писал он Виктору Петровичу 26 января 1972 года[27]. Об этом же свидетельствует и сам В. П. Астафьев: «Когда я написал и опубликовал повесть "Пастушка и пастух", Борис Никандрович первым откликнулся большим, отеческим письмом, сказавши в нем, что вот он, слава Богу, и дождался, что я начал реализовывать себя на том уровне, какой мне определил Господь»[28].

Этот новый уровень творчества В. П. Астафьева вызвал волну неприятия со стороны части читателей. Они начали активно протестовать по поводу астафьевской оценки Великой Отечественной войны, его отношения к цене Великой Победы, к роли и значению в истории войны наших полководцев (в первую очередь имеется в виду маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Г. К. Жуков). Но произошло это после отъезда В. П. Астафьева из Перми: в 1969 году – в Вологду, в 1980-м – в Красноярск. Под огонь беспощадной критики попал роман «Прокляты и убиты», первая книга которого вышла в Иркутске, Хабаровске и Москве в 1993 году; суровому осуждению подверглись и некоторые другие романы и повести писателя красноярского периода. Здесь, наверное, уместно вспомнить слова критика И. П. Золотусского, сказанные, правда, по поводу другого писателя – К. Д. Воробьёва, но не ставшие от этого менее справедливыми: «Да и кто у нас привык почитать писателя, имеющего собственное мнение? Самостоятельных, честных, независимых, неподкупных – мы не привыкли чтить»[29].

---

[26] *Астафьев В. П.* Подводя итоги // Назаровский: К 100-летию со дня рождения... С. 60.

[27] Б. Н. Назаровский – В. П. Астафьеву. 26 января 1972 г. // Назаровский: К 100-летию со дня рождения... С. 221.

[28] *Астафьев В. П.* Подводя итоги // Назаровский: К 100-летию со дня рождения... С. 60.

[29] *Золотусский И. П.* Исповедь честного сердца // Наше наследие. 1988. № 5. С. 116.

Что удивительно, против В. П. Астафьева дружно ополчились ветераны войны. «Причем те самые побратимы-окопники, – с горечью констатировал журналист В. Ф. Гладышев, – самые разные люди, вынесшие на своих плечах всю тяжесть войны. Среди фронтовиков, принявших "в штыки" новые астафьевские произведения на военную тему, прежде всего роман "Прокляты и убиты", были пермские ветераны»[30]. В настоящее сражение с писателем вступил его однофамилец, Герой Советского Союза Василий Михайлович Астафьев[31], который в годы войны был сапером. О причинах столь жесткой полемики, разгоревшейся между писателем и ветеранами, о «водоразделе», который развел «по разные стороны баррикад» фронтовиков, В. Ф. Гладышев писал: «...после публикации романа "Прокляты и убиты" стало абсолютно ясно, что для старших поколений астафьевская правда была несвоевременной, неуместной, лишней. Просто помехой»[32]. И с этим выводом трудно не согласиться.

А в качестве итога стоит сказать, что к творческой биографии В. П. Астафьева, к его росту как писателя, который привел к выдающемуся успеху, причастны многие пермяки: редакторы, художники, издатели, критики и в немалой степени читатели, которые в большинстве своем приняли и оценили его произведения[33].

---

[30] *Гладышев В. Ф.* Мы за ценой не постоим? (Две правды о войне) // 1-е Астафьевские чтения... С. 25.

[31] См.: *Пирогова И.* Астафьев против Астафьева // Патриот. 1994. Сентябрь. № 36. С. 2; *Гладышев В. Ф.* «Это будет другая Россия и другой народ»: (Две правды о войне) // Пермские новости. 1995. 23 марта; *Он же.* Мы за ценой не постоим? (Две правды о войне) // 1-е Астафьевские чтения... С. 25–30.

[32] *Гладышев В. Ф.* Мы за ценой не постоим? (Две правды о войне) // 1-е Астафьевские чтения... С. 26.

[33] Во время работы над этой статьей я столкнулся с парадоксальным фактом: в Пермской краевой библиотеке им. А. М. Горького нет полного комплекта книг В. П. Астафьева, изданных в Перми. Так, например, отсутствует в каталоге книга «Стародуб» (1960), нет в фондах романа «Тают снега» (1962) и других его книг, а многие имеются лишь в одном экземпляре. Нонсенс! Думаю, библиотекарям пора, пока есть возможность, через букмагазины и владельцев личных библиотек увеличить комплектность и восстановить весь свод пермских изданий В. П. Астафьева не только ради читателей, исследователей творчества писателя, но и ради самой библиотеки им. А. М. Горького, хранительницы книжных богатств Пермского края.

Н. И. Копылова
ведущий методист
Осинской централизованной библиотечной системы

ВИКТОР АСТАФЬЕВ И ОСИНСКИЙ КРАЙ

Оса – старейший город Прикамья, датой основания которого считается 1591 год. В октябре 1964 года в Осе произошло важное событие: город встречал Виктора Петровича Астафьева, чей писательский путь начался и достиг творческих высот на пермской земле. Не удивительно, что эта новость – приезд в наш город писателя такого уровня – обсуждалась везде и вошла в историю города как очень яркая страница.

Виктор Астафьев приехал на встречу с читателями в период проведения по стране Всесоюзной читательской конференции «Молодой герой советской литературы». Приехав в Осу впервые, он сразу пожелал познакомиться с библиотекой.

Виктор Астафьев был не только писателем, но и страстным читателем. Вспоминая о военном лихолетье, он писал: «Только одно средство помогало мне в то время не отчаяться, найти в себе силы – книги. Я читал жадно и запойно. Страсть к чтению проснулась еще раньше, в детском доме. Но в годы войны книга из увлечения превратилась в лекарство, в друга, в учителя и советчика... Во времена моего детства книга была малодоступна. Порой мы недооцениваем счастье чтения, как недооценивают сытые люди обыкновенный хлеб...» Книги, утверждал Виктор Петрович, в его время имели такую же ценность, как золото и бриллиант: «Книги воровали, делали воинские набеги, чтобы их захватить... Теперь-то вы понимаете, сколь мы богаты, если каждый человек, будь то старик или мальчишка, может зайти в библиотеку и взять любую книгу». И мудро замечал: «Хочу дать вам... совет: книги приносят пользу вовсе не тем, кто заглатывает их во множестве и тут же забывает. Книги станут вашими друзьями, если их содержание повлияет на работу души и сердца. Читать надо всю жизнь. Полезно вновь и вновь обращаться к давно прочитанным произведениям...»

Конечно, В. П. Астафьева интересовало, что может предложить библиотека небольшого городка своим читателям. К величайшей гордости заведующего библиотекой В. Д. Селиванова и всех сотрудников, библиотека писателю понравилась. «Таких

и в городе не много увидишь – чисто, уютно, просторно, книги в образцовом порядке», – сказал он, ознакомившись с библиотекой.

С удовольствием пообщался Виктор Петрович и с читателями библиотеки. «Встреча... проходила в непринужденной, даже, можно сказать, в домашней обстановке. Читатели задавали самые разные вопросы, а Виктор Петрович обстоятельно отвечал на них. Простота и скромность в обращении, глубокое внимание к человеку очаровывали собравшихся. Сама встреча, веселая, светлая, словно праздник, оставила неизгладимый след. И это вполне объяснимо. Когда перед читателями предстает человек с большим писательским сердцем, прекрасный собеседник – равнодушных не бывает».

А затем состоялась встреча Виктора Петровича со студентами педучилища. «Она походила на увлекательный фильм: так заворожило, захватило внимание девушек и юношей живое общение с писателем. Еще бы, ведь такого в Осе не бывало... И естественно, читателям и поклонникам творчества Виктора Петровича Астафьева хотелось узнать из уст самого автора... почему его герои поступают так, а не иначе. Интересовали собравшихся творческие планы известного писателя, его биография, что побудило его написать отдельные повести и рассказы, реальны ли их герои, как он стал писателем. Словом, вопросов была уйма.

Подробные, обстоятельные ответы автора популярных повестей и рассказов помогли читателям глубже разобраться в содержании отдельных вещей и творчества В. П. Астафьева в целом. Он подчеркнул, что основными темами его творчества являются тема войны и мира и тема защиты природы.

С искренним интересом были выслушаны его рассказ о том, как он стал писателем, случаи из его богатой событиями жизни. Удивляла и оптимистичность Астафьева, в чьей судьбе было много тяжелых моментов, неудач. Слушатели видели перед собой веселого, остроумного, жизнерадостного человека, заражающего бодростью аудиторию.

Наконец вопросы исчерпаны. И по единодушному желанию собравшихся Виктор Петрович прочел рукопись рассказа «Конь с розовой гривой» (который через 20 лет вошел в 29-й том «Библиотеки мировой литературы для детей»). А в заключение трехчасовой встречи писатель подарил автографы почитателям его таланта, которые раскупили все произведения Астафьева, имевшиеся в книжном магазине».

В 1984 году в местной газете «Советское Прикамье» вышла статья В. Н. Русанова, педагога, краеведа, участника незабываемой встречи с писателем, «Двадцать лет спустя», в которой Владимир Николаевич сообщал, что написал Виктору Петровичу письмо. В нем он рассказал, что осинцы не забыли о пребывании писателя в Осе, поведал об изменениях, которые произошли в городе за последние два десятка лет, а также о том, что Оса готовится встретить свое 400-летие. В ответ писатель прислал бандероль с книгой «Последний поклон» (Пермь, 1968). На титульном листе значится: «Дорогим осинцам поклон и наилучшие пожелания из далекой Сибири. Здоровья! Мира! Теплого лета! В. Астафьев. Красноярск». Этот экземпляр книги передан на хранение в краеведческий музей города Осы.

В 1985 году в той же газете «Советское Прикамье» от 19 ноября вышла статья «Учитель на все времена» – сокращенная публикация выступления В. П. Астафьева на осинской земле. Это выступление и сегодня сохраняет свою актуальность.

Прошли годы, но в Осе помнят и чтят Виктора Астафьева, читают его книги, пропагандируют его творчество. С целью привлечения внимания к творчеству Виктора Астафьева в библиотеках выпускается печатная продукция. В частности, в этом году выпущен каталог книг В. П. Астафьева, имеющихся в центральной библиотеке, «Дольше помнить хорошее», буклет «Виктор Астафьев: дар любить жизнь». В МБО ЦБ разработана районная программа «Виктор Астафьев: жизнь, вместившая век» по популяризации творческого наследия писателя в библиотеках Осинского района.

Осинцы принимают активное участие в краевых мероприятиях, посвященных В. П. Астафьеву. Так, в 2003 году они были участниками Вторых Астафьевских чтений в Перми. С докладом в библиотечной секции выступила Л. Н. Болотова. 21 мая 2005 года Третьи Астафьевские чтения проходили и в Осе. От лица библиотекарей выступила бывший директор ЦБС Н. К. Треногина – участница незабываемой встречи с писателем в октябре 1964 года, отразившая это событие в своей книге «О прошлом и настоящем: Из истории культуры Осинского района» (Пермь, 2004).

У такого замечательного человека, как Виктор Петрович Астафьев, не могло не быть настоящих друзей. Один из них – музыкант Евгений Владимирович Колобов, музей которого

создан в Осинской детской школе искусств. Они познакомились в 1994-м, на вручении премии «Триумф». Храня память о Викторе Петровиче, Евгений Владимирович был на Астафьевских чтениях в Перми и в Чусовом 17–18 мая 2003 года, планировал приехать и на следующие, но 15 июня 2003 года скоропостижно скончался от сердечного приступа. «...Я к нему всегда как к Великому Старцу ехал. Такие люди, как он, и есть Родина....» – так оценивал Евгений Колобов Виктора Астафьева.

В музее Осинской школы искусств хранится книга В. П. Астафьева и Е. В. Колобова «Созвучие», посвященная памяти этих двух выдающихся русских художников. Книга передана музею издателем и журналистом Геннадием Константиновичем Сапроновым. Продолжается творческая дружба школы искусств и с московским театром Е. В. Колобова «Новая опера».

Именно Евгению Колобову пришла мысль собрать воедино все, что написано о музыке Виктором Астафьевым. «Ни один профессионал-музыкант так не писал о музыке, как Астафьев, – вспоминал Е. В. Колобов. – Однажды он сказал мне: "Женя, выше Музыки ничего нет". Как?! Казалось бы, писатель должен отстаивать свой профессиональный интерес, а он мне: "Поверь, в начале было не слово – звук. Музыку человек услышал раньше, чем научился говорить. Только переняв у природы шум ветра, плеск волны, пение птиц, шелест травы, человек и сложил из всех этих звуков слово". В Музыке для него заключалась любовь человеческая. И потому он в своей прозе – великий Музыкант. <...> Литература его – пророческая. В его книгах есть такие особые, «темные» и страшные места, но от них идет ослепительный свет... А как он пишет о природе! Божественное слово! Я и ему говорил, что он гениальный музыкант (не про жанр говорю). Прочтите в романе "Прокляты и убиты" его монолог о русском хлебном поле! Это же великая симфония в прозе...» – к такому выводу пришел Е. В. Колобов.

Осинцы не только помнят визит Виктора Петровича Астафьева в наш город, но и бережно относятся к его литературному наследию.

Список использованных публикаций

Астафьев В. П. Учитель на все времена // Советское Прикамье. 1985. 19 нояб.

Астафьев В. П., Колобов Е. В. Созвучие / Вступ. ст. В. С. Непомнящего. М.; Иркутск, 2004.

Елютина М. Памяти Виктора Петровича Астафьева // Осинское Прикамье. 2001. Дек.

Копылов Л. Писатель в гостях у читателей // Советское Прикамье. 1964. 20 окт.

Павлова Н. Астафьев – писатель народный // Осинское Прикамье. 2004. 16 дек.

Русанов В. Н. Музыка времени: К 75-летию В. П. Астафьева // Осинский ежегодник. Оса, 1999. Вып. 7.

Треногина Н. К. О прошлом и настоящем: Из истории культуры Осинского района. Пермь, 2004.

Л. В. Мишланова
краевед, журналист,
г. Пермь

ЗЕМЛЯКИ И НАСЛЕДНИКИ*

Война – страшное дело. Но не менее страшное время, а некоторые говорят, более страшное – послевоенные годы. И не только потому, что война оставляет после себя разруху, сирот и несчастных вдов, не только потому, что с фронта возвращается много калек, без рук, без ног, обожженных, изуродованных. Возвращаются люди, видевшие то и участвовавшие в том, чего видеть и в чем участвовать нормальному человеку нельзя. Убийство себе подобных, сверхнапряжение, существование в условиях, в которых нельзя жить... Все это – неестественное состояние для души и разума человека. Недаром есть выражение «обезумевшая душа». И приходили домой фронтовики, герои – с истощенной нервной системой, опустошенными и нравственно больными людьми.

От кошмарных видений войны, от воспоминаний о погибших друзьях, от злобы и агрессии, которая не сразу покидала человека, спасались по-разному. После Великой Отечественной одни с головой ушли в работу: надо было восстанавливать страну, кормить, учить детей и восстанавливаться самим. Другие, особенно калеки, забывались в вине. Пьяные слезы и пьяные драки на базарных площадях – мы, дети военных лет, все это помним.

Особый случай – человек, который родился талантливым писателем, человеком с обнаженной душой, которая все вос-

*Статья написана по материалам музея Подтёсовской средней школы им. В. П. Астафьева Енисейского района Красноярского края.

принимает чрезвычайно остро, во много крат сильнее, чем другие. Ни в обычной работе, ни в пьянке забыться и перестать страдать он не может. Такое «наказание талантом» было дано Виктору Петровичу Астафьеву. И он спасался своеобразно. Всей силой души любя природу, ненавидел тех, кто ее губит, и эту любовь и этот гнев выплескивал в сильных и жгучих образах своих произведений. Еще его спасение-истязание состояло в том, что он не мог и не позволял себе забыть ужасы войны, считая себя обязанным рассказать о ней так, чтобы не осталось равнодушных, чтобы люди, от войны далекие, и те поняли, что война – состояние абсолютно ненормальное, противоестественное, нечеловеческое.

Вернувшись после жизни в Чусовом, Перми и Вологде на родину, в Красноярский край, Виктор Петрович окунулся в родную, с детства любимую природу, в привычную среду, и они дали ему новые силы для творчества. У него появились друзья из разных слоев населения: лесники, речники, охотники, рыбаки, – которые приняли его произведения и его самого. Один из них – Василий Нестерович Сидоркин, лесовод, верный друг в путешествиях по тайге, а кроме того, общественно активный и просто хороший, светлый человек. В 1990-х годах земляки избрали его главой Енисейского района. Надо сказать, места эти чуть ли не два века были местом ссылки. И хотя проблем всякого рода здесь всегда предостаточно, Василий Нестерович, может быть не без влияния писателя Астафьева, много внимания уделял школам, библиотекам, вообще культуре. К решению одной из проблем он по дружбе подключил и Виктора Петровича.

В трехстах километрах от Красноярска, на правом берегу Енисея, есть поселок речников Подтёсово. Здесь база Енисейского пароходства с судоремонтным заводом, затоном. Здесь лицей водного транспорта и даже филиал Новосибирской академии инженеров водного транспорта. Весной и осенью этот крупный населенный пункт бывает отрезан от «большой земли» разливом Енисея или долгим ледоставом. Поселку уже давным-давно была нужна новая средняя школа, которую никак не могли достроить. И вот В. Н. Сидоркин призвал на помощь Виктора Петровича, первоначально передав ему письмо с приглашением от подтесовских школьников.

Еще раньше участники литературного кружка со своим руководителем Т. Д. Губаревой знакомились с произведениями

В. П. Астафьева и плавали в Игарку, город детства писателя. Северный порт, о котором раньше слагали песни, в эти годы умирал; заколоченные окна, пустующие дома произвели на ребят удручающее впечатление, и они хотели рассказать об этом Виктору Петровичу.

Он приехал, встретился с учителями и ребятами. Был долгий интересный разговор, который не только профессиональный оператор, но и сами школьники записали на видео. Это происходило в январе 1998 года. И тогда же Виктор Петрович обратился с ходатайством к губернатору А. И. Лебедю и в Законодательное собрание края. Средства наконец выделили, строительство возобновилось.

Подтесовцы уже тогда хотели назвать свою школу именем В. П. Астафьева. Но Виктор Петрович категорически возразил: мол, при жизни человека ставить ему памятник негоже.

Первая очередь новой школы вступила в строй в 2001-м, в год смерти В. П. Астафьева. На письмо-просьбу подтесовцев его жена Мария Семёновна ответила кратко: «С благодарностью приветствую и разрешаю». Так 10 июня 2002 года Подтёсовской средней школе было присвоено имя великого русского писателя. 1 сентября перед школой торжественно открыли памятник Виктору Петровичу, при этом присутствовали его внуки – Виктор и Полина. И примерно в то же время именем В. П. Астафьева был назван один из теплоходов Енисейского речного пароходства.

Седьмой год в Подтёсовской средней школе действует литературный музей Виктора Петровича Астафьева. Сначала это был один зал, располагавшийся в бывшем классе. Теперь, с введением в 2005 году второй очереди нового здания, музей занимает два зала. Первый – биографический; обновленная недавно экспозиция представляет разные периоды жизни Виктора Петровича: в Овсянке, Игарке, Чусовом, Перми, Вологде и Красноярске. Второй вместил лучшие работы учащихся – победителей школьных и региональных творческих конкурсов. А еще в небольшом уголке и хранилище есть материалы этнографические, отображающие жизнь земляков писателя среди суровой и прекрасной сибирской природы.

В музее Подтёсовской школы, главным хранителем которого стала заместитель директора по воспитательной работе Т. Д. Губарева, множество интересных экспонатов. Мария Семёновна передала сюда личные вещи Виктора Петровича; здесь

его книги, в том числе с дарственными надписями, и книги о нем. Встречает посетителей большой портрет Виктора Петровича.

Но об одном экспонате хочется сказать особо.

На видеокассете, присланной мне Н. П. Баженовой (она, в недавнем прошлом учительница математики, стала одним из самых преданных энтузиастов школьного музея), посетителям показывают книгу «со следами медвежьего клыка». Заинтересовавшись, я спросила в письме, что это за экспонат. И получила ответ: «Виктор Петрович подарил свою книгу "Медвежья кровь" Сидоркину В. Н. Оба заядлые охотники, рыбаки, оба любят природу... На книге автор написал: "Милый мой Вася! Возьми эту книгу с собой в лес и читай во время метели, будто и побеседуешь со мной. В. Астафьев. Сентябрь 1993 г. Сымская фактория".

Василий Нестерович действительно взял книгу с собой в тайгу и оставил в охотничьей избушке. Читал вечерами. И вот однажды, вернувшись с охоты, застал такую картину: все разбросано, раскидано, а книга валяется на полу и до половины прокушена медвежьим клыком. Сидоркин рассказал об этом Виктору Петровичу, а тот прямо-таки по-детски обиделся: "Что же это он так с моей книгой? Я ведь о таежном зверье хорошо пишу, с любовью! Наверно, косолапому название не понравилось – "Медвежья кровь"!" Эту книгу Василий Нестерович и передал в школьный музей».

С 2003-го по 2005 год в Подтёсовской школе по инициативе все того же В. Н. Сидоркина и его единомышленников проводились конференции и конкурсы «Золотая осень В. П. Астафьева». Неожиданно получила приглашение и я, видимо как участница первых «Литературных встреч в русской провинции» 1996 года. Мне очень жаль, что не смогла поехать, а то бы встретилась там с Ф. Р. Штильмарком, доктором биологических наук из Москвы, страстным поборником разумного отношения к природе, другом и союзником В. П. Астафьева. Сын писателя Р. А. Штильмарка, он и сам был чрезвычайно интересным человеком. Сейчас его посмертно издаваемые книги вдова Н. К. Носкова неизменно и даже в первую очередь посылает в музей Подтёсовской школы. Надо сказать, что Енисейский район для этой семьи – памятное место: здесь, в селе Маклаково (нынешнем Лесосибирске), отбывал ссылку отец – Роберт Александрович Штильмарк, здесь, в Сибири, он написал роман

«Наследник из Калькутты», об издании которого в свое время хлопотал В. П. Астафьев.

В 2004 году в школу приезжали участники Международной конференции «Феномен Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века», среди которых был известный критик из Москвы Л. А. Аннинский, красноярские прозаики и поэты, работники музеев, библиотек и издательств.

И осенью 2005 года Подтёсовская школа снова встречала гостей из городов и двенадцати районов Красноярского края. Число участников-конкурсантов за три года выросло до 333! Не только учащиеся 5–11-х классов, но и учителя, вдохновленные творчеством В. П. Астафьева, готовили к конкурсу свои произведения. Здесь были и живопись, и графика, и декоративно-прикладное искусство, и разные журналистские и литературные жанры, а в номинации «Виртуальное прикосновение» старшеклассники демонстрировали работы, выполненные на компьютере. Целый год, готовясь к празднику, дети писали «затеси» – о природе, о своих родных и о себе, об окружающей жизни. Причем, следуя Астафьеву, учились честности и правде. Лучшие рассказы были опубликованы в сборнике «Таким я вижу этот мир».

Победители конкурсов получали призы, их чествовали. Вот что говорил В. Н. Сидоркин, поздравляя их: «Мы признательны школьникам, студентам, учителям за то, что они увидели в творчестве Астафьева нравственные народные корни, выразили в работах красоту природы и духовность людей». Мысль писателя о возрождении России с провинции, с глубинки Василий Нестерович стремился претворить в жизнь: «Мы у себя в районе это хорошо понимаем, стараемся хранить совесть и духовность народа, беречь историю, природу. Вот и в Ярцевской школе тоже создан, как и здесь, музей Астафьева, а на реке Сым планируем организовать природный парк».

Все изменилось с приходом к власти другого главы района. В целях экономии он закрыл начатые социальные и культурные программы. И «Золотая осень Астафьева» два года не проводилась. Но слишком много людей уже успели полюбить этот праздник, ведь он вдохновлял на творчество и венчал собой целый год упорного и радостного труда. И общественность поселка, поддержанная литераторами и журналистами, не смирилась. Нешуточная борьба велась до тех пор, пока новый глава района не понял, что поселок, где нет театра и даже негде

посмотреть кино, откуда идет отток населения, не может жить без стимула к творчеству, каким стал школьный праздник.

И вот в октябре 2008 года «Золотая осень Астафьева» снова принимала гостей «со всех волостей». Снова представители двенадцати сибирских районов волновались, готовясь к конкурсам. На этот раз перед жюри, в которое входили литератор, журналист, музейные работники из Красноярска, Енисейска и Овсянки, младшие и старшие ребята – в разных группах – читали Астафьева: «Затеси», отрывки из «Последнего поклона» и других произведений. «Да как читали! – пишет Надежда Павловна Баженова. – Трудно было выбрать лучших, жюри, кажется, растерялось... Все были приятно удивлены, что так звучало слово писателя».

Вновь вошедшие в совет музея юные экскурсоводы провели первые в своей жизни экскурсии, потом были мастер-классы – и подтесовцы заняли первое место, с успехом представив тему «Один день в деревне». А еще впервые прошел конкурс «В круге чтения», на котором представители девяти семейств декламировали, инсценировали Астафьева, показывали целые программы, запечатленные на цветные слайды. «Очень интересными были выступления семей», – подтверждает Аня Энгельгардт, тоже написавшая мне о «Золотой осени» от имени совета музея.

Аня – одна из тех, чьи «затеси» опубликованы в только что изданном сборнике «Вдохновленные писателем». Летом ребята с учителями ездили по астафьевским местам – в Овсянку и на рекуМану, жили в палатках, сидели поздним вечером у костра, разговаривали, размышляли, «глядя на танец огня». Первым результатом стал вот этот сборник.

Один из авторов, Слава Марков, написал: «Говорят, в жилах человека течет река. Наверное, Виктор Петрович впитал в себя характер бурной реки Маны, на берегах которой прошло его детство. Эта речка несет свои чистые, прозрачные воды и своей энергией и красотой притягивает к себе разных людей. Так и жизнь писателя протекала бурно и энергично, резко менялась на поворотах. К нему тянулись люди, как вновь и вновь возвращаются к этой манящей реке. И до сих пор его книги помогают жить читателям, поклонникам, друзьям, подобно свежему потоку, дающему всем положительный заряд энергии».

Произведения писателя о природе, конечно, очень подходят для воспитания в детях доброты, любви к родному краю,

бережного отношения к родному слову. Но, спрашивают журналисты учителей, как вы знакомите учащихся с романами и повестями, в которых В. П. Астафьев, не жалея ни себя, ни других, обрушивает на читателя страшную правду жизни, правду войны? Как воспринимают юные души «Кражу», «Печальный детектив», «Прокляты и убиты»?

Хорошо, что в Подтёсово умные учителя. Они сами задумываются над многими вопросами. Сами ищут на них ответы. По их наблюдениям, нынешняя жизнь с обвалом информации, рекламой, с грязью и распущенностью нравов, со всем тем, что видят дети на улицах и в семьях, повлияла на восприятие ими книг Астафьева. Теперь его произведения действуют не так жгуче, не так ранят, отношение к ним более спокойное, чем раньше. Но радоваться этому или горевать – вот в чем вопрос.

Одно ясно: при работе в школе над этими книгами всегда нужен мудрый комментарий. К нему, разумеется, более подготовлены те учителя, кто глубоко и заинтересованно вместе с учащимися изучают биографию и творчество Виктора Петровича Астафьева. А для него, как мы видим, послевоенное время, с мучительными думами, с тревожной памятью о всеразрушающей трагедии 40-х годов XX века, растянулось на всю оставшуюся жизнь.

В Красноярском крае теперь много памятников в честь великого земляка. В краевом центре сооружен красивый монумент «Царь-рыба». В 2006 году по проекту московского скульптора И. Линевича-Яворского создан памятник, установленный тоже на берегу Енисея – на площади Мира перед Красноярским музейным центром: Виктор Петрович изображен во весь рост стоящим на постаменте. Принимает экскурсантов музейный комплекс в селе Овсянка, куда входят библиотека (я бы назвала ее Дворцом книги, настолько красивое здание было построено по замыслу еще самого писателя) и сельский дом, где написаны последние произведения Астафьева. Во дворе дома – бронзовая скульптура: на скамейке Виктор Петрович и Мария Семёновна. Создается при деятельном участии Марии Семёновны еще один музей, в Академгородке, – мемориальный кабинет писателя, для которого она подготовила, в частности, 72(!) альбома с фотографиями.

И в Литературном музее Красноярска В. П. Астафьеву посвящен отдельный зал. В «Последнем поклоне» он писал, что хотел бы в этой книге, как в хорошей деревенской избе, собрать

всех родных, односельчан, всех близких ему людей. Вот музейные работники и стилизовали зал под деревенскую избу и наполнили его рукописями и книгами, фотографиями и документами, портретами и иллюстрациями – всем тем, что рассказывает о жизни и творчестве писателя.

Нет в живых Виктора Петровича, человека, которого знали жители Чусового, Перми, Вологды и Красноярского края. Но живет среди нас писатель Астафьев, помогает своими произведениями воспитывать внуков и правнуков, то есть, как и при жизни, продолжает работать.

Очень хотелось бы знать: есть ли в Пермском крае школы, которые, подобно Подтёсовской, взяли себе в союзники творческое наследие великих земляков?

А. С. Нуриахметова
главный библиотекарь Централизованной
библиотечной системы г. Березники

ТЕРРИТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕНИЯ (Из опыта работы литературно-творческих объединений муниципального учреждения «Централизованная библиотечная система г. Березники»)

Организация досуга жителей давно стала неотъемлемой частью работы муниципальных библиотек города Березники, которые сегодня призваны быть культурными центрами. Особенно эффективна деятельность клубов, где среди приоритетных задач – популяризация книги. Работа каждого клуба любопытна и уникальна по-своему. Это определяется возможностями учреждений, уровнем профессионализма библиотекаря – ведущего клуба, а также социальной средой.

К примеру, в нашей системе, в библиотеке № 2, десять лет успешно работает социально-возрастной клуб «Светелочка» – своеобразный центр объединения людей по интересам и увлечениям. В «Светелочке» существует программа работы с пожилыми людьми – ветеранами, пенсионерами, людьми с ограниченными возможностями жизнедеятельности, женщинами

и детьми микрорайона и города в целом. Цель работы клуба – помощь лицам пожилого возраста в социальной адаптации, вовлечение их в культурную жизнь города. Клуб координирует свою работу с общественными организациями, молодежными (ДИМСИ) и детскими клубами («Гном», «Олимп»). Члены «Светелочки» – активные участники не только заседаний клуба, но и городских мероприятий, праздников и торжеств. Сюда приходят все желающие на рождественские посиделки, новогодние путешествия, вечера встреч с интересными людьми, на читательские конференции, обсуждения новых книг и злободневных проблем. Успехом у населения пользуются литературные и тематические вечера поэзии. Каждый раз всех объединяет интересная книга. Примечательно, что многие члены клуба «Светелочка» могут позволить себе и более дорогой отдых, но они продолжают с удовольствием собираться в любимой библиотеке.

Успешно работают также семейный клуб и «Абрамовские посиделки» в библиотеке семейного чтения № 3. Здесь оказывают помощь семье в духовно-личностном развитии ребенка, при этом используются самые разные формы библиотечной и клубной работы. Например, проводятся семейные праздники «Честная Масленица», «Мир вокруг нас», «Мы улыбкой маминой согреты», «Папин день», «Праздник русского чая», встречи с интересными людьми (совместно с редакцией газеты «Неделя садовода», где публикуются статьи организатора клуба А. Есиной). Для детей и родителей готовятся театрализованные праздники «Здравствуй, школа!», «Новогодний хоровод», «Осенины». С родителями проводится работа в рамках программ поддержки чтения.

Сегодня каждая библиотека – это центр запечатленной информации, создатель своеобразной энциклопедии города, края. Основная задача библиотеки № 6 – продвижение краеведческих знаний. Работа ведется при помощи активистов клуба «Краевед», литературной студии «Вега», творческой интеллигенции и при содействии городского историко-краеведческого музея, юных краеведов-любителей. В библиотеке организуются книжно-иллюстративные выставки, диалоги у картин и экспозиций художников, игры-путешествия и видеоуроки о родном городе, о знаменитых земляках, музыкальные викторины, встречи с поэтами.

Для жителей микрорайона № 22 в клубе «Краевед» прошли:

– встреча с поэтом Ю. Марковым;

– программа с участием березниковского журналиста В. Крепышева «Березники и космос» (совместно с Лигой защиты культуры Н. К. Рериха);

– встреча с краеведом З. Устюговой «Березники в моей судьбе» в рамках Дня пожилого человека;

– вечер памяти поэтессы Л. Ивановой (совместно с городским клубом «Добрые встречи»);

– литературные вечера и презентации новых книг березниковских авторов;

– программа «Этот чудный мир – Березники» для детей и юношества.

Работники библиотек и члены клубов живут насыщенной, содержательной жизнью, активно участвуют в общегородских праздниках и фестивалях, например в межнациональном фестивале исторических городов и районов Прикамья, приуроченном к 400-летию Усолья в 2006 году, а также в научных конференциях (Коноваловские чтения, Международная конференция «Любовь пространства», посвященная поэтике места в художественной литературе и судьбе Б. Л. Пастернака). Сотрудничество учреждений культуры, искусства и образования способствует созданию новых, динамичных и содержательных, форм работы с молодежью.

Одним из приоритетных направлений деятельности ЦГБ является сохранение памяти об известных жителях нашего города, чьи жизнь и творчество рассматриваются во всероссийском масштабе.

В результате реализации проекта «Родник памяти» (2004), посвященного личности и творчеству поэта Алексея Леонидовича Решетова, была создана постоянно действующая «Литературная гостиная А. Л. Решетова», чья просветительская деятельность продолжается и сегодня. Интерес к творчеству поэта проявляют не только дети и подростки, но и взрослые, не только жители города Березники, но и любители поэзии во всей России.

Центральная городская библиотека имени Н. А. Островского МУ «Центральная библиотечная система г. Березники», городское литературно-творческое объединение «Элита» являются непременными участниками всех городских мероприятий, связанных с именем Алексея Решетова: региональных литературных фестивалей «Решетовские чтения» и «Решетовские литературные мастерские» (с 2008 года), вечеров, посвященных памяти поэта.

Вниманию городских площадок, детских образовательных центров, подростковых клубов предлагается перечень тематических программ по творчеству поэта. Эти программы постоянно совершенствуются, дополняются. Мероприятия ориентированы на все группы населения. Видеоэкскурсии, тематические и литературно-музыкальные программы, а также мероприятия с использованием технических возможностей библиотеки, современных мультимедийных комплексов весьма популярны и пользуются большим спросом любой аудитории («Рябиновый сад», «Я и в небе есть», «Возьми немного света моего», «Открытые книги», «Линия жизни»).

Любителей поэзии всех возрастов, людей, пишущих стихи, известных жителей города «Литературная гостиная А. Л. Решетова» ждет всегда. Здесь часто организуются презентации, встречи с поэтами и прозаиками в рамках цикла «Березники в лицах и биографиях».

Центром объединения творческой интеллигенции города является библиотека № 10 (клуб «Прометей»), где проходят ежемесячные заседания литературно-творческого объединения «Элита» с участием молодых березниковских авторов.

Наши библиотечные объединения действительно интересны горожанам, о чем свидетельствует их завидное долголетие, популярность, хорошая посещаемость.

А. П. Флюстова
директор Сретенской поселенческой библиотеки,
пос. Ильинский Пермского края

АСТАФЬЕВ И ИЛЬИНЦЫ

Просматривая подшивки районной газеты «Знамя», в номере за 1 апреля 1998 года я увидела заметку «Овсянка – Ильинский». Изумилась! Оказывается, готовя к печати собрание сочинений, Виктор Петрович Астафьев не утратил связи со своими читателями из Пермского края, вот и наш районный центр попал в поле его зрения. В Ильинский пришла весть из Красноярска. Виктор Петрович откликнулся на письмо сотрудников нашего краеведческого музея, переславших писателю фотографию, где он снят вместе с поэтом Алексеем Михайловичем Домниным и прозаиком Андреем Павловичем Ромашовым. Он сообщил, что этот снимок напомнил ему годы, когда он жил на

Урале, передал привет ильинцам. Прислал он также цветной проспект со своей фотографией и надписью: «Поклон вам из сибирской тайги». Неимоверно жаль, но проспект этот в музее не сохранился.

Писатель Андрей Ромашов – наш земляк. Родился он 20 августа 1926 года в деревне Шляпино Ильинского района. В статье «Андрей Ромашов. Повесть "Диофантовы уравнения"» В. П. Астафьев писал: «С Андреем Ромашовым мы вместе начинали, пышно говоря, наш литературный путь. На одном из первых общеуральских семинаров молодых писателей, организованных стараниями и заботами тогдашнего секретаря Пермской писательской организации Клавдии Васильевны Рождественской, повесть Ромашова "Старая пашня" была принята единодушно как самое талантливое и обнадеживающее произведение. Его исторические повести "Одолень-трава" и "Первый снег" – произведения не только точные в смысле изображения времени... но и предельно достоверные в изображении событий, характеров и быта людей... И вот еще одна повесть... "Диофантовы уравнения" – повесть умная, нужная... Мне очень хочется, чтобы больший круг людей прочел повесть Андрея Ромашова, печальную и поэтическую по звучанию, очень емкую по содержанию и, как всегда у Ромашова, точную по языку, языку неброскому, но образному, современнику доступному... Андрей пишет редко и малыми формами. Но всегда попадает в десятку»[1]. Вот так Виктор Петрович оценил творчество Андрея Ромашова. На обороте титульного листа сборника А. П. Ромашова «Повести», выпущенного Средне-Уральским книжным издательством в 1983 году, напечатано: «Рецензент В. П. Астафьев».

Вдова А. П. Ромашова, Любовь Израилевна Басина, писала: «"Андрей совсем другой человек на природе, какой-то светлый, открытый людям", – говаривал Астафьев. В те, шестидесятые годы они были большими друзьями – Андрей Павлович, Астафьев и Алексей Домнин». Об этом говорит и та самая фотография из Ильинского музея. Екатеринбургский писатель Андрей Комлев рассказывал: «По поводу литературных высот, обретенных далее Астафьевым, Ромашов говорил: "Кто сколько наработал, столько и получил". Вспоминал, как они с Алек-

---

[1] *Астафьев В. П.* Андрей Ромашов. Повесть «Диофантовы уравнения» // Урал. 2004. № 5.

сеем Доминым, нагулявшись за день по округе и выпив с устатку, балагурили вечерами-ночами на печи астафьевского загородного домика, а сам-то хозяин все это время, обвязавшись одеялом из-за сильных болей пониже поясницы, стоя за столом, писал и перечеркивал свои сочинения...»

С годами пути друзей разошлись. Они жили в разных городах, не встречались, но дружбу эту помнили всегда.

В середине августа 1996 года в Красноярске, Дивногорске и селе Овсянка проходили первые «Литературные встречи в русской провинции». На эти встречи ездила журналист, краевед из Перми Лидия Витальевна Мишланова. И вот в ее книге «Самостоянье», вышедшей в Перми в 2006 году, в разделе «Чтоб нам не знать иного ига, чем мудрая родная книга», в очерке о В. П. Астафьеве «Во дни тягостных раздумий», читаю: «С благодарности библиотекарям начал свое выступление на конференции В. П. Астафьев. Образно, сочно рассказывал он об их самоотверженности и преданности делу... Вспомнил об артиллерийском капитане в отставке Ф. Ф. Павленкове, на средства которого в российской провинции было построено много библиотек. Добрым словом помянул Виктор Петрович и нашего земляка, кузнеца из села Ильинского, который всю жизнь собирал книги, и были у него такие редкие, что даже из Ленинской библиотеки запрашивали...»[2]

Я сразу же поняла, что Виктор Петрович говорил об известном ильинском краеведе и коллекционере Вадиме Афанасьевиче Бересневе, чье имя включено в одно из изданий энциклопедического справочника «Пермская губерния от "А" до "Я"»[3], а также в биобиблиографический справочник «Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края»[4]. Я узнала, что В. А. Береснев родом из города Чусового, и у меня появилась цель встретиться с краеведом и узнать что-то новое о Викторе Петровиче. Встреча произошла нынешней весной. Вадим Афанасьевич рассказал, что до 18 лет жил в Чусовом. В 1951 году получил специальность кузнеца, в 1954-м он при-

---

[2] *Мишланова Л. В.* Самостоянье: Очерки о людях науки и культуры Пермского края. Пермь: Пушка, 2006.

[3] Пермская губерния от «А» до «Я»: Энцикл. справ. / Под ред. О. Андрияшкина. Пермь: Стиль-МГ, 2001.

[4] Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края: Биобиблиогр. справ. / Сост. Т. И. Быстрых, А. В. Шилов. Пермь: Пушка, 2006. Т. 2.

ехал в Ильинский район. Потом они с женой какое-то время жили в Коми-Пермяцком округе. И вот однажды на юбилей округа приехали пермские писатели: Александр Николаевич Спешилов, Виктор Петрович Астафьев и другие. На этом-то юбилее Виктор Петрович и подписал Вадиму Афанасьевичу на память свою книгу «Помню тебя, любовь», изданную в Перми в 1963 году. Вадим Афанасьевич подарил эту книгу мне. Я безмерно рада этой реликвии.

Вадим Афанасьевич не был лично знаком с В. П. Астафьевыми, а его тетя, Павла Фёдоровна Субботина, по его воспоминаниям, была крестной детям Астафьевых. Когда те уехали из Чусового, Мария Семёновна и Павла Фёдоровна переписывались.

Многие наши читатели и просто знакомые люди дарят нам в библиотеку книги В. П. Астафьева и статьи из газет о нем. В числе бескорыстных дарителей – Т. Г. Лобанова, учитель немецкого языка, В. Н. Суханова, зубной врач, В. П. Жданова, работник районного архива. Делятся с нами своими знаниями о жизни и творчестве Астафьевых журналистка газеты «Звезда» Татьяна Михайловна Слотина и автор книги «Пермские жены» и «Самостоянье» Лидия Витальевна Мишланова. С ними я поддерживаю переписку.

Экс-глава Ильинского района Леонид Киприянович Гуляев в своей книге «Записки чиновника районного масштаба»[5] пишет: «В свободное время читаю Виктора Астафьева. В одной из своих статей "Да пребудет вечно" он, как бы анализируя время, пишет: "...сколь вреда принесла нашему обществу полуправда, как исказила она наше общество, сбила его с ноги, сколько породила ворья, шкурников, карьеристов, демагогов, которых хлебом не корми, дай спрятаться за ширму краснобайства, привычного пустословия". Да, есть над чем подумать человеку, неравнодушному к делам в своем отечестве, в данном случае в районе или селе».

В 2007 году ученица Ильинской школы Наталья Упорова, готовя реферат по творчеству В. П. Астафьева, приехала с мамой к нам в библиотеку и взяла у нас весь материал, какой ей требовался. Девочка написала прекрасный реферат и была освобождена от экзамена по литературе. В апреле того же года я повезла 11 старшеклассников на Астафьевские (малые) чте-

---

[5] *Гуляев Л. К.* Записки чиновника районного масштаба. Пермь, 2008.

ния в Чусовой, в Центральную библиотеку им. А. С. Пушкина, где мы слушали выступления на литературной секции «Чтобы душа отозвалась...». Взяли мы с собой и Наташу Упорову. Все дети получили сертификаты участников и подарки.

На пороге районного краеведческого музея судьба свела меня с миловидной молодой женщиной, учительницей русского языка и литературы из дальнего от нас села Филатово Екатериной Вавиловной Катаевой. Она, готовя с ученицей реферат по литературному краеведению, искала встречи со мной. После знакомства она на личной машине за 40 километров дважды приезжала к нам в библиотеку, чтобы познакомиться со всеми материалами о творчестве В. П. Астафьева, который был нами собран, и сделать ксерокопии. Я подарила ей книгу с материалами Вторых Астафьевских (малых) чтений.

По решению Архиерейского юбилейного собора в Москве 13–16 августа 2000 года канонизированы в святые новомученики и исповедники, пострадавшие за веру Христову в годы гонений на церковь при советской власти. Среди них Николай Михайлович Гашев, священник Ильинской церкви. Родился он в 1869 году в деревне Успенке ныне Чусовского района. Получив сан священнослужителя, он со всей своей большой семьей до 1928 года жил в Ильинском. Зимой 1928-го отца Николая арестовали, якобы за антисоветскую пропаганду. Он и умер на этапе. И только в конце века его реабилитировали. Внук Николая Михайловича, известный пермский журналист Николай Владимирович Гашев, рассказал нам о судьбе своего деда. Готовя материал к публикации, я нашла в музее рассказ Н. В. Гашева «Тарелка супа для бомжей». Рассказ предваряют слова из предсмертной записи В. П. Астафьева: «Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощание». В статье «Преданный вам – Виктор Астафьев»[6], напечатанной в литературно-художественном альманахе «Кама», Н. В. Гашев поделился воспоминаниями о своей дружбе с великим писателем, о сотрудничестве его с газетой «Звезда», о переписке с ним. Напечатал несколько писем Виктора Петровича к нему. Вот так, имея корни в Чусовском районе и более глубокие – в селе Ильинском, Николай Владимирович Гашев открыл нам еще одну

---

[6] *Гашев Н. В.* Преданный вам – Виктор Астафьев // Кама: Лит.-худож. альманах. 2002. Вып. 2.

страничку из огромной книги памяти о гениальном русском писателе XX века Викторе Петровиче Астафьеве.

История нашего районного центра – поселка Ильинского очень богата и интересна. На одной из старых фотографий запечатлены три девушки, связанные, как предполагается, родством с семьей известных ильинских ученых-лесоводов Теплоуховых. В центре фотографии – Амалия Иосифовна Корьюс. У Виктора Петровича есть затесь «Счастье» о певице с мировым именем Милице Корьюс. Есть ли связь между Амалией Корьюс с ильинской фотографии и Милицей Корьюс? Поиск продолжается.

Н. В. Шихвинцева
заведующий научной библиотекой
Кунгурского историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника

В ПОСЛЕВОЕННОМ КУНГУРЕ (Учреждения культуры в 1945–1955 гг.)

Кунгур послевоенный был городом с малоэтажной застройкой, с населением в 60 тыс. жителей. Наиболее крупные предприятия – машиностроительный завод, кожевенно-обувной комбинат, лесопильный завод имени С. Халтурина. Работали многочисленные промартели: портных, «Труженик», «Передовик», инвалидная артель им. XVIII партконференции... Лишь в 1948 году появился в городе пассажирский транспорт, только в 1954-м – автобусное сообщение по маршруту Кунгур – Молотов. В городе было 37 школ, училища и техникумы, к 1952 году был завершен переход ко всеобщему семилетнему обучению (десятилеток тогда было лишь две).

Общественно-политическая жизнь строго регламентировалась партийными органами. Это отражалось и на работе учреждений культуры. В Кунгуре было два кинотеатра. Один из них, «Пролетарий», располагался в красивом деревянном здании на берегу Сылвы. Построено оно было еще в 1913 году, и тогда кинотеатр назывался «Олимп». Здесь демонстрировались фильмы «Вратарь», «В 6 часов вечера после войны», трофейный «Девушка моей мечты» и другие. Кинофильмы показывали и в саду кинотеатра. В 1952 году, после капитального ремонта,

кинотеатр получил статус детского и стал называться «Звездочка». Фойе было расписано: художники работали по мотивам сказов Павла Бажова. Первыми в детском кинотеатре прошли фильмы «Ревизор» и «Аленький цветочек». Перед киносеансами проводились различные мероприятия, игры.

В 1951 году в пустующем здании Тихвинской церкви открыли кинотеатр «Октябрь». Там шли фильмы «Золушка», «Черевички», «На всякого мудреца довольно простоты», активно рекламировался фильм «Незабываемый 1919 год». Ему была посвящена отдельная полоса в городской газете «Искра» с отзывами зрителей и информацией о том, что только в первый день фильм посмотрели 2 тыс. человек. А все потому, что одним из героев фильма был И. В. Сталин – «руководитель обороны Петрограда». Перед фильмами демонстрировался киножурнал «Сталинский Урал» (позже он стал называться «Советский Урал»). И в некоторых выпусках были сюжеты о кунгурских танцорах, участниках художественной самодеятельности, о мастерах-камнерезах.

После войны кунгуряки очень хотели иметь свой театр. И даже в анонсах фильмов в газете встречалась такая формулировка: «Так как у нас нет своего театра...» В 1947 году в Кунгуре планировали построить и открыть драматический театр, были выделены средства, но театр так и не построили.

В городском саду, в летнем театре, устраивали вечера-концерты, в программе которых были скетчи, художественное слово, жанровые песенки, дуэты из оперетт, русские танцы. В помещении летнего театра в 1947 году прошли гастроли Чусовского драматического театра. Позже с гастролями приезжали театральные коллективы из Березников и Кудымкара. Они ставили классику и пьесы современных авторов. Побывал здесь и Молотовский кукольный театр. Молотовский театр оперы и балета привез в Кунгур оперы «Чио-Чио-сан» Дж. Пуччини и «Травиата» Дж. Верди. Артисты этого театра приезжали с большими концертами. В 1953 году в городе гастролировал китайский цирк. Кунгуряки имели возможность побывать на концертах артистов эстрады из Кирова, Свердловска.

В 1947 году в Кунгуре велись съемки фильма «Москва – Тихий океан», а в 1955-м снимался художественный фильм «Чужая родня». Нонна Викторовна Мордюкова, исполнительница главной роли, другие актеры и члены съемочной группы встречались со зрителями, рассказали о своих прежних ролях, о работе над новым фильмом.

В послевоенные годы широкое развитие получила художественная самодеятельность. Самодеятельные коллективы организовались на всех предприятиях, в артелях, учебных заведениях. Там, где не было своего клуба, создавались красные уголки с небольшой библиотекой, музыкальными инструментами, радиоприемником, настольными играми. В красных уголках проводились собрания, читались лекции, там же репетировали коллективы художественной самодеятельности.

Ежегодно в Кунгуре проходили городские смотры художественной самодеятельности. Каждый коллектив готовил концертную программу: хоровое и сольное исполнение, художественное чтение, конферанс. В 1955 году хор сельскохозяйственного техникума исполнял песни «По зову партии» кунгурского композитора Кулижникова, «современную народную» «Родина», украинскую «Сусидка», танцоры показали татарский народный танец «На гулянье». Участники художественной самодеятельности швейной фабрики выступили с грузинской народной песней и «Лунной серенадой» из фильма «Вернись в Сорренто». Популярны были произведения советского композитора Вано Мурадели «Марш советских патриотов», «Гимн Москве». Кстати, в том же 1955 году в гостях у кунгурских железнодорожников побывал коллектив художественной самодеятельности станции Шаля. Был дан большой концерт в железнодорожном клубе. Кунгуряки к ответной поездке подготовили выступления хора, певцов-солистов, чтецов и музыкантов. В 1953 году как новшество было отмечено появление в репертуаре самодеятельных коллективов арий из русских опер. Жюри выбирало лучшие номера и лучших исполнителей, которые получали право выступить в большом концерте в Перми.

«В нашем городе нет театра. Поэтому большую роль призваны сыграть самодеятельные коллективы», – писала газета «Искра». В школьных клубах ставили небольшие пьесы. В клубе обувщиков, например, поставили комедию А. Н. Островского «На бойком месте».

Во время предвыборных кампаний во всех школах открывались избирательные участки. И каждая встреча с избирателями непременно сопровождалась концертом художественной самодеятельности, подготовленным учащимися. На других агитпунктах концерты готовили коллективы художественной самодеятельности кунгурских предприятий и артелей. 9 февраля 1947 года состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР,

и в кинотеатре «Пролетарий» был устроен «ночной бал-концерт джаз-оркестра по новой программе с участием солистов».

В клубах проводились молодежные вечера – танцы под баян или под радиолу. Обычно танцы начинались после окончания последнего киносеанса в 12 часов. Танцевали фокстрот, танго. Редко вальс, да и то «кто как умеет» – не было кружков бальных танцев, не было и человека, который мог бы им научить.

Одной из форм клубной работы были кинолектории. В клубе обувщиков в 1953 году был организован показ кинофильмов, объединенных темой «Мораль коммунистическая и мораль буржуазная». Демонстрировались фильмы «Анна на шее», «Живой труп», «Кавалер Золотой Звезды» и другие. Перед показом обязательно читался доклад, раскрывающий идейное содержание картины.

Проходили вечера молодой интеллигенции города «Наша цель – коммунизм», вечера художественного чтения. В 1952 году городская газета «Искра» рассказала о праздниках песни, которые прошли в разных городах страны, и в 1953-м такой праздник состоялся в Кунгуре.

Проводились в Кунгуре литературные вечера, посвященные юбилеям русских и советских писателей. Например, в рамках Некрасовских дней, посвященных 75-летию со дня смерти поэта, в педагогическом училище прошла лекция о жизни и творчестве Н. А. Некрасова, были организованы выставка произведений и стенд с фотоматериалами, а в школе № 16 выступили с докладом о жизни и творчестве, подготовили выставку и читали стихи. В клубе обувщиков прошел вечер для молодых рабочих кожевенно-обувного комбината с докладом и концертом художественной самодеятельности по мотивам поэзии Н. А. Некрасова.

В 1944 году в Кунгуре была открыта музыкальная школа. Концерты учеников и преподавателей пользовались большой популярностью у кунгуряков. В 1955 году с концертами выступили первые выпускники музыкальной школы Э. Розен, Г. Козлова, Л. Шляпникова. Эрих Розен исполнил пьесу собственного сочинения «Рассвет на реке Сылве».

К началу 1950-х годов в городе было около 50 библиотек разных ведомств с книжным фондом 200 тыс. экземпляров. Основными формами работы были читательские конференции, лекции, громкие читки художественных произведений. Прямо в рабочих цехах читали книги В. Ф. Пановой «Времена

года», В. К. Кетлинской «Мужество», а в городской библиотеке проходили читательские конференции по этим произведениям.

Городская библиотека, до революции 1917 года называвшаяся Хлебниковской, в 1952 году получила имя уральского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. Библиотекари организовывали воскресные вечера, во время которых проходили встречи «со знатными людьми», читались доклады, были популярны вечера вопросов и ответов, драматические постановки (приглашали коллективы художественной самодеятельности). В год проводилось до 200 массовых мероприятий.

Городская библиотека шефствовала над сельской библиотекой Снегиревского сельсовета. Библиотекари помогали организовать работу с читателями, показывали, как проводить беседы, обзоры книг.

Многое делалось библиотекарями в целях пропаганды решений Коммунистической партии Советского Союза и советского правительства. В первую очередь речь шла о решениях по восстановлению разрушенного во время войны народного хозяйства и необходимости государственных займов, а также об освоении целинных земель. Библиотека кожевенно-обувного комбината в 1954 году выделила из своего фонда 1 тыс. экземпляров книг в районы освоения целинных и залежных земель. Ранее, в 1952 году, профсоюзная библиотека обувщиков была признана лучшей среди библиотек предприятий кожевенно-обувной промышленности и награждена Почетной грамотой ЦК профсоюза и денежной премией в 3 тыс. рублей.

Центром культурной жизни Кунгура был краеведческий музей, который возглавлял директор А. К. Воронихин. Музей располагался тогда в Доме туристов возле Ледяной пещеры и занимал восемь комнат на втором этаже. В 1948 году в музее была открыта постоянная экспозиция, в пяти комнатах располагался отдел природы. В 1952 году появилась новая экспозиция отдела истории. Из всех уголков страны приезжали в Кунгур посетить Ледяную пещеру и краеведческий музей.

В начале 1950-х в Кунгуре появляются первые коллективные сады, позже получившие название «мичуринские». И уже в 1952 году краеведческий музей организовал «Мичуринскую выставку» в фойе кинотеатра «Пролетарий».

Устраивались художественные выставки. В 1955 году в помещении Дома культуры работала выставка картин из коллекции Молотовской (с 1957 года – Пермской) художественной галереи. Здесь были представлены работы русских и советских художников. На выставках народного художественного творчества можно было увидеть вышивку, изделия из камня и дерева, живописные и графические работы кунгурских художников М. Т. Шумилова, С. В. Шалевича.

В 1953 году при редакции газеты «Искра» возник литературный кружок, позже в газете начала выходить «Литературная страница». Там печатались местные авторы А. Пономарёв, Н. Хаунен, Н. Софеев.

Послевоенный Кунгур жил как и вся страна. Культурная жизнь контролировалась властными структурами, была выдержана в духе идей Коммунистической партии. Эти идеи пронизывали все сферы жизни, в том числе литературу, искусство.

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

А. Г. Байбородин

О памятнике русской литературе 5

Слово о русском слове 6

Ю. Г. Бобкова

Время и времена в «Затесях» В. П. Астафьева 14

А. А. Бобров

Русская правдивая душа 25

А. Ю. Большакова

Архетип и символ в прозе В. Астафьева 35

О. И. Блинова

Виктор Астафьев о слове и словарях 47

Л. П. Быков

Виктор Астафьев и журнал «Урал» 56

П. А. Гончаров, П. П. Гончаров

Уральские реалии в прозе В. П. Астафьева 1970-х – начала 1990-х 61

В. В. Дегтярёва

Мифологема рыбы/кита в творчестве Г. Мелвилла – Э. Хемингуэя – В. П. Астафьева 70

О. Ю. Золотухина

Особенности религиозного поиска В. П. Астафьева в художественных и публицистических произведениях последнего десятилетия XX века 81

В. А. Зубков

«Ешь и живи» (Ситуация трапезы в военной прозе Виктора Астафьева) 101

Т. Г. Зыкова

Военная тема в «Затесях» В. П. Астафьева 108

А. М. Ковалёва

Сибирский характер в повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» 114

К. А. Кокшенева

О сущности социального нигилизма в «Печальном детективе» В. П. Астафьева 118

Г. В. Куличкина

Пермская родня «Веселого солдата» (По материалам пермской прессы 2008 года) 123

С. Г. Липнягова

Портрет Солдата: Анкудин Анкудинов (В. П. Астафьев «Веселый солдат») 132

А. А. Осипова

Концепт «Смерть» как элемент индивидуально-авторской картины мира В. П. Астафьева (На материале произведений 1980–90-х годов) 135

И. А. Подюков

«Пир после победы». Война и мир В. Астафьева 152

И. В. Ревенко

Паремии в повести В. П. Астафьева «Веселый солдат» (Типологический аспект) 158

Н. А. Сысоева

Концепт «Вера» в творчестве В. П. Астафьева (На материале романа «Прокляты и убиты», повести «Стародуб») 162

О. В. Фельде

Концепт «Жизнь» в позднем творчестве В. П. Астафьева 168

Г. В. Чудинова

Православная составляющая как антитеза тоталитаризму и войне в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» 177

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Т. В. Безденежных

Портрет неизвестного вождя 185

А. В. Бушмаков

Молотовский университет шестьдесят лет назад 196

Juliette Denis

La Commission républicaine extraordinaire en Lettonie (1944–1945): support de la refondation du régime soviétique 210

Джульетт Дени

Чрезвычайная республиканская комиссия в Латвии (1944–1945): поддержка в восстановлении советского режима 220

А. И. Казанков

Прерванный полет (Картина из номенклатурной жизни позднесталинской эпохи) 230

А. С. Кимерлинг

Имя врага называл сам Сталин (Политические кампании поздней сталинской эпохи) 241

О. Л. Лейбович

Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи 250

Л. А. Обухов, Ю. М. Солдатенко

Инакомыслие в молодежной среде в послевоенный период 1945–1953 гг. (По материалам Прикамья) 265

М. В. Ромашова
Исключение из правил: советские детские дома в послевоенное десятилетие 275

Н. В. Суржикова
Тема войны и мира в советской прессе 1946 года 287

В. С. Тольц
Иностранное радиовещание на Советский Союз. Взгляд из Кремля (1945–1960) 305

А. В. Чащухин
«Преступники раздели, разули его и вытащили чекистское удостоверение»: юношеская преступность в первой половине 1950-х годов 337

О. В. Эдельман
Архаичные мифы в советском сознании: мимолетные и вечные темы 352

Marc Eli
Deportation Criméens et Caucasiens en déportation: les méandres de la survie (1944–1953) 361

Марк Эли
Спецпереселенцы из Северного Кавказа и Крыма: несколько общих наблюдений 383

Г. А. Янковская
Историографические образы позднего сталинизма 393

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Д. М. Барсукова
Память о Великой Отечественной войне в системе ценностей современного российского общества 403

Н. М. Беляева
Тематика войны в молодежном сегменте интернет-пространства 407

Н. В. Борисова
Поколенческий разрыв в современной России? (Частное мнение несоциолога) 421

Г. Г. Водолазов
По камертону Виктора Астафьева (Три комментария к «Веселому солдату») 424

А. С. Горшков
Репрезентация образа «Великой войны» в постсоветской России 445

Ю. А. Красин
Смена поколений и духовно-нравственные ценности 449

Д. С. Плотников
Презентация ценностей национализма и его политическая манифестация в современной России 460

Л. А. Фадеева
Память, война, патриотизм: современные размышления сквозь призму «Веселого солдата» 494

Е. В. Шестакова
Поиск новых механизмов политической социализации: молодежный парламентаризм (пермский вариант) 503

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Л. Н. Бажина
Послевоенное развитие библиотек в шахтерском Кизеле 513

Т. А. Буякова
Развитие библиотечного дела в городе Соликамске в послевоенное десятилетие (1945–1955) 519

О. П. Ермакова
Социокультурный аспект в деятельности Литературного музея им. В. П. Астафьева 524

Т. А. Иванова
«Будем трудиться в меру своих сил!» (Переписка В. П. Астафьева и В. В. Молодцова) 527

А. М. Кардапольцева
«Встретимся и никогда уж не простимся...» (Из опыта работы Чусовской районной центральной библиотеки им. А. С. Пушкина) 531

Г. И. Клыкова
«Веселый солдат» и культура послевоенной Осы (1945–1955) 537

В. С. Колбас
Виктор Астафьев и Пермское книжное издательство 542

Н. И. Копылова
Виктор Астафьев и Осинский край 553

Л. В. Мишланова
Земляки и наследники 557

А. С. Нуриахметова
Территория культуры и общения (Из опыта работы литературно-творческих объединений муниципального учреждения «Централизованная библиотечная система г. Березники») 564

А. П. Флюстова
Астафьев и ильинцы 567

Н. В. Шихвинцева
В послевоенном Кунгуре (Учреждения культуры в 1945–1955 гг.) 572

Научно-популярное издание

Астафьевские чтения

(ноябрь 2008)

ВРЕМЯ «ВЕСЕЛОГО СОЛДАТА»: ЦЕННОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО ОБЩЕСТВА И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Фото на обложке *Л. Холмогоров*

Куратор проекта *В. Шмыров*
Редактор *Н. Гашева*
Корректор *Т. Ускова*
Компьютерная верстка *Л. Пенягина*

Подписано в печать 14.08.09. Формат 84x108$^{1}/_{32}$.
Тираж 300 экз. Заказ № 14058.

Отпечатано с готовых файлов
в типографии «Астер»
614041, г. Пермь, ул. Усольская, 15.
Тел./факс: (342) 249-54-01 (многоканальный).